This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

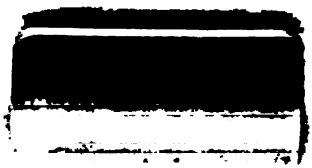
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



МАРКИЗЪ ДЕ-ЛА-ШЕТАРДИ

ВЪ РОССІИ

1740 — 1742 ГОДОВЪ.

Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства

въ Петербургѣ

изданъ

съ примѣчаніями и дополненіями

П. ПЕКАРСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1862.

БИБЛИОТЕКА
№ 1040/
Е. МАКСИМ

40/IX
Е. 111

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛА-ШЕТАРДИ

ВЪ РОССІИ

1740—1742 годовъ.

Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства

въ Петербургѣ

издалъ

съ примѣчаніями и дополненіями

П. ПЕКАРСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1862.

LOAN STACK

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 22 августа 1862 года.

DK161
T7

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Маркизъ де-ла-Шетарди, какъ дипломатъ. Способности и характеръ его. Отзывы о немъ знакомыхъ. Газетные толки о поѣздкѣ и пребываніи его въ Россіи, стр. I—XXII.

1737—1739 годы.

Петербургскій дворъ въ 1737 году. Тогдашнее состояніе Россіи. Издержки на жизнь въ Петербургѣ. Наставленіе французскаго правительства маркизу де-ла-Шетарди въ 1739 году. Вражда русскихъ къ нѣмцамъ, стр. 1—51.

1740 годъ,

послѣдній царствованія Анны.

Новости изъ Петербурга. Маскарадъ и ледяной домъ. Сношенія и переговоры французскаго посла съ Остерманомъ. Паденіе Волынскаго. Уклончивость Остермана. Невѣжливость русскихъ знатныхъ. О доходахъ и расходахъ Россіи, стр. 52—87.

Подробности о баронѣ Іоаннѣ Корфѣ. Любимцы Императрицы: Левенвольдъ-старшій и Бирономъ. Виды Корфа и причина неблаговоленія къ нему Бирона, стр. 88—92.

О средствахъ Россіи къ веденію войны. Честолюбивые замыслы Миниха. Рожденіе принца Іоанна Антоновича. Болѣзнь императрицы. Распоряженія отъ ея имени на случай кончины. Происки Бирона. Смерть Анны, стр. 93—134.

Царствованіе Іоанна III.

Регентство Бирона.

Приверженцы и враги регента. Мѣры его для удержанія за собою власти. Разговоры и толки гвардейскихъ офицеровъ и солдатъ. Желаніе принца брауншвейгскаго править Россіею. Его сторонники и признанія ихъ въ застѣнкѣ. Паденіе Бирона, стр. 134—196.

1741 годъ.

Регентство Анны Леопольдовны.

Тайныя предположенія въ пользу цесаревны Елизаветы. Сношенія съ нею маркиза де-ла-Шетарди. Обѣщанія французскаго правительства помогать ея видамъ на достиженіе престола. Толки приверженцевъ Елизаветы. Шпіонство, стр. 196—206.

Отставка Миниха. Соображенія о средствахъ Россіи. Страхъ, возбуждаемый въ правительствѣ Минихомъ. Народные толки о немъ. Оскорбленіе Елизаветы правительницею. Значеніе Остермана послѣ удаленія отъ дѣлъ Миниха. Замѣчанія о немилости послѣдняго, стр. 200—238.

Тайное сватовство принца Конти за Елизавету. Хлопоты французскаго и шведскаго пословъ выманить у ней письменное обѣщаніе объ уступкѣ шведамъ нѣкоторыхъ областей. Уклончивость цесаревны. Продолженіе сношеній де-ла-Шетарди съ Елизаветою. Правительница и Остерманъ узнаютъ о тайныхъ происках шведовъ. Свиданіе де-ла-Шетарди съ Остерманомъ, стр. 238—259.

Придворныя сплетни. Гвардейскіе офицеры и Елизавета въ Лѣтнемъ саду. Послѣднія попытки и отъѣздъ шведскаго министра изъ Петербурга. Линаръ—любимецъ правительницы, Юліана Менгденъ—ея наперстница. Замыселъ правительницы выдать Елизавету за мужъ за брата принца брауншвейгскаго. Тайныя пересылки съ Шетарди. Наушничество и доносы въ Петербургѣ, стр. 260—294.

Опасеніе русскихъ отъ возвышенія Линара. Остерманъ и Шетарди. Переговоры и бесѣды Елизаветы съ французскимъ посломъ. Передача имъ послѣдней 2 т. червонцевъ.

Личная вражда цесаревны къ Остерману. Сужденія приверженцевъ Елизаветы и племянника ея герцога голштинскаго, стр. 294—320.

Отъѣздъ Линара. Увѣренія Елизаветы въ своей преданности къ французскому королю. Отзывъ ея о сватовствѣ французскаго принца. Недовольство Нолькеномъ. Намѣреніе де-ла-Шетарди подкупать русскихъ знатныхъ въ пользу Франціи, стр. 321—341.

Замыселъ превозгласить правительницу Анну императрицею. Турецкій посланникъ. Политическія соображенія де-ла-Шетарди и затруднительность его роли. Новыя попытки къ сватовству принца Конти. Политическая комбинація противъ Австріи. Придворныя извѣстія. Пораженіе шведовъ при Вильманштрандѣ. Манифестъ шведскаго генерала Левенгаупта и толки о немъ при дворѣ правительницы. Соображенія о переворотѣ. Потитика Остермана, стр. 342—393.

Царствованіе Елизаветы.

Ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. въ Петербургѣ. Степень участія де-ла-Шетарди въ рѣшительную минуту. Вражда народа къ нѣмцамъ. Своевольство солдатъ. Неожиданность переворота для царедворцевъ, стр. 393—440.

Настоянія шведскаго генерала Левенгаупта объ уступкѣ Россіею областей. Противодѣйствіе тому со стороны де-ла-Шетарди. Его старанія уничтожить вліяніе нѣмцевъ на Россію. Засѣданія слѣдственной коммиссіи надъ Остерманомъ, Минихомъ и др. Лукавство А. Бестужева-Рюмина съ де-ла-Шетарди, стр. 440—477.

1742 годъ.

Продолженіе настояній шведовъ. Де-ла-Шетарди — рѣшительный приверженецъ интересовъ Россіи. Недовольство и выговоры ему за то французскаго правительства. Представленія принца Конти о выгодѣ для Франціи отъ женидьбы его на Елизаветѣ, стр. 477—509.

Оправданія де-ла-Шетарди передъ своимъ правительстомъ. Подкупъ Лестока. Попытки подкупить А. Бестужева-Рюмина и кн. Куракина. Непреклонность императрицы и министровъ на уступки шведамъ, стр. 509—519.

Наказаніе и отправленіе въ ссылку Остермана, Миниха и др., стр. 519—532.

Продолженіе настоящій объ уступкахъ. Де-ла-Шетарди защищаетъ Россію, французскій министръ въ Стокгольмѣ — Швецію. Пренія ихъ о томъ въ депешахъ. Досада французскаго правительства на безуспѣшность настоящій въ Петербургѣ. Подкупъ Бестужева-Рюмина. Переговоры маркиза де-ла-Шетарди съ русскими министрами. Лагеркранцъ и его извѣстія о бѣдственномъ состояніи шведской арміи, стр. 532—572.

Рѣшимость русскаго правительства продолжать войну противъ Швеціи. Выговоры французскаго министра иностранныхъ дѣлъ маркизу де-ла-Шетарди. Елизавета узнаетъ о тайныхъ желаніяхъ французскаго правительства ослабить Россію. Де-ла-Шетарди замѣчаетъ охлажденіе къ нему Бестужева-Рюмина, стр. 572—614.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Манифестъ, сочиненный Остерманомъ о назначеніи принца Іоанна наслѣдникомъ престола, стр. 619—622.

II. Манифестъ Іоанна III и копія съ сочиненнаго Бестужевымъ-Рюминымъ завѣщанія императрицы Анны, о регентствѣ Бирона, стр. 622—628.

III. О приданіи титула высочества Бирону и принцу Антону Ульриху, стр. 628—630.

IV. Просьба объ отставкѣ и указъ объ увольненіи принца Антона Ульриха, стр. 630—631.

V. Манифесты отъ имени Іоанна III о невинности лицъ, пытанныхъ и сужденныхъ при Биронѣ, стр. 632—634.

VI. Показаніе гр. Остермана о деньгахъ и подаркахъ, полученныхъ имъ на службѣ въ Россіи, стр. 635—638.

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛА-ШЕТАРДИ

ВЪ РОССІИ

1740—1742 годовъ.

Въ 1731 году явился въ Берлинъ двадцати шестилѣтній Іоахимъ Жакъ Тротти маркизъ де-ла-Шетарди съ повелѣніемъ французскаго короля исполнять должность французскаго министра при тамошнемъ дворѣ. До 1734 года о немъ было не слышно, но попытка въ томъ году Станислава Лещинскаго вступить снова на польскій престолъ, при содѣйствіи Франціи, дала случай де-ла-Шетарди развернуть свои дипломатическія способности.

Въ доброе старое время считали невозможнымъ для дипломата прямой и откровенный образъ дѣйствій, онъ долженъ былъ до всего добиваться окольными путями и извилинами, всюду являться, какъ фокусникъ, со множествомъ потаенныхъ кармановъ, узнавать только подслушиваніемъ у дверей, отворять ихъ неиначе, какъ чрезъ дорого купленныхъ шпіоновъ и соглядатаевъ. Отъ дипломата въ XVIII столѣтіи не слишкомъ много требовалось государственной опытности, но ему непремѣнно нужно было быть лукавымъ, двуличнымъ, способнымъ подкопаться подъ врага, разставить сѣти, усадить въ западню. Въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія всѣмъ этимъ особенно славились французскіе дипломаты, и скоро де-ла-Шетарди не преминулъ показать, что онъ между ними былъ не послѣдній, тѣмъ болѣе, что при молодости у него были еще другія качества, драгоцѣнныя въ его званіи: стройный, красивый, остроумный, любезный — онъ нравился женщинамъ.

Маркизъ приступилъ къ прусскому королю съ своими настояніями въ защиту Лещинскаго, и въ одномъ современномъ письмѣ говорилось по этому поводу, что французскій министръ въ Берлинѣ пускаетъ въ ходъ всѣ пружины, говоритъ и ложь, и правду (emploit le vrai et le faux, le vert et le sec), чтобы только запутать поболѣе прусскаго короля въ дѣла Сѣвера. Несмотря на враговъ, несмотря на ихъ происки, де-ла-Шетарди остался побѣдителемъ: покрайней мѣрѣ послѣ бѣгства Лещинскаго изъ Данцига, осажденнаго русскими войсками, прусскій король далъ претенденту убѣжище и тѣмъ спасъ его отъ угрожавшей опасности. Такой успѣхъ, а можетъ быть и другія причины заставили нѣмецкихъ враговъ де-ла-Шетарди сочинить сатиру, въ которой, какъ часто въ нѣмецкихъ сатирахъ за отсутствіемъ остроумія, рѣчь идетъ и о кулакахъ. Въ 1734 г., на обѣдѣ у графа Денгофа читали стихи подъ такимъ, вѣроятно считавшимся верхомъ остроумія заглавіемъ: Der anfangs hitzige und gross sprechende, zuletzt aber mit Schlägen abgefertigte französische Marquis, т. е. сначала горячившійся и свысока говорившій, впослѣдствіи же отколоченный французскій маркизъ. Де-ла-Шетарди былъ въ высшей степени оскорбленъ тѣмъ; впрочемъ онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что если нажилъ себѣ въ Берлинѣ враговъ, то въ тоже самое время были у него тамъ и пріятели. Наслѣдный принцъ прусскій, впослѣдствіи знаменитый Фридрихъ II былъ чрезвычайно благосклоненъ къ маркизу, и одно время даже думали, что онъ возметъ его къ себѣ въ министры. Однажды Фридрихъ II писалъ о де-ла-Шетарди: le marquis viendra ici la semaine prochaine, — c'est du bonbon pour nous (маркизъ пріѣдетъ на будущей недѣли — это конфеты для насъ)! Герцогиня Луиза Доротея, видѣвшаяся съ де-ла-Шетарди въ 1742 г. описывала его въ такихъ словахъ

саксонскому графу Мантейфелю: „я нахожу его довольно разсудительнымъ для француза. Онъ уклончивъ, вѣжливъ, краснорѣчивъ, всегда говоритъ изящно и изысканно. Короче — это единственный изъ знакомыхъ мнѣ французовъ, котораго нахожу я болѣе сноснымъ и занимательнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показался мнѣ похожимъ на хорошій старый реинвейнъ: вино это никогда не теряетъ усвоеннаго имъ отъ почвы вкуса и въ тоже время, по отзыву пьющихъ его въ нѣкоторомъ количествѣ, отягчаетъ голову и потомъ надоѣдаетъ. Тоже самое и съ нашимъ маркизомъ: у него бездна пріятныхъ и прекрасныхъ качествъ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе чувствуешь, что къ нимъ примѣшана частица этой врожденной заносчивости, которая почти никогда не покидаетъ француза, какого бы ни былъ онъ званія и возраста.“

Въ продолженіи большей части царствованія императрицы Анны, французскій дворъ былъ въ размолвкѣ съ петербургскимъ. Послѣдній постоянно держалъ сторону Австріи, первой непріятельницы тогда Франціи, и своимъ вмѣшательствомъ въ 1734 г. совершенно ниспровергнулъ планъ версальскаго кабинета возвести на польскій престолъ тестя Людовика XV, Станислава Лещинскаго. Однако въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны, между Франціею и Россіею произошло, по-крайней мѣрѣ по наружности, нѣкоторое сближеніе. Французскій посланникъ въ Константинополѣ, маркизъ де-Вильневъ хлопоталъ о заключеніи мира Турціи съ Россіею, и, наконецъ, оба двора рѣшились возобновить дипломатическія сношенія. Въ Парижъ былъ посланъ бывшій до того времени русскимъ министромъ въ Лондонѣ князь Антіохъ Кантемиръ, а версальскій дворъ сначала было назначилъ въ Петербургъ графа Вольгренана, но потомъ отправилъ маркиза де-ла-Шетарди.

Маркизу приказано было ѣхать къ новому посту съ

чрезвычайнымъ поспѣшеніемъ, но на пути, онъ, увлеченный тщеславіемъ, остановился въ Берлинѣ, чтобы похвастаться блескомъ, которымъ намѣревался ослѣпить Петербургъ, и тѣмъ побѣсить своихъ берлинскихъ враговъ. „Маркизъ де-ла-Шетарди, писалъ по этому поводу Мантейфель 4 октября 1739 г., считавшійся досихъ поръ за человѣка очень вѣжливаго и общительнаго, не перестаетъ казаться смѣшнымъ своимъ высокомѣріемъ и посланническими пріемами.“

Маркиза, хотя назначенное ему содержаніе не превышало 50 т. ливровъ въ годъ, сопровождала многочисленная свита, состоявшая изъ 12 кавалеровъ, секретаря, 8 духовныхъ, 6 поваровъ подъ главнымъ руководствомъ самого знаменитаго Барридо, перваго, по отзыву Мантейфеля же, знатока въ дѣлѣ хорошо поѣсть, и въ сравненіи съ которымъ Дюваль (поваръ наслѣднаго прусскаго принца) не болѣе, какъ ученикъ; далѣе — изъ 50 пажей, камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ. Такой свитѣ соотвѣтствовали и наряды: „платья де-ла-Шетарди, замѣчалъ Мантейфель, самыя великолѣпныя и самымъ лучшимъ образомъ исполненныя изъ виданныхъ когда либо въ Россіи. По словамъ маркиза, онъ покажетъ русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что значитъ Франція.“ Въ тщательно укупоренныхъ ящикахъ съ нимъ везлось до 100.000 бутылокъ тонкихъ французскихъ винъ, и между ними 16.800 бутылокъ были съ шампанскимъ. 29 сентября 1739 г., прусскій король давалъ ему въ Потсдамѣ аудіенцію и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. При этомъ маркизъ долженъ былъ разсказывать королю, который по своему обыкновенію закидывалъ вопросами, о Франціи и особенно объ образѣ жизни Людовика XV. Де-ла-Шетарди, между прочимъ, повѣствовалъ, что большая часть занятій его величества христіаннѣйшаго распредѣлены, какъ по нотамъ. Тогда король спросилъ à brûle pourpoint et tout

sérieusement: quand est ce que donc qu'il couche avec la Mailli (тогдашняя фаворитка Людовика XV)?— Oh, quant à cela, отвѣчалъ маркизъ, cela n'est point reglé que je sache. Но если посолъ умѣлъ при этомъ случаѣ выпутаться изъ затрудненія, то за то одна дама изъ Помераніи едва было не привела его въ смущеніе. При посѣщеніи ея, какъ своей прежней знакомой, онъ представлялъ новаго французскаго министра въ Берлинѣ де-Валори, и дама, желая сказать что нибудь лестное послѣднему, не нашла ничего лучше, кромѣ слѣдующаго: „вы мнѣ очень нравитесь: вы вовсе не похожи на француза, а скорѣе на добраго жителя Помераніи!“ Такой комплиментъ смутилъ де-ла-Шетарди, но Валори принялъ его весьма любезно, возразивъ, что она уже слишкомъ много дѣлаетъ ему чести.

Наконецъ 15 ноября маркизъ оставилъ Берлинъ, получивъ за промедленіе въ дорогѣ сильный нагоняй (une verte mercuriale) изъ Парижа. Приблизившись къ Кенигсбергу, онъ послалъ впередъ курьера съ требованіемъ выслать къ нему на встрѣчу на послѣдней станціи шесть почтальоновъ, что почтмейстеромъ и было исполнено. Маркизъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Кенигсбергъ. Изъ петербургскихъ, наконецъ, вѣдомостей за 1739 г. узнаемъ, что 29 ноября встрѣчали де-ла-Шетарди въ Ригѣ войска и городовыя роты, при чемъ происходила пальба; посланникъ обѣдалъ у тамошняго губернатора Бисмарка и „такимъ образомъ чрезъ три дня здѣсь во всякомъ удовольствіи пробавился.“ 12 декабря такая же встрѣча для него была устроена въ Нарвѣ, 15 — французскій посолъ прибылъ въ Петербургъ...

Само собою разумѣется, что настоящая цѣль отправленія версальскимъ дворомъ посланника въ Петербургъ была загадкою для современниковъ, не посвященныхъ въ закулисныя тайны тогдашней французской

политики. Журналы тѣхъ временъ не имѣли, какъ нынѣ, всезнающихъ корреспондентовъ во всѣхъ уголкахъ обитаемаго міра; кромѣ того европейская пресса вѣроятно даже и не мечтала о той свободѣ, которою стала пользоваться не ранѣе конца прошлаго вѣка. По этому неудивительно, что въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ 40-хъ годовъ XVIII столѣтія о де-ла-Шетарди и его дальнѣйшихъ подвигахъ въ Россіи помѣщались самыя неполныя извѣстія.

Такъ напримѣръ въ Europäische Fama*), журналѣ, наиболѣе уважавшемся въ Германіи за свою точность и обстоятельность, сообщалось: „французскій посланникъ маркизъ де-ла-Шетарди, котораго повсюду на пути принимали съ такимъ почетомъ, имѣлъ торжественную аудіенцію у ея императорскаго величества, потомъ у обѣихъ принцессъ Анны и Елизаветы, также у герцога курляндскаго. Предметомъ его переговоровъ будутъ: 1) укрѣпленіе дружбы и союза, предложеннаго Петромъ I чрезъ князя Куракина, но оставшагося неисполненнымъ по случаю затрудненій въ признаніи императорскаго титула; 2) французскій дворъ вызывается устранить это затрудненіе, не только признавъ за русскою монархинею этотъ титулъ, но и гарантируя наслѣдованіе, которое будетъ ею учреждено; 3) установленіе торговли между Франціею и Россіею на такомъ основаніи, чтобы подданные обѣихъ державъ могли взаимно пользоваться свободною торговлею и судоходствомъ; 4) французскій дворъ обѣщается гарантировать заключенный между Россіею и Швеціею ништадтскій трактатъ и предлагаетъ свое посредничество по случаю возникшихъ между Россіею и Швеціею неудовольствій. Взамѣнъ того, король желаетъ, чтобы Россія не заключала никакихъ союзовъ во вредъ Франціи. Мы сооб-

*) Th. 56, 1740, S.S. 727 — 728.

щаемъ эти статьи, какъ онѣ переданы въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, и будемъ ожидать, успѣетъ ли такой искусный негоціаторъ изъ политической академіи, какъ г. де-ла-Шетарди, осуществить при петербургскомъ дворѣ, согласно желаніямъ своего правительства, эти, а можетъ быть и другіе, болѣе важные предметы."

„Здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) еще не знаютъ, писалъ другой журналъ *), справедливо ли все то, что печаталось въ чужихъ краяхъ касательно инструкцій этого министра, и точно ли предложитъ онъ отъ имени своего государя посредничество для возстановленія между Россіею и Швеціею добраго согласія, которое, въ силу трактатовъ, существовало со временъ ништадтскаго мира и начало омрачаться только съ перемѣны въ шведскомъ министерствѣ при послѣднемъ общемъ сеймѣ. Нашъ (петербургскій) дворъ согласенъ на умиротвореніе; хотя въ ожиданіи успѣха въ томъ и видя необычайное передвиженіе въ Финляндію, гдѣ у шведовъ армія въ 40 т. человѣкъ (!), Россія въ готовности на всякой случай."

Дѣйствительно, отношенія Швеціи къ Россіи, послѣ сейма въ Стокгольмѣ въ 1739 г., становились все болѣе и болѣе непріязненными. Лишившись значительной части своихъ владѣній вслѣдствіе войны съ Петромъ Великимъ, шведы, конечно, не могли питать особенно дружелюбныхъ чувствъ къ Россіи; кромѣ того русскіе министры въ Стокгольмѣ навлекали на себя упреки за вмѣшательство во внутреннія дѣла королевства и разныя предосудительныя средства къ пріобрѣтенію приверженцевъ Россіи между шведскими правительственными лицами. Сюда же примѣшались и происки французскаго правительства. Французскіе министры также не жалѣли ни стараній, ни денегъ для усиленія вражды

*) Mercure historique, Février de 1740, p.p. 203, 204.

въ Швеціи къ ея опасной и могущественной сосѣдкѣ. Молодежь въ Стокгольмѣ въ особенности съ энтузіазмомъ ухватилась за воинственныя идеи. Желанія войны, возвращенія потерянныхъ областей, а съ тѣмъ вмѣстѣ униженія Россіи высказывались наконецъ такъ громко и часто, что достаточно было малѣйшаго предлога и разрывъ непремѣнно долженъ былъ послѣдовать. Молоденькія дамы, хорошенькія дѣвицы не уступали юношамъ въ патріотизмѣ и еще болѣе поджигали и безъ того разгоряченные умы. Такимъ образомъ людей съ мирнымъ настроеніемъ и стоявшихъ за сохраненіе дружественныхъ отношеній къ Россіи становилось все менѣе и менѣе. Однажды, послѣ помянутаго сейма, когда въ министерство вошли люди, желавшіе войны во что бы то ни стало и все жаркіе сторонники Франціи, графиня де-ла-Гарди, упрекая одного господина, имѣвшаго неосторожность принадлежать къ умѣреннымъ, сказала ему сгоряча: „вы настоящіе колпаки!“ Стоявшій около молодой офицеръ подтвердилъ слова графини, прибавивъ: „а мы шляпы!“ Въ нѣсколько дней оба прозванія разнеслись по городу и стали отличительными для обозначенія двухъ враждующихъ партій. Тотъ, кто принадлежалъ къ торжествующей тогда сторонѣ, носилъ непремѣнно или перстень съ изображеніемъ шляпы или табакерку съ червонцемъ, сплющеннымъ въ видѣ шляпы. Кромѣ этихъ внѣшнихъ знаковъ, придуманы были опять дамами же и отличные тосты: кто желалъ войны, тотъ отвѣчалъ на тостъ was wir leben; державшіе же сторону двора, впрочемъ пользовавшагося весьма малымъ значеніемъ, но хотѣвшаго мира съ Россіею, пили только, когда превозглашали: Ich denk mirs.

Въ 1740 г. читаемъ въ нѣмецкомъ журналѣ*): „хо-

*) Evrop. Fama, Th. 61, S.S. 156—158.

тя находящійся въ Петербургѣ посолъ маркизъ де-ла-Шетарди, съ самаго прибытія своего туда, употребляетъ всѣ старанія, чтобы внушить русскому двору другія мнѣнія о намѣреніяхъ шведской короны, однако правда и то, что со стороны Россіи ему дали ясно понять, что очень хорошо знаютъ о замыслахъ французскаго и шведскаго дворовъ противъ Россіи. Нѣкоторые увѣряютъ, что когда посланникъ имѣлъ долгій разговоръ съ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ о шведскихъ дѣлахъ и средствахъ утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ и на долго доброе согласіе между обѣими державами, то предлагалъ между прочимъ, что конечно шведамъ можетъ быть очень чувствительно потеря столь многихъ земель въ силу ништадтскаго трактата, однако легко бы было устранить всѣ затрудненія, сдѣлавъ новое размежеваніе границъ и уступивъ шведамъ нѣкоторыя мелочи, что не нанесетъ никакого ущерба ея царскому величеству. Говоря такъ, маркизъ вѣроятно хотѣлъ намекнуть на возвращеніе крѣпости Выборга; но на это ему отвѣчалъ графъ, что если кто въ правѣ требовать удовлетворенія, то конечно Россія, у которой есть много причинъ къ недовольству, и онѣ такъ основательны, что сообщеніе ихъ во всеобщую извѣстность мало бы принесло и чести, и пользы шведской коронѣ. Однако, по всѣмъ признакамъ, г. маркизъ впослѣдствіи былъ счастливѣе въ такихъ переговорахъ, чѣмъ въ началѣ, потому что тогда въ письмѣ къ своему пріятелю, онъ выражался такимъ образомъ: „Милостивый государь! По видимому я сюда прибылъ только для того, чтобы быть свидѣтелемъ политики и великолѣпія русскаго двора. О моихъ переговорахъ, также какъ объ успѣхѣ или неудачѣ ихъ, я ничего не въ состояніи сообщить вамъ. На вѣжливое обхожденіе, которое достоитъ выказывать всякому иностранному министру, нечего разсчитывать, а тѣмъ паче ожидать отъ

того счастливаго исхода своимъ переговорамъ. Выказываемые мнѣ вѣжливости и почетъ суть слѣдствія признательности за французское посредничество между Россіею и Портою. Изъ этого легко предвидѣть, какіе болѣе переговоры я въ состояніи вести при этомъ дворѣ." Мы откровенно сознаемся, что еще сомнѣваемся, точно ли эти строки принадлежатъ перу столько же талантливаго, сколько и хитраго маркиза.

Въ другомъ журналѣ за іюль 1740 г. *): „русское министерство получило копію съ трактата о союзѣ между Портою и Швеціею и изумилось сколько его содержаніемъ, столько же и заключеніемъ. Герцогъ курляндскій и графъ Остерманъ совѣщались по этому поводу съ маркизомъ де-ла-Шетарди, который получилъ не копію съ трактата, а одни увѣренія маркиза Вильнева, французскаго посланника въ Константинополѣ, что помянутый договоръ не содержитъ въ себѣ ничего, чтобы могло возбудить подозрѣнія Россіи.... Французскому посланнику дали замѣтить, съ какимъ искусствомъ написанъ трактатъ и какъ ясно видно изъ него, что одна Россія имѣлась въ виду при заключеніи его."

Послѣ смерти императрицы Анны (17 октября 1740 г.), во время регентства племянницы ея, брауншвейгской принцессы Анны Леопольдовны, положеніе де-ла-Шетарди при русскомъ дворѣ, при господствѣ австрійскаго и саксонскаго посланниковъ, было непріятное, что было замѣчено и иностранною журналистикою. Такъ въ Mercure historique, за май 1741 г. **) читаемъ: „маркизъ де-ла-Шетарди рѣдко показывается при дворѣ, который часто получаетъ нарочныхъ съ извѣстіями отъ Бестужева (Михаила), русскаго посланника въ Швеціи." За августъ того же года ***): „при аудіенціи ту-

*) Mercure-historique, 1740 Juillet, p. 77.
**) Pag. 577.
***) Pag. 197.

рецкаго посла у правительницы (въ Петербургѣ), всѣ иностранные министры присутствовали инкогнито; не было только французскаго посла.“

Въ частной перепискѣ того времени писалось болѣе, чѣмъ въ осторожныхъ по неволѣ журналахъ. Незадолго еще до смерти императрицы Анны, графъ Вакербартъ писалъ о де-ла-Шетарди: „отнынѣ онъ можетъ свободнѣе сѣять раздоры между членами, составляющими регентство надъ малолѣтнимъ наслѣдникомъ престола.“ И точно маркизъ постарался сблизиться съ дочерью Петра Великаго, цесаревною Елизаветою и сообща съ шведскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, Нолькеномъ, убѣждалъ ее уступить шведамъ, въ случаѣ успѣха домогательствъ ея на русскій престолъ, тѣ изъ прежнихъ шведскихъ областей, которыя достались Россіи при Петрѣ Великомъ. Изъ депешъ де-ла-Шетарди положительно видно, что цесаревна, не отвергая помощи, которую оказывала Швеція ея видамъ, довольно ловко уклонялась однако отъ какого бы то ни было обязательства уступить когда либо даже и малѣйшую часть изъ завоеванныхъ ея отцемъ владѣній. Послѣ напрасныхъ искательствъ о томъ чрезъ Нолькена, Швеція рѣшилась объявить войну Россіи. Французское правительство, желая послѣ смерти римскаго императора Карла VI подавить могущество австрійскаго дома и зная, что Россія, какъ давнишная союзница его, не преминетъ заступиться за права дочери Карла VI, венгерской королевы Маріи Терезіи, французское правительство убѣдило Швецію объявить войну Россіи. Видѣли выше, что въ этой странѣ умы были уже подготовлены заранѣе, а потому не представлялось особенной трудности побудить шведское правительство къ рѣшительному шагу.

„Нарочный Бестужева, министра его императорскаго величества въ Швеціи, привезъ въ Петербургъ извѣ-

стіе, что шведы $\frac{24 \text{ іюля}}{4 \text{ августа}}$ объявили войну Россіи, вмѣстѣ съ манифестомъ о томъ. И то, и другое произвели здѣсь всеобщее изумленіе. А такъ какъ помянутый министръ увѣдомилъ также русскій дворъ, что это событіе непосредственно послѣдовало за прибытіемъ французскаго курьера изъ Парижа, то объ этомъ обстоятельствѣ сообщили де-ла-Шетарди, который увѣрялъ, что ему ничего не извѣстно, и онъ не менѣе русскаго двора удивленъ подобною новостью *).“

Между тѣмъ въ Европѣ ходили смутные толки о происходившемъ въ то время при русскомъ дворѣ. „Вы знаете, писалъ тогда саксонскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Брюль, какое участіе принимаю я во всемъ, что касается г. де-ла-Шетарди. Что съ нимъ дѣлается? Здѣсь толкуютъ о принцессѣ Елизаветѣ, о заговорахъ, убійствахъ. Говорятъ, что онъ скрылся изъ Петербурга и неизвѣстно, въ какую сторону направился?“

Въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 года, вступила на престолъ императрица Елизавета. Это событіе, столь неожиданное не только для всей почти Европы, но и для большинства петербургскихъ царедворцевъ, совершенное съ горстью преображенскихъ солдатъ даже безъ офицеровъ — это событіе породило множество разсказовъ, по большей части невѣрныхъ или преувеличенныхъ.

Барбье, занеся подъ ноябремъ 1741 года, въ свой дневникъ **) о вступленіи на престолъ Елизаветы со словъ, какъ говоритъ онъ, русскаго посланника въ Парижѣ князя Антіоха Кантемира, добавляетъ притомъ: „не пропускаютъ разсказывать, что маркизъ де-ла-Шетарди, нашъ посланникъ въ Россіи, принималъ участіе въ такомъ великомъ переворотѣ, но кто въ состояніи

*) Mercure hist. septembre de 1741, p. 300.

**) Chronique de la régence et du regne de Louis XV, troisième série, p.p. 322, 323.

знать о томъ? Если это такъ, то это была бы великая негоціація. Во всякомъ случаѣ онъ спокойно сидѣлъ въ своей квартирѣ. Принцесса была такъ внимательна, что тотчасъ же прислала караулъ къ его дому. Было не возможно сдѣлать это безъ нѣкотораго шума. Прислуга была изумлена, но офицеръ, командовавшій карауломъ, разувѣрилъ ее и сказалъ только, чтобы никто не входилъ и не выходилъ изъ дома. Разбудили дела-Шетарди, который можетъ быть не спалъ: онъ скоро узналъ о происшедшемъ, одѣлся въ великолѣпное платье и былъ изъ первыхъ, принесшихъ поздравленіе и присутствовавшихъ при восшествіи.“

„Можно сказать обо всемъ этомъ, что такое великое событіе обязано счастью короля и г. кардинала (Флери). Въ тоже утро, Елизавета послала сказать г. де-ла-Шетарди, чтобы онъ отправилъ курьера къ шведскому королю съ извѣстіемъ о происшедшемъ. Другому она велѣла ѣхать къ начальствующему надъ московитскими войсками противъ шведовъ съ приказаніемъ прекратить всякія непріязненныя дѣйствія въ ожиданіи новыхъ повелѣній. Такимъ образомъ нисколько не сомнѣваются въ окончаніи войны, которую мы заставляли вести шведовъ единственно съ цѣлью отвлекать москвитянъ, что намъ обходилось очень дорого.“

Другой современникъ описываемаго событія, болѣе знаменитый, именно Фридрихъ II, такъ отзывается о немъ*): „1741 годъ былъ свидѣтелемъ великихъ событій. Вся Европа была въ войнѣ по случаю дѣлежа спорнаго наслѣдства (римскаго императора Карла VI); собирались избрать императора изъ другаго, а не австрійскаго дома, въ Россіи же лишали престола младенца императора, бывшаго еще въ колыбели. Переворотъ доставилъ этотъ престолъ принцессѣ Елизаветѣ. Одинъ

*) Въ Histoire de mon temps.

хирургъ происхожденіемъ французъ, одинъ музыкантъ, одинъ камеръ-юнкеръ и сто преображенскихъ солдатъ, подкупленныхъ французскимъ золотомъ, переселили Елизавету въ императорскій дворецъ.... Франція надѣялась извлечь для себя выгоду изъ этого переворота, которому содѣйствовала, но скоро увидѣла исчезнувшими свои надежды.... Подобныя предпріятія, которыя бы показались черезъ чуръ отважными въ другихъ странахъ, могутъ иногда удаваться въ Россіи. Народный духъ наклоненъ къ волненіямъ. Въ этомъ случаѣ у русскихъ общая черта съ другими народами, которые, не будучи довольны настоящимъ, всю надежду возлагаютъ на будущее.... Думали, что король (т. е. Фридрихъ II) принималъ участіе въ совершившемся въ Россіи переворотѣ, но ничего подобнаго не было: король былъ тутъ въ сторонѣ и узналъ о происшедшемъ въ одно время съ публикою. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, маршалъ Бель-Иль (французскій посолъ на франкфуртскомъ сеймѣ, гдѣ должно было происходить избраніе новаго римскаго императора), сильно раздраженный по видимому противъ принца Антона брауншвейгскаго и жены его, правительницы Анны, спрашивалъ короля, не будетъ ли ему досадно, когда въ Россіи случится переворотъ въ пользу Елизаветы и во вредъ малолѣтнему императору Ивану, который приходится ему (Фридриху II) племянникомъ? Король на это отвѣчалъ, что онъ признаетъ между владѣтелями родственниками только тѣхъ, которые ему друзья. На томъ разговоръ и остановился, и вотъ все, что было....“

О французскомъ золотѣ (котораго, какъ положительно видно изъ донесеній самого де-ла-Шетарди, потрачено было такое ничтожное количество, что о томъ собственно и не стоило бы упоминать) въ особенности любили распространяться въ разсказахъ о восшествіи на престолъ Елизаветы, а досужіе собиратели придворныхъ

анекдотцевъ и историческихъ скандальцевъ сдѣлали, по своему обыкновенію, изъ мухи слона, не преминувъ примѣшать кстати и романическія отношенія де-ла-Шетарди. Впрочемъ намекъ на послѣднее есть и у серьезнаго одного писателя, именно Флассана*), который замѣтилъ: „Маркизъ де-ла-Шетарди былъ высокаго роста, красивъ, уменъ, любезенъ, и почетъ, съ которымъ его принимала Елизавета, подалъ поводъ къ догадкамъ щекотливаго свойства. Можетъ быть эта принцесса желала только вознаградить усердіе, съ которымъ де-ла-Шетарди старался о возведеніи ея на престолъ.“ На несправедливость этого предположенія находимъ указаніе въ одной депешѣ англійскаго резидента Финча (21 іюня 1741 г.). Надобно прежде замѣтить, что мужъ правительницы, принцъ Антонъ брауншвейгскій слѣдилъ за сношеніями Елизаветы, когда она была цесаревною, самымъ тщательнымъ образомъ. Когда у него съ Финчемъ зашелъ разговоръ о замыслахъ дочери Петра Великаго, то онъ между прочимъ, сказалъ, что „французскій посланникъ часто ѣздитъ по ночамъ къ Елизаветѣ, и такъ какъ нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы тутъ примѣшивались любезности (comme rien n'indique qu'il y ait entre eux de la galanterie), то надо думать, что у нихъ дѣло идетъ о политикѣ **)“.

Не прошло и года послѣ вступленія на престолъ Елизаветы, именно въ іюлѣ 1742 г., маркизъ былъ отозванъ отъ русскаго двора. Вотъ одно изъ самыхъ подробныхъ между современными извѣстіями объ его отъѣздѣ ***): „Послѣ отзыва маркиза де-ла-Шетарди, онъ имѣлъ прощальную аудіенцію 5 августа. Императрица пожаловала не только ему обыкновенный посланническій по-

*) Histoire de la diplomatie française, V, p. 215.
**) La cour de la Russie il y a cent ans, Berlin, 1858, p. 84.
***) Genealogisch-Historische Nachrichten, Theil XLVI, S.S. 922—923.

дарокъ въ 12 тысячъ рублей за то, что онъ прежде состоялъ въ этомъ званіи при русскомъ дворѣ, но и первому секретарю его 1000 рублей и столько же на его канцелярію. Потомъ онъ, до самого своего отъѣзда, ежедневно являлся при дворѣ и часто бывалъ приглашаемъ къ императорскому столу. 3 сентября, онъ выѣхалъ изъ Москвы, и тайный совѣтникъ Лестокъ, вмѣстѣ съ другими добрыми пріятелями, провожали его до имѣнія камергера Строгонова въ 45 верстахъ отъ Москвы. За день передъ тѣмъ, онъ еще разъ прощался съ императрицею, которая при томъ пожаловала ему андреевскій орденъ со звѣздою, украшенный дорогими брильянтами, цѣнимыми въ 50 тысячъ рублей; также — табакерку съ ея портретомъ, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями, цѣною свыше 30 тысячъ рублей; перстень съ необычайно большимъ брильянтомъ въ 25 тысячъ рублей. Недавно получилъ онъ также 100 штукъ золотыхъ медалей, изъ которыхъ меньшія въ 20, а большія въ 50 червонцевъ вѣсомъ, и разные горностаевые и другіе мѣха. По ходатайству маркиза, его экипажи и мебель куплены за 20,210 рублей; между ними находился серебряный сервизъ въ 8 тысячъ рублей. Императрица была очень тронута его отъѣздомъ (die Kaiserin soll viel Empfindlichkeit über seinen Abschied bezeugt haben): пожаловавъ ему орденъ и распрощавшись съ нимъ, она, черезъ четверть часа, снова позвала его къ себѣ, и, лишь только онъ показался, сказала: „monsieur de la Chetardie, я едва было не забыла передать вамъ на память отъ принцессы Елизаветы,“ при чемъ и вручила ему табакерку, перстень и другіе подарки. 21 ноября, онъ достигъ Губертусъ-бурга въ Саксоніи, гдѣ 22 имѣлъ аудіенцію при дворѣ, а 25 пустился въ путь далѣе; 19 января, прибылъ въ Парижъ, откуда въ тотъ же день поѣхалъ въ Версаль, и здѣсь, согласно желанію короля, показывалъ ему полученные

подарки. Ихъ оцѣниваютъ въ 1,500,000 ливровъ. Изъ этого уже видно, въ какой великой милости могъ онъ быть у той монархини....“

Саксонскій дипломатъ Пецольдъ, описывая такимъ же образомъ всѣ подарки де-ла-Шетарди, прибавляетъ, что они возбудили тайное недовольство въ придворныхъ, такъ что невозможно довольно описать всѣхъ проклятій и брани, которыми осыпали тогда въ Петербургѣ маркиза *).

Причина отзыва маркиза изъ Россіи въ 1742 году остается неизвѣстною: вышеприведенный нѣмецкій журналъ, а также и позднѣйшіе нѣмецкіе писатели (Германъ, Веберъ **) приписываютъ это настояніямъ русскихъ министровъ, недовольныхъ значеніемъ, которымъ маркизъ сталъ пользоваться при дворѣ въ царствованіе Елизаветы; но это едва ли вѣрно, потому что Бестужевъ, завѣдывавшій исключительно иностранными дѣлами, въ первое пребываніе де-ла-Шетарди видимо заискивалъ у него, льстилъ ему и вообще не былъ еще въ такой силѣ, какъ впослѣдствіи; прощальные же подарки французскому послу лучше всего доказываютъ, какъ была довольна имъ императрица. Если прочитать переписку маркиза съ французскимъ правительствомъ (переписку, къ сожалѣнію, недоведенную до конца въ сборникѣ, которымъ я пользовался), то можно увидѣть, что послѣднее присылало часто выговоры своему представителю за слишкомъ уже большое усердіе къ интересамъ Россіи, что быть можетъ и было настоящею причиною его отзыва оттуда.

Въ слѣдующемъ 1743 г., маркизъ де-ла-Шетарди

*) Hermann's Geschichte des rus. Staates. V, S. 19.

**) Статьею послѣдняго: «Der marquis de la Chetardie. 1734 u. s.» въ изданіи его «Aus vier Jahrhunderten von Carl von Weber. Neue Folge, Erster Band. Leipzig 1861, S.S. 292—313 пользовался я въ настоящемъ предисловіи при разсказѣ о пребываніи маркиза въ Берлинѣ.

снова былъ посланъ версальскимъ дворомъ въ Петербургъ. О дружбѣ и пріязни къ Франціи, въ которыхъ увѣрялъ Бестужевъ Рюминъ въ первые мѣсяцы царствованія Елизаветы, не было уже и помина, и канцлеръ совершенно предался на сторону англичанъ. Въ видахъ противодѣйствія такой политикѣ русскаго двора, де-ла-Шетарди и явился въ Петербургъ, но медлилъ представить свои вѣрительныя грамоты.

Пребываніе въ этотъ разъ маркиза въ Россіи составляетъ любопытный эпизодъ въ царствованіи Елизаветы, представляя много чертъ для характеристики той эпохи, а потому пишущій эти строки намѣренъ подробно собрать по этому предмету всѣ русскіе матеріалы и сличить ихъ съ иностранными извѣстіями. Въ настоящее же время ограничиваемся свидѣтельствомъ Екатерины II: „маркизъ де-ла-Шетарди, говоритъ она, прежде, или лучше сказать въ первую свою поѣздку пользовавшійся большими милостями и довѣренностью Елизаветы, во вторую увидѣлъ свои надежды не сбывшимися. На словахъ былъ онъ болѣе умѣренъ, чѣмъ въ письмахъ, наполненныхъ жолчью и досадою. Ихъ вскрыли, нашли ключъ къ тайной азбукѣ и разобрали. Такъ узнали подробности его разговоровъ съ моею матерью и многими другими лицами о современныхъ событіяхъ и на счетъ императрицы. Такъ какъ маркизъ не предъявлялъ еще оффиціально своихъ правъ на представительное званіе, то и было повелѣно выслать его изъ имперіи. Его лишили ордена св. Андрея и портрета императрицы, оставивъ впрочемъ ему всѣ подарки и драгоцѣнности, пожалованные государынею... Не вѣдаю, что говорилось между моею матерью и де-ла-Шетарди, знаю только, что однажды онъ обратился ко мнѣ съ похвалами моей прически en Moyse. Я отвѣчала, что для того, чтобы понравиться императрицѣ, готова убирать голову, какъ будетъ ей угодно. Услыхавъ такой отвѣтъ,

маркизъ сдѣлалъ пируэтъ влѣво, отошелъ въ сторону и уже болѣе не говорилъ со мною."

По возвращеніи де-ла-Шетарди во Францію, его дурно приняли при дворѣ и велѣли отправляться и жить, до новыхъ повелѣній, въ своемъ имѣніи. Въ слѣдующемъ году (1745) онъ получилъ дозволеніе отправиться къ арміи въ Италію, а въ 1749 г. является посланникомъ въ Туринѣ. Но и здѣсь не повезло нашему маркизу: онъ очень понравился маркизѣ Сентъ-Жермень, фавориткѣ сардинскаго короля, который просилъ французское правительство объ отзывѣ де-ла-Шетарди подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ слишкомъ много беретъ на себя. И такъ этотъ министръ испыталъ, что волокитство, пускаемое иногда въ ходъ дипломатами, какъ средство для успѣха, можетъ также служить и источникомъ неудовольствій. Де-ла-Шетарди умеръ въ Ганау, 1 января 1758 г., въ званіи начальника завоеваннаго французами графства Ганау *).

Г. Веберъ сообщаетъ извѣстіе **), что нѣкая madame de Montalet comtesse de Manestarol, называя себя матерью маркиза де-ла-Шетарди, обращалась съ письмомъ къ польскому королю о пособіи и объясняла тамъ, что ей необходимы 25 т. ливровъ и что она сохранитъ это въ глубочайшей тайнѣ. Графиня, должно полагать, была не изъ застѣнчивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просила, чтобы король прислалъ ей „браслетъ съ августѣйшимъ своимъ портретомъ," который обѣщалась изъ признательности носить всю свою жизнь.

Подобныя же два письма этой графини сохранились и къ императрицѣ Елизаветѣ въ 1758 г., слѣдовательно въ годъ смерти де-ла-Шетарди: здѣсь также дѣло идетъ о пособіи и о сохраненіи того въ тайнѣ. Одно изъ

*) Histoire de la diplomatie franç. par Flassan, V, p.p. 215—216.
**) Aus vier Jahrhunderten. Mittheilungen aus dem Haupt-Staats-Archive zu Dresden, 1 Band. 1861, S. S. 300—301.

этихъ писемъ написано съ чрезвычайною кудреватостью: „почтительный восторгъ, которымъ я, пишетъ краснорѣчивая попрошайка, проникнута къ священной особѣ ея императорскаго величества вовсе не есть чувство, недавно запылавшее въ моемъ сердцѣ. Восторгъ этотъ давно овладѣлъ мною — покойный маркизъ де-ла-Шетарди, мой сынъ перелилъ его изъ своей души въ мою; онъ научилъ меня смотрѣть на ея императорское величество, какъ на даръ, ниспосланный съ небесъ для счастія земли...“ Въ концѣ пасосъ смѣняется такимъ прозаическимъ мѣстомъ: „я совершенно разорилась для покойнаго маркиза де-ла-Шетарди для того, чтобы онъ могъ достойнымъ образомъ поддерживать свое званіе при дворѣ ея императорскаго величества. Онъ умеръ, не оставивъ ничего, а я пережила его безъ состоянія...“

Вотъ современныя извѣстія, дошедшія до насъ о маркизѣ де-ла-Шетарди. Переводъ его донесеній французскому правительству за 1740—42 годы и составляетъ содержаніе настоящей книги. Подлинныя депеши, донынѣ не изданныя въ свѣтъ, хранятся во французскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, гдѣ и сдѣланы были съ нихъ копіи извѣстнымъ любителемъ русской исторіи, А. И. Тургеневымъ. Я переводилъ съ послѣднихъ и долгомъ считаю предупредить, что иныя депеши Тургеневъ пропускалъ, можетъ быть какъ не содержащія въ себѣ особеннаго интереса, другія передавалъ въ неполныхъ сокращеніяхъ; наконецъ онѣ прерываются на апрѣлѣ 1742 года, слѣдовательно не за долго до отзыва де-ла-Шетарди, почему истинная причина тому осталась неизвѣстною. При всемъ этомъ тургеневскій сборникъ представляетъ любопытный матеріалъ для новой русской исторіи, такъ какъ съ помощію его объясняются отношенія Франціи къ Россіи въ 1739 — 42 годахъ и, что главное, степень участія французскаго правительства въ возведеніи на престолъ

Елизаветы въ надеждѣ ослабить и уничтожить вліяніе на европейскія дѣла Россіи со временъ реформы Петра Великаго. Все это подавало поводъ ко многимъ невѣрностямъ и догадкамъ во всѣхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, гдѣ шла рѣчь о Россіи той эпохи; въ русской же исторической литературѣ, бѣдной подобнаго рода матеріалами, почти вовсе ничего не было извѣстно *).

Въ началѣ сборника помѣщены извѣстія о Россіи, не принадлежащія перу де-ла-Шетарди; его собственно донесенія начинаются съ января 1740 г. Изъ нихъ видно, что въ первое время онъ еще не освоился съ Россіею и новымъ для него обществомъ, а потому тогда у него мало попадается интересныхъ подробностей, которыя не были бы извѣстны изъ записокъ современниковъ или посольскихъ депешъ, уже изданныхъ въ свѣтъ; но чѣмъ долѣе жилъ де-ла-Шетарди въ Петербургѣ, чѣмъ болѣе втягивался онъ въ тогдашнія интриги и пріобрѣталъ тайныхъ повѣренныхъ, тѣмъ любопытнѣе и своеобразнѣе становятся его извѣстія, такъ что когда уже доходитъ онъ, напр., до описанія своихъ сношеній съ цесаревною Елизаветою, то нельзя не признать, что, вслѣдствіе негласнаго вмѣшательства Франціи въ русскія дѣла, одинъ только ея представитель былъ въ состояніи знать и сообщать такія подробныя свѣдѣнія. Разумѣется, что маркизъ, какъ иностранецъ и притомъ человѣкъ, какъ по всему замѣтно, легкомысленный и занятый прежде всего своею собственною особою, касался иногда легко или же вовсе проходилъ молчаніемъ такія событія, которыя, при настоящихъ требованіяхъ науки, необходимо стоятъ на первомъ планѣ. Чтобы пополнить эти пробѣлы, присоединены къ депешамъ нѣкоторыя примѣчанія и поясненія, изъ разныхъ современныхъ русскихъ извѣстій,

*) Въ статьѣ «А. П. Бестужевъ-Рюминъ» (въ газетѣ «Русская рѣчь» за 1861 г. № 4) есть нѣкоторыя свѣдѣнія, заимствованныя г. Соловьевымъ изъ тургеневскаго сборника.

при чемъ не забыты и общеизвѣстные источники, какъ напр. Записки Манштейна, обоихъ Миниховъ, депеши разныхъ иностранныхъ министровъ и проч. Изъ подобныхъ сочиненій сдѣланы болѣе или менѣе подробныя выписки не съ цѣлью увеличить объемъ книги, но для легчайшаго уясненія, при самомъ чтеніи, разнорѣчащихъ иногда между собою показаній и критической оцѣнки того, что сообщалъ французскій посолъ.

П. Пекарскій.

Подробности о русскомъ дворѣ въ 1737 году.

Царица любезна, великодушна и сострадательна, чувствительна къ похвалѣ (и это черта всего двора); такъ какъ она провела свою молодость въ Курляндіи и Ливоніи, то пристрастилась къ иностранцамъ, что ее уже нѣсколько удаляетъ отъ обычаевъ ея народа.

Принцесса Анна нрава серьезнаго и сдержаннаго, она живетъ при дворѣ и видитъ царицу ежедневно.

Принцесса Елизавета веселаго расположенія и доступнѣе въ обращеніи (d'un abord plus facile); живетъ въ городѣ и является при дворѣ только во время съѣздовъ; ей вовсе не даютъ средствъ поддерживать свое званіе и происхожденіе.

Герцогъ курляндскій наружности простой и скромной; онъ воспользовался счастливымъ случаемъ, въ которомъ достоинства кажется не участвовали; его приближенные много расхваливаютъ его сужденія, и онъ хвастается своею великою честностью и твердостью, готовою на все. Онъ высокомѣренъ и неприступенъ; нетерпѣливъ и не можетъ этого скрыть; любитъ роскошь, которую онъ-то и ввелъ при русскомъ дворѣ. Такъ какъ онъ одинъ только приближенъ къ императрицѣ, то государыня и знаетъ только то, что онъ хочетъ, чтобы она знала. Онъ считаетъ себя происходящимъ изъ Франціи изъ дома Бирона; но нѣкоторые увѣряютъ, что онъ называется Биренъ и что курляндское дворянство отказало признать его благороднымъ въ 1726 году [1]).

Герцогиня курляндская родомъ изъ Ливоніи и пользуется значеніемъ, которое она пріобрѣла своею короткостью съ царицею, когда та была еще герцогинею курляндскою.

Два принца (сыновья Бирона) еще очень молоды. Разно говорятъ объ ихъ происхожденіи, особенно о младшемъ. Правда, что царица кажется на него обратила всю свою привязанность, и я самъ видѣлъ ее проливающею слезы, когда ребенокъ нынѣшней зимою былъ въ оспѣ.

Графъ Остерманъ слыветъ за самаго хитраго и двуличневаго человѣка въ цѣлой Россіи. Вся его жизнь есть ничто иное, какъ постоянная комедія. Каждый рѣшительный переворотъ въ государствѣ доставляетъ ему случай разъигрывать различныя сцены: занятый единственно мыслію удержаться на мѣстѣ во время частыхъ дворскихъ бурь, онъ всегда притворно страдаетъ подагрой и судорогами въ глазахъ, чтобы лишаться возможности пристать къ которой либо партіи. Тишина въ правительствѣ есть для него лекарство, возвращающее ему здоровье. Никто лучше его не знаетъ обо всемъ происходящемъ въ Петербургѣ, и караульные, разставляемые, какъ будто для безопасности, къ домамъ знатныхъ и иностранныхъ министровъ, служатъ шпіонами, обязанными ему отчетомъ во всемъ, что тамъ ни происходитъ. На немъ одномъ лежитъ вся тяжесть дѣлъ, и хотя его правила, совершенно нейтральныя, не внушаютъ обыкновенно много довѣрія, однако принуждены прибѣгать къ нему, потому что не знаютъ, какъ обойтись безъ этого человѣка. Онъ изъ Вестфаліи, и сначала былъ писцомъ на торговомъ кораблѣ, торговавшемъ съ Ригою. Здѣсь онъ былъ помолвленъ съ одною мѣщанкою, которая еще жива. Потомъ, онъ прибылъ въ Петербургъ для уплаты нѣкоторыхъ счетовъ и немного спустя получилъ мѣсто въ присутственныхъ мѣстахъ. Петръ I, ко-

торый умѣлъ узнавать людей, скоро угадалъ и возвышалъ его постепенно до занимаемой имъ нынѣ должности: это человѣкъ чрезвычайно вѣжливый и вкрадчивый, говорящій на многихъ языкахъ.

Г. Бревернъ, секретарь кабинета, кажется, владѣетъ всею довѣренностью Остермана. Онъ служитъ посредствующимъ звѣномъ между Остерманомъ и герцогомъ курляндскимъ — человѣкъ хитрый и прилежанія (application) чрезвычайнаго *).

Кн. Черкасской, второй членъ кабинета, не вмѣшивается въ другія дѣла, кромѣ внутреннихъ: вліяніе его не значительно.

Баронъ Шафировъ—лучшая голова во всей Россіи: его употребляютъ, по необходимости, при всѣхъ трактатахъ, которые заключаются Россіею, какъ человѣка, чрезвычайно опытнаго при переговорахъ; но онъ продаженъ и при томъ русскій, почему къ нему нѣтъ никакого довѣрія. При Петрѣ I его взводили на эшафотъ.—Это человѣкъ самый неукротимый и продажный.

Г. Кейзерлингъ, родственникъ того, который въ Саксоніи, есть довѣренное лицо герцога курляндскаго и никогда не покидаетъ его особы.

Изъ русскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ Бестужевъ, который въ Копенгагенѣ, уважается болѣе всѣхъ.

Г. Кейзерлингу, который въ Дрезденѣ, покровительствуетъ болѣе всего герцогъ курляндскій. Полагаютъ, что послѣ сейма въ Варшавѣ онъ отправится въ Петербургъ и вступитъ въ кабинетъ.

Кейзерлинги и Бестужевы — это креатуры собствен-

---

*) Почти такой же отзывъ о Бревернѣ сдѣлалъ саксонскій полковникъ Нейбауеръ въ 1740 г.: онъ называетъ его вѣрнымъ воспитанникомъ Остермана, не уступающимъ ни на волосъ отъ линіи, начертанной его учителемъ (Hermann's Geschichte des russ. Staates, IV, S. 630).

но герцога и онъ старается помѣстить ихъ всѣхъ въ министерство. Первымъ онъ обязанъ своимъ счастіемъ и не скрываетъ того [2]).

Первые чины двора: князь Куракинъ занимаетъ званіе оберъ-шталмейстера (grand ecuyer) и гр. Левенвольде оберъ-гофмаршала (grand maréchal). Первый любитъ столъ, второй — музыку: вотъ все, что о нихъ можно сказать.

Фельдмаршалъ Трубецкой—старая баба. Фельдмаршалъ Минихъ, безъ сомнѣнія, лучшій офицеръ, котораго имѣетъ царица. При большой храбрости и опытности, онъ хорошо знаетъ научную сторону своего ремесла. Онъ президентъ военной коллегіи, и ему обязаны основаніемъ школы въ 1200 кадетъ, которая подъ его начальствомъ и снабжаетъ ежегодно армію превосходными людьми; онъ же начальникъ инженернаго корпуса, и ему обязаны свѣдѣніями по этой части. Ладожскій каналъ, о которомъ онъ подалъ проектъ Петру I, былъ началомъ его счастья. Можно его упрекнуть въ пристрастіи къ военной славѣ и въ пренебреженіи къ жизни солдата, но послѣдній недостатокъ кажется извинительнымъ въ странѣ, гдѣ государь считаетъ болѣе число своихъ провинцій, нежели число своихъ подданныхъ. Онъ врагъ Остермана и Ласси. Герцогъ непосредственно покровительствуетъ ему. У него всегда была склонность убѣждать Россію въ выгодахъ союза съ Франціею.

Фельдмаршалъ Ласси менѣе обширнаго ума, но чрезвычайной храбрости и хладнокровія, которое даетъ ему возможность при случаѣ пользоваться всѣми знаніями, какія у него есть. Онъ ничего не дѣлаетъ на авось, всѣми мѣрами заботится о сохраненіи своей репутаціи, бережетъ войска, которыя его обожаютъ, и только и мечтаетъ, чтобы послѣ власти провести остатокъ своихъ дней по среди своего семейства. Царица его очень любитъ—это человѣкъ скромный, ни подъ какимъ видомъ

не вмѣшивающійся въ дѣла правительства. Герцогъ не находитъ его годнымъ для своихъ видовъ; онъ очень друженъ съ Остерманомъ. Семь лѣтъ онъ служилъ подъ французскими знаменами въ бервикскомъ полку и, не будучи въ состояніи достигнуть тамъ подпоручичьяго чина, перешелъ въ Германію, гдѣ оставался 2 года, а оттуда въ Россію, гдѣ г. Крои *) доставилъ ему роту.

Генералъ Левашевъ, который слѣдуетъ за фельдмаршаломъ Ласси, офицеръ, какъ сотни тысячъ другихъ, а по своему происхожденію — онъ русскій — лишенъ возможности командовать арміею.

Принцъ гомбургскій, вице-президентъ военной коллегіи, непримиримый врагъ многихъ; слѣдуетъ за Левашевымъ, храбръ, любимъ войсками; еще очень молодъ и горячъ.

Принцъ Беверенъ очень молодъ и любимъ царицею и еще болѣе принцессою Анною [3]). У герцога курляндскаго принимаютъ дурно тѣхъ, кто часто бываетъ у этого принца; ему 22 года — онъ генералъ-маіоръ.

Генералъ-лейтенанты, которые лучше прочихъ извѣстны въ Россіи — генералы Кейтъ, Стофельнъ, Дугласъ и Румянцовъ.

Вотъ тѣ, которыхъ герцогъ курляндскій желаетъ поставить въ главѣ арміи: его сынъ, который будетъ командовать дворцовыми войсками (les trouppes de la maison), его два брата и генералъ Бисмаркъ, зять его жены. Старшій изъ его братьевъ довольно хорошій офицеръ, храбръ, характера буйнаго и нѣсколько черезъчуръ преданъ удовольствіямъ. Младшій человѣкъ скромный, безъ большой опытности и познаній. Оба они генералъ-лейтенанты.

---

*) Герцогъ Крои, который не столько пользуется извѣстностью, какъ русскій фельдмаршалъ, сколько тѣмъ, что послѣ кончины его въ 1702 г. тѣло осталось непогребеннымъ и, сухое и отвердѣвшее, почти до нашего времени показывалось любопытнымъ въ лютеранской церкви св. Николая въ Ревелѣ.

Генералъ Бисмаркъ, родомъ изъ Пруссіи, былъ полковникомъ въ службѣ прусскаго короля, убилъ тамъ своего слугу, и король не хотѣлъ его за то простить. Тогда онъ перешелъ въ Россію, сдѣланъ здѣсь генералъ маіоромъ и, нѣсколько времени спустя, женился на сестрѣ герцогини курляндской. Онъ принималъ участіе въ послѣдней войнѣ съ Польшею и получилъ генералъ-лейтенанта; это человѣкъ жесткій, нѣсколько преданный пьянству. Онъ слыветъ за хорошаго офицера; ему обязаны по большей части введеніемъ въ русскія войска прусскихъ маневровъ [4]).

Генералъ-лейтенантъ Геннингъ офицеръ опытный; онъ членъ коллегіи (военной?), съ нимъ совѣтуются о снаряженіи и вооруженіи войскъ, въ чемъ его считаютъ очень знающимъ; значеніе его можно сравнить съ нашими директорами или инспекторами.

Генералъ Гордонъ былъ очень хорошимъ морякомъ, но болѣзненное состояніе не дозволяетъ ему принимать теперь дѣятельное участіе въ службѣ.

Адмиралъ Головинъ — президентъ адмиралтейской коллегіи, человѣкъ умный и знакомый съ теоріею своего ремесла, но у него нѣтъ еще опытности. Онъ страстно любитъ англичанъ и ничего не дѣлаетъ безъ ихъ совѣта.

Вице-адмиралъ Бредаль считается хорошимъ офицеромъ.

Вице-адмиралъ Обріенъ былъ капитаномъ корабля въ Англіи, и кн. Кантемиръ выпросилъ его, прошедшею зимою, у англійскаго двора. Это человѣкъ опытный и очень хорошо служившій. — Его прочатъ на мѣсто адмирала Гордона.

Между капитанами кораблей изъ иностранцевъ есть нѣкоторые довольно хорошіе, но природные русскіе всѣ очень плохи.

Изъ нынѣшнихъ иностранныхъ министровъ при дворѣ г. Зуму (Suhm), саксонскому посланнику, болѣе про-

чихъ оказываютъ вниманія*). Женщины при дворѣ не имѣютъ никакого значенія и являются туда только въ торжественные дни.

Въ низшихъ рядахъ есть люди, которые имѣютъ доступъ и даже нѣкоторое значеніе, такъ медикъ лифляндецъ, очень любимъ царицею**). Два курляндца, которые поставляютъ ко двору для торжественныхъ случаевъ всѣ ткани; барыши отъ этого принадлежатъ не однимъ имъ. Придворный банкиръ [5]).

Примѣчанія.

[1]) Замѣтимъ, что курляндскій Бирон имѣлъ сношенія съ представителемъ французскихъ герцоговъ Бироновъ при посредствѣ нашего посланника въ Парижѣ кн. Антіоха Кантемира. Такъ послѣдній доносилъ, 1 января 1739 г., что маршалъ Бирон проситъ о пожалованіи внуку его, маркизу де-Бонаку орденъ св. Андрея, который имѣлъ покойный его отецъ отъ Петра Великаго за успѣшное посредничество, въ качествѣ французскаго посланника въ Константинополѣ, при заключеніи трактата Россіи съ Портою 8 іюля 1724 г. (Flassan, Histoire de la diplomatie française, V, 13—14). Курляндскій Бирон поручалъ также Кантемиру раз-

*) Зумъ прибылъ въ Россію, послѣ перваго отъѣзда оттуда саксонскаго посланника гр. Линара, въ 1736 году. По случаю разстроеннаго здоровья онъ оставилъ Петербургъ въ 1740 г. и умеръ въ Варшавѣ 8 ноября того же года, не успѣвъ отдать лично отчета о своемъ посольствѣ (Geneal. hist. Nachrichten XIX. 1741 г. 662, Mercure historique, декабрь 1740 г., 631). Его депеши изъ Россіи помѣщены отчасти въ Geschichte des russ. Staates Германа. ч. IV.

**) Это долженъ быть Фишеръ, о которомъ, какъ объ особенно достопримѣчательномъ лицѣ, упоминаетъ von Haven въ своемъ Reise in Russland (116). Сначала онъ занимался докторскою практикою въ Ригѣ, а потомъ при Аннѣ Ивановнѣ былъ лейбъ-медикомъ и архіатеромъ. Съ возшествіемъ на престолъ Елизаветы отправился снова въ Ригу.

вѣдать о французскихъ Бирoнахъ, и этотъ $^{22}/_{11}$ февраля 1739 года доносилъ: „фамилія маршала дюка Бирона изъ знатнѣйшихъ сего государства; предки его были въ главнѣйшихъ достоинствахъ, и онъ самъ теперь старшій маршалъ и кавалеръ св. Духа; у короля и у кардинала (Флери) въ милости, а наипаче его сынъ. который командуетъ полкомъ королевскимъ (le regiment du roi); въ кровномъ союзѣ находится также съ знатными фамиліями: двѣ его дочери выданы были — одна за графа Боневала (который отъ Порты въ ссылку сосланъ), а другая за онаго маркиза, Бонака, отца нынѣшняго. Сей родился въ Константинополѣ; отъ роду ему 18 лѣтъ, молодецъ благоразсудный и добрыхъ нравовъ; и дѣйствительно чинъ имѣетъ намѣстника королевскаго (Lieutenant du roi) въ графствѣ де Фоа и де Незанъ“... Когда въ Парижъ дошелъ слухъ о паденіи курляндскаго Бирона, то Барбье подъ февралемъ 1740 года замѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „вотъ во всякомъ случаѣ гадкое событіе для дома нашихъ Бироновъ, которые, во вниманіе къ значенію владѣтельнаго князя, признали его за своего родственника (Chronique de la regence et du regne de Louis XV, troisième série, p.p. 259 — 260).“

[2]) Полковникъ Нейбауеръ, которому саксонскій министръ гр. Брюль поручалъ обстоятельно развѣдать объ отношеніяхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ при дворѣ императрицы Анны, въ сентябрѣ 1740 г. такъ писалъ о Кейзерлингахъ: „когда императрица Анна была только герцогинею курляндскою, то канцлеръ этого герцогства Кейзерлингъ, родственникъ посланника (въ Дрезденѣ), помѣстилъ къ ней на службу Бирона. Тогда при герцогинѣ Аннѣ игралъ первую роль Бестужевъ-Рюминъ (Петръ), отецъ двухъ братьевъ, которые теперь министрами. Биронъ хотѣлъ было его вытѣснить, но самъ былъ принужденъ оставить дворъ. Несмотря од-

нако на это, канцлеръ Кейзерлингъ нашелъ опять таки случай возвратить Бирону прежнее мѣсто, и послѣднему, наконецъ, удалось, въ поѣздку Бестужева въ Москву, уронить его и заступить его мѣсто. Тотъ же Кейзерлингъ старался исходатайствовать о возведеніи Бирона въ курляндскіе дворяне, однако съ такою малою удачею, что въ дворянскіе протоколы было записано: Бирены (die Büren), для доказательства своего благороднаго происхожденія, не представили никакихъ доказательствъ. Нашъ Кейзерлингъ, посланникъ (въ Дрезденѣ), впослѣдствіи достигъ того, что не удалось его родственнику, потому что отправляясь отъ имени курляндскаго дворянства съ поздравленіемъ императрицы Анны по случаю восшествія ея на престолъ, онъ успѣлъ, что дворянское сословіе, по предложенію его, приняло Бирона въ свою среду. Герцогъ курляндскій увѣренъ также, что онъ выказаннымъ ему отъ польскаго короля знакамъ милости во многихъ отношеніяхъ обязанъ внушеніямъ нашего Кейзерлинга и что потому онъ никому не можетъ лучше довѣрять нѣкоторыхъ изъ отдаленныхъ своихъ желаній. Вслѣдствіе такой признательности изъ собственныхъ выгодъ, Бирон не обращаетъ вниманія на многіе изъ его промаховъ, впрочемъ нисколько не щадя его нерадѣнія, его любви къ удобствамъ, или съ другой стороны его, порою неудобоваримыхъ идей и поспѣшныхъ поступковъ (Geschichte des russ. Staates, von Hermann. IV, 629 — 630)“.... Кромѣ посланника въ Дрезденѣ, былъ еще другой Кейзерлингъ, состоявшій при принцѣ брауншвейгскомъ и называвшійся потому вольфенбюттельскимъ.

[3]) На счетъ привязанности къ принцу брауншвейгскому царицы и, въ особенности, ея племянницы, впослѣдствіи его супруги, Анны Леопольдовны, составитель французскаго извѣстія о русскомъ дворѣ сильно ошибся. 12 мая 1739 года, англійскій резидентъ Рондо,

долго жившій въ Петербургѣ, писалъ: „въ 1732 г. было положено, что принцъ Антонъ Ульрихъ Бевернъ будетъ отправленъ въ Петербургъ съ цѣлью, какъ говорили, женить его, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, на принцессѣ Аннѣ... Царица приняла его очень вѣжливо, употребляла всѣ старанія, чтобы онъ имѣлъ все необходимое, сообразно его званію, и потомъ не переставала заботиться о его содержаніи. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ на него мало обращали вниманія, что заставляло всѣхъ предполагать, что русскій дворъ радъ былъ бы найти какой нибудь предлогъ, чтобы отдѣлаться отъ принца“... (La Russie il y a cent ans, p. 52). Леди Рондо, въ разсказѣ (12 іюня 1739 г.) о предстоявшемъ бракѣ принца брауншвейгскаго: „его воспитывали вмѣстѣ съ принцессою Анною, чѣмъ надѣялись поселить въ нихъ взаимную привязанность, но это, кажется, произвело совершенно противное дѣйствіе, потому что она ему оказываетъ болѣе чѣмъ ненависть — презрѣніе (Письма Леди Рондо, Спб. 1836 г., стр. 116, 117)“.... Саксонскій полковникъ Нейбауеръ, о которомъ говорено въ началѣ предъидущаго примѣчанія, писалъ въ 1740 г., что когда принцессѣ Аннѣ было предложено, желаетъ ли она идти замужъ за принца Антона Ульриха, то „она тотчасъ же отвѣчала, что охотнѣе положитъ голову на плаху, чѣмъ пойдетъ за принца бевернскаго. Этою минутою воспользовался Бирономъ: дочери генерала Ушакова, женѣ камергера Чернышева, бывшей тогда въ чрезвычайной довѣренности у принцессы, внушили похлопотать въ пользу принца Петра, старшаго сына Бирона. Думали, что это будетъ самый удобный къ тому случай, потому что принцесса, въ невѣдѣніи дальнѣйшихъ видовъ, которые имѣли на нее, видимо была огорчена и убита. Однако ошиблись въ разсчетѣ, и вышло то, чего никакъ не ожидали. Принцесса и прежде, и теперь питала за-

коренѣлую ненависть къ Бирону и его семейству и выказала себя изумленною и раздраженною отъ „неприличнаго предложенія“. Чернышевой. Чтобы лишить возможности внушить императрицѣ что нибудь другое, она сдѣлала надъ собою величайшее усиліе и объявила, что еще разъ посовѣтывавшись съ собою, готова, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, къ послушанію и желаетъ выйдти замужъ за принца бевернскаго“... (Hermann, IV, 635). Любопытны по этому предмету показанія Волынскаго въ производившемся о немъ дѣлѣ: „какъ ея высочество была сговорена за герцога брауншвейгскаго, то онъ, Волынскій, пришедши къ ней и видя ее въ печали, спрашивалъ о причинѣ тому. Принцесса отвѣчала: „вы, министры проклятые, на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала, а все вы для своихъ интересовъ привели.“ Волынскій утверждалъ, что ни онъ, ни Черкасскій ничего о томъ не знаютъ, а развѣ Остерманъ, и спросилъ: „чѣмъ ея высочество недовольна?“ Принцесса сказала: „тѣмъ, что принцъ весьма тихъ и въ поступкахъ не смѣлъ,“ на что Волынскій: „хотя въ его свѣтлости и есть какіе недостатки, то напротивъ того въ ея высочествѣ есть довольныя богодарованія, и для того можетъ ея высочество тѣ недостатки снабдѣвать или награждать своимъ благоразуміемъ.“ При томъ онъ ее просилъ сносить все терпѣливо и не показывать людямъ своего неудовольствія, ибо въ томъ разумъ и честь ея высочества состоитъ; наконецъ прибавилъ, что если принцъ тихъ, то тѣмъ лучше ей, потому что онъ будетъ ей въ совѣтахъ и въ прочемъ послушенъ, и что ежели бы ея высочеству супругомъ былъ принцъ Петръ (сынъ Бирона), то бы хуже для нея (Чтенія общ. ист. и древн., 1858 г. кн. II, смѣсь, 152).“ Прибавимъ къ этому, что уже послѣ брака Биронъ, съ обычною своею беззастѣнчивостью, говорилъ прямо въ лицо принцу бевери-

скому, что жена его до замужества сознавалась, что охотнѣе положитъ голову на плаху, чѣмъ пойдетъ за него замужъ (Hermann, IV, 637).

[4]) Современныя нѣмецкія извѣстія сообщаютъ о Бисмаркѣ еще нѣкоторыя подробности: Людольфъ Августъ фонъ Бисмаркъ родился въ Маркъ-Бранденбургѣ 21 марта 1683 года, служилъ въ прусскихъ войскахъ и былъ женатъ, но его первая жена умерла въ 1719 г. Въ Магдебургѣ онъ нечаянно закололъ своего слугу, за что содержался долго въ строгомъ заключеніи и потомъ хотя и былъ прощенъ королемъ, однако его, старшаго полковника, обходили три раза полкомъ. Тогда онъ продалъ свое небольшое имѣніе въ окрестностяхъ Кенигсберга и отправился искать счастья въ обѣтованную тогда для нѣмецкой солдатчины землю — Московію. Онъ былъ видный изъ себя мужчина, знавшій твердо прусскій военный артикулъ (Genealogisch Historische Nachrichten, Th. XXVIII, 323 — 324, XXXVI, 1103). Въ 1733 г. фельдмаршалъ Минихъ хотѣлъ было изъ политическихъ видовъ, женить своего сына на старшей сестрѣ жены Бирона, зрѣлой годами фрейлинѣ Тротта фонъ Трейденъ. Два дня спустя послѣ знакомства съ нею, молодой Минихъ сдѣлалъ ей форменное признаніе въ любви. Дѣвица Трейденъ, холодно поблагодаривъ за такую честь, говорила, чтобы онъ подумалъ объ этомъ хорошенько, такъ какъ она здоровья слабаго и бываетъ часто больна. На это Минихъ изъявлялъ готовность ходить за нею во время болѣзни. Однако этотъ бракъ не состоялся по наущеніямъ оберъ-шталмейстера Левенвольда и Остермана, и вскорѣ фрейлина Трейденъ сдѣлалась супругою Бисмарка, переведеннаго въ русскую службу Левенвольдомъ и пожалованнаго генералъ-маіоромъ (Записки гр. Миниха, Спб. 1817 г., 59, 65). Послѣ паденія Бирона, Бисмаркъ, вмѣстѣ съ нимъ, подвергнулся опалѣ

и, во время суда надъ его своякомъ, писалъ оправдательное письмо, въ которомъ увѣрялъ, что „mir die russische Sprache ganz unbekannt und meine Frau zum Dolmetscher dienen müssen," и что никакихъ денежныхъ счетовъ съ Бирономъ не имѣлъ и казенныхъ денегъ и драгоцѣнностей отъ него не принималъ; также, что онъ знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ о его безбожныхъ поступкахъ и т. п. (Дѣло о Биронѣ, Москва, 1862 года, стр. 119 — 120).

[5]) Фонъ Гавенъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1736—7 годахъ, пишетъ, что императрица Анна, когда была герцогинею и жила въ Курляндіи, то часто нуждалась въ деньгахъ, о чемъ есть намеки и въ рѣчи Ѳеофана Прокоповича на прибытіе ея въ Москву по избраніи императрицею. Бирон занималъ для нея деньги, „что видно изъ того въ особенности, что какъ скоро императрица достигла престола, то въ особенности наградила очень щедро нѣкоторыхъ купцовъ, которые именно рѣшались давать въ заемъ." Фонъ Гавенъ же разсказываетъ: „есть въ Петербургѣ одинъ придворный еврей (Hof Jude), который занимается вексельными дѣлами. Онъ можетъ держать при себѣ евреевъ сколько ему угодно, хотя вообще имъ возбранено жить въ Петербургѣ (Reise in Russland, 268, 72)..." Есть современное извѣстіе сообщенное Германомъ въ его Gesch. des russ. Staates, IV, 605, что корыстолюбіе разбогатѣвшаго на счетъ Россіи придворнаго банкира изъ жидовъ Липмана, любимца герцога Бирона, возбуждало сильное недовольство между русскими. Сохранился также современный разсказъ, что о намѣреніи правительницы Анны въ 1741 г. низвергнуть Бирона предупреждалъ его Липманъ съ другимъ жидомъ по имени Биленбахомъ, которые успѣли-таки проникнуть въ тайные замыслы противъ ихъ горячаго покровителя. Однако опала Бирона не препятствовала Липману остаться

оберъ-гофкоммиссаромъ, потому что онъ вѣрно показывалъ обо всѣхъ извѣстныхъ ему деньгахъ и прочихъ пожиткахъ герцога (Genealogisch-Historische Nachrichten, 1741, XXIV, 1093, 1094). И дѣйствительно въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ за январь 1741 г., въ опроверженіе неосновательныхъ слуховъ объ опалѣ Липмана, сообщено, что „оберъ-гофкоммиссаръ г. Липманъ комерцію свою по прежнему продолжаетъ и при всѣхъ публичныхъ случаяхъ у здѣшняго императорскаго двора бываетъ (стр. 31)“... При производившемся надъ Бирономъ въ концѣ 1740 года слѣдствіи, его, между прочимъ, спрашивали: „сколько денегъ и другаго богатства и пожитковъ онъ внѣ государства отправилъ, куды, и гдѣ нынѣ находятся?“ Въ отвѣтныхъ пунктахъ 23 и 24 ноября онъ отвѣчалъ: „никакихъ денегъ и другаго богатства внѣ государства никуды не отправилъ и отправить было нечего, понеже еще долгу по нынѣ на немъ имѣется: въ Ригѣ — Цимерману и Бисмарку 100,000 рублей (въ примѣчаніи 4 уже было сказано, что послѣдній отрекся отъ всякихъ денежныхъ сдѣлокъ съ Бирономъ), а брату своему Густаву Бирону 800,000 р., Демидову 50,000 долженъ, не считая 500,000 р., которые онъ еще въ Курляндіи долгу на немъ (sic) имѣется; также и тѣхъ денегъ, которыми Фермарну, и Липману и Вульфу долженъ. О которомъ послѣднемъ долгѣ и самъ подлинно не помнитъ, сколько реченнымъ Фермарну, Липману и Вульфу съ него взять доведется...“

Записка, врученная г. Лалли кардиналу Флери въ маѣ 1738 г.

Милостивѣйшій государь! Я не могу дать вашему превосходительству болѣе простой и въ тоже время болѣе

вѣрной идеи о Россіи, какъ сравнивъ ее съ ребенкомъ, который оставался въ утробѣ матери гораздо долѣе обыкновеннаго срока, росъ тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и, вышедъ наконецъ на свѣтъ, открываетъ глаза, видитъ предметы, на него похожіе, протягиваетъ свои руки и ноги, но не умѣетъ ими пользоваться; чувствуетъ свои силы, но не знаетъ на что ихъ употребить. Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ въ такомъ состояніи допускаетъ управлять собою первому встрѣчному. Нѣмцы (если можно такъ назвать сборище датчанъ, прусаковъ, вестфальцевъ, голштинцевъ, ливонцевъ и и курляндцевъ) были этими первыми встрѣчными: они и воспользовались руками и ногами этого народа и управляютъ его движеніями. Вѣнскій дворъ, внимательный къ своимъ выгодамъ, умѣлъ воспользоваться такимъ положеніемъ націи, и можно сказать, что онъ управлялъ петербургскимъ дворомъ съ самаго восшествія на престолъ нынѣ царствующей императрицы; онъ снабжалъ лицами для замѣщенія первыхъ должностей въ министерствѣ и войскахъ; онъ, по своей волѣ, заставлялъ заключать миръ, объявлять войну; по его же внушеніямъ, Россія предприняла настоящую войну, вопреки мнѣнію герцога курляндскаго (тогда гр. Бирона) и гр. Остермана, лишь на основаніи увѣреній гр. Ягужинскаго, который, будучи прельщенъ (séduit) вѣнскимъ дворомъ, думалъ, что можно воспользоваться войною между Персіею и Турціею, для завладѣнія Босніею. Россія можетъ 20 лѣтъ съ успѣхомъ воевать въ Крыму, также около устьевъ Днѣпра, Буга и Днѣстра, въ состояніи еще болѣе истощиться отъ потерь людей и денегъ, и не смотря на все это не будетъ обладать Каффою, не имѣя и не будучи въ состояніи имѣть флота. Даже овладѣвъ всѣмъ Крымомъ, она не можетъ удержать его за собою, такъ какъ отдѣлена отъ него пустынею въ 300 льё, населенною двухстами тысячами татаръ. Та же пустыня

лежитъ между Очаковымъ и Украйною. Россія не можетъ отправить кораблей къ устью двухъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, и Очаковъ для нея былъ бы болѣе отяготителенъ, нежели Гибралтаръ для англичанъ. Единственное полезное завоеваніе, которое можетъ она сохранить—это Азовъ, потому что онъ смеженъ съ ея владѣніями, защищаетъ казаковъ и предаетъ во власть ея Донъ.

Армія гр. Миниха, въ послѣднюю кампанію, терпѣла болѣе отъ голода, нежели отъ оружія, почему онъ не могъ долго держаться, и это понятно, когда знаешь, что армія принуждена возить съ собою на 6 мѣсяцевъ жизненныхъ припасовъ, которые съѣдаются обыкновенно на четвертомъ мѣсяцѣ; и притомъ недостатокъ въ нужномъ фуражѣ для 30000 воловъ и обозныхъ лошадей, не считая кавалеріи. Россія только и мечтаетъ о мирѣ, и въ Петербургѣ обычное присловье, что гр. Остерманъ прозрѣетъ и получитъ способность ходить только при заключеніи мира; съ самаго начала послѣдней войны, этотъ министръ не являлся при дворѣ и не выходилъ изъ своей комнаты.

Дворы вѣнскій, англійскій и голландскій всегда хлопотали о прекращеніи всякой связи между дворами русскимъ и французскимъ, и для того поселяютъ между ними духъ недовѣрія и даже отвращенія, чему, чтобы повѣрить, надобно быть свидѣтелемъ самому. Я имѣлъ случай испытать послѣдствія тому: нынѣшней зимой была публикована въ Петербургѣ статья (а здѣсь не смѣютъ говорить публично ничего такого, что не шло бы изъ министерства), въ которой прямо говорится, что Франція употребляетъ все свое вліяніе и даже деньги въ Турціи, чтобы заключенъ былъ съ императоромъ (римскимъ) миръ отдѣльно (отъ Россіи); что она старается возбудить Швецію и что очень хорошо понима-

нуть цѣль посольства Северина*). Русскій дворъ былъ такъ встревоженъ даже нерѣшительностью, которую выказывалъ императоръ къ будущей кампаніи, что царица приказала ему объявить, что она одна въ состояніи вести войну, но въ такомъ случаѣ завоеванія, которыя будутъ сдѣланы у турокъ близъ предѣловъ имперіи, она оставитъ себѣ. Это самое и подало поводъ къ присылкѣ генерала Ботта, который возобновилъ царицѣ увѣренія, что государь его не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ заключенъ миръ, славный для обѣихъ державъ.

Таково было положеніе русскаго двора до превозглашенія гр. Бирона герцогомъ курляндскимъ. Послѣднее званіе ему было обѣщано еще покойнымъ королемъ Августомъ; онъ его заслужилъ отъ сына, котораго возвелъ на тронъ (польскій). Биронъ не скрываетъ, что въ его выгодахъ было ухаживать за вѣнскимъ дворомъ, чтобы тотъ ему не помѣшалъ въ его видахъ на Курляндію — теперь цѣль достигнута и настоящія намѣренія его легко угадать.

Царица, при вступленіи на престолъ, требовала отъ своихъ подданныхъ присяги, въ силу которой они обязывались признать и повиноваться тому, кого она ука-

*) Имя графа Сентъ-Северина будетъ довольно часто встрѣчаться въ послѣдующихъ депешахъ де-ла-Шетарди. Когда шведскій король, не будучи уже въ силахъ выдерживать происковъ для возбужденія шведовъ къ войнѣ противъ Россіи и высокомѣрія французскаго посланника графа Кастеха (Casteja), просилъ объ отзывѣ его, то версальскій дворъ послѣ долгихъ замедленій, прислалъ вмѣсто него гр. Сентъ-Северина. Онъ исправлялъ свою должность въ Стокгольмѣ осторожнѣе, но все таки продолжалъ, подобно предмѣстнику своему, систему подкуповъ для вербованія въ Швеціи враговъ Россіи. Такъ напр. въ Die Neue Europäische Fama (ч. 49, 1739 г., стр. 42) разсказано, что на дверяхъ одного господина въ Стокгольмѣ прибили билетъ съ такою надписью: «французское вино должно вамъ необходимо нравиться, потому что можете его пить съ пармезанскимъ сыромъ». Гр. Сентъ-Северинъ былъ родомъ изъ Пармы и подарилъ помянутому господину значительную партію французскаго вина.

жетъ по себѣ наслѣдникомъ; даже иностранцы въ Петербургѣ и Москвѣ присягали въ томъ; въ Ливоніи же было предложено это только подданнымъ.

Принцесса Анна, дочь герцогини мекленбургской, старшей сестры царицы, назначена наслѣдницею, хотя это еще не объявлено. Вѣнскій дворъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предлагалъ супружество между нею и принцемъ брауншвейгъ-вольфенбюттельскимъ, близкимъ родственникомъ императрицы (римской). Это уже было дѣломъ почти рѣшеннымъ, и сама принцесса была къ тому склонна.

Такой союзъ ставилъ Россію въ совершенную зависимость отъ вѣнскаго двора: гр. Биронъ открыто не смѣлъ противиться тому, однако съумѣлъ отдалить его. Теперь, сынъ его наслѣдный принцъ герцогства, смежнаго съ русскими предѣлами, и не сомнѣваются, чтобы виды герцога не простирались на доставленіе русской короны своему роду и чтобы онъ не успѣлъ въ томъ, если царица проживетъ еще нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ ея кончины прежде исполненія этого плана, выгоды герцога потребуютъ устроить себѣ безопасное удаленіе въ свои владѣнія, гдѣ онъ займется освобожденіемъ ихъ отъ долговъ и закладовъ, которыми они обременены. Въ противномъ случаѣ, миръ необходимъ для его плановъ: армія занята, деньги Россіи истощены въ войнѣ. Императоръ не въ состояніи ссужать его, а по герцогству онъ долженъ 10 мильоновъ, и двѣ трети его владѣній заложены. Выкупя ихъ, у него было бы дохода 150 т. ливровъ, а теперь онъ только получаетъ 50. Увѣренность, что Франція одна можетъ покончить войну вліяніемъ своимъ на Порту, побудила его открыть мнѣ о своемъ желаніи вступить въ переговоры съ вашею эминенціею. Онъ даже требовалъ, чтобы я къ вамъ писалъ отъ имени царицы, но я отказался, не будучи ни на что уполномоченъ. Если бы мое вмѣшательство не

понравилось вашей эминенціи, то послѣдствія были бы для меня ужасны, и я долженъ бы отказаться на всегда отъ надежды выѣхать изъ Россіи. Я полагалъ достаточнымъ извѣстить вашу еминенцію о расположеніи русскаго двора, и мнѣ стоило много трудовъ убѣдить герцога согласиться на то, чтобы я самъ отправился поддерживать мое письмо (которое Биронъ самъ послалъ). У меня не было другихъ способовъ, кромѣ почты, чтобы вамъ объяснить о томъ; въ Петербургѣ море освобождается только около 10 мая. Онъ (Биронъ) далъ мнѣ возможность писать къ вамъ и ждетъ только моего отвѣта, чтобы послать къ вашей эминенціи довѣренное лицо, которое сообщитъ вамъ о его истинныхъ чувствахъ. Вотъ, милостивѣйшій государь, все мое порученіе: я думалъ вступить въ Россію львомъ, а теперь считаю себя счастливымъ, покидая ее лисою.

Я буду имѣть честь представить вамъ записку о нынѣшнемъ состояніи Россіи, о правительствѣ ея, финансахъ, доходахъ казны, расходахъ, войскахъ сухопутныхъ и морскихъ. Чрезъ нѣсколько времени я представлю также докладъ о торговлѣ Россіи и о выгодахъ, которыя можетъ изъ нея извлечь Франція.

Ваша эминенція удостоитъ замѣтить, что въ доходахъ казны разныя случайныя статьи измѣняются ежегодно на 3—4 мильона; тоже самое и съ генералами, которыхъ число перемѣнилось три или четыре раза въ продолженіи настоящей зимы. Разница не превышаетъ 4 или 5. Если бы требовалась мелочная точность, то мнѣ легко ее достигнуть, потому что — смѣю сказать — нѣтъ ни одного присутственнаго мѣста въ Петербургѣ, которое бы устояло противъ самаго скромнаго подкупа (qu'il n'est pas un bureau dans Pétérsbourg à l'épreuve d'une bien modique somme).

Правительство.

Дѣла въ Россіи распредѣлены по разнымъ коллегіямъ. Послѣднія зависятъ отъ сената, сенатъ отъ кабинета, въ которомъ не собираются иначе, какъ подъ предсѣдательствомъ императрицы. Гр. Остерманъ и кн. Черкасскій суть члены, которые его составляютъ. Послѣдній тамъ только для вида, и мѣшается лишь въ ничтожныя дѣла по внутреннему управленію страны. Г. Бревернъ, братъ капитана въ саксонскомъ полку, въ кабинетѣ секретаремъ и завѣдуетъ перепискою, имѣя подъ начальствомъ 20 писцовъ, которые по большей части изъ солдатъ. Двери комнатъ и переднихъ охраняются двумя гвардейскими солдатами съ примкнутыми къ ружьямъ штыками. Обо всѣхъ дѣлахъ докладывается герцогу. Царица только чрезъ него и видитъ, и слышитъ, и говоритъ. Его приказанія и предположенія сообщаются гр. Остерману, а этотъ долженъ придумывать средства и изыскивать способы къ осуществленію ихъ.

Цѣль русскаго двора бросать пыль въ глаза цѣлой Европѣ. Нѣтъ такого необыкновеннаго и дорогаго проекта, который, бывъ предложенъ ему, не былъ бы принятъ, такъ напр. проектъ о торговлѣ съ Японіею чрезъ Камчатку, проектъ объ открытіи новыхъ земель въ Америкѣ; проектъ о веденіи торговли съ бухарцами и монгольцами; проектъ о сдѣланіи петербургскаго порта судоходнымъ; проектъ о соединеніи Волги съ Дономъ. Я знаю еще 200 т. проектовъ, на которые уже затрачено до 100 т. экю, потому что прожектеры получаютъ хорошее жалованье и содержаніе. Отъ времени до времени посылаютъ 5—6 нарочныхъ, чтобы ожидать ихъ на границѣ. Цѣль двора достигнута, если въ Европѣ говорятъ, что Россія богата: посмотрите, какіе чрезвычайные расходы дѣлаетъ Россія! Умалчиваю о содержаніи заведеній математическихъ и астрономическихъ

и о совершенномъ пренебреженіи и упадкѣ народныхъ школъ.

Финансы.

Трудно, чтобъ не сказать невозможно, знать настоящее количество обращающихся въ Россіи денегъ, потому что въ странѣ, гдѣ не существуетъ собственности, господа и крестьяне одинаково хлопочутъ скрывать отъ своихъ властей имѣющіяся у нихъ деньги, такъ какъ эти власти въ правѣ отнять ихъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ старается закопать свои деньги въ землю, а баринъ передаетъ ихъ въ иностранные банки. Полагаютъ, что въ Россіи обращается 150 мил. нашей монеты, такъ что доходы казны простираются до трети находящихся въ обращеніи денегъ. Сообщу вашей эминенціи черту, которая дастъ вамъ понятіе объ управленіи русскими финансами.

Петръ I приказалъ выбить на 10 мильоновъ мѣдной монеты въ 5 и 10 копѣекъ, въ $^1/_2$ и $^1/_4$ коп.; послѣднія почти не имѣютъ внутренней цѣны, но 8 четвертей копѣйки равны по вѣсу 5 коп. Поляки и жители Любека поняли эту разницу и выбили изъ этой монеты 5 копѣечники, которые сбываютъ въ Россіи, а за свои товары въ рубляхъ получаютъ полу и четверти копѣйками. Такимъ образомъ, вотъ для Россіи потеря 150 за 100. Четыре года тому назадъ, это замѣтили и считали, что въ Россіи уже 25 м. мѣдной монеты. Англичане и голландцы предложили средство: ихъ выслушали, возникла недовѣрчивость, на томъ и остановились. Нынѣшній годъ предпринято новое розысканіе о мѣдной монетѣ, и находятъ ее уже 35 мил. Такимъ образомъ, 25 мил. денегъ ввезено въ Россію со времени Петра Великаго, отчего въ потерѣ на 15 мильоновъ.

Доходы.

Доходы казны въ Россіи простираются до 55 мил. Статьи доходовъ суть: подати, таможенные сборы въ Ригѣ, Перновѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Кронштадтѣ, Петербургѣ, Выборгѣ, Архангельскѣ; кабаки; пошлина на персидскіе и китайскіе товары; торговля, исключительно производимая самою казною; пошлины внутри государства; казенныя имущества; добываніе соли, табакъ, монета и подати съ Ливоніи.

Въ Россіи считается 13 мил. душъ, изъ которыхъ 6—мужескаго пола. Война и тяжелыя работы, которыми обременены мужчины — вотъ причины такой несоразмѣрности. Мужчины одни платятъ подать, въ ревизскія сказки вносится каждый ребенокъ, явившійся на свѣтъ, и господа за каждую мужескую душу платятъ.., что составляетъ сумму въ 21 мил.

Ливонія, Украйна, Сибирь, Татарія, Лапонія не включены въ подушный окладъ: онѣ платятъ особыя подати, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Таможенный сборъ въ Ригѣ въ нынѣшнемъ году (1737) далъ 2 м. 2507 ливровъ; въ Петербургѣ онъ доходилъ до 3 м.; во всѣхъ прочихъ городахъ этотъ сборъ можно считать равнымъ полученному въ Ригѣ, что составляетъ 7,500,000 ливровъ. Я скажу объ этомъ подробнѣе въ запискѣ о торговлѣ.

Кабаки составляютъ важную статью казеннаго дохода—они приносятъ до 8 м. Каждый содержатель платитъ за право держать кабакъ и вино для того получаетъ отъ казны; одну часть его она отдаетъ на откупъ, а изъ другой сама извлекаетъ доходъ. Въ Москвѣ нынѣ откупъ въ 120 т., а въ Петербургѣ въ 750 т. ливровъ.

Пошлины на персидскіе и китайскіе товары незначительны. Они простираются до 3% со 100 ad valorem

и не приносятъ 120,000 ливровъ. Особенная торговля, которую ведетъ казна съ Персіею, прибыльнѣе: торгъ здѣсь производится не на деньги, а на кожи и мѣха, шелковыя матеріи, шелкъ сырецъ и ревень.

Ревень и поташъ принадлежатъ исключительно казнѣ и приносятъ дохода болѣе мильона. Пошлины внутри государства не достигаютъ двухъ мильоновъ, эти пошлины собираются съ бань, мельницъ, озеръ, желѣзныхъ рудниковъ. Невскій мостъ въ Петербургѣ одинъ доставляетъ 200 т. ливровъ.

Соляной промыселъ и табакъ приносятъ дохода около мильона. Мѣдные рудники отданы на откупъ по низкой цѣнѣ, но они улучшаются и начинаютъ приносить большой доходъ.

Въ Ливоніи около 400 т. душъ, и они платятъ 500 т. ливровъ вмѣсто подати, но вмѣстѣ съ тѣмъ на здѣшнихъ жителяхъ лежитъ содержаніе укрѣпленныхъ мѣстъ.

Остальныя статьи состоятъ изъ доходовъ съ казенныхъ земель, которые составляютъ шестую часть всего собираемаго въ Россіи.

Украйна снабжаетъ зерновымъ хлѣбомъ, нужнымъ на содержаніе 50 т. человѣкъ. Сибирь, Татарія и Лапландія доставляютъ только мѣха, которыми казна торгуетъ съ Персіею и Китаемъ на шелковыя матеріи. Въ случаѣ недостатка денегъ офицеры получаютъ ихъ вмѣсто жалованья.

Расходы.

Удивляются, что Россія, при такихъ скромныхъ доходахъ, въ состояніи покрывать издержки, которыхъ требуютъ, повидимому, ея огромныя предпріятія. Царь Петръ I велъ 23 года непрерывныя войны противъ Турціи, Персіи, Швеціи, татаръ и калмыковъ, которыхъ онъ подчинилъ своей власти; создалъ въ тоже время

огромный флотъ; строилъ порты и города, заводилъ училища для усовершенствованія искусствъ и наукъ и привлекалъ въ свое государство изумительное множество иностранцевъ, которымъ платилъ огромное жалованье. При всемъ томъ, умирая, онъ оставилъ значительныя суммы, достаточныя для окончанія задуманныхъ имъ предположеній. Кажется, что послѣдующія три царствованія употребляли всѣ усилія, чтобы уничтожить даже слѣды основанныхъ Петромъ учрежденій: морскія силы совершенно уничтоженныя, мануфактуры въ упадкѣ, искусства и науки въ небреженіи, кредитъ потрясенный, казна истощенная — вотъ доказательства моихъ словъ. Правда, Россія всегда вела войны со временъ Петра I, но не война истощила государство, такъ какъ деньги, которыми снабжаетъ царица армію, опять скоро къ ней возвращаются: она даетъ одною рукою, а другою получаетъ большую часть ихъ чрезъ кабаки — государство истощено роскошью, введенною при дворѣ, дурнымъ управленіемъ министерствъ, переводомъ заграницу суммъ, которые дѣлали и дѣлаютъ иностранцы и даже высшее дворянство, наконецъ безплодная распущенность, тщеславіе и суетность разоряютъ государство. Я самъ былъ тому свидѣтелемъ, и примѣры приводить здѣсь будетъ очень долго.

Необходимые расходы, которые должна дѣлать Россія, соразмѣрны съ ея доходами. Вотъ подробности: содержаніе арміи въ 130 т. чел., морскихъ силъ — 42 корабля, 9 т. матросовъ и двухъ морскихъ полковъ въ 3200 чел. стоятъ Россіи ежегодно 15 мил. Солдатъ и матросъ получаютъ въ день только $1^1/_2$ копѣйки, а мука, которую даютъ имъ на хлѣбъ, обходится казнѣ около одной копѣйки.

Генераловъ не много; получаютъ они жалованье и въ мирное время, и въ военное. Фельдмаршалъ имѣетъ 35 т. въ годъ, адмиралъ и генералъ артиллеріи 18 т.,

генералъ лейтенанты и вице адмиралы по 10 т., контръ-адмиралы и генералъ-маіоры по 9 т., капитаны кораблей и полковники по 3 т., морскіе лейтенанты по 1100. драгунскіе капитаны 1500, пѣхотные капитаны 400.

Казна платитъ только офицерамъ и солдатамъ, которые на службѣ; для нихъ не существуетъ ни убѣжищъ, ни пенсіи по оставленіи службы (il n'est point de retraite à la reforme pour eux); какъ только они дѣлаются не способны къ государственной службѣ, то ихъ распускаютъ по деревнямъ.

Правители, или начальники провинцій и городовъ, не имѣютъ никакого опредѣленнаго жалованья; генералъ или офицеръ, на котораго это возложено, получаетъ только то жалованье, которое ему слѣдуетъ по чину. Рижская и ливонская губерніи простираются до Смоленска и равняются двумъ третямъ Франціи, между тѣмъ не даютъ ни одной копѣйки дохода фельдмаршалу Ласси. Городъ Рига дѣлаетъ ему изъ таможенныхъ доходовъ подарокъ въ 4500 р. Вотъ и весь доходъ отъ службы, и въ Россіи съ жалованьемъ тоже самое, что въ первоначальной церкви съ бенефиціями.

Жалованье придворныхъ чиновъ пропорціонально съ военными; тоже самое и съ начальниками разныхъ коллегій; секретари же и писцы вовсе не получаютъ жалованья, а между тѣмъ обязаны работать.

Денежныхъ наградъ не даютъ при дворѣ; нѣтъ и помину о пенсіяхъ. Когда царица довольна службою своего подданнаго военнаго или штатскаго, то жалуетъ ему землю изъ казны, или навѣчно, или пожизненно, или же въ оброчное содержаніе за низкую плату, чтобы только можно было существовать.

Царствующая государыня щедра, и потому часто даетъ собственноручно изъ своихъ денегъ незначительныя награды. Такъ фельдмаршалу Ласси, по его возвращеніи изъ Крыма, подарила роговую табакерку съ би-

летомъ на тысячу червонцевъ, а на другой день послала ему шубу въ 4 т. Изъ имѣній ея хотя и производится раздача, однако это не истощаетъ значительно доходовъ, и они скоро пополняются, благодаря конфискаціямъ имуществъ, часто случающимся въ Россіи.

Работы, на которыя употребляются солдаты и крестьяне, не стоютъ казнѣ ничего, и вообще здѣсь ни во что ставятъ потерю людей.

Сухопутныя силы.

Россія содержитъ 80 т. регулярныхъ и хорошо дисциплированныхъ войскъ; $^2/_3$ генераловъ и $^1/_3$ обыкновенныхъ офицеровъ изъ иноземцевъ. Русскіе офицеры считаются плохими, и обязаны служить весь свой вѣкъ. Впрочемъ, по новому распоряженію царицы, они получали дозволеніе выходить въ отставку чрезъ 25 лѣтъ, и по крайней мѣрѣ $^2/_3$ спѣшатъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ, не смотря ни на какой чинъ и предпочитая всему возвратъ въ свои деревни и отрощеніе тамъ бороды [6]).

Казаки, татары и калмыки доставляютъ въ обѣ арміи 60 т. человѣкъ. Донскіе казаки и калмыки считаются лучшими: они служатъ всегда на конѣ и имѣютъ своихъ собственныхъ начальниковъ, которыхъ иногда берутъ изъ арміи. Донскіе казаки и калмыки получаютъ хлѣбъ, а малорусскіе и татары — по червонцу за кампанію; добыча предоставляется имъ.

Нынѣ армія фельдмаршала Миниха состоитъ изъ 45 т. регулярныхъ войскъ, 35 т. татаръ и казаковъ; она не укомплектована совершенно, хотя и есть до 17 т. рекрутъ. Голодъ и бѣдность губятъ болѣе, нежели оружіе, что легко понять когда знаешь, что армія должна возить съ собою жизненныхъ припасовъ на шестъ мѣсяцевъ. Эти припасы обыкновенно выходятъ въ четыре

мѣсяца, при томъ требованіе огромнаго количества фуража на 30 т. быковъ и упряжныхъ лошадей (chevaux de traits), не считая кавалеріи. Это самое и побудило оставить кампанію (противъ турокъ).

Армія фельдмаршала Ласси состоитъ изъ 25 т. человѣкъ и такого же количества татаръ и донскихъ казаковъ: она менѣе терпѣла, но ей предполагаютъ дать работу.

Эти 90 т. регулярныхъ войскъ имѣютъ 60 т. пѣхотинцевъ, три полка кирасирскихъ и 28 драгунскихъ. Одинъ изъ кирасирскихъ полковъ составляетъ гвардію ея величества, драгуны содержутся плохо и дерутся болѣе пѣшіе, нежели на конѣ.

Гарнизонъ въ Азовѣ и въ фортѣ св. Анны — изъ 5 т. человѣкъ; въ Очаковѣ и Кинбурнѣ также изъ 5 т.; одинъ полкъ въ 1,200 человѣкъ въ Петербургѣ и 2,400 пѣхотныхъ гвардейцевъ съ однимъ кавалерійскимъ полкомъ расположены въ Курляндіи отъ Выборга до Либавы, на разстояніи 300 лье; 2,400 человѣкъ на границахъ Персіи и такое же число войскъ гарнизонныхъ. Такимъ образомъ во всей Ливоніи, Петербургѣ и Финляндіи 8 т. войскъ регулярныхъ и 1,600 чел. гарнизонныхъ. Роты въ пѣхотѣ изъ 150 чел., 1 капитанъ, 2 поручика. Число генераловъ незначительно, 3 фельдмаршала: Трубецкой — русскій; Минихъ — изъ Гессена и Ласси — ирландецъ; 2 генерала артиллеріи: Левашевъ — русскій и принцъ гомбургскій; 16 генералъ-лейтенантовъ и 28 генералъ-маіоровъ.

Морскія силы.

Россія имѣетъ 60 военныхъ кораблей или фрегатовъ, изъ коихъ и 25 нельзя вывести въ море; 9 т. матросовъ и 3,200 морскихъ солдатъ; они нынѣ всѣ въ Азовѣ и Очаковѣ на фрегатахъ, перевозныхъ судахъ (pra-

mes) и лодкахъ, подъ командою вице-адмирала Бредаля, датчанина. Есть болѣе 200 галеръ на верфяхъ безъ всякаго употребленія. Въ Россіи на жалованьѣ 2 адмирала — Гордонъ, шотланецъ и гр. Головинъ, русскій. Первый командуетъ морскою частью въ Кронштадтѣ, 2-й президентъ адмиралтейской коллегіи; 2 вице-адмирала, 2 контръ-адмирала, 42 капитана кораблей, 200 лейтенантовъ. Изъ 42 капитановъ 36 на полномъ жалованьѣ и 6 на половинномъ. Адмиралы и офицеры служатъ безразлично на галерахъ, лодкахъ и перевозныхъ судахъ.

Заключеніе.

Русскія силы заключаются въ 90 т. хорошихъ войскъ, хорошо дисциплинованныхъ, которыя ведутъ войну постоянно въ продолженіи 38 лѣтъ; дворъ, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, употребляетъ всѣ старанія для поддержанія этой арміи и передвигаетъ ее, безъ большихъ издержекъ, куда захочетъ. Франція издавна выплачиваетъ субсидіи дворамъ Сѣвера, которые часто не соотвѣтствовали ожиданіямъ, возлагаемымъ на нихъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Швеція подаетъ разительный примѣръ своего безсилія, и я не наобумъ увѣряю вашу эминенцію, что во власти Россіи подавить Швецію въ продолженіи 10 лѣтъ, не обнажая меча. Россія въ состояніи снабжать въ изобиліи мѣдью цѣлую Европу за $^2/_3$ цѣны, за которую теперь снабжаетъ ее Швеція. Предложенія были уже сдѣланы промышленниками, и русскому двору не достаетъ только денегъ на задатки за работу. Удаленіе отъ Франціи, которое безпрестанно старается внушить русскому двору императоръ, Англія и Голландія, служитъ доказательствомъ той выгоды, которую могли бы извлечь эти два двора отъ союза между собою. Обстоятельства

къ тому благопріятны: русскій дворъ началъ питать недовѣріе къ вѣнскому; виды того, кто управляетъ Россіею, не согласны съ видами вѣнскаго кабинета; онъ работаетъ самъ для себя; торговля англичанъ и голландцевъ въ Россіи есть торговля по необходимости для нихъ. Россія не опасается за потерю ея; для нея выгоднѣе пріобрѣтать французскіе товары изъ Франціи изъ первыхъ рукъ, чѣмъ покупать ихъ у англичанъ, которые привозятъ товары поддѣльные. Тогда Франція воспользуется выгодами, которыя теперь въ рукахъ голландцевъ и англичанъ. Впрочемъ, Россія подвержена столь быстрымъ и столь чрезвычайнымъ переворотамъ, что выгоды Франціи требуютъ необходимо имѣть лицо, которое бы готово было извлечь изъ того выгоды для своего государя. **Лалли.**

Примѣчаніе.

[6]) 14 февраля 1740 г. подтверждалась сила указа, 31 декабря 1736 г., по которому шляхетство, прослужившее 25-ти лѣтній срокъ дѣйствительно могло выходить въ отставку. Манштейнъ (Mémoires sur la Russie, 1772, Lyon, p.p. 77, 78), сообщаетъ, что едва было издано это повелѣніе, какъ явилось безчисленное множество искателей: болѣе чѣмъ на половину офицеровъ подали просьбы объ отставкѣ, каждый изъ нихъ считалъ, что онъ въ службѣ болѣе 20-ти лѣтъ. Увидѣли, что молодые люди, едва достигшіе 30-ти лѣтъ, хлопотали объ отставкѣ: записанные въ полки съ 10 или 12 лѣтъ, они считали съ этого времени годы своей службы. У иныхъ изъ нихъ не было за душой ни копѣйки, и тѣмъ не менѣе они предпочитали лучше самимъ пахать поле, чѣмъ служить въ арміи. Это подало поводъ къ уничтоженію указа послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ по его появленіи (указъ не уничтожили совер-

шенно, а разъяснили 26 апрѣля 1740 г.). Фельдмаршалъ Минихъ далъ мысль къ этому постановленію, и когда оно было отмѣнено, то ему было очень непріятно. Кабинетъ дѣлалъ ему по этому поводу горькіе упреки, а между тѣмъ подобное постановленіе въ сущности клонилось лишь къ государственной пользѣ.

Отчего у русскаго дворянства тѣхъ временъ была такая сильная нелюбовь къ военной службѣ? Отвѣтъ на это, кажется, можно сдѣлать приведеніемъ слѣдующаго отрывка изъ слѣдствія надъ Минихомъ по воцареніи Елизаветы. Тогда старались пріискивать всѣ возможныя обвиненія противъ фельдмаршала, и его спрашивали: „во время его при арміи бытности, не токмо съ меньшими армейскими офицерами и многажды безъ суда не по достоинству офицерскому въ штрафахъ поступалъ, но штабъ-офицеромъ солдатской налагалъ штрафъ*), яко же и въ первый перекопской походъ нѣкоторыхъ россійскихъ полковниковъ, ругаясь, подъ ружье ставилъ, и такъ ихъ предъ всею арміею водилъ. Такожъ и со всѣмъ генералитетомъ всегда такъ абсолютно поступалъ, что ихъ ни во что ставилъ и во всемъ пренебрегалъ.—И на оное Минихъ отвѣтствовалъ, что съ кѣмъ онъ изъ полковниковъ такъ, какъ выше показано, поступалъ и по какой причинѣ, того за подлинно не помнитъ; но ежели сіе случилось, то можетъ быть по какому нибудь важному резону. То же разумѣется и о другихъ офицерахъ, и что временемъ за то, что кто по его ордерамъ не поступалъ или за другое что происходило безъ суда, то для того, что во время марша время къ тому не было. Генерала жъ провіантмейстера Кречетникова чрезъ нѣсколько времени скована имѣлъ за

*) «А по извѣстію, какъ русскіе штрафованы: ставлены подъ ружье полковники Воейковъ, Ларгинъ; были скованы генералъ-провіантмейстеръ Кречетниковъ, генералъ-провіантмейстеръ лейтенантъ Расловлевъ.»

что именно не помнитъ, и въ томъ, что безъ суда штрафовалъ, признается виновнымъ и проситъ милостиваго прощенія. Чтожъ бы онъ съ генералитетомъ всегда такъ абсолютно поступалъ, что ихъ ни во что ставилъ и во всемъ пренебрегалъ, то онъ припомнить не можетъ и уповаетъ, что всякаго по достоинству почиталъ."

2 марта 1739 г. Записка о французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, графа де-Вольгренана (Ct. de Vaulgrenant) *).

Французское посольство въ Петербургѣ, безъ сомнѣнія требуетъ болѣе расходовъ, нежели другое, какъ для прибытія туда, такъ и для приличнаго поддержанія себя тамъ. Если полагать, что есть преувеличеніе въ слухахъ о дороговизнѣ вообще и роскоши русскаго двора въ особенности, то можно посовѣтываться въ этомъ случаѣ съ Вильярдо, Маньяномъ и л'Етаномъ (Willardeau, Magnan et l'Estang**), которые тамъ были представителями короля. Они это знаютъ и не имѣютъ никакого интереса разувѣрять въ томъ. Впрочемъ, из-

*) Гр. Вольгренанъ былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ тотчасъ послѣ того, какъ было рѣшено версальскимъ дворомъ начать дипломатическія сношенія съ Россіею. Потомъ однако это назначеніе не состоялось, и въ Россію былъ отправленъ маркизъ де-ла-Шетарди.

**) Вильярдо былъ первымъ французскимъ консуломъ въ Россіи— онъ былъ отправленъ туда послѣ заключенія въ 1717 г. мирнаго трактата между Россіею, Франціею и Пруссіею (Histoire de la diplomatie française par Flassan, IV, 460). Маньянъ былъ французскимъ агентомъ въ Россіи при Аннѣ, не имѣя впрочемъ никакого дипломатическаго характера. Депеши Маньяна изъ Петербурга и Москвы напечатаны въ La Russie et les russes, par Nicolas Tourgueneff и La Russie il y a cent ans. Л'Етанъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1734 г. отъ французскаго правительства по случаю взятія въ плѣнъ маркиза Монти (Der genealogische Archivarius, 1734, XV, 685 и Genealogisch-historische Nachrichten, 1741, XIX, 644).

вѣстны непріятныя обстоятельства, въ которыхъ находились многіе иностранные министры и между прочимъ гг. Рабутинъ, Вратиславъ и де-Лиріа, которые однако, кромѣ значительнаго жалованья отъ своихъ государей, имѣли большіе доходы. Конечно не захотятъ, чтобы посланникъ его величества (французскаго) находился въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Графъ Вольгренанъ, который, какъ онъ объявилъ заранѣе, не въ состояніи жить своими средствами и, слѣдовательно, принужденъ довольствоваться лишь королевскимъ жалованьемъ, лишенъ будетъ возможности поддерживать съ нѣкоторымъ приличіемъ званіе посланника его величества при томъ дворѣ, если ему не назначатъ по крайней мѣрѣ 5 тысячъ рублей въ треть, что составитъ въ годъ 20 тысячъ рублей, какъ считается въ Петербургѣ, не включая сюда издержки на обзаведеніе, на учрежденіе домовой церкви, если таковая устроится, и на публичный въѣздъ. Сверхъ того, онъ считаетъ обязанностью обратить вниманіе его эминенціи *), можетъ ли онъ, при оставленіи посольствъ мадридскаго и туринскаго, льстить себя, чтобы о немъ думали такъ, какъ слѣдуетъ въ свѣтѣ вообще и при русскомъ дворѣ въ особенности, когда увидятъ, что онъ отправится къ мѣсту новаго своего назначенія, не бывъ удостоенъ того же ордена, который пожалованъ королемъ гг. Фенелону, де-Камби (de Cambis) и Мирпуа? Обстоятельство быть первымъ, когда либо бывавшимъ въ Россіи посланникомъ изъ Франціи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Какъ уже извѣстно, что его положеніе не дозволяетъ ему принять на себя из-

*) Т. е. кардинала Флери — онъ былъ сначала наставникомъ Людовика XV, а съ 1723 по 29 января 1743 г. — его государственнымъ министромъ и пользовался огромнымъ значеніемъ, благодаря слабости, неспособности и распущенности короля.

держки на экипажи, путешествіе и перевозку, то онъ полагаетъ приложить при семъ счетъ, изъ котораго легко видѣть, что онъ ограничивается только самымъ необходимымъ и неизбѣжнымъ.

На передѣлку его столоваго серебра, которое уже не можетъ болѣе служить и прибавку нѣкоторыхъ вещей новыхъ. . . .	15,000
На кареты, сбрую и дорожные экипажи .	18,000
„ церемоніальныя платья, только на 1-й годъ	10,000
На упряжныхъ лошадей, которыхъ купить въ Голштиніи, доставку ихъ въ Петербургъ, кромѣ того трехъ верховыхъ лошадей — всего.	13,000
На шлюпки и суда.	7,000
„ ливрею	18,000
„ мебель всякаго рода, купить какъ въ Петербургѣ, такъ и здѣсь, кромѣ той, которая уже есть	14,000
Издержки путешествія, перевозки и упаковки	24,000
Всего	119,000

Графъ Вольгренанъ пріѣхалъ изъ Испаніи 22 мая 1738 года, и жалованья по этому посольству было уплачено ему только по этотъ день, хотя его прислуга и багажъ были тогда въ дорогѣ съ большими издержками и прибыли только въ августѣ. По приказанію его эминенціи, онъ оставилъ при себѣ всѣхъ слугъ, что вовлекло его въ чрезвычайныя издержки, почему онъ и надѣется, что признаютъ справедливымъ, выдать ему какое нибудь вознагражденіе по этимъ двумъ статьямъ.

Записка, служащая инструкціею маркизу де-ла-Шетарди, который отправляется въ Петербургъ чрезвычайнымъ посланникомъ его величества къ царицѣ.

Компіень, іюль 1739 г. Уже давно видимая наклонность русскаго двора къ вѣнскому и безнадежность вступить въ какія либо полезныя сношенія съ первымъ изъ нихъ, заставляли короля не имѣть тамъ уполномоченнаго отъ себя министра. Когда же событія послѣ смерти короля Августа польскаго, случившейся въ 1733 г., обнаружили совершенно принципы русскаго двора, тогда его величество былъ поставленъ въ необходимость отозвать лицо, которое, безъ дипломатическаго характера, обязано было вести дѣла въ Петербургѣ *). Король не имѣя никакихъ сношеній съ Россіею, не требовалъ бы ея содѣйствія къ избранію короля Станислава на польскій престолъ и даже не жаловался бы на оппозицію, ею выказанную при этомъ, если бы не огорчили его величество поступки Россіи вопреки принятыхъ приличій, не только неисполненіемъ капитуляціи съ тремя французскими батальонами, объявленными плѣнными въ Данцигѣ, но также лишеніемъ свободы маркиза Монти, его посланника въ Польшѣ, что совершенно противно народному праву [7]). Самое большое пожертвованіе, которое могъ сдѣлать король, по усиленнымъ убѣжденіямъ вѣнскаго двора, было согласиться предоставить Россіи понять все это самой, прежде домогательства о гласномъ удовлетвореніи. Его величество, изъ угожденія императору, удовольствовался сдѣланнымъ наконецъ Россіею признаніемъ Станислава королемъ польскимъ. Послѣ такой великой уступки со стороны его величества, Россія не могла льстить себя

*) Какъ замѣчено выше, это былъ Маньянъ.

надеждою, чтобы Франція сдѣлала какую нибудь попытку для возобновленія сношеній, и хорошо чувствовала, что ей первой слѣдовало сдѣлать это. Потому-ли, что царица наконецъ поняла все, чѣмъ она обязана его величеству, или война, жестоко разгорѣвшаяся съ Турціею, заставила ее предвидѣть, что содѣйствіе Франціи можетъ быть ей полезно, или, наконецъ, предстоящее засѣданіе чиновъ въ Швеціи, въ которомъ предвидится преобладаніе Франціи, возбуждало впередъ нѣкоторыя опасенія, — только эта государыня не замедлила выразить желаніе о забвеніи прошлаго и имѣніи при обоихъ дворахъ министровъ съ представительнымъ характеромъ, предоставивъ на выборъ его величества этотъ характеръ. Такимъ образомъ, послѣ назначенія во Францію кн. Кантемира, который уже сюда и прибылъ, его величество рѣшился назначить посланника въ Петербургъ, и не было причинъ отлагать это назначеніе, особенно послѣ принятія Россіею посредничества короля въ заключеніи мира съ Портою.

Его величество, для выполненія этого важнаго порученія, избираетъ маркиза де-ла-Шетарди, бывшаго предъ тѣмъ министра при берлинскомъ дворѣ въ увѣренности, что онъ, какъ уже доказавшій свое рвеніе и таланты, болѣе нежели кто либо, способенъ служить въ посольствѣ, которое на него возлагается.

Желаніе его величества состоитъ въ томъ, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, былъ въ состояніи прибыть къ мѣсту своего новаго назначенія. Главнымъ его стараніемъ должно быть поспѣшеніе первою аудіенціею и скорое выполненіе необходимаго церемоніала, на тотъ конецъ, чтобы ему ничто не мѣшало свободно вступить въ сношенія со всѣми на пользу службы его величества. Что касается до церемоніала, то ни его величество, ни его предшественники не имѣли никогда посланниковъ въ Россіи, почему и нельзя по этому предмету ничего пред-

писать заранѣе. Посланникъ знаетъ только, что его величеству въ лицѣ, которое его представляетъ, воздаются почести, одинаковыя съ императоромъ. Маркизъ де-ла-Шетарди обязанъ требовать равенства въ почестяхъ; въ случаяхъ же, которые не имѣли бы прежде примѣровъ и въ которыхъ могъ бы сомнѣваться маркизъ касательно уваженія къ своему званію, онъ долженъ требовать письменнаго удостовѣренія, что никакой императорскій посланникъ не будетъ иначе принимаемъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Такъ заведено во многихъ случаяхъ въ разныхъ государствахъ, и эта предосторожность тѣмъ болѣе необходима въ странѣ, гдѣ царствуютъ нѣмцы и пристрастіе къ нимъ уже укоренилось до крайности.

Вѣроятно, что петербургскій дворъ потребуетъ, чтобы маркизъ де-ла-Шетарди, при своемъ прибытіи, исполнилъ тѣ же самыя формальности, которыя введены при французскомъ дворѣ, и, слѣдовательно, сдѣлалъ бы первый визитъ статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ. Маркизъ де-ла-Шетарди не долженъ здѣсь затрудняться. Могутъ быть еще какіе либо особенные обычаи при этомъ дворѣ, которые не имѣютъ большой важности, и посланникъ можетъ сообразоваться съ ними. Въ этомъ случаѣ его величество полагается на его благоразуміе; но онъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ допускать того, что унизило бы его достоинство и не оправдывалось бы никакимъ примѣромъ.

Послѣ всего того, что происходило между Россіею и Франціею и что не даетъ посланнику права выражать царицѣ увѣренія въ самой нѣжной и совершенной дружбѣ, онъ, представляя свою вѣрительную грамоту, долженъ ограничиться засвидѣтельствованіемъ удовольствія, которымъ преисполненъ его величество при возобновленіи добрыхъ сношеній, дозволяющихъ нынѣ взаимно имѣть министровъ, и увѣрять, что король посред-

никъ съ Портою, искренно желаетъ прочнаго мира. Въ томъ же духѣ маркизъ де-ла-Шетарди долженъ говорить герцогу курляндскому, гр. Остерману и другимъ министрамъ.

Недавно сдѣланное объявленіе о бракѣ принцессы Анны мекленбургской, племянницы царицы, съ принцемъ Вольфенбюттель-Беверномъ должно необходимо вызвать нѣкоторое измѣненіе во внутреннемъ положеніи русскаго двора. Уже давно былъ поводъ думать, что герцогъ курляндскій замышлялъ бракъ названной принцессы съ своимъ старшимъ сыномъ, и предпочтеніе, данное лицу, постороннему къ царской фамиліи, заставляетъ предполагать два обстоятельства, очень важныя, чтобы ихъ можно было окончательно рѣшить и подтвердить. Первое: не уменьшилось ли значительно вліяніе герцога курляндскаго? Второе, русскій дворъ не будетъ ли болѣе, нежели когда либо, привязанъ къ видамъ и выгодамъ вѣнскаго двора, который повидимому царица почитаетъ необходимымъ для своихъ намѣреній и наслѣдованія своей племянницы [8])?

Это послѣднее обстоятельство подтверждаетъ только давнишнюю мысль его величества, что Россія въ отношеніи къ равновѣсію на Сѣверѣ достигла слишкомъ высокой степени могущества и что въ отношеніи настоящихъ и будущихъ дѣлъ Австріи союзъ ея съ австрійскимъ домомъ чрезвычайно опасенъ. Видѣли по дѣламъ Польши, какъ злоупотреблялъ вѣнскій дворъ этимъ союзомъ. Если онъ могъ въ недавнее время привести на Рейнъ корпусъ московскихъ войскъ въ 10 т.*), то,

*) Въ 1735 г. императрица Анна отправила войско подъ командою Ласси на Рейнъ въ помощь римскому императору Карлу VI противъ французовъ. Австрійскіе генералы по своему отблагодарили за это русскихъ офицеровъ и въ привѣтствіи къ нимъ не хотѣли даже называть русскую государыню императрицею. Тогда находившійся въ русской службѣ генералъ Кейтъ сталъ Карла VI

когда ему понадобится подчинить своему произволу всю имперію, онъ будетъ въ состояніи запрудить всю Германію толпами варваровъ.

Германскіе владѣтели слишкомъ разъединены и слишкомъ слабы, чтобы можно было отъ нихъ однихъ ожидать твердой рѣшимости предотвратить такое великое несчастіе — предвѣстникъ ихъ будущаго паденія, и его величество давно обдумываетъ способы воспротивиться тому.

Съ одной стороны, становится болѣе, нежели когда либо, трудно разорвать связи между русскимъ и вѣнскимъ дворами; съ другой — это невозможно безъ прямыхъ сношеній съ Россіею; но эти сношенія только увеличиваютъ значеніе ея, что противно видамъ его величества, который, возвышая и поддерживая Швецію, видитъ въ ней единственное на Сѣверѣ государство, дружба съ которымъ можетъ быть полезна и постоянна. Въ этихъ самыхъ видахъ, въ продолженіи нынѣшняго сейма государственныхъ чиновъ въ Стокгольмѣ, король не только заключилъ съ Швеціею трактатъ о субсидіяхъ, но и употреблялъ всѣ усилія, чтобы удалить изъ правительства въ Швеціи всѣхъ лицъ, которыя извѣстны были своею преданностью Англіи и Россіи. Если эти старанія, сверхъ всякаго ожиданія, увѣнчались успѣхомъ, то конечно не безъ опасенія для Россіи, и именно этому можно приписать ея рѣшимость не давать болѣе императору обѣщаннаго вспоможенія, и чрезъ то не остаться безъ своихъ лучшихъ войскъ, какъ это дѣлалось въ три предъидущія кампаніи, когда это было можно по случаю совершенной безопасности.

величать только эрцъ-герцогомъ австрійскимъ и замѣтилъ, что русская императрица всегда съ удовольствіемъ готова помогать эрцъ-герцогскому австрійскому дому. Австрійцевъ это озадачило, и они послали нарочнаго съ донесеніемъ о томъ въ Вѣну (Mémoires sur la Russie, par Manstein, Lyon, 1772, I, p.p. 140, 141).

Не должно обольщать себя, чтобы Россія не приписывала мѣрамъ, принятымъ королемъ, такой помѣхи ея самолюбивымъ замысламъ объ увеличеніи своихъ владѣній, и маркизъ де-ла-Шетарди долженъ даже ожидать, что если ему не будутъ о томъ жаловаться, то по крайней мѣрѣ выкажутъ себя очень огорченными тѣмъ, что происходитъ въ Швеціи. На это онъ долженъ отвѣчать, что трактатъ о субсидіяхъ не есть вещь новая, и что съ устраненіемъ причинъ, препятствовавшихъ ратификаціи его въ 1735 г., не возможно и не должно было отказываться отъ исполненія его; что касается перемѣнъ, происшедшихъ во внутреннемъ составѣ шведскаго правительства, то королю нѣтъ дѣла до того, что сама нація признала полезнымъ для своего блага. Впрочемъ, посланникъ долженъ, сколько возможно, сокращать разговоры объ этомъ предметѣ, которымъ русскіе могутъ только злоупотреблять въ Швеціи, какъ это недавно они сдѣлали изъ того, что могло быть сообщено лишь для разувѣренія ихъ.

Вообще король не хочетъ, чтобы ему могли сдѣлать какой либо справедливый упрекъ, и въ тоже время интересы его величества не требуютъ, чтобы опасенія Россіи разсѣялись до такой степени, чтобы она считала себя въ возможности безнаказанно преслѣдовать свои честолюбивые замыслы, уже нѣсколько лѣтъ ею выказываемые.

Беспокойство Россіи отъ плановъ Швеціи еще болѣе служитъ средствомъ ослабить выгоды союза ея съ императоромъ: тому не нужно другаго доказательства, кромѣ рѣшимости царицы остаться въ оборонительномъ положеніи въ продолженіи будущей кампаніи, или покрайней мѣрѣ ограничиться незначительною диверсіею, несмотря на всю живость упрековъ, которые за то на нея сыпались. Это все, чего можно желать въ настоящую минуту. Эти два государства (Россія и Австрія)

нынѣ имѣютъ много причинъ быть соединенными, чтобы можно было надѣяться на разъединеніе ихъ. Послѣдняго должно ожидать только отъ перемѣны обстоятельствъ, или вслѣдствій зависти, которая можетъ родиться между дворами вѣнскимъ и петербургскимъ, или по событіямъ, которыя сдѣлаютъ той или другой сторонѣ не столько полезнымъ, сколько вреднымъ этотъ союзъ.

Состояніе Россіи еще не обезпечено на столько, чтобы не опасаться внутреннихъ переворотовъ.

Иноземное правительство, чтобы утвердиться, ничѣмъ не пренебрегало для притѣсненія и разогнанія старинныхъ русскихъ фамилій; но не смотря на всѣ усилія, все еще остаются недовольные иноземнымъ игомъ — онѣ вѣроятно прервутъ молчаніе и оставятъ бездѣйствіе, когда будутъ въ возможности сдѣлать это съ безопасностью и успѣхомъ. [9]) Нынѣ, король не можетъ, по справедливости, имѣть вѣрныя подробности объ этомъ положеніи; но, вспоминая незначительность права, которое возвело на русскій тронъ герцогиню курляндскую, когда была принцесса Елизавета и сынъ герцогини голштинской, трудно предполагать, чтобы за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія.

Король не имѣетъ предписывать ничего касательно этого предмета своему посланнику. Было бы даже очень опаснымъ предпринять что нибудь такое, что высказало бы какое бы то ни было любопытство или разсчетъ въ этомъ случаѣ; но въ тоже время весьма важно, чтобы маркизъ де-ла-Шетарди, употребляя всевозможныя предосторожности, узналъ, какъ возможно вѣрнѣе, о состояніи умовъ, о положеніи русскихъ фамилій, о вліяніи друзей, которыхъ можетъ имѣть принцесса Елизавета, о сторонникахъ дома голштинскаго, которые сохранились въ Россіи, о духѣ въ разныхъ корпусахъ войскъ и тѣхъ, кто ими командуетъ, наконецъ обо всемъ, что

можетъ дать понятіе о вѣроятности переворота, въ особенности если царица скончается прежде, чѣмъ сдѣлаетъ какое либо распоряженіе о наслѣдованіи престоломъ.

Чтобы достать подобныя извѣстія вѣрно и безъ нарушенія приличій, требуется время, много предосторожностей и особенная недовѣрчивость къ нескромнымъ внушеніямъ, которыя могутъ дѣлаться въ странѣ, гдѣ весьма въ употребленіи шпіоны и фальшивая откровенность.

Есть другой предметъ для разсмотрѣнія, болѣе опредѣленный и дѣйствительный и столь же важный — это состояніе финансовъ и войскъ сухопутныхъ и морскихъ въ Россіи. Различныя донесенія, которыя послѣдовательно представлялись объ этихъ предметахъ, такъ разнорѣчивы между собою, что король не можетъ составить о нихъ точнаго понятія. Великолѣпіе и роскошь, которыя приписываются русскому двору, мало согласуются съ мнѣніемъ объ истощеніи тамошнихъ финансовъ, съ издержками во всѣхъ родахъ, которыя съ давнихъ временъ дѣлаетъ Россія. Извѣстія о томъ необходимы, чтобы можно было судить о помощи, которую можетъ оказать Россія императору въ новой войнѣ противъ имперіи оттоманской, и о пожертвованіяхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, которыхъ король, какъ посредникъ, можетъ требовать отъ той или другой стороны для достиженія мира.

Если царица, независимо отъ опасеній со стороны Швеціи, остается при желаніи сохранить въ этомъ году оборонительное положеніе, тогда въ этомъ можно видѣть доказательство истощенія главныхъ средствъ, потому что дѣйствительно, при отсутствіи помощи союзниковъ, сдѣлается болѣе двусмысленнымъ положеніе императора, и неизбѣжно будутъ болѣе имѣть силы условія царицы, когда пойдетъ рѣчь о мирѣ, если только

она не имѣетъ намѣренія вступить въ переговоры отдѣльно, что не должно предполагать послѣ торжественныхъ объявленій, которыя эта государыня повторила о своей привязанности къ императору; впрочемъ если бы даже и можно было сомнѣваться въ нихъ, то посланникъ обязанъ старательно скрывать, что желаетъ того: ничто такъ не сдѣлаетъ его подозрительнымъ, почему на словахъ онъ постоянно долженъ высказывать, что король хлопочетъ о мирѣ не иначе, какъ совмѣстно для обоихъ государствъ.

Если событія пойдутъ такъ счастливо, что миръ, заключенный отдѣльно каждою стороною, поможетъ потрясти союзъ между дворами вѣнскимъ и петербургскимъ, то надобно, чтобы это казалось послѣдствіемъ случайности, но никакъ не участія его величества. Одно подозрѣніе, возбужденное преждевременно, будетъ только способствовать къ большему укрѣпленію связи, которую желательно ослабить. Событія въ будущую кампанію въ Венгріи доставятъ возможность его величеству дать опредѣлительныя приказанія посланнику, и, въ ожиданіи ихъ, онъ вообще долженъ заботиться о средствахъ пріобрѣсти довѣренность русскихъ министровъ, и, если можно, вывѣдать у нихъ о томъ, что дало бы ему возможность судить о легкости, болѣе или менѣе значительной, которую Россія доставитъ при заключеніи мира съ Польшею. Онъ особенно обязанъ стараться дать почувствовать, что главною выгодою мира, какъ бы онъ ни былъ заключенъ, Россія обязана посредничеству короля, который, въ качествѣ медіатора, сдѣлавшись поручителемъ всего, что ни будетъ постановлено, долженъ представлять миръ болѣе прочнымъ. Если бы русскіе министры простерли свою довѣренность до того, что сообщили бы посланнику подробности объ ихъ видахъ на миръ, тогда онъ только возьметъ на себя

передачу ихъ его величеству, не говоря ничего впередъ о мнѣніи, которое можетъ имѣть о нихъ король.

Маркизъ де-ла-Шетарди обязанъ быть внимательнымъ, чтобы не допускать малѣйшей недовѣрчивости къ желанію Франціи доставить миръ, тѣмъ болѣе, что его величество узналъ вѣрнымъ путемъ, что король Августъ польскій, съ согласія царицы, предложилъ свое посредничество туркамъ. Порта не дала еще на это никакого отвѣта, но не невозможно, чтобы предложенія не были выслушаны, особенно послѣ удаленія великаго визиря. Король не знаетъ, ведутся-ли переговоры о томъ въ Петербургѣ или же въ Дрезденѣ, и господинъ де-ла-Шетарди долженъ стараться разузнать о томъ.

Хотя его величество не считаетъ удобнымъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, вступить въ какія нибудь частныя обязательства съ Россіею, однако это не исключаетъ общихъ видовъ на торговлю, что можетъ быть къ пользѣ обоихъ народовъ. Есть поводъ думать, что русское министерство имѣетъ мысль о томъ, и его величество сочтетъ за истинное благо измѣненіе тарифа 1724 г., сдѣлавшаго невозможнымъ всякую торговлю съ Россіею, что доставило бы наконецъ способы къ уравновѣшиванію и постепенному уменьшенію торговли англичанъ на Сѣверѣ. Но не дѣло посланника прямо заявлять по этому предмету какое либо желаніе, онъ обязанъ только, если будутъ сдѣланы ему предложенія, показывать видъ, что готовъ охотно ихъ выслушать и желаетъ узнать о средствахъ къ соглашенію, но въ то же время не доходить до переговоровъ объ условіяхъ. Дѣйствительно, дѣло не можетъ уладиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣненъ вредный тарифъ 1724 года. Русскіе, смотря на это измѣненіе, какъ на дѣйствительное уменьшеніе таможенныхъ доходовъ, вѣроятно будутъ затрудняться приступить къ такому измѣненію. Впрочемъ, надобно ожидать, что англичане,

ужасно завистливые и внимательные ко всему, что касается торговли, постараются представить всѣ возможныя препятствія къ тому, что можетъ доставить французскимъ подданнымъ выгоды въ торговлѣ на Сѣверѣ, и несомнѣнно, что они пользуются на столько вліяніемъ въ Россіи, чтобы основательно опасаться въ успѣхѣ ихъ противодѣйствія. Послѣднее можетъ тогда только неудаться, когда русскіе сами постепенно увѣрятся въ пользѣ для себя завести прямую торговлю съ подданными короля, и только при такомъ расположеніи, въ которомъ надобно быть очень увѣренными, можно начать переговоры о торговлѣ съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ.

Независимо отъ торговаго трактата, къ заключенію котораго, при всей взаимной выгодѣ его для Франціи и Московіи, предвидятся затрудненія, царица можетъ быть намѣрена войти съ Франціею въ болѣе тѣсныя сношенія. Убѣдительныя настоянія императорскаго посланника побудить его величество сдѣлать Россію участницею въ дружественномъ союзѣ, возстановленномъ въ послѣднее время между его величествомъ и императоромъ, показываютъ достаточно, какъ озабоченъ вѣнскій дворъ обезпечить результаты, ожидаемые отъ союза съ Россіею, обязывая даже Францію, если это возможно, подъ личиною безграничной довѣренности, служить своимъ политическимъ видамъ. Кардиналъ Флери, не отвергая предложеній австрійскаго посланника, далъ ему понять, что онъ, хотя бы желалъ забыть причины къ жалобамъ на Россію, однако его величество не можетъ вступить въ такія обязательства съ дворомъ, котораго расположеніе онъ знаетъ не прямо. Когда маркизъ де-ла-Шетарди будетъ имѣть досугъ узнать о томъ положительно, тогда будетъ рѣшено это. Впрочемъ подобный образъ дѣйствія со стороны Франціи, при настоящемъ положеніи дѣлъ, можетъ сдѣлать тур-

какъ чрезвычайно подозрительнымъ посредничество ея. Такимъ образомъ, по разнымъ причинамъ, нынѣ не удобно вступить его величеству въ болѣе тѣсный союзъ съ Россіею. Если министры царицы сдѣлаютъ маркизу де-ла-Шетарди какія нибудь предложенія въ этомъ родѣ, то онъ ограничится тѣмъ, что выслушаетъ ихъ вѣжливо, и, отдавши отчетъ королю, будетъ ожидать отъ его величества новыхъ наставленій, согласно требованіямъ событій и обстоятельствъ.

Успѣхъ дѣлъ много будетъ зависѣть отъ вѣрнаго знанія людей и отъ того, что они въ состояніи сдѣлать, почему маркизъ де-ла-Шетарди долженъ обратить на это главное вниманіе. Доселѣ герцогъ курляндскій слылъ рѣшительно за фаворита; нѣтъ повода жаловаться на высказанныя имъ намѣренія, но какъ онъ не въ состояніи обойтись безъ министровъ, привыкшихъ къ работѣ и которые въ подробностяхъ умѣли ронять то, что желали уронить, то его добрыя намѣренія всегда были безплодны для выгодъ короля. Выборъ принца Веверна для принцессы мекленбургской можетъ нѣчто измѣнить въ положеніи, или повлечь нѣкоторое уменьшеніе милости, что и обязанъ наблюдать посланникъ чрезвычайно старательно; но въ ожиданіи онъ долженъ оказывать герцогу всевозможное вниманіе и уваженіе, на столько, на сколько достоинство его званія ему то дозволитъ.

Мнѣнія министровъ императора на счетъ гр. Остермана были чрезвычайно измѣнчивы въ продолженіи послѣдняго года. Они смотрѣли на него, какъ на злѣйшаго врага вѣнскаго двора и совершенно преданнаго прусскому королю. Съ нѣкотораго времени, они кажется болѣе довольны имъ. Посланникъ постарается провѣрить, на сколько это ему возможно, въ какой степени справедливы подобные отзывы императорскихъ министровъ?

Графъ Остерманъ, по рожденію, сердцу и привязанностямъ, былъ всегда нѣмцемъ. Это единственный въ Петербургѣ человѣкъ, способный къ дѣламъ и работѣ. Всѣ, кто могъ возбуждать его опасенія, или умерли, или разогнаны. Быть можетъ, что вѣнскій дворъ, желая въ настоящей войнѣ требовать слишкомъ много вспоможеній и ожидая большей угодливости отъ Россіи, встрѣтилъ противодѣйствіе въ гр. Остерманѣ, что и подало поводъ къ жалобамъ. Въ такомъ случаѣ это обстоятельство временное, и оно, слѣдовательно, не дѣлаетъ изъ гр. Остермана врага союзу между двумя дворами. Посланникъ постарается разъяснить эти сомнѣнія.

Остается дать наставленіе маркизу де-ла-Шетарди объ отношеніяхъ его къ различнымъ иностраннымъ министрамъ въ Петербургѣ касательно общаго положенія дѣлъ ихъ дворовъ.

Внѣшнія отношенія съ министрами императора должны быть исполнены вѣжливости, сообразно мирному настроенію, которое установилось между его величествомъ и этимъ владѣтелемъ; но довѣрчивость должна быть очень умѣренна, также какъ и самихъ императорскихъ министровъ въ отношеніи къ Франціи; впрочемъ никакъ не выказывать этого. Министры императора умѣютъ пользоваться всѣмъ, слѣдовательно будетъ опасно, показывая къ нимъ большую довѣрчивость, дать имъ возможность слишкомъ злоупотреблять ею.

Если можно положиться точно на личныя качества Нолькена, шведскаго министра, то посланникъ можетъ быть съ нимъ совершенно откровененъ; но такъ какъ онъ избранъ шведскимъ королемъ и вообще, кто бы ни былъ въ Петербургѣ шведскимъ министромъ, онъ всегда возбуждаетъ подозрѣніе Россіи, то взаимная довѣрчивость должна быть скрываема, такъ, чтобы по наружности не выказывалось ничего, что могло бы внушить опасенія Россіи. Нолькенъ сообщилъ, что герцогъ

курляндскій сдѣлалъ ему предложенія объ утвержденіи добраго согласія между Московіею и Швеціею. Трудно предположить какое либо чистосердечіе въ этомъ предложеніи, можетъ быть сдѣланномъ съ цѣлію отдалить осуществленіе рѣшенія, котораго опасались со стороны сейма (шведскаго). Вещь возможная, что герцогъ курляндскій захочетъ пригласить въ эти переговоры маркиза де-ла-Шетарди, но какъ королю совершенно неизвѣстны предложенія, о которыхъ можетъ быть тамъ рѣчь, то и невозможно ему дать на этотъ предметъ какое либо наставленіе. Посланникъ его величества удовольствуется принять ad referendum то, что будетъ ему сообщено, и извѣститъ о томъ графа Сентъ-Северина въ Стокгольмѣ, съ которымъ желательно, чтобы онъ поддерживалъ переписку постоянную и, если возможно, вѣрную.

Какъ ни недоволенъ король датскимъ дворомъ и образомъ его дѣйствій, однако намѣреніе его величества состоитъ въ томъ, чтобы посланникъ, не выказывая откровенности и довѣрчивости, наблюдалъ съ датскимъ посломъ всѣ обязанности вѣжливости и приличій.

Настоящія отношенія его величества съ прусскимъ королемъ таковы, что министръ этого государя долженъ только хвалиться расположеніемъ къ себѣ посланника.

Онъ долженъ ограничиться лишь простыми вѣжливостями съ англійскимъ резидентомъ, но, въ отношеніи министра голландской республики, обязанъ выказывать всегда, какъ дорожитъ король дружбою штатовъ и какъ желаетъ онъ доказать это на дѣлѣ.

Сверхъ того, король желаетъ, чтобы маркизъ де-ла-Шетарди на досугѣ собралъ бы всѣ свѣдѣнія, которыя онъ можетъ достать о торговлѣ Россіи, о богатствахъ ея и произведеніяхъ, объ отдѣльныхъ статьяхъ доходовъ государя и объ образѣ правленія — однимъ

словомъ обо всемъ, касающемся до государства, котораго могущество такъ возросло съ нѣкотораго времени и о которомъ, съ каждымъ днемъ, становится болѣе и болѣе любопытнымъ имѣть вѣрныя извѣстія.

Примѣчанія.

[7]) По смерти польскаго короля Августа II, французское правительство сильно хлопотало о возведеніи вновь на польскій престолъ зятя Людовика XV, Станислава Лещинскаго, который еще во времена Петра Великаго сдѣлался-было польскимъ королемъ при помощи Карла XII. Россія же послала войска для поддержанія насильственнаго избранія сына Августа II, саксонскаго курфюрста Августа III. Вслѣдствіе того Лещинскій удалился въ Данцигъ, который 28 іюня 1734 г. сдался Миниху на капитуляцію. Въ силу ея, три находившіеся тамъ французскіе баталіона слѣдовало отвезти въ какой нибудь портъ въ Восточномъ морѣ, но потомъ ихъ отвезли, какъ военноплѣнныхъ, въ Кронштадтъ, потому что французская эскадра, не объявивъ войны Россіи, захватила и отвела во Францію русскіе пакетботъ, два гальота и одинъ фрегатъ (Записки Миниха-сына, 89, 90). Въ Данцигѣ же попался Миниху французскій посолъ при польскомъ дворѣ, маркизъ Монти съ своимъ секретаремъ Терсье. Ихъ держали 18 мѣсяцевъ въ строгомъ заключеніи сначала въ Маріенбургѣ, потомъ въ Торнѣ. Французское правительство протестовало противъ такого обхожденія съ его посломъ, ссылаясь на народное право, по которому лицо его считалось неприкосновеннымъ. Русскіе, съ своей стороны, возражали на то, что Монти былъ посломъ у непріязненнаго владѣтеля, принималъ сильное участіе въ поддержаніи его вооруженною силою и тѣмъ самымъ уже утратилъ права посланника иностранной

державы. Если во время войны можно взять въ плѣнъ самого государя, то тѣмъ паче можно это сдѣлать съ министромъ, который помогаетъ ему вооруженною силою, и въ Данцигѣ были французскія войска, а въ Балтійскомъ морѣ — французская эскадра (Histoire de la diplomatie française, par Flassan, V, 72 — 74).

[8]) Вскорѣ послѣ замужества принцессы Анны съ принцемъ Брауншвейгскимъ, вѣнскій дворъ началъ сильно настаивать, чтобы новобрачный, во уваженіе теперешняго его родства и огромныхъ способностей, получилъ право засѣдать въ кабинетѣ и военной коллегіи. Это очень сердило Бирона. Около этого времени, Пецольдъ, секретарь саксонскаго посольства, случайно встрѣтилъ его въ лѣтнемъ саду, и онъ далъ свободу раздраженію своего вспыльчиваго характера: „вѣнскій дворъ считаетъ здѣсь себя, какъ дома, и думаетъ управлять дѣлами въ Петербургѣ; но онъ сильно ошибается! Если же въ Вѣнѣ такого мнѣнія, что у герцога брауншвейгскаго прекрасныя способности, то онъ, Биронъ, готовъ безъ труда уговорить императрицу, чтобы принца совсѣмъ передать вѣнскому двору и послать его туда, когда тамъ настоитъ надобность въ подобныхъ мудрыхъ министрахъ. Каждому извѣстенъ герцогъ Антонъ Ульрихъ, какъ человѣкъ самаго посредственнаго ума, и, если его дали въ мужья принцессѣ Аннѣ, то при этомъ не имѣли и не могли имѣть другаго намѣренія, кромѣ того, чтобы производилъ на свѣтъ дѣтей; но и на это онъ не на столько уменъ. Надобно только желать, чтобы дѣти, которые могутъ, пожалуй, отъ него родиться, были похожи не на него, а на его мать. (Hermann's Geschichte des russischen Staates, IV, 636, 637)“...

[9]) Едва прошло нѣсколько недѣль по воцареніи Анны, какъ англійскій резидентъ въ Петербургѣ Рондо, 20 апрѣля 1730 года писалъ: „дворянство выказываетъ недовольство, что ея величество окружаетъ себя

множествомъ иностранцевъ. Г. Биренъ, курляндецъ, пріѣхавшій съ нею, сдѣланъ оберъ-камергеромъ, и множество другихъ лицъ изъ этой страны въ большой милости. Старые русскіе, ожидавшіе себѣ предпочтенія отъ царицы, тѣмъ очень разсержены, (La cour de la Russie il y a cent ans, Berlin 1858, 46)"... Слѣдовъ недовольства въ русскихъ временъ Анны противъ иноземцовъ и въ особенности Бирона можно найти не мало въ современныхъ дѣлахъ. Частные разговоры, признанія въ дружеской бесѣдѣ—все тогда подвергалось преслѣдованіямъ, доносамъ, и можно потому вообразить себѣ, какое количество дѣлъ возникало по этому поводу. Вотъ немногіе примѣры: въ 1733 г. маіоръ Бахметьевъ долгомъ считалъ довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что въ 1732 г. ему случилось въ Симбирскѣ на охотѣ быть съ тайнымъ совѣтникомъ Ѳедоромъ Наумовымъ, который говорилъ: „нынѣ-де силу великую имѣютъ господинъ оберъ-камергеръ и фельдмаршалъ фонъ Минихъ, которые что хотятъ, то и дѣлаютъ, и всѣхъ насъ губятъ; а именно Александръ Румянцевъ сосланъ и пропадаетъ отъ нихъ. Также генералъ Ягужинскій посланъ отъ нихъ же, а Долгорукіе и всѣ отъ нихъ пропали, и никто-де не смѣетъ съ ними говорить! Однакожъ Богъ имъ заплатитъ и сами тогожъ будутъ ждать"... Въ 1737 г., бывшіе совѣтники Тимофѣй Тарбѣевъ, Иванъ Анненковъ и ассесоръ Константинъ Скороходовъ потребованы были къ допросу. Первый изъ нихъ при послѣднихъ говорилъ камергеру Бѣликову: „Биронъ-де взялъ силу, и государыня-де безъ него ничего не сдѣлаетъ; какъ-де всѣмъ о томъ извѣстно, что де донесутъ ей, то-де и сдѣлается. Всѣмъ-де нынѣ овладѣли иноземцы. Лещинскій-де изъ Данцига уѣхалъ мильонахъ на двухъ, не даромъ-де его генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ упустилъ; это-де все въ его волѣ было. Графъ де Ягужинской обо всемъ писалъ

къ государынѣ, и съ тѣми-де письмами до уреченной почты ѣздилъ сынъ его, Тарбѣева, бывшій тогда у гр. Ягужинскаго адъютантомъ, Петръ. И когда-де графъ фонъ Минихъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ и повидался съ Бирономъ, то-де и нѣтъ ничего, и все пропало; знать де, что подѣлялся съ нимъ. Вотъ-де какія фигуры дѣлаются у насъ! Государыня-де ничего безъ Бирона не сдѣлаетъ — все-де дѣлаетъ Биронъ. Нѣтъ-де у насъ никакова добраго порядку. Овладали-де все у насъ иноземцы — Биронъ-де всѣмъ овладалъ"... Тарбѣева высѣкли публично плетьми и сослали въ Камчатку, Анненкова и Скороходова за то, что слушали Тарбѣева и не донесли на него, сослали на вѣчно въ Азовъ. Толки о Биронѣ и иноземцахъ проникали и въ низшіе слои общества. Въ 1734 г. попались въ застѣнокъ нѣсколько придворныхъ служителей. Одинъ изъ нихъ Коноплевъ приличался въ словахъ: „я видѣлъ, что нынѣ оберъ-камергеръ со всемилостивѣйшею государынею во дворцѣ на горѣ при великихъ персонахъ сидѣлъ на стулѣ и держалъ-де ея величество за ручку, а у насъ де нынѣ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, генералъ-фельдмаршалъ, и князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій изстари старые слуги, а они всѣ стоятъ!" На это другой служитель Орловъ отвѣчалъ: „далеко кому такой милости искать — вѣдь оберъ-камергеръ недалече отъ государыни живетъ" и т. д.

(Первыя письменныя извѣстія отъ маркиза де-ла-Шетарди изъ Петербурга знаемъ отъ $\frac{9 \text{ января } 1740 \text{ г.}}{29 \text{ декабря } 1739 \text{ г.}}$, они состоятъ изъ отрывистыхъ свѣдѣній о редакціи рѣчи французскаго посланника и отвѣта на нее императрицы, о церемоніалѣ пріемной аудіенціи и пр. Собственно донесенія де-ла-Шетарди начинаются съ 19 февраля 1740 года.)

Новости.

Царица часто страдаетъ отъ подагры (de la goutte), такъ что если бы даже и предполагать въ ней расположеніе и склонность къ кабинетнымъ занятіямъ, то все таки она не въ состояніи управлять сама. По этому, она въ дѣйствительности вмѣшивается только въ то, что касается развлеченій, и поощряетъ лишь своихъ придворныхъ окончательно разоряться посредствомъ безумной роскоши. Что же касается до управленія, то она ссудила свое имя герцогу курляндскому.

Гр. Остерманъ кажется товарищемъ герцога, но на дѣлѣ это не такъ. Правда, что герцогъ совѣтуется съ нимъ, какъ съ просвѣщеннѣйшимъ и опытнѣйшимъ изъ русскихъ министровъ, однако не довѣряетъ ему по многимъ причинамъ. Онъ слѣдуетъ его совѣтамъ только тогда, когда они одобрены евреемъ Липманомъ, придворнымъ банкиромъ, человѣкомъ чрезвычайно хитрымъ и способнымъ распутывать и заводить всѣ возможныя интриги. Этотъ еврей, единственный хранитель тайнъ герцога, его господина, присутствуетъ обыкновенно при всѣхъ совѣщаніяхъ съ кѣмъ бы то ни было — однимъ словомъ, можно сказать, что Липманъ управляетъ имперіею *).

Принцесса мекленбургская, супруга принца бевернскаго, такого же характера, какъ и тетка ея, и старается подражать ей во всемъ, что удаляетъ отъ нея привязанность народа и многихъ знатныхъ. Хотятъ однако ей приготовить корону, но ей придется бороться съ двумя партіями: одна герцога голштинскаго, другая великой княжны Елизаветы; первая изъ нихъ слаба на столько, на сколько прочна послѣдняя. Большая часть арміи за дочь Петра Великаго, такъ какъ и многіе изъ

*) О немъ говорено выше на стран. 13, примѣч. 5.

тѣхъ, которые изъ надежды или опасенія выказываютъ себя благопріятствующими герцогу. Послѣдній истинными друзьями имѣетъ только принца гессенъ-гомбургскаго, Головкиныхъ, Куракиныхъ, гр. Владиславича Рагузинскаго, Неплюева и министровъ.

Деньги чрезвычайно рѣдки въ Россіи. Большая часть полей остается необработанными по 5 и 6 лѣтъ. Жители пограничныхъ областей спасаются къ сосѣдямъ; въ особенности Украйна нынѣ почти совершенно пуста*).

Продолжаютъ самыя строгія розысканія участниковъ Долгорукихъ. Чѣмъ болѣе вникаютъ въ дѣло, тѣмъ болѣе открывается виновныхъ. Уже казнены смертью во внутренности московскаго замка (dans l'intérieur du chateau de Moscou) болѣе 86 заговорщиковъ, и болѣе 200 лицъ недавно арестованы по тому же дѣлу. Трудно предвидѣть, какой будетъ исходъ сильнаго броженія, которое царствуетъ теперь въ Россіи.

Великая княжна Елизавета живетъ въ своемъ дворцѣ очень уединенно: у ней приняты величайшія предосторожности для предупрежденія несчастія. Полагаютъ, что она всегда одинаково (?) расположена къ князю (?) Нарышкину, который, какъ увѣряютъ, живетъ, какъ французъ, подъ вымышленнымъ именемъ и что будто ему княжна обѣщала свою руку. [10])

(Слѣдуетъ списокъ наградамъ 28 февраля 1740 г. по случаю заключенія мира съ турками: онъ есть въ современныхъ русскихъ вѣдомостяхъ).

Примѣчаніе.

[10]) О какомъ то князѣ Алексѣѣ Нарышкинѣ упоми-

*) Это извѣстіе вполнѣ подтверждается тремя манифестами 1734 г., которыми приглашались бѣжавшіе изъ Россіи снова возвратиться туда. 31 іюля того же года, кабинетъ министры докладывали однако, что «надѣяться не можно, чтобы всѣ оные бѣглецы возвратились», почему тогда и полагалось возвратить ихъ изъ Польши военною силою.

нается въ депешахъ саксонскаго министра Зума и секретаря его Пецольда при извѣстіяхъ о заговорѣ Долгорукихъ въ 1739 году. Здѣсь разсказано, что Долгорукіе имѣли тайныя сношенія съ Франціею и Швеціею (если бы это было справедливо, то конечно упоминалось бы въ секретной инструкціи французскому посланнику, и онъ, навѣрное, не говорилъ бы въ своихъ депешахъ такъ поверхностно о заговорѣ Долгорукихъ); что посредствующимъ въ этомъ дѣлѣ лицомъ былъ князь Алексѣй Нарышкинъ, за десять лѣтъ передъ тѣмъ удалившійся во Францію по случаю желанія Алексѣя Долгорукаго отдѣлаться отъ него, какъ сторонника Елизаветы; что, наконецъ, въ 1739 г. у Долгорукихъ было намѣреніе превозгласить Елизавету и князя Нарышкина императрицею и императоромъ (Hermann's Geschichte des russ. Staates, IV, 605—606). Обращаясь къ русскимъ извѣстіямъ, находимъ у Бантышъ Каменскаго, что Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ (род. 1710 года) сначала служилъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ, а послѣ смерти Анны Іоанновны уѣхалъ въ чужіе краи, такъ какъ въ Россіи давали тогда первенство иноземцамъ; что при восшествіи на престолъ Елизаветы онъ получилъ званіе чрезвычайнаго посланника при лондонскомъ дворѣ, былъ тамъ годъ и семь мѣсяцевъ, возвратился потомъ въ Петербургъ, отличался щегольствомъ, имѣлъ въ каретѣ зеркальныя стекла, а на кафтанѣ шитое серебромъ дерево, котораго сучья и листья расходились по рукавамъ; наконецъ онъ былъ андреевскій кавалеръ, завелъ домашній театръ и т. д. (Словарь достопамят. людей, М. 1836 г., IV, 9 — 10). Вотъ еще какія свѣдѣнія о Нарышкинѣ встрѣчаемъ въ Genealogisch-Historische Nachrichten за 1742 и 43 годы (XLVI, 930 и LX, 1124): „Послѣ отзыва изъ Лондона русскаго посланника кн. Щербатова, свояка несчастнаго графа Остермана, прибылъ 23

февраля 1742 г., вмѣсто него, камеръ-юнкеръ Нарышкинъ и 27 имѣлъ первую аудіенцію, а кн. Щербатовъ — прощальную. Новый посланникъ жилъ до сихъ поръ инкогнито въ Парижѣ подъ именемъ Tenkin — онъ дальній родственникъ императрицы... 20 декабря 1743 г., князь Нарышкинъ, который болѣе 20-ти лѣтъ жилъ за границею, возвратился обратно въ Петербургъ, и на слѣдующій день, когда представлялся императрицѣ, былъ принятъ ею особенно милостиво. Прекрасныя свѣдѣнія о многихъ предметахъ, пріобрѣтенныя имъ во время заграничныхъ путешествій, побудили императрицу поручить ему завѣдываніе императорскою академіею наукъ, чтобы поставить ее на ту степень, на какой она находилась при Петрѣ I (когда она еще не существовала)"...

Письмо маркиза де-ла-Шетарди изъ Петербурга

$\frac{\text{1-го Марта}}{\text{19-го Февраля}}$ **1740 г.**

Только въ этой одной странѣ можно увидѣть такую забаву, какую доставила царица 17 февраля. Одинъ князь Голицинъ, пажъ ея величества, подалъ къ тому поводъ, хотѣвъ вступить въ неравный бракъ. Дѣло шло о преданіи осмѣянію подобной свадьбы. Съ этою цѣлью выписали лапландцевъ, самоѣдовъ, калмыковъ, казаковъ. Всѣ они въ маскарадномъ платьѣ, въ поѣздѣ изъ 200 лицъ, предшествовали или слѣдовали за молодыми, которые сидѣли въ клѣткѣ на слонѣ. Одни ѣхали въ телѣгахъ, запряженныхъ волами, другіе въ одноколкахъ на кабанахъ, свиньяхъ, козахъ и собакахъ. Лапландцы и самоѣды отличались своими одеждами изъ оленьихъ кожъ и санями, заложенными оленями. Манежъ герцога былъ устланъ досками, и здѣсь-то былъ приготовленъ ужинъ для всего поѣзда. Новобрачные сидѣли на отдѣльныхъ столахъ съ ихъ посаженными отцами и матерями. За уго-

щеніемъ слѣдовалъ балъ, на которомъ каждое племя танцовало отдѣльно. Потомъ повели молодыхъ въ ледяной домъ, воздвигнутый около дворца. Въ немъ была передняя, на лѣво спальня, въ которой постель, занавѣсы, туалетъ, туфли и чепцы супруговъ были также изъ льда; на право — пріемная комната съ ледяными: столомъ, стульями, шкафами, стѣнными часами и картами. Молодыхъ положили и оставили тамъ до 8 часовъ утра. Куски льда и по своей величинѣ, и по способу, которымъ соединялись между собою, походили на самый лучшій обтесанный камень. Всего удивительнѣе то, что фасадъ дома былъ украшенъ восемью ледяными пушками на лафетахъ и, при стрѣльбѣ изъ нихъ, онѣ выдерживали заряды въ три четверти фунта пороха. Большею частью этого зрѣлища я могъ наслаждаться изъ моихъ оконъ, около которыхъ проходилъ этотъ поѣздъ. Царица присутствовала на ужинѣ и балѣ — это было малѣйшее вознагражденіе, которое она могла себѣ доставить, издержавъ на такое развлеченіе около 30 т. рублей. Волынскій, министръ кабинета, былъ его учредителемъ. Оберъ гофъмаршалъ (le grand maréchal) только въ 8 часовъ вечера далъ мнѣ знать, что ея величество прибыла въ манежъ, и что отъ меня зависитъ явиться туда, если можетъ это доставить мнѣ развлеченіе. Я былъ такъ занятъ, что не могъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, почему и поручилъ посланному ко мнѣ офицеру передать, что изъ уваженія къ царицѣ я не рѣшился прежде идти въ манежъ, такъ какъ мнѣ неизвѣстно было, не желала ли государыня остаться тамъ одна въ то время, но что я бы поспѣшилъ представиться ей, если бы былъ предупрежденъ или предувѣдомленъ о томъ заранѣе, и что не смотря ни на что я постараюсь всѣми силами окончить занятія, которыя меня удерживаютъ у себя.

Забава, которую я сейчасъ описалъ, вызвана не

столько желаніемъ тѣшиться, сколько несчастною для дворянства политикою, которой всегда слѣдовалъ этотъ дворъ. Напрасно, изъ притворнаго снисхожденія къ фамиліи Галицыныхъ, одной изъ первѣйшихъ въ государствѣ, приводятъ въ оправданіе бездарность того, котораго выводили на публичное осмѣяніе, его дурное поведеніе, и запрещеніе отнынѣ звать его иначе, какъ только по имени, данномъ при крещеніи — онъ все таки принадлежитъ къ знатной фамиліи, и его посрамленіе неумѣстно, такъ какъ этимъ самымъ презрѣны службы его отцевъ и тѣхъ родныхъ его, которые нынѣ служатъ. Подобными дѣйствіями напоминаютъ отъ времени до времени знатнымъ этого государства, что ихъ происхожденіе, достояніе, почести и званія, которыми ихъ удостоиваетъ государь, ни подъ какимъ видомъ не защищаютъ ихъ отъ малѣйшаго произвола властителя, а онъ, чтобы заставить себя любить, бояться и опасаться, въ правѣ повергать своихъ подданныхъ въ ничтожество, которое имъ никогда не было извѣстно прежде[11]).

20-го числа, я отправился къ Остерману, чтобы узнать, какое рѣшеніе онъ принялъ касательно принца брауншвейгскаго, и какъ установить прямыя сношенія между вельможами и мною. Нынѣшній вечеръ онъ долженъ дать мнѣ отвѣтъ на эти двѣ статьи и вручить листъ наградъ, которыя царица пожаловала въ прошлый четвертокъ. Если онъ выполнитъ свое обѣщаніе заблаговременно до отхода почты, то я не буду ждать до слѣдующей суботней, чтобы извѣстить васъ о томъ.

Я показывалъ также ему нѣмецкую газету, печатающуюся въ Петербургѣ, въ которой сказано, что я былъ на аудіенціи у герцога курляндскаго, и просилъ его прочесть статью объ этомъ съ тѣмъ, не находитъ ли онъ здѣсь чего нибудь неприличнаго? Онъ не уберегся отъ промаха, разгорячился ужасно противъ газетчика, клялся, бушевалъ и увѣрялъ, что будетъ отнынѣ чи-

тать эту газету самъ для предупрежденія подобныхъ ошибокъ. Мнѣ показалась комедія такъ хорошо разыгранною, что ее стоило продолжать. Я тайно былъ извѣщенъ, что онъ самъ просматриваетъ газету, почему и вступился за газетчика, утверждая, что человѣкъ такого сорта не могъ знать приличій; что потому сердиться надобно не на него, а на то лицо, которое обязано просматривать газету прежде напечатанія ея, такъ какъ этою предосторожностью не пренебрегаютъ ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ и, слѣдовательно, стыдно, что лицо, которое должно бы быть свѣдущимъ, допустило подобную безсмыслицу. Я прибавилъ гр. Остерману, что онъ впрочемъ видѣлъ, какъ я смотрю на этотъ предметъ, что это столько же мое, сколько и его собственное дѣло, потому что онъ пользуется преимуществомъ служить великой государинѣ, и я полагаю неумѣстною всякую жалобу, которая можетъ ее разсердить. Онъ увѣрилъ меня, что поправитъ дѣло, и потомъ прислалъ мнѣ слѣдующій нумеръ газеты, гдѣ было сказано, что герцогу угодно было заплатить мнѣ визитъ. Я не знаю, считаетъ ли онъ это выраженіе за удовлетвореніе. Во всякомъ случаѣ, я его въ томъ разувѣрю сегодня вечеромъ, соблюдая впрочемъ все, что потребуетъ вѣжливость [12]).

Въ то же посѣщеніе мое, когда я уже вставалъ, чтобы распроститься съ нимъ, онъ спросилъ меня, правда ли, что мнѣ сдѣлано нѣсколько внушеній (instinuations) о какомъ-то трактатѣ между русскимъ дворомъ и Англіею; при чемъ присовокупилъ, что я долженъ недовѣрять извѣстіямъ, доставляемымъ подобнымъ путемъ. Дѣйствительно баронъ Мардефельдъ, прусскій посланникъ, говорилъ мнѣ о томъ дней за 8 или за 10 передъ тѣмъ, какъ о новости, распространившейся въ Германіи. Трудно сказать, было ли это справедливо или нѣтъ; какъ бы то ни было, прусскій посланникъ ничего

не выиграетъ и не извлечетъ тѣмъ выгоды вывѣдать мои мысли. Что я ему отвѣчалъ въ этомъ случаѣ, то повторилъ то же слово въ слово и гр. Остерману. Я сказалъ послѣднему, что молчаніе, сохраняемое мною касательно этого предмета, лучше всего доказываетъ, какъ я равнодушенъ къ этой новости; что впрочемъ мой отвѣтъ особѣ, сообщившей извѣстіе, состоялъ въ слѣдующемъ: я знаю русское министерство на столько просвѣщеннымъ, чтобы предполагать въ немъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, желаніе нанести даромъ вредъ Испаніи и друзьямъ католическаго короля *). При томъ же не вижу даже никакой надежды на выгоды, потому что всякій знаетъ, что Россія, одна выигрывая отъ торговли между двумя націями, держитъ съ этой стороны Англію въ заблужденіи, въ которомъ находятся англичане, что они завладѣли главными отраслями торговли съ Россіею, и въ опасеніи видѣть себя лишенною того. Если я сказалъ дурно, присовокупилъ я гр. Остерману, поправьте мои мысли: довѣренность моя къ вамъ равняется удовольствію, что я всегда буду пользоваться вашею опытностью. Онъ меня увѣрялъ, что самъ бы не отвѣчалъ иначе; что этотъ образъ мыслей совершенно согласенъ съ истинными интересами Россіи, и пускай приписываютъ русскимъ министрамъ то то, то другое, но они все таки здѣсь въ состояніи первобытной невинности.

Такой способъ объясненій я сначала не понялъ, но потомъ онъ сдѣлался понятнымъ въ примѣненіи къ тому, что происходило при этомъ свиданіи, и я охотно вѣрю, что Остерманъ, давая мнѣ чувствовать, что они свободны принять рѣшеніе, которое сочтутъ для себя полезнымъ, хотѣлъ и желалъ снова вызвать меня на

*) Въ трактатѣ между Англіею и Россіею шла рѣчь о взаимномъ вспоможеніи на случай войны. Съ 1739 г. Англія была въ войнѣ съ Испаніею, которой сторону видимо держалъ версальскій дворъ.

объясненія, такъ какъ до меня доходили съ разныхъ сторонъ слухи, что мое молчаніе возбуждаетъ въ нихъ живѣйшее нетерпѣніе. Это естественное слѣдствіе увѣренности ихъ, что я, прибывъ сюда, имѣю начать съ ними переговоры о множествѣ предметовъ. Во всякомъ случаѣ, счастливо, что гр. Остерманъ доставилъ мнѣ возможность, безъ всякихъ со стороны моей искательствъ къ тому, объясниться на счетъ Испаніи.

22-го числа, я былъ и ѣздилъ верхомъ въ манежѣ, въ мундирѣ, о которомъ царица сдѣлала мнѣ честь говорить. Лишь только она меня увидѣла, то выразила свое удовольствіе, за такую внимательность. Потомъ, она меня спросила, не хочу ли я, если не видалъ пляски разныхъ племенъ, придти въ полдень во дворецъ, такъ какъ они соберутся тамъ, чтобы проститься съ нею? Мнѣ оставалось только выполнить такое любезное приглашеніе. И такъ я былъ свидѣтелемъ плясокъ и музыки, столько же странныхъ, сколько и новыхъ для меня; при чемъ не могъ довольно надивиться легкости и силѣ, съ которою пляшутъ жители Украйны.

25, я былъ при дворѣ и здѣсь оберъ гофъмаршалъ ввелъ меня въ комнату, въ ожиданіи, что кн. Черкасскій, съ фельдмаршаломъ Минихомъ по правую и фельдмаршаломъ Ласси по лѣвую руку, поздравитъ отъ имени государственныхъ чиновъ царицу, что сдѣлаетъ также и духовенство. Потомъ оберъ гофъмаршалъ пригласилъ меня. Я увѣрилъ царицу, что желаніе королемъ мира и искреннія старанія, которыя онъ прилагалъ, не могутъ возбуждать никакого сомнѣнія въ радости его величества, когда онъ узнаетъ о событіи, празднуемомъ въ настоящій день. Царица приказала мнѣ сказать чрезъ оберъ гофъмаршала, что это самое событіе тѣмъ болѣе для нея пріятно, что оно напоминаетъ ей объ одолженіяхъ, оказанныхъ ей королемъ. Иностранные министры, дамы и придворные принимали участіе въ церемоніи

этого дня, подходя къ рукѣ царицы. Какъ только это кончилось, она отвѣчала съ удовольствіемъ и чрезвычайнымъ достоинствомъ. Я желалъ бы сообщить при семъ подробности о наградахъ. Особенно всѣ были поражены наградою гр. Остерману, котораго я поздравлялъ на другой день: его сыну, которому не было 17 лѣтъ, пожалована красная лента Александра Невскаго, что даетъ при дворѣ чинъ генералъ маіора. Царица, находившаяся все время на галлереѣ, вошла въ свои покои. Тогда два герольда на превосходныхъ лошадяхъ, предшествуемые цимбальщиками и трубачами, съ отрядомъ конногвардейцевъ въ замкѣ, отправились въ разныя части города объявлять о мирѣ. Находившіеся при нихъ два секретаря читали манифестъ, а четыре унтеръ-офицера бросали въ народъ деньги.

Послѣ обѣда вернулись во дворецъ; по обыкновенію тамъ играли, а вечеромъ, сверхъ того, была музыка.

Маскарадъ начался 26, въ 4 часа по полудни, и продолжалася до 5 часовъ утра, хотя царица и удалилась въ 11 часовъ. Я былъ въ маскѣ не болѣе четверти часа. Около 8 часовъ вечера, герцогъ курляндскій спрашивалъ меня чрезъ фельдмаршала Миниха, не хочу ли я воспользоваться столомъ, который былъ накрытъ въ галлереѣ? Поблагодаривъ за вниманіе, я увѣрялъ, что никогда не ужинаю. — „Не хотите-ли по крайней мѣрѣ, возразилъ онъ, пройти въ галлерею видѣть принцессъ, которыя уже тамъ?“ „Если это доставитъ мнѣ случай засвидѣтельствовать имъ мое почтеніе, отвѣчалъ я, то не премину тѣмъ воспользоваться.“ Я былъ съ фельдмаршаломъ Минихомъ. Великія княжны Елизавета и Анна сдѣлали мнѣ честь приглашеніемъ сѣсть за столъ. Послѣ извиненій, я исполнилъ ихъ требованіе, помѣстившись близь нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола.

Царица, желая кинуть взглядъ на происходившее,

взошла въ галлерею. Я тотчасъ же поднялся, какъ только ее замѣтилъ, но она пожелала, чтобы я занялъ прежнее мѣсто. Фельдмаршалъ Минихъ, въ свою очередь, не переставалъ упрашивать меня закусить что нибудь. Чтобы не слыхать болѣе отказа, онъ предложилъ мнѣ выпить за здоровье великихъ княженъ. Я отвѣчалъ, что если онъ поручится мнѣ въ томъ, что онѣ соизволятъ на эту честь, то я немедля воспользуюсь. Великія княжны дали мнѣ знать, что это будетъ имъ очень пріятно, и я воспользовался даннымъ мнѣ отъ нихъ дозволеніемъ. Минуту спустя, онѣ мнѣ сдѣлали честь пить за мое здоровье.

Третьяго дня съѣхались во дворецъ въ три съ половиною часа. Чтобы не было никакого недоразумѣнія, я передалъ оберъ гофъмаршалу, что говоренное мною прежде, безъ сомнѣнія, для него будетъ достаточно для того, чтобы судить, что я вовсе не намѣренъ вынимать билетъ на ужинъ; что тотъ, кто никогда не ужинаетъ, не можетъ тамъ участвовать; что не смотря на то, я слѣпо подчинюсь, если царица сядетъ за столъ, и тогда буду слѣдовать моему желанію засвидѣтельствовать ей почтеніе, но, какъ скоро она удалится, я не думаю лучше выразить ей моего уваженія, когда, не задерживаясь никакимъ нумеромъ, предпочту воспользоваться временемъ, чтобы имѣть честь бесѣдовать съ лицами, ей приближенными или ей дорогими. Оберъ гофъмаршалъ казался нѣсколько въ затрудненіи отъ моихъ словъ; я же увѣрилъ его, что онъ не долженъ нисколько этимъ затрудняться и что мнѣ кажется дѣла лучше нельзя устроить.

Между тѣмъ, царица прошла въ большіе покои, куда и я отправился. Она была такъ милостива, что тотчасъ же вручила мнѣ золотую медаль, выбитую по случаю заключенія мира; потомъ она раздавала ихъ двумъ фельдмаршаламъ, иностраннымъ министрамъ, придворнымъ дамамъ, знатнѣйшимъ чинамъ, камергерамъ, гене-

раламъ и другимъ особамъ. Нѣкоторые изъ иностранныхъ министровъ просили меня показать мою медаль и при томъ замѣтили, что буквы на ней не хорошо выбиты. Одинъ изъ министровъ передалъ о томъ герцогу курляндскому, и тотъ взялъ на себя трудъ самъ принести мнѣ другую медаль. Принося ему чувствительную благодарность за такую любезность съ его стороны, я хотѣлъ возвратить ему первую медаль. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это не нужно, такъ какъ обѣ медали въ слишкомъ хорошихъ рукахъ. Я возразилъ, что не стану настаивать, такъ какъ льщу себя надеждой, что король не неодобритъ такую податливость съ моей стороны, потому что она доставляетъ мнѣ возможность послать при первомъ моемъ донесеніи, для лучшаго разъясненія содержанія его, одну изъ этихъ медалей. Что и исполняю отсылкою медали при письмѣ, которое имѣю честь писать къ его эминенціи.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ раздачи медалей, царица перешла въ покои принцессы Анны, которые выходятъ на площадь, и оттуда сама бросала деньги въ народъ. Толпѣ дали потомъ хлѣба и говядины, которые выставлены были на уступахъ двухъ возвышеній, увѣнчанныхъ двумя жареными быками. За этимъ зрѣлищемъ послѣдовало другое: народъ кинулся къ фонтану изъ вина, которымъ наполнялся бассейнъ, возвышавшійся отъ земли на 8 ступеней и устроенный между двумя помянутыми возвышеніями. Царица потомъ возвратилась въ свои покои, гдѣ она, до $7^1/_2$ часовъ, разговаривала то съ тѣмъ, то съ другимъ.

Тогда стали вызывать по нумерамъ, и фигурный столъ, приготовленный въ большой пріемной залѣ, очень быстро былъ занятъ лицами, которыя должны были за нимъ ужинать. Царица, давъ время всѣмъ усѣсться, вышла туда же. Герцогъ курляндскій велъ ее подъ руку, а я имѣлъ честь ее сопровождать. Она обошла кругомъ сто-

ла, я все время слѣдовалъ за ней, и невозможно описать, какъ хорошъ былъ видъ залы. Царица, удовлетворивъ такимъ образомъ своему любопытству, и, поручивъ кн. Куракину не покидать меня и смотрѣть за тѣмъ, что мнѣ понадобится, удалилась, вмѣстѣ съ герцогомъ курляндскимъ, ужинать въ собственные покои.

Я въ то время началъ свой обходъ. Принцесса Елизавета, къ которой я прежде подошелъ, желала, чтобы я остался около нея. Я взялъ стулъ и помѣстился нѣсколько позади ея. Она не замедлила мнѣ сдѣлать честь выпить за мое здоровье. Такая доброта съ ея стороны дала мнѣ свободу выпить и за ея, что она приняла самымъ любезнымъ образомъ. Принцесса Анна, герцогиня курляндская и молодая принцесса курляндская, къ которымъ я подходилъ потомъ, поступили точно также.

Ужинъ былъ не дологъ. Послѣ него былъ сожженъ фейерверкъ, великолѣпный и совершенно удавшійся. Во время его, большая пріемная зала была такъ скоро очищена, что можно было тамъ начать балъ тотчасъ же по окончаніи фейерверка. По заведенному обычаю, я открылъ балъ съ принцессою Елизаветою. Царица и принцессы оставались тамъ до полуночи. Желанія ея величества были такъ удачно выполнены, что балъ продолжался до 5 ч. утра.

Примѣчанія.

[11]) Любопытно, что когда судили Бирона, то въ обвиненіе ему ставили: „онъ же будто для забавы ея величества, а въ самомъ дѣлѣ по своей свирѣпой склонности, подъ образомъ шутокъ и балагурства, такія мерзкія и Богу противныя дѣла затѣялъ, о которыхъ до его времени въ свѣтѣ мало слыхано: умалчивая о нечеловѣческомъ поруганіи, произведенномъ не токмо надъ бѣдными отъ рожденія, или какимъ случаемъ дальняго ума

и разсужденія лишенными, но и надъ другими людьми, между которыми и честной породы находились, о частыхъ между оными заведенныхъ до крови дракахъ и о другихъ оными учиненныхъ мучительствахъ и безстыдныхъ мужеска и женска пола обнаженіяхъ и иныхъ скаредныхъ между ними, его вымысломъ произведенныхъ пакостяхъ, уже и то чинить ихъ заставливалъ и принуждалъ, что натурѣ противно и объявлять стыдно и непристойно. Всѣ такія мерзкія и Богу противныя дѣла, отъ него вымышленныя, явно происходили и къ великому повреждению высочайшей славы ея величества касались, въ которыхъ онъ, яко отъ него вымышленныхъ, и отвѣтствовать долженъ (Дѣло о Биронѣ, Москва, 1862 г., 18 — 19)“.. Биронъ отвѣчалъ на это: „Всему свѣту извѣстно, что онъ до мірскихъ забавъ, до шутокъ и балагурства охотникомъ никогда не бывалъ и шутовъ не любилъ. А какіе между придворными шутами балагурства произошли, въ томъ ему отвѣтствовать не можно, понеже придворные шуты подъ его командою не состояли; да сверхъ того, когда такія шутки при ея величествѣ производились, и тогда онъ большой частью въ карты игрывалъ, а поводу къ тому ни въ чемъ не давывалъ и въ такихъ-де дѣлахъ, которыя самодержавная монархиня при себѣ дѣлать повелѣвала, ему отвѣтствовать николи не можно“.

[12]) Вотъ статьи С. Петербургскихъ вѣдомостей, о которыхъ такъ пространно толкуетъ де-ла-Шетарди въ своей депешѣ: въ 1 нумерѣ на 1740 г. было извѣщено, что „въ прошлый четвертокъ (27 декабря 1739 г.), предъ полуднемъ, соизволила ея императорское величество, наша всемилостивѣйшая государыня, недавно прибывшаго сюда полномочнаго посла его величества короля французскаго, г. марки де-ла-Шетарди съ обыкновенною церемоніею на публичную аудіенцію всемилостивѣйше допустить. Послѣ чего сей превосходитель-

ный господинъ посолъ въ тоже самое время у ихъ высочества государыни цесаревны Елизаветъ Петровны и у государыни принцессы Анны, а третьяго дня у его высококняжеской свѣтлости герцога курляндскаго а удіенцію имѣлъ." За тѣмъ въ № 3 читаемъ: „Въ прошлую среду предъ полуднемъ изволилъ его высококняжеская свѣтлость герцогъ курляндскій къ обрѣтающемуся при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ чрезвычайному послу его христіаннѣйшаго величества, превосходительному господину марки де-ла-Шетарди для отданія обратной визиты съ пребогатою церемоніею ѣздить, понеже его превосходительство вышеупомянутый г. посолъ за день до того, а именно въ минувшій вторникъ, ея высококняжескую свѣтлость герцогиню курляндскую посѣщалъ, а его высококняжеская свѣтлость наслѣдный курляндскій принцъ такуюжъ ему, г. послу, визиту въ прошлую субботу учинилъ"...

Письмо маркиза де-ла-Шетарди изъ Петербурга 9 апрѣля 1740 г.

Несомнѣнно, что благосклонность царицы, облегчая мнѣ возможность часто видать ее въ манежѣ, была бы для меня дороже, когда бы мнѣ удалось воспользоваться ею для службы короля; но не могу не пожалѣть о препятствіи, которое мнѣ мѣшаетъ также и въ сношеніяхъ съ герцогомъ, это—языкъ и невозможность объясняться съ ними безъ помощи третьяго.

Повѣрите ли вы, милостивѣйшій государь, что стѣсненіе здѣсь развито до такой степени, и иностранные министры, мои предшественники, такъ поддались ему, что никто изъ нихъ не бывалъ у великихъ княженъ? Воспользовавшись предлогомъ, котораго именно искалъ, что онѣ были нездоровы, я рѣшился отправиться къ

нимъ съ визитомъ, и эта попытка для всѣхъ показалась новостью, обратившею на себя вниманіе, такъ что великія княжны Елизавета и Анна отдалили мое посѣщеніе, чтобы имѣть время узнать мысли на этотъ счетъ царицы. Когда же онѣ меня принимали, то г. Минихъ, братъ фельдмаршала, находился у той и другой, чтобы быть свидѣтелемъ всему происходившему. Это вовсе не помѣшало мнѣ выразить громко великимъ княжнамъ, также какъ и герцогинѣ курляндской, надежду, что онѣ дозволятъ мнѣ отъ времени до времени являться къ нимъ свидѣтельствовать мое почтеніе; и я тѣмъ менѣе пропущу это, что заведенный до сихъ поръ обычай есть послѣдствіе рабства—подчиняться же ему было бы съ моей стороны столько же неумѣстно, сколько важно изгнать такой предразсудокъ бережно и осторожно. Мнѣ удалось также при прощаніи тихо и кратко выразить великой княжнѣ Елизаветѣ, что если я не могъ прежде выполнить предъ ней своего долга, то это произошло единственно отъ желанія исполнить это какъ можно проще и естественнѣе. Она меня поняла, и какъ на ней преимущественно тяготѣютъ стѣсненія, то она выказывалась потомъ тронутою моимъ вниманіемъ.

Г. Волынскій, третій кабинетъ-министръ, наканунѣ своего паденія. Объ этомъ человѣкѣ, когда дѣло коснется обвиненій въ дурныхъ поступкахъ, отзывы всѣхъ единогласны. Такъ какъ дворъ зналъ о нихъ прежде вступленія его въ должность и оставилъ все безъ вниманія, чтобы воспользоваться извѣданною опытностью Волынскаго въ дѣлахъ внутренняго управленія, то враги его мало могли вредить ему; двору было извѣстно впередъ обо всемъ, въ чемъ могли они его обвинить. Онъ не съумѣлъ пользоваться такимъ исключительнымъ положеніемъ и, вступивъ въ открытую борьбу съ единственнымъ своимъ защитникомъ и благодѣтелемъ герцогомъ курляндскимъ, искалъ случая вредить ему. Жалобы

польской республики, тѣмъ болѣе основательныя, что подлинные документы, которыми былъ снабженъ присланный сюда гр. Огинскій, генералъ-адъютантъ коронаго маршала (du grand maréchal de la couronne), достаточно доказываютъ, что русскія войска не щадили предметовъ, даже священныхъ *). Жалобы польской республики выставили въ настоящемъ свѣтѣ намѣренія Волынскаго. Другіе министры были того мнѣнія, что царица, согласившись на вознагражденіе убытковъ, выполнитъ то, что объявила и обѣщала. Волынскій же былъ противнаго мнѣнія и въ отзывѣ своемъ, поданномъ письменно, выразилъ, что неумѣстныя издержки, которыя были сдѣланы царицею въ польскую войну, и незначительность выгодъ, отъ того полученныхъ, освобождаютъ ее отъ новыхъ расходовъ, и что только руководимые личными выгодами могутъ думать иначе. Его спросили, что онъ подъ этимъ разумѣетъ? Волынскій не колебался отвѣтить, что уваженія, которыми герцогъ руководится для большаго поддержанія и утвержденія владычества надъ своими владѣніями, не могутъ не обязывать его убѣждать царицу къ уступкамъ, которыя поставитъ себѣ одному въ заслугу. Герцогъ курляндскій, не удерживаясь даже уваженіемъ, должнымъ царицѣ, разгорячился по этому случаю ужасно и успѣлъ при томъ высказать государынѣ, что такъ какъ въ самыхъ простыхъ поступкахъ его хотятъ видѣть преступленія жертвовать выгодами Россіи для своихъ личныхъ видовъ, то ему необходимо удалиться, или покрайней мѣрѣ невозможно служить ея величеству съ людьми, которые

*) Графъ Огинскій пріѣхалъ въ Петербургъ въ январѣ 1740 г., а выѣхалъ обратно въ Варшаву въ началѣ мая. Манштейнъ говоритъ по этому поводу: «требованія, которыя предъявляли поляки, были чрезмѣрны. Императрица назначила комиссаровъ, которые на мѣстѣ оцѣняли убытки и нашли ихъ ничтожными, но жалобы на то можно было прекратить только тогда, когда уплатили нѣсколько сотъ тысячъ рублей (Mémoires sur la Russie, II, 79).»

сочиняютъ подобныя гадости. Легко было предвидѣть, какое дѣйствіе произведутъ такія рѣчи. Волынскому запретили являться ко двору; теперь производятъ осмотръ его кабинета: неизвѣстность можетъ быть только касательно большаго или меньшаго количества совершенныхъ имъ преступленій, которыя будутъ объявлены для опредѣленія, согласно тому, мѣры наказанія.

Чтобы быть въ состояніи замѣнить его тотчасъ же, г. Бестужевъ, русскій министръ при датскомъ дворѣ, который пользуется не лучшею репутаціею, чѣмъ тотъ, котораго мѣсто, какъ увѣряютъ, онъ займетъ, сдѣланъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, отозванъ и замѣщенъ камергеромъ Корфомъ, а послѣдній, точно отъѣзжаетъ на будущей недѣлѣ *). Онъ курлянецъ и, вмѣстѣ съ Кейзерлингомъ и Бракелемъ, одинъ изъ трехъ, которые употребляются русскимъ дворомъ по порученіямъ при иностранныхъ дворахъ. Этотъ выборъ тѣмъ болѣе удивилъ всѣхъ, что баронъ Корфъ только одинъ, къ которому царица, не смотря на оказанныя имъ важныя услуги при восшествіи на престолъ, выказывала замѣтное отвращеніе.

Между тѣмъ производятъ изслѣдованіе о томъ, что Волынскій поручалъ княгинѣ Щербатовой, снохѣ того, который въ Англіи заступилъ мѣсто кн. Кантемира, и принимаемой при дворѣ за шутиху, представить царицѣ, что хотѣли подтвержденіемъ раздачи земель, согласно указу Петра Великаго, связать у нея руки противъ ея воли, и что это служитъ доказательствомъ, что

*) Въ обвиненіяхъ противъ Бирона, когда его судили, находилось: «бывшаго кабинетнаго министра Бестужева до 30 т. рублей наградилъ и, надѣясь на его къ себѣ вѣрность, своимъ фаворитомъ имѣлъ, и когда онъ былъ еще въ чужихъ краяхъ, онаго въ свои дѣла употреблялъ, за что ему и отъ себя, сверхъ вышеписаннаго, на 20 т. руб. ассигнацію далъ, изъ которыхъ нѣсколько и получилъ»... Также: «вы Бестужева всегда фаворитомъ имѣли и въ кабинетъ министровъ ввели съ великимъ презрѣніемъ и попошеніемъ прежнихъ министровъ (Дѣло о Биронѣ, М. 1862 г., стр. 48).«

она не замѣчаетъ, какъ изъ нея дѣлаютъ что хотятъ, и что она издавала послѣ своего воцаренія указы, вопреки своимъ намѣреніямъ. Герцогъ курляндскій, на котораго падало это обвиненіе и которому царица говорила о томъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, ловко вывернулся изъ приготовленной ему западни: онъ защищался, что ему нѣтъ никакого дѣла до того, въ чемъ онъ никогда не принималъ участія; что же касается до противорѣчій въ царскихъ указахъ, то это дѣло управляющихъ канцеляріями знать о сдѣланномъ прежде, чтобы предупреждать при изданіи новаго постановленія. Этимъ самымъ попытки княгини Щербатовой остались безплодными, а чтобы онѣ не остались безнаказанными, ей запрещенъ пріѣздъ ко двору; но предварительно старательно отобрали у нея показаніе, что она дѣйствовала по наущенію Волынскаго. По словамъ генералъ-адъютанта (польскаго), который уѣзжаетъ отсюда послѣ завтра, если русскій дворъ не удовлетворитъ вполнѣ убытковъ, причиненныхъ русскими войсками въ Польшѣ, то при волненіи тамъ умовъ надобно ожидать такого бурнаго сейма, какого давно не бывало. Король Августъ, столько же заинтересованный въ предупрежденіи этого, какъ и герцогъ курляндскій, негодованіе противъ котораго можетъ навлечь непріятныя для него мѣры, не имѣетъ другихъ средствъ предотвратить бурю, кромѣ побужденія царицы выполнить свои обѣщанія и согласиться на то, чтобы польскія войска были регулярными и дисциплинованными такимъ образомъ, чтобы на будущее время могли ограждать республику отъ подчиненности ея русскимъ.

Я не воспользовался, какъ предполагалъ, тѣмъ, что мнѣ указывали г.г. де-Вимъ (de Visme) и де-ла-Вилль (de la Ville)*). Помѣшалъ мнѣ въ этомъ разговоръ,

*) Де-Вимъ былъ секретаремъ французскаго посольства въ Лон-

въ которомъ недавно гр. Остерманъ передалъ и напомнилъ маркизу Ботта то, что онъ мнѣ говорилъ о предполагаемомъ трактатѣ между Россіею и Англіею. И такъ, по той же самой причинѣ, какъ маркизъ Ботта, полагающій, что гр. Остерманъ захотѣлъ бы совершенно потерять мою къ нему довѣренность, когда бы сталъ противорѣчить тому, что самъ же высказалъ, не будучи никѣмъ къ тому побуждаемъ, я думалъ, что возвращаться снова къ этому предмету было бы неумѣстною съ моей стороны недовѣрчивостью къ Остерману.

Новости такъ ничтожны, что не стоило бы сообщать о нихъ, если бы я не былъ обязанъ извѣщать васъ о мельчайшихъ обстоятельствахъ. Послѣдняя новость — это прибытіе генерала Румянцева. Приготовляютъ ему инструкцію, и г. Каньони уже 8 дней какъ отправился впередъ въ Константинополь [13]). Генералъ баронъ Левендаль также выѣхалъ, чтобы вступить въ управленіе эстляндской губерніею (gouvernement d'Estonie) и жить постоянно въ Ревелѣ. Генералъ Бисмаркъ, котораго присутствіе въ Ригѣ могло быть необходимо, когда тамъ находился фельдмаршалъ Ласси, получилъ дозволеніе явиться къ царицѣ. Думали, что это путешествіе въ особенности вызвано желаніемъ герцога курляндскаго, чтобы этотъ генералъ сопровождалъ его сына въ путешествіи, но едва ли это такъ устроится, потому что Бисмаркъ, пробывъ здѣсь только двѣ недѣли, возвратился въ Ригу.

Для избѣжанія всѣхъ повтореній, я отдаю въ прилагаемомъ при семъ письмѣ отчетъ прямо его величеству и посылаю другое для его эминенціи о томъ, что сдѣлано съ моей стороны касательно принца брауншвейгскаго

донѣ, исправлявшимъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ по случаю смерти французскаго посланника до мая 1740 г.; де-ла-Виль былъ, за отсутствіемъ посланника, повѣреннымъ французскимъ въ Голландіи.

и наслѣднаго принца гессенъ-гомбургскаго, также и замедленія до настоящаго времени въ отдачѣ визита принцемъ Карломъ курляндскимъ. Вы увидите, милостивѣйшій государь, изъ этого письма, что число лицъ, неисполнившихъ въ отношеніи ко мнѣ внѣшнихъ знаковъ приличій, требуемыхъ моимъ званіемъ, очень ограниченно. Лучшее въ этомъ дѣлѣ — не думать о нихъ, даже забыть, что они существуютъ, и дать имъ замѣтить это, не пригласивъ ихъ съ женами на обѣдъ къ себѣ; а между тѣмъ всѣхъ же прочихъ я постараюсь просить со всѣми вѣжливостями, какія только можно придумать.

Я старательно и тщательно собираю матеріалы для доставленія вамъ вѣрной картины этой страны. Работа очень трудная; опасенія и рабство лишаютъ всякой помощи.

Примѣчаніе.

[13]) Каньони, сначала ассессоръ, а потомъ совѣтникъ (съ 1739 г.) коммерцъ коллегіи, былъ довѣреннымъ агентомъ русскаго правительства при заключеніи бѣлградскаго мира съ турками. Изъ Histoire des négotiations pour la paix conclue à Belgrad, par Laugier, p.p. 25, 74, 93 — 86, видно, что ему были даны отъ Остермана большія полномочія: онъ предлагалъ подарки французскимъ дипломатамъ, бывшимъ посредниками при переговорахъ о мирѣ въ Бѣлградѣ, и, наконецъ, вслѣдствіе внушеній французскаго посланника, что австрійскій полномочный гр. Нейпергъ готовъ заключить мирный трактатъ съ Турціею, рѣшился отъ имени Россіи подписать предварительныя статьи о мирѣ съ этою державою. Остермана, когда судили при Елизаветѣ, 4 января 1741 года, допрашивали также: „для чего и съ какого умыслу ты къ мирной съ тур-

ними негоціаціи никого изъ россійскихъ національныхъ не употребилъ, но чужестранца Каньонія послалъ, который предъ тѣмъ ни въ какихъ важныхъ дѣлахъ не былъ употребленъ и россійскихъ интересовъ знать не могъ? А чрезъ такое пренебреженіе онаго Каньонія многое въ исполненіи мирнаго трактата затрудненіе и посылками отъ обѣихъ сторонъ торжественныхъ посольствъ великій россійскому государству причинилъ убытокъ. Онаго же Каньонія за что знатною денежною суммою наградилъ?“ Остерманъ отвѣчалъ: „Каньонія для того къ тому употребленъ, что я его къ тому призналъ за весьма способнымъ. Что же я къ тому дѣлу никого изъ россійскихъ національныхъ не употребилъ, въ томъ признаваюсь виновнымъ и прошу прощенія. Оному же Каньонію награжденіе дано за его въ томъ дѣлѣ трудъ, а торжественное посольство учреждено для славы россійской имперіи, о чемъ и посламъ на конгрессѣ стараться было велѣно.“

Письмо де-ла-Шетарди изъ Петербурга $\frac{21}{10}$ мая 1740 г.

Милостивѣйшій государь! Пріобрѣсти вѣрное и точное извѣстіе объ арміи этой страны и ея силахъ нѣтъ возможности. Русскихъ не посѣщаютъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые всего болѣе имѣли бы охоту говорить, удерживаетъ страхъ. Пользуясь моими связями съ тѣми изъ иностранныхъ министровъ, которые могли болѣе знать касающееся этихъ предметовъ, я замѣтилъ, что и они знаютъ о нихъ въ общихъ чертахъ и поверхностно, и даже долгое пребываніе въ странѣ не дало возможности пріобрѣсти иныхъ свѣдѣній, кромѣ сообщенныхъ имъ, а въ такихъ, слѣдовательно, не можетъ быть недостатка въ ошибкахъ. Эти примѣры или эти затрудненія меня не

пугаютъ, и если вы только удовольствуетесь въ настоящую минуту общимъ обозрѣніемъ, то я докончу начатыя мною подробности объ этомъ дворѣ; только онѣ замедлятъ болѣе или менѣе почту и, слѣдовательно, отправленіе курьера, который привезъ мнѣ депеши отъ Сенть-Северина изъ Гамбурга. Будетъ болѣе или менѣе близкій случай, который я стерегу, чтобы похитить у одного лица такъ, что онъ того не замѣтитъ, имѣющіяся у него свѣдѣнія о состояніи морскихъ силъ, финансовъ и сухопутныхъ войскахъ царицы.

Не должно думать, чтобы неуваженіе, которое выказываетъ правительство къ знатнѣйшимъ фамиліямъ этого государства, поселяя что нибудь въ родѣ недовольства, помогало бы разузнать то, что полезно иностранцамъ. Знатные только по имени, въ дѣйствительности же они рабы, и такъ свыклись съ рабствомъ, что большая часть изъ нихъ не чувствуютъ своего положенія.

Какъ скоро вы одобрили отвѣтъ, данный мною гр. Остерману по поводу слуховъ о трактатѣ между Англіею и Россіею, то я могъ надѣяться, что успѣлъ въ предпринятомъ мною намѣреніи установить его мнѣнія и дать ему поводъ поразмыслить; но мои надежды изчезли послѣ того, какъ я, согласно вашимъ приказаніямъ отъ 8-го апрѣля, имѣлъ случай убѣдиться въ лукавствѣ и отсутствіи добросовѣстности, на которыя способно это министерство.

Я въ первый разъ выѣхалъ въ прошедшую субботу. Мнѣ хотѣлось, подъ предлогомъ принесенія благодарности гр. Остерману за вниманіе его ко мнѣ во время моей болѣзни, имѣть случай безотлагательно говорить съ нимъ. Я увидалъ его вечеромъ; послѣ нѣсколькихъ словъ о моемъ здоровьи, я распространился о дружбѣ, которую онъ мнѣ выказывалъ до сихъ поръ, въ тѣхъ видахъ, чтобы, передавъ ему слова князя Кантемира, упрек-

нуть его въ томъ, что зная добрыя намѣренія Франціи и обстоятельства, по которымъ я прибылъ въ Петербургъ, предполагали, чтобы мнѣ не было поручено воспользоваться тѣмъ, что могли мнѣ сказать. Я остановился на этомъ, чтобы судить по отвѣту, прилично ли будетъ мнѣ идти далѣе. Гр. Остерманъ не оставилъ меня въ неизвѣстности; онъ мнѣ сказалъ, что князь Кантемиръ писалъ къ нему и, жалуясь на мое молчаніе и неполученіе извѣстій, высказалъ, что можетъ очень быть, что я ничего не имѣю сообщить, такъ какъ до сихъ поръ рѣшительно не говорю о дѣлахъ министрамъ. Тѣмъ не менѣе, прибавилъ Остерманъ, желаніе моей государыни выразить при всякомъ случаѣ уваженіе къ королю, и показать, какъ дорога для нея дружба его, такъ сильно, что она поспѣшно и съ удовольствіемъ приметъ все, что его величеству угодно будетъ предложить. И такъ, вы видите, продолжалъ онъ, что мнѣ скорѣе надобно упрекать васъ въ томъ, въ чемъ думаете винить меня. Я холодно отвѣчалъ на это, что вѣроятно князь Кантемиръ не понялъ смысла письма, и потомъ завелъ разговоръ о другихъ ничтожныхъ предметахъ.

Конечно гр. Остерманъ, заставляя говорить князя Кантемира и противорѣча тотчасъ же тому, что тотъ предполагалъ, льститъ себя надеждою, что онъ открылся. Было бы слишкомъ, если бы я позволилъ себѣ высказать свое мнѣніе послѣ того, какъ убѣдился въ противорѣчіи, которое вытекаетъ изъ нетерпѣнія отъ замедленія въ моемъ пріѣздѣ, изъ желанія поскорѣе открыться мнѣ и за тѣмъ послѣдовавшаго молчанія.

Это новое повтореніе заблужденія можетъ быть оправдываетъ также подозрѣніе, выраженное въ моей депеши отъ 23 апрѣля, именно, что хотѣли при помощи разныхъ уловокъ предъ моимъ отъѣздомъ, побудить васъ дать мнѣ инструкціи, которыя бы принудили меня сна-

чала и потомъ дѣйствовать согласно имъ. Какъ бы то ни было, такая грубая хитрость заслуживала бы оставить этихъ людей при томъ, при чемъ они есть, если бы не было опасно облегчить г. Финчу (Finch) средства къ успѣху видовъ, которые я предполагалъ въ англичанахъ въ той же депеши 23 апрѣля *).

На отношенія русскихъ ко мнѣ не имѣютъ вліянія нынѣшнія дѣла со Швеціею; такова ужь ихъ природа, и вниманіе ко мнѣ русскаго двора, самое дѣйствительное изъ всѣхъ средствъ, не въ состояніи разшевелить ихъ. Недавній случай убѣдилъ меня, что они считаютъ излишними обязанности приличія и свѣта. Они и ихъ жены обѣдали у меня, и при томъ были угощаемы съ торжественностью, которой конечно не стоили; и однако не бывшіе на этомъ обѣдѣ принцесса Елизавета, герцогъ и герцогиня курляндскіе, также принцы и принцессы брауншвейгскіе и гессенъ-гомбургскіе, и дѣти герцога курляндскаго постоянно въ продолженіи моей болѣзни присылали камеръ-юнкеровъ узнавать о моемъ здоровьи. Не пришло ни одному русскому въ голову послать спросить, каково мое здоровье, исключая гр. Остермана, оберъ-гофмаршала, кн. Куракина и семейства гр. Миниха, которые постоянно пріѣзжали ко мнѣ, также какъ и иностранные министры. — Замѣтьте, что изъ всѣхъ этихъ лицъ, русскій только одинъ Куракинъ. Это достаточно показываетъ, какъ вы правы, упрашивая меня вооружиться терпѣніемъ. Я часто имѣлъ случай прибѣгать къ нему съ тѣхъ поръ какъ здѣсь.

Я такъ мало уважалъ повторяющіяся внушенія гр. Остермана касательно нотификацій, которыя слѣдовало

*) Финчъ пріѣхалъ въ Россію лѣтомъ 1740 года на мѣсто умершаго англійскаго резидента Рондо. До того времени онъ былъ посланникомъ въ Стокгольмѣ и во всѣхъ происхахъ тамъ иностранныхъ министровъ дѣйствовалъ за одно съ русскими противъ французскаго вліянія. Нѣкоторыя изъ его депешъ о русскихъ событіяхъ помѣщены въ La Cour de la Russie il y a cent ans.

сдѣлать кабинетъ министрамъ, что даже не хотѣлъ пригласить ихъ къ себѣ обѣдать. Вѣроятно это имъ наскучило, и они желали показать себя менѣе требовательными, чѣмъ другіе, къ моему вниманію, и потому-то кн. Черкасскій сдѣлалъ мнѣ наконецъ первый визитъ, который я ему тотчасъ же отплатилъ, и церемоніальный обѣдъ, который я еще долженъ дать, доставитъ мнѣ случай пригласить его къ себѣ.

Дѣйствительно время года кажется не дозволитъ остаться долго въ неизвѣстности касательно намѣреній Россіи и Швеціи. Мѣры, предпринимаемыя первою, однако клонятся только къ оборонѣ, и до меня дошли слухи изъ вѣрнаго источника, что еще не отдано никакого приказанія для снаряженія тѣхъ 14 кораблей, которые, какъ мнѣ сказывали, должны были выступить въ море настоящимъ лѣтомъ, и что вѣроятно они не будутъ снаряжены, также какъ не заготовятъ припасовъ въ Кронштадтѣ.

(Заключеніе письма ничтожно и не заключаетъ въ себѣ ничего историческаго).

Состояніе ежегодныхъ доходовъ Россіи.

ГЛАВА I.

Подати, которыя издревле сбирали русскіе государи съ своихъ подданныхъ, имѣли различныя названія, но въ 1722 г. послѣ мира съ Швеціею, царь Петръ I соединилъ ихъ въ одинъ платежъ, подъ названіемъ Buschin dingi (подушныя деньги?), что значитъ подать (capitation); она сначала взималась по 84 коп. съ души мужескаго пола отъ 6 до 60 лѣтъ возраста,

съ обязательствомъ новѣрять души чрезъ каждыя пять лѣтъ. Въ 1724 г. правительство, признавъ тяжесть для народа такой подати, уменьшило ее до 70 коп., каковой сборъ существуетъ и до нынѣ. Правда, что въ январѣ 1727 г., царица Екатерина, чтобы въ началѣ своего царствованія задобрить подданныхъ, уменьшила эту подать на $^1/_3$, т. е. платили 47 коп., но это продолжалось только до 1727 г., потому что кн. Меншиковъ, котораго вліяніе тогда преобладало, на слѣдующій годъ снова возстановилъ 70 копѣчный сборъ, не смотря на оппозицію Толстаго, утверждавшаго, что и 47 копѣчный сборъ доставитъ не менѣе 4 мильоновъ рублей, когда будетъ сдѣлана точная повѣрка душъ.

Этотъ споръ былъ первою причиною неудовольствія между Меншиковымъ и Толстымъ. Оно еще болѣе усилилось, когда Толстой, въ отмщеніе Меншикову, подалъ въ тоже время мысль о повѣркѣ отчетовъ военной коллегіи, съ цѣлью заставить Меншикова возвратить многіе мильоны рублей, которыми онъ завладѣлъ — но такъ какъ въ настоящей запискѣ не мѣсто говорить объ этомъ, то я и перейду къ способамъ взиманія податей въ Россіи.

Онъ не всегда былъ одинаковъ со времени введенія его въ 1722 г. Сборъ податей царь возложилъ на полки въ мѣстахъ ихъ квартированія, и это было сдѣлано съ цѣлью предотвратить взяточничество воеводъ, которые не пропускали никогда случая вознаграждать себя за подарки любимцамъ, при назначеніи въ такія должности. По этой самой причинѣ воеводы были уничтожены наконецъ Петромъ Первымъ; но при восшествіи на престолъ Екатерины, тѣ же самые воеводы были возстановлены по тѣмъ же самымъ уваженіямъ, по которымъ были уничтожены въ предъидущее царствованіе, именно: князь Меншиковъ, извѣстный своею жадностью къ деньгамъ, могъ одинъ извлекать большія суммы отъ

опредѣленія воеводъ; имъ былъ снова предоставленъ сборъ податей, что и продолжается по нынѣ, съ тою разницею однако, что каждому изъ воеводъ придаютъ нѣкотораго рода надсмотрщика, подъ названіемъ помощника изъ офицеровъ полка, который квартируетъ въ уѣздѣ, подвѣдомственномъ воеводѣ.

Касательно способа взиманія подушной подати замѣтить еще надобно, что при требованіи платежа ея обращаются не прямо къ жителямъ приходовъ, но къ господамъ или дворянамъ, которымъ принадлежатъ деревни и которые обязаны отвѣтствовать предъ воеводами въ суммѣ, причитающейся съ ихъ вассаловъ. Эта обязанность тѣмъ болѣе отяготительна для дворянъ, что переписи не дѣлалось съ 1725 г. Множество помѣщиковъ продолжаютъ платить за крестьянъ въ количествѣ, гораздо превышающемъ наличныя души, потому что одни изъ нихъ умерли, а другіе разбѣжались послѣ переписи. При всемъ томъ однако помѣщики предпочитаютъ лучше платить, чѣмъ терпѣть издержки новой подушной переписи. Росходы въ подобныхъ случаяхъ очень велики, потому что производящіе перепись комиссары причиняютъ много убытковъ въ домахъ и имѣніяхъ.

Есть еще причина упадка имѣній и дворянства: помѣщикамъ, по закону, не дозволяется жить въ своихъ имѣніяхъ; они обязаны постоянно служить въ арміи или во флотѣ и по этому самому принуждены нанимать управляющихъ, чтобы собирать доходы. Недобросовѣстность московскаго народа и наклонность его къ хищничеству таковы, что всегда почти случается, что эти управляющіе хлопочутъ не столько о пользѣ и выгодахъ своихъ хозяевъ, сколько о собственномъ своемъ обогащеніи на счетъ ихъ. Такъ какъ вся прибыль отъ труда московскаго крестьянина вполнѣ принадлежитъ его господину, который оставляетъ ему только то, чѣмъ

онъ кое-какъ можетъ просуществовать съ семействомъ, то неудивительно по этому, что въ этомъ народѣ такъ мало развита промышленность и онъ такъ терпѣливо сноситъ нищету. Все это необходимо имѣетъ вліяніе на могущество Россіи, которая менѣе всѣхъ европейскихъ державъ имѣетъ собственныхъ средствъ.

Гдѣ же можетъ она найти эти средства? Въ казнѣ ли ея союзниковъ, или императоръ (римскій) снабжаетъ ее денежными субсидіями? Это не вѣроятно. Она можетъ получать деньги изъ Англіи или Голландіи только какъ задатокъ за запроданныя произведенія своихъ областей, но онъ не можетъ быть значителенъ и покрыть издержки продолжительной войны. Русская торговля въ упадкѣ до такой степени, что теперь не найдется двухъ негоціантовъ и изъ русскихъ, и изъ иностранцевъ даже англичанъ или голландцевъ, которые были бы въ состояніи дать впередъ 100 т. р.; при томъ же, малое довѣріе, которое необходимо возбуждаетъ растрата финансовъ въ настоящее царствованіе, было бы къ тому могущественнымъ препятствіемъ, особенно если справедливо, какъ есть поводъ думать, банкротство единственнаго русскаго банкира, который имѣлъ финансовыя дѣла съ русскимъ правительствомъ.

ГЛАВА II.

Съ незапамятныхъ временъ, русскіе государи присвоили себѣ монополію кабаковъ или публичныхъ винныхъ погребовъ, въ которыхъ продавалось въ ихъ пользу пиво, хлѣбная водка, выдѣлываемая въ Россіи, табакъ, трубки и карты. Распродажа всего этого по мелочамъ производится прикащиками, которыхъ обязано представлять, за своимъ ручательствомъ, сословіе московскаго купечества. Прикащики эти, про-

служивъ одинъ годъ безъ жалованья, замѣщаются другими. Должность ихъ состоитъ въ продажѣ по мелочамъ означенныхъ предметовъ и представленіи въ казну приблизительно двойной цѣны отъ продажи ихъ; но прикащики, чтобы вознаграждать себя за потерю, которую они несутъ, бывъ вынуждены покидать свою собственную торговлю, не пропускаютъ случая разбавлять напитки и надувать въ мѣрѣ и вѣсѣ.

Покойный царь Петръ I пробовалъ эту продажу возложить на солдатъ, которыхъ онъ считалъ болѣе добросовѣстными, но когда на дѣлѣ вышло противное, то опять возвратились къ прежнимъ распорядкамъ.

Доходъ съ этой монополіи, также какъ и подушная подать, всего до 5 мильоновъ, назначенъ на жалованье войскамъ, содержаніе магазиновъ, укрѣпленій, военныхъ снарядовъ и припасовъ, также на жалованье морскимъ офицерамъ, сооруженія и поддержку флота; но эти деньги почти тотчасъ же возвращаются въ казну государя, такъ какъ московитской солдатъ и матросъ вообще пьяницы, и по большей части все получаемое относятъ въ кабакъ.

ГЛАВА III.

Солеварни въ Россіи разработываются на счетъ не государя, а частныхъ лицъ, которымъ дается исключительная привилегія; но соль не могутъ продавать ни кому, кромѣ государя, который продаетъ ее своимъ подданнымъ вдвое противъ того, что она стоитъ. Распродажа производится тѣмъ же способомъ, какъ и предметы, описанные въ предъидущей главѣ. Соль, получаемая изъ этихъ солеваренъ, не годна для соленія мяса и рыбы, почему разрѣшенъ въ царствованіе Петра привозъ иностранной соли въ русскіе порты. Доходы отъ соляной

монополіи или на домъ этого государя, на его зданія, каналы и на нѣкоторые секретные расходы. Вмѣстѣ съ доходомъ отъ конфискаціи денегъ и имуществъ государственныхъ преступниковъ и взяточниковъ, это была единственная статья, поступавшая въ собственность кабинета, которымъ управлялъ одинъ секретарь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ царя. Тоже самое соблюдается и до нынѣ, но только эти доходы не покрываютъ огромныхъ издержекъ царствующей государыни, почему она ежедневно занимаетъ изъ другихъ казенныхъ суммъ, подъ свои собственныя росписки, что эти деньги будутъ возвращены. Время покажетъ, будетъ ли сдержано такое обѣщаніе и какимъ образомъ?

ГЛАВА IV.

Таможенныя пошлины взимаются во всѣхъ русскихъ портахъ рейхсталлерами, піастрами и другою иностранною звонкою монетою, которая передѣлывается на русскомъ монетномъ дворѣ и обращается въ рубли. Эти пошлины доставляютъ обыкновенно выгодъ до 600 т. руб., со включеніемъ сюда рижской таможни, приносящей отъ 250 до 300 т. рейхсталлеровъ, изъ которыхъ болѣе половины получается отъ торговли товарами, привозимыми и вывозимыми въ Литву и Польшу.

ГЛАВА V.

Внутреннія таможни взимаютъ отчасти за право транзита изъ одной губерніи или города въ другой, отчасти же берутъ родъ акциза; дохода отъ того до 600 т. руб., включая нѣкоторыя другія пошлины, относящіяся

сюда же, какъ то: за проѣздъ рѣкъ и мостовъ таможенныхъ, за рыбныя ловли.

ГЛАВА VI.

Разсчитываютъ, что монетный русскій дворъ приноситъ правительству ежегодно прибыли до 250 тысячъ руб. отъ передѣлки въ рубли, какъ рейхсталлеровъ изъ приморскихъ таможенъ, такъ и другой иностранной монеты, получаемой монетнымъ дворомъ изъ за границы по контрактамъ съ частными лицами, которымъ платится за то русскими деньгами, то болѣе, то менѣе, и этотъ торгъ можетъ простираться до 600 тысячъ рублей. Что же касается до помянутой выше прибыли въ 250 тысячъ отъ передѣлки, то кажется она только воображаемая, потому что цѣнность рубля на 24% ниже рейхсталлера. Само государство здѣсь теряетъ болѣе, чѣмъ выигрываетъ, такъ какъ извѣстно, что иностранный купецъ назначаетъ цѣну своимъ товарамъ соразмѣрно внутреннему достоинству предлагаемой ему за нихъ монеты. Впрочемъ заводъ для мѣдной монеты въ 5 копѣекъ, бывшій подъ управленіемъ покойнаго кн. Меншикова, несравненно болѣе разоряетъ русскую торговлю, не только потому что эти пятикопѣечники, со всѣми издержками на производство ихъ, не стоятъ пятой части мѣди въ продажѣ, но также и отъ того, что эта дурная монета фабрикуется за границей въ огромномъ количествѣ, привозится въ Россію торговцами и передается въ платежъ за товары московитскимъ купцамъ, которые принимаютъ ее безъ различія въ цѣнѣ своихъ товаровъ.

ГЛАВА VII.

Гербовая бумага употребляется въ Россіи во всѣхъ возможныхъ дѣлахъ, контрактахъ, выпискахъ и даже

въ прошеніяхъ, подаваемыхъ или прямо государю, или въ присутственныя мѣста, и канцеляріи прикладываютъ печать на всѣ сообщенія и предписанія внутри государства. Эта статья приноситъ ежегодно казнѣ до 120 тысячъ рублей.

ГЛАВА VIII.

Товары изъ произведеній государственныхъ имуществъ приносятъ ежегодно казнѣ почти 400 тысячъ рублей. Они состоятъ: изъ золы, называемой поташъ — и wedach (?) рыбнаго клея, икры и сибирскаго желѣза. Первыя двѣ статьи предоставлены государю одному по двумъ причинамъ: во первыхъ для сохраненія лѣсовъ и во вторыхъ, чтобы держать эти отрасли торговли въ цѣнѣ, которая упадетъ, если дозволить разработывать ихъ безразлично всѣмъ частнымъ лицамъ. Что же касается до рыбнаго клея и икры, то ихъ доставляютъ монастыри по Волгѣ, какъ подать, которою они обязаны казнѣ. Всѣ предметы, описанные въ настоящей главѣ, принадлежатъ къ вѣдѣнію коммерцъ-коллегіи.

ГЛАВА IX.

Прежде завоеванія Россіею Ливоніи, Ингріи и части Финляндіи, Швеція получала съ нихъ 400 тысячъ экю монетою, не включая таможенный доходъ, упомянутый въ IV главѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ эти же самыя области перешли подъ владычество Россіи, они приносятъ правительству ея только около 100 тысячъ рублей, такъ какъ много земель и имѣній роздано царемъ Петромъ и его наслѣдниками въ награду частнымъ лицамъ.

ГЛАВА X.

Рудники желѣзные и мѣдные въ Олонцѣ и Сибири приносятъ государю около 60 тысячъ рублей ежегодно. Если бы увеличить число мѣдныхъ заводовъ, приносящихъ 70% на сто, то эта статья давала бы, какъ полагаютъ, гораздо болѣе, но какъ здѣсь чувствуется недостатокъ въ способныхъ людяхъ для управленія и работъ на этихъ заводахъ, то и добыча съ нихъ въ Россіи не можетъ превышать получаемый въ Швеціи.

ГЛАВА XI.

До сихъ поръ доходы Россіи отъ пріобрѣтенныхъ у Персіи провинцій не превышали 600 тысячъ рублей ежегодно, слѣдовательно этихъ денегъ не достаетъ для содержанія арміи на тамошней границѣ. Россія надѣялась возвысить доходы отъ преимуществъ послѣдняго трактата, заключеннаго съ Софи (le Sophy) при посредствѣ Шафирова*), но вѣроятно, разгромъ Кули-Хана, повергшій Персію въ новыя смуты, помѣшаетъ русскимъ воспользоваться послѣдствіями этого трактата.

ГЛАВА XII.

Торговля между Россіею и Китаемъ производится только на счетъ русскаго государя чрезъ посредство одного каравана, посылаемаго каждый годъ въ Китай. Эта торговля доставляетъ ежегодно 300 тысячъ руб-

*) Въ Решташъ 1732 г. Въ силу этого трактата русскіе уступили Персіи завоеванныя Петромъ Великимъ провинціи и, въ вознагражденіе за то, получили разныя выгоды по торговлѣ.

лей. Она заключается въ мѣхахъ, получаемыхъ изъ сибирской таможни и ясака съ нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, обитающихъ на берегахъ Бѣлаго моря. Караванъ отвозитъ эти мѣха въ Китай и беретъ вмѣсто нихъ чай, фарфоръ и ткань изъ козьей шерсти, которую носятъ женщины, а также употребляютъ на обивку мебели. Сверхъ того, вывозятъ изъ Китая легкую матерію Damas, которая въ Россіи во всеобщемъ употребленіи.

ГЛАВА XIII.

Главный почтамтъ въ Петербургѣ подъ начальствомъ вице-канцлера, и приноситъ ежегодно доходу 30 тысячъ рублей.

Трудно понять, какъ почтовый доходъ такого обширнаго государства, какъ Россія, не превышаетъ 30 тысячъ рублей, если не знаешь, что тамъ нѣтъ другихъ почтъ, кромѣ: 1) той, которая учреждена отъ Петербурга къ Мемелю и Ригѣ; чрезъ нее направляются всѣ письма въ Польшу, Германію и проч. отъ иностранныхъ министровъ и негоціантовъ; московитяне же не ведутъ никакой заграничной переписки; 2) почты, отправляющіяся изъ Петербурга въ Москву, и, наконецъ, въ 3) изъ Петербурга чрезъ Выборгъ и Або въ Швецію. Внутри Россіи нѣтъ болѣе никакихъ почтъ; всѣ предписанія и другая переписка за границу и прочія мѣста, гдѣ расположены войска, посылаются съ нарочными, по большей части изъ унтеръ-офицеровъ. Что же касается до внутреннихъ сношеній между собою, то русскіе купцы свои торговыя операціи по большей части производятъ зимой; удобства саннаго пути доставляютъ имъ средства путешествовать съ весьма незначительными издержками, на своихъ лошадяхъ и при томъ почти также скоро, какъ и по почтѣ.

Заключеніе.

	рубли.
Подушная подать	4,000,000
Кабаки	1,000,000
Соль	600,000
Морскія таможни	600,000
Внутреннія таможни и пр.	600,000
Монетный дворъ	250,000
Гербовая бумага и печать	120,000
Государственныя имущества	400,000
Области, завоеванныя отъ Швеціи . .	100,000
Желѣзные и мѣдные рудники . . .	60,000
Завоеванія отъ Персіи	300,000
Торговля съ Китаемъ	300,000
Почтовый сборъ	30,000
Всего	8,360,000

Они составляютъ на французскія деньги 42 мильона 800 тысячъ ливровъ.

Вотъ, въ чемъ заключаются различныя статьи доходовъ Россіи, которые не могутъ никакъ быть выше, но скорѣе ниже.

Письмо Шетарди изъ Петербурга, 14 іюня 1740 года, получено 4 іюля.

Главная заслуга, оказанная царицѣ г. Корфомъ, состоитъ въ томъ, что онъ при восшествіи на престолъ этой государыни отправился въ Москву для переговоровъ объ удержаніи за ней самодержавія и умѣлъ такъ хорошо привлечь на свою сторону покойнаго графа.... что, какъ доказали потомъ событія, проектъ князей Долгорукихъ о введеніи въ Россіи формы правленія,

похожей на существующую нынѣ въ Швеціи, не осуществился.

Тѣмъ не менѣе царица не расположена къ Корфу, и причина этому происходитъ отъ того, что онъ, разсчитывая можетъ быть уже слишкомъ на свои услуги и свое красивое лицо, считалъ возможною надежду на милости государыни въ минуту, когда у ней было слишкомъ мало развлеченій (il a cru pouvoir prétendre à ses bonnes grâces dans un moment où il y avait trop de vide dans les amusements de cette princesse) вслѣдствіе старанія ея сохранить при себѣ и графа Левенвольда, оберъ-егермейстера и посланника русскаго двора въ Польшѣ, и герцога курляндскаго. Она узнала перваго вскорѣ послѣ того, какъ овдовѣла. Бирон же сталъ пользоваться значеніемъ много лѣтъ послѣ того, и эта новая благосклонность не мѣшала первой — государыня сохранила ее до смерти Левенвольда. Два соперника, оба принимаемые одинаково, не могутъ никогда ужиться вмѣстѣ, царица это испытала много разъ; но изъ нѣжности ли, изъ политики ли, только она всегда ихъ примиряла, давая имъ чувствовать, что того требовалъ общій интересъ всѣхъ трехъ и что, дѣйствуя иначе, они неминуемо лишатся ее и сами пропадутъ.

Казалось бы, что виды Корфа должны были возбудить неудовольствіе герцога курляндскаго, когда онъ одинъ овладѣлъ милостями царицы, однако этотъ поступилъ гораздо ловче: ему были извѣстны умъ и таланты Корфа, и онъ скрылъ досаду, которую еще болѣе усугубляли любовь и честолюбіе. Онъ справедливо думалъ, что Корфъ и не имѣетъ намѣренія столкнуть его (à le débusquer) и что угрожая ему, можно даже извлечь выгоды изъ него. Такъ и случилось: Корфъ былъ первый, бросившій въ Курляндіи сѣмена объ избраніи въ герцоги Бирона, и болѣе всѣхъ способство-

валъ тому. Онъ надѣялся, что поступая такимъ образомъ, онъ пріобрѣтетъ на столько вліянія, чтобы имѣть участіе въ дѣлахъ и завѣдывать управленіемъ Курляндіи. Его надежда была тщетна. Семейство Кейзерлинговъ одно воспользовалось довѣренностью и наградами, которыя новое избраніе необходимо долженствовало доставить нѣсколькимъ курляндцамъ. Съ одинаковымъ вниманіемъ удалили Корфа отъ придворныхъ дѣлъ и, чтобы у него отнять всякую надежду въ этомъ отношеніи, назначили въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ Бреверна. Корфъ жаловался, ворчалъ. Чтобы не нарушать приличій, герцогъ курляндскій не замѣчалъ ничего и доставилъ Корфу президентство въ академіи наукъ. Этотъ, видя, что такое назначеніе еще болѣе отдаляетъ его отъ предположенной имъ цѣли, продолжалъ ворчать, на что опять таки не обращали вниманія, и это именно заставляетъ думать съ нѣкоторою вѣроятностью, что онъ видѣлъ слишкомъ ясно то, что касалось частныхъ отношеній царицы и герцога курляндскаго. Послѣдній тѣмъ не менѣе старался искать случая объ удаленіи Корфа почетнымъ образомъ. Отозваніе Бестужева доставило ему къ тому случай, и Корфа послали въ Данію. Но при этомъ сдѣлали болѣе: президентство надъ академіею, которое онъ думалъ удержать за собою, тѣмъ болѣе, что оно, не требуя никакихъ занятій, приносило до 17 тысячъ ливровъ ежегодно, было отъ него взято и передано тому же Бреверну, который ему загородилъ дорогу въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ. Изъ всѣхъ этихъ подробностей можно заключить, что у герцога курляндскаго система удалять всѣхъ, кто стремился (ont aspiré), или уже имѣлъ участіе въ милостяхъ царицы. Примѣръ тому видѣнъ изъ того, что я сейчасъ донесъ о Корфѣ [14]).

Подъ видомъ довѣренности, покойный гр. Левенвольдъ былъ также въ продолженіи многихъ лѣтъ по-

сылаемъ по порученіямъ за границу и г. Бракель, къ которому не менѣе были милостивы, находился равномѣрно занятымъ въ чужихъ краяхъ.

Другое обстоятельство, почему царица открыто выражаетъ свое отвращеніе къ Корфу, заключается въ томъ, что онъ выдаетъ себя за вольнодумца (ésprit fort) и выказываетъ себя послѣдователемъ началъ разума. Она, напротивъ, болѣе чѣмъ кто либо, глубоко предана своей вѣрѣ (est absorbée dans toute la superstition du culte grec) и возстаетъ тѣмъ болѣе противъ нераздѣляющихъ ея взглядовъ, что она весьма некстати воображаетъ, что прикрываясь религіею и благочестіемъ, можно отвлечь вниманіе отъ отношеній къ Бирону (donner le change sur l'intrigue qui existe entre elle et le duc de Courlande, en se couvrant du manteau de la religion et de la dévotion).

Наконецъ это величайшее зло, что Корфа уже нѣтъ болѣе здѣсь: я бы могъ при помощи средства, о которомъ мнѣ говорили, извлечь изъ него со временемъ, при осторожномъ обхожденіи (en le cultivant), свѣдѣнія, очень полезныя для службы короля.

Наслѣдный принцъ курляндскій и фельдмаршалъ Минихъ вернулись въ субботу вечеромъ изъ Кронштадта *).

Въ тотъ же день получено извѣстіе о смерти прусскаго короля. Очень обезпокоены этимъ. Ясно, что для устраненія стѣсненія (la gêne) отъ этого безпокойства, здѣшній дворъ ничѣмъ не пренебрежетъ, чтобы овла-

*) Манштейнъ пишетъ, что они ѣздили туда для осмотра укрѣпленій. Вскорѣ послѣ того сынъ Бирона, вмѣстѣ съ Минихомъ же, ѣздилъ съ тою же цѣлью въ Выборгъ, Кексгольмъ и Шлюссельбургъ. Осматривая послѣднюю крѣпость, курляндскому принцу вѣроятно не приходило и въ голову, что она, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, будетъ тюрьмою для всего его семейства (Mémoires sur la Russie, II, 89).

дѣть расположеніемъ новаго короля Фридриха II. Саксонскій посланникъ (Зумъ) весьма радъ этому событію, потому что оно, при благосклонности къ нему королевскаго принца, облегчаетъ ему возможность вступить, какъ я полагаю, въ прусскую службу на пріятныхъ для него условіяхъ и съ довѣрчивостью. Онъ сообщилъ мнѣ третьяго дня обо всемъ, что доходило до меня касательно помянутаго безпокойства. Я отвѣчалъ ему, что оно мнѣ кажется естественнымъ и чѣмъ болѣе Россія хвасталась своимъ могуществомъ и была мало осторожна съ покойнымъ королемъ, тѣмъ болѣе она можетъ опасаться его наслѣдника, какъ только этотъ пойметъ свои выгоды, или когда будетъ чувствителенъ къ славѣ, или когда, наконецъ, почувствуетъ въ себѣ рѣшительность. Саксонскій посланникъ согласился со мною, и я замѣтилъ даже въ образѣ выраженія этого согласія, что онъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что если прусскій нынѣшній король не перемѣнится къ худшему, то русскій дворъ будетъ въ немъ имѣть опаснаго сосѣда.

Пушкинъ, президентъ коммерцъ-коллегіи, получившій, по случаю празднованія заключенія мира, орденъ св. Александра Невскаго, былъ арестованъ вмѣстѣ со многими другими съ субботы на воскресенье. Это за соучастіе въ дѣлѣ Волынскаго. Его не жалѣютъ много, такъ какъ онъ былъ врагъ рода человѣческаго и любилъ дѣлать зло. Пушкинъ даже хотѣлъ превзойти Волынскаго въ непримиримой враждѣ къ иноземцамъ.

Очаковскій сераскиръ, хотинскій паша и другіе турки, которые еще здѣсь, были нынѣшнее воскресенье на отпуску у царицы. Она приняла ихъ подъ тѣмъ же балдахиномъ, который обыкновенно употребляется на аудіенціяхъ чрезвычайнымъ посланникамъ. Они отъѣзжаютъ отсюда чрезъ нѣсколько дней въ Константинополь.

Примѣчаніе.

[14]) Автору біографіи „Баронъ Іоганнъ Альбертъ Корфъ„ (въ Актахъ академіи наукъ и отдѣльная брошюра) не были извѣстны эти подробности о Корфѣ, но на стр. 8 говорится о недовольствѣ на него императрицы. „Въ оставшихся послѣ него бумагахъ (въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), сказано въ біографіи, онъ самъ сознается, что заслужилъ этотъ гнѣвъ, не высказывая однако чѣмъ и говоря только, что причиною его несчастія былъ Бирономъ. Но въ оставленныхъ Миллеромъ (въ рукописи) матеріалахъ для исторіи академіи, говорится объ одномъ происшествіи, случившемся именно въ ту же эпоху и которое, можетъ статься, состояло въ связи съ этою опалою. Корфъ — разсказываетъ Миллеръ—былъ влюбленъ въ фрейлину императрицы и племянницу гр. Миниха, Вильдеманъ. Но въ лицѣ тогдашняго вице-президента коммерцъ коллегіи, камергера барона Менгдена явился соперникъ болѣе счастливый, и Корфу было отказано въ рукѣ дѣвицы Вильдеманъ. Это такъ возбудило его противъ Менгдена, что они рѣшились развязать дѣло поединкомъ, уѣхавъ для того въ Курляндію. Корфъ отправился туда внезапно 20 октября 1736 г. и воротился уже 11 января 1737 г. Поединокъ кончился, кажется, ничѣмъ, но чрезъ это происшествіе — прибавляетъ Миллеръ — Корфъ много утратилъ своего значенія при дворѣ, покрайней мѣрѣ въ первое время. Было ли, впрочемъ, оно одно причиною его немилости, или присоединились къ тому и другія обстоятельства, и какое было тутъ вліяніе со стороны Бирона, не знаемъ; но Корфъ самъ пишетъ, что съ 1737 г. положеніе его становилось все болѣе и болѣе непріятнымъ и желаніе удалить его отъ двора все примѣтнѣе обнаруживалось“.

Письмо маркиза де-ла-Шетарди къ Сентъ-Северину 15 іюня 1740 года.

Въ ту минуту, когда я получилъ письмо отъ $\frac{3 \text{ іюня}}{23 \text{ мая}}$, которымъ вы меня удостоили, я брался за перо, чтобы имѣть честь писать къ вамъ. Убѣжденный, что не могу лучше отвѣчать вамъ на все, о чемъ вы меня спрашиваете, какъ исполняя мое первоначальное намѣреніе, я не отказываюсь отъ него. Имѣя единственно въ виду пользу Швеціи, я считалъ обязанностью обсудить и повѣрить съ Нолькеномъ обстоятельства за и противъ, которыя могутъ рѣшить важный вопросъ: начинать или не начинать войну, и въ этихъ видахъ мы согласились:

1) недостатокъ въ деньгахъ доказывается во первыхъ недоимками сборовъ, накопившимися въ продолженіи многихъ лѣтъ до полутора мильоновъ рублей и, не смотря на строгости ко взысканію ихъ, принуждены были сложить ихъ съ подданныхъ, подъ предлогомъ милости по случаю заключенія мира; во вторыхъ, обращеніемъ въ настоящее время отъ 6 до 12 мильоновъ рублей мѣдной пятикопѣчной монеты, вмѣсто двухъ мил., которые были выбиты сначала — это увеличеніе есть дѣло англичанъ и поляковъ въ отмщеніе за необходимость, въ которую они были поставлены принужденіемъ принимать платежи рублями, въ третьихъ — затрудненіями, которыя встрѣтились при осуществленіи лотереи, открытой болѣе года на сибирскіе рудники; въ четвертыхъ, тѣмъ, что въ прошедшій и нынѣшній годы не выбито обычнаго количества рублей и даже не ввезено въ государство предназначавшейся на это монеты.

2) недостатокъ въ людяхъ доказывается во первыхъ, рекрутскимъ наборомъ съ жителей язычниковъ, крестьянъ, работающихъ на сибирскихъ рудникахъ, дѣтей духовенства и людей очень молодыхъ; во вторыхъ тѣмъ,

что этого не бывало въ самыя тяжелыя времена царствованія Петра I.

3) по видимому нельзя многаго ожидать отъ арміи, во первыхъ потому, что она вся состоитъ изъ рекрутъ; несмотря на всѣ старанія скрыть понесенныя ею потери, во вторыхъ, потому что запасъ старыхъ солдатъ, которые теперь на лицо, и которые въ службѣ не ранѣе какъ съ начала волненій въ Польшѣ, не можетъ превышать 20 тыс. человѣкъ, и въ третьихъ, потому что кавалерія, т. е. драгуны (кирасирскихъ всего только три полка) чрезвычайно плохо монтированы и у нихъ значительный недостатокъ въ лошадяхъ.

4) ясно, что морскія силы, говоря о большихъ корабляхъ, были и будутъ въ плохомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока каналъ, дѣлаемый въ Кронштадтѣ для доставленія судовъ въ докъ, не будетъ конченъ. Равномѣрно доказано, что недостаетъ и будетъ не доставать на будущее время матросовъ потому во первыхъ, что народъ рѣшительно не чувствуетъ призванія къ мореходству, въ вторыхъ льды и суровость климата дозволяютъ обучать моряковъ только 2 мѣсяца въ году и притомъ всегда на извѣстномъ разстояніи отъ Кронштадта; въ третьихъ, не посылаютъ болѣе учиться мореходству за границу, потому что узнавшіе чужіе краи не возвращались болѣе на родину; въ четвертыхъ, предположенія Петра I отправлять ежегодно по три корабля въ Мальту на службу и въ распоряженіе тамошняго ордена не состоялось.

5) есть тайное волненіе, возбужденное всеобщимъ и справедливымъ не довольствомъ народа противъ настоящаго владычества иноземцевъ.

6) и это обстоятельство, на которое всего болѣе настаиваетъ Нолькенъ: дурные поступки и затрудненія, которыя русскій дворъ въ прошедшемъ времени оказывалъ къ Швеціи даже во внутреннихъ дѣлахъ ея, по-

служать для него образцомъ въ будущемъ, и по всей вѣроятности Россія, сохранивъ свою вражду къ Швеціи, съ удовольствіемъ воспользуется случаемъ отмстить за себя, когда поправится при помощи мира.

Обстоятельства противъ войны слѣдующія 1) предположено предотвратить вредъ отъ недостатка денегъ, во первыхъ, употребленіемъ въ дѣло огромныхъ средствъ, которыя власть безпредѣльная найдетъ въ монастырскихъ имуществахъ, сохраняющихся на случай крайней надобности; во вторыхъ, конфискаціонною камерою, которую снова возстановятъ; она тѣмъ болѣе принесла пользы въ послѣднюю войну противъ Турціи, что здѣсь все дѣлается самовольно, не обращая ни на что вниманія.

2) огромное протяженіе страны, подвластной царицѣ, хотя и съ посредственнымъ населеніемъ, доставляло до сихъ поръ людей, способныхъ носить оружіе, и они найдутся всегда, не говоря уже о томъ, когда будутъ отыскивать ихъ въ болѣе или менѣе дальнихъ мѣстахъ, или же употреблять большее или меньшее насиліе.

3) армія очень многочисленна, содержится хорошо и стоитъ гораздо меньше, нежели сколько можетъ стоить всякой другой державѣ; она снабжена прекрасною артиллеріею, хорошо устроенною; треть офицеровъ изъ иноземцевъ; маневры, къ которымъ пріучаютъ войска, клонятся къ тому, чтобы пріобрѣсти себѣ всѣ выгоды къ самой сильной защитѣ.

4) если Московія не въ состояніи снарядить значительное количество кораблей для флота, то она можетъ многаго ожидать отъ хорошаго состоянія своихъ галеръ и употребленія ихъ въ дѣло, чтобы безпокоить непріятеля, съ которымъ будетъ въ войнѣ, и распространять смятеніе и ужасъ по берегамъ и даже во внутренности прилежащихъ къ нимъ странъ. Это отъ того во первыхъ, что Петръ I умѣлъ внушить войскамъ, что ремесло

гребцовъ, обыкновенно предоставляемое каторжникамъ, почетно, такъ что сами гвардейцы сочли бы за посрамленіе не грести на галерѣ, которая ихъ перевозитъ; во вторыхъ, благодаря такому удивительному обычаю, галера, повидимому не поднимающая много людей, высаживаетъ на землю отъ 4 до 5 сотъ вооруженныхъ.

5) касательно волненій внутри, прошедшее достаточно показало, что недовѣрчивость русскихъ другъ къ другу и недостатокъ въ людяхъ съ головой производятъ то, что никогда не найдутъ начальника, способнаго руководить подобнымъ предпріятіемъ съ вѣроятностью на успѣхъ; при томъ же это подвержено затрудненіямъ, почти непреоборимымъ при такомъ тирански деспотическомъ правительствѣ; и слѣдовательно съ этой стороны, если не хочешь увлекаться химерами, нѣтъ никакой надежды. Даже перемѣна, которую смерть царицы, если она не сдѣлаетъ заранѣе никакихъ распоряженій, можетъ вызвать, равно какъ и слѣдствія, которыхъ можно отъ того ожидать, кажутся и будутъ событіями очень сомнительными: на нихъ не возможно ни основать, ни утвердить какого нибудь предположенія.

6) я считаю также съ моей стороны возможнымъ оспаривать мнѣнія Нолькена, что примѣръ прошедшаго послужитъ для будущаго, такъ какъ это можетъ быть уничтожено, когда внутри будетъ царствовать согласіе, чѣмъ Швеція и отъучитъ своихъ сосѣдей даже отъ мысли вмѣшиваться въ ея домашнія дѣла. Наконецъ я полагаю, что Швеція такимъ же образомъ можетъ, при помощи переговоровъ, охранить себя отъ вражды Россіи и показать на столько значенія, чтобы ничего не опасаться съ ея стороны.

Есть еще нѣсколько другихъ, частныхъ разсужденій между вами, милостивый государь, и мною, о которыхъ я не могу не говорить съ вами: русскій дворъ — я пов-

терю — въ состояніи крѣпко обороняться, и это можетъ продолжаться съ малыми издержками и легко до тѣхъ поръ, пока войска не удалятся отъ границъ. По тѣмъ же самымъ причинамъ, онъ можетъ удержать безъ затрудненія такое положеніе. Напротивъ того, Швеціи это будетъ стоить дорого. Россія, конечно, не начнетъ первая нападеній въ этомъ столкновеніи, и напрасно шведы будутъ ожидать того. Если дворы, которыми не руководитъ пристрастіе, какъ я уже объяснилъ въ письмѣ къ г. Мондамеру (de Montdamerts), не могли не чувствовать, что степень могущества, до которой достигла Россія, въ состояніи нарушить и поколебать равновѣсіе на Сѣверѣ; если есть много такихъ, которые обратили на это обстоятельство особенное вниманіе, то тѣмъ болѣе не будетъ ли выгоднѣе для Швеціи дать утвердиться такому мнѣнію и заставить русскихъ по этой извѣстной имъ болѣе, чѣмъ кому либо, причинѣ ничего не предпринимать и подчиниться со временемъ пути переговоровъ. Если же, напротивъ, Швеція первая сдѣлаетъ нападеніе, тогда она сама разрушитъ предубѣжденіе, которое должна старательно поддерживать; такъ какъ въ подобномъ случаѣ, родится увѣренность, что равновѣсіе на Сѣверѣ не нарушено, и вслѣдствіи того отдаленныя державы могутъ нисколько не заботиться о способахъ, которые бы утвердили сохраненіе этого самаго равновѣсія. Шведы будутъ всегда въ правѣ требовать помощи, если будутъ держаться въ оборонительномъ положеніи, и могутъ воспользоваться имъ, чтобы подать сигналъ къ вооруженію. Они лишатся этого права, дѣйствуя иначе, и оправдаютъ намѣренія Россіи, которая не пропуститъ случая выказать поддѣльную скромность, чтобъ заставить думать, что она принуждена на все рѣшиться, чтобы обезопасить себя отъ такого безпокойнаго и опаснаго сосѣда, какъ Швеція.

Наконецъ, вы поймете, что ни Нолькену, ни мнѣ невозможно развить болѣе наши соображенія, пока мы не знаемъ настоящихъ интересовъ Швеціи, причинъ, по которымъ она думаетъ начать войну, пособій всякаго рода, на которыя она благоразумно можетъ разсчитывать, свойствъ соглашеній, которыя она себѣ подготовила, также, до какихъ предѣловъ могутъ простираться ея надежды въ случаѣ успѣха и пожертвованія, на которыя рѣшилась бы, если событія не будутъ соотвѣтствовать ея ожиданіямъ?

Письмо де-ла-Шетарди къ... изъ Петербурга 28 іюня 1740 г., получено 22 іюля.

Я получилъ третьяго дня письмо отъ 3 числа настоящаго мѣсяца, которымъ вы меня удостоили. Удовольствіе, что мои донесенія отъ 23 и 26 апрѣля вамъ достаточно объяснили настоящее положеніе русскаго двора, тѣмъ болѣе увеличилось во мнѣ, что я вижу васъ увѣрившимся въ образѣ дѣйствій, который, какъ должно ожидать, будетъ продолжать русское министерство.

Россія не имѣетъ и не можетъ имѣть честолюбивыхъ замысловъ касательно Швеціи. Русскій дворъ, а не нація, только будетъ стараться объ удержаніи завоеваній, подтвержденныхъ ништадтскимъ миромъ, потому что ихъ считаютъ необходимымъ посредствующимъ между этимъ государствомъ и Европою звѣномъ, которое даетъ русскому правительству возможность принимать участіе въ европейскихъ дѣлахъ. Еще можно предполагать, что Россія для участія въ нихъ съ большею свободою и чтобы не быть въ томъ удерживаемою отъ своихъ сосѣдей, будетъ стараться ослаблять Швецію, возбуждая въ ней внутренніе раздоры. Нельзя также сомнѣваться, чтобы

Россія не предвидѣла минуты, когда шведскій тронъ останется праздным̀ъ, и чтобы она не составила плана о возведеніи на него прямо, или косвенно такого принца, который былъ бы ей тѣмъ обязанъ и котораго бы она вовсе не опасалась. Что же касается до войны, которая нынѣ возникаетъ, то конечно царица, болѣе чѣмъ кто либо, будетъ чувствовать опасеніе, весьма естественное въ женщинѣ и потому извинительное, но я не думаю, чтобы для побѣжденія этого опасенія были готовы теперь на пожертвованія. Рѣчь о пожертвованіяхъ была бы кстати при дальнѣйшей войнѣ съ турками, когда здѣсь чувствовали, что не будутъ въ состояніи бороться со шведами, а потому, для удержанія ихъ, необходимо было возбудить надежду на вознагражденіе.

Г. Нолькенъ хотѣлъ достигнуть этого и тѣмъ обнаружилъ все. Безъ сомнѣнія онъ слишкомъ увлекся надеждою и желаніемъ отличиться предъ своимъ дворомъ. Высказанныя ему чувства были вовсе не искренны, и изъ того слѣдуетъ, что теперь русскій дворъ, будучи въ выгоднѣйшемъ положеніи, сочтетъ для себя излишнимъ уступать, какъ только онъ ничего не проситъ.

Царица въ союзѣ съ императоромъ, королемъ Августомъ и Англіею по торговымъ сношеніямъ, и только къ одной изъ этихъ трехъ державъ она можетъ обратиться съ просьбою о посредничествѣ для примиренія съ Швеціею. Я не полагаю, чтобы первая выказала себя расположенною къ тому; не думаю, чтобы сношенія короля Августа съ Швеціею были на столько тѣсны, и значеніе его посредничества на столько велико, чтобы онъ захотѣлъ себя уронить, вызываясь на отказъ со стороны Швеціи. Различными соображеніями, которыя нѣсколько времени тому назадъ имѣлъ смѣлость представить на ваше усмотрѣніе, я сказалъ все касательно Англіи, въ обоихъ случаяхъ — будутъ ли ее просить, или сама она предложитъ свои услуги. Однако, чтобы лучше увѣрить-

ся, не сдѣлано ли какихъ нибудь попытокъ по этому предмету, я, говоря съ прусскимъ посланникомъ, дѣлалъ видъ, что негодую на шведовъ за то, что они, выказывая дурное расположеніе, впрочемъ вовсе не имѣютъ его, и оно не произвело никакого дѣйствія. Шутя, я прибавилъ, что это прекрасный случай, которымъ можетъ воспользоваться Вальполь *), такъ какъ англичане всегда большіе охотники принимать участіе въ переговорахъ, размножать ихъ и такимъ образомъ питать тщеславіе, которымъ одержимы англичане, называя себя великими уровновѣшивателями Европы (balanciers). Г. Мардефельдъ мнѣ отвѣчалъ, что хотя англичане со времени послѣдней войны не принимали участія въ дѣлахъ (ils fussent hors de jeu), однако онъ не поручится за то, чтобы Вальполь не захотѣлъ воспользоваться недовѣрчивостью, существующею между Россіею и Швеціею; но притомъ увѣренъ, что первая для прекращенія ея не сдѣлаетъ шага и будетъ спокойно выжидать событій. Я сдѣлалъ видъ, что одобряю и хвалю такой образъ дѣйствія русскаго двора.

Распространился смутный слухъ о какомъ-то возстаніи въ Астрахани и Казани. Полагаютъ, что для укрощенія и утишенія виновниковъ его, послали генералъ маіора Апраксина подъ предлогомъ (дѣйствительно герцогъ курляндскій старается, чтобы этому повѣрили) встрѣчи новыхъ персидскихъ посланниковъ. Можетъ быть, что тутъ есть правда, и что Волынскій, бывши губернаторомъ въ названныхъ губерніяхъ, хотя и сдѣлался тамъ ненавистнымъ своимъ казнокрадствомъ, однако имѣлъ и приверженцевъ, и что волненіе есть слѣдствіе его дѣла **). Для русскаго министерства то не-

*) Сиръ Робертъ Вальполь, извѣстный государственный человѣкъ въ тогдашней Англіи.

**) Манштейнъ, впрочемъ, также говоритъ, что Апраксинъ (Степанъ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ), былъ посланъ

пріятно, что узнавъ о подобномъ событіи, оно не въ состояніи ни слѣдить за нимъ, ни изслѣдовать начала развитія. Въ иныхъ странахъ, можно, не удаляясь отъ лица государя, которому служишь, знать все, что ни происходитъ въ его владѣніяхъ и имѣть тамъ, или въ сосѣдственныхъ мѣстахъ хорошихъ корреспондентовъ. Здѣсь же пространство земель, подвластныхъ царицѣ, чрезвычайно огромно; она живетъ на одномъ концѣ своихъ владѣній, и тѣмъ менѣе извѣстно о происходящемъ въ другихъ частяхъ ихъ, что они сопредѣлены съ областями, съ которыми невозможно переписываться.

Письмо де-ла-Шетарди изъ Петербурга 3 іюля 1740 г., получено 17 августа.

Генералъ Кейтъ готовится къ отъѣзду въ Украйну, гдѣ онъ будетъ начальствовать. Ему дали назначеніе, которое лестно для него и упрочиваетъ ему положеніе довѣренное и въ то же время блистательное: онъ будетъ начальствовать надъ казаками. Такъ какъ они всѣ раздѣлены на полки, и въ каждомъ въ дѣйствительности отъ 10 до 11,000 человѣкъ, то въ его распоряженіи и подъ начальствомъ будетъ болѣе 170 т. человѣкъ. По этому случаю я узналъ, что это мѣсто возбуждало преимущественно честолюбіе въ фельдмаршалѣ Минихѣ, и онъ былъ мало тронутъ назначеніемъ его царицею, при объявленіи мира, подполковникомъ преобра-

---

въ Астрахань для предупрежденія персидскаго посланника, который явился было къ русскимъ границамъ со свитою въ 16 т. человѣкъ и 20-ю пушками. Подъ командою Апраксина было 5 пѣхотныхъ и 6 драгунскихъ полковъ, и онъ велѣлъ объявить персидскому посольству, что огромная пустыня, раздѣляющая Астрахань отъ Москвы, не дозволитъ ему отправиться въ Россію съ такою огромною свитою (Mémoires sur la Russie, II, p.p. 126, 127).

*

женскаго полка. Я узналъ еще, что онъ не получилъ желаннаго имъ мѣста по подозрѣніямъ его въ честолюбіи и изъ опасенія, чтобы оно не сдѣлалось безграничнымъ. Это опасеніе тѣмъ менѣе можетъ казаться лишеннымъ основанія, что графъ Минихъ человѣкъ способный далеко простирать свои замыслы; при томъ же примѣръ герцога курляндскаго здѣсь очень заразителенъ, чтобы не рискнуть на что нибудь (pour qu'il se trouve courir une certaine carrière). Минихъ обольщалъ себя тѣмъ, что если непріятности, причиненныя Польшею казакамъ, побудили ихъ выдти изъ подданства ея и подчиниться Россіи, то послѣдняя, обходясь съ ними еще болѣе дурно, мало заботилась щадить ихъ. Кромѣ того его вводило въ искушеніе и то обстоятельство, что казаки, отъ природы воинственные, не равнодушны къ славѣ, и онъ, командуя всегда ими въ арміи, пріучилъ ихъ къ повиновенію себѣ.

Не въ одномъ этомъ случаѣ честолюбіе гр. Миниха подозрительно. Я также узналъ, что послѣ взятія Хотина онъ совѣтовалъ двору сохранить Россіи Молдавію и, въ подтвержденіе возможности тому, предлагалъ свои услуги удержаться тамъ съ 25 т. человѣкъ, которыхъ страна должна была содержать.—Это предложеніе тѣмъ менѣе понравилось здѣсь, что подозрѣвали въ Минихѣ мысль о приготовленіи издалека средствъ къ превозглашенію себя господаремъ этой провинціи *).

---

*) Манштейнъ говоритъ, что Минихъ даже предлагалъ о томъ императрицѣ, а потомъ просилъ себя титула герцога украинскаго, и что будто бы Анна отвѣчала: «господинъ Минихъ еще очень скроменъ: я всегда думала, что онъ будетъ просить у меня титула великаго князя московскаго (Mémoires sur la Russie, II, 96)!»

Письмо де-ла-Шетарди изъ Петербурга 30 августа 1740 г., получено 23 сентября.

(Письмо это не полно: лицо, о которомъ здѣсь говорится въ третьемъ лицѣ, долженъ быть австрійскій посланникъ маркизъ Ботта д'Адоре, уѣхавшій изъ Россіи 15 іюля 1740 года).

Онъ всегда опасался находиться здѣсь въ минуту разрѣшенія отъ бремени принцессы Анны, и много лицъ, говорившихъ ему о томъ, замѣчали, что онъ откладывалъ въ даль эту мысль. Въ этомъ случаѣ онъ былъ предусмотрителенъ и благоразуменъ: онъ былъ бы свидѣтелемъ событій мало пріятныхъ и даже унизительныхъ для племянника императрицы (римской) *). Я вамъ донесу все подробно и ясно, чтобы не умножать не кстати любопытства. Сначала достаточно васъ предупредить, что все, происходящее здѣсь по этому случаю, подтверждаетъ и подкрѣпляетъ представленныя вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ (оно не отыскано) соображенія, что здѣсь не имѣютъ никакого уваженія къ принцу брауншвейгскому и что по безпримѣрному нововведенію — сынъ, чтобы не носить прозванія своего отца, не долженъ имѣть никакого.

Царица, желая все болѣе и болѣе выразить радость свою отъ счастливаго разрѣшенія принцессы Анны, приказала отслужить въ воскресенье молебенъ въ петропавловскомъ соборѣ въ крѣпости. Всѣ коллегіи приглашены были туда, и былъ по тому же случаю общій залпъ артиллеріи съ крѣпости и адмиралтейства. При томъ объявили во всѣхъ церквахъ, что принцесса Анна,

*) Антонъ Ульрихъ, принцъ брауншвейгскій, былъ сынъ герцога брауншвейгскаго Фердинанда Альберта и Антуанеты Амеліи Блакенбургъ вольфенбюттельской, которая была родною сестрою римской императрицы, жены Карла VI, а также принцессы Шарлоты, жены царевича Алексѣя Петровича.

племянница императрицы, счастливо разрѣшилась сыномъ, и небо даровало племянника ея величеству (нѣмецкое выраженіе, употребленное при томъ означаетъ, какъ мнѣ сказывали — внука). Царица желала и приказала, чтобы молебствовали о томъ во всей ея имперіи и стрѣляли изъ пушекъ вездѣ, гдѣ онѣ есть.

Вчера ребенокъ былъ окрещенъ въ комнатѣ царицы, гдѣ присутствовало духовенство, фельдмаршалы, полные генералы и нынѣшніе государственные министры. Все, что составляетъ дворъ (за исключеніемъ иностранныхъ министровъ, которые, я предполагаю, тамъ не находились, потому что не были предувѣдомлены), въ парадныхъ платьяхъ размѣстилось въ прочихъ покояхъ царицы. Она одна воспринимала младенца; имя, которое она ему уже дала при рожденіи, было подтверждено безъ прибавленія другаго прозванія.

Безъ сомнѣнія, чтобы еще болѣе освятить этотъ обрядъ, Бестужевъ былъ назначенъ кабинетъ-министромъ на мѣсто Волынскаго. Послѣдовало также много повышеній военныхъ, но все въ низшихъ чинахъ.

Принцъ Иванъ, въ слѣдствіи естественной нѣжности къ нему царицы, былъ перенесенъ и остается въ комнатѣ, смежной съ занимаемыми ея величествомъ покоями, что дозволяетъ ей видѣть его во всякое время дня. Наконецъ есть повелѣніе пеленать и распеленывать младенца лишь въ присутствіи герцогини курляндской, которая, слѣдуя только внушеніямъ своей привязанности къ царицѣ, съ удовольствіемъ взяла на себя эти заботы.

Я забылъ вамъ сказать въ субботнемъ моемъ письмѣ, что герцогъ курляндскій говорилъ мнѣ о намѣреніи своемъ послать во Францію персидскія и китайскія матеріи, также нѣсколько мѣховъ, но не желая барышничать и торговать этимъ (я ничего не перемѣняю изъ его выраженій) и опасаясь, чтобы эти предметы не были тамъ сочтены за контрабандные, онъ былъ бы мнѣ очень

обязанъ за указанія средствъ, которыя бы могъ употребить въ этомъ случаѣ. Я ему отвѣчалъ, что этого рода товары дѣйствительно запрещены, что я понимаю, для чего онъ ихъ предназначаетъ и что мое правительство всегда готово быть къ нему предупредительнымъ и оказать ему одолженіе, такъ что достаточно ему вручить мнѣ записку о предметахъ, которые онъ предполагаетъ послать, о числѣ ящиковъ для нихъ и о портѣ, въ который они будутъ адресованы, и эту записку я тотчасъ передамъ генералъ-контролеру, а онъ дастъ приказанія, которыя устранятъ всѣ затрудненія. Герцогъ курляндскій казался довольнымъ этимъ объясненіемъ и благодарилъ меня за расположеніе къ нему французскаго двора.

(Здѣсь въ тургеневскомъ сборникѣ не достаетъ депешъ за 3 мѣсяца отъ 13 іюля до 14 октября 1740 года).

Между тѣмъ здоровье императрицы Анны въ этотъ промежутокъ времени совершенно разстроилось. Во время пребыванія своего лѣтомъ въ Петергофѣ, она было почувствовала облегченіе, но по возвращеніи въ Петербургъ, стала жаловаться на безсонницу. Въ концѣ сентября у ней явились припадки подагры, потомъ кровохарканіе и сильная боль въ почкахъ. Медики замѣчали при томъ сильную испарину и не предсказывали ничего хорошаго *). Англійскій резидентъ Финчь, только что пріѣхавшій тогда въ Россію, писалъ 1 октября: „то, что медики приписывали нарыву въ почкахъ, было ни что иное, какъ вступленіе царицы въ критическую эпоху въ жизни женскаго пола; но оно сопровождается такими сильными истерическими

---

*) Manstein, Mémoires sur la Russie, Lyon 1772, II, p. 35.

припадками, что это должно считать очень опаснымъ*).“ 6-го октября, съ императрицею, когда она садилась за столъ, сдѣлалось дурно, и ее безъ памяти отнесли въ постель. Первый медикъ Фишеръ сказалъ Бирону, что это дурной признакъ и что если болѣзнь будетъ усиливаться, то надобно опасаться, что она скоро повергнетъ всю Европу въ трауръ. Антоній Рибейро Санхецъ, придворный врачь (происхожденіемъ португалецъ), считалъ болѣзнь ничтожною **). Любопытно, что когда Бирона потомъ арестовали и судили, то придирчивые обвинители его вмѣняли ему въ вину кончину императрицы Анны: „вы же показали, говорили они, что о здравіи ея императорскаго величества попеченіе имѣли, а о каменной болѣзни до послѣдней скорби не знали, и отъ архіатера и прочихъ докторовъ не слыхали. И въ томъ явная неправда, ибо до кончины ея величества за два года, а потомъ и за годъ, какъ вы сами же показали, о опасной болѣзни, что въ уринѣ такая жь кровь, какъ и при послѣдней болѣзни оказалась, вѣдали и случившіеся припадки въ тѣ годы видѣли; а о пользованіи старанія не имѣли и для совѣта докторовъ не призывали, но вмѣсто того къ поврежденію здравія завели такія забавы, которыя при начатіи такой болѣзни весьма были вредны; и привели ея величество въ манежѣ и въ прочихъ мѣстахъ верхомъ ѣздить въ самые несносные дни, и что вы знали о ненадежномъ здравіи за четыре мѣсяца, какъ французскій посолъ ко двору своему писалъ“..... Также Бирона допрашивали: „подъ какимъ сомнѣніемъ у васъ находился докторъ португальскій, что его безъ архіатера Фишера ко двору его императорскаго величества допустить не хотѣли ***)?“

*) La cour de la Russie il y a cent ans, Berlin, 1858, p.p. 59—60.
**) Büching's Magazin IX, S.S. 386, 387; Записки Миниха сына, Спбургъ. 1817, стр. 162.
***) Дѣло о курляндскомъ герцогѣ Биронѣ, Москва, 1862, стр. 50, 52.

Противъ этихъ обвиненій Бирономъ отвѣчалъ: „о высочайшемъ ея императорскаго величества блаженныя памяти здоровьѣ по прилежной своей должности всегда пристойное попеченіе имѣлъ, а что у ея императорскаго величества каменная болѣзнь, того онъ до послѣдней ея императорскаго величества скорби не зналъ, и какъ отъ архіатера, такъ и отъ прочихъ докторовъ до того не слыхивалъ и оные-де докторы про то заподлинно сами не знали, въ чемъ ссылается на португальскаго доктора, который ему, при баронѣ Менгденѣ, при объявленіи послѣдней болѣзни ея императорскаго величества самъ говорилъ, что по прошествіи четырехъ дней еще заподлино объявиться можетъ, что ея императорское величество каменною-ли, или другою какою нибудь болѣзнью одержима. И по вопросу его, герцога, отчего въ уринѣ ея императорскаго величества кровь показывается, отвѣтствовали помянутые доктора, что-де то происходитъ отъ малѣйшихъ жилъ, которыя напружились. Къ тому жъ и ея императорское величество блаженныя памяти оную свою болѣзнь сама всегда изволила таить, и развѣ ближнія комнатныя служительницы про то вѣдали. Да два года тому назадъ, какъ въ уринѣ ея императорскаго величества такая жъ кровь оказалась, и тогда она уринъ свой чрезъ комнатную дѣвицу Авдотью Андрееву изволила послать къ обрѣтающемуся тогда въ Петербургѣ больному придворному доктору Ле(и)стеніусу, который, высмотря тотъ уринъ, сказалъ, чтобъ ея императорское величество отъ того не изволила имѣть никакого опасенія и пользовалась бы только краснымъ порошкомъ доктора Шталя. А сверхъ того извѣстно ея императорскому высочеству, великой княгинѣ всероссійской, что не задолго до брачнаго сочетанія ея высочества съ его высочествомъ герцогомъ брауншвейгъ-люнебургскимъ, ея императорское величество блажен-

ныя памяти изволила сама ея высочеству объявить, что-де въ уринѣ ея величества, который ей при томъ казала, кровь оказалась, и то-де отъ того, что она была въ печали и грустились. Въ которое время выше помянутый докторъ Ле(и)стеніусъ ея величество паки обнадеживалъ, что отъ того никакихъ злыхъ слѣдствій опасаться не надобно. Они же, доктоpы, ея императорское величество прошлое лѣто во всю бытность въ Петергофѣ лечили, почему имъ надлежало больше вѣдать, какою болѣзнію ея императорское величество одержимо и какія на то способы употребить? А сколько разъ онъ ни спрашивалъ, что у ея императорскаго величества за болѣзнь и отчего они, доктоpы, ея императорске величество пользуютъ, то они всегда на то отвѣтствовали, что-де стараются только о томъ, чтобъ кровь чистить, и ежели бы они доктоpы усмотрѣли, что ея императорское величество такою опасною болѣзнію одержима, которой бы имъ лечить не возможно, то-бъ надлежало имъ заблаговременно о томъ самимъ объявить и требовать, чтобъ другіе доктора призваны были, а ему самому собою, безъ ея императорскаго величества воли и не зная опасности ея болѣзни, другихъ докторовъ призывать было невозможно. Что жъ ея императорское величество блаженныя памяти верховыми ѣздами на манежѣ и прочихъ выѣздахъ иногда изволила забавляться, и къ такой ѣздѣ онъ ея императорское величество не возбуждалъ и къ чему не токмо не склонялъ, но больше по возможности отъ того удерживалъ; токмо-де ея императорское величество изволила ему на то сказать, что-де она то сдѣлаетъ для того, чтобъ имѣть какое движеніе, а доктоpы-де ее въ томъ не воспрещаютъ; ктому-жъ и тому нынѣ уже цѣлый годъ, что она верхомъ уже больше ѣздить не изволила.“

„Нерадѣнія его о дражайшемъ ея величества здра-

віи, какъ вообще, такъ и во время посѣщенія болѣзни, никакого не было, и о состояніи ея величества болѣзни, какъ другимъ, такъ и придворнымъ, таить было нечего, понеже ея в-во во время той болѣзни до отягченія оною сама при куртагѣ и въ другихъ случаяхъ изволила выходить, гдѣ всякому можно было видѣть, что она ногою и рукою больна, а чтобъ ея величество во время тяжкой оной болѣзни чѣмъ обезпокоивать и иногими неприличными и ея величеству чувствительными внушеніями утруждать, того у него и въ мысли не бывало, и никогда, какъ имъ самимъ, такъ и его фамиліею, не учинено. Развѣ ея императорское величество то изволила иногда въ досаду себѣ вмѣнять, что онъ, увидя, что ея императорское величество лекарство съ великою противностью принимаетъ, а часто и вовсе принимать не изволитъ, припадая къ ногамъ ея императорскаго величества, слезно и неусыпно просилъ, чтобъ тѣми отъ докторовъ опредѣленными лекарствами изволила пользоваться. А больше всего принужденъ былъ ея величеству въ томъ докучать, чтобъ она клистиръ себѣ ставить допустила, къ чему склонить едва было возможно, почему онъ ея императорскому величеству злыя тѣ слѣдствія, которыя бы отъ того, по словамъ докторовъ, произойти могли, представляя, напослѣдокъ и склонилъ, а кромѣ того ея императорское величество ничѣмъ не безпокойствовалъ. И хотя отъ ея императорскаго величества, когда иногда онъ, или его фамилія и отлучались, тогда, какъ всѣмъ извѣстно, изволила въ тотъ часъ жаловаться, что онъ и фамилія его ее покидаютъ и яко бы-де она имъ прискучила. Да и докторы сами опасались ея императорскаго величества гнѣву и отговаривались ея императорскому величеству безъ него, или супруги его подавать, и приставали къ нимъ безотходно, чтобъ ея императорское величество къ принятію лекарствъ склоняли они. Что жъ якобы паче супруга его наканунѣ пре-

ставленія ея императорскаго величества къ одной изъ первѣйшихъ комнатныхъ служительницъ пришла и оной, яко о радостной какой вѣдомости, что жизнь ея величества продолжиться не можетъ, будто объявить не постыдилась, и на то отвѣтствуетъ, что о конечной опасности ея императорскаго величества болѣзни и что жизнь ея императорскаго величества больше уже продлиться не можетъ, какъ онъ, такъ и супруга его, за день до преставленія ея величества, по словамъ докторскимъ, вѣдали, а сколь радостна имъ та вѣдомость была, о томъ всякому легко разсуждать можно, которому извѣстно, какими чрезвычайно милости оказательствами онъ отъ ея императорскаго величества одолженъ былъ, а по послѣдней мѣрѣ могутъ его слезы, которыми ежедневно обливался, о томъ свидѣтельствовать."

„Во время жъ все ея императорскаго величества болѣзни, высочайшая императорская фамилія къ ея величеству всегда допускаема была, въ чемъ ссылается на ея императорское высочество государыню великую княжну всероссійскую, которая всегда къ ея величеству безъ докладу прямо ходить изволила, и въ бытность ея императорскаго высочества при ея императорскомъ величествѣ хотя онъ съ фамиліею иногда и присутствовали, но часто нарочно и отлучались, дабы ежели ея императорское величество ея высочеству, какъ родной своей племянницѣ, что партикулярное объявить имѣетъ, и отъ ихъ присутствія въ томъ препятствія не было; но какъ выше уже показано, что ея императорское величество, когда они когда отлучатся, въ тотъ часъ опять къ себѣ призывавъ, приказывала, въ чемъ имъ ея величеству ослушными быть было невозможно. Государынѣ же цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, помнится ему, по докладу дважды было отказано, токмо оный отказъ былъ отъ самой ея императорскаго величества, а не отъ него. Да когда же къ ея императорскому величеству и допу-

скалась, то больше, какъ на нѣсколько минутъ при себѣ держать не изволила. Сколько жъ имъ другіе кавалеры и дамы къ ея императорскому величеству во время той болѣзни послѣдней ея императорскаго величества допущены были и колико время тутъ присутствовать волю имѣли, въ томъ ссылается на тѣхъ кавалеровъ и дамъ, ибо-де ему всегда легчѣе было, когда посторонніе при ея императорскомъ величествѣ присутствовали, дабы между тѣмъ имѣть отъ безпрестанныхъ своихъ около ея императорскаго величества усердныхъ трудовъ хотя какое отдыханіе. Токмо-де что ея императорское величество около себя многихъ людей видѣть не изволила и то хотя потому значитъ, что она изъ комнатныхъ служительницъ, кромѣ Анны Ѳедоровны и Авдотьи Андреевны, другихъ при себѣ не терпѣла".

Письмо г. де-ла-Шетарди. Петербургъ, $\frac{25}{14}$ октября 1740 года.

Послѣднія три ночи были лучше. Царица спала довольно хорошо, и хотя съ тѣхъ поръ спокойствія стало менѣе отъ перемѣны, неизбѣжной у женщинъ извѣстнаго возраста, и которая, соединившись съ прочими ея болѣзнями, усилилась (quoique la tranquillité soit moins grande depuis par un changement nécessaire aux femmes à un certain âge qui s'est joint à ces autres incommodités et qui s'est confirmé), однако докторъ португалецъ кажется не теряетъ надежды, которую онъ имѣлъ.

Оберъ-гофъмаршалъ, какъ только я пріѣхалъ третьяго дня во дворецъ, благодарилъ меня отъ имени царицы за вниманіе, выказанное мною къ ея здоровью. Онъ предложилъ мнѣ потомъ, за отсутствіемъ принцессъ, не хочу

ли развлечься картами съ принцемъ брауншвейгскимъ, который не замедлилъ мнѣ предложить партію, на которую я и согласился. Эта принужденность, а также секретное приказаніе дамамъ являться точнѣе, нежели когда либо во дворецъ — суть слѣдствіе стараній разувѣрить въ опасности, въ которой была, или еще можетъ быть царица.

Рискуя быть вынуждену къ противорѣчію самому себѣ, я все таки считалъ обязанностью въ то время, когда все покрыто тайною, сообщить вамъ то, что успѣлъ постепенно собрать вмѣстѣ съ замѣчаніями, сдѣланными при разсмотрѣніи предметовъ вблизи. Такимъ образомъ регентство, какъ меня извѣстили, составится изъ принцессы Анны, у которой будетъ два голоса, изъ принца брауншвейгскаго, фельдмаршала Миниха и Трубецкаго, кабинетъ-министровъ гр. Остермана, кн. Черкасскаго и Бестужева, адмирала Головина, гр. Головкина, кн. Куракина, Нарышкина и генерала Ушакова. Я никакъ не могу одобрить подобнаго распоряженія, такъ какъ предвижу всѣ неудобства власти, раздѣленной между такимъ огромнымъ числомъ лицъ, вовсе не сдерживаемыхъ старшимъ. Я вижу принца брауншвейгскаго вынужденнымъ или слѣдовать слѣпо желаніямъ принцессы Анны, или же потерять ея дружбу. Послѣднюю я предвижу старающеюся о преобладаніи въ управленіи государствомъ, въ качествѣ матери принца Ивана, каковое преобладаніе будетъ, конечно, оспариваться другими. Я предвижу союзъ, который возникнетъ изъ связей между кн. Куракинымъ, гр. Головинымъ и Бестужевымъ; между тѣмъ этому союзу воспротивятся кн. Черкасскій, кн. Трубецкій, гр. Головкинъ и Нарышкинъ; для несомнѣнной, но скрытной вражды между Минихомъ и Остерманомъ откроется свободное поле къ постоянному противоборству. Старый генералъ Ушаковъ одинъ изъ партіи не пропуститъ извлечь выгоды

изъ довѣрія, которымъ онъ, какъ говорятъ, пользуется въ большинствѣ народа.

Впрочемъ этотъ совѣтъ, составленный изъ лицъ, которыя не имѣютъ права уничтожить правъ принцессы Елизаветы, можетъ подать поводъ къ смутамъ. Онѣ могутъ быть опасны, если посовѣтывать принцессѣ, чтобы она во-время возвысила голосъ и настоятельно требовала принять участіе въ правленіи. Съ другой стороны — можетъ ли совѣтъ представлять государя въ случаяхъ, когда будетъ нужно исполнять нѣкоторые наружные обряды? Кто будетъ за него представителемъ, такъ какъ принцъ Иванъ, по своимъ лѣтамъ не въ состояніи даже машинально выполнять дѣйствія, требуемыя отъ него короною, которую онъ будетъ носить?

Странно еще то, что дали сами поводъ къ междуцарствію, которое тѣмъ болѣе легко можетъ имѣть мѣсто, что принцъ Иванъ можетъ скончаться, не имѣя брата. Еще страннѣе, что царица, обольщенная мыслію возродить прекратившуюся фамилію Романовыхъ въ лицѣ принца Ивана и, не будучи въ состояніи достигнуть иначе, какъ при посредствѣ принцессы Анны — внукѣ по матери царя Ивана, впала въ крайность, совершенно противоположную. Дѣйствительно въ манифестѣ царицы сказано, что дѣти, рожденныя отъ брака принцессы Анны съ принцемъ брауншвейгскимъ, имѣютъ наслѣдовать престолъ въ случаѣ смерти принца Ивана; но случай смерти принца брауншвейгскаго прежде, чѣмъ отъ него будутъ наслѣдники, не оговоренъ, стало быть дѣти принцессы Анны отъ втораго брака не будутъ имѣть тѣхъ же правъ, стало быть потомство не отъ нея, а отъ мужа ея призвано на русскій престолъ *).

*) Здѣсь Шетарди разбираетъ манифестъ 5 октября 1741 года, въ силу котораго принцъ Иванъ назначенъ былъ наслѣдникомъ престола. По показанію Бирона, императрица Анна не хотѣла его объявлять прежде своей тяжкой болѣзни, отзываясь, что «ежели-

Я имѣлъ случай убѣдиться, что было и есть намѣреніе обратить принца брауншвейгскаго въ греческую вѣру. Не понимаю причины тому: онъ только назначается въ совѣтъ регентства. Примѣръ гр. Миниха и Остермана, которые туда также назначены и также, какъ онъ, еретики, доказываетъ, что подобная причина не требуетъ измѣненія религіи, о которой идетъ дѣло.

При письмѣ, переданномъ мнѣ отъ шведскаго посланника къ графу Тессину (de Tessin) *), я сообщаю распредѣленіе войскъ и ихъ зимнія стоянки, въ подлинности котораго меня увѣряютъ; генералы по ихъ занятіямъ въ департаментахъ и коллегіяхъ (здѣсь въ обычаѣ помѣщаютъ ихъ туда временно) также здѣсь означены.

Къ гр. Остерману пріѣхалъ третьяго дня курьеръ изъ Кіева, и онъ передалъ мнѣ вчера утромъ отъ г. де-Вильнева (de Willeneuve) **) конвертъ, который былъ врученъ тому нарочному для меня. Г. Вильнефъ передалъ мнѣ копію съ конвенціи, учиненной при посредничествѣ $\frac{16}{27}$ августа: она подтверждаетъ размѣнъ, который послѣдуетъ при Бугѣ между посланниками Россіи и Порты. Онъ присовокупляетъ, что 30

де его объявить великимъ княземъ, то уже всякъ будетъ больше за нимъ ходить, нежели за нею». Что касается до помянутаго манифеста, то его по восшествіи на престолъ Елизаветы отбирали, и онъ до сихъ поръ нигдѣ не перепечатывался. Помѣщаю его въ приложеніи подъ № I, какъ документъ, не находимый нынѣ въ частныхъ рукахъ.

*) Графъ Тессинъ одинъ изъ шведскихъ государственныхъ людей, всего болѣе хлопотавшихъ о начатіи войны Швеціею противъ Россіи. Въ описываемое время онъ былъ посланникомъ въ Парижѣ.

**) Маркизъ Вильневъ былъ французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ и посредникомъ между Россіею и Турціею при заключеніи мира въ Бѣлградѣ. Благодаря его происканъ, Россія и Австрія заключили миръ каждая отдѣльно, чего и желало болѣе всего французское правительство. Остерманъ былъ сильно противъ французскаго посредничества (Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement russe, p. 101).

августа, когда писалъ ко мнѣ, надѣется также покончить статью о русскихъ плѣнныхъ и невольникахъ, не смотря на затрудненія, тѣмъ болѣе встрѣчающіяся при томъ, что султанъ не можетъ располагать этими плѣнниками иначе, какъ выкупивъ ихъ на свои собственныя деньги у частныхъ лицъ, ихъ пріобрѣвшихъ.

Письмо де-ла-Шетарди изъ Петербурга $\frac{29}{18}$ октября 1740 года.

Какъ ни старались скрыть вновь принятаго рѣшенія, однако слишкомъ много лицъ по необходимости принимали участіе въ этой тайнѣ, чтобы могла она оставаться сохраненною, почему и былъ я извѣщенъ о томъ, что происходило, довольно рано въ четвертокъ. Это рѣшеніе было слѣдствіемъ печальной крайности, въ которой находится царица съ среды. Событіе оправдало то, чего опасались, и это подаетъ поводъ къ отправленію курьера, котораго я рѣшился къ вамъ послать вмѣстѣ съ моимъ отчетомъ его величеству, прилагаемомъ къ настоящей депеши.

Я узналъ въ четвертокъ, что герцогъ курляндскій, впродолженіи болѣзни царицы, собиралъ только для формы гр. Остермана и другихъ министровъ, также русскихъ вельможъ. Фельдмаршалъ Минихъ и баронъ Менгденъ *) одни пользовались его довѣренностью, и онъ совѣтывался только съ ними, въ увѣренности безсомнѣнія, что взаимная выгода иноземцевъ, подобныхъ ему, требуетъ, чтобы они берегли его и вѣрно служили ему.

Первый мало способенъ содѣйствовать своими совѣ-

*) Баронъ Карлъ Людвигъ Менгденъ, тогдашній президентъ коммерцъ коллегіи: о немъ упомянуто въ примѣчаніи 14, стр. 92.

тами въ дѣлахъ, требующихъ осторожности, но можетъ поддерживать и помогать ему своимъ мужествомъ, которое его никогда не покидаетъ. Второй совершенно раздѣляетъ мысли фельдмаршала. И тотъ, и другой, даже если бы виды и болѣе благоразумные и здравые руководили ихъ совѣтами, побудили герцога курляндскаго рѣшиться на шагъ, столько же смѣлый, сколько и опасный.

Въ среду, онъ кинулся къ ногамъ царицы, не скрывая вовсе опасности, въ которой она находилась. Онъ напомнилъ ей о пожертвованіи собою для нея, далъ почувствовать, что оно распространится на все его семейство, если она не протянетъ ему руку помощи; что мало увѣренный въ своей судьбѣ, онъ не можетъ обезпечить ее только продолженіемъ къ нему довѣренности, которою онъ былъ всегда удостоиваемъ, и что это можетъ сдѣлаться единственно при назначеніи его регентомъ, распорядителемъ имперіи на время малолѣтства принца Ивана. Причины, которыми царица хотѣла сначала подкрѣпить отказъ, были опровергнуты и уничтожены нѣжностью, которою умѣлъ онъ возбудить. Она согласилась на просьбу. Вслѣдствіе того, приказано было подписать бумагу, въ которой сказано: что въ случаѣ, если провидѣнію угодно будетъ прервать дни ея величества, области имперіи по волѣ императрицы должны перейти подъ регентство герцога курляндскаго. Эта бумага подписана въ четвертокъ утромъ синодомъ, кабинетомъ, сенатомъ, генералитетомъ и президентами коллегій [15]).

Въ полдень, генералъ прокуроръ прибылъ въ кабинетъ, куда были позваны всѣ военные офицеры, низшіе члены коллегій; по объявленіи имъ намѣренія царицы и опредѣленія, принятаго государственными чинами, всѣ они подписали объясненную бумагу съ тѣмъ слѣпымъ

повиновеніемъ, которое возбуждаетъ здѣсь воля государя.

Меня увѣрили, что въ тоже время учредили совѣтъ регентства, составленный исключительно изъ русскихъ; но царица, чтобы не ограничивать милости, оказанной ею герцогу курляндскому, предоставила ему право и свободу созывать этотъ совѣтъ только тогда, когда ему будетъ угодно.

Третьяго дня я былъ на короткое время во дворцѣ, чтобы освѣдомиться о здоровьи царицы. На лицѣ каждаго была написана горесть, и, вслѣдствіе того, что должно ожидать всевозможныхъ безпокойствъ и смятеній, нельзя предвидѣть, какія будутъ отъ того послѣдствія въ народѣ, привыкшемъ къ неволѣ, къ низкому, безчестному раболѣпію передъ тѣмъ, кто всего болѣе ему дѣлалъ зла.

При всемъ томъ русскіе умѣли замѣтить, что герцогъ курляндскій унизилъ ихъ государыню въ глазахъ цѣлой Европы и что онъ покрываетъ ее вѣчнымъ стыдомъ, который она уноситъ съ собою въ могилу. Они не нечувствительны къ несправедливостямъ, оказываемымъ принцессѣ Елизаветѣ, и сами полагаютъ, что если уже регентство должно быть управляемо иноземцемъ, то это предпочтительно принадлежитъ принцу брауншвейгскому. Они наконецъ, разсуждаютъ, что если нѣжный возрастъ принца Ивана подвергаетъ ихъ подобнымъ злоключеніямъ, то было бы гораздо проще и естественнѣе обратиться къ юному герцогу голштинскому.

Униженіе, въ которое повергнули герцога брауншвейгскаго, не менѣе оскорбительно и для представителя императора, и для прусскаго посла. И тотъ, и другой сообщили мнѣ вчера объ ихъ огорченіи, и дружественное участіе, которое я считалъ нужнымъ выказать имъ, подѣйствовало болѣе, нежели когда бы я

сталъ возбуждать ихъ недовольство, которое они желаютъ внушить своимъ дворамъ.

Можно предполагать, не боясь ошибиться, что опасеніе или честолюбіе были двумя двигателями дѣйствій герцога курляндскаго.

Въ первомъ случаѣ, пугаемый заранѣе обращеніемъ, которое могъ испытать тотчасъ, какъ только царицы не будетъ въ живыхъ, въ страхѣ очутиться въ Митавѣ въ кругу надменнаго и предпріимчиваго дворянства, которое его ненавидитъ, а также страшась столько же удалиться въ графство Вартенбергъ или въ свое имѣніе Бигенъ (baillage de Biegen) близъ Франкфурта на Одерѣ, гдѣ онъ видѣлъ себя преданнымъ враждѣ императора или прусскаго короля *), герцогъ полагалъ рѣшительнымъ ударомъ отклонить всѣ эти неудобства, подобно утопающему, который въ минуту страшнаго отчаянія часто предпочитаетъ помощи, которая можетъ его спасти, средство, губящее его окончательно.

Во второмъ случаѣ, привычка властвовать заставляла его смотрѣть легко на дѣло, помѣшала ему сложить съ себя власть, которою онъ безгранично пользовался въ продолженіи 10 лѣтъ, и увѣрила его, что достаточно продолжать эту власть, чтобъ удержать ее за собою. Быть можетъ также — въ столь странномъ случаѣ позволительны всѣ предположенія — пораженный и прельщенный успѣхами Тохмасъ Кули-Хана, герцогъ курляндскій надѣется убѣдить сходствомъ судьбы принца Ивана и молодаго Софи, котораго Тохмасъ Кули-Ханъ сначала возвелъ на престолъ, чтобы потомъ достигнуть

*) Въ показаніяхъ Бирона 23 и 24 ноября 1741 г. между прочимъ значится: «отъ чужихъ государей ничѣмъ не одаренъ, кромѣ римскаго цесаря, который ему въ то время, какъ онъ графомъ объявленъ, пожаловалъ 200.000 талеровъ, на которыя деньги, прибавивъ изъ своихъ, купилъ въ Шленской землѣ деревню, называемую Вартенбергъ; да прусскій король дарилъ его, по пріѣздѣ въ Россію, Бигенскимъ амтомъ»...

его самому, не прибѣгая къ перевороту и не лишая престола своего государя [16]).

Напрасно я предполагалъ благоразуміе въ тѣхъ, съ которыми совѣтывались, чтобы постановили правила касательно двухъ принцессъ и принца брауншвейгскаго, назначили ту, которая будетъ распоряжаться дворомъ, и приняли мѣры на случай междуцарствія, столь возможнаго теперь. Обо всемъ этомъ не сдѣлано никакого распоряженія, что и обращаетъ болѣе вниманія на себя, и еще сильнѣе подтверждаетъ подозрѣнія, которыя можно предполагать на счетъ герцога курляндскаго. Давая полный разгулъ своему честолюбію, онъ повидимому быстрѣе приближается къ своей погибели: все не можетъ существовать долго при помощи силы, а между тѣмъ насиліе проявляется, какъ ни разсматривать все происходящее нынѣ.

Уже нѣкоторыя лица, чтобы возбудить вниманіе, или по другимъ причинамъ, припоминаютъ склонность, сдерживаемую только ревностью царицы и которую герцогъ курляндскій чувствовалъ къ принцессѣ Елизаветѣ. Отсюда выводятъ, что для него будетъ средствомъ скорѣе овладѣть престоломъ, когда онъ ее сдѣлаетъ участницею престола и женится на ней послѣ смерти своей жены, которая одержима разслабленіемъ — обыкновеннымъ послѣдствіемъ частыхъ родовъ.

Еще болѣе доказывается безразсудство всѣхъ мѣръ, которымъ подвергаютъ народъ, чтобы проложить безопасную дорогу герцогу курляндскому, тѣмъ, что русскіе, которые только и мечтаютъ о житьѣ въ Москвѣ и считаютъ себя какъ бы иностранцами въ Петербургѣ, понимаютъ очень хорошо необходимость, въ которой находились и будутъ находиться они, жить въ послѣднемъ городѣ изъ частныхъ видовъ герцога курляндскаго. Они также знаютъ по собственному опыту, что вмѣсто одного властителя, у нихъ было ихъ пять въ лицѣ

герцога, герцогини и ихъ трехъ дѣтей, и знаютъ потому, что терпѣли отъ ихъ заносчивости, то, что ожидаетъ ихъ впослѣдствіи. Они не обманываются на счетъ стѣсненія, которое разрушило даже самыя невинныя собранія; они предвидятъ, что это стѣсненіе продолжится до тѣхъ поръ, пока удержится политика герцога курляндскаго, которой два главныя правила состоятъ во первыхъ въ томъ, чтобы мѣшать постоянно взаимнымъ сношеніямъ русскихъ между собою и держать всегда въ такомъ повиновеніи царицу, чтобы она не оставалась ни одной минуты или безъ него, или безъ герцогини; между тѣмъ какъ для большей предосторожности, молодой принцъ курляндскій спалъ постоянно въ комнатѣ царицы. Но если такое стеченіе обстоятельствъ характеризуетъ достаточно, какъ этотъ народъ въ настоящую минуту управляется безразсудствомъ, которое кажется основало здѣсь свое владычество, нисколько не печалясь о томъ, то крайности, до которыхъ оно уже доходитъ, могутъ повергнуть эту страну въ ея первоначальное состояніе невѣжества.

Настоящая минута можетъ быть благопріятна для шведовъ — они увѣрены въ недовольствѣ дворовъ вѣнскаго и берлинскаго. Послѣдній ихъ трактатъ съ Портою, и способъ, при помощи котораго герцогъ преимущественно займется утвержденіемъ своей власти, заставляютъ предполагать, что онъ весьма мало будетъ въ состояніи заниматься внѣшними дѣлами. Въ началѣ будетъ еще удачнѣе, когда какая нибудь партія, какъ ни была бы слаба она, призоветъ къ себѣ на помощь шведовъ, а эти, въ возмездіе за то, достигнутъ того, чего хотятъ достигнуть теперь при помощи войны, а она еще неизвѣстно чѣмъ можетъ кончиться.

Не невозможно также, что, поставя себѣ въ заслугу невмѣшательство въ кризисѣ, въ которомъ теперь Россія, шведы не потеряютъ ничего, въ томъ предположе-

ніи, что герцогъ курляндскій принужденъ желать быть обезпеченнымъ отъ сосѣдей для достиженія-ли цѣли, къ которой стремится его честолюбіе, или же для болѣе крѣпкаго упроченія, во время регентства, положенія своего, какъ герцога курляндскаго.

Досадно для меня то, что отдаленіе и невозможность угадать столь близкую кончину царицы не позволяютъ мнѣ извлечь изъ такого положенія выгодъ, которыя, при имѣніи мною королевскихъ повелѣній, могли бы принести пользу его службѣ, смотря по обстоятельствамъ, которыхъ надобно ожидать съ минуты на минуту. Покрайней мѣрѣ я не ограничусь тѣснымъ кругомъ, который можетъ касаться только достоинства моего званія. Я рѣшился, чтобы не подвергать его нареканію и за неимѣніемъ инструкцій, какъ мнѣ слѣдуетъ поступать, послать на этихъ дняхъ моихъ дворянъ (mes gentilshommes) къ принцамъ и принцессамъ выразить имъ отъ меня, что хотя мои обязанности прекращаются со смертью царицы, однако я не желалъ откладывать покрайней мѣрѣ моихъ увѣреній въ томъ, какъ раздѣляю я ихъ живѣйшую и справедливую горесть, о чемъ и лично не замедлю засвидѣтельствовать, какъ только мнѣ будетъ извѣстно, что можно будетъ это сдѣлать incognito, которое обязанъ теперь соблюдать.

Чтобы не пропустить ни одной подробности: у гр. Остермана я просилъ сегодня утромъ о паспортѣ для курьера, котораго желалъ къ вамъ послать, и онъ въ полдень прислалъ убѣждать меня отложить до завтра эту отправку. Секретарь кабинета, котораго онъ присылалъ ко мнѣ, приводилъ въ оправданіе тому необходимость приложить къ этому паспорту новую печать, такъ какъ печатая его старою, уже разбитою, можетъ встрѣтиться остановка для моего нарочнаго. Я ему отвѣчалъ, что это обстоятельство не можетъ имѣть мѣста, развѣ только впередъ послали о томъ повелѣнія на гра-

ницу; что какъ здѣсь печати придаютъ важности болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, то мнѣ кажется напраснымъ разбивать ее, тѣмъ паче, что гербъ нисколько не измѣняется и только надобно передѣлать нѣсколько буквъ; что дать мнѣ паспортъ, который не помѣшаетъ однако опоздать моему курьеру, будетъ ребяческою игрою, которая можетъ продолжиться только до возвращенія моего нарочнаго, потому что я, освѣдомившись о задержкѣ его, первымъ долгомъ сочту принести на то жалобу гр. Остерману; что русскій дворъ одинъ, который не признаетъ достаточнымъ открытыхъ видовъ отъ иностранныхъ министровъ, но уважая этотъ обычай, пока нахожусь въ сношеніяхъ съ гр. Остерманомъ, я тѣмъ не менѣе обязанъ исполнять первѣйшія мои обязанности; что самое существенное для меня сообщать королю о всемъ, что ни происходитъ; что я впрочемъ не могу сообщить ему о событіи, которое его интересуетъ болѣе по чувствамъ, питаемымъ имъ къ царицѣ, чувствамъ, о которыхъ я передалъ ей самой, но вовсе не ея министрамъ; что я, слѣдовательно, полагаюсь на благоразуміе, мудрость и опытность гр. Остермана, и увѣренъ, что онъ пойметъ мое нетерпѣніе и даже справедливо обидѣлся бы, когда бы я отлагалъ при такихъ обстоятельствахъ минуту выполненія моихъ обязанностей; что, наконецъ, мои письма готовы, также какъ и курьеръ, и я жду только паспорта и подорожной на лошадей.

Примѣчанія.

[15]) Подробности о назначеніи Бирона регентомъ описаны лицами, игравшими при этомъ главныя роли: самъ Биронъ оставилъ о томъ записку, которая сначала на нѣмецкомъ языкѣ была подана русскому правительству временъ Елизаветы, а потомъ въ неполномъ

французскомъ переводѣ помѣщена у Бюшинга въ IX томѣ его Магазина подъ заглавіемъ: „Motifs de la disgrâce d'Ernest Jean Biron duc de Courlande; фельдмаршалъ Миних разсказываетъ о томъ же въ сочиненіи Ebauche pour donner une idée sur la forme du gouvernement russe, равно какъ и сынъ его — въ Запискахъ, изд. въ Москвѣ 1817 года. Послѣднему же, по всей вѣроятности, принадлежитъ отвѣтъ на вышеназванную записку Бирона въ томъ же томѣ Магазина Бюшинга, стр. 399 — 414. Казалось бы, что разсказы подобныхъ лицъ могли удовлетворять историка, и онъ въ правѣ пользоваться ими, какъ источниками, не требующими повѣрки, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается ихъ несостоятельность во многихъ отношеніяхъ. И Биронъ, и оба Миниха были слишкомъ прикосновенны къ описываемому ими событію, чтобы могли представить его въ настоящемъ свѣтѣ. Еще важнѣе то обстоятельство, что Биронъ и Минихъ сынъ писали въ ссылкѣ, въ царствованіе Елизаветы, когда эта прикосновенность могла еще вредить имъ лично, почему они и составляли собственно не историческія записки о своемъ времени, но скорѣе оправдательные акты, въ которыхъ старались взаимно подгадить другъ другу, отклоняя отъ себя отвѣтственность за происходившее при кончинѣ императрицы Анны.

Въ дополненіе извѣстій, сообщенныхъ объ учрежденіи регентства маркизомъ де-ла-Шетарди, помѣщаю здѣсь депешу англійскаго резидента Финча. Она написана три недѣли спустя послѣ событія и тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Финчь принадлежалъ къ сторонникамъ Бирона и былъ къ нему болѣе близокъ, чѣмъ прочіе иностранные министры.

„Касательно вопроса объ опекѣ (во время малолѣтства Ивана Антоновича) Бестужевъ выразилъ свое мнѣніе въ такихъ выраженіяхъ: весьма трудно, говорилъ

онъ кн. Черкасскому 5 октября, выбрать опекуновъ изъ семейства Ивана, или вручить управленіе многимъ лицамъ. Если захотятъ довѣрить опеку матери Ивана, то ужъ лучше превозгласить ее тотчасъ же императрицею, потому что въ первомъ случаѣ она будетъ облечена самодержавною властію и въ состояніи ниспровергнуть новый порядокъ наслѣдованія. Кромѣ того, должно опасаться, чтобы эта принцесса не была мстительнаго характера и не наслѣдовала своенравныхъ наклонностей своего отца. Послѣдній можетъ немедленно возвратиться въ Россію и своимъ вліяніемъ на дочь внѣшать русскихъ въ свои частныя неудовольствія, разсорить ихъ съ вѣнскимъ дворомъ и многими изъ имперскихъ владѣтелей, съ которыми поддерживать дружбу для Россіи, при настоящихъ обстоятельствахъ, будетъ выгодно. Съ другой стороны опасно, чтобы по вліянію мужа принцессы Анны, герцога брауншвейгскаго — племянника императора и шурина короля прусскаго *) — дворы вѣнскій и прусскій не пріобрѣли сильнаго значенія на дѣла Россіи, такъ какъ большая разница между допущеніемъ этихъ дворовъ управлять собою и ссориться съ ними. Впрочемъ принцесса не имѣетъ никакого понятія о дѣлахъ страны ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ, и потому она, по мнѣнію Бестужева, казалась совершенно неспособною предпринять или привести къ доброму концу такое тяжелое дѣло. Послѣдняя часть этихъ возраженій сильно задѣвала принца брауншвейгскаго, такъ что этотъ принцъ долженствовалъ также быть исключеннымъ изъ правленія. Относительно совѣта регентства всѣ знали, что подобное учрежденіе противорѣчило въ теоріи существу образа правленія въ Россіи, духу народа и опыту, сдѣланному 11 лѣтъ тому

*) Фридрихъ II былъ женатъ на принцессѣ брауншвейгской, сестрѣ Антона Ульриха.

назадъ, когда Анна Іоанновна вступала на престолъ. Бестужевъ считалъ это столь очевиднымъ, что не находилъ нужды распространяться о томъ. Выразившись такимъ образомъ, онъ принялся доказывать выгоду врученія опеки надъ принцемъ Иваномъ герцогу курляндскому: ему были извѣстны всѣ дѣла, онъ привязанъ къ истиннымъ выгодамъ Россіи, въ высокомъ званіи, благоразуменъ и безстрашенъ. Что касается до него, Бестужева, то онъ убѣжденъ, что имъ необходимъ человѣкъ, и этотъ человѣкъ есть именно герцогъ курляндскій. Если его товарищъ, князь Черкасскій, раздѣляетъ его мнѣніе, то они вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ знатныхъ, попытаются убѣдить императрицу вручить герцогу курляндскому опеку надъ принцемъ Иваномъ. Кн. Черкасскій изъявилъ на это согласіе, и предположеніе было сообщено прочимъ членамъ кабинета, которые также согласились."

„За тѣмъ Бестужевъ пошелъ немедленно передать о томъ герцогу курляндскому и спросить, приметъ ли онъ регентство въ случаѣ, если ея величество, внявъ всеподданнѣйшимъ представленіямъ ихъ, изъявитъ согласіе на порученіе ему опеки? Сначала герцогъ показывалъ видъ, что онъ отказывается отъ принятія такой тяжелой обязанности, которая была выше его силъ. Бестужевъ послалъ за княземъ Черкасскимъ, чтобы этотъ, для убѣжденія герцога, присоединилъ свои настоянія къ его. Бестужевъ, по наружности, говорилъ чрезвычайно грубо его свѣтлости, напоминая, что всѣмъ, чѣмъ онъ теперь, герцогъ обязанъ Россіи и что, по крайней мѣрѣ изъ признательности, не долженъ покидать ее въ отчаянномъ положеніи, когда въ состояніи оказать столь явную и важную услугу и приглашается къ тому многими значительнѣйшими въ государствѣ лицами; что сохраненіе процвѣтанія Россіи и его собственныхъ владѣній неразлучны и что онъ не можетъ оказать услуги

*

Россіи, или покинуть ее въ такое критическое время, не спасая или не губя себя. Наконецъ герцогъ согласился, чтобы кабинетъ — это были его собственныя слова — слѣдовалъ пути, который онъ сочтетъ полезнѣйшимъ для выгодъ Россіи."

„На этомъ дѣло и остановилось 5 числа. На слѣдующій день ея величеству сдѣлалось хуже. Рано позвали гр. Остермана во дворецъ, и кабинетъ сообщилъ ему о всемъ происшедшемъ вчерашній день касательно регентства и просилъ его высказать свободно свое мнѣніе, потому что не было сдѣлано еще никакихъ распоряженій о томъ. Его превосходительство, какъ я слышалъ, хотѣлъ было уклониться отъ подачи своего мнѣнія подъ предлогомъ, что предметъ былъ слишкомъ важенъ для него, что онъ чужеземецъ, а такой вопросъ непремѣнно долженъ быть предоставленъ обсужденію русскихъ. Бестужевъ — между ними не царствуетъ полнаго согласія — тотчасъ же возразилъ, что онъ удивляется, слыша гр. Остермана говорящимъ такимъ образомъ и считающимъ себя чужеземцемъ, послѣ того какъ онъ такъ долго исполнялъ одну изъ первѣйшихъ должностей въ государствѣ и управлялъ почти исключительно одинъ всѣми государственными дѣлами; что поэтому самому онъ, Бестужевъ, считаетъ графа не только русскимъ, но стоющимъ двадцати тысячъ русскихъ; что ему вовсе не хотятъ навязывать кабинетскаго мнѣнія, но желаютъ только знать его собственное; что если онъ не хочетъ его высказать, то кабинетъ не видитъ, какую пользу можетъ принести его присутствіе при совѣщаніяхъ?"

Изъ такихъ рѣчей гр. Остерманъ скоро догадался, до чего дошло дѣло, и перемѣнилъ тонъ. Онъ разъяснилъ первый свой отвѣтъ тѣмъ, что его дурно поняли, и что онъ думаетъ, что регентство не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ, когда будетъ поручено герцогу курляндскому, и что невозможно принять болѣе мудрой

мѣры для выгодъ Россіи. Тогда его просили составить актъ о назначеніи великаго князя Ивана наслѣдникомъ царицы (см. приложеніе I) и другой, въ силу котораго регентство было бы передано герцогу курляндскому (см. приложеніе II) *). Это было скоро исполнено, и Остермана попросили оба акта отнести къ ея величеству и второй изъ нихъ представить ей отъ имени всего кабинета, какъ выраженіе его желаній. Порученіе это гр. Остерманъ исполнилъ въ тотъ же день. Ея величество немедленно подписала актъ, касающійся наслѣдованія, а Остерманъ приложилъ къ нему государственную печать. Что же касается до бумаги о регентствѣ, то она приказала ему оставить ее у себя. Однако состояніе царицы становилось со дня на день хуже. 11 числа у нея была такая слабость, что всѣ опасались, не пришли ли ея послѣднія минуты, и совѣтъ просилъ Остермана явиться снова къ царицѣ, чтобы постараться разузнать, подписала ли она распоряженіе о регентствѣ? Она ему отвѣчала, что все, касающееся воли и желаній ея, найдутъ, когда она скончается. Тогда кабинетъ предложилъ, чтобы министры и всѣ чины до полковника, раздѣляющіе мнѣніе относительно регентства, подписали актъ, въ которомъ объявлялось бы, что въ случаѣ, если царица не сдѣлаетъ инаго распоряженія, или же не оставитъ никакого, они признаютъ герцога курляндскаго регентомъ на время малолѣтства Ивана.“

„Я думаю, что это предложеніе было сдѣлано не столько изъ предосторожности, потому что герцогу конечно было извѣстно сдѣланное ея величествомъ въ его пользу, сколько изъ политики и для показанія тѣмъ, что регентство ему вручено, какъ вслѣдствіе желанія

*) Здѣсь у Финча неточность: опредѣленіе о регентствѣ, какъ видно изъ дѣла о Биронѣ, писалъ Бестужевъ-Рюминъ 7 октября.

значительнѣйшихъ въ государствѣ лицъ, такъ и по рѣшительной волѣ царицы.“

„Того же 11 октября, три главныхъ министра и фельдмаршалъ Минихъ являлись отъ имени кабинета къ принцессѣ Аннѣ и спрашивали ее, кого она считаетъ лицомъ, способнымъ занять мѣсто регента? Она очень желала бы невысказывать своего мнѣнія, но какъ ей хорошо было извѣстно рѣшеніе, принятое кабинетомъ, то она дала наконецъ понять, что это было герцогъ курляндскій, или по крайней мѣрѣ отвѣтъ ея былъ истолкованъ въ такомъ смыслѣ (La cour de la Russie il y a cent ans, p.p. 62 — 65)“.

Замѣчательно, что ни Биронъ, ни Минихъ сынъ въ своихъ извѣстіяхъ не говорятъ почти ничего о степени участія въ описываемомъ дѣлѣ Алексѣя Бестужева-Рюмина. Такое умолчаніе понятно, если не забывать, что эти лица писали свои записки въ то время, когда Бестужевъ былъ еще всесильнымъ министромъ Елизаветы и когда, слѣдовательно, его задѣвать было опасно. Въ дѣлѣ о Биронѣ (Чтенія общ. исторіи и древн. ч. I, 1862 года) Бестужевъ обвиненъ, какъ зачинщикъ предоставленія регентства Бирону.

Вотъ еще свидѣтельства современниковъ, которымъ предлагались допросы по этому дѣлу въ 1741 году, по восшествіи уже на престолъ Елизаветы: „Графъ Левенвольдъ сказалъ: о предпріятіяхъ бывшаго герцога курляндскаго, чтобъ въ россійскомъ государствѣ быть ему регентомъ, никакого съ нимъ согласія онъ, Левольдъ, не имѣлъ. А какъ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ болѣзни зѣло тяжко стало, то прислано было къ нему отъ него, герцога, чтобъ онъ ѣхалъ во дворецъ, и какъ онъ пріѣхалъ къ нему, герцогу, и онъ, ему объявя, что ея величество трудна, спрашивалъ, что дѣлать? На что онъ сказалъ, что онъ не знаетъ,—надобно-де для того при-

звать министровъ. Онъ его послалъ для того жъ къ графу Остерману, который ему сказалъ, чтобъ онъ въ отвѣтъ донесъ, чтобъ о наслѣдствѣ имѣть совѣтъ, и ежели быть наслѣдникомъ принцу Іоанну, такъ матери его должно быть правительницею, и при ней учрежденному совѣту; а въ томъ же совѣтѣ можетъ присутствовать и онъ, герцогъ. И когда онъ, возвратяся къ герцогу, тѣ Остермановы слова сказалъ, то онъ ему ничего больше не говорилъ, какъ только то, что какой-де имѣетъ быть совѣтъ: сколько головъ, столько-де разныхъ мыслей будетъ! А больше-де того о семъ дѣлѣ онъ незнаетъ и съ нимъ никакого совѣту въ противность къ пользѣ государственной онъ никогда отнюдь не имѣлъ."

„Баронъ Менгденъ сказалъ: какія предпріятія у бывшаго регента (чтобъ ему, Бирону, по кончинѣ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны въ россійской имперіи имѣть правительство) были, того незнаетъ; и онъ ему о томъ дѣлѣ ничѣмъ не совѣтовалъ. Къ тому жъ ему Биронъ самъ сказалъ, чтобъ онъ, Менгденъ, о томъ дѣлѣ ему не говорилъ для того, что онъ Менгденъ, ему свойствомъ обязанъ. Однакожъ онъ посланъ былъ отъ бывшей герцогини курляндской къ принцессѣ Аннѣ, чтобъ ее на то привесть, дабы она допустила тому герцогу регентомъ быть, на что-де она, принцесса, ему, Менгдену, ничего не сказала, но токмо фрейлина Юліана ему объявила, что принцесса Анна будетъ о томъ съ герцогомъ сама говорить, а больше того, онъ о семъ дѣлѣ конечно не знаетъ."

„Примѣчаніе. А по слѣдственному о бывшемъ регентѣ дѣлу явилось, что оный Менгденъ другимъ внушалъ, что ежели Биронъ регентомъ не будетъ, то они, нѣмцы, всѣ пропадутъ! А ему-де, Бирону, самому о себѣ просить нельзя, и для того-де не можно ли о томъ какъ стороною ея императорскаго величества блаженныя памяти просить, почему согласясь съ фельдмаршаломъ Мини-

хомъ именемъ всего государства челобитную изготовили."

„Остерманъ отвѣтомъ показалъ, что при болѣзни блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны по опредѣленію о наслѣдствѣ манифестъ онъ, Остерманъ, въ своемъ домѣ сочинялъ. Который писалъ по его сказыванію Андрей Яковлевъ, понеже къ нему пріѣхавъ въ домъ бывшій фельдмаршалъ Минихъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, да Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, объявили ему указъ отъ государыни императрицы, чтобъ быть въ наслѣдствѣ россійскаго престола принцу Іоанну и о томъ сочинить манифестъ. И какъ манифестъ еще былъ не оконченъ, а о скорѣйшемъ того сочиненіи отъ двора была присылка, дабы немедленно оное прислано было, который онъ, окончавъ начерно, съ Андреемъ Яковлевымъ и отослалъ."

[16]) Тохмасъ Кули-Ханъ, извѣстный потомъ подъ именемъ шаха Надира, былъ сначала министромъ персидскаго шаха Тохмаса, но въ 1733 году, имѣя въ своихъ рукахъ все войско, лишилъ его престола и сталъ управлять Персіею именемъ малолѣтняго сына Тохмаса —Софи. Въ 1736 г., онъ созвалъ въ Испагани знатнѣйшихъ персіянъ и, объявивъ имъ, что въ настоящее время страна свободна отъ мятежниковъ и внѣшнихъ враговъ, предложилъ: кого они хотятъ имѣть своимъ шахомъ — сверженнаго ли имъ Тохмаса, сына ли его, или же, наконецъ, кого нибудь другаго? Тогда всѣ предложили престолъ Кули-Хану, который, сдѣлавъ видъ, что неохотно принимаетъ это избраніе, однако вступилъ на престолъ и прославился своими жестокостями и побѣдами надъ великимъ Моголомъ.

Письмо де-ла-Шетарди изъ Петербурга $^{29}/_{18}$ октября 1740 года.

Положеніе, въ которомъ я нахожусь, такъ ново, что никогда не будетъ раннею помощь вашими совѣтами, и я прибѣгаю въ этомъ частномъ письмѣ къ вашей добротѣ. Оно касается множества предметовъ, одинаково важныхъ для моего образа дѣйствій.

Я не долженъ опасаться быть слишкомъ предусмотрительнымъ, какъ только это можетъ обратиться на пользу службы королю, почему беру окончательно смѣлость представить на усмотрѣніе ваше нѣсколько обстоятельствъ, лично до меня касающихся.

Если происшедшая перемѣна не повлечетъ никакихъ измѣненій въ моемъ положеніи, что, по моему мнѣнію, довольно трудно предполагать, то долженъ ли я оказывать принцессѣ Аннѣ тѣ же почести, которыя были слѣдствіемъ угодливости къ покойной царицѣ, или же считать ее только принцессою брауншвейгскою?

Ея положеніе матери царствующаго государя можетъ или не можетъ требовать (susceptible) того же почета, который выказывалъ ей королевскій посланникъ при своемъ пріѣздѣ? Въ случаѣ если бы были сдѣланы какія нибудь распоряженія, какъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ титулѣ высочества — долженъ, или не долженъ я уступить тому, что будетъ постановлено?

Можетъ быть это постановленіе будетъ распространено и на принца брауншвейгскаго, къ которому можетъ быть надобно быть внимательнымъ для короля и королевы прусской, почему необходимо, чтобы вы мнѣ написали, какъ я долженъ поступать?

Не менѣе необходимо, чтобы я зналъ, какъ обязанъ я обходиться съ герцогомъ и герцогинею курляндскими, надутыми своимъ успѣхомъ и также ревнивыми къ

прерогативамъ, неисполненіе которыхъ можетъ уронить, по мнѣнію ихъ, званіе, которое они будутъ носить здѣсь. Можетъ статься, что титулъ регента побудитъ герцога требовать себѣ титула королевскаго высочества.

Вслѣдствіе опьяненія, которому — я не буду тому удивляться—онъ предается, у него можетъ явиться намѣреніе ухаживать (de tenir sa cour) за дочерью Петра Перваго; какимъ образомъ долженъ я поступать въ такомъ случаѣ?

Если представятся случаи, чтобы я поспѣшилъ ауді-енціею—дать мнѣ ее можетъ никто иной, какъ регентъ, то какъ ее отправить? и подобный актъ не можетъ ли быть имъ понятъ такъ, что будто я отступаюсь отъ намѣренія, которое поддерживалъ до сихъ поръ,—обходиться съ нимъ, какъ съ равнымъ.

Также прошу, чтобы все, что вами будетъ предписано по этому предмету, простиралось и на мое обращеніе съ двумя принцами и принцессою курляндскими.

Въ предположеніи напротивъ, что настоящее положеніе дѣлъ не дозволитъ мнѣ долѣе оставаться здѣсь, какъ долженъ выѣхать отсюда? соблюдать или не соблюдать тотъ же церемоніалъ, какъ при моемъ прибытіи, касательно визитовъ между мною и герцогомъ, герцогинею курляндскими, сыномъ ихъ наслѣдникомъ, принцемъ брауншвейгскимъ и принцемъ гессенскимъ?

Всего естественнѣе, что тому, кто уѣзжаетъ надобно дѣлать первому визиты; отдача визитовъ обязательна ли для тѣхъ, которые не примутъ прощальнаго визита?

Церемоніальному письму всегда предшествуетъ предписаніе объ отзывѣ. — Я не знаю, можетъ ли второе имѣть мѣсто въ положеніи, въ которомъ я нахожусь, но первое, какъ бы то ни было, есть подтвержденіе удовольствія двора поведеніемъ министра, который къ нему былъ посланъ. Долженъ ли я его требовать? Впрочемъ, кто можетъ мнѣ его дать? Царицы уже нѣтъ

въ живыхъ, я не акредитованъ у царя, и не могу по справедливости имѣть кредитива къ нему, какъ только онъ не въ состояніи доставить первой нотификаціи.

Равнымъ образомъ мой отъѣздъ дастъ ли мнѣ, наконецъ, право отказаться отъ подарковъ на прощаньѣ, что въ обычаѣ при этомъ дворѣ?

Лично касающіяся меня статьи, на которыя, я льщу себя надеждою, вы удостоите обратить ваше вниманіе, трояки:

Первая касается Швеціи въ случаѣ, если вы предпишете мнѣ выѣхать отсюда: дорога туда по случаю льдовъ въ Ботническомъ заливѣ открывается только къ началу апрѣля.

Вторая касается печальнаго и досаднаго положенія, въ которомъ я можетъ быть буду находиться: я устроился въ моемъ домѣ только въ прошедшемъ мѣсяцѣ, такъ какъ надобно было его передѣлать, чтобъ имѣть помѣщеніе, приличное моему званію. Желая дать просторъ рабочимъ, я былъ принужденъ перейти въ садъ, и мнѣ дорого стоило сдѣлать его хотя нѣсколько обитаемымъ. Если вслѣдствіе неизбѣжныхъ событій, у меня не было времени поправиться при помощи нѣкоторыхъ сбереженій въ собственныхъ доходахъ; то мое усердіе, которому одному я внималъ, повлечетъ за собою мое конечное разореніе. Вы легко разсудите, что было бы выше моихъ силъ дѣлать мнѣ въ этомъ случаѣ огромныя издержки на столь долгое и тяжелое устройство хозяйства безъ помощи возмѣщенія, относительно котораго я обращаюсь только къ вашей добротѣ.

Мое положеніе еще подъ вліяніемъ необходимости, въ которой я нахожусь, по случаю отдаленности и прекращенія всякихъ сношеній, запасать для себя всѣ припасы на годъ. Вы съ трудомъ повѣрите, что по

этой самой причинѣ для придворныхъ торжествъ въ прошедшемъ году у меня вышло 20 т. франковъ на платья, которыя ни разу не надѣвались и сдѣлались мнѣ не нужными по случаю смерти царицы.

Письмо де-ла-Шетарди изъ Петербурга отъ $\frac{\text{1 ноября}}{\text{21 октября}}$ 1740 года.

Милостивѣшій государь! Чтобы отвѣтствовать на вопросъ, вами сдѣланный въ письмѣ, о полученіи котораго я имѣлъ честь извѣщать вчера, долгомъ считаю вамъ сообщить, что мнѣ никоимъ образомъ неизвѣстно о назначеніи мѣховъ и персидскихъ матерій, которые предполагалъ послать во Францію герцогъ курляндскій. И я, и г. Зумъ, который служилъ при этомъ разговорѣ переводчикомъ, могли предполагать, что этотъ подарокъ предназначался маршалу Бирону. Такъ какъ потомъ герцогъ мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ, то не невозможно, что важныя заботы, которыми онъ нынѣ поглащенъ совершенно, не изгнали изъ его головы это намѣреніе [17]).

Г. Зумъ, о которомъ я имѣлъ случай упомянуть, кажется останется здѣсь по возвращеніи изъ Варшавы, и можетъ скоро занять мѣсто, которое, какъ предполагаютъ, ему приготовилъ король прусскій.

Если первые знаки привязанности царицы къ царю (т. е. Ивану) могли напомнить о намѣреніи, высказанномъ ею въ первое время своего царствованія относительно принцессы Анны, то результаты однако нисколько не оправдали того, что эта послѣдняя должна была ожидать отъ ея нѣжности. Царица, недовѣрчивая, неспособная выполнить какого либо намѣренія, не обращала болѣе вниманія на то, что могло быть пріятно на-

ціи, и ею руководили только тщеславіе или слабость ея.

Эта самая нація, далекая отъ того, чтобы оправдать недостатокъ покорности, который въ ней предполагаютъ, конечно доказываетъ теперь происходящимъ въ ней, какъ она способна нести всякое иго. Она присоединила къ этому то, что можетъ быть объяснено низостью, къ которой склонна болѣе, нежели къ чему либо. Никто не ѣздитъ къ принцессамъ, тогда какъ все спѣшитъ къ герцогу. Прекратили всѣ почести, которыя воздавались принцу брауншвейгскому, какъ отцу царя; у него не цѣлуютъ болѣе руки, но за то униженно лобызаютъ руку герцога. Сенатъ, какъ я предъугадалъ въ моемъ прошедшемъ письмѣ, объявилъ указомъ о титулованіи герцога его королевскимъ высочествомъ, и это было объявлено послѣ полудня при звукѣ барабановъ.

Большее униженіе, которое причиняется всѣмъ этимъ принцу брауншвейгскому, разжигаетъ безсильную злобу его сторонниковъ; они громче стали проповѣдывать противъ барона Кейзерлинга, брауншвейгскаго посланника, и подозрѣваютъ его съ тѣмъ большею вѣроятностью, что онъ пожертвовалъ врученными ему интерессами въ пользу герцога регента, что онъ въ тоже время его повѣренный (âme damnée) во всѣхъ его курляндскихъ дѣлахъ, и считался больнымъ во все время, когда дѣло было въ неизвѣстности, а какъ только оно устроилось, то началъ выѣзжать. Ворчатъ также противъ посланника прусскаго короля и резидента императорскаго въ увѣренности, что они должны бы были, по кровнымъ связямъ, помогать такъ, или иначе, своими совѣтами принцу брауншвейгскому.

Нельзя отвергать того, что настоящее время доставляетъ новости безпримѣрныя; съ трудомъ повѣрятъ, что отецъ царствующаго государя былъ только подполковникомъ гвардіи семеновскаго полка, и что онъ выполнялъ эту обязанность въ то самое время, когда

предъ войскомъ превозглашали регентомъ на время малолѣтства его сына того самаго человѣка, котораго курляндское дворянство не считало достойнымъ принять въ свое сословіе не далѣе, какъ 18 лѣтъ тому назадъ.

Исключительное положеніе принца брауншвейгскаго въ настоящую пору и спокойствіе, съ которымъ онъ, а равно и прочіе гвардейскіе офицеры, поддается всѣмъ распоряженіямъ о регентствѣ, возбудили къ нему презрѣніе, которое можетъ увеличиться. Будетъ для принца вредно, если подобное чувство утвердится. Принцесса же Анна выросла въ глазахъ націи своею твердостью, которую выказала, взявъ къ себѣ своего сына. Она помѣстила его въ собственныхъ покояхъ и объявила, что не разстанется съ нимъ ни на минуту.

Не должно думать, чтобы герцогъ курляндскій, когда спѣшилъ самъ подать руку этой принцессѣ и посадить ее въ карету, при переѣздѣ ея третьяго дня изъ лѣтняго въ зимній дворецъ, дѣйствовалъ такъ по другимъ какимъ нибудь разсчетамъ, кромѣ политическихъ. Можно очень хорошо предугадать будущность, которую онъ готовитъ этой принцессѣ. Возвращеніе гр. Линара *), чему я старался отыскать причины, сначала подало поводъ къ тысячи предположеній. Нѣкоторые думали, что герцогъ курляндскій, не будучи въ состояніи по лѣтамъ своимъ состоять при покойной царицѣ и между тѣмъ зная, что это ей было необходимо, вздумалъ замѣнить себя Линаромъ и тѣмъ возбудить въ послѣднемъ признательность, которой не ожидалъ отъ русскаго. Предполагали еще, что при помощи такого способа герцогъ курляндскій надѣялся удержаться при царицѣ, и, поста-

*) Въ первый разъ пріѣзжалъ Линаръ въ Петербургъ въ 1733 г. и оставался тамъ до 1736 г., въ который его смѣнилъ нѣсколько разъ уже упомянутый здѣсь Зумъ (Der geneal. Archivarius, Suppl. Leipzig 1734, S. 468 и ч. XXIX, S. 719). О Линарѣ будетъ еще сказано подробнѣе ниже.

вивъ гр. Линара въ зависимость отъ себя, оставаться властелиномъ, хотѣлъ ли бы тотъ удержаться или отстать. Я, не пускаясь нисколько въ такія тонкія соображенія, всегда возвращеніе Линара приписывалъ принцессѣ Аннѣ и твердо вѣрилъ, что гр. Линаръ будетъ для герцога курляндскаго орудіемъ, которымъ онъ воспользуется, чтобы вызвать прошлое, поколебать въ случаѣ надобности довѣріе въ народѣ къ принцессѣ Аннѣ и посѣять раздоръ между нею и принцомъ брауншвейгскимъ. Выгоды Бирона, безъ сомнѣнія, требуютъ болѣе, чѣмъ когда либо, уничтоженія благопріятнаго къ нимъ расположенія.

Подобными предосторожностями нельзя пренебрегать на поприщѣ, которому герцогъ теперь слѣдуетъ; вы лучше будете судить объ этомъ по печатному нѣмецкому листку, при семъ препровождаемому. На будущей почтѣ я надѣюсь переслать и русскій оригиналъ. Какъ ни трудно имѣть тотъ и другой, однако еще важнѣе было бы убѣдиться, подлинный ли онъ, или подложный? Зная здѣшнее слѣпое повиновеніе волѣ государя, невозможно согласить рѣшеніе, послѣдовавшее 5 октября по старому стилю, съ тѣмъ, которое объявлено 16 октября. Послѣднее составлено только при содѣйствіи государственныхъ чиновъ (des membres de l'Empire), и потому кажется до сихъ поръ безполезнымъ, не имѣя никакого соотношенія съ предшествовавшимъ опредѣленіемъ. Баронъ Мардефельдъ, котораго я воодушевилъ касательно этого предмета, долженъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы раскрыть истину. Я даже предложилъ назначить награду тому, кто сообщитъ намъ положительныя о томъ свѣдѣнія; хотя въ качествѣ болѣе, нежели кто либо, равнодушнаго зрителя къ тому, что ни послѣдуетъ, я хлопочу въ этомъ случаѣ лишь объ удовлетвореніи моего собственнаго любопытства [18]).

Со стыдомъ замѣчаютъ въ этомъ завѣщательномъ

распоряженіи, что покойная царица возлагаетъ на попеченіе герцога курляндскаго содержаніе царской фамиліи. Если можно извинить ея память въ подобномъ снисхожденіи безграничною слабостью, то еще болѣе достойно удивленія, что ослѣпленіе или ненависть къ потомкамъ Петра I заглушили въ ней даже чувство, которое могла и должна была внушить ей слава этого государя. Пусть отдала бы она преимущество потомству царя Ивана, своего отца; пусть даже повинуются распоряженію, по которому она продолжила регентство герцога курляндскаго на такой срокъ, что наслѣдники царя Ивана будутъ призваны на престолъ не ранѣе смерти герцога; но никакъ не могутъ понять, какимъ образомъ она, на случай прекращенія этого потомства, не обезпечила наслѣдія за дѣтьми юнаго герцога голштинскаго и, главное, передала права, единственно обусловливаемыя происхожденіемъ, тому, котораго регентъ и чины имперіи выберутъ въ этомъ случаѣ единогласно?

Это условіе открываетъ просторное поле для честолюбія герцога курляндскаго; жизнь царя и его братьевъ, если послѣдніе будутъ, можетъ только одна служить ему преградою. По этому предполагая, что произойдетъ противное и что герцогъ курляндскій отнынѣ только въ продолженіи года успѣетъ удержаться на занимаемомъ имъ нынѣ мѣстѣ, я, не колеблясь, думаю, что его увидятъ вступившимъ на русскій престолъ и утвердившимъ на немъ свое потомство.

Смѣлость фельдмаршала гр. Миниха отчасти послужитъ для герцога курляндскаго средствомъ къ отстраненію препятствій, которыя могутъ представиться, и въ тоже время Минихъ обезпеченъ въ совершенной къ нему довѣренности на время, пока продолжится критическое положеніе и неизвѣстность. Остерманъ, напротивъ, вслѣдствіе вражды къ нему Миниха и того обстоятельства, что у него не спрашивали совѣтовъ и не

выслушивали его мнѣній, поставленъ въ унизительное положеніе, въ которомъ онъ до того времени никогда не былъ.

Онъ не могъ этого скрыть передъ бывшимъ посланникомъ г. Бестужевымъ, который въ настоящую минуту душа кабинета, потому что слѣпо преданъ предпринимаемымъ тамъ тайнымъ мѣрамъ; онъ дѣйствовалъ всею своею властью и внушилъ тѣ же самыя чувства кн. Куракину и адмиралу гр. Головину. Кн. Черкасскій, объ удаленіи котораго я не могъ еще сообщить положительнаго извѣстія (чего вы кажется ожидаете отъ меня), дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ, какъ единомышленникъ кн. Трубецкаго, генералъ прокурора, а въ послѣднемъ герцогъ курляндскій видитъ преданнаго себѣ приверженца. Этотъ же генералъ прокуроръ увлекъ роднаго брата, а равно и двоюроднаго, фельдмаршала Трубецкаго, гр. Головкина и принца гессенъ гомбургскаго, въ одобреніи котораго тѣмъ болѣе старались увѣриться, что онъ любимъ гвардейцами. Герцогъ курляндскій успѣлъ наконецъ склонить на свою сторону стараго генерала Ушакова. Вотъ особы, на которыхъ можно смотрѣть, какъ на орудіе и поддержку величія герцога. Таково настоящее положеніе, зная которое можно набросать вѣрную картину русскаго двора, если только она не будетъ испорчена или украшена противодѣйствіемъ или повиновеніемъ, которое окажутъ провинціи; но онѣ, по своему отдаленію, менѣе могутъ чувствовать вліяніе высшей власти.

Можетъ быть, чтобы предупредить неудобства разъединенія и волненій, какъ послѣдствій разнородныхъ привязанностей, принцессѣ Елизаветѣ назначили нынѣ въ первомъ часу по полудни ежегодный пенсіонъ въ 50 т. экю, не включая сюда доходовъ съ ея имѣній. Можетъ быть это сдѣлано подъ вліяніемъ склонности, которую издавна предполагали къ ней въ герцогѣ курляндскомъ.

Во всякомъ случаѣ, фактъ не подлежитъ сомнѣнію: я узналъ о немъ сію минуту отъ человѣка, которому говорила сама принцесса.

Впрочемъ, пускай употребляютъ такія средства изъ политическихъ видовъ, пускай даже достигнутъ, что всеобщее волненіе, прекращенное на время, будетъ заглушено; нравственно же несомнѣнно, что если шведы рѣшатся употребить въ дѣло силу при этихъ обстоятельствахъ, то они будутъ отъ того въ выгодѣ и послѣдуетъ революція, происшедшая перемѣна отъ которой нанесетъ вредъ интересамъ герцога курляндскаго. Но какъ видно, что эта перемѣна будетъ благопріятна принцу брауншвейгскому, то Швеціи рѣшить, что полезнѣе для нея, содѣйствіе ли къ утвержденію нынѣшняго порядка вещей, или же помощь прямая или непосредственная принцу, который будетъ состоять въ совершенной зависимости отъ дворовъ вѣнскаго и берлинскаго?

Въ отношеніи г. Финча конечно не мнѣ поддерживать мнѣніе, которое вамъ угодно имѣть о моемъ усердіи. Настоящая минута поставила его въ полнѣйшее бездѣйствіе. Онъ вышелъ только изъ летаргіи, чтобы поспѣшно и съ рабскою покорностью смѣшаться съ толпою и угождать герцогу курляндскому съ той минуты, какъ послѣдній былъ объявленъ регентомъ. Этотъ почти не смотрѣлъ на него. Такая поспѣшность англійскаго министра была замѣчена и охуждаема всѣми.

Прочіе иностранные министры жаловались, что г. Финчь какъ будто принялъ себѣ за правило унижать свое званіе. Онъ бы могъ, дѣйствительно, знать самъ, какъ неумѣстенъ былъ подобный образъ дѣйствій при томъ, что сдѣлано русскимъ дворомъ въ отношеніи всѣхъ иностранныхъ министровъ, и о чемъ я имѣю вамъ сообщить.

Генералъ лейтенантъ Любрасъ, (совѣтникъ Штейни-

генъ тоже сдѣлалъ для прочихъ иностранныхъ министровъ) пріѣзжалъ вчера въ экипажѣ въ 6 лошадей извѣстить меня отъ имени герцога курляндскаго, что царица Анна скончалась 17 октября, по старому стилю; что царь Иванъ, третій по имени, вступилъ на престолъ и что герцогъ курляндскій превозглашенъ регентомъ до достиженія этимъ принцемъ 17-ти лѣтняго возраста; что эта перемѣна не повлечетъ за собою никакого измѣненія въ дѣлахъ; что Россія всегда поспѣшитъ выразить свои чувства и признательность къ Франціи; наконецъ, что канцеляріи даны приказанія написать поспѣшно извѣстительныя письма, которыя и отправятъ съ такою же поспѣшностью. Я узналъ послѣ, что они будутъ подписаны именемъ Ивана, рукою герцога курляндскаго и контрасигнированы, по обыкновенію, министрами кабинета.

Я отвѣчалъ г. Любрасу, что узналъ о кончинѣ ея величества съ живѣйшею горестью; что она могла только уменьшиться при извѣстіи о счастливомъ восшествіи на престолъ царствующаго государя и выборѣ, по которому герцогъ курляндскій сдѣлался регентомъ имперіи; что эта перемѣна не произведетъ измѣненія въ дѣлахъ, и что расположеніе, высказанное Россіею, будетъ очень пріятно королю, которому я не замедлю отдать о томъ отчетъ.

Чтобы не быть въ долгу въ исполненіи обычныхъ приличій, я сегодня сейчасъ послалъ отдѣльно моихъ дворянъ съ визитами къ принцамъ и принцессамъ, о чемъ я сообщалъ вамъ третьяго дня. Бывшій у принцессы Елизаветы видѣлъ ее и сообщилъ мнѣ отъ ея имени, что всегда въ моей волѣ пріѣхать къ ней, подъ какимъ бы предлогомъ я ни захотѣлъ. Герцогиня курляндская отвѣтила чрезъ посланнаго мнѣ почти такимъ же образомъ; но герцогъ курляндскій, отвѣчая самымъ вѣжливымъ и обязательнымъ образомъ тому же посланному, представлялъ свои занятія и далъ мнѣ понять,

какъ мало ему свободныхъ минутъ для пріема меня. Третій посланный, бывшій у принцессы Анны и принца брауншвейгскаго, не могъ ихъ видѣть, такъ какъ, не будучи еще въ траурѣ, они не могли принять визита. И та, и другой поручили мнѣ передать тысячу благодарностей и увѣрить, что они очень тронуты такимъ съ моей стороны вниманіемъ. Принцъ брауншвейгскій не ограничился этимъ и, по естественному внушенію вѣжливости, которой я долженъ былъ ожидать отъ него, послалъ, минуту спустя, одного изъ своихъ камеръ-юнкеровъ изъявить мнѣ, что если бы не было инкогнито, въ которомъ они находятся до траура, онъ поспѣшилъ бы принять моего посланнаго и воспользоваться честью, которую я окажу имъ своимъ посѣщеніемъ. Я просилъ этого камеръ-юнкера передать принцу брауншвейгскому, что мое усердіе ко всему его дому должно служить ручательствомъ въ искреннемъ участіи въ печали, и, какъ ему уже сообщено отъ моего имени о прекращеніи моихъ обязанностей по случаю кончины государыни, то я могу только имѣть честь видѣться съ нимъ инкогнито, которое вынужденъ сохранять; подъ такимъ условіемъ я готовъ быть у него, когда онъ увѣдомитъ меня, что свободенъ.

Примѣчанія.

[17]) Почти въ то же самое время, какъ писалъ о мѣхахъ и персидскихъ тканяхъ де-ла-Шетарди, именно въ ноябрѣ 1740 года, Барбье занесъ въ свой дневникъ (Chronique de la regence et du regne de Louis XV, troisième serie, pag. 232) слѣдующій случай:

„Госпожа де Мальи знала маркиза де-ла-Шетарди, назначеннаго посланникомъ въ Московію къ царицѣ, и имѣла съ нимъ сношенія. Прощаясь съ нею предъ отъ-

ѣздомъ туда, онъ предлагалъ ей свои услуги при этомъ дворѣ. Она благодарила, отзываясь, что не имѣетъ тамъ большихъ знакомствъ; но потомъ, вспомнивъ, что въ той странѣ достаютъ превосходные мѣха, она просила пріобрѣсти для нея мѣхъ и два куска персидской матеріи, предупреждая, чтобы первый и вторые не превышали стоимостью 300 ливровъ каждые, такъ какъ не желаетъ слишкомъ хорошихъ, потому что недовольно для того богата; деньги же отдастъ тотчасъ по полученіи письма о томъ. Маркизъ съ удовольствіемъ взялъ на себя это порученіе."

„По пріѣздѣ въ Петербургъ и ознакомившись нѣсколько съ страною, де-ла-Шетарди разузналъ, какъ можно доставать тамъ мѣха. Правда, что въ Московіи были превосходные, но говорятъ, что они всѣ достаются царицѣ, у которой дѣлается изъ нихъ въ родѣ склада— отчего пріобрѣтать ихъ затруднительно. Посланникъ, молодой и привлекательный, былъ въ почетѣ при дворѣ царицы и сообщилъ о своемъ порученіи гр. Бирену, герцогу курляндскому и любимцу императрицы. Этотъ говорилъ ему о затрудненіяхъ доставать подобные товары, но въ тоже время спросилъ, очень ли ему это нужно и можно ли узнать, отъ кого дано такое порученіе? Маркизъ де-ла-Шетарди ему отвѣчалъ очень просто, что для госпожи Мальи, которая при томъ назначила и рѣшительную цѣну. Герцогъ курляндскій просилъ его не затрудняться болѣе и увѣрилъ, что обдѣлаетъ дѣло, какъ нельзя лучше. Онъ передалъ о томъ царицѣ, и какъ дѣло шло о подаркѣ любимицѣ французскаго короля, то выбрали превосходные два мѣха, одинъ въ 30 т. ливровъ, другой въ 60 т. (прекрасное вообще все ужасно дорого!) и 12 кусковъ самыхъ изящныхъ персидскихъ матерій (perses). Герцогъ курляндскій самъ уложилъ ихъ и сказалъ потомъ де-ла-Шетарди: „ваше порученіе исполнено, вамъ только остается

послать во Францію.“ Де-ла-Шетарди, незнавшій что было уложено, ни цѣну, спрашивалъ герцога курляндскаго, сколько ему приходится заплатить? Тотъ отвѣчалъ, что пустяки, и что онъ, также какъ и царица, очень рады оказать ему небольшое одолженіе.“

„Посылка была отправлена при письмѣ къ Амело, статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ. Одни говорятъ, что оно было написано де-ла-Шетарди, другіе, что герцогомъ курляндскимъ, потому что первый былъ въ отсутствіи во время отправленія посылки. Какъ бы то ни было, въ письмѣ значилось: „что же касается до посылки, то прошу васъ въ томъ видѣ, какъ вы ее получите, передать госпожѣ“... За тѣмъ — ни имени ни адреса! Амело, получивши посылку и письмо, былъ въ большомъ затрудненіи, для кого предназначалась посылка, развѣ не принцессѣ ли (madame de France)? Однажды, послѣ засѣданія въ совѣтѣ, онъ говорилъ о томъ королю при другихъ министрахъ и всѣ, подобно ему, были въ недоумѣніи. Графъ Морепа, статсъ-секретарь, сказалъ: „но это вѣроятно для госпожи Мальи, которая знакома съ де-ла-Шетарди и давала ему какое то порученіе. Надобно будетъ развѣдать объ этомъ.“

„Вечеромъ, король за ужиномъ съ своими придворными и госпожею Мальи, началъ подшучивать надъ нею, что она получаетъ подарки отъ иностранныхъ дворовъ, нисколько не предупредивъ о томъ. Госпожа Мальи, которая гордится тѣмъ, что никогда не проситъ ни за себя, ни за кого бы то ни было (щекотливость довольно неумѣстная—прибавляетъ Барбье!), при томъ же вѣтреная и, вѣроятно, уже осушившая нѣсколько рюмочекъ, обидѣлась насмѣшкою. Ей ничего не было извѣстно о происшедшемъ, и она приняла дѣло не въ шутку, отвѣчая, что ни отъ кого не принимаетъ подарковъ, такъ какъ не дочь его министровъ; за тѣмъ перешла къ госпожамъ Морепа, Амело и Фюльви, своя-

ченницѣ генералъ-контролера, замѣтивъ, что послѣдняя получаетъ подачки со всѣхъ товаровъ индѣйской компаніи (avait un pot de vin sur toutes les marchandises de la compagnie des Jndes), что дѣйствительно такъ и было. Дѣло обращалось не въ шуточное, придворные хранили молчаніе, король принялъ серьезный видъ, но примиреніе не заставило себя долго ждать. О подаркахъ не было уже рѣчи, и я незнаю, что сталось съ мѣхами!“ ...

[18]) Сомнѣніе въ подлинности послѣдняго распоряженія императрицы Анны о предоставленіи Бирону регентства было не только у иностранныхъ министровъ, но и у русскихъ. Однако изъ дѣла, производившагося потомъ о Биронѣ и гдѣ внимательно собраны были всѣ обвиненія противъ него, нѣтъ подтвержденій такому сомнѣнію. Впрочемъ со стороны Бестужева-Рюмина былъ подлогъ въ томъ, что означенное распоряженіе, подписанное императрицею за нѣсколько часовъ до своей смерти, именно 16 октября, онъ помѣтилъ, для придания большаго вѣса акту, 6-мъ октябремъ, когда Анна Іоанновна подписала первый манифестъ о наслѣдованіи императорскимъ престоломъ принца Ивана. Когда потомъ, 23 октября, открыты были противники регентства Бирона, Бестужевъ „велѣлъ въ свое оправданіе, а въ вящшее Бироново регентомъ утвержденіе, записать, что ея императорское величество 16 числа подписать изволила, а что уже 6-мъ числомъ въ публику выдано, то забвенію предано.“

Письмо де-ла-Шетарди изъ Петербурга $\frac{\text{5 ноября}}{\text{25 октября}}$ 1740 г.

Я хотѣлъ убѣдиться въ образѣ дѣйствій прусскаго и императорскаго пословъ во время кризиса, для чего

и пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать въ среду. Стараясь выразить личную привязанность къ брауншвейгскому дому и еще большую къ королю и королевѣ прусскимъ, я могъ казаться неимѣющимъ другихъ видовъ, кромѣ ихъ собственныхъ, и тѣмъ поджигать обоихъ. Я успѣлъ въ томъ и отдѣльно каждому далъ урокъ такъ, что лучше нельзя было служить моей цѣли, какъ они то сдѣлали въ продолженіи трехъчасоваго разговора.

Они согласились, что у нихъ вовсе не спрашивали совѣта, почему и не предпринимали ничего. Чтобы сложить всю вину на г. Кейзерлинга, прусскій посланникъ думалъ, что надо употребить силу, и все зло приписывалъ недостатку въ твердости, выказанному принцемъ брауншвейгскимъ; напротивъ, чтобы его поддержать, императорскій резидентъ описывалъ черными красками герцога курляндскаго и фельдмаршала Миниха, ссылался для оправданія на крайности, на которыя всегда бы готовы были эти люди, и на опасность, которой неизбѣжно подвергался герцогъ брауншвейгскія. Онъ (резидентъ) однако льститъ себя надеждою, что зло не неисправимо, въ подтвержденіе чему приводитъ то, что есть признаки подложности завѣщанія царицы, которое вовсе не подписано. Я узналъ наконецъ, что онъ надѣется на силу вліянія своего двора, которая поставитъ дѣла въ болѣе почетное положеніе и для его двора, и для принца брауншвейгскаго. Его надежды, если я не очень ошибаюсь, простираются до участія этого принца въ регентствѣ или даже до того, что самъ герцогъ курляндскій совершенно устранитъ себя отъ участія въ дѣлахъ въ его пользу.

Императорскій резидентъ еще болѣе повѣрилъ новости, распространенной, какъ кажется, Кейзерлингомъ; о ней я узналъ третьяго дня и сообщилъ резиденту отъ себя, не высказывая ничего о третьемъ лицѣ. Дѣло идетъ о повелѣніяхъ, посланныхъ русскимъ министрамъ

въ Вѣну, чтобы они старались войти въ переговоры, цѣль которыхъ будто состоитъ въ томъ, что герцогъ курляндскій передаетъ свою власть въ руки принца брауншвейгскаго во всемъ, что можетъ быть согласно съ честью и безопасностью. Это уловка: я не колеблюсь предполагать, что если такое извѣстіе справедливо, то это дѣлается не съ другою какою цѣлью, развѣ чтобы предупредить или остановить неудовольствіе дворовъ вѣнскаго и берлинскаго и усыпить ихъ въ переговорахъ, которые останутся безъ всякихъ послѣдствій, какъ скоро герцогъ курляндскій этимъ способомъ выиграетъ время и средства, чтобы утвердиться на занимаемомъ теперь мѣстѣ. Въ томъ можно убѣдиться изъ его дѣйствій и мѣръ, принимаемыхъ имъ, чтобы плѣнить тѣхъ и другихъ. Вчера публиковали четыре разные указы *). Такъ какъ дворянство обязано отвѣчать за платежъ подушной подати съ ихъ крестьянъ, то первымъ изъ этихъ указовъ слагается одна треть изъ того, что могутъ быть они должны казнѣ. Вторымъ подтверждается сложеніе нѣкоторыхъ неуплаченныхъ суммъ, сдѣланное покойною царицею по случаю заключенія мира тѣмъ изъ ея подданныхъ, которые состояли должниками. Третьимъ повелѣвается, чтобы жалованіе чинамъ военнымъ и гражданскимъ, которое вполнѣ выдавалось только въ Петербургѣ, а въ другихъ мѣстахъ изъ него удерживалась половина, повсюду выдавалось такъ, какъ это положено законами. Четвертымъ, наконецъ, всѣ каторжные (tous les galériens), называемые такъ невѣрно, потому что ихъ употребляютъ на общественныя работы, а галерныхъ матросовъ — только при постройкахъ кораблей, всѣ освобождены вполнѣ, если

*) Здѣсь де-ла-Шетарди разсказываетъ не совсѣмъ точно содержаніе манифестовъ 23 октября 1740 г., напеч. въ Полн. собраніи законовъ т. XI, №№ 8263 и 8264.

только не были наказаны за смертныя преступленія (crimes capitaux). Это исключеніе помѣщено въ законѣ, и сущность его въ томъ, что здѣсь всякій бѣднякъ за малѣйшій долгъ приговаривается, какъ выше сказано, къ галерамъ.

Герцогъ курляндскій, расточая подобныя милости, тѣмъ не менѣе укрѣпляется и при помощи насильственныхъ мѣръ. Участіе, которое по видимому возбуждаетъ къ себѣ принцъ брауншвейгскій, не удерживаетъ, но какъ, кажется раздражаетъ герцога. Можетъ быть онъ охотно пользуется случаемъ, чтобы дать принцу почувствовать зависимость, въ которой онъ находится. Генералъ-адъютантъ послѣдняго и Яковлевъ, бывшій секретарь кабинета по иностраннымъ дѣламъ, награжденный статскимъ совѣтникомъ при крещеніи принца Ивана, посажены въ крѣпость.

Кабаки, закрытые въ продолженіи многихъ дней, открыты. Шпіоны, которыхъ тамъ держутъ, хватаютъ и уводятъ въ темницу всѣхъ, кто, забывшись, или въ опьяненіи, осмѣлится произнести малѣйшій намекъ.

Такъ какъ гвардіи не довѣряютъ, то сюда призвали шесть батальоновъ (армейскихъ), изъ которыхъ два уже прибыли, также какъ и 200 драгунъ. Однако, изъ опасенія, чтобы гвардія не догадалась о недовѣрчивости къ ней, фельдмаршалъ Минихъ произнесъ ей рѣчь, въ которой привелъ пустую отговорку, что гвардейцы служатъ только высочайшимъ особамъ и что герцогъ курляндскій рѣшился призвать на службу въ Петербургъ армейскихъ солдатъ изъ желанія облегчить и уменьшить тягости по службѣ гвардейцевъ. Эта отговорка, впрочемъ, кажется не произвела желаемаго дѣйствія.

Драгуны дѣлаютъ по ночамъ постоянные разъѣзды; прочія же войска, пришедшія или ожидаемыя, назначены къ занятію постовъ, размѣщенныхъ по разнымъ ча-

стями города въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобы можно было оказать при случаѣ взаимную помощь.

Можетъ быть употреблять эти предосторожности тѣмъ болѣе благоразумно, что въ народѣ волненіе очень сильно, гвардейскіе солдаты — и никто имъ не смѣетъ ничего сдѣлать — говорятъ болѣе смѣло, чѣмъ когда либо: и тѣ, и другіе довольно гласно разсуждаютъ, что ничего нельзя сдѣлать пока царица не будетъ предана землѣ, но что послѣ отданія долга верховной власти, и когда гвардія сберется, тогда увидятъ, что произойдетъ. И прошедшія ночи, народъ началъ-было сбираться толпами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но былъ разогнанъ драгунскими патрулями.

Народъ еще недоволенъ тѣмъ, что въ церквахъ молятся за лицо не ихъ вѣроисповѣданія. Молитвы эти нынѣ произносятся 1) за царя, 2) за принцессу Анну, 3) за принцессу Елизавету и 4) за герцога курляндскаго. Это обстоятельство напоминаетъ переданное мнѣ, что принцесса Елизавета, всегда поминавшаяся на эктиньяхъ непосредственно за царицей, спрашивала регента о причинѣ такого измѣненія и получила отъ него въ отвѣтъ, что она сама представляетъ примѣръ, что при Екатеринѣ ее поминали прежде, но это не помѣшало вступить на престолъ Петру II, и тогда прежде ея поминалась принцесса Наталья, сестра царствующаго государя. Тоже самое нынѣ предоставлено матери того, кому принадлежитъ корона.

Такое мелочное различіе, которымъ тѣмъ болѣе должна удовлетвориться принцесса Елизавета, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ она принуждена быть въ согласіи съ принцессою Анною, мало вознаграждаетъ послѣднюю. Я не думаю, чтобы она была довольна ежегоднымъ пенсіономъ въ триста тысячъ экю, который назначенъ ей и принцу брауншвейгскому, съ уго-

воромъ увеличить его, если они не найдутъ этого достаточнымъ.

Будетъ еще менѣе довольна она, и принцесса Елизавета (подтвердившая мнѣ, что она получила пенсіонъ не въ 50, а въ 80 тысячъ экю) раздѣлитъ съ нею это чувство, если правда, что мнѣ сказывали подъ величайшимъ секретомъ, именно: что герцогъ, руководимый преимущественно скупостью и собственными выгодами, подбилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приверженцевъ, чтобы они будто сами отъ себя внушили другимъ и всѣ вмѣстѣ явились къ нему съ предложеніемъ, что государственные чины сколько для поддержки его званія, столько же и для содержанія ему, какъ регенту, отдѣльнаго двора, желаютъ ему назначить ежегодный пенсіонъ; что такое предложеніе ему уже сдѣлано — и онъ отвѣчалъ только скромнымъ изъявленіемъ признательности, говоря, что не желаетъ ничего, кромѣ возможности поддержать свое положеніе и имѣть открытый столъ особенно для тѣхъ, которые сдѣлали ему такое предложеніе. Все это была только комедія, рѣшеніе же зависѣло отъ него самого: онъ учредитъ для себя отдѣльный дворъ отъ того, который уже имѣетъ, и чины, такъ называемые государственные, назначатъ регенту въ непродолжительномъ времени пенсіонъ въ 500 тысячъ экю.

Эти подробности приводятъ къ существенному заключенію, что нація, даже не будучи слишкомъ проницательна, можетъ замѣтить, что дочь Петра I, принужденная довольствоваться 40 тысячами экю, получаемыми съ ея имѣній, ограничена пенсіономъ въ 80 тысячъ экю; что принцъ брауншвейгскій и принцесса Анна, не имѣющіе никакой другой поддержки, имѣютъ всего на все 300 тысячъ экю, хотя сынъ ихъ и царствующій государь; что герцогъ курляндскій, напротивъ, пользуясь доходами по крайней мѣрѣ въ 4 мильона французскихъ

ливровъ отъ своихъ герцогствъ, земель въ Силезіи и денегъ, помѣщенныхъ въ Англіи, имѣетъ гораздо большій пенсіонъ, нежели всѣ прочіе вмѣстѣ.

Вѣроятно также не будутъ обмануты личиною, которою прикрылъ себя герцогъ, и съумѣютъ понять желаніе, чтобы не замѣтили противорѣчія, которое явно въ поступкахъ герцога: распоряжаясь полновластно и будучи хозяиномъ казны въ такой степени, что можетъ располагать ею, не отдавая никому отчета, онъ въ то же время дѣлаетъ видъ, что имѣетъ нужду въ утвержденіи чинами и въ искательствѣ ихъ согласія, что при назначеніи ему содержанія совершенно излишне.

Герцогъ курляндскій безъ сомнѣнія въ видахъ предупрежденія затрудненій, которыя могутъ возникнуть со стороны принца брауншвейгскаго, касательно титулованія его, герцога, высочествомъ, рѣшился дать принцу тотъ же титулъ. Указъ по этому случаю будетъ изданъ на дняхъ *).

По вскрытіи тѣла царицы, увидали, что она скончалась отъ той же болѣзни, отъ которой умерли и двѣ сестры ея. У ней въ правой почкѣ (dans le roignon droit) — я это узналъ отъ самого гр. Остермана — камень болѣе и длиннѣе большаго пальца образовался въ видѣ вѣтки кораловъ. Въ томъ же боку было множество небольшихъ камней, два въ лѣвой почкѣ (dans le roignon gauche) по величинѣ были между этими средними. Первый, отдѣлившись отъ почекъ, занеръ мочевой каналъ (le canal de vessie), что произвело антоновъ огонь, окончившій болѣзнь.

Правила о ношеніи траура скоро будутъ публикованы. Мнѣ сказывали, что царская фамилія и домъ герцога будутъ носить его изъ байки; на платьѣ у мущинъ вверху одна пуговица и три внизу, чтобы можно было

*) См. приложеніе III.

застегиваться. Всѣ остальныя лица будутъ раздѣлены на четыре класса по званіямъ состоящихъ въ нихъ особъ. Иностраннымъ министрамъ будетъ предоставлено носить трауръ по ихъ усмотрѣнію.

Довольно опасная лихорадка принца-наслѣдника курляндскаго, удерживаетъ еще герцога и герцогиню курляндскихъ въ лѣтнемъ дворцѣ.

Такъ какъ г. Финчъ, прошедшую среду, имѣлъ съ герцогомъ курляндскимъ совѣщаніе, продолжавшееся два съ половиною часа, то я придумалъ способъ объясниться по этому предмету и желаю, чтобы онъ заслужилъ ваше одобреніе. По моему обыкновенію, я послалъ къ гр. Остерману узнать, могу ли я его сегодня видѣть? Я былъ у него вечеромъ и только-что сейчасъ отъ него. Прежде всего, я сказалъ ему, что мое посѣщеніе вызвано желаніемъ выразить ему то участіе, которое принимаю въ горести по случаю кончины царицы. Потомъ мы съ полчаса говорили о незначительныхъ предметахъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось перейти къ главному предмету самымъ естественнымъ образомъ. Его вопросы о гг. л'Етанѣ и Бернардони (l'Estang et Bernardoni *) дали мнѣ возможность навести разговоръ на Вѣну, что вмѣшивало г. де-Бюсси (de Bussi **), который былъ тамъ прежде — это случилось такъ, что я и не произносилъ его имени. Я воспользовался удобною минутою: — „Г. де Бюсси, о которомъ вы упомянули, сказалъ я гр. Остерману, напоминаетъ мнѣ о предметѣ, который, по мнѣнію моему, кстати будетъ сообщить вамъ. Болѣзнь и кончи-

*) О л'Етанѣ было упомянуто выше, на стр. 31; Бернардони же — французскій эмиссаръ, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1734 г., для переговоровъ о возведеніи на польскій престолъ Станислава Лещинскаго.

**) Бюсси этотъ былъ, кажется также въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ La cour de la Russie il y a cent ans приводятся депеши Бюсси изъ Петербурга 1730 года. Въ 1740 г. онъ былъ только что назначенъ французскимъ министромъ въ Лондонъ.

на царицы помѣшали мнѣ быть у ней на аудіенціи, на которой желалъ довести до ея свѣдѣнія объ отправленіи Эскадры короля. Между тѣмъ вы мнѣ передали отъ имени ея, что она тронута такимъ вниманіемъ со стороны его величества (Людовика XV); но можетъ быть, ваше превосходительство, будучи такъ заняты въ послѣднее время, не подумали сообщить объ этомъ герцогу курляндскому." Остерманъ признался мнѣ, что точно онъ этого не исполнилъ. „Если это такъ, продолжалъ я, то предоставляю усмотрѣнію вашего превосходительства, не признаете ли вы удобнымъ сообщить о томъ герцогу. Это можетъ убѣдить его въ мысляхъ, которыя имѣетъ король касательно войны между Испаніею и Англіею*), и если бы, присовокупилъ я, ваше превосходительство не говорили мнѣ по собственному побужденію и не разувѣряли меня въ ложности слуховъ о трактатѣ между Россіею и Англіею, то быть можетъ я бы не хранилъ молчанія и обратилъ бы болѣе вниманія на газеты, всегда печатающія въ статьяхъ о Петербургѣ что нибудь объ этомъ трактатѣ, также какъ и на почти трехчасовую конференцію, которую имѣлъ недавно г. Финчъ съ герцогомъ и на частыя посѣщенія этого министра вашего превосходительства." На это онъ сталъ усильно убѣждать меня, что русскій дворъ никогда не вступитъ въ обязательства, которыя бы могли повредить признательности, должной его величеству. „Въ свою очередь прошу ваше превосходительство, возразилъ я, быть увѣреннымъ, что я не опасаюсь быть въ непріятномъ положеніи напоминать вамъ о томъ, что вы положительно высказали мнѣ, безъ всякаго со стороны моего вымогательства." Послѣдняя фраза нѣсколь-

*) Франція въ началѣ войны Англіи съ Испаніею явно держала сторону послѣдней и выступленіе французской эскадры, о которой говоритъ де-ла-Шетарди, Англія должна была считать, какъ непріязненную противъ себя демонстрацію.

ко смутила его, но онъ поправился, увѣряя меня, что еще разъ можетъ мнѣ повторить прежнее, что нѣтъ и рѣчи о какомъ либо подобномъ обязательствѣ. Я отвѣчалъ ему, что если прежнія его увѣренія, данныя имъ по этому предмету, были чрезвычайно пріятны королю, то онъ не долженъ сомнѣваться, чтобы старанія его о возобновленіи ихъ теперь не доставили столько же удовольствія королю, и я постараюсь въ точности передать ему о томъ. Чтобы не прекратить вдругъ разговора на этомъ предметѣ, я продолжалъ его еще около четверти часа: говорили о предметахъ, которые онъ умѣетъ охотно примирять съ своими лѣтами и важностью своего званія.

Дополненія къ предъидущей депеши де-ла-Шетарди.

Всѣ до нынѣ извѣстныя записки о регентствѣ Бирона упоминаютъ только мимоходомъ о противодѣйствіи, которое было имъ встрѣчено тотчасъ же по принятіи правленія. Извѣстія объ этомъ предметѣ де-ла-Шетарди также неполны, а между тѣмъ подобныя подробности всего лучше даютъ понятіе о современномъ обществѣ и отношеніяхъ его къ властямъ; по этому самому здѣсь предлагаются современныя русскія извѣстія о главнѣйшихъ изъ противниковъ Бирона въ Петербургѣ, ихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ.

Во время кончины императрицы Анны, съ 17 на 18 декабря, былъ въ караулѣ въ лѣтнемъ дворцѣ поручикъ преображенскаго полка Петръ Ханыковъ. Узнавъ тамъ, что правителемъ государства назначенъ Биронъ, онъ разсуждалъ: „для чего-де такъ министры сдѣлали, что управленіе всероссійской имперіи мимо его императорскаго величества (Іоанна III) родителей поручили его высочеству герцогу курляндскому?“ 20 октября,

Ханыковъ пріѣзжалъ на стройку казармъ и говорилъ сержанту своего полка Алфимову: „что-де мы сдѣлали, что государева отца и мать оставили: они-де, надѣюсь, на насъ плачутся, а отдали-де все государство какому человѣку регенту! Что-де онъ за человѣкъ? Лучше бы до возрасту государева управлять государствомъ отцу его государеву, или матери.“ Алфимовъ отвѣчалъ: „это бы правдивѣе было.“ „Какіе-де вы унтеръ-офицеры, продолжалъ Ханыковъ, что солдатамъ о этомъ не говорите? У насъ-де въ полку надежныхъ офицеровъ нѣтъ — не съ кѣмъ совѣтовать; о томъ и надѣяться не на кого, развѣ-де вы унтеръ-офицеры о этомъ станете солдатамъ толковать. Однакожде я уже о этомъ здѣсь при строеніи казармъ и въ другихъ мѣстахъ многимъ солдатамъ говорилъ, и солдаты всѣ на это позываются и говорятъ, что напрасно мимо государева отца и матери регенту государство отдали; и бранятъ-де насъ, офицеровъ, также и унтеръ-офицеровъ, для чего того не зачинаютъ; что-де имъ, солдатомъ, зачать того не можно, и какъ-де былъ для присяги строй, напрасно-де тогда о томъ не толковали; а я бъ-де гренадерамъ только сказалъ, то бъ-де всѣ за мною пошли о томъ спорить; что-де они меня любятъ и офицеры бъ, небоявшись того, всѣ бъ стали солдатскую сторону держать. Только-де я, скрѣпя уже свое сердце, гренадерамъ о томъ не говорилъ, для того что-де я намѣренія государыни принцессы не знаю, что угодно ль-де ей то будетъ?“

На другой день, 21 октября, Алфимовъ у знакомаго сержанта своего полка встрѣтился съ поручикомъ Михайломъ Аргамаковымъ, который говорилъ съ плачемъ: „до чего мы дожили и какая намъ жизнь? Лучше бы-де самъ закололъ себя, что мы допускаемъ до чего, и хотя бы-де жилы изъ меня стали тянуть, я-де говорить то не престану!...“ Алфимовъ тотчасъ же объ этомъ пере-

далъ Ханыкову, который немедленно изъявилъ желаніе повидаться съ Аргамаковымъ, а 22 октября сообщалъ Алфимову: „ежели бы-де онъ, Ханыковъ, увидѣлся съ Михайломъ Аргамаковымъ и посовѣтывалъ бы съ нимъ, провѣдали бъ отъ государыни принцессы, что угодно ль де ей это будетъ, то онъ-де, Ханыковъ, здѣсь, а Аргамаковъ на сантъпетербургскомъ острову учинили бы тревогу барабаннымъ боемъ и гренадерскую бъ-де свою роту привелъ къ тому, чтобъ вся та рота пошла съ нимъ, Ханыковымъ, а къ тому бъ-де пристали и другіе солдаты, и мы бъ-де регента и сообщниковъ его Остермана, Бестужева, князь Никиту Трубецкова убрали. И притомъ-де болѣе злобу тотъ Ханыковъ имѣлъ на оныхъ Остермана и Трубецкова, говоря при томъ, что хотя-де къ нему, Ханыкову, оный Трубецкой и добръ былъ, только-де онъ съ ними больше въ тѣхъ дѣлахъ сообщникомъ имѣется и у регента-де на ухѣ лежитъ; однакожде завтре, т. е. 23 октября, поѣдетъ онъ, Ханыковъ, на Васильевскій островъ и увидится съ Михайломъ Аргамаковымъ.... Онъ же, Ханыковъ, сказывалъ ему, Алфимову, что преображенскаго полку отъ солдата, а отъ кого именно не сказалъ, который-де ходитъ къ регентовымъ служителямъ, слышалъ онъ, Ханыковъ, что регентово намѣреніе есть ко всѣмъ милость показать, между чѣмъ и въ преображенскій полкъ большихъ изъ курляндцевъ набрать, отчего-де полку будетъ красота, и при томъ онъ-де, Ханыковъ, разсуждалъ: вотъ де ничего не видя, хотятъ нѣмцевъ набрать и поэтому насъ изъ полку вытѣснять!“

22 же октября, Алфимовъ былъ у другаго своего сержанта Акинфьева, и здѣсь случился вахмистръ конной-гвардіи Лукьянъ Камынинъ, который толковалъ: „хотятъ-де нынѣ къ солдатству милость казать и за треть жалованье выдать; доимку не взыскивать и съ которыхъ доимка взята, возвращать; а изъ полковъ

гвардіи дворянъ отпустить въ годовой отпускъ и вычетными изъ жалованья ихъ деньгами хотятъ казармы достраивать и тѣмъ-де солдатство и всѣхъ приводятъ де къ милости. Чюдесно-де, что господа министры допустили кого править государствомъ! Вотъ-де мнѣ и дядюшка Бестужевъ, а какой-де онъ министръ? Вотъ коли бы-де Михайло Аргамаковъ сдѣлалъ подписку — а какую, не выговорилъ — и притомъ говорилъ ему Алфимову: „говоримъ мы-де о семъ на одинъ, и знаю де, что это дѣло смертельное, однакожь доношику, кто будетъ доносить, первый кнутъ!“

Доносчикомъ этимъ и оказался самъ же Камынинъ. Въ тотъ же вечеръ онъ разсказалъ о Ханыковѣ и Аргамаковѣ — Бестужеву-Рюмину, а этотъ поздно вечеромъ пріѣхалъ къ Бирону съ извѣстіемъ, что два офицера преображенскаго полка имѣютъ злые умыслы. Камынинъ за отличіе произведенъ въ корнеты, а Ханыковъ, Аргамаковъ и Алфимовъ 23 октября арестованы и подверглись допросамъ *). 31 октября ихъ, въ присутствіи Андрея Ушакова, начальника пыточныхъ дѣлъ и кн. Никиты Трубецкаго, про котораго Ханыковъ говорилъ, что онъ лежитъ на ухѣ у Бирона, поднимали на дыбу: Ханыкову дали 16 ударовъ, Аргамакову и Алфимову по 14. На пыткѣ они новаго ничего не добавили.

Въ запискахъ Миниха сына находимъ, что графъ Михаилъ Головкинъ, женатый на княжнѣ Романдановской — по матери двоюродной сестры императрицы Анны — послѣднее время былъ у нея въ немилости, потому что говорилъ „вольныя рѣчи“ о Биронѣ. Когда этотъ былъ назначенъ регентомъ, то Головкинъ высказывалъ на то неудовольствіе при нѣкоторыхъ гвардей-

*) Büsching's Magasin, IX, S. 392; Дѣло о Биронѣ, Москва, 1862 года, стр. 70.

скихъ офицерахъ, а тѣ увѣряли въ своемъ расположеніи къ принцессѣ Аннѣ. Впрочемъ Головкинъ не хотѣлъ открыто встать въ главѣ недовольныхъ и совѣтывалъ офицерамъ явиться къ кабинетъ министру князю Алексѣю Черкасскому. Съ этою цѣлью отправился къ послѣднему, утромъ 23 октября, подполковникъ Любимъ Пустошкинъ *). „Князь Черкасскій, пишетъ Миниховъ сынъ, выслушавъ ихъ (по словамъ Миниха къ князю приходило нѣсколько офицеровъ, но изъ дѣла этого не видно) весьма терпѣливо, похвалилъ намѣреніе ихъ и, подъ предлогомъ отправленія необходимо нужныхъ дѣлъ, просилъ ихъ, дабы они на другой день опять къ нему пришли **),“ но самъ тотчасъ же отправился къ Бирону и далъ ему письменное показаніе, что утромъ (23 октября) приходилъ къ нему служащій въ ревизіонъ коллегіи подполковникъ Любимъ Пустошкинъ и объявлялъ, что ихъ собралось не малое число и между ними офицеры семеновскаго полка (полковникомъ котораго былъ принцъ брауншвейгскій), а изъ преображенскаго поручикъ Ханыковъ, и всѣ они желаютъ „дабы правительство поручено было принцу брауншвейгскому, а потомъ, когда онъ же, Черкасскій, его спросилъ, кто его послалъ, и на то онъ отвѣтствовалъ, что послалъ его Михайло Головкинъ.“ Пустошкина тотчасъ же взяли къ допросу, и онъ показалъ, что послѣ 6 октября, когда стало извѣстно о назначеніи наслѣдникомъ престола принца Іоанна, онъ со многими имѣлъ разговоры, что о назначеніи регентомъ принца брауншвейгскаго слѣдуетъ подать „отъ россійскаго шляхетства челобитную“. При этомъ Пустошкинъ упомянулъ, что 21 октября былъ у служащаго въ кабинетѣ статскаго совѣтника, Андрея Яковлева и говорилъ съ дру-

*) Дѣло о герцогѣ курляндскомъ Биронѣ, М., 1862 г., стр. 66.
**) Записки Миниха сына, Москва 1817 г., стр. 195 — 196.

гими тамъ гостями о томъ же предметѣ, на что Яковлевъ сказалъ: „чѣмъ-де вамъ такъ пустое балякать, поднте-де о томъ бей челомги (sic) чрезъ графа Остермана или князя Черкасскаго, а ежели-де его, Яковлева, спросятъ, то знаетъ-де онъ, на какомъ основаніи то дѣлано!“ 22 октября, Пустошкинъ ходилъ въ домъ графини Ягужинской къ графу Михаилу Головкину и хотѣлъ съ нимъ говорить о регентствѣ, но не исполнилъ однако того. 23 октября, послѣ уже разговора съ кн. Черкасскимъ, ходилъ опять къ гр. Головкину, разсказалъ ему о томъ и получилъ въ отвѣтъ: „что-де вы смыслите, то и дѣлайте, однакожде ты меня не видалъ и я-де отъ тебя сего не слыхалъ. А я-де отъ всѣхъ дѣлъ отрѣшенъ и ѣду въ чюжіе краи.“ 24 октября распрашивали Яковлева, который сказалъ, что „объ означенномъ отъ него, Яковлева, Пустошкину говорено было въ такомъ разсужденіи, что означенные господа кабинетъ министры, ежели къ нимъ та челобитная напредь дойдетъ, могутъ ихъ своими наставленіями отъ такова худова начинанія отвратить и къ тому ихъ недопустить“.

До сихъ поръ еще не видно было, чтобы во всѣхъ этихъ замыслахъ принималъ какое бы то ни было участіе принцъ брауншвейгскій или его жена; но 24 октября поступилъ новый доносъ и уже изъ дворца ихъ: камергеръ принцессы Анны, Алексѣй Пушкинъ *) явился къ ней и просилъ отлучиться для донесенія Бирону на секретаря конторы ея, коллежскаго асессора Михаила Семенова, говорившаго, что „опредѣленный завѣщательный ея императорскаго величества указъ яко бы не за собственною ея императорскаго величества рукою былъ.“ Принцесса отвѣчала: „это довольно, что ты мнѣ о семъ

*) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, род. 1710 + 1785 г., женатъ былъ на Маріѣ Михайловнѣ Салтыковой, родственницѣ императрицы Анны. При Елизаветѣ онъ былъ изъ числа исключенныхъ сенаторовъ.

доносишь, я-де тотчасъ прикажу о томъ донесть его высочеству регенту чрезъ барона Менгдена."

Тогда-то Биронъ, какъ сказано потомъ въ обвинительныхъ противъ него пунктахъ „пріѣзжалъ къ его высочеству (принцу брауншвейгскому) и съ великою злобою выговаривалъ, яко бы его императорское высочество масакръ, т. е. рубку людей или замѣшаніе, зачинать хочетъ, показывая нѣкоторыя угрозы, что себя устрашать не дастъ, и другіе непристойные вопросы, какъ тогда его высочеству, такъ и потомъ у себя обоимъ ихъ императорскимъ высочествамъ чинилъ, упоминая между тѣмъ съ другими въ разговорахъ, яко бы его высочество надѣется на свой семеновскій полкъ, и для того его высочество, подъ претекстомъ будто опасной по улицамъ ѣзды, а въ самомъ дѣлѣ имѣя отъ ея высочества самъ по предписанному опасенія, многіе дни безъ выѣзду изъ дому, яко подъ арестомъ, держалъ *)"... Минихъ сынъ прибавляетъ, что Биронъ призвалъ принца брауншвейгскаго къ себѣ „выговаривалъ ему, въ присутствіи многихъ, особъ за покушеніе по извѣту секретаря (вышепомянутаго Михаила Семенова), называлъ его неблагодарнымъ, кровожаждущимъ, и что онъ, если бы имѣлъ въ своихъ рукахъ правленіе, сдѣлалъ бы несчастнымъ и сына своего, и всю имперію. Даже когда принцъ безъ намѣренія положилъ лѣвую руку на ефесъ своей шпаги, то герцогъ, принявъ сіе за угрозу и ударяя по своей, говорилъ, что онъ готовъ и симъ путемъ, буде принцъ желаетъ, съ нимъ раздѣлаться **)"... Послѣднее обстоятельство упоминается въ обвиненіяхъ противъ Бирона, „что онъ почти во всемъ, кромѣ того, что хотѣлъ съ его императорскимъ высочествомъ поединкомъ развестись, запирался"... Съ принцемъ браун-

*) Дѣло о Биронѣ, Москва 1862 г., стр. 46 — 47.

**) Записки Миниха сына, Москва, 1817 г., стр. 198.

швейгскимъ Бирономъ покончилъ тѣмъ, что предложилъ ему чрезъ Миниха, брата фельдмаршала, сложить съ себя всѣ военныя званія. Прошеніе о томъ принца Антона Ульриха и указъ объ отставкѣ, подписанный 1 ноября Бирономъ по русски, помѣщенъ въ концѣ книги въ приложеніи IV.

Между тѣмъ какъ все это происходило, допросы и пытки шли своимъ чередомъ. Въ самый день арестованія секретаря Семенова, т. е. 24 октября, его прежде всего спросили, отъ кого онъ узналъ о послѣдней волѣ императрицы касательно регентства? Семеновъ показалъ, что дня за два до распубликованія о томъ ему передалъ секретарь кабинета Андрей Яковлевъ, и что „съ тѣхъ его, Яковлева, словъ разумѣлъ онъ, Семеновъ, что надлежитъ ему, Семенову, объ ономъ донесть его высочеству герцогу брауншвейгскому, чего ради сего октября 16 дня объ ономъ донесъ онъ, Семеновъ, его высочеству, и его высочество на то сказалъ, что въ томъ состоитъ воля ея императорскаго величества“... 25 октября, Семеновъ на распросѣ объявлялъ еще, что, 21 октября вечеромъ, былъ у него Яковлевъ и, увидя печатный манифестъ съ завѣщаніемъ императрицы о передачѣ регентства Бирону, говорилъ: „знаешь-ли де ты, что подлинный-то оный указъ едва собственною-ль ея императорскаго величества рукою подписанъ?“ Семеновъ долгомъ счелъ донести и объ этомъ герцогу брауншвейгскому, который ему отвѣчалъ на то: „ежели-де это правда, то господа министры и сенатъ сами знаютъ, что они должны своему государю императору“... Яковлевъ на двухъ допросахъ 25 октября сначала повинился, что онъ по дружбѣ точно сообщалъ Семенову о послѣдней волѣ императрицы дня за два или за три до ея кончины, а потомъ признался и въ рѣчахъ, говоренныхъ имъ Семенову 21 октября: „а говорилъ того ради, что по кончинѣ ея императорскаго величества ука-

зу въ то число, а именно 17 дня октября онъ, Яковлевъ, не видалъ, и какъ манифестъ о кончинѣ ея императорскаго величества, такъ и присягу государю императору начерно сочинялъ онъ, Яковлевъ, съ чернаго концепта; тако-жъ и потомъ, какъ уже и подлинно оный указъ онъ, Яковлевъ, видѣлъ, то потому жъ былъ въ сумнѣніи, что рукою-ль государынииною тотъ указъ подписанъ, ибо чернила показались ему передъ прежними, коими ея величество соизволила всегда подписывать, черны и перо отмѣнно, однако послѣ того какъ оный указъ онъ, Яковлевъ, увидѣлъ, то уже за подлинно призналъ, что подписанъ собственною ея императорскаго величества рукою; однакожъ о томъ оному Семенову онъ, Яковлевъ, не сказывалъ, для того-что съ первоучиненной еще при жизни ея императорскаго величества о наслѣдствѣ нынѣшняго государя императора присяги, онъ, Яковлевъ, всегда имѣлъ свое усердіе больше къ сторонѣ родителей его императорскаго величества, а правительство государственное желалъ, чтобъ было въ рукахъ ихъ же, родителей его императорскаго величества, чего-для какъ въ первомъ его, Яковлева, распросѣ о говореніи имъ съ Любимомъ Пустошкинымъ съ товарищи показанныхъ словъ и о подачѣ челобитной его высочеству регенту онъ, Яковлевъ, не донесъ, такожъ и Михаилу Семенову о томъ, что съ соизволенія-ль ея императорскаго величества регентомъ дѣлается герцогъ курляндскій, какъ во второмъ его, Яковлева, распросѣ показано, — объявилъ онъ, Яковлевъ, для того, чтобъ сообщено то было родителемъ же его императорскаго величества, ибо онъ, Яковлевъ, чрезъ то уповалъ въ случаѣ, ежели бъ государственное правительство чрезъ что ни есть пришло въ руки ихъ высочествъ, дабы онъ, Яковлевъ, могъ тогда избѣгнуть отъ слѣдствія и бѣды и получить отъ ихъ высочествъ милость, ибо-де какъ по кончинѣ ея императорскаго ве-

личества для провѣдыванія, что о нынѣшнемъ правленіи въ народѣ говорятъ, надѣвая худой кафтанъ, хаживалъ онъ собою по ночамъ по прешпективой (т. е. по невскому проспекту) и по другимъ улицамъ, то слышалъ онъ, что въ народѣ говорятъ о томъ съ неудовольствіемъ, а желаютъ, чтобъ государственное правительство было въ рукахъ у родителей его императорскаго величества"...

Германъ, разсказывая объ арестованіи Семенова и Яковлева, прибавляетъ еще одну подробность, о которой нѣтъ упоминанія въ подлинномъ дѣлѣ, а именно: будто-бы изъ показанія Яковлева о подложности манифеста объяснилось, почему принцесса Анна, тотчасъ послѣ смерти императрицы, взяла къ себѣ въ службу камеръфрау Юшкову. Явно, что чрезъ нея хотѣли открыть тайну, которая была, по предположенію, при подписаніи манифеста (послѣдняго), и какъ сильно дорожилъ этимъ принцъ брауншвейгскій, чтобы привлечь эту женщину, то видно изъ того, что онъ назначилъ ей награду въ 6 т. р. чистыми деньгами и далъ ежегодный пенсіонъ въ 1000 р. съ полнымъ содержаніемъ на всю жизнь за ея долговременную службу при императрицѣ *). По словамъ Бирона **), Юшкова, жена подполковника, была свидѣтельницею, когда императрица подписала распоряженіе о регентствѣ Бирона и передала ей для храненія въ ящикѣ съ драгоцѣнностями.

24 октября, по непосредственному распоряженію Бирона, арестовали еще адъютанта принца брауншвейгскаго, Петра Граматина „только по одному моему (говорилъ Биронъ) сумнѣнію, что какъ я у его императорскаго высочества былъ и о офицерахъ Аргамаковѣ и Ханыковѣ и о другихъ неспокойствахъ объявлялъ, но

*) Geschichte des russischen Staates IV, S. 652.

**) Motifs de sa disgrâce въ Büsching's Magasin, IX, S.S. 391, 392.

его императорское высочество мнѣ подлинно о томъ не открылъ, то я хотѣлъ чрезъ того адъютанта все вѣдать *)“...

Граматинъ сначала кратко показалъ, что Семеновъ просилъ его допустить переговорить о чемъ-то съ принцемъ брауншвейгскимъ; что нѣкоторые изъ офицеровъ семеновскаго полка и въ особенности адъютантъ князь Иванъ Путятинъ говорили, что они къ присягѣ Бирону, какъ регенту, не склонны, а желаютъ держать сторону принца брауншвейгскаго; что послѣдній, 22 числа, приказалъ своимъ придворнымъ служителямъ „ни подъ какимъ видомъ о нынѣшнемъ государственномъ правленіи ни съ кѣмъ не говорить,“ а 23 числа, запретилъ допускать къ себѣ Семенова.

Послѣ этихъ показаній, Граматинъ, по его словамъ о д у м а в ш и с ь, написалъ слѣдующую чрезвычайно подробную и именно поэтому самому любопытную новинную:

„Егда всемилостивѣйшая государыня во вторыя, т. е. сего октября-къ“ „дня тяжче заболезновала, то донеслось его свѣтлости герцогу брауншвейгскому, а отъ кого, того незнаю, что кабинетъ министры, генералитетъ и лейбъ-гвардіи полковъ штабъ-офицеры, капитаны и капитаны-поручики призываются въ кабинетъ и чинятъ подписки, а о чемъ, того никто изъ прочихъ не знаетъ, и въ тожъ поутру принесъ я къ его свѣтлости заручать дѣла разныя по командѣ въ полки, и, заручая оные, его свѣтлость герцогъ брауншвейгъ-люнебургскій изволилъ говорить, что „чинится-де подписка въ кабинетѣ и подписываются генералитетъ и гвардіи полковъ штабъ-офицеры, капитаны и капитаны-поручики, токмо де о чемъ невѣдомо, а меня-де не пригласили. Знатно де они подписываютъ, что мнѣ вѣдать не надлежитъ; а конечно-де знатно что нибудь о наслѣдствіи престола

*) Дѣло о Биронѣ, Москва 1862 г., стр. 26.

россійскаго подписываютъ. Сказывалъ-де мнѣ прусскій посланникъ Мардефельдъ, что будто егда паче чаянія — что не дай Боже — всемилостивѣйшая наша государыня императрица скончаться изволитъ, то-де до возраста великаго князя будетъ учиненъ для правленія государства россійскаго тайный верховный совѣтъ, и въ томъ-де совѣтѣ будутъ засѣдать супруга моя, ея высочество принцесса Анна, его свѣтлость герцогъ курляндскій, три кабинетъ министра, яко-то Андрей Ивановичъ Остерманъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и Бестужевъ, да генералъ-фельдмаршалъ Минихъ, генералъ Ушаковъ и кн. Куракинъ, а про меня-де ничего не упомянулъ, токмо-де я его рѣчамъ не увѣряюсь." И я, нижайшій, сказалъ на то, что можетъ, что такъ; однакожъ я мню, что лучше бы, ежели бы правленіе государственное было поручено кому одной персонѣ, понеже наши министры между собою будутъ несогласны и чрезъ то государству не будетъ пользы. И его свѣтлость герцогъ брауншвейгскій изволилъ мнѣ приказать объ оной подпискѣ, что чинится въ кабинетѣ, какъ можно развѣдывать. И я оное по приказу его свѣтлости учинить обѣщался. Токмо мнѣ онаго развѣдать было не отъ кого, потому что я о томъ со всѣми говорить опасался. А въ то жъ самое время, какъ мнѣ его свѣтлость герцогъ брауншвейгъ-люнебургскій о томъ говорить изволилъ, вознамѣрился его свѣтлость герцогъ брауншвейгъ-люнебургскій послать своего камеръ-юнкера Шеліана *) лейбъ-гвардіи полку преображенскаго къ капитану Зиггейму и объ оной подпискѣ у него освѣдомиться; чего-для посланъ былъ на квартеру ко оному капитану Зиггейму его свѣтлости брауншвейгъ-люне-

*) По извѣстіямъ Германа, этотъ Шеліанъ былъ арестованъ въ одно время съ Граматинымъ, но его, по тому уваженію, что онъ былъ иностранецъ, не подвергали истязаніямъ, а послали, чтобы только удалить изъ Россіи, курьеромъ въ Брауншвейгъ.

бургскаго скороходъ, который, возвратясь, объявилъ, что означеннаго капитана во квартерѣ нѣтъ. По сему оная посылка и отмѣнена, и онъ, камеръ-юнкеръ Шеліанъ, посланъ не былъ."

„На завтрешній день, т. е. сего октября 17 дня, пришелъ я къ его свѣтлости герцогу брауншвейгъ-люнебургскому для закрѣпленія жъ въ полки по командѣ писемъ, то притомъ его свѣтлость изволилъ меня спросить, что не развѣдалъ ли я о вышедонесенной подпискѣ, которая чинится въ кабинетѣ? И я на то донесъ, что не развѣдалъ и незнаю. И мнѣ его свѣтлость изволилъ сказать, что-де я слышалъ, что его свѣтлость герцогъ курляндскій будетъ имѣть по кончинѣ ея величества государственное правленіе одинъ своею особою, и я-де надѣюсь, что о томъ и въ кабинетѣ подписка была. И я, закрѣпя дѣла, пошелъ въ другой покой его свѣтлости, гдѣ увидѣлъ ея высочество государыни принцессы Анны придворной конторы секретаря Михайлу Семенова, подлѣ котораго я, сѣвъ и сказавши здравствуй, спросилъ у него: „что ты дѣлаешь?" И онъ мнѣ сказалъ: „охъ, что-де намъ, братецъ, дѣлать: худо-де у насъ дѣлается!" И я на то ему сказалъ: „а что?" „Да мы-де нынѣ остаемся овцы безъ пастыря!" И я ему сказалъ: „а что, развѣ ты слышалъ что нибудь?" И онъ мнѣ сказалъ: „да ты де незнаешь?" И я сказалъ: „я ничего не знаю." И онъ, Семеновъ, мнѣ сказалъ: „да знаешь-ли ты чему подписка въ кабинетѣ чинится?" И я сказалъ, что я незнаю. „И его-де свѣтлость не знаетъ?" „Нѣтъ, не знаетъ", я ему, Семенову, сказалъ. Да я же ему, Семенову, сказалъ: „что никто молъ такой не найдется совѣстенъ, чтобы пришелъ, да о томъ сказалъ его свѣтлости." И онъ, Семеновъ, на то мнѣ сказалъ, что-де я тотъ-та, который объ ономъ обо всемъ знаетъ, чему и подписка была. И я на то ему, Семенову, сказалъ, что не одному ли отдано правленіе государственное, егда паче чаянія

всемилостивѣйшая государыня скончается? И онъ, Семеновъ, мнѣ сказалъ: „то-то-де такъ“, да при томъ же сказалъ, что доложи-де ты его свѣтлости герцогу брауншвейгскому, чтобы я былъ къ его свѣтлости допущенъ. Я-де обо всемъ скажу. Да при томъ же онъ, секретарь Семеновъ, сказалъ, что-де пусть его свѣтлость на меня изволитъ положить сію коммиссію. Я-де сдѣлаю, что оное можетъ быть и передѣлано; токмо-де я, чтобы былъ впредь защищенъ его свѣтлости милостію. И я пошелъ къ его свѣтлости герцогу брауншвейгъ-люнебургскому, объ ономъ обо всемъ донесъ, и его свѣтлость изволилъ мнѣ на то сказать, что-де я слышалъ и признать могъ по его глазамъ, что онъ ко мнѣ быть и со мною говорить хочетъ. Токмо-де я его опасенъ, егда-де надъ нимъ послѣдуетъ какое несчастіе, то-де чрезъ то объявится, что онъ у меня былъ. Знатно-де у него есть кто нибудь пріятель у Андрея Ивановича Остермана, чрезъ кого онъ сіе развѣдалъ. И изволилъ мнѣ приказать ѣхать къ Кейзерлингу посланнику (брауншвейгскому) и о допущеніи его, секретаря, къ его свѣтлости съ нимъ, Кейзерлингомъ, совѣтывать, и что на то Кейзерлингъ объявитъ, возвратясь, его свѣтлости донесть. И я того жъ часу поѣхалъ къ посланнику Кейзерлингу, и объ ономъ ему, Кейзерлингу, что секретарь Семеновъ говорилъ и что онъ съ его свѣтлостью герцогомъ брауншвейгскимъ видѣться хочетъ, объявилъ; то посланникъ Кейзерлингъ сказалъ мнѣ, что донеси его свѣтлости, чтобъ секретаря Семенова его свѣтлость къ себѣ допустить изволилъ и, выслушавъ у него, обнадежилъ своею милостію, что оное что онъ, секретарь Семеновъ, скажетъ, будетъ содержано секретно. И я при этомъ ему, Кейзерлингу, сказалъ: „что же касается до порученія на него, секретаря Семенова, комиссіи, яко бы онъ въ состояніи оное, что онъ объявилъ, передѣлать, то въ томъ на его положиться опасно: егда ему поручится, а онъ не сдѣлаетъ, и то объ-

явится, то будетъ послѣ не безъ стыду.“ И на оное мнѣ посланникъ Кейзерлингъ сказалъ: „это-де правда, объ ономъ-де донеси его свѣтлости, чтобъ его свѣтлость о томъ ему, секретарю Семенову, ничего не приказывалъ и не упоминалъ. И я, возвратясь, объ ономъ обо всемъ его свѣтлости донесъ, почему его свѣтлость означеннаго секретаря Семенова къ себѣ допустить изволилъ, а оный, бывъ у его свѣтлости, пошелъ на свою квартеру.“

„Сего-жъ октября 19 дня, т. е. въ воскресенье, по переходѣ ея высочества государыни принцессы Анны и его свѣтлости герцога брауншвейгъ-люнебургскаго въ новой зимній дворецъ, его свѣтлость изволилъ мнѣ, призвавши въ свои покои, сказывать, что я слышалъ, яко бы всемилостивѣйшая государыня императрица Анна Іоанновна блаженныя и вѣчнодостойныя памяти объявленнаго намъ завѣщанія своеручно подписать не изволила, и будто на ономъ завѣщаніи не ея величества рука, и ея-де императорское величество блаженныя памяти съ начала своей болѣзни ни о какихъ государственныхъ дѣлахъ говорить не изволила, а паче о наслѣдствіи россійскаго престола, а всегда-де изволила имѣть надежду, что отъ оной своей болѣзни освободится. И я на оное его свѣтлости донесъ, что милостивый государь, ежели оное завѣщаніе не подлинно подписано рукою ея величества, а про то кто нибудь знаетъ изъ министровъ, то на томъ завѣщаніи не утвердятся, а впредь когда нибудь то окажется. Егда же какъ мы не иначе свѣдомы, что оное ея величества завѣщаніе подписано собственною ея величества рукою, то на ономъ всеконечно все утверждено будетъ. Его же свѣтлость изволилъ мнѣ сказывать: „я-де надѣюсь, что всѣ бывшіе у его высочества регента сего числа министры могли признать, съ какимъ я неудовольствіемъ у его высочества регента былъ. И я-де намѣренъ былъ сего числа послать къ Андрею Ивановичу Остерману требовать у него совѣту,

дабы завтрашняго числа, егда при лѣтнемъ дворцѣ соберутся на караулъ въ разводъ люди, коихъ-де болѣе тысячи человѣкъ, чтобы всѣхъ министровъ, кои будутъ въ кабинетѣ арестовать, токмо-де уже онаго я не учиню*)". И я на оное его свѣтлости донесъ, что оное учинить опасно, понеже если не удастся, то ваша свѣтлость въ томъ останетесь. Да вашей же свѣтлости собою оказаться, что ваша свѣтлость недовольны, не такъ прилично, развѣ егда ея высочество государыня принцесса Анна изволитъ сказать, что недовольна, то и вашей свѣтлости тогда о себѣ объявить пристойнѣе, а напередъ посовѣтовать о томъ съ министры. И на оное его свѣтлость изволилъ мнѣ сказать, что-де супруга моя, ея высочество государыня принцесса хотя я признаваю, что недовольна, однакожде она весьма опасна. И тогда его свѣтлость изволилъ мнѣ сказать, что-де я надѣюсь, что о семъ моемъ недовольствѣ можно мнѣ объявить Андрею Ивановичу Ушакову. И я на оное его свѣтлости донесъ, что объ ономъ объявить можно: онъ-молъ либо присовѣтуетъ, или отсовѣтуетъ вашей свѣтлости. И тогда его свѣтлость изволилъ мнѣ приказать, чтобы мнѣ говорить о томъ съ адъютантомъ его, господина генерала Ушакова, Власьевымъ и развѣдать отъ него, что онъ скажетъ. И я того-жъ числа увидалъ адъютанта Власьева во дворцѣ, въ большомъ аудіенцъ-залѣ, зачалъ ему говорить: „что ты скажешь? здорово живешь? что у васъ дѣлается?" И онъ мнѣ, Власьевъ, сказалъ: „а что де у насъ дѣлается? Вѣдь-де ты и самъ знаешь, что-де у насъ регентъ сдѣланъ. Что-де ея высочество госуда-

*) Линаръ свидѣтельствуетъ, что герцогъ брауншвейгскій разсказывалъ ему, что по кончинѣ императрицы и вступленіи въ управленіе государствомъ Бирона, онъ спрашивалъ совѣта Остермана, однако этотъ отвѣчалъ только, что если онъ, герцогъ, уже имѣетъ вѣрную партію, то долженъ открыться и говорить; въ противномъ же случаѣ лучше будетъ согласоваться съ другими (Hermann's Geschichte des russ. Staates, IV, S. 652).

рыня принцесса Анна и его свѣтлость изволитъ на то говорить?“ И я ему, Власьеву, сказалъ: „сколько мнѣ свѣдомо, что ея высочество принцесса Анна и его свѣтлость брауншвейгъ-люнебургскій не очень довольны: токмо его свѣтлость заподлинно несвѣдомъ, кому бы оное неудовольствіе открыть изъ министровъ.“ И онъ, Власьевъ, на то мнѣ сказалъ: „да на что-де лучше нашего старика?“ И я спросилъ: „кто молъ?“ И онъ, Власьевъ, сказалъ: „да генералъ-де мой. Пусть-де ея высочество его призвать изволитъ и о томъ объявить. Онъ-де дастъ совѣтъ, какъ поступить.“ Да еще-жъ онъ, Власьевъ, меня спрашивалъ, что читалъ-ли-де ты манифестъ? И я на оное сказалъ, что я читалъ. „Видишь-ли-де ты, какъ онъ сильно тамъ утвержденъ, что-де ему сукцессора выбрать велѣно?“ И я ему сказалъ, что онъ, кого захочетъ, того выбрать соизволитъ. И потомъ пошелъ я къ его свѣтлости герцогу брауншвейгскому и донесъ о томъ, что мнѣ адъютантъ Власьевъ про генерала своего сказалъ. И его свѣтлость изволилъ мнѣ приказать, чтобы ему, адъютанту Власьеву, сказать, чтобъ онъ доложилъ своему генералу Ушакову, что его свѣтлость съ его превосходительствомъ видѣться желаетъ, токмо при томъ его свѣтлость приказалъ внушить его превосходительству, дабы его превосходительство пришелъ къ его свѣтлости, якобы ненарочнымъ случаемъ, а за какимъ нибудь дѣломъ; а когда же быть намѣренъ, чтобъ о томъ его свѣтлости донесть. И я, увидѣвшись назавтрія, т. е. въ понедѣльникъ сего октября 20 дня, съ нимъ, адъютантомъ Власьевымъ, о томъ ему, какъ мнѣ его свѣтлость изволилъ приказывать, сказалъ. И онъ пошелъ отъ меня прочь, сказавъ: „добро-де я скажу“. А потомъ часа черезъ два, во дворцѣ-жъ увидѣлся я съ нимъ адъютантомъ Власьевымъ, и онъ мнѣ сказалъ, что-де я генералу своему доносилъ, чтобъ онъ пришелъ къ его свѣтлости, а притомъ же-де я, сколько

можно внушилъ, что для нѣкоторой нужды, а прочаго-де мнѣ было сказывать нельзя, и онъ-де изволилъ мнѣ сказать, что добро я-де буду къ его свѣтлости, да я-де и всегда хожу мимо покоевъ его свѣтлости. И я, услыша отвѣтъ адъютанта Власьева, пошелъ къ его свѣтлости и объ вышедонесенномъ, что г. генералъ Ушаковъ сказалъ, донесъ."

„Да сего жъ октября 19 дня, т. е. въ воскресенье, какъ я въ прежнемъ моемъ распросѣ сказалъ, что посланникъ Кейзерлингъ былъ у его свѣтлости брауншвейгъ-люнебургскаго и, совѣтовавши, пошелъ его свѣтлость къ ея высочеству государыни принцессы Анны покои, а подполковникъ Гейнбургъ*), вышедши, позвалъ камеръ-юнкера Шеліана къ нему, Кейзерлингу, для разговора; такожъ онъ же, подполковникъ, и меня звалъ, чтобъ я къ нему шелъ, токмо я не пошелъ, и камеръ-юнкеръ Шеліанъ, бывъ съ полчаса съ посланникомъ Кейзерлингомъ въ покоѣ, вышелъ назадъ и говорилъ плачючи: „что-де намъ дѣлать, что посланника Кейзерлинга мы не можемъ уговорить, чтобъ онъ присовѣтовалъ его свѣтлости, чтобы спорить, а все-де говоритъ: молчите, молчите! А его-де свѣтлости объ ономъ никакой предопасности, чтобы молчать, нѣтъ; а что-де посланникъ Кейзерлингъ говоритъ, что егда его свѣтлость объ ономъ станетъ спорить, то-де они могутъ арестовать. Кто-де можетъ арестовать его свѣтлость?" И я на оное ему, Шеліану, сказалъ, что какъ его свѣтлости начать спорить, егда ея высочество государыня принцесса о томъ ничего говорить не изволитъ? И онъ, Шеліанъ,

*) Гейнбургъ—брауншвейгскій подполковникъ; 6 января 1741 г. онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ принцу брауншвейгскому съ чиномъ полковника; во все время правленія принцессы Анны былъ осаждаемъ разными льстивыми письмами отъ военныхъ въ особенности изъ нѣмцевъ. По восшествіи же на престолъ Елизаветы заточенъ вмѣстѣ съ семействомъ принца брауншвейгскаго.

на то мнѣ сказалъ: „мы-де по то время будемъ молчать, пока они съ нами что хотятъ, то сдѣлаютъ“. И тѣмъ оный разговоръ кончился“.

„Сего жъ октября 21 дня, то есть во вторникъ, вышеозначенный секретарь Семеновъ, увидя, говоритъ мнѣ: „что-де ты знаешь, а что вѣдь-де та сторона (именуя тѣмъ его высочество регента) въ робости?“ И я ему сказалъ: „въ какой робости?“ „Вѣдь-де обѣщали дать его высочеству государынѣ принцессѣ Аннѣ и его свѣтлости герцогу брауншвейгскому на содержаніе стата двѣсти тысячъ.“ И я ему сказалъ: „можетъ быть, я-де и его свѣтлости о томъ доносилъ же“....

„Сего жъ октября 22 дня, т. е. въ среду, по утру, пришелъ я къ посланнику Кейзерлингу по обычаю моему отдать поклонъ. И онъ, позвавши меня къ себѣ въ покой, сталъ со мною разговаривать: „какъ-де ты думаешь, что утвердится ль нынѣшнее опредѣленіе въ правленіи государства?“ И я ему на оное донесъ, что я неиначе мню, какъ оное утвердится. И онъ, Кейзерлингъ, сказалъ: „можетъ-де быть, что министры между собою впредь не будутъ согласны, и чрезъ то-де послѣдуетъ какая нибудь отмѣна. При вступленіи-де блаженныя памяти ея величества государыни императрицы Анны на россійскій престолъ, сперва-де было сдѣлано такъ, а потомъ инакъ отмѣнилось въ самодержавствѣ.“ И въ самое въ то время, какъ мы разговариваемъ, пріѣхалъ къ нему, посланнику Кейзерлингу, подполковникъ Гейнбургъ, который объявилъ, что онъ былъ у его высочества регента съ поклономъ отъ его свѣтлости герцога брауншвейгъ-люнебургскаго, и его-де высочество регентъ милостиво меня принять изволилъ и изволилъ-де обѣщать прислать двухъ кабинетъ министровъ къ его свѣтлости со объявленіемъ его свѣтлости титула его высочества, то посланникъ Кейзерлингъ сказалъ ему подполковнику, что изволь-де ты итить къ

его свѣтлости; а потомъ и мнѣ сказалъ, что поди-де и ты туда жъ во дворецъ и посмотри, что дѣлаться будетъ, именуя чрезъ то пріѣздъ кабинетъ министровъ: „пусть-де они насъ нынѣ повышаютъ, я бы-де желалъ, чтобы они его свѣтлость сдѣлали генералиссимомъ — а тамъ-де мы ихъ достанемъ!“

„Я отъ него, Кейзерлинга, и пошелъ, и пришелъ во дворецъ, былъ безотлучно въ покояхъ его свѣтлости, а какъ министры кабинетные пріѣзжали и титулъ объявили его свѣтлости, я при томъ не былъ, ибо оное учинено въ покояхъ его императорскаго величества, куда не всѣхъ ходить пускаютъ. И тогда же пришелъ я въ покои ея высочества государыни принцессы Анны, гдѣ увидѣлъ секретаря Семенова, и онъ мнѣ сказалъ: „что де, братецъ, вѣдь де-наши господа (разумѣвая чрезъ то его высочество герцога брауншвейгскаго и ея высочество государыню принцессу Анну) деньги-та-де приняли, да и замолчали!“ И я на это ему сказалъ, что какъ соизволятъ, намъ что дѣла? Еще-молъ попадешь напрасно въ бѣду! И онъ, Семеновъ, мнѣ сказалъ: „инъ-де перестать говорить.“ И я ему сказалъ, что перестать, да у насъ уже и запрещено. Да того жъ числа онъ же мнѣ, Семеновъ, сказалъ, что-де былъ его высочество регентъ у ея высочества государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и обѣщалъ-де дать на содержаніе ея высочества пятьдесятъ тысячъ, токмо-де ея высочество оныхъ денегъ не приняла, а изволила-де сказать, что я, по милости ея величества блаженныя памяти, довольна, а молодова-де государя грабить не хочю.“

Сего жъ октября 24 дня, т. е. въ четвертокъ, при закрѣпленіи дѣлъ письменныхъ по командѣ, изволилъ мнѣ его высочество герцогъ брауншвейгскій объявить, что-де представляютъ мнѣ, яко бы я въ опасности живота моего здѣсь жить принужденъ, однакожде мнѣ то даромъ, хотя я и умру. И я на оное его свѣтлости ска-

залъ: „милостивый государь, я не надѣюсь, чтобы кто такое безбожество надъ вашимъ высочествомъ сдѣлалъ.“ Да притомъ же его свѣтлость изволилъ сказать: „знатно-де на то, что таковое опредѣленіе въ правленіи государства учинено, есть воля божія, и я-де уже себя успокоилъ. Мы-де лучше хотимъ съ супругою моею терпѣть, нежели чрезъ насъ государство обезпокоить.“ И я на оное его высочеству донесъ, что оное очень изрядно, и съ тѣмъ отъ его высочества, закрѣпивши дѣла, пошелъ изъ покою вонъ.“

„Да сего жъ октября 19 дня, кирасирскаго брауншвейгскаго полку ротмистръ Мурзинъ сказывалъ мнѣ, что я-де мню, что его высочество регентъ за тѣмъ у насъ въ Россіи остался, что-де ему въ Курляндію ѣхать нельзя, понеже-де тамъ много недовольнаго шляхетства, и ему-де не безъ опасности, ибо-де уже болѣе трехъ сотъ фамиліевъ изъ Курляндіи вышло вонъ, у которыхъ деревни повыкуплены.“

„Что же я, нижайшій, кончаетъ Граматинъ предписанныхъ въ сей моей повинной многихъ пунктовъ не объявилъ въ прежнемъ распросѣ, и то учинилъ въ торопяхъ и неодумавшись, а нынѣ растолковавъ подписку свою, которую я учинилъ въ прежнемъ распросѣ подъ смертною казнію, раскаясь во всемъ, принесъ сію повинную, а болѣе уже сего ничего незнаю и въ томъ подписуюсь“.

Изъ офицеровъ семеновскаго полка, адъютантъ князь Иванъ Путятинъ былъ признанъ виновнѣйшимъ: онъ разсуждалъ съ офицерами своего полка, что государствомъ слѣдовало бы править принцу брауншвейгскому, ходилъ къ нему во дворецъ, поручалъ тамъ камеръ-юнкеру Шеліану передать принцу, что „ежели-де его высочеству угодно, то нѣкоторые изъ сенаторовъ его сторону держать будутъ.“ Кромѣ того, пріѣзжалъ къ капитану того же полка Василью Чичерину съ вѣ-

стью „Михайло Аргамаковъ взять!“ Чичеринъ отвѣчалъ на то: „И намъ-де не миновать! Надобно, чтобъ объ этомъ нашемъ дѣлѣ его высочество герцогъ брауншвейгскій и ея высочество государыня принцесса были свѣдомы для того, ежели-де насъ возмутъ, чтобъ тогда показали ихъ высочества къ намъ милость.“ Путятинъ: „вотъ-де ка-бы полкъ былъ въ строю, то-бъ-де написавъ челобитную и подали, чтобъ ея высочество государыня принцесса приняла государственное правленіе.“

31 октября, слѣдовательно за недѣлю до паденія Бирона, приводили въ застѣнокъ и поднимали на дыбу Андрея Яковлева, Любима Пустошкина, Михаила Семенова, Петра Граматина. Первому дали 17 ударовъ, второму — 16, третьему и четвертому — по 15. Андрей Ушаковъ и князь Никита Трубецкой при томъ присутствовали и подписали пыточные распросы. Въ нихъ, противъ прежнихъ показаній, новаго ничего не открыто.

По низложеніи Бирона, всѣ эти лица, а равно и менѣе значительные соучастники ихъ, попавшіеся въ розыски, получили награжденія; ихъ повысили чинами, имъ давали деньги и болѣе значительныя должности; бывшихъ въ рукахъ палача прикрывали знаменами. По этому поводы были изданы въ народъ манифесты, которые, по рѣдкости ихъ нынѣ, помѣщены въ V приложеніи. Но не долго пользовались эти лица плодами своей приверженности къ семейству принца брауншвейгскаго: по вступленіи на престолъ Елизаветы, въ ноябрѣ 1741 г., о главнѣйшихъ изъ нихъ тотчасъ же вспомнили, и они снова попали къ допросу, ихъ снова осудили. Въ манифестѣ императрицы Елизаветы, 22 января 1742 г. *), Яковлевъ напр. обвинялся за то, что „поступалъ зѣло непорядочно и чтился по многимъ входящимъ въ кабинетъ дѣламъ и исходящіе по онымъ

*) Полное собраніе зак. т. XI, № 8506.

указы зѣло темно и конфузно составлять и при возстановленіи на правительство бывшаго регента у гр. Остермана духовную компоновалъ и во многія, усердствуя только принцессѣ, ко вреду общаго покоя (почему въ прошломъ году и розыскиванъ былъ) касающіяся дѣла вступался, за что себѣ отъ нея, принцессы Анны, чинъ и не малое награжденіе деревнями получилъ." За это Яковлева приговорили лишить чиновъ и деревень и послать въ полковые писаря въ астраханскій гарнизонъ. Адъютантъ Граматилъ, по низложеніи Бирона, сдѣлался директоромъ канцеляріи принца брауншвейгскаго— его лишили по манифесту всѣхъ чиновъ и исключили вовсе изъ службы („понеже до сего былъ въ катскихъ рукахъ"), подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ „въ противность указовъ, по перемѣнѣ разныхъ чиновъ въ повышеніи чина бралъ не малыя взятки, въ чемъ при слѣдствіи самъ признался".

Кромѣ того, 16 января 1742-же года, ассесоръ Михаилъ Семеновъ и гвардейскіе капитаны Михаилъ Аргамаковъ и князь Иванъ Путятинъ, указомъ, подписаннымъ Елизаветою, отставлены отъ службы съ тѣмъ, чтобы ихъ не опредѣлять ни къ какимъ дѣламъ.

Въ слѣдующемъ 1743 году, когда возникло дѣло о семействѣ Лопухиныхъ, извѣстныхъ приверженцахъ бывшей правительницы Анны и толковавшихъ неблагосклонно о новой императрицѣ, снова въ тайной канцеляріи попадаются знакомыя уже съ нею лица, а именно Нилъ Акинфовъ, Михайла Аргамаковъ, кн. Иванъ Путятинъ. Перваго изъ подпоручиковъ преображенскаго полка записали тѣмъ же чиномъ въ армейскіе полки; Аргамакова освободили „понеже вины его не объявилось", но князя Путятина наказали кнутомъ и сослали въ ссылку въ Кецкъ. Акинфовъ былъ обвиненъ въ томъ, что онъ слышалъ отъ Ивана Лопухина „непристойныя слова, касающіяся во вредъ высочайшей ея

императорскаго величества персоны и государства, но должности своей и присягѣ не доносилъ“.... Путятинъ обвинялся въ томъ же, да и самъ съ Лопухиными „согласникомъ былъ и, усердствуя къ принцессѣ и сыну ея, отъ Натальи Лопухиной всегда объ нихъ навѣдывался“...

До сихъ поръ говорено было только о приверженцахъ брауншвейгской фамиліи, но въ непродолжительное регентство Бирона встрѣчались и сторонники дочери Петра Великаго — Елизаветы. Вотъ примѣры тому:

7 октября 1740 г., въ самый день, когда полки присягали вновь назначенному наслѣднику престола Іоанну Антоновичу, капралъ коннаго полка Александръ Хлоповъ встрѣтился близь своихъ казармъ съ капраломъ того же полка Гольштремомъ, который не былъ въ строю по болѣзни и спрашивалъ его: „зачѣмъ-де нашъ полкъ въ строю былъ?“ „Присягали мы-де нынѣ, отвѣчалъ Хлоповъ, ея императорскаго величества внуку, а государыни принцессы сыну.“ А потомъ, „погодя немного, махнувъ онъ, Хлоповъ, головою своею на дворъ государыни цесаревны, который близь смольнаго двора“, прибавилъ: „не обидно-ль?“ Гольштремъ: „какая де обида? Кому ея императорское величество указать соизволитъ присягать, тому-де мы и присягаемъ“... Въ тотъ же день, Хлоповъ на квартирѣ у себя съ товарищами своими Семеномъ Щетининымъ, Иваномъ Долгинскимъ и Васильемъ Майковымъ, спрашивалъ втораго изъ нихъ: „знаешь-ли ты, кому мы нынѣ присягали?“ „Богъ знаетъ, я незнаю,“ отвѣчалъ тотъ! „Экой дуракъ, ужь того незнаетъ! А ты, Майковъ, знаешь-ли, кому мы нынѣ присягали?“ Майковъ: „Какъ не знать, вѣдь слышать, какъ люди говорятъ, что присягали благовѣрному великому князю Іоанну.“ Хлоповъ: „вотъ императоръ Петръ Первый въ россійской имперіи заслужилъ и того оста-

лось! Вотъ коронованнаго отца дочь, государыня цесаревна оставлена!“

На допросѣ, Хлоповъ каился: „объ ономъ-де говорить въ мысль его пришло съ такого случая: какъ-де онъ, Хлоповъ, со онымъ Гольштремомъ встрѣтился и объ означенномъ началъ ему говорить и притомъ, увидѣвъ государыни цесаревны дворъ, подумалъ о государынѣ и сожалѣлъ, что мимо ея высочества наслѣдство россійскаго престола учинено. а то-де сожалѣніе и объ ономъ къ разсужденію въ мысль его, Хлопова, пришло, что ея высочество его, Хлопова, знаетъ и милостивно его принимала, потому что дядя его, Хлопова, Алексѣй Жеребцовъ при домѣ ея высочества камеръюнкеромъ“...

Слова Хлопова и недонесеніе о нихъ русскими его товарищами (выдалъ Хлопова нѣмецъ Гольштремъ) были оставлены безъ наказанія „для многолѣтняго его императорскаго величества здравія, но только впредь въ такія противныя разсужденія отнюдь бы они не вступали “

Въ Шлюссельбургѣ, въ канцеляріи большаго ладожскаго канала получены были, 20 октября 1740 года, манифесты о наслѣдованіи Іоанномъ III и регентствѣ Бирона. Въ то время писарь Куриловъ былъ на веселѣ, и подканцеляристъ Евсѣевъ говорилъ ему, „чтобъ онъ для исполненія присяги былъ во всякой исправности и не употреблялъ бы себя еще къ наибольшему пьянству.“ Куриловъ на это отвѣчалъ: „я-де не хочу, а вѣрую Елизаветѣ Петровнѣ.“ Евсѣевъ долгомъ счелъ донести объ этомъ по принадлежности; обвиненнаго, доносителя и свидѣтелей привезли въ Петербургъ къ допросу; первый повинился, послѣдніе подтвердили, и тогда состоялся приговоръ: „для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны и для многолѣтняго его императорскаго величества здравія и благополучнаго государствова-

нія, жесточайшаго наказанія ему, Курилову, не чинить, но токмо дабы оная его продерзость вовсе ему упущена не была и чтобъ онъ впредь отъ таковыхъ продерзостей имѣлъ воздержаніе, учинить ему наказаніе, вмѣсто кнута, бить плетьми нещадно.“ Подканцеляриста Евсѣева, за правый доносъ, написали въ канцеляристы.

23 октября 1740 г., счетчикъ изъ матросовъ Максимъ Толстой, будучи въ церкви Исакія далматскаго, когда приводили къ присягѣ по манифестамъ, отказался присягать, почему и взятъ былъ къ допросу. Толстой показалъ, что онъ это сдѣлалъ „для того, что государствомъ-де повелѣно править такому генералу, каковы у него, Толстова, родственники генералы были... До возраста-де государева (Іоанна III), а именно до семнадцати лѣтъ повелѣно править государствомъ герцогу курляндскому, а орелъ-де леталъ, да соблюдалъ все дѣтемъ своимъ, а дочь его оставлена“... Далѣе Толстой пояснялъ: „говорилъ-де онъ то о государѣ императорѣ Петрѣ Первомъ, что-де онъ, государь, во время государствованія своего соблюдалъ и созидалъ все дѣтемъ своимъ, а у него-де, государя, осталась дочь государыня цесаревна Елизаветъ Петровна, и надобно нынѣ присягать ей государынѣ цесаревнѣ... О томъ-де между собою говорили лейбъ-гвардіи преображенскаго полку солдаты, идучи отъ учиненной нынѣ присяги московскою ямскою слободою“... Толстаго приводили въ застѣнокъ и поднимали на дыбу, чтобы узнать, кто именно изъ солдатъ это говорилъ, но онъ никого не назвалъ, и его сослали въ Оренбургъ. По возшествіи на престолъ Елизаветы, 5 декабря 1741 г., онъ былъ изъ ссылки возвращенъ.

Биронъ за день до его арестованія, разсказывая секретарю саксонскаго посольства Петцольду о неприличныхъ, по его мнѣнію, поступкахъ герцога брауншвейгскаго въ доказательство тому приводилъ между про-

чимъ то, что тотъ въ свой заговоръ вовлекалъ даже лакея шута Педрилло и одного русскаго танцовальнаго ученика *). Нарочно-ли такъ говорилъ Биронъ съ цѣлью болѣе унизить принца Антона Ульриха, или же дѣйствительно незналъ хорошенько дѣла о танцовальномъ ученикѣ, только этотъ съ другими лицами и, между ними, лакеемъ Педрилло былъ арестованъ вотъ по какому случаю: 23 октября 1740 года, сержантъ Барановскій взялъ въ домъ маіора Альбрехта изъ фельдшерской школы „для поправленія у маіора волосовъ“ фельдшерскаго ученика Кузьму Маленькаго. По словамъ Миниха **) и признанію самого Бирона, этотъ Альбрехтъ исполнялъ у послѣдняго должность шпіона въ народѣ, почему сержантъ Барановскій, бывшій въ этихъ дѣлахъ дѣятельнымъ пособникомъ, не замедлилъ на единѣ распрашивать фельдшерскаго ученика: „не слыхалъ-ли онъ отъ кого о присягахъ?“ Маленькой сталъ ему разсказывать, что 19 октября былъ онъ съ названнымъ своимъ братомъ, танцовальнымъ ученикомъ Павломъ Лукинымъ Карноуховымъ въ старомъ зимнемъ дворцѣ въ гостяхъ у лакея французскаго танцмейстера Ланди, Кирилы Степанова, у котораго въ то время прилучился и лакей Педрилло, Кузьма Петровъ. Въ разговорахъ между собою Карноуховъ разсказывалъ, что въ домѣ у государыни цесаревны состоялся указъ, чтобы никто дому ея высочества всякаго званія люди къ состоявшимся обѣимъ присягамъ не ходили и что отъ ея высочества посланы въ Цесарію два курьера, а кто именно и для чего незнаетъ. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что такія вѣсти вышли отъ одного изъ придворныхъ служителей цесаревны. Карноухова и Ма-

*) Hermann's Geschichte des russ. Staates, IV, S. 658.

**) Ebauche pour donner une idée sur la forme du gouvernement russe, p. 130.

ленькаго — за разглашеніе такихъ слуховъ, Степанова за недонесеніе о нихъ били батогами, также какъ и нѣсколькихъ другихъ, притянутыхъ къ дѣлу. Впрочемъ, по докладу о томъ Бирону, „его высочество регентъ россійской имперіи, разсуждая, что по тому дѣлу дальней важности не показалось, а явились токмо непристойные враки, того ради именемъ его императорскаго величества указалъ по вышеобъявленному дѣлу болѣе не слѣдовать“...

Изъ Петербурга, 26 ноября 1740 года.

Государь! Происшедшее здѣсь оправдываетъ мое мнѣніе, что при насиліи мѣры принудительныя не могутъ принести пользы на долго; что герцогъ курляндскій, давая полную волю своему честолюбію, только быстрѣе приближается къ своей погибели и что онъ не могъ и не можетъ надѣяться на осуществленіе своихъ ожиданій, какъ ни благопріятно для него стеченіе обстоятельствъ, если только онъ не съумѣетъ утвердиться на своемъ мѣстѣ въ продолженіи года. Вчера, въ два часа утра онъ былъ арестованъ. Болѣзнь гр. Остермана, которую я приписывалъ въ послѣдней депешѣ другимъ причинамъ, сильно, если я не ошибаюсь, способствовала къ лучшему сокрытію тайныхъ мѣръ, которыя онъ принималъ, показывая видъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ сообщенія. Такъ онъ поступалъ всегда, и вѣрный и смѣлый пріемъ, которымъ нанесенъ ударъ, можетъ быть только плодомъ и слѣдствіемъ политики и опытности гр. Остермана. Я полагаю также, что онъ, чтобы дѣйствовать на вѣрное, сообщилъ свою тайну принцессѣ Аннѣ только въ минуту, когда уже было нужно открыться, и что по той же причинѣ извѣстили о томъ Миниха только тогда, когда его

предпріимчивый характеръ дѣлалъ его необходимымъ для выполненія *).

Впрочемъ, есть слухъ, что принцесса Анна съумѣла притвориться и рѣшилась назначить гофмейстеромъ своего двора сына фельдмаршала Миниха единственно въ видахъ привлечь и овладѣть отцемъ. Предполагаютъ даже, что послѣдній, желая вступить въ министерство, встрѣтилъ затрудненія отъ герцога курляндскаго, что и заставило его отступиться отъ него. Говорятъ наконецъ, что фельдмаршалъ, прежде исполненія дѣла, просилъ только утвержденія принцессы Анны и дѣйствовалъ лишь съ ея согласія; но всѣ эти частности, или для приданія большей заслуги принцессѣ Аннѣ, или для оправданія фельдмаршала, истекали отъ той причины, которую я предполагаю.

Какъ бы то ни было, гр. Минихъ пѣшкомъ, въ мундирѣ, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, прибывъ въ лѣтній дворецъ, зашелъ сначала на гауптвахту, гдѣ находились войска въ караулѣ, какъ было это и при покойной царицѣ. Онъ спросилъ ихъ, знаютъ ли они его? и получилъ на то утвердительный отвѣтъ. — „Вамъ извѣстно, прибавилъ онъ, какъ много разъ я жертвовалъ собою за отечество, вы славно слѣдовали за мною. Хотите-ли еще разъ послужить для блага императора и уничтожить въ лицѣ регента вора, измѣнника и похитителя власти?“ И офицеры, и солдаты оказались готовыми на исполненіе его приказаній, и онъ выбралъ изъ нихъ двадцать человѣкъ, чтобы захватить герцога курляндскаго.

Послѣдній, заслышавъ шумъ, позвалъ было караульныхъ, но солдаты отвѣчали ему, что они-то и есть караульные, назначенные для его обереженія, но при-

*) Де-ла-Шетарди, говоря такимъ образомъ, ошибался: Биронъ своимъ паденіемъ обязанъ единственно одному Миниху, безъ участія Остермана.

шедшіе для арестованія его. Онъ хотѣлъ сначала сопротивляться и сильно укусилъ того, который накинулъ ему на ротъ платокъ. Это было только поводомъ къ тому, что съ нимъ стали обходиться еще хуже: ему разорвали рубашку; за неимѣніемъ веревокъ, связали офицерскими шарфами, и почти обнаженнаго, отвели изъ дворца на офицерскую гауптвахту при зимнемъ дворцѣ, гдѣ находился царь. — Арестовали также герцогиню курляндскую и ея трехъ дѣтей, не выводя однако ихъ изъ лѣтняго дворца.

Въ то же самое время, арестовали генерала Густава Бирона и кабинетъ министра Бестужева, которыхъ также отвели на гауптвахту зимняго дворца. Потомъ послали курьера въ Москву арестовать генерала Бирона, который тамъ командуетъ и есть старшій братъ герцога курляндскаго.

Около 9 часовъ утра, по сборѣ гвардейскихъ полковъ, принцесса Елизавета, знатные и гр. Остерманъ, оказавшійся менѣе хворымъ, были позваны во дворецъ, гдѣ происходило совѣщаніе, продолжавшееся до 5 часовъ. Вслѣдствіе рѣшенія, какъ видно, тамъ принятаго, герцога курляндскаго, нѣсколько ранѣе трехъ часовъ, посадили въ дормезъ (Schlaffwagen), запряженный придворными лошадьми, управляемый полицейскимъ служителемъ и почтальономъ въ царской ливреѣ и предшествуемый адъютантомъ фельдмаршала Миниха. Впереди и позади кареты размѣщены были гвардейскіе солдаты, съ примкнутыми къ ружьямъ штыками. На козлахъ кареты сидѣли также докторъ и два офицера, каждый съ двумя заряженными пистолетами. На герцогѣ курляндскомъ, сверхъ халата, надѣтъ былъ плащъ, подбитый гарностаемъ, который онъ носилъ обыкновенно. Уѣзжая, онъ взглянулъ на окно, гдѣ была принцесса Анна и принцъ брауншвейгскій. Шапка, которою была прикрыта его голова и часть лица, подала поводъ

черни къ крикамъ, приправленнымъ ругательствами, чтобы онъ раскрылся и былъ видимъ.

Почти одновременно, другіе дормезы взяли въ лѣтнемъ дворцѣ герцогиню курляндскую, ея дочь и принца Карла, младшаго сына. По случаю болѣзни старшаго, были принуждены перенести его въ домъ напротивъ того, который былъ занятъ лицами изъ герцогскаго двора; здѣсь также приставлена стража. Герцогиня, ея дочь и сынъ отправлены были тѣмъ же порядкомъ, какъ и герцогъ, въ александроневскій монастырь, въ 6 верстахъ отсюда. Здѣсь провели они ночь, и отсюда перевезены сегодняшнимъ утромъ въ шлюссельбургскую крѣпость.

Генералъ Бирон, упорно защищавшійся въ первыя минуты задержанія, вывезенъ, также какъ и Бестужевъ, нѣсколько времени спустя. Первый — въ дормезѣ, второй—въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ. Неизвѣстно, куда ихъ отправили. Принцъ гессенъ-гомбургскій сдѣланъ подполковникомъ измайловскаго полка на мѣсто генерала Бирона.

Все происшедшее тѣмъ болѣе кажется удивительнымъ, что принцъ брауншвейгскій наканунѣ сдѣлалъ визитъ герцогу курляндскому и, полчаса спустя, поѣхалъ въ его каретѣ въ герцогскій манежъ, гдѣ и оставался съ Бирономъ до полудня.

Посланники прусскій и императорскій не скрываютъ своей радости при этихъ событіяхъ. Послѣдній въ особенности льститъ себя надеждою, что эта перемѣна будетъ выгодна для его двора. Онъ тѣмъ болѣе считаетъ минуту счастливою, что тронутый выраженіями посланника вашего величества при полученіи извѣстія о смерти императора, онъ изъ признательности вовсе не скрылъ отъ меня, что курьеръ, посланный съ нотификаціею королевы венгерской, привезъ ему приказаніе заранѣе внушать, что если, противъ всякаго ожиданія, прагматическая санкція встрѣтитъ препятствія, то не сомнѣ-

ваются, что державы, гарантировавшія ее, исполнятъ принятыя ими на себя обязательства *).

Сегодня утромъ, въ 5 часовъ, гвардія собралась около зимняго дворца и возвратилась по квартирамъ только въ четыре часа по полудни. Какъ при превозглашеніи герцога курляндскаго регентомъ, гвардейцы своимъ молчаніе и сдержанностью выражали печаль и ужасъ, такъ теперь радость и удовольствіе свое они показывали громкими криками и бросаніемъ вверхъ шапокъ. Только-что присяга, согласно указу (о немъ я не рѣшился сообщить г. Амело по почтѣ), была произнесена принцессою Елизаветою и первыми чинами, каждый гвардейскій батальонъ составилъ кружокъ и также приведенъ къ присягѣ подъ знаменами. Въ силу этой формальности, принцесса Анна признана великою княгинею и правительницею на время малолѣтства своего сына. Потомъ это было возвѣщено народу тремя залпами крѣпостной артиллеріи, чего не было при превозглашеніи герцога курляндскаго.

Не бывало примѣра, чтобы дворъ былъ такъ многочисленъ и чтобы выражалось такое веселье на всѣхъ лицахъ, какъ сегодня. Это веселье увеличилось еще болѣе отъ наградъ. Принцъ брауншвейгскій сдѣланъ генералиссимусомъ; фельдмаршалъ Минихъ первымъ министромъ и подполковникомъ конной гвардіи на мѣсто наслѣднаго принца курляндскаго, графиня Минихъ первою дамою послѣ принцессъ, гр. Остерманъ, генералъ-адми-

*) Извѣстно, что подъ именемъ прагматической санкціи императоръ Карлъ VI издалъ постановленіе, въ силу котораго всѣ владѣнія австрійскаго дома, въ случаѣ неимѣнія наслѣдниковъ мужескаго пола, переходили къ старшей дочери Карла VI — Маріи Терезіи. Для большей прочности этого постановленія, императоръ обезпечилъ его гарантіею почти всѣхъ европейскихъ державъ, что однако не помѣшало возникнуть, тотчасъ же послѣ смерти этого государя, послѣдовавшей $^{11}/_{21}$ октября 1740 г., войнѣ за австрійское наслѣдство.

раломъ, не покидая впрочемъ прежнихъ званій, кн. Черкасскій, министръ кабинета, канцлеромъ, оберъ-гофмаршалъ получилъ пенсію изъ соляной суммы въ 16 т. экю. Роздано множество другихъ наградъ, менѣе значительныхъ. Наконецъ принцесса Анна пожаловала орденъ Андрея первозваннаго оберъ-шталмейстеру кн. Куракину, вице-адмиралу Головину, Нарышкину и генералу Ушакову; орденъ Александра Невскаго — президенту коммерцъ коллегіи барону Менгдену, племяннику фельдмаршала Миниха, и Стрешневу, сенатору и шурину гр. Остермана [19]).

Примѣчаніе.

[19]) Въ дополненіе этихъ извѣстій о наградахъ, вотъ наивный о томъ разсказъ Миниха-сына:

„Утромъ весьма рано (послѣ арестованія Бирона) приказалъ отецъ мой позвать къ себѣ меня, купно съ президентомъ барономъ Менгденомъ, и предложилъ, чтобы мы кого считаемъ достойнымъ къ пожалованію или къ награжденію, представили ему, и притомъ съ показаніемъ нашего мнѣнія, чѣмъ и какъ кто наилучше награжденъ быть можетъ. Мы исполнили сіе тутъ же; послѣ чего приказалъ онъ мнѣ взять перо и писать, что онъ мнѣ говорить станетъ. Первое было, чтобы ея высочество великая княгиня и регентша благоволила возложить на себя орденъ св. Андрея и второе генералъ-фельдмаршала гр. Миниха за оказанную имъ услугу пожаловать въ генералиссимы. Окончивъ сіе, представилъ я ему, что хотя онъ по всѣмъ правамъ и заслугамъ сего требовать можетъ, однако я думаю, что статься можетъ принцъ брауншвейгскій для себя оное готовитъ, почему и нужно бы было пристойнымъ образомъ о семъ у него развѣдать; въ каковомъ случаѣ со-

вѣтовалъ я отцу моему испросить себѣ титулъ перваго министра. На сіе онъ согласился и, оставя прежде упомянутое достоинство, избралъ для себя послѣднее. Послѣ сего спросилъ онъ меня и барона Менгдена, какъ же можетъ гр. Остерманъ надъ собою терпѣть перваго министра? Мы отвѣчали, что надлежало бы и ему назначить достоинство, которое съ высшимъ чиномъ сопряжено, нежели каковый онъ по сіе время имѣлъ. Отецъ мой вѣщалъ, что онъ вспомнилъ какъ гр. Остерманъ въ 1732 г., работая надъ новымъ положеніемъ для флота, намекалъ, что онъ охотно желалъ бы быть великимъ адмираломъ. Да кто же будетъ великимъ канцлеромъ, вопросилъ я? Видя, что на сіе отецъ мой ничего не отвѣчаетъ, сказалъ я, что хотя кн. Черкасскій за свои поступки больше наказанія, нежели награжденія заслуживаетъ, однако я думаю, что въ началѣ новаго правленія милосердіемъ и великодушіемъ скорѣе утвердиться можно, нежели чрезъ мѣру строгимъ изслѣдованіемъ и наказаніемъ уличенныхъ преступниковъ; что въ сходствіе того ея высочество великая княгиня не можетъ убѣдительнѣйшаго предъявить довода своего великодушія, какъ если упомянутаго князя Черкасскаго на вакантное великаго канцлера достоинство возвыситъ. Наконецъ, дабы знатнѣйшія достоинства оставались въ рукахъ паче у природныхъ россіанъ, нежели у иностранцевъ, то еще предложилъ я графа Михаила Головкина въ вице-канцлеры. Когда потомъ, какъ упомянутыя, такъ и другія къ повышенію и награжденію слѣдующія особы росписаны, то приказалъ мнѣ отецъ мой списать съ того росписанія копію, съѣздить во дворецъ и поднесть оное принцессѣ на утвержденіе. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, пріѣхалъ онъ и самъ и получилъ ея согласіе на всѣ изображенныя въ росписаніи статьи (Записки гр. Миниха, Моск., 1817 г., стр. 207—210)“.

Депеша маркиза де-ла-Шетарди изъ С.-Петербурга $\frac{26}{15}$ ноября 1740 года.

Милостивѣйшій государь! Разсказываютъ, что герцогъ курляндскій часто говаривалъ, что фельдмаршалъ Минихъ былъ только одинъ человѣкъ, котораго онъ долженъ опасаться и который способенъ нанести ему опасный ударъ. Припоминаютъ, что или по предчувствію, или отъ занятій, онъ всю субботу былъ погруженъ въ глубокую задумчивость и, ложась спать, чувствовалъ сильную дрожь. Это опасеніе кажется трудно объяснить при тѣхъ средствахъ власти, которыя были въ его рукахъ.

Увѣряютъ также — и въ подкрѣпленіе тому приводятъ насиліе, съ которымъ приказано засадить въ крѣпость 74 человѣка, наказать 11 по большей части офицеровъ кнутомъ — что регентъ ожидалъ только прибытія своего брата, командовавшаго въ Москвѣ и генерала Бисмарка, зятя своего, чтобы нанести рѣшительные удары, долженствовавшіе окончательно утвердить его владычество; что эти лица должны были получить званіе фельдмаршаловъ въ то самое время, когда арестуются фельдмаршалъ Минихъ, гр. Остерманъ, гр. Головкинъ и нѣсколько другихъ лицъ, значительныхъ по своему званію или происхожденію. Это должно было произойти во вторникъ или среду, чтобы лучше отпраздновать въ среду день рожденія регента. Наконецъ, открылось его намѣреніе выслать въ то же время принца брауншвейгскаго и принцессу Анну и взять на себя одного попеченіе о сохраненіи царя.

Тѣмъ менѣе можно сомнѣваться о послѣднемъ обстоятельствѣ, что оно было причиною слезъ, проливаемыхъ принцессою Анною и жалобъ, которыя передавала она въ субботу утромъ фельмаршалу Миниху, когда посы-

лала за нимъ. Она прибавила при этомъ, что не можетъ долѣе сносить тиранiи регента и охотно согласится покинуть Россiю, лишь бы только не разлучаться ей съ сыномъ. Минихъ, удивленный тѣмъ, что слышалъ, сначала выказался недовѣрчивымъ. Принцесса повторила ему, что у ней есть доказательства тому, что она говоритъ. Тогда Минихъ не колебался болѣе открыться. Онъ сказалъ, что если дѣло зашло такъ далеко, то благо государства заглушитъ въ немъ признательность, которою обязанъ герцогу; что ей стоитъ только приказать и объявить о своихъ намѣренiяхъ гвардейскимъ офицерамъ, которыхъ онъ призоветъ, и онъ беретъ на себя арестованiе герцога курляндскаго. Принцесса Анна, одобривъ такое усердiе, напомнила ему о судьбѣ собственнаго семейства, которое могъ погубить съ собою. Онъ возразилъ на это, что не можетъ быть рѣчи о семействѣ, когда дѣло идетъ о службѣ царю и спокойствiи государства. Тогда погибель герцога была рѣшена, и Минихъ, немедля, покинулъ принцессу, обѣдалъ у Бирона и оставался у него до семи часовъ вечера, вѣроятно, чтобы тѣмъ лучше прикрыть задуманное предпрiятiе.

Онъ зналъ, что герцогъ, нѣсколько дней предъ тѣмъ, отдалъ приказанiе карауду лѣтняго дворца у тѣла покойной императрицы стрѣлять по всякому отряду войскъ, большому или малому, если онъ появится отъ 10 часовъ вечера до пяти часовъ утра. Въ воскресенье, въ 2 часа ночи *), Минихъ сѣлъ въ карету съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ. Другой же долженъ былъ ѣхать передъ нимъ въ саняхъ и остановиться въ пятидесяти шагахъ отъ зимняго дворца, чтобы не подать знака прислугѣ, куда онъ пойдетъ **). Выйдя изъ кареты, Минихъ от-

*) Съ 8 на 9 ноября.

**) Одинъ адъютантъ былъ Манштейнъ, другой—Кенигсфельдъ.

правился къ принцессѣ Аннѣ, сказавъ адъютантамъ, что онъ хочетъ поговорить съ сыномъ, который, какъ гофмейстеръ принцессы, спалъ во дворцѣ. Караульный не хотѣлъ было впустить фельдмаршала, но этотъ спросилъ его, какого онъ полка, и когда услыхалъ, что преображенскаго, то сказалъ, „я освобождаю тебя отъ исполненія даннаго тебѣ приказа.“

Потомъ онъ объявилъ принцессѣ, что пойдетъ исполнить ея приказанія, если она теперь повторитъ ихъ. Она это сдѣлала. Минихъ попросилъ подтвердить то же въ присутствіи караульныхъ при царѣ офицеровъ. Она согласилась. Тѣхъ ввели, и принцесса объявила имъ свои желанія. Всѣ изъявили готовность ихъ исполнить. Она перецѣловала ихъ одного за другимъ, также какъ и Миниха.

Послѣдній тотчасъ сошелъ во дворъ, велѣлъ собрать караулъ и, взявъ изъ нихъ пятьдесятъ человѣкъ, повелъ пѣшкомъ; его каретѣ приказано ѣхать посреди отряда. На углу лѣтняго дворца караульный окликнулъ: кто идетъ? Минихъ подошелъ къ нему и приказалъ молчать, такъ какъ это принцесса Анна ѣдетъ къ герцогу Бирону. Онъ велѣлъ идти впередъ Манштейну, для предупрежденія съ своей стороны караульныхъ офицеровъ лѣтняго дворца, чтобы они вышли, потому что онъ имѣетъ нѣчто сообщить имъ. Фельдмаршалъ нашелъ уже ихъ на дворѣ и разсказалъ имъ о дурныхъ послѣдствіяхъ намѣреній герцога курляндскаго, и о волѣ принцессы Анны; при чемъ для большаго убѣжденія ихъ, позвалъ двухъ караульныхъ офицеровъ изъ зимняго дворца. Караулъ лѣтняго дворца выказалъ себя также расположеннымъ, какъ и первый [20]). Минихъ немедленно приказалъ вывести солдатъ въ оружіи. Въ то же время

Первый оставилъ записки о Россіи, о которыхъ здѣсь уже упоминалось нѣсколько разъ. Вскорѣ послѣ арестованія Бирона онъ получилъ въ командованіе полкъ и, сверхъ того, пожалованъ мызою.

Манштейнъ помѣстился съ отрядомъ изъ двадцати человѣкъ у покоя герцога и задержалъ его. Герцогиня курляндская и ея дѣти были арестованы въ то же время, съ запрещеніемъ выходить изъ занимаемыхъ ими комнатъ въ лѣтнемъ дворцѣ.

Какъ только фельдмаршалъ, остававшійся съ карауломъ, увидалъ, что герцога, прикрытаго, по неимѣнію платья, солдатскою шинелью, посадили въ карету, онъ отвелъ отрядъ въ зимній дворецъ, оставивъ въ каретѣ съ плѣнникомъ офицера и приказавъ Манштейну арестовать генерала Бирона, а другому своему адъютанту сдѣлать тоже съ Бестужевымъ.

Манштейнъ не могъ опасаться никакого затрудненія: для большей вѣрности онъ поставилъ десять человѣкъ у большихъ воротъ дома генерала Бирона и взошелъ съ другими десятью у малыхъ воротъ, выходившихъ на рѣку. Они были полураскрыты и на окликъ часоваго Манштейнъ отвѣчалъ, что идетъ по приказанію фельдмаршала. Караульный не сдѣлалъ никакой остановки, его однако, также какъ и другаго, который былъ на верху, схватили, угрожая смертью при малѣйшемъ шумѣ. Манштейнъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, достигъ до спальни Бирона, назвалъ его по имени и сказалъ, кто онъ такой. Генералъ, ничего не подозрѣвая, схватилъ его, говоря: „арестую васъ по повелѣнію императора.“ Манштейнъ оказалъ сопротивленіе, прибавивъ, что это тѣмъ болѣе неумѣстно, что регентъ уже подъ карауломъ въ зимнемъ дворцѣ. Бирон съ трудомъ повѣрилъ услышанному; однако, когда его въ томъ убѣдили, онъ просилъ дать ему время, чтобы одѣться, но въ этомъ было отказано, и Манштейнъ, завернувъ Бирона въ солдатскую шинель, отвезъ его въ своихъ саняхъ въ комнату зимняго дворца, отдѣльно отъ его брата. Бестужева привезли съ другой стороны и помѣ-

стили въ третью комнату, чѣмъ и было исполнено задуманное предпріятіе.

Тогда было около 6 часовъ утра. Фельдмаршалъ прежде всего отдалъ принцессѣ Аннѣ отчетъ объ успѣхѣ предпріятія, и она послала сказать гр. Остерману, чтобы онъ явился къ ней. Отвѣтъ его, надъ которымъ послѣ шутила сама принцесса, заставляетъ думать, что этотъ министръ не принималъ никакого участія въ замыслѣ. Онъ сначала извинялся своими болѣзнями, которыя не дозволяли ему исполнить волю принцессы, но гр. Минихъ, въ отвѣтъ ему на это, велѣлъ сказать чрезъ его шурина, генерала Стрешнева, очевидца тому, что герцогъ былъ въ караульнѣ, что есть признаки, которые заставятъ гр. Остермана сдѣлать надъ собою усиліе. Это было тотчасъ исполнено, и Остерманъ дѣйствительно не замедлилъ явиться во дворецъ.

Въ эти же дни были сдѣланы повышенія между военными и назначены нѣкоторыя награды. Нарышкинъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; баронъ Минихъ, братъ фельдмаршала, получилъ въ награду 100 т. ливровъ; Пушкинъ, камергеръ принцессы, сдѣланъ кавалеромъ при царѣ.

Гвардейскій семеновскій полкъ сдѣлалъ поступокъ, который приноситъ ему много чести: офицеры и солдаты всѣмъ полкомъ пришли умолять принцессу, чтобы она уговорила принца брауншвейгскаго снова командовать ими и принять званіе ихъ подполковника. Ту же просьбу повторили они и самому принцу. Тронутый этими знаками приверженности, послѣдній изъявилъ согласіе на такое ходатайство. Онъ не поддался внушеніямъ, которыя клонились къ тому, чтобы онъ, если ему угодно, взялъ въ свое распоряженіе конюшню герцога курляндскаго. Принцъ отказался, говоря, что ничего не хочетъ имѣть изъ того, что принадлежало герцогу.

Судя по наружности, сомнительно, чтобы дѣло Би-

рона и его приверженцевъ было кончено судебнымъ порядкомъ. Его старшій сынъ, котораго нездоровье продолжается повидимому слишкомъ долго, будетъ отправленъ къ своему отцу въ Шлюссельбургъ, но его предварительно лишатъ орденовъ: андреевскаго и польскаго бѣлаго орла. Въ тотъ же день такое же распоряженіе было сдѣлано относительно его брата и герцога курляндскаго, который независимо отъ того сохранилъ орденъ Александра невскаго. Герцогиня курляндская была лишена ордена св. Екатерины, который ей пожаловала царица во время празднованія заключенія мира. Герцогъ принужденъ былъ также отдать всѣ драгоцѣнности, которыя имѣлъ. Ихъ цѣнятъ въ 7 или 8 мильоновъ. Наконецъ, хотя для приготовленія стола имъ и дали повара и придворнаго офицера, однако ихъ издержки ограничены 25 ливрами въ сутки, что составляетъ по сту копѣекъ на каждое лицо.

Жена и дѣти Бестужева также арестованы и отвезены неизвѣстно куда. И его лишили орденовъ польскаго бѣлаго орла и Александра невскаго.

Генералъ Бисмаркъ, который ѣхалъ сюда вслѣдствіе полученнаго приказанія, арестованъ въ Нарвѣ и лишенъ должностей и ордена бѣлаго орла. Польскій король, курфирстъ саксонскій можетъ въ настоящую минуту располагать шестью лентами, если только справедливо, что Кейзерлингъ, русскій министръ въ Варшавѣ, долженъ быть арестованъ и судимъ, подобно другимъ *).

Домъ Бисмарка, нынѣ занимаемый прусскимъ посланникомъ, отданъ Миниху, а домъ старшаго брата генерала Бирона — сыну фельдмаршала.

---

*) Это извѣстіе не подтвердилось: Кейзерлингъ былъ только въ опалѣ при правительницѣ, почему на его мѣсто сначала было назначили гр. Зольмса, а потомъ поручили ему остаться въ Дрезденѣ вмѣстѣ съ Михаиломъ Бестужевымъ-Рюминымъ.

Полковникъ Нейбауръ (Neubaur), возвратившійся въ Дрезденъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и бывшій здѣсь, чтобы поздравить царицу послучаю мира съ Турціею (въ апрѣлѣ 1740 года), прибылъ опять въ тотъ самый день, когда арестовывали герцога курляндскаго *).

Кейзерлингъ, посланникъ брауншвейгскій, напротивъ уѣхалъ въ прошедшій четвергъ вечеромъ въ Вольфенбюттель, откуда, какъ предполагаютъ, скоро воротится.

Примѣчаніе.

[20]) Изъ этого описанія де-ла-Шетарди, сдѣланнаго недѣлю спустя послѣ событія и подтверждающагося почти дословно записками Миниха сына и Манштейна, писавшихъ гораздо послѣ, видно, что фельдмаршалъ Минихъ вовсе не скрывалъ о цѣли арестованія Бирона для чего нарочно приводилъ къ правительницѣ двухъ караульныхъ офицеровъ, и въ присутствіи ихъ, объявилъ потомъ о своемъ намѣреніи караулу при лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ тогда находился Биронъ. Между тѣмъ, по восшествіи на престолъ Елизаветы Миниха обвинили въ обманѣ караульныхъ, которыхъ будто бы онъ увѣрялъ, что арестуетъ Бирона, защищая Елизавету и ея племянника, герцога голштинскаго (Полн. собраніе законовъ т. XI, № 8506).

Вотъ, какъ изложено это обвиненіе въ экстрактѣ о винахъ Миниха: „бывшіе при арестованіи Бирона на караулѣ гренадеры объявили, что пришелъ-де оный фельдъмаршалъ къ караулу, говорилъ имъ: „хотите ли

*) Это тотъ самый Нейбауеръ, котораго любопытныя донесенія о русскомъ дворѣ помѣщены въ первый разъ у Германа въ его Geschichte des russischen Staates. Ср. выше стр. 8.

де вы государю служить — вѣдаете, что регентъ есть, отъ котораго государынѣ цесаревнѣ, племяннику ея, принцу Іоанну и родителемъ его есть утѣсненіе и надобно-де его взять"; и спрашивалъ ихъ: „ружье у васъ заряжено-ль?" на что они отвѣчали: „готовы государю съ радостью служить." И пошли, и взяли; а потомъ уже они, видя, что на другой день дѣло не туда пошло, руки опустили. И того ради оному Миниху представлены тѣхъ гренадеровъ девять человѣкъ, которые нынѣ въ лейбъ-компаніи ея императорскаго величества и сказали, что-де онъ, графъ Минихъ, имъ, тогда бывшимъ на караулѣ, именно предъ фрунтомъ о государынѣ императрицѣ Елизаветъ Петровнѣ и принцѣ голштинскомъ говорилъ. На что онъ, графъ Минихъ отвѣтствовалъ, что онъ такихъ рѣчей, какъ они объявляютъ, и какъ выше показано, не говаривалъ. И въ томъ обѣ стороны на очной ставкѣ на своихъ словахъ сначала утверждались; но потомъ, когда отъ нихъ, лейбъ-компаніи прапорщика, вахмистровъ и рядовыхъ, онъ, графъ Минихъ, въ томъ уличенъ сталъ, то онъ признался, говоря, что понеже онъ слабую имѣетъ память, яко же для того и объ отставкѣ отъ службы просилъ, то такія слова, какъ они показываютъ о государынѣ императрицѣ Елизаветъ Петровнѣ и о принцѣ голштинскомъ онъ тогда, какъ нынѣ припоминаетъ, говорилъ, и что въ томъ за своимъ безпамятствомъ прежде не признался, въ томъ признаваетъ себя винна и проситъ о милосердіи, а тѣ слова безъ сумнѣнія говорилъ для того, чтобъ тогда тѣхъ гренадеръ во исполненіе воли принцессы Анны тѣмъ больше анкуражировать."

„Что касается до Миниха, замѣчаетъ Манштейнъ (Mémoires sur la Russie, II, p. 188), то приняли предосторожность брать свидѣтелями противъ него солдатъ, бывшихъ при арестованіи Бирона, и остерегались очень спрашивать караульныхъ офицеровъ и его пер-

ваго адъютанта. Графъ, увидя, какимъ образомъ дѣйствуютъ, сказалъ генералъ-прокурору (кн. Никитѣ Трубецкому) писать самому отвѣты, которые отъ него желаютъ имѣть. На этомъ его поймали, и такъ-то составился обвинительный противъ Миниха актъ." 2 января 1741 г., слѣдовательно во время допросовъ Миниха, англійскій резидентъ Финчь писалъ: „одинъ изъ солдатъ, произведенныхъ въ поручики, утверждалъ, что фельдмаршалъ Минихъ сказалъ ему во время ночнаго нападенія на Бирона, что дѣло идетъ о возведеніи на престолъ Елизаветы. Минихъ отрицалъ всякой намекъ въ такомъ смыслѣ, и когда имъ была дана очная ставка, то поручикъ изъявилъ готовность быть наказаннымъ кнутомъ съ условіемъ, что если онъ удержится при прежнемъ показаніи, то чтобы въ свою очередь старый фельдмаршалъ былъ подвергнутъ той же пыткѣ. Чтобы не подвергаться такому унизительному наказанію, Минихъ подтвердилъ все, чего только отъ него хотѣли"... (La Cour de la Russie il y a cent ans, Berlin 1858, p.p. 92, 93).

4 марта. Россія.

(Не указано, кѣмъ написана эта записка.)

При настоящемъ положеніи дѣлъ, успѣхъ принцессы Елизаветы мнѣ кажется для интересовъ короля имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ тогда Россія будетъ внѣ возможности какимъ бы то ни было образомъ противодѣйствовать видамъ его величества касательно имперіи (римской), почему я считаю обязанностью изложить письменно нѣкоторыя соображенія о главныхъ причинахъ, которыя могутъ содѣйствовать помянутому успѣху. Я далекъ отъ мысли, чтобы Остерманъ могъ быть

полезенъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ онъ привязанъ къ интересамъ принцессы-правительницы и принца брауншвейгскаго, ея мужа; но многія обстоятельства разсѣеваютъ мои сомнѣнія относительно этого предмета. Остерманъ никогда не терпѣлъ совмѣстника въ главномъ управленіи дѣлами Россіи, а теперь онъ на мѣстѣ, далеко не на первомъ, и можетъ быть въ отчаяніи, видя фельдмаршала главнымъ министромъ. Въ послѣднемъ невозможно сомнѣваться, и должно думать, что Остерманъ въ настоящее время считаетъ себя обезчещеннымъ на весь міръ человѣкомъ, если не выйдетъ изъ этого положенія при помощи паденія фельдмаршала.

Можетъ статься, что онъ не видитъ никакой возможности достигнуть этого черезъ правительницу: необходимость заставитъ его, для нанесенія быстраго удара, обратиться къ другой сторонѣ, и хотя это было бы противъ его привязанности къ правительницѣ и ея мужу, тѣмъ не менѣе однако потребность удовлетворить своей страсти во что бы то ни стало, безъ сомнѣнія, побудитъ его пристать къ партіи принцессы Елизаветы. Успѣвъ въ томъ, онъ можетъ имѣть единственную цѣль, могущую польстить его самолюбію — это возвратить, дѣйствуя такимъ образомъ, свое значеніе, къ которому онъ привыкъ издавна.

Есть два средства, одинаково сильныя въ пользу Елизаветы: одно — религія, другое — отмщеніе оскорбленія, нанесеннаго духовенству при избраніи на царство Анны, тетки правительницы. Остерманъ велитъ внушить духовенству, что послѣдняя ни мало не православна, что мужъ ея лютеранинъ и иноземецъ и оба не упустятъ случая воспитать молодаго царя, ихъ сына, въ догматахъ, противныхъ господствующей въ странѣ вѣрѣ [21]). Какой поводъ къ волненію для народа суевѣрнаго, когда подобныя внушенія будутъ ему переданы

священниками, исповѣдниками! Что можетъ быть сильнѣе и способнѣе для возбужденія черни и солдатства! Дѣйствуя такимъ образомъ, духовенство будетъ думать, что оно защищаетъ собственное свое дѣло, и вотъ тому причина: въ собраніи чиновъ 1730 года, духовенство было исключено при избраніи на царство Анны, подъ предлогомъ, что оно себя унизило соучастіемъ въ возведеніи на престолъ, по кончинѣ Петра I, его супруги. Болѣе и не нужно ничего, чтобы возбудить ненависть духовенства противъ распоряженія царицы Анны въ пользу сына своей племянницы. Должно удивляться, что маркизъ де-ла-Шетарди не упомянулъ ничего объ участіи, которое можетъ принять духовенство въ дѣлѣ принцессы Елизаветы. Но если предполагать, что оно осуществится чрезъ посредство Швеціи, то возникаетъ опасеніе, что интересы короля ничего не выиграютъ, когда Остерманъ возвратитъ себѣ преобладающее вліяніе, которымъ онъ до сихъ поръ пользовался въ Россіи, почему и желательно, чтобы Швеція, за свое участіе въ пользу принцессы Елизаветы, требовала отъ послѣдней удаленія Остермана отъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что должно ожидать, что до тѣхъ поръ, пока этотъ министръ останется въ силѣ, не будетъ никакой надежды на то, чтобы Россія поддалась на какіе нибудь переговоры о соглашеніи со Швеціею.

Примѣчаніе.

[21]) Безъ внушеній духовенства, въ народѣ дѣйствительно смотрѣли нѣкоторые неблагопріятно на принца Іоанна. Вотъ примѣръ тому: 17 октября 1740 года, при адмиралтействѣ на полковомъ дворѣ прапорщикъ Горемыкинъ распоряжался о приводѣ къ присягѣ по случаю назначенія наслѣдника престола. Трое изъ со-

сланныхъ на работу Иванъ Ильинскій, Ларіонъ Агашковъ, Кириллъ Козловъ „потаенные раскольщики“ объявили, что они „къ той присягѣ нейдутъ, для того что та присяга учинена благовѣрному государю великому князю Іоанну, а онъ родился не отъ христіанской крови и не въ правовѣріи“... На формальномъ допросѣ Ильинскій пояснилъ, что „отецъ его высочества иноземецъ и въ церковь не ходитъ и св. иконамъ не покланяется, о чемъ онъ, Ильинскій, признаваетъ собою, что иноземцы послѣдуютъ отпадшей западной римской церкви“... Несмотря на истязанія, обвиненные съ самыхъ первыхъ минутъ до конца стояли на своемъ, не разнорѣчили и не отступались отъ первыхъ показаній. Ихъ сослали на вѣчно въ Рогервикъ въ каторжную работу.

Отъ де-ла-Шетарди, 21 февраля. / марта.

Остерманъ далъ балъ...

Этотъ обычай введенъ по случаю моего пріѣзда. Прежде иностранные министры были приглашаемы на обѣдъ во дворецъ съ лицами, къ нему принадлежащими, и тѣми, которыхъ приглашаютъ на этотъ случай; но тогда бы слѣдовало мнѣ занять за столомъ царицы мѣсто, которое герцогъ курляндскій не могъ оспаривать у посланника, а этого хотѣли избѣжать... Во Францію посланъ Понятовскій... Третьяго дня мнѣ выдавали за вѣрное, что этому министру, когда онъ стоялъ за стуломъ королевы (французской) послѣдняя сказала: „не думаете ли вы сдѣлать вашего короля Августа королемъ богемскимъ и предложить королю, моему родителю (Станиславу Лещинскому), возвратиться въ Польшу?“

Мнѣ говорили, что объ этомъ сообщено сюда отъ князя Кантемира...

Маркизъ Ботта *) говорилъ о возрастѣ царя и ручался, не объясняя впрочемъ причины, что никто изъ русскихъ, а тѣмъ менѣе изъ иностранцевъ не видалъ его и не увидитъ долго. Я однако знаю положительно, что маркизъ Ботта частно видитъ его. Эти люди, поступая такимъ образомъ, мало понимаютъ свои собственные интересы, даютъ поводъ къ толкамъ, и мѣру, столь не согласную съ введенными при всѣхъ европейскихъ дворахъ обычаями, трудно объяснить инымъ чѣмъ, кромѣ разсчитанной заранѣе предосторожности скрыть вѣрнѣе смерть царя, если бы онъ скончался, и лучше приготовить средства къ возведенію, въ такомъ случаѣ, на престолъ правительницы.

Что касается до принцессы Елизаветы, то она мнѣ сообщила, что она не безъ подозрѣній по этому предмету, а потому и ѣздитъ постоянно къ царю, для того чтобы ей не могли вовсе возбранить этого (pour qu'on ne lui en imposât point à ce sujet). Она еще продолжаетъ затрудняться дать письменное удостовѣреніе (la requisition), которое просилъ у ней Нолькенъ. Впрочемъ, я не знаю кто бы могъ быть человѣкъ, говорившій мнѣ съ такою довѣрчивостью объ интересахъ этой принцессы. Вы видѣли, милостивый государь, изъ моихъ предъидущихъ писемъ (этихъ писемъ нѣтъ въ тургеневскомъ сборникѣ депешъ), что всегда я только съ нею одною говорилъ, и осторожность моя въ этомъ случаѣ была такъ велика, что я избѣгалъ

*) Маркизъ Ботта, объ отъѣздѣ котораго изъ Петербурга въ іюлѣ 1740 г. говорено на стр. 103, въ началѣ 1741 г. былъ посланъ королевою венгерскою къ прусскому королю Фридриху II уговаривать, чтобы не начинать войны съ Австріею; однако маркизъ въ Берлинѣ ничего не сдѣлалъ, а потому пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ оказаніи со стороны Россіи помощи Маріи Терезіи.

бы выраженій ея довѣренности ко мнѣ, если бы тайна до сихъ поръ не оставалась постоянно только между нею, тѣмъ французомъ хирургомъ, отъ котораго она ничего не скрываетъ, Нолькеномъ и мною. Притомъ наша общая выгода состоитъ въ храненіи этой тайны.

Я сообщилъ Любрасу, что такъ какъ до возвращенія моего нарочнаго, не могу являться при дворѣ, то всякая со стороны моей вѣжливость въ отношеніи принцессы Елизаветы могла бы открыть и выставить меня, почему я рѣшился не видаться съ нею въ теченіи этого времени, отчего не потерпитъ нисколько то, съ чѣмъ согласуются требованія благоразумія. Принцесса уже знаетъ о причинахъ моей сдержанности, она одобрила ее и благодарила меня. Я передалъ ей черезъ хирурга, котораго видаю частнымъ образомъ изрѣдка, когда мнѣ за благоразсудится, увѣреніе въ расположеніи къ ней короля.

24 февраля.
7 марта.

Королева прусская прислала дѣвицѣ Менгденъ свой портретъ, украшенный брильянтами. Милость къ ней растетъ съ каждымъ днемъ и всегда даетъ право возбуждать удивленіе: она такова, что принцъ брауншвейгскій и Минихъ не считаютъ себя избавленными обходиться осторожно съ дѣвицею Менгденъ....

Тоже самое съ правительницею, и онъ (?) тѣмъ болѣе оплакиваетъ ея поведеніе, что съ одной стороны видитъ, что пристрастіе ея къ иностранцамъ гораздо сильнѣе того, которое было въ предъидущее царствованіе, а съ другой стороны замѣчаетъ броженіе умовъ внутри. По истинѣ онъ (?) незнаетъ что случится.

28 февраля.
11 марта.

Портретъ, полученный дѣвицею Менгденъ цѣнятъ въ 30 т. экю.:..

Этотъ (?) искалъ случая овладѣть гофмаршаломъ (le grand maréchal), гр. Минихомъ сыномъ и барономъ Менгденомъ, но они отказались и объявили правительницѣ о томъ, что было имъ предложено.

Довѣренность ко мнѣ принцессы Елизаветы не умаляется. Вчера я видѣлъ ея хирурга и поручилъ передать принцессѣ о расположеніи къ ней короля и о томъ, что она, довѣряясь его величеству, можетъ ожидать отъ него. Онъ чувствовалъ всю цѣну и силу такихъ увѣреній и передалъ мнѣ, что принцесса Елизавета не заслужила столь милостиваго расположенія и постарается сдѣлаться достойною его своими поступками и вниманіемъ, дѣйствуя на будущее время такъ, какъ только это угодно королю. Мы въ короткихъ словахъ вошли въ подробности о выгодѣ для принцессы пристать къ партіи, воспользоваться счастливымъ расположеніемъ, которое начинаетъ выказываться, и не дать русскимъ привыкнуть къ правительству, иначе они освоются съ нимъ тѣмъ легче, что рабство, въ которомъ ихъ держатъ, приведетъ ихъ къ тому [22]). Была также рѣчь о причинахъ, которыя заставляютъ прибѣгать къ предосторожности не допускать видѣть царя. Онъ меня увѣрилъ, что принцесса Елизавета такъ убѣждена въ видахъ, которые могутъ при этомъ имѣть, что не пропускаетъ случая ѣздить часто къ царю, и уже позаботилась о способахъ узнавать обо всемъ, что бы ни случилось съ нимъ. Онъ сообщилъ мнѣ, по этому случаю, что принцъ малъ не по возрасту: съ нѣкотораго времени въ немъ обнаружились признаки человѣка, у котораго съ-

ежились нервы; у него запоры съ самаго рожденія, и никакое лекарство не могло возбудить въ его организмѣ обыкновенныхъ отправленій. Хирургъ присовокупилъ, что царь долженъ неминуемо умереть при первомъ, немного значительномъ нездоровьи. Докторъ, хотя очень знающій, находится подъ властью правительницы, которая при пособіи совѣта, составленнаго изъ женщинъ, рѣшаетъ, что надобно и чего не надобно давать принцу. Наконецъ, онъ мнѣ передалъ, что правительница, бывши третьяго дня у Елизаветы, говорила ему, не входя въ подробности о происходившемъ, что я желалъ видѣть царя, и что она, на сколько было ей то возможно, выставила всѣ представляющіяся къ тому препятствія.

(Шетарди все пересылалъ Нолькену) исключая того, что казалось мнѣ (слова Шетарди) относящимся къ службѣ короля. Я ему сообщилъ также сегодня разговоръ мой съ Лестокомъ, и ему не мало польстило, когда онъ узналъ, что вы тѣмъ болѣе одобряете мой образъ дѣйствій съ нимъ заодно, что подтвердили мнѣ, на случай, если бы я этого не исполнялъ, поступать такимъ образомъ на будущее время, потому что Франція всегда чувствовала влеченіе къ Швеціи.

Наконецъ, вникая въ сущность желаній, которые можетъ имѣть оберъ-гофмаршалъ (Левенвольдъ) въ пользу принцессы Елизаветы, я присовокупилъ, что они были искренни, хотя и безсильны. Объясняясь такъ, я хотѣлъ сказать, какъ мало можетъ онъ быть полезенъ этой принцессѣ. Это человѣкъ уважаемый и ему приличествовало бы мѣсто, которое занимаетъ, когда бы онъ, зная обычаи большаго свѣта только по Петербургу, не былъ всегда въ затрудненіи предъ тѣми, кто видалъ на своемъ вѣку по болѣе его. Игра и женщины были и суть двѣ преобладающія въ немъ страсти. При всей привычкѣ къ рабству и при умѣ, мало расположенномъ къ тому, чтобы найти себѣ занятія, счастливыя природныя

наклонности побудили однако его искать случая оказывать услуги, и онъ избѣгалъ вмѣшиваться въ дѣла во время милости къ нему Екатерины, что ему вмѣнено въ заслугу, хотя это происходило отъ недостатка основательности. Склонность оказывать услуги доставила ему многихъ почитателей между своими соотечественниками. Наслажденія, которыми онъ пользуется, сдѣлали его эгоистомъ, и его помощь не можетъ быть никакъ полезна. Одному покойному оберъ-егермейстеру гр. Левенвольду должно приписывать усердіе къ вѣнскому двору, и онъ дѣйствительно его выказывалъ при всякомъ представлявшемся къ тому случаѣ.

Примѣчаніе.

[22]) Чтобы дать понятіе о приверженцахъ Елизаветы, ихъ надеждахъ и видахъ, помѣщаю здѣсь извѣстіе о случившемся съ однимъ изъ нихъ еще въ то время, когда только что вступила въ правленіе принцесса Анна.

Петръ Калачовъ служилъ съ 1702 года, сперва въ кадетахъ, потомъ въ разныхъ полкахъ, бывалъ во многихъ походахъ и баталіяхъ съ Петромъ Великимъ, также и за моремъ въ Голландіи, а въ 1736 г. отставленъ изъ азовскаго пѣхотнаго полка капитаномъ. Въ 1740 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ, и 16 ноября въ его квартирѣ сошлись двоюродный племянникъ, солдатъ преображенскаго полка Василій Кудаевъ и посадскій Василій Егуповъ. Калачовъ спрашивалъ перваго изъ нихъ: „что-де у васъ въ полку вѣстей и у васъ ли князь Трубецкой и Альбрехтъ?“ Кудаевъ отвѣчалъ, что по прежнему. Калачовъ, какъ онъ признался послѣ, „про вышеозначенныхъ князя

Трубецкаго и Альбрехта у того Кудаева спросилъ, что нѣтъ ли имъ по дѣлу регентову какой отмѣны, понеже-де прежде оный Кудаевъ сказывалъ ему, что бывшій регентъ къ Альбрехту былъ добръ, а Трубецкой поручика Аргамакова билъ тростью по щекамъ! (См. выше розыскъ Ханыкова и Аргамакова стр. 154 и сл.).“ Далѣе Калачовъ спросилъ Кудаева: „въ тайной канцеляріи никого нѣтъ вновь?“ „Не слыхалъ,“ отвѣчалъ тотъ. „Вѣдь Ханыковъ и прочіе были въ тайной канцеляріи подъ карауломъ не государынѣ цесаревнѣ Елизаветъ Петровнѣ въ наслѣдствѣ, но въ регентовѣ дѣлѣ.“ Кудаевъ: „Всѣ мы можемъ вѣдать и сердце повѣствуетъ, что государыня цесаревна въ согласіи его императорскаго величества любезнѣйшей матери, ея императорскому высочеству великой княгинѣ Аннѣ всея Россіи и съ любезнѣйшимъ его императорскаго величества отцемъ его высочествомъ герцогомъ брауншвейгъ-люнебургскимъ и со всѣмъ генералитетомъ.“ Калачовъ: „гдѣ тебѣ вѣдать эдакому молокососу? Пропала наша Россія! Чего ради государыня цесаревна насъ всѣхъ не развяжетъ? Всѣ объ этомъ гребтятъ. Незнаю, какъ видѣть государыню цесаревну, я бы обо всемъ ея высочеству донесъ, да не знаю какъ; не знаетъ ли онъ, Кудаевъ, какъ дойти?“ Кудаевъ отвѣчалъ, что не знаетъ, но прежде въ разговорахъ о регентѣ сказывалъ, что „весь преображенскій полкъ желалъ быть наслѣдницею государынѣ цесаревнѣ, а наша шестнадцатая рота вся желала-жъ, и я, Кудаевъ, въ томъ на смерть готовъ подписаться.“ Калачовъ продолжалъ: „я стану государынѣ цесаревнѣ говорить: что вы изволите дѣлать? Чего ради россійскій престолъ не приняла? Вся наша Россія раззорилась, что со стороны владѣютъ. Прикажи идти въ сенатъ и говорить, какъ наслѣдство сдѣлано и чего ради государыня цесаревна оставлена и чья она дочь? И ежели прикажетъ, то прямо побѣгу въ сенатъ и оныя рѣчи

говорить. И ежели меня пошлетъ государыня цесаревна въ сенатъ и велитъ говорить тѣ рѣчи — такъ ладно; а ежели не велитъ, то неужели руками выдастъ насъ? Ежели не выдастъ, то только про это будетъ насъ знать трое; а ежели выдастъ его руками, и онъ скажетъ ея высочеству, что-де мы будемъ судиться съ тобою на второмъ пришествіи.“ Егуповъ: „хорошо-де, какъ допущенъ будешь до ея высочества, а когда-де того не сдѣлается, то куда-де ты годишся? Знатно-де ея высочество сама желанія о томъ не имѣла.“ Калачовъ: „Инъ бы-де ея высочество о этомъ объявила, чтобы о томъ весь народъ былъ свѣдомъ, понеже-де о томъ съ нимъ, Калачовымъ, нѣкоторые и офицеры говорили... Мы незнаемъ, откуль владѣетъ нашимъ государствомъ и чья она дочь, его императорскаго величества (Іоанна III) любезнѣйшая матерь, великая княгиня Анна?“ Кудаевъ впослѣдствіи объяснялъ, что „объ ономъ-де онъ, Калачовъ, говорилъ, толкуя о родителѣ ея императорскаго высочества, его высочествѣ герцогѣ мекленбургъ-шверинскомъ въ той силѣ, что-де его высочество съ ея высочествомъ благовѣрною государынею царевною великою княжною Екатериною Ивановною (матерью правительницы Анны) жилъ не согласно, понеже-де онъ ея не любилъ, а она-де, государыня царевна, монаршеская дочь.“ Далѣе Калачовъ: „чего ради публично не сдѣлали, что-де еще крещенъ или нѣтъ его императорское величество? О томъ мы неизвѣстны. Такъ-де надобно сдѣлать, чтобъ всякъ видѣлъ, принести въ церковь соборную Петра и Павла да крестить. Такъ бы всякъ вѣдалъ, а то дѣлаютъ и Богъ знаетъ!“

Кудаевъ разсказывалъ, что племянникъ Елизаветы Петровны герцогъ голштинскій коронованъ въ Швеціи, что король (тамошній) Фридрихъ умре. Калачовъ на это: „тутъ-де бѣды ожидай! Небось къ нему много будетъ отъ насъ утеклецовъ: противъ его, внука госуда-

рева, кто будетъ драться?“ Кудаевъ сказывалъ Калачову, „что въ домѣ-де у государыни цесаревны живетъ сестры его, Кудаева, Степаниды преображенскаго полку гобоиста Петровой жены Калмыкова кума, и хотѣлъ-де онъ, Кудаевъ, къ той кумѣ сходить и навѣдаться, что государыня цесаревна изволитъ говорить, и онъ-де, Калачовъ, его, Кудаева, просилъ, чтобъ онъ той кумѣ поговорилъ: не можетъ ли она его, Калачова, представить предъ ея высочество, и Кудаевъ сказалъ: добро-де я о томъ ей поговорю.“ При распросѣ, Кудаевъ показывалъ: „объ означенномъ-де онъ говорилъ, обманывая онаго Калачова, не зная, что болѣе говорить. А сестрѣ де его, Кудаева, кума имѣется дому ея высочества государыни цесаревны пѣвчаго (имени, и отечества и прозвища его онъ не знаетъ) жена Палагея Васильева, токмо къ той-де Палагеи со онымъ Калачовымъ никогда онъ не хаживалъ.“

По приказанію правительницы Анны, Калачова разспрашивали съ пристрастіемъ въ застѣнкѣ, кто были его сообщники? У дыбы отставной капитанъ сказалъ, что ихъ у него никого нѣтъ. Его сослали на вѣчно въ Камчатку, Егупова—въ сибирскій городъ Кузнецкъ, а Кудаева за правый доносъ произвели въ сержанты и, сверхъ того, наградили 50-ю рублями. 4 декабря 1741 года, слѣдовательно черезъ 10 дней по воцареніи Елизаветы, Калачова велѣно было возвратить вмѣстѣ съ маіоромъ Иваномъ Бобровскимъ, капитаномъ Михалевскимъ и армяниномъ Григорьемъ Бристовщиковымъ, вѣроятно также попавшими въ ссылку за сочувствіе къ цесаревнѣ. Въ апрѣлѣ 1743 г., Калачовъ въ Петербургѣ въ тайной канцеляріи росписался въ полученіи возвращенной ему тамъ шпаги „ефесъ серебряной, при ней портупея.“ Въ 1756 г., Егуповъ просилъ вознагражденія за невинное претерпѣніе въ 1740 г., и сенатъ далъ ему мѣсто присяжнаго маклера въ Москвѣ.

Говоря о приверженцахъ Елизаветы, нельзя не привести словъ фельдмаршала Миниха (Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement russe, Copeng. pag. 154 et sq.): „Елизавета Петровна воспитывалась всегда окруженная офицерами и гвардейскими солдатами, и въ правленіе Бирона, а потомъ принцессы Анны, она ужасно заботилась обо всемъ, что имѣло отношеніе къ гвардіи. Не проходило почти ни одного дня, чтобы она не крестила ребенка, родившагося въ первыхъ полкахъ имперіи, и не угощала изобильно отцовъ и матерей, или же не оказывала бы какой нибудь милости гвардейскимъ солдатамъ, которые и не называли ее иначе, какъ матушкою. Такимъ-то образомъ составилась у ней въ гвардіи значительная партія, и не трудно было воспользоваться ею, чтобы достигнуть трона. Гвардейцы жили въ казармахъ, которые я велѣлъ построить. У принцессы Елизаветы былъ неподалеку отъ преображенскихъ казармъ домъ, извѣстный подъ именемъ Смольнаго. Здѣсь она часто проводила ночи, и здѣсь видали ее преображенскіе солдаты и офицеры. Правительница Анна знала объ этомъ, но считала все пустяками, нестоящими вниманія. Только при дворѣ говорили въ насмѣшку: у принцессы Елизаветы ассамблеи для преображенскихъ солдатъ.“

3 марта.
14 марта.

Легче успѣть съ фельдмаршаломъ Минихомъ, чѣмъ съ гр. Остерманомъ. Первый довольно охотно высказывается въ разговорѣ.

„Я думаю, г. посланникъ сильно скучаетъ? — „Довольно трудно, чтобы это было иначе, возразилъ Дискань (Diescan), никто его не видитъ и даже не при-

ближается къ дому.“ — „Это его вина, зачѣмъ было не принять аудіенціи и траура? онъ былъ бы въ сношеніяхъ со всѣми.“ — „У него карета вся обтянута сукномъ, отвѣчалъ Дисканъ.“ — „Г. Шетарди хочетъ видѣть царя, возразилъ Минихъ, а это не возможно; ребенокъ будетъ кричать и можетъ отъ того заболеть, и потомъ, въ какомъ положеніи онъ будетъ во время аудіенціи?“ ... „Кормилица его подержитъ на рукахъ, онъ будетъ кричать, дѣлать что ему угодно и аудіенція кончится“. — „Г. де-ла-Шетарди очень требователенъ“ ....

7 марта.

Правда, что упоминаемая вами особа не показываетъ себя послѣдовательною, и затрудненія ея уступить тому, что отъ нея требуютъ, убѣждаютъ скорѣе въ слабости, чѣмъ твердости ея; но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, чтобы это была жертва, которую она приноситъ только потому, что побуждающіе ее дѣйствовать ничего не выиграютъ. Тѣ, которые мнѣ помогали или которымъ пособлялъ я, съ первой минуты чувствовали, какъ и я, что въ этой странѣ нѣтъ ничего, чему бы можно было довѣрять и, на основаніи этого вѣрнаго убѣжденія, береглись писать даже о пустѣйшихъ предметахъ, которые для другихъ могли бы служить доказательствомъ тому, чего вы опасаетесь. Я съ Нолькеномъ не менѣе имѣлъ подозрѣній, но они преимущественно относились къ тому, что по видимому откладывали рѣшиться только въ надеждѣ успѣть собственными средствами, не прибѣгая къ заключенію обязательствъ внѣ *). Какъ только составитель посланій

*) Здѣсь идетъ рѣчь конечно о томъ, чтобы Елизавету заста-

(faiseur des messages), теперь больной, выздоровитъ, то я надѣюсь, что заставлю его высказаться наконецъ рѣшительнымъ образомъ.

Надменность фельдмаршала Миниха, безъ сомнѣнія, начала надоѣдать принцу брауншвейгскому. Графъ Остерманъ съумѣлъ воспользоваться минутою, когда этотъ принцъ былъ у него и возбудилъ въ немъ неудовольствіе. Отсюда вышло такъ, что принцъ, воображая удовлетворять собственному враждебному чувству, служилъ здѣсь только другимъ и одинъ велъ всѣ переговоры. Въ понедѣльникъ вечеромъ онъ заперся на часъ съ гр. Головкинымъ и вышелъ отъ него съ того же задняго крыльца, по которому и вошелъ. Потомъ онъ отправился къ Остерману, куда незамедлилъ явиться и гр. Головкинъ.

Совѣщаніе длилось три часа, и на немъ-то принято было окончательное рѣшеніе, обнаружившееся на другой день. Принцъ брауншвейгскій, не слишкомъ дорожа собою, сдѣлалъ болѣе. Секретаря фельдмаршала подозрѣвали, что онъ, по соглашенію съ своимъ начальникомъ, обложилъ дорогою пошлиною всѣ представляемыя къ послѣднему просьбы. Принцъ, чтобы имѣть въ рукахъ доказательства, велѣлъ сказать нѣкоторымъ просителямъ, что онъ можетъ ссудить ихъ тѣмъ, что на нихъ наложутъ и что въ деньгахъ, на удовлетвореніе требуемаго съ нихъ, недостатка не будетъ. Просители, можетъ быть къ счастью и для себя, и для другихъ, побоялись быть замѣшанными въ дѣло, въ которомъ были бы жертвами, и благородно отказались отъ подобныхъ предложеній. Такія попытки имѣли лишь цѣлью побѣдить въ

вить дать письменное требованіе о помощи со стороны Швеціи, съ обѣщаніемъ уступки въ пользу ея областей, доставшихся Россіи по ништадтскому миру. Елизавета и ея сторонники надѣялись, что она успѣетъ достигнуть престола и безъ заключенія такихъ условій съ Швеціею.

правительницѣ чувство признательности, отъ котораго, какъ полагаютъ, она съ трудомъ могла освободиться. Однако, когда правительница стала казаться затрудненною множествомъ предметовъ, представляемыхъ фельдмаршаломъ, когда дѣлала видъ, что не имѣетъ времени его выслушивать, если являлся онъ съ какими нибудь докладами, или посылала къ нему въ помощь принца брауншвейгскаго, наконецъ когда отдавала о дѣлахъ отчетъ этому принцу — тогда первый министръ почувствовалъ, что онъ проигрывалъ поле и что одна только отставка могла спасти его отъ катастрофы. Точно-ли эти обстоятельства, или другія превозмогли, только утверждаютъ положительно, что фельдмаршалъ три раза просился въ отставку. Говорятъ, что правительница сказала передъ нѣсколькими особами, что генералъ нѣсколько разъ ходатайствовалъ объ отставкѣ, и она тѣмъ болѣе считала себя обязанною на то согласиться, что стало быть онъ, рѣшившись на такой поступокъ, не былъ доволенъ, а она не въ состояніи сдѣлать для него болѣе, почему сочла лучше разстаться приличнымъ образомъ, чѣмъ ожидать, чтобы это сдѣлать иначе. Оберъ гофмаршалу и молодому гр. Миниху было поручено объявить въ среду министру, что онъ получаетъ желаемую имъ отставку. Кажется этому обстоятельству хотѣли придать всевозможную гласность: въ тотъ же самый день было послано во всѣ департаменты, бывшіе въ завѣдываніи Миниха, чтобы его не признавать тамъ болѣе за начальника, а на другое утро объявляли на всѣхъ перекресткахъ съ барабаннымъ боемъ, что фельдмаршалъ Минихъ, по преклоннымъ лѣтамъ своимъ (ему только 56 лѣтъ) и разстроенному здоровью, согласно прошенію, уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Было сообщено и иностраннымъ министрамъ съ тѣмъ, чтобы отнынѣ они обращались, по прежнему, къ министрамъ кабинета. Оставшіяся послѣ Миниха должности весьма

значительны — онъ оставляетъ вакантными мѣста: перваго министра, которое не будетъ замѣщено; фельдмаршала, директора инженерной части, директора ладожскаго канала, директора украинской милиціи, президента военной коллегіи, директора кадетскаго корпуса, подполковника преображенскаго полка, полковника пѣхотнаго полка (colonel d'un régiment d'infanterie?) и полковника же кирасирскаго полка.

Ботта не можетъ скрыть своей радости отъ происшедшихъ здѣсь перемѣнъ; онъ всю ее высказалъ, говоря мнѣ третьяго дня: „наконецъ-то принцъ брауншвейгскій въ настоящемъ положеніи, въ которомъ долженъ быть!“ Онъ правъ, думая такъ, потому что въ Минихѣ всегда встрѣтилъ бы мало сочувствія къ вѣнскому двору и много предубѣжденія, судя потому, что онъ самъ мнѣ говорилъ, что для отклоненія всякаго предлога къ вооруженному вмѣшательству, дѣло о Силезіи можетъ устроиться при помощи переговоровъ [23]). Ботта будетъ отнынѣ трактовать съ графомъ Остерманомъ, который, по признанію барона Мардефельда, пересталъ въ этомъ случаѣ быть другомъ Пруссіи и сдѣлался австрійцемъ на томъ основаніи, что слѣдуетъ быть осторожнымъ съ такимъ предпріимчивымъ государемъ, какъ его величество прусскій, и что малѣйшее раздробленіе владѣній австрійскаго дома нанесетъ ударъ общественному спокойствію. Ботта пользуется еще тою выгодою, что Головкинъ, человѣкъ трусливый, посредственнаго ума и никогда ничего не видавшій, однако уважаемый въ народѣ, могущественный по своему огромному состоянію и слѣпо преданный вѣнскому двору, самъ впрочемъ не зная почему, предпочелъ злобѣ, которую онъ издавна питалъ къ Остерману, зависть противъ фельдмаршала и сблизился съ первымъ. Этотъ съумѣетъ сдѣлать изъ того употребленіе и воспользоваться старинnымъ вліяніемъ госпожи Головкиной (рожденной Ро-

мадановской) у правительницы; сойтись же съ Головкинымъ тѣмъ легче, что въ томъ навѣрное можно успѣть, когда будешь льстить его чувствамъ ненависти ко всѣмъ иноземцамъ, и въ особенности (также безъ всякой причины) къ французамъ. Ботту не неизвѣстно также нѣжное пристрастіе, чувствуемое съ давнихъ временъ Остерманомъ къ принцу брауншвейгскому, и онъ слишкомъ опытенъ, чтобы не чувствовать, сколько стеченіе настоящихъ обстоятельствъ упрочиваетъ болѣе, чѣмъ когда либо, вліяніе вѣнскаго двора на здѣшнія дѣла.

Съ другой стороны, Остерманъ никогда не былъ такъ великъ и могущественъ, какъ теперь. Можно, нисколько не преувеличивая, сказать, что онъ теперь настоящій государь всей Россіи. Правда, что въ послѣдніе годы царствованія Петра I, онъ одинъ пользовался довѣренностью его, но ему приходилось имѣть дѣло съ государемъ полновластнымъ, привыкшимъ все дѣлать, все видѣть самому. Въ царствованіе Екатерины онъ ужасно терпѣлъ отъ кн. Меншикова; ему должно было остерегаться гр. Левенвольда, тогдашняго оберъ гофмаршала. При Петрѣ II, съ нимъ очень дурно обходились Долгорукіе; во времена покойной царицы съ нимъ еще хуже поступалъ герцогъ курляндскій. Теперь онъ имѣетъ дѣло съ принцомъ и принцессою, которые по своимъ лѣтамъ и по тому положенію, въ которомъ ихъ держали, не могутъ имѣть никакой опытности, никакихъ свѣдѣній. Они молоды и потому удовлетворятся внѣшностью, и ее-то Остерманъ постарается сохранить, предоставя себѣ верховную власть.

Примѣчаніе.

[23]) Фридрихъ II (Histoire de mon temps, p. p. 73, 74, 86) пишетъ: „Биронъ былъ арестованъ, потомъ

сосланъ въ Сибирь, а принцесса мекленбургская овладѣла правленіемъ. Такая перемѣна казалась благопріятною для Пруссіи, потому что Бирономъ, врагъ ея, былъ изгнанъ, а мужъ правительницы — Антонъ брауншвейгскій приходился шуриномъ королю (т. е. Фридриху II, писавшему о себѣ въ третьемъ лицѣ). Мекленбургская принцесса соединяла съ умомъ всѣ капризы и всѣ недостатки дурно воспитанной женщины; мужъ ея — слабый и ограниченный — имѣлъ только одно достоинство — врожденную неустрашимость. Минихъ, виновникъ ихъ возвышенія, настоящій герой Россіи, былъ въ то время облеченъ всею государственною властью. Пользуясь этимъ переворотомъ, король послалъ барона Винтерфильда будто бы поздравить принца брауншвейгскаго и его супругу съ счастливымъ окончаніемъ этого событія. Настоящая же причина, тайная цѣль этой поѣздки заключалась въ привлеченіи на сторону Пруссіи Миниха, тестя Винтерфильда*)... Между тѣмъ, польскій король отправилъ въ Петербургъ красиваго графа Линара. Этотъ министръ нравился принцессѣ мекленбургской, правительницѣ Россіи, и какъ сердечныя страсти берутъ верхъ надъ внушеніями разсудка, то правительница Анна скоро вступила въ союзъ съ польскимъ королемъ. Эта страсть для Пруссіи могла столько же сдѣлаться плачевною, сколько для Трои любовь прекрасной Елены къ Парису“...

Манштейнъ, разсказывая о прибытіи и домогательствахъ Винтерфильда, замѣчаетъ притомъ (Mémoires sur la Russie, II, 118, 119): „госпожа Минихъ получила отъ прусскаго короля перстень съ брильянтомъ,

---

*) Винтерфильдъ былъ женатъ на дочери второй жены Миниха отъ перваго ея брака съ барономъ Мальцаномъ. Во второмъ бракѣ графиня Минихъ была за Михаиломъ Алексѣевичемъ Стрешневымъ, а въ третьемъ за Минихомъ (Geneal. Historische Nachrichten, XLVIII, S. 1106).

цѣненнымъ въ 6 т. рублей, сынъ фельдмаршала получилъ 15 т. экю наличными деньгами и владѣніе имѣніемъ Бигенъ въ Брандебургіи. Король Фридрихъ его сначала далъ князю Меншикову; послѣ него оно попало въ руки герцога курляндскаго, а когда онъ палъ, король наградилъ имъ графа Миниха"...

„Я, пишетъ самъ фельдмаршалъ Минихъ (Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement russe, p.p. 143, 148) сначала старался (по изложеніи Бирона) возобновить оборонительный трактатъ съ прусскимъ королемъ, и, вслѣдствіе моихъ домогательствъ, было договорено выставлять взаимно въ помощь не 6 т. человѣкъ, какъ было въ прежнемъ трактатѣ, а 12 т. войска. Но этотъ договоръ, хотя ратификованный и размѣненный министрами обоихъ дворовъ, не продолжался долго. Въ Дрезденѣ скоро составили другой, и дворы вѣнскій и саксонскій, согласившись вести войну противъ Пруссіи, старались склонить къ тому же и русскихъ. Принцъ брауншвейгскій, гр. Остерманъ, канцлеръ кн. Черкасскій и вице-канцлеръ графъ Головкинъ, управляемые маркизомъ Ботта и графомъ Линаромъ, не только воспротивились трактату съ Пруссіею, но и убѣдили правительницу вступить въ союзъ съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами и двинуть русскія войска изъ Риги для нападенія на прусскаго короля со стороны королевской Пруссіи... Принцесса Анна, подъ вліяніемъ графа Линара и маркиза Ботта, встрѣтила противодѣйствіе только во мнѣ, почему разсердилась и сказала съ гнѣвомъ: „вы всегда за короля прусскаго! Я увѣрена, что какъ только мы двинемъ войска, то прусскій король отзоветъ свои изъ Силезіи." Съ этого дня великая княгиня стала принимать меня дурно, и какъ я не могъ помѣшать тому, чтобы войска не были двинуты къ Ригѣ, то и просилъ отставки, которая и была дана мнѣ съ неудовольствіемъ. Я удалился

въ Гостилицы. Впрочемъ нѣсколько дней спустя дурное расположеніе принцессы разсѣялось; она мнѣ назначила пенсію въ 15 т. р. и дала караулъ отъ преображенскаго полка при моемъ домѣ“...

Шетарди къ Сентъ-Северину, 9 марта.

Г. Бестужевъ*) можетъ считать искренними увѣренія, данныя ему отъ его двора. О немъ думаютъ такъ, какъ онъ того естественно желаетъ. Его братъ переведенъ сюда въ крѣпость, чтобы легче было его допрашивать. Трудно сказать теперь, здѣсь ли онъ еще, или возвращенъ въ Нарву, или же переведенъ въ Шлюссельбургъ. Каждый увѣренъ въ его невинности: все его преступленіе заключается въ томъ, что онъ уступилъ потоку, которому, какъ и всякой другой, онъ не могъ противиться. Полагаютъ, что съ нимъ не обойдутся дурно, и что можетъ быть онъ получитъ даже свободу. Нѣсколько дней тому назадъ, дѣла измѣнились, и кажется, что не смотря на состраданіе, которое всегда выказывала правительница, составленная комиссія склоняется къ строгостямъ и предварительной процедурѣ (т. е. пыткѣ), которая въ глазахъ каждаго, знающаго цѣну человѣчеству, кажется слишкомъ распространенною въ Петербургѣ.

20 марта, Версаль. Къ маркизу де-ла-Шетарди.

Меня очень безпокоитъ, милостивый государь, молчаніе принцессы Елизаветы. Нолькенъ въ такомъ же

*) Бестужевъ-Рюминъ Михаилъ — русскій министръ въ Стокгольмѣ.

безпокойствѣ и опасается, чтобы не было все открыто. Онъ сообщилъ, что повѣренный, съ которымъ велъ переговоры, и явился на три, ему назначенныя свиданія, и что недавно..... (пропускъ въ рукописи). Скажу вамъ, что у меня есть нѣкоторое подозрѣніе: обращеніе съ вами не было ли слѣдствіемъ открытія заговора принцессы Елизаветы, и я удивленъ, видя, что генералъ Ушаковъ былъ изъ числа отвѣтившихъ на ваше приглашеніе большею невѣжливостью... А между тѣмъ принцесса вамъ говорила о довѣренности своей къ этому генералу, котораго она считала даже расположеннымъ стать въ главѣ ея партіи.

Извлеченіе изъ письма къ гр. Северину, приложенное къ депешѣ маркиза Шетарди 21 марта 1741 г.

Единственный способъ примирить вопросъ о чести (point d'honneur), который справедливо заставляетъ Швецію быть зачинщицею, заключался въ томъ, чтобы русскій дворъ оправдалъ нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ моего прибытія, и желаніе откровенно высказаться со мною. Онъ этого не сдѣлалъ, и нынѣ сочтетъ еще менѣе приличнымъ поступить такимъ образомъ. Гордость Россіи, хотя и неумѣстная, будетъ всегда отдалять ее отъ цѣли, достиженія которой должно—когда была бы благоразумна—желать ей. Такимъ образомъ я согласенъ съ вами, что безполезно думать о переговорахъ. Казалось бы отнынѣ, особенно принимая во вниманіе взглядъ на паденіе Бирона, взглядъ, о которомъ по нѣкоторымъ причинамъ его эминенція объяснился съ гр. Тессиномъ (шведскимъ посланникомъ въ Парижѣ),—г. Нолькенъ не скрылъ отъ

меня о полученномъ имъ отъ гр. Гилленборга *) приказаніи сообщить мнѣ о томъ, — казалось бы, говорю я, приличнымъ остановиться на войнѣ(qu'il convient de se fixer à un parti de vigeur), къ чему довольно расположены, судя по тому, что вы мнѣ сообщили въ первомъ письмѣ, на которое вамъ отвѣчаю. Равнымъ образомъ я нахожу во второмъ письмѣ, что къ тому же клонятся всѣ мѣры тайнаго комитета **). Узнаю наконецъ изъ третьяго, что послѣдствія согласуются съ тѣмъ, что доказывается приказаніями, посланными генералу Буденброку ***). Это послѣднее обстоятельство уже извѣстно здѣсь; его приписываютъ, впрочемъ, воображаемому безпокойству, которымъ будто бы объятъ генералъ Буденброкъ, и до сихъ поръ убѣждены, что онъ самъ испрашивалъ о дозволеніи собрать ввѣренный ему корпусъ войскъ. Это счастье, что дѣла начинаютъ принимать желаемый видъ. Рѣшительное слово (l'articulation expresse), котораго предполагаю я требовать отъ принцессы Елизаветы, для большаго охраненія и облегченія Швеціи, очень за-

---

*) Графъ Гилленборгъ, съ 1738 г. президентъ канцеляріи и управляющій иностранными дѣлами въ Швеціи, занялъ мѣсто Горна, противившагося войнѣ Швеціи съ Россіею, и былъ совершенно преданъ французскому правительству, которое тогда пользовалось огромнымъ вліяніемъ на шведскія дѣла.

**) Послѣ смерти Карла XII въ Швеціи правленіе сосредоточивалось въ рукахъ сейма, который собирался чрезъ каждые три года. По избраніи маршала, тамъ приступали къ выбору членовъ тайнаго комитета. Онъ состоялъ изъ ста человѣкъ—50 дворянъ, 25 духовныхъ и 25 лицъ изъ средняго сословія; крестьяне, стало быть, не имѣли тамъ представителей. Верховная власть была въ рукахъ этого комитета: онъ издавалъ и отмѣнялъ законы, объявлялъ войну, заключалъ миръ и проч.

***) Шведы, чтобы показать Россіи свое нерасположеніе, послали въ концѣ 1739 г. войска въ Финляндію подъ предлогомъ исправленія пришедшихъ тамъ въ упадокъ укрѣпленій. Генералъ баронъ Буденброкъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ подстрекателей къ войнѣ съ Россіею, въ 1741 г. былъ отправленъ въ Финляндію для приготовленій на мѣстѣ къ компаніи. Этотъ Буденброкъ былъ казненъ потомъ въ Стокгольмѣ, когда шведы потерпѣли рѣшительное пораженіе отъ русскихъ въ Финляндіи.

трудняетъ Нолькена и меня. Намъ бы не хотѣлось устрашать эту принцессу домогательствами, которыя покажутся ей такого свойства, что она не будетъ въ состояніи ихъ выполнить, а мы можемъ только по догадкамъ судить о тѣхъ предметахъ, которые были бы болѣе пригодны Швеціи (des objets qui seraient le plus à la bienséance de la Suède). Можетъ быть вамъ покажется, что перемѣна, происшедшая съ Минихомъ, уничтожаетъ противорѣчія, о которыхъ я вамъ представлялъ. По крайней мѣрѣ вѣрно, что австрійскій домъ не имѣетъ болѣе надобности бороться противъ мало благопріятнаго расположенія къ нему этого генерала; что прусскій король теряетъ въ послѣднемъ усерднаго приверженца; что вліяніе вѣнскаго двора на петербургскій будетъ отнынѣ такъ сильно, какъ никогда не бывало этого прежде; что предполагаютъ, что первый изъ нихъ, для распоряженія Россіею по своему произволу, смотря по обстоятельствамъ, увидитъ съ удовольствіемъ слабость Швеціи, которая не будетъ въ состояніи озабочивать и развлекать Россіи; что гр. Остерманъ нынѣ болѣе властелинъ и всемогущъ, чѣмъ когда либо; что независимо отъ его приверженности къ вѣнскому двору, онъ въ ништадтскомъ трактатѣ обожаетъ свое созданіе и захочетъ, для поддержанія его, заградить Швеціи все, что могло бы возвысить значеніе ея; что чѣмъ болѣе подобная, легкая система укрѣпится, тѣмъ труднѣе будетъ ее искоренить и уберечься отъ нея. Я охотно заключаю изъ этого, что никогда не было такъ нужно для Швеціи нанести рѣшительный ударъ; всякая минута драгоцѣнна, чтобы не потерять ее; благоразумно предупреждая зло, можно поспѣшить извлечь болѣе выгодъ изъ внутренняго волненія и извѣстнаго расположенія (въ Россіи къ Елизаветѣ); но не должно и думать о началѣ дѣла нынѣшнимъ лѣтомъ, развѣ только будутъ значительныя силы, и такія ка-

кихъ надобно, чтобы ожидать себѣ морально счастливаго успѣха. Всѣ другія мѣры могутъ только компрометировать Швецію, выказать нерасположеніе, ничѣмъ не поддержанное въ дѣйствительности, и усилить предосторожности, которыя здѣсь, впрочемъ, расположены принять противъ меня.

Извлеченіе изъ письма де-ла-Шетарди къ г. Лемеру (Le Maire*) отъ 20 марта, приложенное къ депешѣ перваго отъ 21 марта 1741 г.

Ошибочно представляютъ себѣ страшилищемъ московское государство. Не потому, чтобы я былъ въ ослѣпленіи на счетъ его положенія, силы, которую оно можетъ выставить въ оборонительномъ положеніи, легкости и дешевизны припасовъ, которые оно въ состояніи пріобрѣсть и отыскивать въ себѣ самой, но я твердо убѣжденъ, что соединенный датско-шведскій флотъ, отрѣзавъ (en masquant) русскій, помѣшаетъ безъ затрудненія выдти ему изъ портовъ, и слѣдовательно шведскія берега будутъ въ безопасности отъ высадокъ, которыя такъ много причинили вреда въ послѣднюю войну. Шведы, при помощи субсидій, могутъ дѣйствовать съ успѣхомъ со стороны Выборга, особенно если Данія согласится сдѣлать диверсію небольшимъ корпусомъ войскъ въ Эстоніи. Этотъ одинъ планъ, будьте увѣрены, быстро смиритъ надменность и жестокость этихъ людей. Порукой въ томъ ихъ характеръ и политика. За исключеніемъ нѣкоторыхъ госу-

---

*) Ле-Меръ, аббатъ, былъ французскимъ министромъ при Копенгагенскомъ дворѣ (Histoire de la diplomatie française par Flassan, V, p.p. 165, 302).

дарствъ, съ которыми не желаютъ столкновеній, они въ опьяненіи отъ своего величія, которое только въ томъ и состоитъ, что не можетъ весь свѣтъ явиться къ нимъ, а они хотятъ предписывать законы всей Европѣ. При малѣйшемъ пораженіи, они перейдутъ также быстро изъ одной крайности въ другую и будутъ уважать чрезмѣрно другихъ.

Къ этимъ доводамъ, которые одни заставляютъ исчезнуть страшилище, прибавьте, что можно безъ затрудненій быть увѣреннымъ въ диверсіи со стороны турокъ, которые могутъ это сдѣлать, не объявляя войны; что прусскій король, какъ только представится ему возможность, не будетъ въ состояніи не признать своихъ интересовъ; что онъ можетъ возвыситься, именно признавая свое королевство сѣверною державою, и что, по сознанію самого министра его, нерасположеніе, выказываемое русскимъ дворомъ его королю, облегчаетъ послѣднему возможность при случаѣ произвести движеніе.

Во всякомъ случаѣ, если дѣла противъ моего ожиданія поведутся путемъ переговоровъ, то не будетъ справедливо замѣшивать сюда Данію, такъ какъ датскій министръ въ Берлинѣ объявилъ, что за исключеніемъ 6 тысячъ человѣкъ, которые его государь имѣетъ послать англійскому королю, онъ охотно предложитъ свои услуги для поддержки прагматической санкціи, и я знаю одно лицо, которому этотъ дворъ (?) выразилъ свое изумленіе отъ такого объявленія. Имѣя въ виду совершенно противоположныя увѣренія, сдѣланныя здѣсь г. Баковымъ *), всего будетъ лучше, когда находящійся въ Петербургѣ датскій министръ сохранитъ тѣ же пріемы, которые онъ употреблялъ до сихъ поръ для разу-

*) Баронъ Баковъ (Bachov) датскій министръ въ Петербургѣ съ 1736 г.

знанія о томъ, какое впечатлѣніе произведутъ мои хлопоты, также и для правильнаго сообщенія о томъ мнѣ. Когда же я признаю, что его содѣйствіе можетъ усилить значеніе моей негоціаціи и подвинуть ее, то онъ примется за общія увѣренія въ желаніи его государя объ утвержденіи спокойствія на Сѣверѣ и удовольствіи, которое могъ бы онъ по этой причинѣ имѣть, когда бы Россія согласилась на средства къ примиренію, предлагаемыя Франціею. Чѣмъ болѣе датскій король представится съ хорошей стороны и сообразно своему достоинству, тѣмъ болѣе онъ будетъ въ правѣ говорить языкомъ, ему приличествующимъ. Касательно этого предмета необходимо, чтобы его министръ имѣлъ впередъ разрѣшеніе смотря по надобности. Такой образъ дѣйствій, нисколько не компрометируя датскаго короля, будетъ имѣть еще ту выгоду для копенгагенскаго двора, что оставляетъ ему время и свободу заранѣе уговориться со Швеціею, если средство, къ тому употребляемое нынѣ, покажется ему способнымъ обезпечить тайну. Я долженъ вамъ замѣтить, касательно удаленія отъ дѣлъ Миниха, что австрійскій домъ не имѣетъ болѣе бороться (тоже, что выше).... что можно предполагать, что вѣнскій дворъ, чтобы распоряжаться по своей волѣ петербургскимъ, смотря по обстоятельствамъ, будетъ смотрѣть съ удовольствіемъ на безсиліе и бездѣйствіе государствъ, которыя не въ состояніи занять и развлечь Россіи и уменьшить блескъ ея представительства (de sa représentation), что гр. Остерманъ нынѣ полный властелинъ... и сохранитъ Россіи превосходство, неизбѣжно уничтожающее равновѣсіе на Сѣверѣ — опасность, слишкомъ очевидная и которая выказалась уже на столько, что невозможно предотвратить ее иначе, какъ препятствуя дальнѣйшему возрастанію этого превосходства.

10 марта, получено 14 апрѣля. Маркизъ де-ла-Шетарди.

Должно тѣмъ менѣе скрывать (dissimuler) настоящее положеніе гр. Миниха, что онъ самъ нисколько не въ заблужденіи на этотъ счетъ. Я знаю одного изъ его пріятелей, которому онъ признался, что отставкою прикрыли дѣйствительную немилость. Онъ знаетъ также, что ударъ ему нанесенъ принцемъ брауншвейгскимъ. Можно также легко догадаться, по чьему наущенію онъ дѣйствовалъ. Графъ Минихъ довольно твердо переноситъ настоящее свое положеніе и на словахъ не пропускаетъ случая увѣрять довѣрчивыхъ, что нездоровье заставило его удалиться отъ дѣлъ. Но есть и такіе, предъ которыми онъ не скрывалъ своего огорченія отъ того, что пренебрегли дать нѣкоторый наружный видъ вѣроподобія, что было тѣмъ легче, что слѣдовало только, сообразно съ заведеннымъ здѣсь обычаемъ, требовать отъ него письменнаго прошенія объ отставкѣ, а не довольствоваться одними его словами, произнесенными при разныхъ случаяхъ. Этотъ генералъ еще болѣе огорчился, когда велѣли объявлять объ его отставкѣ съ барабаннымъ боемъ. Отъ чистаго ли сердца или нѣтъ — только правительница показала также видъ, что она очень негодовала на это. Она предложила гр. Миниху, какое угодно ему удовлетвореніе, на что тотъ отвѣчалъ, что онъ, видя изъ такого предложенія расположеніе къ себѣ правительницы, не считаетъ себя въ правѣ требовать большаго удовлетворенія. Однако сенатъ заставили послать къ нему трехъ сенаторовъ съ извиненіями за происшедшее. До сихъ поръ нельзя предвидѣть, въ какомъ мѣстѣ пожелаютъ, чтобы онъ жилъ. Такое невѣдѣніе объ этомъ обстоятельствѣ и у тѣхъ, которые лучше всѣхъ въ состояніи разрѣшить

его. Это происходитъ отъ того, что Миниха не желаютъ имѣть ни здѣсь, ни вблизи; въ своемъ имѣніи въ Ингріи онъ возбуждаетъ опасенія, потому что будетъ знать обо всемъ происходящемъ и вблизи событій; его предпріимчивый характеръ будетъ сильнѣе возбуждать его недовольство. Не захотятъ и его удаленія въ украинскія имѣнія, такъ какъ въ концѣ послѣдняго царствованія, какъ я уже вамъ сообщалъ въ свое время, подозрѣвали, или предвидѣли въ немъ виды честолюбія, заставлявшія его дорожить главнымъ командованіемъ казаками, которое передано было генералу Кейту. Нерасположены также дозволить ему удалиться въ имѣніе въ Ливоніи изъ опасеній, чтобы тамъ, окруженный своими родными, онъ не возбудилъ волненія въ пользу прежнихъ владѣтелей страны. Еще менѣе склонны разрѣшить ему уѣхать въ Вартенбергъ въ Силезіи, или въ небольшое наслѣдственное имѣніе, удержанное имъ за собою въ Остъ-Фризіи, потому что государственныя причины повидимому тому препятствуютъ; да и можно помѣшать Миниху уѣхать за границу, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность, нѣсколько лѣтъ тому, возобновить свой контрактъ съ Россіею. Эти различныя уваженія лично касаются Миниха [24]). Для меня они могли бы быть ничтожны, когда бы не было условія сообщать объ образѣ мыслей и отдавать въ немъ отчетъ королю. Важнѣе для пользы его службы и вообще для всѣхъ благопріятныхъ движеній его союзниковъ, знать положительно то, что если отставка этого генерала не представляетъ сама по себѣ ничего интереснаго, то, по отзыву каждаго, Россія теряетъ много относительно военнаго управленія, какъ по превосходству таланта г... (Миниха), такъ и.. (по счастью), которое его всегда сопровождало. Его никто не въ состояніи замѣнить. Такова впрочемъ система, здѣсь заведенная: пусть русскія войска будутъ испытывать значительныя пораженія, и все таки скорѣе захотятъ пре-

дать ихъ на новыя пораженія, чѣмъ возвратить начальство Миниху. Поразившіе его всегда будутъ удаляться отъ него, и неудачи войскъ для нихъ будутъ еще болѣе служить поводомъ къ такому образу дѣйствій, такъ какъ Минихъ, поправивъ быть можетъ зло, возвысится еще болѣе въ глазахъ народа. Это размышленіе отчасти подало поводъ обратить большее вниманіе на другія обстоятельства, которыя могутъ интересовать въ настоящую минуту Швецію. Во всякомъ случаѣ, воспользовавшись вчера почтою, которую отправлялъ г. Нольккенъ къ своему двору, я поддался движенію моего усердія, и можетъ быть, что мои собственныя мысли могутъ несообразоваться съ намѣреніями его величества. Я посылаю при семъ отдѣльный листъ (это письма къ С.-Северину и Лемеру, см. выше). Еще не замѣстили оставшихся послѣ Миниха мѣстъ .... кирасирскій полкъ данъ Левендалю....

Примѣчаніе.

[24]) Де-ла-Шетарди, говоря о Минихѣ, не зналъ повидимому, что принцъ и принцесса брауншвейгскіе сильно боялись, чтобы фельдмаршалъ не вздумалъ возвести на престолъ Елизавету. Только-что онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, Бирон, еще судившійся тогда, долгомъ счелъ написать въ своихъ показаніяхъ: „ фельдмаршала я за подозрительнаго держу той ради причины, что онъ съ прежнихъ временъ себя къ Франціи склоннымъ показывалъ, а Франція, какъ извѣстно, Россіею недовольна, а французскія интриги распространяются и до всѣхъ концевъ свѣта... Его фамилія въ первые сказывала мнѣ о прожектѣ принца голштинскаго и о величинѣ его, а нравъ графа фельдмаршала извѣстенъ, что имѣетъ великую амбицію, и при томъ десперать и

весьма интересовать (Дѣло о Биронѣ, Москва, 1862 г., стр. 23).“

21 іюня 1741 года, англійскій резидентъ Финчь между прочимъ доносилъ своему двору:

„Принцъ брауншвейгскій говорилъ, что очень пора низложить нестерпимаго Миниха, который уже предлагалъ свои услуги принцессѣ Елизаветѣ (qui avait déjà fait des avances à la princesse). Онъ мнѣ разсказывалъ, что послѣ его отставки было приказано строжайше слѣдить за фельдмаршаломъ впродолженіи нѣсколькихъ ночей; въ случаѣ, если бы онъ вышелъ вечеромъ и направилъ свои шаги къ дому принцессы Елизаветы, то его бы схватили мертваго или живаго (La cour de la Russie il y a cent ans, p. 85).

Ниже изъ примѣчаніи 28 будетъ видно, что наблюдать за Минихомъ, не поѣдетъ ли онъ къ Елизаветѣ, возлагалось на сержанта Барановскаго.

При производившихся, по вступленіи на престолъ Елизаветы, слѣдствіяхъ, открылось, что секундъ-маіору Василью Чичерину принцъ брауншвейгскій поручилъ выбрать до десяти гренадеръ съ капраломъ, одѣть ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны и наблюдать, не ѣздитъ ли кто по ночамъ къ Елизаветѣ, Миниху и кн. Черкасскому за что капралу дано 40 руб. а солдатамъ по 20 рублей.*) Но всего характеристичнѣе было событіе, также открывшееся при помянутыхъ изслѣдованіяхъ, и упомянутое въ манифестѣ Елизаветы отъ 22 января 1742 года**).

На распросахъ въ декабрѣ 1741 г., подпоручикъ конной гвардіи Нотгофтъ показывалъ: „предъ нѣсколько-де времени слышалъ онъ конной гвардіи отъ литаврщика Грубера, что кузнецова жена Каландерша

*) Полн. собр. законовъ Т. XI, стр. 576.

**) Ibid., № 8506.

сказывала ему, что-де бывшій фельдмаршалъ Минихъ былъ одинъ разъ въ домѣ у ея величества императрицы Елизаветъ Петровны и, припадши къ ногамъ ея величества, просилъ, что ежели что ея величество ему повелитъ, то онъ все исполнить готовъ. На что-де ея величество изволила ему сказать: „ты-ли-де тотъ, который корону даетъ кому хочетъ? Я-де оную и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу“... Сіи же слова, какъ онъ слышалъ отъ него же, литаврщика, что Каландерша о томъ слышала отъ музыкантовой жены Строусши“... Немедленно о такихъ рѣчахъ долгомъ сочли донести принцу брауншвейгскому. Изъ дальнѣйшаго хода было видно, что онъ ихъ принялъ чрезвычайно къ сердцу— Нотгофтъ и Груберъ были позваны къ нему. Послѣдній уже разсказывалъ въ свою очередь такъ: „означенная кузнецова жена Каландерша сказала: услышала-де она отъ музыкантовой жены Строусши, что бывшій фельдмаршалъ, будучи у ея императорскаго величества, нынѣ счастливо владѣющей императрицы въ домѣ, стоя на колѣняхъ, требовалъ ея императорскаго величества повелѣнія, что она дѣлать укажетъ; на что-де ея императорское величество ему объявила, что онъ-де, Минихъ, вѣдаетъ, что ея величеству надобно и къ чему она право имѣетъ, и потомъ-де ея императорское величество онаго фельдмаршала очень милостиво принять и до крыльца провожать изволила. И по такимъ рѣчамъ увѣщевала она, кузнецова жена, его, Грубера, чтобъ онъ остерегся, понеже конечно въ тѣхъ числахъ что нибудь да будетъ; особливо, что и пуговишнику во снѣ видѣлось, что въ мартѣ мѣсяцѣ великой пожаръ сдѣлается, и что-де сверхъ того люди сказываютъ, якобы въ крѣпости у гроба ея императорскаго величества блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны привидѣнія кажутся“... Обѣ здѣсь упоминаемыя нѣмки были женами служителей двора Елизаветы. Герцогъ брауншвейгскій

распорядился взять и отправить жену кузнеца Каландера къ вице-канцлеру графу Головкину. У послѣдняго ее распрашивали, убѣждали и увѣщевали быть откровенною, но нѣмка стояла на томъ, что литаврщикъ обнесъ ее напрасно, потому что она ему ничего не сказывала „кромѣ того, что одинъ пуговишный мастеръ видѣлъ, во снѣ, что пожаръ будетъ," а что у цесаревны былъ Минихъ сказывали ей камеръ-юнгферы.

И изъ словъ доносчиковъ, и отвѣтовъ жены кузнеца видна была вся нелѣпость толковъ, а между тѣмъ герцогъ брауншвейгскій и правительница Анна передавали оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду, что есть предсказаніе о вступленіи на престолъ Елизаветы и подозрѣнія на Миниха. Не удовольствовавшись этимъ, герцогъ велѣлъ призвать къ себѣ кузнеца Каландера и обѣщалъ ему дать 100 рублей и мѣсто полковаго кузнеца, если только „онъ ему о томъ, что у ея императорскаго высочества въ домѣ дѣлается, вѣрно объявитъ. "Каландеръ на это не склонился. Графъ Головкинъ о томъ же уговаривалъ жену его; литаврщикъ Груберъ получилъ отъ герцога 300 рублей; изъ нихъ часть онъ хотѣлъ дать Каландеру, но этотъ отказался.

14 марта.

Говорятъ, что радость объ отставкѣ Миниха была такъ велика въ Шлюссельбургѣ, что герцогъ курляндскій и его семейство успокоились на счетъ своей участи какова бы она ни была. Минихъ былъ съ .... (пропускъ) который разсыпался въ вѣжливостяхъ, сколько потому, что она принудила сенатъ къ такому образу дѣйствій, столько же и обращеніемъ съ генераломъ Икскулемъ (Ixkuhl). Принцъ брауншвейгскій, возвративъ ему шпа-

ry, велѣлъ сказать, что онъ свободенъ и обязанъ ѣхать къ Миниху благодарить за ходатайство объ его освобожденіи. Икскуль .... (пропускъ) видя, что того требовала политика и что правительница будетъ за то благодарна, не замедлилъ быть у фельдмаршала.

.... Скоро покажутъ царя публикѣ.

17 марта.

О взятіи Глогау *). Графъ Остерманъ выказывается болѣе податливымъ съ прусскимъ министромъ съ тѣхъ поръ, какъ Минихъ удаленъ отъ дѣлъ **). Напротивъ, гр. Головкинъ по прежнему склоненъ къ вѣнскому двору. „Вы все подвигаетесь впередъ и не останавливаетесь, сказалъ онъ съ живостью прусскому министру.“— „Дѣлать этотъ упрекъ по случаю взятія Глогау несправедливо, потому что тутъ мы скорѣе возвращаемся назадъ,“ отвѣчалъ Мардефельдъ.

Правительница, на этихъ дняхъ, рѣшительно оскорбила принцессу Елизавету поступкомъ, котораго бы она могла не дѣлать. Дѣйствительно, причина къ тому была недовольно уважительна. Принцесса просила, чтобы заплатили за нее 32 тысячи экю долговъ, которые принуждена была неизбѣжно дѣлать въ прежнемъ своемъ положеніи, и съ которыми ей, даже при помощи даннаго

*) Глогау — первая австрійская крѣпость, осажденная пруссаками по дорогѣ въ Силезію. Война началась въ декабрѣ 1740 г., а крѣпость сдалась прусскому королю 9 марта 1741 года.

**) Анонимный авторъ «Замѣчаній на записки Манштейна» (Отечеств. Зап. 1829 г., ч. XXXVIII, № 108, стр. 8—11) пишетъ, что Остерманъ являлся горячимъ защитникомъ интересовъ Австріи единственно въ видахъ погубленія фельдмаршала Миниха; когда же этого удалили отъ дѣлъ, то Остерманъ «непрестаналъ увѣрять барона Мардефельда объ усердіи своемъ къ пользамъ прусскаго короля» и проч.

ей пенсіона, не возможно раздѣлаться иначе, какъ запутавъ себя на нѣсколько лѣтъ. Правительница не отказала въ просьбѣ, но вѣроятно въ предположеніи, что принцесса желаетъ выиграть на итогѣ, потребовала, чтобы принцесса Елизавета представила въ подтвержденіе своихъ долговъ счеты отъ купцовъ. Повѣрка этихъ счетовъ не была выгодна. То, что было сдѣлано на память, увеличилось по мѣрѣ того, какъ стали справляться со счетами и, вмѣсто 32 тысячъ, открылось 43 тысячи экю долгу, которые и имѣли горесть заплатить, безъ всякой для себя выгоды. Эти подробности переданы мнѣ хирургомъ и, по его словамъ, принцесса Елизавета была очень обижена такимъ недовѣріемъ.

21 марта.
1 апрѣля.

Принцъ брауншвейгскій не упускаетъ ничего, чтобы заставить думать, что онъ въ главѣ всѣхъ дѣлъ. Третьяго дни онъ отправился въ сенатъ и засѣдалъ тамъ два часа. Оттуда ѣздилъ въ военную коллегію, гдѣ приказывалъ представить себѣ отчеты о многихъ предметахъ, относящихся до этого департамента.

..... Тохмасъ Кули-Ханъ возбуждаетъ затрудненія. Увѣряютъ, что этотъ завоеватель просилъ дозволить пройти отряду его войскъ чрезъ царства Казанское и Астраханское, не представляя къ тому никакихъ уважительныхъ причинъ, и что русскій дворъ, въ увѣренности, что угадалъ цѣль подобныхъ настояній, не безъ опасеній относительно намѣреній Тохмасъ Кули-Хана, котораго здѣсь боятся больше всего на свѣтѣ, также какъ и послѣдствій, могущихъ произойти притомъ для провинцій сосѣдственныхъ съ Персіею.

24 марта.
4 апрѣля.

Когда увидали, что новый посланникъ Тохмаса Кули-Хана дурно обходится съ приставленными къ нему офицерами и солдатами и каждый день высказываетъ притязанія, возбуждающія затрудненія и влекущія отказы, то генералъ (Апраксинъ?) .... но скорѣе, чтобы его присутствіемъ предупредить могущія быть столкновенія.

Остерманъ ничѣмъ не пренебрегаетъ для возвышенія значенія принца брауншвейгскаго. Онъ хочетъ довести его до того, чтобы онъ сдѣлался единственнымъ представителемъ власти, на сколько это возможно. Слѣдуя своимъ видамъ и нѣжной привязанности къ принцу, Остерманъ даже готовъ на возведеніе его на престолъ, лишь бы только можно было это исполнить. Одна привязанность не дозволитъ дѣйствовать Остерману: собственные виды можетъ быть болѣе руководятъ имъ при томъ. Онъ будетъ считать нынѣшнюю свою власть обезпеченною до тѣхъ только поръ, пока будетъ съ принцемъ брауншвейгскимъ; напротивъ онъ будетъ всегда въ опасеніи, чтобы какая нибудь привязанность, возбужденная слишкомъ сильнымъ чувствомъ въ правительницѣ, не удалила его отъ нея, или по крайней мѣрѣ не принудила бы его къ угодливости, которой естественно желаетъ избѣгнуть, такъ какъ до настоящей минуты онъ всегда принужденъ былъ уступать.... Теперь можно составить вѣрное понятіе о ловкости и политикѣ графа Остермана: и та, и другая до сихъ поръ находились подъ вліяніемъ фаворитовъ, которые постоянно являлись послѣ Петра I въ каждомъ царствованіи. Нынѣ онъ только совѣтуется со своею опытностію и для него всякое противорѣчіе исчезло.

31 марта.
11 апрѣля.

.... Минихъ думаетъ объ отмщеніи. Дѣвица Менгденъ, ненавидящая принца брауншвейгскаго и имъ ненавидимая, сильно хлопочетъ въ пользу Миниха. Правительница очень милостива къ этому генералу и вслѣдствіе того, что выказалась неблагодарною къ нему, склоняется столько же къ возвращенію ему его званій, сколько принцъ брауншвейгскій явно и при всѣхъ случаяхъ является его смертельнымъ врагомъ. Остерманъ, устрашенный этой борьбой, еще болѣе думаетъ о вручніи всей власти принцу брауншвейгскому, и по этому поводу дѣло шло о перемѣнѣ вѣры, только чтобы не встрѣтить противорѣчія со стороны народа. Послѣдній предубѣжденъ противъ принца брауншвейгскаго, который хочетъ имъ овладѣть, еще болѣе, чѣмъ противъ правительницы, а она только и внимательна къ иностранцамъ, только ими и окружена безпрестанно. Если бы я изъ такого положенія могъ вывести заключеніе, что здѣсь наканунѣ разрыва правительницы съ ея мужемъ, то въ образѣ мыслей Миниха нашелъ бы чѣмъ убѣдить себя, что никогда никакое предпріятіе не будетъ казаться ему выше его силъ.

До него не было примѣра въ Россіи, чтобы человѣкъ, занимавшій значительное мѣсто, былъ отставленъ безъ несчастія не только для себя, но и для всего своего рода; не будетъ удивительно, если онъ войдетъ въ прежнюю сферу; огромное состояніе и счастливая жизнь, которыя ему обезпечены, не въ силахъ привлечь его къ себѣ и остановить его честолюбія. Неизбѣжность сдѣлаться жертвою принца брауншвейгскаго, если бы этотъ одержалъ верхъ, не въ состояніи удержать и устрашить Миниха. Эти обстоятельства, по моему мнѣнію, заслу-

живали особеннаго вниманія и побудили меня немедленно просить къ себѣ г. Нолькена. Онъ долженъ былъ послѣ полудня видѣться съ принцессою Елизаветою по случаю праздника пасхи, а я не могъ быть у нея во дворцѣ, не возбудивъ подозрѣній, такъ какъ я воздерживаюсь бывать у правительницы впредь до новыхъ повелѣній короля касательно представившихся мнѣ здѣсь затрудненій. Я сообщилъ Нолькену обо всѣхъ узнанныхъ мною обстоятельствахъ. Онъ раздѣлялъ мое мнѣніе о необходимости высказать ихъ принцессѣ съ тѣмъ, чтобы заставить ее рѣшиться и предупредить о близкой опасности, которая можетъ ей причинить величайшія затрудненія. Нолькенъ, обвороженный благосклоннымъ пріемомъ, надѣялся, что ему будетъ не такъ трудно произвести впечатлѣніе. Онъ въ томъ еще болѣе утвердился, когда принцесса, стараясь выразить всю признательность за всѣ мои и его заботы объ ея интересахъ, поручила мнѣ выразить, какъ сожалѣетъ она о препятствіяхъ, испытываемыхъ мною и лишающихъ ея возможности видѣться со мною. Конецъ однако не соотвѣтствовалъ началу. Тщетно Нолькенъ представлялъ дѣло съ точки зрѣнія, которая могла бы ее убѣдить, и какъ ни ловко онъ пользовался минутами, когда сама принцесса наводила его на разговоръ о дѣлѣ, она однако упрямо отказывалась произнести слово и ограничивалась тѣми знаками чувствительности, которые выражаются въ движеніяхъ и на лицѣ. Наконецъ, она сообщила ему нѣкоторыя тайны: онѣ, не будучи столько интересны, какъ тѣ предметы, о которыхъ я желалъ бы, чтобы она высказалась, кажутся однако мнѣ раскрывающими начала, которыми здѣсь руководятся или которыя приняты въ обычаѣ, почему я и спѣшу довести о нихъ до вашего свѣдѣнія.

Въ то время, какъ распространился слухъ, что Минихъ ходатайствовалъ объ увольненіи его отъ занимае-

мыхъ имъ званій, правительница спросила принцессу Елизавету: знаетъ ли она объ этомъ? Эта отвѣчала, что трудно было бы не знать о томъ, о чемъ говоритъ весь городъ. Этотъ отвѣтъ возбудилъ еще болѣе любопытство первой, и она пожелала узнать, что говорятъ въ городѣ? Елизавета, увѣрила ее, что вообще удивлены тѣмъ, что она согласилась на отставку, и съ своей стороны прибавила, что она такъ нѣжно любитъ ее, что не можетъ не признаться, что она дурно поступила, тѣмъ болѣе, что ее обвинятъ въ неблагодарности и она лишится человѣка, на котораго могла совершенно положиться послѣ его пожертвованія собою для нея. Правительница, пораженная тѣмъ, что услышала, разсыпалась въ сожалѣніяхъ и въ оправданіе свое только приводила, что принцъ брауншвейгскій и гр. Остерманъ не давали ей покоя и что она не соглашалась на удаленіе Миниха отъ дѣлъ. При этомъ принцесса Елизавета замѣтила, что надобно имѣть мало ума, чтобы высказаться такъ искренно. „Она совсѣмъ дурно воспитана, прибавила принцесса, не умѣетъ жить и, сверхъ того, у ней хорошее качество быть капризною также, какъ и герцогъ мекленбургскій, ея отецъ“.

Принцесса Елизавета разсказывала, какъ слышанное отъ правительницы, что принцъ брауншвейгскій прыгалъ, какъ ребенокъ, когда получилъ извѣстіе о рожденіи принца королевою венгерскою, и что предавшись весь радости, онъ сказалъ, что это событіе тѣмъ болѣе имѣетъ значенія для Россіи, что оно снова обезпечиваетъ за Австріею преимущество сохранить императорскую корону.

Въ другую минуту принцесса Елизавета сказала Нолькену, что онъ конечно не будетъ въ заблужденіи касательно выступленія войскъ, которыхъ дѣлали смотръ, и она однако очень довольна, что можетъ сообщить ему, что думаютъ только оказать помощь королевѣ венгер-

ской, но что въ отношеніи Швеціи въ ужасныхъ опасеніяхъ. „Васъ здѣсь боятся, прибавила она, болѣе всего на свѣтѣ, и тѣмъ болѣе это скрываютъ отъ правительницы. Я была на этихъ дняхъ свидѣтельницею, что Головкинъ увѣрялъ ее, что никогда Швеція не была такъ слаба, что тамъ ужасная бѣдность и что вамъ тѣмъ труднѣе подняться, что у васъ одна надежда на помощь Франціи, которой финансы истощены до того, что она только должна думать о самой себѣ". Что же касается до нерѣшительности принцессы Елизаветы и образа дѣйствій ея третьяго дня и прежде, то мы съ Нолькеномъ предполагаемъ, что ея партія, съ которою не можетъ не совѣтываться, представила ей, что она сдѣлается ненавистною въ глазахъ народа, если откроется, что она призвала шведовъ и привлекла ихъ въ Россію; что еще въ болѣе неблагопріятномъ свѣтѣ представится, если все, что она сдѣлаетъ для полученія короны, будетъ имѣть малѣйшій видъ пожертвованія. Кажется партія ея надѣется болѣе на стеченіе обстоятельствъ и на то, что она можетъ и должна заставить дѣйствовать Швецію, которую не слѣдуетъ побуждать къ тому, что обязана она предпринять сама для собственныхъ выгодъ. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что этой принцессѣ слѣдуетъ сказать да или нѣтъ на предложенное ей. Прямыми средствами, которыми только дозволитъ приличіе воспользоваться, Нолькенъ будетъ дѣйствовать на хирурга, когда тотъ пріѣдетъ для кровопусканія, въ которомъ Нолькенъ дѣйствительно нуждается. Если это только удастся, то я не замедлю вамъ дать отчетъ о формѣ, въ которую облеку я эти переговоры и объ успѣхѣ ихъ.

Третьяго дня царь былъ бы показанъ публикѣ, какъ объ этомъ сообщилъ маркизъ Ботта г. д'Аліону [25]), если бы только у него не было опухоли отъ прорѣзыванія зубовъ.

Примѣчаніе.

[25]) Въ 1738 г., пишетъ Флассанъ (Histoire de la diplomatie française V, 101, 102), Россія рѣшилась имѣть своего посланника при французскомъ дворѣ и назначила туда бывшаго до того времени министромъ въ Лондонѣ князя Кантемира. Французскій же дворъ акредитовалъ съ своей стороны въ Петербургъ Бонака д'Альона (Bonac d'Allon). Съ пріѣздомъ де-ла-Шетарди, д'Альонъ не выѣхалъ однако изъ Петербурга, быть можетъ потому, что кардиналъ Флери любилъ имѣть при иностранныхъ дворахъ по два министра одного старшаго, другаго младшаго, которые бы слѣдили другъ за другомъ. По отзывѣ де-ла-Шетарди изъ Петербурга, д'Альонъ, какъ человѣкъ знавшій Россію и русскихъ, остался французскимъ министромъ при русскомъ дворѣ. Въ чемъ состояло его знаніе Россіи и людей, это будетъ видно изъ послѣдующихъ депешъ де-ла-Шетарди.

$\frac{7}{18}$ апрѣля.

Я не думаю ошибиться, если скажу, что военныя силы Россіи гораздо менѣе страшны для Швеціи со времени увольненія Миниха. Слѣдовательно не только желательно, чтобы планъ принцессы Елизаветы удался, но надобно, чтобы это произошло не иначе, какъ при содѣйствіи Швеціи, и чтобы въ такомъ случаѣ принцесса Елизавета знала о главной пружинѣ ея возвышенія и чрезъ то были бы извлечены на пользу короля тѣ плоды, которыхъ можно было ожидать.

$\frac{11}{22}$ апрѣля.

Нолькенъ, видѣвшій вчера хирурга, дружески упре-

калъ его за молчаніе. Этотъ былъ смущенъ и сознался, что ему не слѣдовало бы медлить, что онъ не имѣетъ ничего сообщить положительнаго, и тѣмъ менѣе могъ убѣдить принцессу, что опасенія увеличились, такъ какъ случившееся въ Стокгольмѣ съ Бестужевымъ и арестъ графа Гилленштіерна, который по слухамъ зналъ тайну гр. Гилленборга [26]), могли окончиться открытіемъ заговора. Нолькену было не трудно разсѣять такія опасенія. Надежды хирурга возродились, и онъ обѣщалъ, что въ понедѣльникъ или во вторникъ сообщитъ обо всемъ, имъ предпринятомъ. Отнынѣ онъ (Нолькенъ?) намѣренъ вести отдѣльную (въ депешахъ) переписку обо всемъ, что касается принцессы Елизаеты.

Примѣчаніе.

[26]) Въ 1740 г. собравшійся въ Стокгольмѣ сеймъ, не желая допускать подкуповъ и разныхъ неблаговидныхъ продѣлокъ, которые дозволяли себѣ иностранные министры въ Стокгольмѣ, воспретилъ всѣмъ, занимающимъ какія либо государственныя должности, имѣть какія либо прямыя или косвенныя сношенія съ иностранными министрами. Въ то время не пользовался популярностью въ Стокгольмѣ русскій министръ Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, и за нимъ и его дѣйствіями слѣдили тамъ очень зорко. Въ ночь на 8 марта (по нов. стилю) 1741 года, у Бестужева былъ первый секретарь канцеляріи по иностраннымъ дѣламъ баронъ Гилленштіернъ (Gyllenstiern или Gyldenstern) врагъ французской и другъ русской партій; по выходѣ на улицу, его схватили, и подвергли немедленно строгому допросу. Гилленштіернъ былъ сначала приговоренъ къ смертной казни, но потомъ его только выводили нѣсколько разъ къ позорному столбу и посадили въ тюрьму на всю

жизнь. По заключеніи мира съ Россіею въ 1743 г., Гилленштіерна было освободили, но потомъ выслали изъ государства съ запрещеніемъ носить прежнее имя. Петербургскій дворъ выдавалъ ему ежегодно пенсіонъ въ 500 р. и онъ жилъ въ Курляндіи подъ вымышленнымъ именемъ (Büsching's Magazin, XV, Les anecdotes de la révolution de Stokholm, p.p. 78, 93—99 и Beyträge zu der Lebens Geschichte denkwürdiger Personen von A. Büsching, IV, 156). Страхъ Лестока при арестованіи Гилленштіерна происходилъ отъ того, что послѣдній могъ знать, какъ первый секретарь по иностраннымъ дѣламъ, о тайныхъ сношеніяхъ Елизаветы съ Гилленборгомъ и передать обо всемъ Бестужеву-Рюмину, который не замедлилъ бы сообщить о томъ правительницѣ Аннѣ.

$\frac{14}{25}$ апрѣля.

Этотъ министръ (Остерманъ), постоянно занятый усиленіемъ значенія Россіи и предоставленіемъ ей вліянія на дѣла, предвидѣлъ смерть императора (австрійскаго). Недовольствуясь предусмотрѣніемъ событія, которое не могло казаться столь близкимъ, онъ составилъ планъ, въ которомъ охотно увлекся столько же своею склонностью къ берлинскому двору, сколько и желаніемъ обезпечить свое содѣйствіе для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ плана (Шетарди не могъ достать этого плана)... однако я узналъ, что какъ прусскій король, нашествіемъ на Силезію, разрушилъ проектъ гр. Остермана, то послѣдній не могъ ему простить за отнятіе у него случая, который могъ бы увѣковѣчить его имя, а также послужить на пользу Россіи.

$\frac{18}{29}$ апрѣля.

Сдѣлать циркумвалаціонную линію вокругъ Петербурга... много будетъ стоить исполненіе и ослабитъ... невозможность защищать ретраншаментъ на такомъ огромномъ протяженіи... Англія утвердилась прочно: трактатъ подписанъ.

...„Вы видите, что намъ угрожаетъ Швеція, не справедливо ли, чтобы мы приняли мѣры для нашей безопасности и можно ли насъ за то винить?...“

...Графъ Гилленборгъ сообщилъ въ Парижъ гр. Тессину, 11 числа этого мѣсяца, что онъ получилъ письмо отъ Нолькена, и здѣсь говорится, что все готово для революціи и что дѣла зашли такъ далеко, что нельзя терять и минуты. Однако г. де-ла-Шетарди, въ своемъ письмѣ отъ 4 числа, ничего о томъ не говоритъ, хотя извѣстіе Нолькена должно быть отъ гораздо ранняго числа, потому что требуется болѣе семи дней для проѣзда отъ Петербурга въ Стокгольмъ.

Апрѣль.

Принцъ Конти *) приказалъ 3 прошедшаго марта ѣхать Дефону (sieur Desfonds) въ Петербургъ подъ предлогомъ своего дѣла съ г. д'Альономъ, его родственникомъ, и тотъ не сообщилъ ничего де-ла-Шетарди о

*) Людовикъ Франсуа Конти, род. 1717 г.† 1776 г., представитель младшей линіи бурбонскаго дома Конде. Далѣе будутъ еще подробности о его сватовствѣ за Елизавету. Это былъ большой искатель приключеній. Послѣ неудачной попытки жениться на русской императрицѣ, онъ являлся кандидатомъ на польскій престолъ и также безуспѣшно. Послѣ смерти его, остались только неоплатные долги.

причинѣ своего путешествія. Чрезъ г-жу Каравакъ, жену придворнаго живописца *), онъ (Дефонъ) нашелъ возможность говорить съ принцессою Елизаветою и сообщить ей, что отъ нея зависитъ выйдти за мужъ за принца де-Конти. Это очень понравилось принцессѣ Елизаветѣ, но потомъ, когда на вопросъ, имѣетъ ли предлагавшій полномочіе на переговоры, получила отрицательный отвѣтъ, то не хотѣла болѣе съ нимъ говорить. Таково было донесеніе, сдѣланное Дефономъ, по возвращеніи его во Францію. Я прошу васъ провѣрить всѣ эти обстоятельства скорѣе и тайно....

21 апрѣля.
2 мая.

(Изъ отрывочныхъ словъ въ началѣ депеши видно, что въ подлинной говорится о необходимости имѣть Нолькену, для оправданія себя предъ своимъ правительствомъ, письменное требованіе принцессы объ оказаніи Швеціею помощи ей).

Нолькенъ предложилъ даже, какъ рѣшительное средство, чтобы эта бумага была вручена ему, потому что принцесса, будучи во всякое время въ состояніи или взять ее обратно, или видѣть въ рукахъ де-ла-Шетарди, не могла болѣе опасаться, чтобы бумага попала въ другія руки. Такъ какъ въ это время вы мнѣ разрѣшили переговорить положительно о расположеніи короля къ принцессѣ Елизаветѣ, то послѣ того я замѣтилъ, что она ожила, и что съ этой собственно минуты возродились въ ней надежды...

Я удалялъ все, что могло бы придать видъ даже

*) Louis Caravaque или Caravacca пріѣхалъ въ Россію по контракту, заключенному при Петрѣ Великомъ, въ 1716 году; умеръ въ 1754 г. Въ контрактѣ онъ называется Каравакомъ марсельскимъ.

малѣйшаго принужденія и старался потому увѣрять, что только заботятся о ней и ея выгодахъ (она благодарила Шетарди и желала писать къ королю, если бы предосторожности, которыя она должна соблюдать, не отнимали у ней возможности къ тому).

Потомъ согласилась, касательно внѣшнихъ средствъ, предоставить все на волю его величества (короля французскаго). Что же касается до средствъ внутри государства, то они ограничиваются суммою въ 100 т. руб. на случай, если бы признано было необходимымъ сдѣлать изъ нихъ употребленіе для возбужденія то тѣхъ, то другихъ въ рѣшительную минуту. Я передалъ принцессѣ, что король, постоянно занятый мыслію содѣйствовать ея счастью, охотно доставитъ средства на покрытіе издержекъ, какъ только будетъ указано, какимъ способомъ можно сдѣлать это секретно. Пора было возвратиться къ предмету, который я всегда имѣлъ въ виду: я живѣе изобразилъ хирургу расположеніе короля и, шутя, сказалъ ему, что если бы король увидалъ принцессу Елизавету, то уступилъ бы чувствамъ, которыя она способна возбудить. Было бы естественно, прибавилъ я, что король употребилъ бы тогда въ дѣло матеріальную силу, но отдаленность тому мѣшаетъ. Какъ государь неограниченный въ своихъ владѣніяхъ, онъ могъ бы слѣдовать внушеніямъ своей вѣжливости (écouter les mouvemenst de sa galanterie) и считать себя сугубо вознагражденнымъ, достигнувъ славы возвести принцессу на престолъ, котораго она по всѣмъ правамъ такъ заслуживаетъ. Однако отдаленности, которая насъ раздѣляетъ, его величество ничѣмъ инымъ помочь не можетъ, какъ заставивъ дѣйствовать своихъ союзниковъ, сосѣдей Россіи, и вы знаете, что шведы сами хорошо расположены къ принцессѣ. Но у нихъ король пользуется представительною властью: какъ онъ, такъ и его министры ничего не могутъ принять на се-

бя и должны отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ сейму. Къ счастію принцессы, онъ созванъ нынѣ въ такое время, когда слѣдуетъ рѣшиться на важный шагъ. Пусть она соизволитъ дать мнѣ оружіе, которое бы дало шведскому королю возможность убѣдить шведовъ. Онъ можетъ успѣть въ томъ только тогда, когда обѣщаетъ существенныя выгоды.

Вы помните, что въ государствѣ, гдѣ участвуетъ въ правленіи голосъ народа, можно только убѣдить такими соображеніями: тамъ неизвѣстна любовь къ славѣ и даже если бы король былъ, по своему положенію, проникнутъ ею, то и тогда воля его останется безсильною. Хирургъ мнѣ отвѣчалъ, что принцесса не скрывала отъ себя невозможности подвинуть безъ этого средства шведовъ, которые захотятъ, помогая ей, вознаградить себя за всѣ понесенныя ими прежде потери.—„И такъ, возразилъ я, пусть подтвердитъ то, что признаетъ она въ то же время неизбѣжнымъ; пусть передастъ она мнѣ письменно, что желала бы она уступить въ случаѣ успѣха предпріятія. Я свято сохраню этотъ залогъ — онъ никогда не выйдетъ изъ моихъ рукъ. Король, увѣдомленный только о его содержаніи, будетъ въ состояніи принять мѣры убѣдить шведовъ, и когда счастливый успѣхъ увѣнчаетъ дѣло, его величество, ничего столько не желая, какъ видѣть Европу наслаждающеюся глубокимъ спокойствіемъ, можетъ взять на себя оцѣнить (d'apretier — считаю за ошибку и перевожу слово aprécier) обѣщаніе принцессы, и сдѣлавшись посредникомъ между ею и Швеціею, укрѣпить миръ, столь необходимый между двумя сосѣдственными державами. Я желалъ бы такъ сильно—прибавилъ я—видѣть ее въ положеніи, котораго она сама можетъ и должна желать, что не скрою отъ васъ ни одной изъ причинъ, которыя должны ее побудить къ исполненію того, что я сказалъ. Вамъ не безъизвѣстно, какимъ образомъ поступаетъ рус-

скій дворъ съ Швеціею въ продолженіи многихъ лѣтъ. Терпѣніе имѣетъ свои границы, и не слѣдуетъ думать, чтобы стали долго и безнаказанно терпѣть. Предпринятыя ею приготовленія кажется доказываютъ это. Зачѣмъ принцессѣ допускать, чтобы они принесли пользу другимъ, а не ей? Также не заблуждайтесь вы: правительница, принцъ брауншвейгскій, равно какъ и гр. Остерманъ чувствуютъ, что они здѣсь иноземцы, а правительство такого рода, чтобы удержаться, очень неразборчиво въ средствахъ, мало смотритъ на пожертвованія, лишь бы отдѣлаться отъ войны, и купитъ миръ у шведовъ, которые, подумайте хорошенько, не имѣя никакихъ отношеній къ принцессѣ Елизаветѣ, не упустятъ, какъ вы, воспользоваться такимъ случаемъ; что изъ этого выйдетъ? Принцесса потеряетъ все и не будетъ имѣть ни малѣйшей надежды на будущее. Я пойду далѣе и скажу вамъ, если шведы не вступятъ заранѣе въ соглашеніе съ принцессою на прочныхъ основаніяхъ, то они выкажутся въ пользу нисходящаго потомства Петра I. Не имѣя въ томъ помѣхи, они вѣрнѣе возведутъ герцога голштинскаго на тронъ, между тѣмъ какъ принцесса увидитъ себя лишенною принадлежащаго ей и удаленною отъ трона на всегда. Другое соображеніе, менѣе важное, можетъ имѣть однако вліяніе на успѣхъ ея видовъ: она довольна заботами, которыя я прилагалъ донынѣ; положеніе, въ которое я поставленъ и встрѣчаемыя мною затрудненія вѣроятно должны ускорить мой отъѣздъ, и у принцессы, лишенной уже и безъ того помощи, будетъ менѣе однимъ человѣкомъ, которому, какъ доказалъ опытъ, она могла совершенно довѣриться.

Въ послѣднемъ разговорѣ, который имѣлъ я съ хирургомъ (онъ былъ для отвѣта на то, что я вамъ сейчасъ сообщилъ), этотъ мнѣ высказалъ, что принцесса очень тронута доказательствами усердія, постоянно вы-

казываемаго мною: она желала бы имѣть возможность сообразоваться съ нимъ (у correspondre), слѣпо уважая мои внушенія, но она всегда будетъ опасаться упрековъ отъ своего народа, если какими нибудь уступками пожертвуетъ имъ для правъ, которыя можетъ предъявить на престолъ. При этомъ случаѣ она велѣла меня спросить, не возможно ли будетъ удовольствовать шведовъ значительною суммою денегъ, которая бы въ состояніи была вознаградить ихъ за издержки и потери? Хирургъ съ своей стороны сказалъ мнѣ еще, что она надѣется, что я пойму ея положеніе и соглашусь, что она, какъ дочь Петра I, вынуждена къ величайшей осторожности относительно завоеваній — трудовъ ея отца, столько ему стоившихъ. Я отвѣчалъ, что у меня никогда не было въ мысляхъ, для отстраненія ея безпокойства, указывать на другіе примѣры кромѣ того, что сдѣлалъ бы самъ Петръ I, и я вѣчно упрекалъ бы себя, предложивъ принцессѣ другой образецъ. Я не могу предполагать, чтобы она не знала о мѣрахъ, на которыя отецъ ея былъ согласенъ относительно Швеціи, и что вслѣдствіе того должно было не только возвратить Ливонію, Эстонію, Ингрію и Карелію, но даже покинуть Петербургъ — единственная статья, на которую Петръ настаивалъ, когда кончина Карла XII разрушила планъ, особенно освященный памятью Петра Великаго. „Не прибѣгая къ столь уважительнымъ доводамъ, продолжалъ я, легко упростить дѣло. Король хочетъ только принцессу видѣть на тронѣ, и готовъ оказать съ своей стороны существенное содѣйствіе, если только она дастъ ему возможность къ тому. Его величество, какъ бы ни былъ радъ подать помощь, будетъ впрочемъ одинаково доволенъ, какимъ способомъ принцесса ни достигнетъ престола. Слѣдовательно ей надлежитъ обдумать, можетъ ли она этого достигнуть своими собственными средствами? Если такъ — тѣмъ

лучше: развязка будетъ болѣе славна для нея, и иноземческая помощь ей сдѣлается безполезною.“ „Но, возразилъ мнѣ хирургъ, какъ хотите вы, чтобы она сама того достигла?“ „Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я, опять-таки дѣло принцессы обдумать, можетъ ли она надѣяться безъ помощи шведовъ на счастливый исходъ? Надобно, чтобы она доставила королю средства служить ей, или совершенно бы отказалась отъ надежды царствовать. Она тѣмъ болѣе должна увѣриться въ этой истинѣ, что не можетъ не признать, какъ поддается русскій народъ тяжести слѣпаго рабства, и лишь бы только она отложила исполнить намѣреніе, то этотъ же народъ такъ привыкнетъ повиноваться настоящему правительству, что не будетъ болѣе отличать иноземца, завладѣвшаго властію его законнаго государя.“ Окончивъ такимъ образомъ, я тщетно ожидалъ хирурга. Вѣроятно, для избѣжанія можетъ быть затруднительныхъ объясненій, онъ хотѣлъ выдать за удовлетворительный мнѣ отвѣтъ высказанное имъ предъ тѣмъ. Потомъ Нолькенъ, съ которымъ онъ объяснялся въ томъ же смыслѣ, разувѣрилъ его и далъ ему знать, что я постоянно въ ожиданіи рѣшенія тѣмъ болѣе, что отъ него до сихъ поръ не слыхалъ его. Хирургъ еще болѣе затруднился. Нолькенъ съ послѣдней почтой получилъ дозволеніе на отъѣздъ, но подъ условіемъ, что онъ предварительно достанетъ письменное удостовѣреніе (отъ Елизаветы), безъ котораго секретный комитетъ ничего не можетъ сдѣлать. Это обстоятельство быть можетъ откроетъ мнѣ путь къ лучшему разъясненію намѣреній принцессы, и я долженъ этого желать, потому что гр. Сентъ-Северинъ увѣдомляетъ меня съ тою же почтою, что вы поручили ему объясниться со мною прежде, чѣмъ будетъ рѣшено, въ какомъ смыслѣ вести ему переговоры. Въ то же время онъ сообщилъ мнѣ объ арестѣ гр. Гилленштіерна. Объ этомъ уже извѣстно здѣсь: предметъ

былъ слишкомъ важенъ, чтобы г. Бестужевъ не сообщилъ о немъ съ величайшею поспѣшностью. Вы поймете безъ сомнѣнія, что представляя предметы такъ, чтобы это могло связать принцессу, я не имѣлъ бы большаго успѣха. Съ самаго начала она почувствовала бы недовѣрчивость ко всему, чтобы малѣйшимъ образомъ намекало на то, что хотятъ воспользоваться ея положеніемъ съ цѣлью извлечь изъ того выгоды для шведовъ. Эта принцесса еще болѣе огорчилась бы, когда разузнавъ о ея партіи, выразили бы сомнѣнія на счетъ ея прочности; и ее, смущенную то тѣми, то другими размышленіями, было бы еще труднѣе довести до предварительныхъ обязательствъ. Приписываютъ недостаткамъ воспитанія слѣды опасеній, которымъ она часто подвержена. Есть минуты, когда помня только о своемъ происхожденіи, она думаетъ, что у нея есть мужество, которое должна бы имѣть и внушать; но вскорѣ ей приходитъ въ голову, что она ничѣмъ не защищена отъ катастрофы и мысль видѣть себя схваченною и удаленною въ монастырь на всю остальную жизнь, погружаетъ ее въ состояніе слабости, которую она тѣмъ менѣе побѣждаетъ, что окружающіе ея не предвидятъ для себя ничего, кромѣ кнута, который имъ готовится. Было только возможно представлять ей о необходимости сдерживать свою партію (de contenir son parti). Я такъ и дѣлалъ, и она сдерживала ее, несмотря на нетерпѣніе, выказываемое ея приверженцами, а особенно гвардейскими офицерами, которые ей преданы. Впрочемъ надобно только подробно знать эту страну, чтобы убѣдиться, какъ непримѣнимы здѣсь мѣры, указываемыя благоразуміемъ для лучшаго соединенія партіи.

До сихъ поръ достаточно было только войти въ соглашеніе, и тотчасъ же чрезвычайно благопріятная для государя зависть, которая существуетъ между частными

лицами, выдастъ тайну. Примѣромъ тому служатъ всѣ заговоры, хотя они и предпринимались со всѣми необходимыми предосторожностями. Это неудобство отстранялось съ русскими только составленіемъ связей съ каждымъ въ отдѣльности; лестью, что ему одному будетъ принадлежать слава въ случаѣ успѣха и умолчаніемъ, какъ о тѣхъ, которые одинаково о томъ думаютъ, такъ и о размѣрахъ предпріятія, которое задумано привести въ исполненіе. Пойдетъ ли дѣло въ ходъ? и эти люди, завистливые одинъ къ другому, соединятся довѣрчиво и всѣми силами постараются способствовать успѣху, когда увѣрить ихъ, что при разглашеніи о предпріятіи, только этимъ они могутъ уберечь себя отъ наказанія.

Русскій смотритъ безъ страха на опасности, которымъ онъ подвергается и умираетъ съ истиннымъ героизмомъ, однако у него никогда не достаетъ мужества привести въ исполненіе намѣреніе, если знаетъ, что оно должно вести его къ смерти, когда о томъ будетъ узнано; развѣ его увлечетъ большинство и очевидность, что его тайны скрывать долѣе нельзя.

Если бы даже не существовало помощи, которую шведы могли себѣ ожидать изъ внутри Россіи, то я тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ необходимости для нихъ воспользоваться этою минутою, какъ только они начнутъ дѣйствовать энергически, т. е. съ 40 т. человѣкъ, не включая сюда ихъ флота. Россія была очень привержена къ австрійскому дому, отнынѣ она будетъ ему предана окончательно: власть, сосредоточивающаяся въ рукахъ принца брауншвейгскаго и герцогини мекленбургской, перейдетъ въ руки владѣтеля собственно нѣмецкаго, а если вѣнскій дворъ будетъ здѣсь косвенно царствовать, то это всегда отзовется вредомъ для интересовъ Швеціи и ея союзниковъ. Напротивъ же, если принцессѣ Елизаветѣ будетъ проложена дорога къ трону, то можно быть нравственно убѣжденнымъ, что претерпѣнное ею прежде,

также какъ и любовь ея къ своему народу побудятъ ее къ удаленію иноземцевъ и къ совершенной довѣрчивости къ русскимъ. Уступая склонности своей, а также и народа, она немедленно переѣдетъ въ Москву; хозяйственныя занятія, къ которымъ склонны знатные, побудятъ послѣднихъ тѣмъ болѣе обратиться къ нимъ, что они уже лишены того съ давнихъ временъ; морскія силы будутъ пренебрежены, и Россію увидятъ постепенно обращающуюся къ старинѣ, которую Долгорукіе во времена Петра II и Волынскій послѣ желали возстановить, и которая существовала до Петра I*). Вѣроятно такая система возвращенія къ старинѣ была бы постоянно опровергаема гр. Остерманомъ, и только переворотъ въ состояніи воспрепятствовать такому противоборству. Шведы при томъ вдвойнѣ выиграютъ: тогда непріязнь, возбужденная въ Елизаветѣ воспоминаніемъ прошлаго, поведетъ къ окончательному паденію этого министра; тогда Швеція, также какъ и Франція увидятъ себя освобожденными отъ могущественнаго непріятеля, который всегда будетъ противъ нихъ и имъ опасенъ. Къ этимъ доводамъ можно прибавить слѣдующіе частности:

Принцесса Елизавета ненавидитъ англичанъ, любитъ французовъ; нація (русская), которая думаетъ также,

---

*) 21 іюня 1741 г., слѣдовательно почти въ одно время съ дела-Шетарди, Финчъ писалъ: «дворяне, у которыхъ есть что терять, по большей части стоятъ за существующій нынѣ порядокъ и слѣдуютъ за потокомъ. Большая часть изъ нихъ закоренѣлые русскіе, и только принужденіе и сила могутъ помѣшать имъ возвратиться къ ихъ стариннымъ обычаямъ. Нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы не желалъ видѣть Петербурга на днѣ морскомъ, а завоеванныя области пошедшими къ чорту, лишь бы только имѣть возможность возвратиться въ Москву, гдѣ вблизи своихъ имѣній, они бы могли жить съ большею роскошью и съ меньшими издержками. Они не хотятъ имѣть никакого дѣла съ Европою, ненавидятъ иноземцевъ: лишь бы ими пользоваться на время войны, а потомъ избавиться отъ нихъ. Имъ также противны морскія путешествія, и для нихъ легче быть сосланными въ страшныя мѣста Сибири, чѣмъ служить на корабляхъ.» (La cour de la Russie il y a cent ans, Berlin 1858, p.p. 86, 87.)

можетъ быть удержана денежными и личными разсчетами, которые ставятъ ее въ зависимость отъ англичанъ; но если русскимъ помочь въ этомъ случаѣ, то не невозможно будетъ отвлечь ихъ, и тогда освобожденные французы будутъ покрайней мѣрѣ надѣяться завести здѣсь торговлю на развалинахъ англійской, столько же выгодную, сколько она нынѣ убыточна вслѣдствіе необходимости вести ее чрезъ руки англичанъ и голландцевъ.

21 апрѣля.
2 мая.

..... Этотъ документъ (манифестъ о преступленіяхъ Бирона*) заслуживаетъ вниманія только потому, что онъ касается человѣка, котораго судьба быть можетъ была безпримѣрна. Впрочемъ, исключивъ это, можно удивляться, что русскій дворъ, повѣдывая довольно безполезно всей Европѣ причины наказанія, которое счелъ нужнымъ опредѣлить частному лицу, приводитъ въ его обвиненію обстоятельства, столь слабыя, что вмѣняетъ ему въ преступленіе деньги и подарки, которые покойная императрица ему всегда давала изъ своей казны; употребляетъ противъ него аргументы, которые обращаются къ стыду герцога браушвейгскаго и распространяетъ, наконецъ, немилость на 5 и 7 лѣтнихъ дѣтей, отца которыхъ считаютъ и наказываютъ, какъ оскорбителя величества.

Я узналъ отъ Мардефельда, что когда онъ былъ у гр. Остермана для сообщенія того, что передалъ ему прусскій король (о сраженіи при Молевицѣ**) то вест-

*) Напечатанъ въ брошюрѣ «Дѣло о Биронѣ» Москва 1862 г.

**) При деревнѣ Молевицъ пруссаки одержали большую побѣду надъ австрійцами 10 апрѣля 1741 г.

фальская кровь не могла измѣнить ему (se démentir en lui).....

28 апрѣля.
9 мая.

Нолькенъ сообщилъ мнѣ вчера, что онъ узналъ изъ вѣрныхъ рукъ, что правительница сказала: „надобно ужасно ласкать принцессу Елизавету, чтобы вѣрнѣе опутать ее въ сѣтяхъ, когда придетъ тому время.“ Онъ прибавилъ, что его также увѣряли, что гр. Остерманъ составилъ проектъ похитить герцога голштинскаго, привести его сюда и вынудить у него полное отреченіе, которое можетъ утвердить на тронѣ молодаго царя, также какъ и власть, которою пользуется отъ имени его правительница и принцъ брауншвейгскій, и предоставить настоящему правительству свободу не стѣсняться болѣе съ принцессою Елизаветою. Я находилъ, что невозможно дать полную вѣру такому извѣстію, и отвѣчалъ, что мысль правительницы могла согласоваться съ здравою политикою, но срокъ осуществить ее кажется болѣе удаленъ, чѣмъ сколько думаетъ эта принцесса, если принять во вниманіе привязанность народа къ Елизаветѣ. Я согласился съ Нолькеномъ, что проектъ похищенія герцога голштинскаго, хотя высказываетъ странное насиліе, однако не можетъ устрашить людей, думающихъ такъ, какъ они (т. е. Остерманъ, принцъ брауншвейгскій); что я не могу однако вѣрить, чтобы они, если рѣшатся на подобную крайность, не предвидѣли, что въ подобномъ случаѣ интересъ государей породитъ имъ затрудненія со стороны даже тѣхъ, которые вовсе не были противниками этому двору. Поэтому я полагалъ, что единственное употребленіе, которое можно сдѣлать изъ такого извѣстія — это сообщить его графу Гиллен-

боргу, что и будетъ достаточнымъ для того, чтобы Швеція приняла необходимыя предосторожности, предполагая, что она заинтересована въ сохраненіи этого принца.

Король датскій даетъ царю титулъ императора.

$\frac{2}{13}$ мая.

Немилость Миниха не повлечетъ за собою немилостей его сына и брата. Первый знаетъ только свое званіе придворнаго, исполняетъ его съ точностію и хорошъ при дворѣ; второй — человѣкъ съ здравымъ смысломъ, полезный, когда имъ руководятъ. Онъ никогда ни во что не вмѣшивался и не былъ на столько друженъ съ фельдмаршаломъ, чтобы его изъ того безпокоили. Я даже полагаю, что и фельдмаршалъ Минихъ можетъ сохранить себѣ спокойствіе, которымъ наслаждается, лишь бы только онъ не замышлялъ волненій и не подавалъ бы повода придираться къ нему въ этомъ отношеніи, а остатокъ признательности къ нему правительницы можетъ положить преграды намѣреніямъ, которыя по видимому имѣетъ гр. Остерманъ, чтобы отдѣлаться отъ него. Безъ сомнѣнія увѣренность въ такихъ намѣреніяхъ Остермана, столько же какъ и убѣжденіе въ началахъ, которыми обыкновенно руководится русскій дворъ, подали поводъ къ распространенію ложнаго слуха, что этотъ генералъ былъ арестованъ. Дѣйствительно его мѣсто заступитъ Ласси. Чтобы васъ не оставлять въ сомнѣніи отъ разнорѣчивыхъ слуховъ, о немъ сообщенныхъ вамъ, имѣю честь увѣдомить, что онъ далекъ отъ того, чтобы быть преданнымъ пьянству: это человѣкъ воздержный и разумный; войска къ нему имѣютъ болѣе довѣрія, чѣмъ къ его сопернику (Миниху), но у него нѣтъ счастья,

и онъ довольно разбитъ и трудно переносятъ тяжести похода.

$\frac{2}{13}$ мая.

Какъ ни вѣроятнымъ казалось вамъ, что открытіе гр. Остерманомъ сношеній принцессы Елизаветы съ шведскимъ министромъ подало поводъ къ передвиженію войскъ, однако я не ошибусь, увѣривъ васъ, что до сихъ поръ даже нѣтъ признаковъ, чтобы подозрѣвали о томъ. На основаніи свидѣтельства гр. Гилленборга могу вамъ подтвердить надежду, что Гилленштіернъ вовсе не проникъ въ нашу тайну и даже не могъ ее открыть, а тѣмъ самымъ былъ лишенъ возможности передать о ней Бестужеву [27]).

Въ одномъ изъ послѣднихъ моихъ писемъ вы видѣли сильную необходимость, чтобы принцесса Елизавета была въ совершенной безопасности касательно этого предмета. Если, противъ вашего ожиданія, она не испугалась волненія, произведеннаго довольно значительнымъ числомъ ея сторонниковъ по нѣкоторымъ провинціямъ, то это произошло отъ того, что на это смотрѣли, какъ на бездѣлицу, и къ счастію все приписывали скорѣе вліянію первыхъ впечатлѣній неизвѣстности о новомъ правительствѣ въ ту минуту, когда до отдаленныхъ мѣстъ достигла вѣсть о паденіи герцога курляндскаго. Можетъ быть въ началѣ даже хотѣли притворяться и не считали себя достаточно сильными, чтобы употребить силу, а также и донынѣ притворяются, чтобы не дать повода ко внутреннимъ безпокойствамъ, а о легкости возбудить ихъ, трудно было бы не знать, покрайней мѣрѣ такъ говорилъ намъ сегодня хирургъ. Впрочемъ вы ошиблись бы, предполагая, что отъ меня зависитъ слѣдить за результатомъ, который они (волненія) будутъ имѣть. Она-

сенія волнуютъ здѣсь каждаго и не допускаютъ завести корреспондентовъ; даже тѣ, которые болѣе въ состояніи имѣть ихъ, узнаютъ съ величайшимъ затрудненіемъ о происходящемъ между Петербургомъ и Москвою. Можно сказать, что будто тамъ послѣднее обитаемое мѣсто. Остаются въ безвѣстности, что дѣлается далѣе, и достаточно только человѣку быть заброшеннымъ далѣе Москвы, какъ прекращается всякая надежда получить извѣстіе, что съ нимъ сдѣлалось. Правда, что употребляемый при томъ способъ совершенно особенный и что трудно въ томъ увѣриться. Лицо, напримѣръ, посылаемое въ ссылку, сопровождаемо болѣе или менѣе солдатами для того, чтобы ничего не доходило о немъ изъ мѣста, куда его ссылаютъ; эти солдаты остаются на все время пребыванія ссыльнаго и, ни въ чемъ не виноватые, кончаютъ свои дни въ Сибири, если ссыльный осужденъ провести тамъ весь остатокъ жизни. Повѣренный прибавилъ секретарю, что передалъ Нолькену, что ему болѣе уже невозможно бывать у этого министра, и напрасно ему представляли, какъ было бы важно переговорить съ нимъ въ послѣдній разъ, чтобы дать почувствовать, что отнынѣ все зависитъ отъ принцессы. Ей слѣдуетъ согласиться выдать г. Нолькену необходимое требованіе (requisition nécessaire), чтобы облечь въ законную форму свои домогательство, а мнѣ — родъ обѣщанія подтвердить будущія надежды шведовъ. Хирургъ только и выказывалъ безпокойство, которымъ онъ былъ объятъ; каждый предметъ усугублялъ его ужасы; при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ, онъ кидался къ окну и считалъ себя уже погибшимъ. Достаточно было ему придти къ Нолькену, чтобы быть арестованнымъ по выходѣ отъ него; по дошедшимъ до него слухамъ, и принцесса никогда не была такъ вынуждена къ чрезвычайной осторожности, потому что должна опасаться ни болѣе, ни

менѣе, или яда, или какого нибудь насилія противъ ея особы.

Признаюсь, я находилъ нѣсколько преувеличенною эту картину, чтобы совершенно повѣрить ей. Можетъ быть, что принцесса считаетъ себя обязанною быть осторожною; что отъ того является довольно слабости, чтобы опасаться себя компрометировать, ссужая свое имя, и что хирургъ, замѣчая у ней къ тому непреодолимое отвращеніе, преувеличилъ дѣло и тѣмъ избѣгнулъ объясненій. Я буду судить объ этомъ съ большею достовѣрностью, когда опять увижусь съ принцессою. Чтобы не удивлять никого, я уже придумалъ произнести громко, по окончаніи привѣтствія на аудіенціи у ней, что чѣмъ долѣе лишенъ былъ счастья свидѣтельствовать ей мое почтеніе, тѣмъ болѣе надѣюсь, что она соблаговолитъ, чтобы я вознаградилъ себя за это послѣ выполненія обязанности, которую долженъ былъ исполнить въ отношеніи ея. Впрочемъ будьте увѣрены, что признательность, которую будетъ питать принцесса Елизавета къ Швеціи въ случаѣ, если бы успѣхъ соотвѣтствовалъ видамъ его величества, не помѣшаетъ этой принцессѣ отличить настоящую пружину, приведшую машину въ движеніе — необходимость убѣдить ее въ томъ слишкомъ очевидна, чтобъ я пренебрегъ ею.

Мы хотѣли, Нолькенъ и я, увѣриться, точно-ли пріѣздъ г. Крама *) не былъ слѣдствіемъ какихъ-нибудь попытокъ касательно предположеннаго брака Елизаветы съ принцемъ брауншвейгскимъ (братомъ Антона Уль-

*) Вотъ что записано объ этомъ Крамѣ въ La clef du cabinet des princes de l'Europe, іюнь 1741 г., стр. 465, 466, и іюль, стр. 53: брауншвейгскій тайный совѣтникъ Крамъ, тотъ самый, который за два года передъ тѣмъ былъ въ Россіи по случаю бракосочетанія принца Антона Ульриха съ принцессою Анною, въ апрѣлѣ 1741 г. снова прибылъ въ Петербургъ. Ему дано порученіе устроить супружество между Елизаветою и принцемъ Людовикомъ брауншвейгъ—вольфенбюттельскимъ.

риха). Повѣренный велѣлъ намъ сказать, что правительница сама взяла на себя переговоры объ этомъ дѣлѣ; но принцесса рѣшительно объявила, что какъ ни тронута она тѣмъ, что заботятся такъ о ея положеніи, тѣмъ не менѣе она никогда не въ состояніи чувствовать признательности за то, что будетъ вынуждена преступить клятву никогда не выходить замужъ.

Примѣчаніе.

[27]) Если Гилленштіернъ точно ничего не сообщалъ Бестужеву о сношеніяхъ Елизаветы съ шведскимъ правительствомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы при русскомъ дворѣ ничего не подозрѣвали о томъ. Финчь, которому, по политическимъ видамъ его правительства, чрезвычайно были непріятны эти сношенія, Финчь долгомъ считалъ предупреждать о томъ русское правительство. Такъ въ депешѣ, отъ 21 іюня 1741 г., онъ доносилъ: „я дѣлалъ разныя представленія гр. Остерману о происках французскаго и шведскаго посланниковъ. Онъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ—такой у него обычай сдерживаться при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Такъ у него была подагра въ правой рукѣ, когда по смерти Петра II онъ долженъ былъ подписывать актъ, ограничивающій власть его наслѣдника. Это кормчій въ хорошую погоду, скрывающійся подъ палубу во время бури. Онъ всегда становится въ сторонѣ, когда правительство колеблется.“

„Принцъ брауншвейгскій болѣе откровененъ. Онъ признался, что сильно подозрѣваетъ, что французскій посланникъ и шведскій министръ замышляютъ что-то. Его свѣтлость признавался мнѣ, что онъ замѣтилъ тѣсную связь г. де-ла-Шетарди съ гановерцомъ Лестокомъ,

хирургомъ принцессы Елизаветы, который лечитъ ее; что этотъ посланникъ часто отправляется по ночамъ, переодѣтый, къ принцессѣ Елизаветѣ и что какъ нѣтъ никакихъ признаковъ тому, чтобы между ними существовали любовныя отношенія (comme rien n'indique qu'il y ait entre eux de la galanterie), то должно думать, что у нихъ пущена въ дѣло политика. Принцъ прибавилъ, что если поступки этой принцессы сдѣлаются явно двусмысленными, то она не будетъ первою русскою женщиною, запертою въ монастырь. Я думаю, что ей это понравится всего менѣе на свѣтѣ и что такое средство будетъ быть можетъ опасно, потому что у ней нѣтъ никакого расположенія къ отшельнической жизни и она чрезвычайно любима и популярна"...

„Однако, Остерманъ наконецъ рѣшился взяться за дѣло и дошелъ даже до того, что спрашивалъ меня, не посовѣтую ли я арестовать Лестока? Я отвѣчалъ, что ему лучше должно быть извѣстно, какъ слѣдуетъ поступать и доставать поболѣе обличительныхъ доказательствъ, потому что въ случаѣ недостаточности ихъ, и такъ какъ Лестокъ привязанъ къ Елизаветѣ и ея обыкновенный медикъ, то арестованіе его можетъ быть слишкомъ преждевременно. Остерманъ соглашался со всѣмъ этимъ, и я прибавилъ, что для избѣжанія подозрѣній, хотя избѣгаю всякихъ короткихъ сношеній съ Лестокомъ, однако иногда бываю у него.

На это графъ Остерманъ совѣтывалъ мнѣ пригласить къ себѣ его обѣдать — онъ любитъ хорошее вино и можетъ проговориться. На это я ему ничего не отвѣчалъ, потому что я такого мнѣнія, что если посланниковъ и считаютъ за шпіоновъ своихъ государей, то все таки они не обязаны нести этой должности для другихъ. Впрочемъ мое здоровье не дозволяетъ мнѣ toquere vino.—Будущее полно неизвѣстности. (La cour de la Russie il y a cent ans, p.p. 84, 85)"...

Изъ распросовъ Остермана, Левенвольда и Миниха сына, по восшествіи на престолъ Елизаветы, открылось, что еще весною 1741 года русскому правительству, „письмо и предостроги (т. е. предостереженія) отъ нѣкотораго чужестраннаго двора (конечно англійскаго), якобы о имѣющейся въ россійскомъ государствѣ по дѣйствіямъ нѣкоторыхъ иностранныхъ министровъ факціи сюда пришли.“ „Самъ онъ, Остерманъ (по его показанію), того письма конечно не выдумывалъ и не диктовалъ, а списалъ съ того ко двору сообщеннаго письма копію Гроссъ*) своею рукою, и изъ того-де письма писано было экстрактомъ, и тотъ экстрактъ черный писанъ былъ рукою тайнаго совѣтника Бреверна, а на бѣло переписывалъ Гроссъ по его приказу... да о томъ же дѣлѣ была вѣдомость изъ Брюсселя въ письмѣ бывшаго на предь сего здѣсь Совплана; и памятуется, что такія жъ извѣстія были и при реляціяхъ гр. Головкина изъ Голландіи“..... Левенвольдъ показывалъ: „письмо писано отъ Совплана къ графу Остерману, и оное-де письмо Остерманъ прислалъ къ нему съ Бреверномъ, или съ кѣмъ изъ секретарей, чтобъ показать принцессѣ Аннѣ. При томъ же письмѣ въ цидулкѣ написано было, что одинъ изъ брабандскихъ губернаторовъ, именемъ Тундерфельдъ, разговаривая съ нимъ, съ Совпланомъ, сказывалъ ему, яко бы Швеція нѣкоторыя здѣсь согласія противъ фамиліи императорской имѣетъ“... Минихъ сынъ: „предъ нѣсколькими мѣсяцами слышалъ онъ отъ генералиссимуса о письмѣ, яко бы отъ нѣкотораго двора еще весною престереженіе учинено, что понеже нѣкоторый чужестранный министръ здѣсь интриги дѣлаетъ, дабы въ Россіи къ сторонѣ ея императорскаго величества (т. е. Елизаветы) перемѣнить, и якобы и шведы для возстановленія на россій-

*) Объ этомъ Гроссѣ см. ниже, примѣчаніе 47.

скій престолъ герцога голштинскаго стараются... Ему же, Миниху, предъ недавнимъ временемъ, бывшій оберъ гофмаршалъ Левенвольдъ сказалъ, что получено-де изъ Брабандіи письмо отъ Совплана, въ которомъ въ постскриптѣ было написано, что сказалъ ему, Совплану, обрѣтающійся въ голландской службѣ генералъ, который родомъ шведъ, что-де шведы войну противъ Россіи только въ одной такой надеждѣ начали, что они заподлинно знаютъ, что въ Россіи великая партія къ нимъ склонною имѣется."

Принцесса показывала это письмо Елизаветѣ, которая отвѣчала, что ничего не знаетъ. При томъ правительница наказывала Остерману „чтобы по подозрѣнію въ томъ дѣлѣ на нѣкотораго чужестраннаго министра конечно его отлучить отсюда стараться." Гр. Остерманъ, по словамъ Левенвольда, „на сіе велѣлъ донесть, что-де не весьма прилично, чтобъ при нынѣшней шведской войнѣ безъ всякой публичной причины его отсюда отозвать"....

$\frac{5}{16}$ мая.

...У него (Остермана) были колики; жизнь его по собственнымъ словамъ, была рядомъ страданій; боли, которыя быстро являлись у него, заставляли его дѣлать тысячу гримасъ; въ креслѣ онъ никакъ не могъ усидѣть покойно; тяжело дышалъ, кашлялъ ужасно и утиралъ безпрестанно лицо; а между тѣмъ изъ подъ своего зонтика кидалъ на меня взгляды, чтобы лучше проникнуть мои мысли. Онъ выказался чрезвычайно тронутымъ и даже оскорбленнымъ моими подозрѣніями. Говорилъ, что уже очень давно исполняетъ эту должность, чтобы не понять меня, но что я оскорбляю русскій дворъ, какъ

скоро не признаю принциповъ, которыми онъ руководится.

Графъ Остерманъ сказалъ, что я могу быть увѣренъ, что до сихъ поръ не бывало примѣра, чтобы видѣли русскаго принца крови, прежде достиженія имъ одного года.

18 мая. Марли. Министръ маркизу де-ла-Шетарди.

Дѣло Елизаветы не чувствительно клонится къ упадку. Такой образъ дѣйствій столь похожъ на измѣненіе намѣренія, въ которомъ не смѣютъ признаться, что я не могу скрыть моего опасенія увидѣть принцессу Елизавету отступившею въ ту минуту, когда шведы приступятъ къ дѣлу; ничто не будетъ такъ опасно и печально для предпріятія Швеціи, ни болѣе вредно для дѣлъ короля, потому что, независимо отъ несбывшейся надежды не встрѣтить никакой диверсіи отъ русскихъ войскъ, по случаю волненій приверженцевъ Елизаветы, будетъ чистый убытокъ отъ того, что мы способствовали къ побужденію Швеціи высказаться и дѣйствовать.

Нѣтъ возможности не находить страннымъ то, что высказала принцесса Елизавета Нолькену объ умѣ и личномъ характерѣ правительницы. Каково бы ни было расположеніе послѣдней къ принцу ея супругу и сожалѣнія объ отставкѣ Миниха, я не вижу довольно прочности, ни твердости въ ея видахъ, также какъ и у гр. Остермана касательно принца брауншвейгскаго, чтобы убѣдить себя, что планъ, который вы приписываете гр. Остерману, могъ быть исполненъ и проч.

9 мая. Маркизъ де-ла-Шетарди.

Представляютъ въ самомъ прекрасномъ свѣтѣ милосердіе правительницы, которая дозволила герцогу курлянскому, вмѣсто заключенія въ приготовленномъ для него домѣ, переселиться за Тобольскъ. Ему дана прислуга.... но если всѣ его служители таковы, какъ капеланъ и хирургъ, назначенные слѣдовать за нимъ, то онъ будетъ окруженъ ужасными негодяями. Первый, для избѣжанія огромнаго скандала, долженъ былъ сидѣть въ тюрьмѣ всю жизнь; второй подлежалъ смертной казни за смертоубійство.

19 мая.

Нолькенъ высказалъ своему двору слишкомъ много надеждъ, которыхъ ожидалъ отъ моихъ стараній. Я употребилъ всѣ мои усилія, чтобы подбить хирурга и преодолѣть препятствія, раждающіяся отъ робости его и принцессы Елизаветы. Теперь вы узнаете, что тщетны усилія излечить людей отъ страха. Вы видите, что принцесса Елизавета не понимаетъ своихъ интересовъ, когда даетъ поводъ къ такому странному извѣстію. Ни время, ни размышленіе по видимому не измѣняютъ ее. Дней съ десять, какъ она была въ деревнѣ, и мнѣ невозможно было свидѣться съ хирургомъ. Нолькенъ не былъ счастливѣе меня, хотя, по случаю кровопусканія, онъ бы могъ свидѣться съ нимъ. Человѣкъ, который служилъ Нолькену съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, и котораго вѣрность онъ испыталъ, приходилъ сказать ему, что гвардейскіе офицеры выходятъ изъ терпѣнія, не слыша ничего, и возложили на него выразить принцессѣ Елизаветѣ, что ея молчаніе тѣмъ болѣе удивляетъ ихъ, что ей

слѣдуетъ разъяснить имъ, какъ могутъ они хорошо услужить ей?

Предосторожность отложить до завтра объясненія съ этимъ человѣкомъ, чтобы лучше обсудить такое домогательство, доставила Нолькену возможность предварительно условиться со мною, и мы рѣшили, что предпринимаемое означеннымъ лицомъ можетъ болѣе разъяснить настоящія намѣренія Елизаветы, а потому будетъ кстати укрѣпить посланнаго въ рѣшимости: передать это принцессѣ отъ имени только однихъ офицеровъ, что тѣмъ болѣе нужно, что она будетъ знать о помощи, въ которой предполагаетъ имѣть нужду, и о возможности не успѣть и сдѣлать чрезъ то многихъ несчастными, если только пренебрежетъ привести замыселъ въ исполненіе. Одно частное обстоятельство можетъ придать болѣе вѣса такому представленію: семеновскій капитанъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ приверженцевъ принцессы Елизаветы и на котораго падало нѣкоторое подозрѣніе, три дня тому назадъ былъ въ караулѣ во дворцѣ. Принцъ брауншвейгскій велѣлъ его позвать къ себѣ. — „Что съ тобою, спросилъ онъ его въ присутствіи генерала Стрешнева, маіора того же полка и зятя гр. Остермана, я слышу, что ты грустишь, развѣ ты недоволенъ?“ Капитанъ ему отвѣчалъ, что онъ имѣетъ причины къ тому и иногда точно впадаетъ въ глубокую задумчивость: у него многочисленное семейство, которое съ трудомъ онъ пропитываетъ, такъ какъ небольшое имѣніе его около Москвы, что лишаетъ его возможности извлекать оттуда какія-нибудь выгоды. — „Я вашъ полковникъ, возразилъ принцъ брауншвейгскій, и желаю, чтобы вы были счастливы и моими друзьями; обращайтесь ко мнѣ довѣрчиво, — и я всегда буду поступать такъ, какъ въ эту минуту,“ присовокупилъ онъ, вручая ему кошелекъ съ 300 червонцами. Генералъ Стрешневъ не даромъ присутствовалъ тутъ: отозвавъ къ сторонѣ капитана, какъ только тотъ

вышелъ изъ покоя принца, онъ хвалилъ доброе сердце послѣдняго, его великодушіе, не менѣе прославляя при томъ и правительницу, и заключилъ указаніемъ на многочисленность иностранныхъ министровъ при дворѣ, чтобы возвысить велиное значеніе этой принцессы, которымъ она пользуется въ цѣлой Европѣ. При этомъ же случаѣ, онъ далъ ему почувствовать, что принцесса Елизавета въ пренебреженіи и у иностранныхъ государей, и у своего собственнаго народа, и что если не хочешь попасть въ просакъ, то лучше всего придерживаться нынѣшняго правительства. Капитанъ постоянно съ нимъ соглашался и выдержалъ свою роль съ такимъ присутствіемъ духа, какъ будто бы приготовлялся къ ней заранѣе. Впрочемъ онъ очень примирился съ развязкою, не измѣнивъ однако своей преданности. И такъ должно предполагать, что этотъ случай навѣрное будетъ переданъ принцессѣ Елизаветѣ и побудитъ ее предпринять что нибудь, могущее извлечь ее изъ положенія, въ которомъ хотятъ ее держать. Съ другой стороны, она выскажется рѣшительно способною заблуждаться, когда не захочетъ понять языка, которымъ съ нѣкотораго времени говорятъ отдѣльно и вмѣстѣ русскіе и австрійскіе министры, и не признаетъ, что внушеніями будто принцъ брауншвейгскій, не будучи русскимъ принцемъ крови, однако есть и долженъ быть признаваемъ первымъ русскимъ принцемъ крови, потому что его сынъ на престолѣ — хотятъ заранѣе обезпечить ему званіе, которое, въ случаѣ надобности, можетъ дѣлать его предпочтительнымъ къ наслѣдованію.

Мы полагаемъ, Нолькенъ и я, что ничто такъ не доказываетъ слабость и сильное безпокойство, которымъ подвержено правительство, какъ происшедшее между принцемъ брауншвейгскимъ и семеновскимъ капитаномъ. Способъ привлекать къ себѣ людей ласкою и благодѣяніями здѣсь неизвѣстенъ; малѣйшее подозрѣніе влечетъ

за собою пытку кнутомъ, если считаютъ себя въ состояніи пользоваться властью.

1 іюня, Версаль. Отвѣтъ министра маркизу де-ла-Шетарди на письмо отъ 2 мая.

Нельзя однако охуждать причины ея опасеній, также какъ и деликатность, выказываемую ею касательно того, что можетъ повредить интересамъ Россіи и пріобрѣтеніямъ, добытымъ великими трудами Петра I; но въ настоящемъ ея положеніи, она тѣмъ не менѣе должна остановиться на той мысли, что это единственное средство къ достиженію престола, и на приближеніе къ нему она никогда не можетъ надѣяться, если упуститъ случай, представляющійся нынѣ.

$\frac{23 \text{ мая.}}{3 \text{ іюня.}}$

Бестужевъ получилъ 500 (пропускъ въ рукописи) *).

(Слѣдуютъ отрывки изъ отдѣльныхъ словъ, полунамеки, смыслъ которыхъ непонятенъ).

$\frac{2}{13}$ іюня.

Слабость и опасеніе съ нѣкотораго времени владычествуютъ надъ всѣмъ.... Русскій дворъ находится въ страхѣ, который трудно изобразить.

---

*) 18 мая 1741 г. состоялся указъ о возвращеніи Алексѣю Бестужеву-Рюмину конфискованнаго у него имущества, и ему велѣно жить въ деревняхъ; на проѣздъ и пропитаніе ему дано 500 рублей (Дѣло о курлянд. герцогѣ Биронѣ, Москва, 1862 г., стр. 101).

$\frac{6}{17}$ іюня.

Герцогъ курляндскій будетъ перевезенъ въ мѣсто, которое ему было предназначено прежде. Неизвѣстна причина такого измѣненія. Онъ получаетъ по 15 руб. въ день; назначеннымъ ему въ услуженіе людямъ будутъ платить особо. Всего на него 6 т. р. въ годъ.

20 іюня новаго стиля.

Спокойствіе и молчаніе принцессы Елизаветы менѣе, чѣмъ когда либо, должно внушать безпокойство. Я приписывалъ и то, и другое страху, и нынѣ въ томъ убѣдился: гвардейскіе офицеры, которые стерегли минуту, чтобы съ ней говорить, встрѣтили ее третьяго дня въ лѣтнемъ саду, приступили къ ней, и одинъ, стоявшій ближе другихъ, сказалъ ей: „матушка, мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній, что наконецъ велишь намъ?“—„Ради Господа, молчите, отвѣчала она; и опасайтесь, чтобъ васъ не услыхали: не дѣлайте себя несчастными, дѣти мои, не губите и меня! Разойдитесь, ведите себя смирно: минута дѣйствовать еще не наступила. Я васъ велю предупредить.“ Эта робость произвела хорошее дѣйствіе, хотя отвѣтъ очень характеристиченъ и, причинивъ неудовольствіе офицерамъ, понудилъ ихъ однако уважить то, чего она желала. Принцесса сама вовсе не думала, что она этимъ удержитъ нетерпѣніе, которое дѣйствительно существуетъ между офицерами, но оно не можетъ выказаться прежде, чѣмъ послѣдуетъ рѣшительный ударъ.

(Слѣдующее за тѣмъ въ депешѣ ничтожно).

13 іюня. Новости изъ Константинополя.

Турецкій посланникъ по прежнему въ Новгородѣ. Рѣчь идетъ объ Азовѣ. Совѣтуютъ туркамъ подбить противъ Россіи татаръ; но эти варвары, при отсутствіи прямыхъ выгодъ, не понимаютъ тактики, которой должны слѣдовать. Связи Англіи и Россіи укрѣпились. Отзывъ Финча разрѣшенъ.

16 іюня.

Нолькенъ, который при помощи дѣвицы Менгденъ, своей землячки по Ливоніи, воспользовался случаемъ проститься у ней съ правительницею безъ всякой церемоніи и даже видѣлъ при томъ царя*), не извлекъ никакой выгоды изъ долгаго разговора съ принцессою Елизаветою. Этотъ министръ, надобно отдать ему справедливость, не забылъ ни одного довода для убѣжденія принцессы. Онъ съ одинаковою убѣдительностью представлялъ ей о необходимости имѣть оправдательный документъ (de se légitimer), чтобы обезпечить себя и говорить болѣе прямо. Нолькенъ всю вину сваливалъ на повѣреннаго и казался убѣжденнымъ, что тотъ и скрывалъ отъ принцессы истину, и былъ не точенъ при передачѣ ей о необходимости письменнаго требова-

*) Нолькенъ отправился изъ Петербурга 23 іюня 1741 г. Въ Mercure historique, за августъ 1741 г., стр. 198, сообщалось, что наканунѣ своего отъѣзда, Нолькенъ былъ у одной изъ придворныхъ дамъ, у которой случайно встрѣтилъ великую княгиню правительницу. Онъ воспользовался этимъ, чтобы проститься съ нею, такъ какъ не могъ имѣть формальной аудіенціи за непредставленіемъ новыхъ вѣрительныхъ грамотъ. Правительница ему показала въ первый разъ императора и заставила этого юнаго монарха наклонить голову, что значило, что его императорское величество посылаетъ поклонъ королю.

нія. Принцесса Елизавета нисколько не оправдывала своего повѣреннаго, но скорѣе одобряла падавшее на него обвиненіе и давала замѣтить, что не помнитъ хорошенько о чемъ шла рѣчь. Нолькенъ не скрылъ отъ нея удивленія, что предметъ такой огромной важности не оставался постоянно въ ея памяти; онъ напомнилъ ей о содержаніи требованія и объ имѣніи у нея въ рукахъ копіи, списанной повѣреннымъ мѣсяца съ три назадъ. Какъ она отозвалась незнаніемъ, гдѣ находится въ настоящую минуту эта бумага, и какъ я предвидѣлъ заранѣе такой случай, то Нолькенъ, по предварительному соглашенію со мною, отвѣтилъ ей, что подлинникъ у него въ карманѣ, и все можетъ быть окончено въ одну минуту, такъ какъ достаточно только ей подписать и приложить свою печать. Присутствіе камергера, который казался ей подозрительнымъ, выставлено было ею, какъ причина къ отказу въ томъ. Впрочемъ она высказалась столько-же признательною къ расположенію Швеціи, сколько убѣжденною въ быстромъ дѣйствіи, которое произведутъ первыя демонстраціи со стороны шведовъ. Она сильно увѣряла Нолькена, что ждетъ только этой минуты, чтобы положить конецъ предосторожностямъ, къ которымъ вынуждена теперь, и, согласно желанію Нолькена, обѣщала прислать къ нему завтра утромъ повѣреннаго. Онъ не преминулъ быть, но не привезъ съ собою помянутаго письменнаго требованія. Приманка награды, предложенной ему подъ тѣмъ же предлогомъ, какъ это обыкновенно заведено между дворами при окончаніи министрами негоціацій, заставила его дать слово употребить послѣднее усиліе и пріѣхать въ понедѣльникъ вечеромъ. Однако онъ этого не исполнилъ. Нолькенъ, послѣ тщетнаго ожиданія, принужденъ былъ утромъ отправиться въ путь, не доставъ того, чего желалъ всего болѣе. Правда, что вчера утромъ повѣренный вручилъ ему письмо отъ принцессы къ молодому

герцогу голштинскому, гдѣ какъ было передано о томъ словесно, выражено все то, чѣмъ принцесса обязана королю, и сдѣлана ссылка на Нолькена, что онъ можетъ объяснить ему молчаніе, которое — какъ поймет герцогъ — не могла она не сохранять вмѣсто отвѣтовъ на всѣ его письма. Содержаніе письма принцессы не замедлитъ, безъ сомнѣнія, сдѣлаться вамъ извѣстнымъ, также какъ и мнѣ, если только Нолькенъ послѣдуетъ данному отъ меня совѣту побудить гр. Гилленборга прочесть письмо прежде врученія его по назначенію. Впрочемъ, рѣчи повѣреннаго не сходствовали съ тѣми, которыя вела принцесса. Онъ утверждалъ предъ Нолькеномъ, что всегда старательно передавалъ то, что ему поручали и что даже за напоминаніе о письменномъ требованіи принцесса сердилась на него въ продолженіи многихъ дней; что онъ зналъ, что ложные слухи, распущенные на счетъ Гилленштіерна и о соглашеніи, о которомъ я старался вслѣдствіе приказанія имѣть его, Лестока, посредникомъ, удержали принцессу; что мысль о возможности поступить съ Нолькеномъ безъ всякаго вниманія къ его званію посланника, помѣшала ему (т. е. повѣренному) побѣдить страхъ, который объялъ принцессу при мысли, что ея письменное требованіе, найденное въ такомъ случаѣ въ рукахъ Нолькена, неизбѣжно должно погубить ее и приверженцевъ ея. Такое опасеніе противорѣчило передачѣ письма на имя молодаго герцога голштинскаго. Какъ человѣкъ благоразумный, Нолькенъ удовольствовался замѣтить это, не высказывая своихъ мыслей, такъ какъ минуты были слишкомъ дороги, чтобы возбуждать пренія или подавать принцессѣ поводъ къ раскаянію въ томъ, что она вручила письмо этому министру. Я сдѣлалъ Нолькену внушенія, могшія возбудить его участіе къ положенію, въ которое меня поставила принцесса Елизавета своимъ молчаніемъ. Онъ воспользовался этими внушеніями свыше моихъ

ожиданій, если только онъ былъ на столько искреннимъ, на сколько я довѣрчивымъ къ тому, что онъ мнѣ сообщилъ. Онъ изобразилъ живыми красками затрудненіе, въ которое необходимо я поставленъ тѣмъ, что не въ состояніи въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ дать моему двору никакого вѣрнаго отвѣта; весьма откровенно представлялъ принцессѣ, что требуетъ вѣжливость и чему Европа съ трудомъ повѣритъ, когда она (принцесса), одобряя столь выгодныя предложенія, сдѣланныя ей его величествомъ, пренебрегла бы ими воспользоваться; также упрекалъ ее, что она пропустила случай говорить со мною во время прогулки въ лѣтнемъ саду въ тотъ день, когда я былъ тамъ; напоминалъ ей, что съ перваго же раза, какъ имѣлъ честь говорить съ нею, онъ не скрывалъ о существованіи союза между Франціею и Швеціею, и о соглашеніи, которое необходимо было устроить для достиженія цѣли. Слѣдовательно ей будетъ полезно знать, что какъ ни расположены можетъ быть шведы жертвовать для нея своею кровью и жизнью, однако такое расположеніе навсегда останется безсильнымъ, если Франція не приведетъ машины въ движеніе; что если, наконецъ, способъ, избранный его величествомъ для возведенія ея на тронъ, не былъ достаточенъ, чтобы заставить ее войти въ правильныя сношенія со мною, то она должна все таки признать, какъ заняты судьбою ея во Франціи изъ того, что по большей части для нея я (де-ла-Шетарди) сильно настаивалъ о соблюденіи правилъ церемоніала, между тѣмъ всѣ министры другихъ дворовъ безъ затрудненій роняли ея достоинство. Принцесса Елизавета, какъ для объясненія своего молчанія со мною, такъ и для извиненія въ томъ, что избѣгала меня во время прогулки, все ссылалась на предосторожности, къ которымъ она вынуждена, и обѣщалась, въ вознагражденіе прошедшаго, приказать новѣренному сообразоваться съ

моими приказаніями каждый разъ, когда признаю я то за нужное, и прибавила, что хотя ей бы и надобно быть осторожной во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, однако она не откажется ни отъ одного способа, который я ей укажу, когда она можетъ говорить со мною, не возбуждая подозрѣній. Она не могла также достаточно выразить всю признательность за благорасположеніе къ ней короля и объявила, что всегда знала, что безъ его содѣйствія невозможно ей надѣяться на счастливый успѣхъ. Равномѣрно она много распространялась на счетъ уваженія, которое ей выказалъ его величество, и подробности, въ которыя она вошла, для доказательства, что ей все было извѣстно, заставили меня съ удовольствіемъ примѣтить, что ей неизвѣстно было о томъ, на что я былъ готовъ относительно принца брауншвейгскаго, если бы недобросовѣстность, съ которою поступали со мною, не сдѣлала безполезными мои хлопоты и уступчивость. Эта принцесса, чтобы показать, какъ цѣнитъ она намѣренія Нолькена и мои касательно настоящаго положенія дѣлъ, сообщила ему, что узнала чрезъ горничную, которая служитъ у гр. Остермана и которой сестра находится у ней въ услуженіи, что правительница была ночью у этого министра и входя, сказала ему, что она заклинаетъ Христомъ Спасителемъ (par les entrailles du divin Sauveur) охранять ее, что иначе она пропадетъ; что та же самая женщина слышала, что Остерманъ говорилъ правительницѣ, что какой помощи она можетъ надѣяться отъ него, дряхлаго старика, который не въ состояніи уже вставать съ своего кресла, и ссылался, что Черкасскій и Головкинъ болѣе его въ состояніи дѣйствовать. Принцесса Елизавета присовокупила, что означенная женщина не могла ей сообщить продолженія разговора, такъ какъ, замѣтивъ ее въ сосѣдней комнатѣ, ей приказали удалиться. Нолькенъ, мало тронутый такимъ анекдотомъ, ложнымъ или справедливымъ,

судилъ объ этомъ здраво, давъ замѣтить, что могли стараться внушить такіе страхи правительницѣ, въ видахъ доставить вѣрнѣе принцу брауншвейгскому способъ къ сосредоточенію власти въ рукахъ его одного; что принцесса Елизавета никогда не должна забывать, что виды его простирались такъ далеко, что ему нельзя уже было удовольствоваться однимъ регентствомъ, и что если есть въ Россіи человѣкъ, въ которомъ должно видѣть совершеннаго противника ея славы и выгодъ, то это конечно гр. Остерманъ. Нолькенъ желалъ повѣрить, точно ли капитанъ гренадеровъ, о которомъ я вамъ сообщалъ, что онъ получилъ триста червонцевъ отъ принца брауншвейгскаго, встрѣтилъ нѣсколько дней тому назадъ на дорогѣ принцессу Елизавету и предлагалъ ей располагать его ротою, которой производилъ ученіе? Дѣйствительно этотъ случай справедливъ. Нолькенъ старался также увѣриться, точно ли между 160 офицерами третьяго пѣхотнаго гвардейскаго полка было 54, которые были уже готовы стоять за принцессу? Она, подтвердивъ сообщенное ей о томъ, не колебалась высказать, что ея партія будетъ дѣйствовать, какъ и она, мужественно, какъ только шведы доставятъ имъ возможность сдѣлать это навѣрное (avec sureté). По истинѣ я полагаю, что ничего нельзя ожидать отъ приверженцевъ Елизаветы до тѣхъ поръ, пока они не почувствуютъ, что ихъ поддерживаютъ. Я надѣялся и могу надѣяться также, что они, если судить о будущемъ по недовольству и волненіямъ, царствующимъ внутри, не измѣнятъ своимъ обѣщаніямъ. Трудно будетъ найти потомъ подобныя обстоятельства, если пропустить ихъ теперь. Признаюсь однако, что чрезвычайная слабость принцессы Елизаветы и нерѣшительность ея въ отношеніи тѣхъ, къ которымъ она должна была бы имѣть всего болѣе довѣренности, кажется заслуживали бы, чтобы ее удалить отъ престола и призвать по преимуществу мо-

лодаго герцога голштинскаго. Тѣмъ не менѣе это противорѣчило бы главной цѣли, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ будешь рисковать успѣть только въ замѣнѣ одного иностраннаго правительства другимъ; между тѣмъ если Елизавета будетъ на тронѣ, то старинные принципы, любезные Россіи, одержутъ вѣроятно верхъ. Быть можетъ — и весьма было бы желательно не обмануться въ этомъ—въ царствованіе Елизаветы, при ея лѣтахъ, успѣетъ укорениться старина на столько, что принцъ, ея племянникъ, всосетъ ее и привыкнетъ къ ней въ такой степени, что когда наслѣдуетъ корону, то будетъ въ совершенномъ невѣдѣніи о другихъ началахъ.

Что касается до способовъ видѣться съ повѣреннымъ и вынудить отъ него и принцессы то, что ими обѣщано въ случаѣ, если бы они этого не сдержали, то я досталъ себѣ человѣка *), котораго Нолькенъ съ пользою употреблялъ въ продолженіи пребыванія своего здѣсь. Нолькенъ чувствовалъ, что я одинъ не могъ бы слишкомъ успѣть въ томъ, что дѣлали мы до сихъ поръ отдѣльно, но по взаимному соглашенію, а потому предъ отъѣздомъ, онъ доставилъ мнѣ удовольствіе условиться съ тѣмъ человѣкомъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ и онъ вознаграждалъ его, смотря по обстоятельствамъ.

Запрещено входить кому бы то ни было въ третій садъ (лѣтній) за исключеніемъ правительницы, ея свиты, дѣвицы Менгденъ, фаворитки, и гр. Линара; а какъ домъ, занимаемый послѣднимъ, смеженъ съ этимъ садомъ, и правительница приказала, вмѣсто лѣтняго дворца, который будетъ разобранъ, возвести другой на концѣ этого самаго сада, то сначала приписывали такія распоряженія желанію проводить время свободно и въ

---

*) Сколько можно предполагать по дальнѣйшимъ депешамъ дела-Шетарди, этотъ человѣкъ долженъ быть Шварцъ, о которомъ будетъ сообщено далѣе въ примѣчаніи 40.

уединеніи. Тѣ, которые стараются по этому случаю нападать на репутацію правительницы, пріобрѣли къ тому еще поводъ въ вѣроподобномъ случаѣ, что принцесса Елизавета, живущая не подалеку отъ сада, хотѣла третьяго дня гулять тамъ, но караульный заградилъ ей входъ. Однако не должно судить о предметахъ по ихъ наружности, такъ какъ стараясь открыть истину касательно этого обстоятельства, я нашелъ, что назначеніе г. Линара можно почесть слѣдствіемъ брака, тайно предположеннаго между нимъ и дѣвицею Менгденъ съ согласія правительницы [28]).

Сегодня утромъ Нолькенъ отправился въ Стокгольмъ. Лагерфлихтъ (le s. de Laegerflicht), секретарь посольства, остается повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Примѣчаніе.

[28]) Графъ Морицъ Карлъ Линаръ родился въ 1702 году, былъ женатъ на графинѣ Флеммингъ, умершей въ 1730 г., и скончался въ 1768 году. Извѣстный Бюшингъ былъ учителемъ и гувернеромъ младшаго брата его и оставилъ слѣдующія извѣстія: „Графа Морица Карла Линара посылалъ король польскій и курфюрстъ саксонскій въ 1741 г. въ Петербургъ, чтобы, вмѣстѣ съ австрійскимъ посланникомъ маркизомъ Ботта, подвигнуть правительницу Анну отступиться отъ трактата, заключеннаго съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, и составить противъ него союзъ съ дрезденскимъ и вѣнскимъ дворами (см. выше примѣчаніе 23). Гр. Линаръ былъ красивый и пріятный человѣкъ, жилъ въ Петербургѣ роскошно, и правительница влюбилась въ него до страсти. Гр. Линаръ нанялъ домъ, граничившій съ садомъ при лѣтнемъ дворцѣ. Туда онъ могъ ходить чрезъ нарочно устроенную дверь, у которой

стоялъ часовой, имѣвшій строгое повелѣніе не впускать никого, кто бы онъ ни былъ. Садъ такимъ образомъ оставался недоступнымъ и для самого супруга правительницы. Чтобы удержать графа постоянно при своемъ дворѣ и беззаботно пользоваться его присутствіемъ, она рѣшилась сдѣлать его не только своимъ оберъ камергеромъ, но и женить на своей фрейлинѣ Юліанѣ Менгденъ, которая сдѣлала ему значительный подарокъ, полученный ею отъ правительницы. Дѣвица Менгденъ ссудила его также, для поддержки его роскошной жизни, 30 тысячами рублями, въ полученіи которыхъ взяла расписку. Линаръ уѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы хлопотать у своего двора объ отставкѣ. Она была дана ему легко, потому что въ Дрезденѣ льстили себя надеждою, что новый оберъ камергеръ будетъ въ состояніи много оказать услугъ ему. Гр. Линаръ поѣхалъ обратно въ Петербургъ и уже доѣхалъ до Кенигсберга, какъ пришла вѣсть, что правительница посажена подъ стражу принцессою Елизаветою, а послѣдняя превозглашена императрицею. Возвратился тогда гр. Линаръ назадъ въ Дрезденъ и снова вступилъ въ тамошнюю службу. Его невѣста, баронесса Менгденъ была сослана въ ссылку, въ которой пробыла до воцаренія Петра III, освободившаго ее. Между тѣмъ она постарѣла пятнадцатью годами, и гр. Линаръ не имѣлъ уже охоты на ней жениться; но она писала къ нему и просила, чтобы онъ возвратилъ ей деньги, которыми она ссудила его по распискѣ и въ которыхъ теперь нуждалась. Линаръ отвѣчалъ, что готовъ уплатить ей по предъявленіи его расписки и квитанціи; но какъ было исполнить такое условіе, когда во время лишенія ея свободы расписка и все было затеряно? Однако, годъ спустя, случилось, что императрица Екатерина II велѣла принести ящичекъ, въ которомъ правительница Анна хранила вещи особенной цѣнности, и когда его

открыла, то увидѣла въ немъ расписку гр. Линара. Императрица тотчасъ приказала позвать во дворецъ графиню Лестокъ, сестру дѣвицы Менгденъ, и передала ей расписку. Братъ Юліаны, гр. (?) Менгденъ отправился въ Германію, чтобы показать гр. Линару, что расписка точно была его руки, и тамъ отъ имени своей сестры помирился съ Линаромъ, уплатившимъ капиталъ, а проценты болѣе чѣмъ за 20 лѣтъ были прощены. Я бы могъ эти послѣдніе обстоятельства передать точнѣе, если бы было у меня въ рукахъ письмо, въ которомъ они описаны, но не нашелъ я его*)“...

21 іюня.
1 іюля.

Принцъ брауншвейгскій сказалъ: „Шведы насъ вызываютъ все болѣе и болѣе.“ Состояніе русской арміи: 50 полковъ, каждый изъ двухъ батальоновъ, 29 полковъ драгунскихъ, каждый изъ пяти эскадроновъ; нельзя выразить, какъ плохи у нихъ лошади и оружіе. 3 полка кирасирскіе изъ пяти эскадроновъ каждый и 4 гвардейскихъ полка пѣхотныхъ и одинъ конногвардейскій (могутъ состоять тысячь изъ 8); 40 т. рекрутовъ. Въ батальонѣ 600 человѣкъ, въ эскадронѣ 200. Нѣсколько тысячь казаковъ въ походѣ.

1 іюля.

Швеція можетъ быть наканунѣ разрыва съ Московіею. Порта должна тайно разрѣшить татарамъ нашествіе.

---

*) Gencalog. Historische Nachrichten, Th. XXVII, S. 245, Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, von A. F. Büsching, IV, S.S. 77, 101 — 103).

23 іюня.
4 іюля.

Герцогъ курляндскій наконецъ вывезенъ изъ Шлюсельбурга въ мѣсто ссылки.... „я это весьма заслуживалъ....“ Линаръ проситъ... дѣвицу Менгденъ. Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ бракѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что онъ повлечетъ и причинитъ здѣсь много сценъ, или я сильно ошибаюсь. Не говорю о великолѣпіи, съ которымъ отпразднуютъ свадьбу, — я очень увѣренъ, что въ этомъ отношеніи не будетъ пощажено никакихъ расходовъ. Я преимущественно обращаюсь къ слѣдствіямъ, которыя могутъ произойти, если на этотъ бракъ смотрѣть, какъ на сигналъ для двухъ совершенно противоположныхъ партій. Одна состоитъ изъ принца брауншвейгскаго и Остермана, другая — изъ фельдмаршала Миниха, гр. Линара и его жены, отъявленной фаворитки правительницы [29]). Нельзя не согласиться, что взаимная ненависть тѣмъ болѣе вкоренена между этими лицами, что принцъ брауншвейгскій и гр. Остерманъ, справедливо видя въ немилости Миниха дѣло своихъ рукъ, захотятъ поддержать его. Они съ крайнимъ нетерпѣніемъ смотрятъ на милость къ дѣвицѣ Менгденъ. Принцъ брауншвейгскій сохраняетъ въ памяти живое неудовольствіе о неприличныхъ съ нимъ поступкахъ Линара лѣтъ 7 или 8 тому назадъ и о письмахъ, которыя этотъ писалъ тогда герцогу курляндскому, чтобы помѣшать принцу жениться на правительницѣ *). Остерманъ, не смотря на весь почетъ, который онъ имѣетъ низость выказывать Линару, далеко не забылъ, что онъ во время пер-

*) По свидѣтельству Манштейна (Mémoires sur la Russie, II, 132), графъ Линаръ плѣнилъ принцессу Анну еще въ первое свое пребываніе въ Петербургѣ въ 1733 — 36 годахъ, но Биронъ и императрица Анна, узнавъ тогда объ этой интригѣ, обязали польскаго короля отозвать своего министра. Сравни далѣе примѣчаніе 36.

ваго своего пребыванія при русскомъ дворѣ, хотѣлъ не съ нимъ вести переговоры, а прямо съ герцогомъ курляндскимъ.

Минихъ (здѣсь явная ошибка оригинала: должно читать Остерманъ) никогда не проститъ дѣвицѣ Менгденъ что она, зная чувства къ ней принца брауншвейгскаго, платитъ ему совершенно тѣмъ же. Наконецъ гр. Линаръ, также не нечувствительный къ почестямъ, останется всегда непріятелемъ принца и гр. Остермана, если будетъ увлеченъ надеждою нравиться правительницѣ и желаніемъ играть здѣсь роль по милости своей жены. Средства, которыя будутъ употреблены при всемъ этомъ, могутъ быть различны, также какъ и послѣдствія отъ нихъ. Болѣе естественнымъ представляется уму моему, что гр. Минихъ, послѣ того какъ желалъ изъ собственныхъ выгодъ, чтобы дѣвица Менгденъ вовсе не выходила замужъ, и, бывши противникомъ гр. Линара, не имѣлъ успѣха побѣдить въ ней склонности къ послѣднему, — присоединится нынѣ къ нему и составитъ по обоюдному соглашенію систему для сохраненія въ дѣлахъ вліянія, котораго онъ преимущественно будетъ жаждать, какъ бы однако ни прикрывался, чтобы обмануть другихъ. Этого однако недостаточно: два противорѣчія, которыя можно предвидѣть, трудно будетъ согласить въ случаѣ, если дѣвица Менгденъ, живя съ своимъ мужемъ, не будетъ болѣе имѣть такъ часто свободнаго доступа къ правительницѣ. Судя потому какъ передъ тѣмъ случилось съ той, которая, кажется владѣетъ нынѣ всею довѣренностью правительницы, можно быть увѣреннымъ, что послѣдняя не замедлитъ передать эту довѣренность другой, которая будетъ постоянно находиться съ нею. Въ томъ же случаѣ, напротивъ, когда для избѣжанія такого неудобства, захотятъ, чтобы дѣвица Менгденъ удержалась въ теперешней милости, то это не можетъ быть иначе, какъ если Линаръ будетъ

жить во дворцѣ вмѣстѣ съ женою, и получитъ должность оберъ-камергера. А такъ какъ это не случится безъ того, чтобы онъ не подвернулся случайностямъ, слишкомъ обыкновеннымъ при русскомъ дворѣ, то можетъ быть интересъ самосохраненія пересилитъ въ немъ на столько, что у него не достанетъ мужества подвергать себя опасностямъ, неизбѣжнымъ въ блестящей карьерѣ, къ которой влечетъ Линара его честолюбіе.

Примѣчаніе.

[29]) Здѣсь замѣтить кстати, что всѣ курляндцы, лифляндцы, эстляндцы и разные выходцы изъ нѣмцевъ, укоренившіеся при русскомъ дворѣ со временъ Бирона, были между собою въ родствѣ, свойствѣ и кумовствѣ. Такъ и Менгдены съ Минихами были родственниками и свойственниками нѣсколько разъ. Бароны Менгдены, родомъ изъ Вестфаліи, давно поселились въ Лифляндіи. При императрицѣ Аннѣ было три брата Менгдены: Іосифъ-Генрихъ, Карлъ-Людвигъ и Георгъ. Первый — президентъ лифляндскаго гофъ-герихта былъ женатъ на дочери Миниха, Христинѣ-Елизаветѣ; второй — президентъ коммерцъ-коллегіи сочетался съ племянницею фельдмаршала, Христиною Вильдеманъ. Часто упоминаемая здѣсь Юліана Менгденъ была двоюродная сестра этимъ тремъ Менгденамъ и дочь дяди ихъ, Густава. Изъ сестеръ ея — Анна Доротея была замужемъ за гр. Минихомъ сыномъ, а Софья за третьимъ Менгденомъ — Георгомъ, генералъ-директоромъ лифляндскихъ государственныхъ имуществъ *).

По словамъ Манштейна **) Юліана Менгденъ пріі-

*) Geneal. Historischen Nachrichten, XLIII, S.S. 1106, 1109.

**) Mémoires sur la Russie, II, p.p. 130 — 132.

учила еще болѣе къ безпечности правительницу Анну, ссорила ее съ мужемъ и способствовала ея наклонности къ Линару. Анонимный авторъ замѣчаній на записки Манштейна*) опровергаетъ такимъ образомъ эти обвиненія: „Іуліана была пригожая собою смуглянка, благотворительная и кроткаго нрава; столько же была предана она великой княгинѣ, сколько сія любила ее всѣмъ сердцемъ. Не будучи сотворенною къ придворнымъ проискамъ, не хотѣла она принимать ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ. Безпечная по природѣ, Менгденъ не хотѣла примѣтить сего недостатка въ государынѣ своей; слѣдственно не могла и сообщить ей онаго. Заботы государственныя (?!) подавали иногда поводъ къ размолвкѣ между правительницею и супругомъ ея. Молодая фрейлина, не имѣя никакого понятія объ оныхъ, не могла примирять супруговъ, а тѣмъ менѣе ссорить ихъ: ибо доброе сердце сей дѣвицы опровергаетъ таковую клевету, и вообще все, что разсказываетъ о ней Манштейнъ, есть также клевета.“

Если дѣйствительно эти замѣчанія на записки Манштейна, какъ предполагаетъ г. Щебальскій, принадлежатъ Миниху сыну, то разумѣется не могъ иначе отозваться бывшій гофмейстеръ правительницы Анны и мужъ сестры смуглянки Юліаны. Впрочемъ несостоятельность опроверженій его видна съ перваго раза: Юліана Менгденъ принимала дѣятельное участіе въ доставленіи императорскаго титула правительницѣ. Въ 1743 г., когда судили Лопухиныхъ и нѣкоторыхъ приверженцовъ правительницы Анны, жена камергера Лиліенфельда Софья на допросѣ показывала, что „марки де-Бота съ сожалѣніемъ говорилъ, что она, принцесса, неосторожно жила и правленіе свое чрезъ то потеряла, и завсегда слушала фрейлинъ Юліи. На что мы (т. е.

*) Отеч. Зап. 1829 г. т. XXXVIII, № 108, стр. 12—13.

Лиліенфельдъ, Наталья Лопухины и гр. Анна Бестужева-Рюмина) ему отвѣтствовали, что то совершенная правда: и сама она, принцесса, пропала, и насъ погубила, и въ подозрѣніе привела“... Не могла она быть такъ невинна, какъ разсказываетъ авторъ замѣчаній, когда рѣшилась выдти замужъ за Линара, съ которымъ была принцесса всегда на ея глазахъ, что свидѣтельствуетъ и самъ фельдмаршалъ Минихъ. Было бы также наивно повѣрить, что однѣ государственныя заботы были причиною размолвокъ между принцемъ и принцессою брауншвейгскими.

Приводимъ здѣсь много разъ печатанный отрывокъ изъ сочиненія фельдмаршала Миниха Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie, Copeng., 1774, стр. 140—143:

„Принцесса Анна отъ природы была небрежна въ одеждѣ: съ головою, повязанною бѣлымъ платкомъ, она ходила къ обѣднѣ безъ юпки на китовыхъ усахъ, являлась такъ въ публикѣ, за обѣдомъ и послѣ обѣда, чтобы играть въ карты съ избранною партіею. Въ ней участвовали принцъ ея мужъ, гр. Линаръ, министръ польскаго короля и фаворитъ ея, маркизъ Ботта, министръ вѣнскаго двора и повѣренный Линара — оба враги Пруссіи — Финчь, англійскій министръ и мой братъ. Прочіе иностранные министры и знатные придворные не были принимаемы въ эту партію, которая собиралась у Юліаны Менгденъ, повѣренной великой княгини и графа Линара. Послѣднему правительница пожаловала изъ своихъ рукъ орденъ св. Андрея и наградила его поцѣлуемъ прежде, чѣмъ встала съ постели, хотя и была совершенно здорова *).“

„Она дурно жила съ принцемъ своимъ мужемъ и спала отдѣльно отъ него; когда же тотъ хотѣлъ утромъ

*) Объ этомъ есть также въ послѣдующихъ депешахъ де-ла-Шетарди.

войти къ ней, то обыкновенно двери находилъ запертыми. У ней съ гр. Линаромъ были часто свиданіи въ третьемъ придворномъ саду, всегда въ присутствіи дѣвицы Юліаны, которая тамъ пользовалась минеральными водами. Если принцъ брауншвейгскій хотѣлъ проникнуть въ этотъ садъ, то для него ворота были заперты, такъ какъ часовые имѣли приказаніе не пропускать черезъ нихъ никого. Линаръ жилъ не подалеку отъ воротъ этого сада въ домѣ Румянцова, почему принцесса и приказала построить вблизи дачу—этотъ домъ теперь лѣтнимъ дворцемъ. Въ хорошую погоду она приказывала выносить свою постель на балконъ зимняго дворца, выходившій на рѣку. Хотя ставили экранъ, чтобы скрыть постель, однако изъ втораго этажа сосѣднихъ къ дворцу домовъ все можно было видѣть"....

Маркизъ де-ла-Шетарди графу С. Северину.

26 іюня.
7 іюля.

Минихъ сказалъ кому-то, что русскія морскія силы безъ матросовъ, что онѣ никогда не могутъ выступить въ море, если непріятельская эскадра, хотя бы и слабѣйшая, запретъ проходъ (le canal) Финскаго залива и что безъ вѣтра, слишкомъ рѣдкаго и благопріятнаго для судовъ, еще болѣе не возможно, чтобы русскій флотъ, въ случаѣ преслѣдованія, возвратился.

30 іюня.
11 іюля.

Настоящее положеніе русскаго двора, такъ и свѣдѣнія, которыя не давно собралъ и собираю еще о его

дѣйствительныхъ силахъ и состояніи, мнѣ осязательно показываютъ, что это государство не такъ страшно, какъ бы оно желало то показать.

Дворъ хочетъ протянуть до августа (?).... Турецкій посолъ вчера пріѣхалъ.... Принцъ Людовикъ вольфенбюттельскій прибылъ также вчера.

Маркизъ де-ла-Шетарди министру.

$\frac{4}{15}$ іюля.

Если оказываемыми правительницѣ почестями, только приличествующими коронованнымъ главамъ, совершенно оправдается подозрѣніе, которое у меня всегда являлось послѣ паденія герцога курляндскаго, что отнынѣ эта принцесса можетъ совершенно присвоить и требовать себѣ тѣ же почести (de la même représentation), которыми пользовалась покойная царица, то должно тѣмъ менѣе сомнѣваться, чтобы случившееся недавно не имѣло послѣдствій, которыя маркизъ де-Ботта сообщилъ сегодня послѣ полудня г. д'Альону. Онъ говорилъ, что правительницѣ на столько понравилась церемонія въ среду (т. е. публичная аудіенція правительницы), что установленный етикетъ (l'étiquette prétendue), будто бы требующій не показывать дѣтей царской крови прежде достиженія ими одного года, можетъ быть продолжутъ на многіе годы и что въ будущемъ дѣла пожалуй зайдутъ далѣе, чѣмъ думали это прежде. Правда, Ботта присовокупилъ, что такое распоряженіе будетъ только тогда осуществимо, когда я уѣду. Въ этомъ онъ противорѣчитъ себѣ, самъ того не замѣчая, потому что еще вчера говорилъ, что очень желаетъ, чтобъ я остался здѣсь и могъ поправить (replâter) прошедшее.

7 іюля.

Гвардейскіе офицеры, приверженцы принцессы Елизаветы, сильно взволновались слухами о ея замужествѣ съ принцемъ Людовикомъ вольфенбюттельскимъ. Чтобы разъузнать объ этомъ, они прибѣгли къ тому человѣку, котораго мнѣ досталъ Нолькенъ предъ своимъ отъѣздомъ и котораго жена при принцессѣ Елизаветѣ. Онъ выполнилъ порученіе къ совершенному удовольствію гвардейскихъ офицеровъ, сообщивъ имъ отъ имени принцессы, что точно были новыя покушенія принудить ее къ этому браку; при чемъ дѣлали даже обѣщанія, что въ такомъ случаѣ русское правительство откажется отъ всякаго притязанія на имѣнія, пріобрѣтенныя бывшимъ герцогомъ курляндскимъ (т. е. Бирономъ) на деньги, которыя онъ успѣлъ захватить *), и предлагали, что не ограничутся приданымъ, назначаемымъ русскимъ принцессамъ, и чтобы въ томъ убѣдить, постановили предложить принцессѣ пенсіонъ въ 50 тысячъ рублей, тогда какъ пенсія покойной царицы не превышала 10 тысячъ рублей во все время бытности ея герцогинею курляндскою. Но принцесса Елизавета постоянно отказывалась отъ такихъ предложеній. Она узнала потомъ, что въ надеждѣ побудить ее къ браку, намѣревались дать ей Ливонію, присоединивъ къ тому Курляндію и Семигалію. Далекая отъ того, чтобы поддаться на такую приманку, принцесса Елизавета рѣшилась, для предохраненія себя отъ новыхъ преслѣдованій, отправиться въ деревню, и гвардейскіе офицеры

*) Чтобы понять смыслъ этого обѣщанія Елизаветѣ въ случаѣ согласія ея на бракъ съ братомъ герцога брауншвейгскаго, не должно забывать, что въ то время было предположеніе возвести этого принца въ герцоги курляндскіе вмѣсто арестованнаго Бирона. 25 іюня 1741 г. принцъ Людовикъ былъ дѣйствительно избранъ курляндскимъ дворянствомъ въ герцоги.

могутъ быть увѣрены, что она ни за что не отдастъ своей руки тому, кого предлагаетъ настоящее правительство [30]).

Дѣйствительно принцесса Елизавета уѣхала въ деревню, но несмотря на всѣ мои хлопоты провѣрить это обстоятельство чрезъ Лестока, невозможно было ни побѣдить его уклончивости видѣться со мною, ни разсѣять страха, которымъ онъ объятъ еще донынѣ.

Я могъ бы предполагать, что русскій дворъ, съ своей стороны, не безъ опасеній. По крайней мѣрѣ я знаю изъ вѣрныхъ рукъ, что серьезно шла рѣчь о путешествіи въ Москву и что, подъ предлогомъ исправленія путей для облегченія передвиженій войскамъ, сильно работаютъ надъ дорогою отсюда въ Москву, чтобы быть въ готовности на всякій случай.

Примѣчаніе.

[30]) По восшествіи уже на престолъ Елизаветы, гр. Левенвольда спрашивали объ этомъ сватовствѣ, и онъ показалъ: „когда принцесса Анна въ послѣднихъ родинахъ лежала, и онъ былъ у нея поутру, при чемъ другихъ никого не было, (то она) ему говорила, что пріѣхалъ сюда братъ герцога генералиссимуса — желается де мнѣ его въ брачный союзъ привесть съ ея величествомъ, нынѣшнею государынею императрицею, и не можетъ ли онъ съ тою препозиціею идти къ ея величеству? На что онъ отвѣтствовалъ, отговариваясь, что ему то неприлично и не соизволитъ ли она сама о томъ съ ея величествомъ поговорить. И съ тѣмъ онъ отъ нея пошелъ, а больше того о семъ дѣлѣ отъ нея и отъ другихъ не слыхалъ, и ни съ кѣмъ не говорилъ, кромѣ того, что будучи у гр. Остермана ему объ томъ проис-

хожденіи объявилъ, и онъ, Остерманъ, ему сказалъ, что вы то принцессѣ Аннѣ хорошо отвѣтствовали"...

$\frac{11}{22}$ іюля.

Его держутъ (турецкаго посла?) какъ бы въ заключеніи. Неплюевъ или переводчики этого двора пристаютъ къ нему каждый день и не допускаютъ его видѣться съ кѣмъ бы то ни было....

Отдали приказъ, что каждый шведскій офицеръ, находящійся въ русской службѣ, долженъ немедленно или приготовиться къ отъѣзду въ Украйну, или же проситься въ отставку, которая будетъ дана тотчасъ.

Солдаты постоянно толкуютъ между собою, что ихъ не заставятъ хорошо биться съ непріятелями, которые у нихъ скоро будутъ, и что съ ними имѣть дѣло далеко не все равно, что съ турками, татарами и поляками.

Великъ былъ ужасъ здѣсь, когда узнали, что англичане принуждены снять осаду Картагены *).

$\frac{18}{29}$ іюля.

Правительница разрѣшилась отъ бремени принцессою; въ 8 часовъ она была еще въ комнатѣ дѣвицы Менгденъ, а въ $10\frac{1}{2}$ все уже кончилось.

---

*) Въ войну Англіи, тогдашней союзницы Россіи, противъ Испаніи, въ апрѣлѣ 1741 г. англійскій адмиралъ Вернонъ осадилъ было съ моря Картагену, испанскій городъ въ южной Америкѣ, но потерпѣлъ сильный уронъ и удалился, не взявъ города.

21 іюля
1 августа.

Безпрестанно ходятъ и разъѣзжаютъ по ночамъ — слѣдствіе тайной мѣры, которая будетъ состоять въ сборѣ нѣсколькихъ отрядовъ войскъ для какой то высадки (descente). Дѣло доходитъ до разрыва со шведами. Я сообщилъ о томъ секретарю шведскаго посольства. Полки въ жалкомъ видѣ. Я велѣлъ ему замѣтить, что давая Россіи время собраться съ силами, доставятъ ей возможность укрѣпиться.

28 іюля
августа.

Третьяго дня принцесса Елизавета велѣла сказать секретарю шведскаго посольства чрезъ человѣка, съ которымъ свелъ меня Нолькенъ и котораго жена при принцессѣ, что въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія шведовъ, надобно будетъ опасаться, что умы будутъ не такъ расположены и что тѣмъ болѣе важно предупредить такую крайность, что нынѣшнее правительство не щадитъ ни обѣщаній, ни наградъ для пріобрѣтенія себѣ приверженцевъ и для приглашенія то тѣхъ, то другихъ явить, при случаѣ, доказательства своего усердія къ особѣ царя. Она велѣла прибавить, что во всякомъ случаѣ рѣшились быстро дѣйствовать, но Швеціи нечего страшиться подобнаго рода препятствій, и шведы могутъ быть болѣе, чѣмъ когда либо, увѣрены, что они встрѣтятъ слабый отпоръ, какъ только явятся защитниками правъ Петра I. Секретарь шведскаго посольства, сообщившій мнѣ тотчасъ же о такомъ извѣщеніи, совершенно отдалъ на мою волю, какъ слѣдовало поступить въ такомъ случаѣ. Я призналъ необхо-

димымъ воспользоваться имъ и нетерпѣніемъ принцессы, чтобы вырвать у нея то, чего не могъ добиться Нолькенъ. Въ этихъ видахъ и для большей точности я велѣлъ ему предварительно составить отвѣтъ на бумагѣ, что если осуществленіе не было такъ быстро, какъ того желала бы принцесса, то она должна винить только одну себя: отказываясь отъ предложеній Нолькена, она лишила тайный комитетъ (въ Стокгольмѣ) всѣхъ средствъ дѣйствовать съ желаемою ею быстротою. Если же она хочетъ поставить его въ возможность усердно поддерживать ея интересы и доставить къ тому способы всей шведской націи, то должна болѣе, чѣмъ когда либо, спѣшить сдѣлать то, что можетъ содѣйствовать успѣху ея видовъ и помѣшать вліянію того, что сама она замѣтила.

Мнѣ должно было казаться неумѣстнымъ, что извѣщеніе принцессы Елизаветы прошло помимо меня, и это обстоятельство не могло не обратить моего вниманія, такъ какъ было слишкомъ важно, чтобы она во всѣхъ случаяхъ отличала начало, ей покровительствующее, и не смѣшивала бы свою признательность, выказывая ее слишкомъ много для однихъ и очень мало для другихъ. По этому я довелъ Лагерфлихта, подъ предлогомъ того, что выгоды принцессы требуютъ предложить ей и представить, что для нея чрезвычайно важно не прерывать сношенія со мною, такъ какъ Швеція ничего не можетъ предпринять безъ вѣдома и согласія Франціи; что послѣдняя можетъ имѣть вліяніе, когда будетъ принцесса хранить долѣе молчаніе со мною, и что она вѣроятно измѣнила намѣренія и потеряла изъ виду предметы, на которыхъ, какъ казалось, остановилась въ началѣ.

Мы еще условились съ г. Лагерфлихтомъ, что чрезъ того же человѣка, который переговоритъ съ нею вечеромъ, онъ назначитъ свиданіе съ повѣреннымъ на завтра

въ кадетскомъ саду и чтобы подъ покровомъ наружной случайности, которая можетъ всегда представиться въ прогулкѣ въ нѣкоторомъ родѣ публичной, онъ не откладывалъ исполнить то, въ чемъ мы съ нимъ условились, если только не воспрепятствуютъ новыя опасенія со стороны повѣреннаго.

Чтобы ничего не упускать съ моей стороны, я, въ пятницу утромъ, сообщилъ о происшедшемъ гр. С.-Северину и отложилъ на недѣлю увѣдомленіе объ успѣхѣ, который произведетъ эта попытка. Очень поздно въ субботу вечеромъ, когда уже послѣднее письмо, которое я имѣлъ честь писать къ вамъ, было отнесено на почту, камеръ-юнкеръ принцессы Елизаветы пришелъ тайно въ мой садъ и передалъ отъ нея поклонъ, посланный ею предъ отъѣздомъ въ деревню. Онъ имѣлъ также приказаніе сообщить мнѣ отъ нея, въ какомъ она нетерпѣніи отъ того, что давно не видалась со мною; что для вознагражденія себя въ томъ, она проѣзжала три раза въ гондолѣ около набережной занимаемой мною дачи, выходящей на рѣку, и чтобы лучше быть услышанною, ѣздила въ сопровожденіи роговой музыки и никакъ не могла уловить дня, въ который бы я не ѣздилъ въ городъ; что я, впрочемъ, могу быть увѣренъ, что она часто думаетъ обо мнѣ и даже, для облегченія переговоровъ со мною, хотѣла купить домъ, сосѣдственный съ моимъ садомъ, но въ томъ помѣшали данныя ей по этому случаю предостереженія. Камеръ-юнкеръ далъ мнѣ понять, что принцесса будетъ пріятно удивлена, если возвращаясь сегодня въ Петербургъ около 8 часовъ, мнѣ представится случай встрѣтить ее по дорогѣ. Я не хотѣлъ углубляться, было ли послѣднее внушеніе сдѣлано по приказанію, такъ какъ въ случаѣ неудачи надобно было бы опять дѣлать выговоръ принцессѣ. Я просилъ только камеръ-юнкера передать принцессѣ, что не нахожу словъ выразить, какъ тронутъ ея добротою

и лестнымъ воспоминаніемъ, которыми она меня удостоиваетъ; что зная слишкомъ цѣну минутъ, въ которыя свидѣтельствую ей лично мое почтеніе, я съ сожалѣніемъ считалъ каждое мгновеніе съ той поры, какъ лишенъ этого счастія; что я зналъ о ея прогулкахъ по рѣкѣ и о томъ, что она проѣзжала нѣсколько разъ мимо моего сада и отъ того еще болѣе проклиналъ невзгоды, мѣшавшія мнѣ воспользоваться такими случаями; что по возвращеніи ея, я надѣюсь быть счастливѣе и что я буду стеречь ее по дорогѣ такъ, что не отъ меня будетъ зависѣть не встрѣтить ее; что я также скоро желалъ бы, чтобы она соизволила предоставить мнѣ средства увѣрить ее въ моемъ почтеніи и приверженности.

Какъ только уѣхалъ камеръ-юнкеръ, то, раздумывая о его порученіи, я не усумнился, что оно было слѣдствіемъ наставленій Лагерфлихта посреднику. Однако жъ это было не такъ: послѣдній не явился на свиданіе, и я могъ убѣдиться изъ этого обстоятельства, что принцесса Елизавета, посылая ко мнѣ камеръ-юнкера, дѣйствовала по собственному побужденію безъ всякаго посторонняго вліянія. Я хочу посвятить остатокъ дня ожиданію, можетъ быть тщетному. Чтобы ничего не опустить, я захватилъ за собою перо, въ которомъ могутъ всегда сохраняться чернила, и нѣмецкую копію требованія, переписанную при мнѣ секретаремъ шведскаго посольства. Лишь бы только улучить мнѣ свободное время переговорить съ принцессою, и я употреблю всѣ старанія, чтобы она подписала (помянутую копію). Если потребуется, для побужденія ея къ тому, объявить о моемъ отъѣздѣ, то я тѣмъ менѣе буду колебаться сдѣлать это, что Швеція, или лучше сказать тайный комитетъ постоянно настаивалъ о томъ.

Мои опасенія были не безосновательны: 11 часовъ, я возвратился домой, принцесса не проѣзжала.

28 іюля
августа.

Здѣсь невозможно имѣть, какъ въ другихъ мѣстахъ, частную переписку и держать ее въ тайнѣ. Видятъ даже глубину души; подсматриваютъ за дѣйствіями каждаго, распечатываютъ всѣ письма, и ничтожная новость рождаетъ сильныя подозрѣнія [31]).

Говорятъ о назначеніи новыхъ сенаторовъ. Думаютъ также, но смутно, возвратить сенату прежній блескъ и составить его по большей части изъ лицъ, которыхъ здѣсь считаютъ принадлежащими къ первымъ фамиліямъ. Если этотъ проектъ хорошъ въ томъ отношеніи, что исполненіемъ его настоящее правительство надѣется пріобрѣсти себѣ могущественныхъ приверженцовъ, то онъ мнѣ кажется вовсе неудобоисполнимымъ по слѣдующему уваженію: тогда необходимо, чтобы кабинетъ, отъ котораго нынѣ исходитъ все, лишилъ себя власти, которая перейдетъ къ сенату, а я очень сомнѣваюсь, чтобы гр. Остерманъ, такъ долго работавшій о присвоеніи ея кабинету и составленіи его въ предшествовавшее царствованіе, захотѣлъ бы подчинить себя нѣкоторой зависимости тогда, когда успѣлъ все сдѣлать подвластнымъ себѣ.

Примѣчаніе.

[31]) Наушничество и шпіонство было въ большомъ ходу въ Петербургѣ 30—40-хъ годовъ прошлаго вѣка. Минихъ сынъ, всегда находившійся при дворѣ и вообще снисходительно описывавшій многое изъ совершавшагося на его глазахъ, говоритъ въ своихъ Запискахъ (стр. 181): „герцогъ курляндскій... избыточно снабженъ былъ повсемѣстными лазутчиками. Ни при еди-

номъ дворѣ, статься можетъ, не находилось больше шпіоновъ и наговорщиковъ, какъ въ то время при россійскомъ. Обо всемъ, что въ знатныхъ бесѣдахъ и домахъ говорили, получалъ онъ обстоятельнѣйшія извѣстія; и поелику ремесло сіе отверзало путь какъ къ милости, такъ и къ богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокихъ чиновъ особы не стыдились служить къ тому орудіемъ"... Это свидѣтельство Миниха сына тѣмъ болѣе любопытно, что изъ дѣла о Биронѣ нынѣ открывается, что послѣдній, когда его распрашивали о лазутчикахъ, показалъ между прочимъ, что онъ надѣялся получать извѣстія о дворѣ принца и принцессы брауншвейгскихъ чрезъ этого же самаго Миниха, который былъ тамъ гофмейстеромъ!

Замѣчая, что въ тѣ времена доносы были любимы и поощрялись нѣмцами, которые были въ ходу и потому бились изо всѣхъ силъ продолжить свое нашествіе на русскую землю, нѣкоторые полагаютъ что имъ Россія преимущественно обязана этому особенному развитію наущничества и шпіонства. Въ настоящемъ сборникѣ матеріаловъ, разумѣется, не мѣсто рѣшать подобный вопросъ, а потому ограничиваюсь только сообщеніемъ нѣкоторыхъ матеріаловъ по этому предмету.

У Гупеля въ Nordische Miscellaneen (VII St., 232—233) есть такое извѣстіе одного лица, находившагося нѣкоторое время при дворѣ императрицы Анны:

„Анна не любила крѣпкихъ напитковъ, но въ большіе праздники и въ день коронаціи, когда во дворцѣ принимались поздравленія, царствовали свобода и веселіе. Чтобы поддержать такое настроеніе въ присутствующихъ, разносили въ изобиліи вина, при чемъ императрица не только побуждала пить, но и сама изъ собственныхъ рукъ подносила кубки. Въ такихъ случаяхъ старалась она испытывать многія лица; имѣла и повѣренныхъ, которые, по ея порученію, искали случа-

евъ вывѣдывать множество свѣдѣній у подгулявшихъ придворныхъ....“

„Для провѣдыванія, что въ народѣ о мнѣ говорятъ, показывалъ при допросѣ Биронъ, и желаютъ ли, чтобъ мнѣ регентомъ быть, я никого отъ себя не посылалъ, только однажды спрашивалъ Андрея Яковлева: „что въ народѣ слышно и тихо ли?“ то онъ мнѣ сказалъ, что „не слыхалъ: ежели изволите, я провѣдаю,“ и на другой день сказалъ мнѣ, что все тихо. А Бестужеву приказывалъ ли я провѣдать, не помню; только я его спрашивалъ же не по одинъ день, что тихо ли въ народѣ? и онъ сказывалъ, что все благополучно и тихо. Да однажды приказывалъ о томъ провѣдать генералъ-маіору Альбрехту, токмо онъ мнѣ никакихъ вѣдомостей не сообщалъ, кромѣ того, какъ сказывалъ, что въ народѣ все тихо. Да сказывалъ же мнѣ генералъ-фельдмаршалъ фонъ Минихъ, что онъ, Альбрехтъ, о томъ провѣдываетъ и ѣздитъ по ночамъ, а отъ кого онъ такой приказъ имѣлъ, чтобъ ѣздить по ночамъ, того я невѣдаю. — Бестужеву о шпіонахъ говорилъ ли я, что при дворѣ ихъ императорскихъ высочествъ отъ меня имѣются, того не упомню; только я имѣлъ надежду на гофмейстера графа фонъ Миниха: онъ мнѣ обо всемъ, что при дворѣ ея императорскаго высочества обо мнѣ, или объ чемъ другомъ новомъ услышитъ, за то, что я ему награжденіе чинить обнадежилъ, сообщать обѣщалъ, ибо ему лучшій къ тому случай былъ, что его свояченица (т. е. Юліана Менгденъ) при ея императорскомъ высочествѣ въ ближайшей милости находится, въ чемъ и надежду на него имѣлъ. Только онъ мнѣ ничего не сообщалъ; а другихъ шпіоновъ никого отъ меня не было. А когда же я Бестужеву о Апраксинѣ (камергерѣ), какъ ея императорское высочество его русскою канальею

называть изволила, сказывалъ, и то я слышалъ не чрезъ шпіона *)"...

У Остермана былъ свой соглядатай при дворѣ Василій Ивановичъ Стрешневъ **). По восшествіи на престолъ Елизаветы, онъ показывалъ на допросѣ: „оный Остерманъ приказывалъ ему, чтобъ онъ при дворѣ о всемъ происхожденіи провѣдывалъ, а именно: кто пріѣзжалъ, что кто съ кѣмъ разговаривалъ и прочее; почему, что онъ примѣтить и увѣдать могъ, о томъ отъ времени до времени ему сказывалъ, какъ при жизни ея величества государыни императрицы Анны Іоанновны, такъ и послѣ того, а что именно, о томъ сказать подробно не упомнитъ. Что жъ дѣлалось въ комнатѣ у государыни императрицы Анны Іоанновны, о томъ временемъ спрашивалъ княгиню Щербатову. Въ послѣднемъ допросѣ Остерманъ о вышеписанномъ приказываніи Стрешневу о провѣдываніи при дворѣ признался и показалъ, что-де онъ, Стрешневъ, тако провѣдаетъ, о томъ ему время отъ времени сообщалъ, но чтобъ о провѣдываніи жъ въ комнатѣ чрезъ княгиню Щербатову и чрезъ другихъ развѣдывать, о томъ онъ не приказывалъ. Тако жъ что именно оный Стрешневъ ему сообщалъ, о томъ упомнить не можетъ, а по тѣмъ Стрешнева ему сообщеніямъ, ежели что до него касалось, принималъ онъ свою предосторожность."

Штелинъ въ своей запискѣ о Петрѣ III упоминаетъ, что императрица Анна во все свое царствованіе опасалась Елизаветы, какъ соперницы. Фельдмаршалъ Минихъ, когда послѣдняя вступила на престолъ, сознавался, что Анна Іоанновна еще въ 1731 году приказывала ему смотрѣть за цесаревною, „понеже-де она,

*) Дѣло о герцогѣ курлянд. Биронѣ, Москва 1862 г., стр. 27—28 и въ Чтен. Общ. исторіи за этотъ же годъ кн. I.

**) Жена Остермана, Марѳа Ивановна, урожденная Стрешнева.

государыня, по ночамъ ѣздитъ и народъ къ ней кричитъ, то чтобъ онъ провѣдалъ, кто къ ней въ домъ ѣздитъ?“ Минихъ сначала было обратился къ Лестоку, но какъ этотъ ему ничего не доносилъ, то онъ приставилъ къ ней въ домъ урядника (впослѣдствіи выслужившагося въ капитаны) Щегловитаго „подъ претекстомъ смотрѣнія дому.“ И Щегловитый разсказывалъ, кто къ цесаревнѣ ѣздилъ и куда она выѣзжала. Чтобы слѣдить за нею по городу, нанимались имъ особые извощики.

Обыкновенно говорятъ, что во время регентства Анны Елизавета пользовалась совершенною свободою и что именно недостатокъ надзора за ея дѣйствіями былъ причиною, что она успѣла такъ легко привести въ исполненіе свои замыслы. Это однако несправедливо: Елизавета даже можетъ быть во времена императрицы Анны не была окружена столькими шпіонами, какъ въ концѣ 1740 и 41 годахъ. Вотъ доказательства:

По восшествіи на престолъ Елизаветы аудиторъ Барановскій (о немъ уже упоминалось выше на стр. 180) показывалъ: „въ прошломъ 1741 г. января въ послѣднихъ числахъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полку маіоръ Альбрехтъ призвалъ его и объявилъ ему именный указъ въ такой силѣ: имѣешь-де ты по именному указу поставленъ быть на безъизвѣстный караулъ близь дворца благовѣрныя государыни цесаревны Елизаветы Петровны. А приказъ-де ему по силѣ онаго жъ именнаго указу объявляется таковъ: въ бытность-де его, Барановскаго, на томъ безъизвѣстномъ караулѣ имѣетъ онъ смотрѣть: во дворецъ-де благовѣрныя государыни цесаревны Елизаветъ Петровны какія персоны мужеска и женска полу пріѣзжаютъ, тако жъ и ея высочество благовѣрная государыня цесаревна Елизавета Петровна куды изволитъ съѣзжать и какъ изволитъ возвращаться о томъ бы повсядневно подавать записки по утрамъ ему, маіору Альбрехту. Притомъ воспослѣдовалъ еще по

*

именному указу, объявленному чрезъ онаго жъ маіора Альбрехта ему, Барановскому, приказъ слѣдующій: въ которое-де время генералъ-фельдмаршалъ во дворецъ ея высочества благовѣрныя государыни цесаревны прибудетъ, то бъ того часу репортовать словесно о прибытіи его онаго жъ маіора Альбрехта. А буде въ домѣ его, Альбрехта, не будетъ, то бъ отрепортовать бывшаго герцога брауншвейгъ-люнебургскаго. Потомъ еще приказъ воспослѣдовалъ: французской посолъ когда-де пріѣзжать будетъ во дворецъ ея высочества благовѣрной государыни цесаревны, то бъ-де и объ оном репортовать съ прочими въ подаваемыхъ запискахъ"... Барановскій нарочно для того жилъ въ особо отведенной ему квартирѣ, въ домѣ покойнаго графа Рагузинскаго. Въ мартѣ 1741 года ему былъ приданъ въ помощь сержантъ Обручевъ. Когда Альбрехтъ отправился въ походъ противъ шведовъ, то Барановскій свои рапорты представлялъ герцогу брауншвейгскому.

Въ примѣчаніи 24 уже было сказано, что для надзора за Елизаветою были также выбраны 10 гренадеръ съ сержантомъ подъ руководствомъ секундъ-маіора Чичерина. Подпоручикъ Нотгофтъ признавался, что онъ имѣлъ приказаніе „о томъ репортовать, когда ея императорское величество (Елизавета) на смольный дворъ пріѣдетъ и кто тогда при ея величествѣ находится. Изъ того же 24 примѣчанія видно, какъ щедро награждалъ принцъ брауншвейгскій доносчиковъ: литаврщику Груберу за доносъ о пустыхъ толкахъ двухъ нѣмокъ было дано 300 рублей *).

Кажется, что послѣ этого нельзя упрекать герцога брауншвейгскаго въ безпечности относительно Елизаветы.

---

*) Наказанія за доносы всѣхъ этихъ лицъ можно читать въ манифестѣ Елизаветы отъ 22 января 1742 г. Полн. собраніе законовъ Т. XI, № 8506.

1 августа.

Впечатлѣніе, произведенное здѣсь милостью, которая оказана гр. Линару, было сильнѣе, чѣмъ я ожидалъ... Въ ней видятъ вѣрный признакъ несомнѣнной и скорой благосклонности, и трудно выразить досаду, съ которою эти люди, вспоминая прошедшее, говорятъ, что они опять на канунѣ подчиниться законамъ фаворита. Даже женщины, которыя здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, пріучены къ сдержанности, никоимъ образомъ не стѣсняются въ своихъ рѣчахъ. Затронутыя сверхъ того тѣмъ, что правительница рѣшилась на такой поступокъ на девятый день послѣ родовъ, именно тогда, когда она еще не принимала ни одной дамы, онѣ намекаютъ, что судя по тому, когда и какъ послѣдовали награды Линару, кажатся, что другая минута вмѣстѣ предшествовала и существовала (vû l'instant et la façon dont cela s'est fait il semblerait qu'un autre moment eût precédé et existé à la fois). Наконецъ я знаю, что гр. Остерманъ, испуганный такимъ событіемъ и болѣе чѣмъ когда либо припоминавшій старинныя пренія свои съ Линаромъ, просилъ сначала генерала и камергера Стрешневыхъ, своихъ родственниковъ, отправиться къ Головкину, гдѣ они и пробыли, запершись, болѣе двухъ часовъ. Здѣсь только и было рѣчи о милости гр. Линару и о необходимости уберечься отъ послѣдствій, которыя, по ихъ мнѣнію, она повлечетъ за собою. Нѣкоторые даже предполагали, что гр. Остерманъ, принявшій за правило, что сильная болѣзнь требуетъ и сильнаго лекарства, можетъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ и безъ труда уладитъ все, когда Линаръ, который, какъ предполагаютъ, рѣшился просить себѣ отставки у польскаго короля и вступить потомъ въ русскую службу оберъ-камергеромъ, отправится въ Дрез-

день или оттуда возвратится. Далекій отъ предвѣдѣнія такой будущности, онъ хотѣлъ отпраздновать новое званіе андреевскаго кавалера и съ этою цѣлью давалъ третьяго дня обѣдъ всѣмъ, и графы Остерманъ и Головкинъ, отозвавшіеся нездоровьемъ, только одни не присутствовали тамъ. Это обстоятельство напоминаетъ мнѣ, что принцъ Людовикъ вольфенбюттельскій былъ на обѣдѣ, и что я забылъ сообщить, что правительница пожаловала ему орденъ св. Андрея. Русскій манифестъ противъ шведовъ *).

4 августа.

Правительница вчера принимала въ постелѣ безъ....

8 августа.

....употребилъ выраженіе „ma souveraine," что было не безъ намѣренія; увѣренія, сопровождаемыя вращеніемъ зрачковъ, что не допускало видѣть бѣлка.

(Кажется эти отрывочныя слова относить должно къ Остерману).

„Но съ котораго времени, возразилъ Остерманъ, вы такъ скупы на титулы во Франціи (êtes vous si chiche de titres en France.)? Я зналъ время, когда вы не были далеки отъ согласія на императорскій титулъ?"

„Это время, отвѣчалъ я, очень можетъ возвратиться, когда вы выкажете такое же расположеніе, какъ тогда [32])..."

„Простите выраженіе, сказалъ мнѣ, смѣясь, Остерманъ, но вы очень забавны (drôle)!" „Правда, я до-

*) Онъ есть въ Полномъ собраніи законовъ.

ставилъ къ этому случай, возразилъ я, и вижу съ удовольствіемъ, что вы это мнѣ говорите. Такой дружескій способъ объясняться даетъ мнѣ болѣе и болѣе права видаться съ вами каждый день. .“

Примѣчаніе.

[32]) Петръ Великій, принявъ въ 1721 г. императорскій титулъ, 26 октября того же года приказывалъ тогдашнему русскому министру въ Парижѣ, князю Василью Лукичу Долгорукому домогаться признанія его императоромъ отъ французскаго короля. Этотъ отвѣчалъ уклончиво, что охотно слышитъ обо всемъ, что относится къ пользѣ его величества, и потому подумаетъ о его предложеніи. Правившій же тогда Франціею кардиналъ Дюбуа утверждалъ, что король долженъ долго размышлять прежде, чѣмъ согласится на признаніе за русскими государями императорскаго титула, да если и согласится, то не иначе, какъ съ условіемъ, что ему также будетъ приданъ императорскій титулъ и чтобы первенство во всѣхъ церемоніалахъ было уступаемо французскому двору. Всѣ домогательства по этому предмету кн. Долгорукова и бывшаго послѣ него русскаго министра въ Парижѣ кн. Бориса Ивановича Куракина, а также гр. Александра Гавриловича Головкина (на конгрессѣ въ Соасонѣ, 1728 г.) были безуспѣшны.

Находившійся въ Петербургѣ секретарь французскаго посольства Маньянъ (23 августа 1731 г.) предлагалъ отъ имени Франціи императорскій титулъ, если только Россія захочетъ вступить съ нею въ тѣсную дружбу и союзъ. Русское правительство отвѣчало, что это было бы для него пріятно, когда такое признаніе будетъ простираться и на преемниковъ императрицы.

Въ октябрѣ 1734 г., явился въ Петербургъ французскій эмиссаръ Бернардони съ предложеніями, по домогательству Станислава Лещинскаго на польскую корону, признать, въ случаѣ согласія на это Россіи, императорскій титулъ. Эти предложенія были отвергнуты 11 ноября того же года. На нихъ-то и намекалъ графъ Остерманъ въ разговорѣ съ де-ла-Шетарди. Въ первый разъ Франція признала за русскими государями императорскій титулъ въ 1745 г. при французскомъ полномочномъ министрѣ д'Альонѣ*).

8 августа.

Принцесса Елизавета велѣла сказать секретарю шведскаго посольства, которому поручено меня извѣщать, что опасенія за себя и свою партію быть открытыми, въ случаѣ если бы дѣла пошли дурно, рѣшительно не дозволяютъ еще ей подписать требованія, но что она будетъ его хранить и подпишетъ, когда дѣла примутъ хорошій оборотъ и она будетъ въ состояніи сдѣлать это безопасно. Для доказательства же, что письменное требованіе ничего не прибавляетъ къ точности, съ которою исполнить свои обѣщанія, она желала разъяснить ихъ и дать имъ даже болѣе пространный смыслъ, обязываясь: 1) вознаградить Швецію за всѣ издержки, считая со времени первой отправки (transport) въ Финляндію; 2) согласиться на субсидіи Швеціи во все продолженіе своей жизни; 3) предоставить шведамъ всѣ преимущества, которыя обезпечены за англичанами; 4) отказаться отъ всѣхъ трактатовъ и конвенцій, за-

*) Рукопись: «Историческое показаніе о россійско-императорскомъ титулѣ», сост. Бантышъ Каменскимъ, 1803 года).

ключенныхъ между Россіею, Англіею и австрійскимъ домомъ и ни съ кѣмъ не вступать въ союзы, кромѣ Франціи и Швеціи; 5) содѣйствовать, наконецъ, во всѣхъ случаяхъ, выгодамъ Швеціи, и въ этихъ видахъ безъ вѣдома націи ссужать подъ рукою всѣми деньгами, въ которыхъ будетъ нуждаться это государство.

Опасаясь забывчивости или пропуска отъ того, которому поручено было сообщить эти условія, принцесса повторила ихъ три раза. Повѣренный получилъ приказаніе быть у меня и сдѣлать подобное же объявленіе. И тотъ, и другой были уполномочены, въ случаѣ требованія, подтвердить клятвенно справедливость этихъ обѣщаній и точность, съ которою они будутъ исполнены. Принцесса Елизавета присовокупила, что она не ограничилась одними только этими средствами, и чтобы не пренебрегать ни однимъ изъ тѣхъ, которыя теперь ей доступны, она вознамѣрилась подарить генералу Икскулю, шведу въ русской службѣ, табакерку, украшенную брильянтами, и приказала раздать также 8 т. р. гвардейскимъ офицерамъ. Я поручилъ секретарю шведскаго посольства передать принцессѣ Елизаветѣ тѣмъ же путемъ, что очень увѣренъ въ чувствахъ генерала Икскуля, чтобы думать, что назначаемый ему подарокъ могъ и долженъ былъ прибавить къ нимъ что нибудь; опасность же, если бы въ его рукахъ нашли драгоцѣнность такой цѣны, или если бы лицо, чрезъ которое будетъ послана табакерка, вздумало осмотрѣть ее, заставляетъ меня признать необходимымъ для ея интересовъ, чтобы она отложила такое выраженіе своей благосклонности. Я велѣлъ въ то же время представить принцессѣ Елизаветѣ, что такъ какъ случаи говорить съ нею (lui faire ma cour) столь рѣдки, чтобы не сказать невозможны, то я надѣюсь, что она соизволитъ на способъ, будто бы представившійся мнѣ случайно говорить съ нею о предметѣ важномъ и нетерпящемъ отлагательства. Будучи

третьяго дня приглашенъ на обѣдъ къ гр. Миниху, я долженъ былъ проѣзжать мимо ея дворца, а потому предложилъ, чтобы она въ 12 съ половиною часовъ находилась съ своими дамами, если позволитъ погода, на крыльцѣ, который предъ ея воротами. Тогда я подъ видомъ почтенія, которое обязанъ ей выказать, вышелъ бы изъ кареты и началъ бы съ нею разговоръ. При такомъ естественномъ случаѣ, я постарался бы дать почувствовать принцессѣ Елизаветѣ все пространство обязательствъ ея къ королю. Но препятствія безпрестанно продолжаются: погода была такъ гадка въ тотъ день, что принцесса не могла воспользоваться способомъ, который я имѣлъ смѣлость ей предложить, безъ замѣтной натяжки.

Объявленныя ею статьи безъ сомнѣнія вамъ покажутся тѣмъ болѣе обдуманными (étudiés), что видно, съ какимъ стараніемъ хотѣли въ нихъ избѣгнуть всякаго намека на уступки, и поэтому можно судить, что предразсудки, которыми выказалась она зараженною въ этомъ отношеніи, имѣютъ болѣе глубокіе корни, чѣмъ какъ это можетъ быть предполагали. Другое обстоятельство въ состояніи заслуживать ваше вниманіе, въ томъ только впрочемъ случаѣ, если она вступитъ на престолъ: разсуждая съ тѣмъ же комиссіонеромъ о своихъ приверженцахъ и противникахъ, она сказала, что не зависѣло отъ герцога курляндскаго помогать ей, потому что онъ, не спрашивая ее, нѣсколько дней спустя послѣ смерти царицы, послалъ ей чрезъ того же повѣреннаго 20 т. руб., и за то она всегда сохранитъ такую признательность къ нему, что сочтетъ себя обязанною возвратить ему свободу, какъ только будетъ въ состояніи это сдѣлать *).

*) Изъ дѣла о Биронѣ можно видѣть, что онъ принцу и принцессѣ брауншвейгскимъ угрожалъ, что призоветъ въ Россію герцога голштинскаго.

20 августа. Версаль. Министръ маркизу де-ла-Шетарди.

С.-Северинъ сообщаетъ мнѣ, что онъ васъ увѣдомилъ о происходящемъ въ Швеціи. Если переворотъ въ пользу Елизаветы произойдетъ такимъ образомъ, что она будетъ признана государынею, то въ такомъ случаѣ вы должны остаться въ Петербургѣ даже и тогда, когда бы взяли уже отпускъ у прежняго правительства, а я вамъ могу отправить вѣрительныя письма къ этой принцессѣ; но при ней вы не будете однако имѣть какого нибудь гласнаго званія до тѣхъ поръ, пока не получите этихъ писемъ. Я видѣлъ одно лицо, пріѣхавшее изъ Петербурга и знавшее д'Альона — оно не сообщило о немъ добрыхъ извѣстій. Вы болѣе, нежели я, въ состояніи судить о довѣренности, которую можно имѣть къ нему.

11 Августа.

Царь даетъ Шетарди секретную и частную аудіенцію, правительница будетъ при этомъ присутствовать...

(Пропускъ въ тургеневскомъ сборникѣ).

..... только что тайно схваченъ и привезенъ въ Москву, съ повелѣніемъ графу Салтыкову, который тамъ начальствуетъ, подвергнуть его (?) сначала пыткѣ. Многіе гвардейскіе офицеры, также безъ вѣдома правительницы, отправились, чтобы арестовать въ Украйнѣ Девитца, Штофельна и третьяго генерала (?), и произвести надъ ними судъ въ военномъ совѣтѣ, составленномъ изъ тѣхъ же гвардейскихъ офицеровъ. Какъ эти четыре лица были креатурами и повѣренными фельдмаршала Миниха, то заставляя ихъ вытерпѣть тысячи мученій,

имѣютъ цѣлью вырвать у нихъ какое нибудь показаніе, которое могло бы обвинить Миниха, и дало бы возможность открыто напасть на него и погубить его. Большая часть коммерцъ-коллегіи не выказывается болѣе расположенною къ гр. Менгдену, своему президенту и племяннику Миниха. На него подали жалобу принцу брауншвейгскому, въ которой Менгдена обвиняютъ въ казнокрадствѣ и даже въ формальномъ нарушеніи указовъ. Какія ни употреблялъ старанія, чтобы разузнать о мѣрахъ и предположеніяхъ, которыя будутъ приняты вслѣдствіе объявленія войны Швеціи, я не провѣдалъ ничего, кромѣ того, что рѣшено ожидать нападенія, чтобы начать дѣйствовать....

15 Августа.

Вниманіе къ Бестужеву (послу въ Швеціи) кажется мнѣ не имѣло вліянія на положеніе Лагерфлихта: онъ не можетъ выходить изъ своей квартиры, но его отъѣздъ еще не рѣшенъ....

Вы поймете, что находясь въ странѣ, гдѣ всѣ средства, указываемыя насиліемъ, считаются дозволенными, я принужденъ былъ сжечь всѣ бумаги извѣстнаго рода, имѣвшіяся въ моихъ рукахъ. Я въ этомъ слѣдовалъ только совѣту г. Амело *).

22 августа.
2 сентября.

Считаютъ очень важнымъ, чтобы герцогъ голштинскій былъ при арміи (шведской), потому что не сомнѣ-

*) Amelot de Chaillou былъ, съ 22 февраля 1737 по 26 апрѣля 1744 г., статсъ-секретаремъ, управлявшимъ во Франціи иностранными дѣлами.

ваются, что русскій солдатъ, побѣжденный этимъ обстоятельствомъ и расположеніемъ, которое онъ уже выказывалъ при такомъ случаѣ, положитъ оружіе въ минуту сраженія — такъ сильно въ немъ отвращеніе сражаться противъ крови Петра I. По той же самой причинѣ думаютъ, что было бы весьма важно публиковать даже въ газетахъ, что герцогъ голштинскій въ арміи, или по-крайней мѣрѣ въ Швеціи *). Всѣ желанія также единогласны въ томъ, чтобы распространить между войсками и внутри страны письмо, въ которомъ, затрогивая религію, опирались бы на томъ, чего должно надѣяться и чего опасаться отъ правленія, врученнаго иноземцамъ, рожденнымъ и воспитаннымъ въ другомъ исповѣданіи.

Вняли также моимъ представленіямъ не выказывать ничего прежде, чѣмъ я скажу, что время къ тому наступило, и съ признательностью поняли меня, что можно рисковать быть задавленными въ разбивку, если шведы не будутъ еще въ состояніи подать имъ руку помощи. Дѣлается еще болѣе важнымъ, чтобы я былъ предувѣдомленъ въ пору о минутѣ, когда можно произвести взрывъ безопасно (éclater avec sureté), точно также, чтобы этой минутѣ предшествовали прокламаціи, которыя признавали уже за нужное распространить между войсками, дабы они были увѣрены, что Швеція возстала болѣе для поддержки права потомства Петра I. При распространеніи такихъ прокламацій, можетъ быть мнѣ необходимо заранѣе получить тайно нѣсколько экземпляровъ русскихъ, также какъ и въ нѣмецкомъ переводѣ, на тотъ конецъ, чтобы распространеніе ихъ въ народѣ производилось со всѣхъ сторонъ. По этой же самой причинѣ, я желалъ бы, чтобы была употреблена та же мѣра и

**) Толки по этому поводу приверженцовъ Елизаветы можно видѣть изъ случая, приведеннаго въ примѣчаніи 22.

относительно манифеста, — объ немъ здѣсь нѣтъ никакого извѣстія, по этому русскому министерству легко его обезобразить, и оно получаетъ чрезъ то возможность произвести на народъ большее впечатлѣніе своимъ, который публикованъ недѣлю тому назадъ. Я боролся, на сколько отъ меня зависѣло, съ этимъ неудобствомъ, пользуясь экземпляромъ, присланнымъ къ Лагерфлихту [33]). Чѣмъ болѣе были взволнованы опасеніемъ, чтобы тайна не открылась съ изиѣною Гилленштіерна и чѣмъ болѣе желали, чтобы главныя операціи на сушѣ не начались тотчасъ же, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ увѣрились, что не открыто ничего; что тайна ввѣрена четыремъ членамъ тайнаго комитета [34]); что употребляютъ всѣ усилія о сохраненіи партіи (Елизаветы), предупреждая ее не дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока о томъ не будетъ ей дано знать; что главныя операціи въ зависимости отъ прибытія гр. Левенгаупта, почему и предвидѣли также то, чего желали съ этой стороны (русской), и что рѣшеніе, окончательно принятое крестьянскимъ сословіемъ, не допускаетъ сомнѣваться о желаніи живо двинуть дѣло впередъ [35]). И такъ дѣла въ настоящую минуту въ прочномъ положеніи (dans l'état de consistance). Я буду имѣть возможность поддержать и укрѣпить его, какъ только гр. Гилленборгъ соизволитъ увѣдомлять меня заблаговременно и съ точностью.

.....

Страхъ будетъ повсемѣстный и конечный (total), когда шведы въ началѣ одержатъ даже незначительный верхъ.

Примѣчанія.

[33]) Шведскій манифестъ о войнѣ противъ Россіи былъ написанъ въ такомъ духѣ, какъ будто шведы, объ-

являя войну русскимъ, вступались за нихъ же. Тамъ говорилось о исключеніи отъ наслѣдства престоломъ Елизаветы и герцога голштинскаго, также о чужеземцахъ, завладѣвшихъ правленіемъ въ Россіи *).

[34]) Кромѣ тайнаго комитета изъ 100 членовъ, о которомъ говорено на стр. 218, въ Швеціи существовалъ тогда такъ называемый секретнѣйшій комитетъ—secretissime-Beredningen изъ четырехъ членовъ тайнаго комитета и трехъ государственныхъ совѣтниковъ — въ немъ-то производились всѣ тайныя приготовленія и сношенія о войнѣ съ Россіею.

[35]) На сеймѣ крестьянское сословіе сначала было противъ войны съ Россіею, но когда тогдашнему шведскому королю было обѣщано, что прижитые имъ съ дѣвицею Таубе дѣти будутъ возведены въ графское достоинство, и онъ далъ согласіе на войну, тогда крестьянское сословіе уступило, и 25 призванныхъ въ тайной комитетъ представителей его объявили, 21 іюля 1741 года, что они согласны съ своей стороны съ мнѣніемъ короля, который въ военномъ дѣлѣ опытный государь **).

22 августа.
2 сентября.

То, что сообщено мною съ двумя послѣдними курьерами, было слѣдствіемъ разговора съ повѣреннымъ въ сосѣдственномъ съ моимъ домомъ лѣсу, въ которомъ иногда прогуливаюсь пѣшкомъ одинъ. Такимъ образомъ мнѣ остается только вамъ передать о происходившемъ между принцессою Елизаветою и мною на придворномъ балѣ; о томъ, что впослѣдствіи сказывалъ мнѣ повѣрен-

*) Büsching's Magazin, II, S. 323 et sq.

**) Geschichte des russ. Staates, von E. Hermann. V, S.S. 41, 42.

ный и наконецъ объ обстоятельствахъ, о которыхъ недѣлю тому назадъ я хотѣлъ узнать точнѣе. О послѣдней статьѣ я могъ только убѣдиться при посредствѣ г. д'Альона, который, какъ мнѣ извѣстно, въ состояніи былъ это сдѣлать, будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ одною знатною дамою, короткою пріятельницею въ домѣ Головкиныхъ и знавшею лучше другихъ о происходящемъ. Въ случаѣ, если это обстоятельство, въ соединеніи съ возможностью имѣть на турецкаго посланника, хотя бы и не видаясь съ нимъ, вліяніе въ видахъ пользы службы его величества, — покажется вамъ, столько же, сколько и мнѣ, существенно полезнымъ, то соблаговолите, для большаго поощренія его (д'Альона) разрѣшить меня объявить ему, что его эминенція и вы принимаете и примете во вниманіе его дальнѣйшее пребываніе, которое будетъ онъ имѣть здѣсь.....

Первыя слова принцессы Елизаветы были по поводу присутствія принца Людовика вольфенбюттельскаго, который не далеко стоялъ отъ нея; она расточала всевозможныя насмѣшки надъ его лицомъ и мыслію выдти за него замужъ. „Эти люди, прибавила она, думаютъ, что нѣтъ глазъ, когда придумываютъ такіе прекрасные проекты; скорѣе должны были бы видѣть, что они сами ослѣпляются, такъ напр. правительница говорила мнѣ недавно шутя, что безъ сомнѣнія скоро будутъ думать, что гр. Линаръ и дѣвица Менгденъ сдѣлаются новыми герцогомъ и герцогинею курляндскими. Принцесса Елизавета горько жаловалась при этомъ случаѣ на высокомѣрный тонъ, который уже принялъ Линаръ, и на слишкомъ непристойные поступки съ ней; при чемъ припоминала, что за обѣдомъ при дворѣ въ предшествовавшую среду, по случаю дня рожденія царя, генералиссимусъ (принцъ брауншвейгскій) и Людовикъ вольфенбюттельскій посажены за столъ оберъ-гофмаршаломъ, между тѣмъ какъ въ отношеніи ея исполнилъ это про-

стой гофмаршалъ. Потомъ она занималась дальнѣйшимъ моимъ пребываніемъ здѣсь. Она сдѣлала при томъ мнѣ честь выразить, что была бы тѣмъ очень довольна лично для себя, но думая при томъ о неудовольствіяхъ, которыя я претерпѣлъ, и которыя готовятся еще для меня впереди, она не можетъ не сожалѣть о моей судьбѣ. Минута была слишкомъ благопріятна, чтобы не воспользоваться ею и не дать замѣтнѣе почувствовать принцессѣ все, чѣмъ она обязана королю. Я отвѣчалъ ей, что честь свидѣтельствовать ей мое почтеніе (faire ma cour) всегда вознаграждаетъ меня за то, что могъ я претерпѣть; что не менѣе утѣшительная причина, заставляющая меня благословлять мою судьбу, заключается въ томъ, что единственно въ видахъ служить и поспѣшествовать ея интересамъ, его величество повелѣлъ мнѣ здѣсь остаться, несмотря на справедливость причинъ, которыя имѣлъ король, чтобы отозвать меня; что его величество равномѣрно заботится о средствахъ возвести ее на тронъ и что если онъ для этой цѣли уже подвигнулъ шведовъ, своихъ союзниковъ, взяться за оружіе, то съумѣетъ также ничего не пощадить, чтобы только дать имъ средства къ вожделѣнному успѣху; что мнѣ, слѣдовательно, предстоитъ единственно исполнять свои обязанности, чтобы чувствовать, какъ лестно для меня быть жертвою за столь справедливое дѣло. Ничего не было упущено принцессою, чтобы выразить свою признательность. Она мнѣ сообщила при томъ, что въ надеждѣ, что я буду отнынѣ навѣщать ее, она приняла заранѣе предосторожности не быть никѣмъ стѣсняемою изъ придворныхъ, а для поддержки постоянныхъ сношеній новѣренный получилъ приказаніе быть ежедневно въ моемъ распоряженіи. Я уже устроилъ способъ, посредствомъ котораго г. Вальданкуръ*) и онъ мо-

*) Вальданкуръ былъ секретаремъ французскаго посольства въ Петербургѣ.

гутъ безъ помѣхи видаться и разнѣживаться каждый день маленькими записочками о назначеніи слѣдующаго свиданія. Принцесса мнѣ присовокупила, что по мѣрѣ усиленія неудовольствія, ея партія увеличивается и въ числѣ самыхъ усерднѣйшихъ приверженцевъ своихъ она можетъ считать всѣхъ князей Трубецкихъ и принца гессенъ-гомбургскаго; что всѣ въ Ливоніи недовольны и преданы ей, хотя однако имъ ничего неизвѣстно о тайнѣ; что, наконецъ, я долженъ убѣдиться, что судя по расположенію умовъ, предпріятіе будетъ имѣть счастливый успѣхъ.

Какъ принцесса, такъ и я, замѣтили, что всѣ присутствовавшіе на балѣ обратили вниманіе на нашъ разговоръ, а потому мы сочли приличнымъ, во избѣжаніи подозрѣній, не продолжать его болѣе.

Повѣренный ея началъ съ выраженій сожалѣній принцессы, что она, вслѣдствіи дурной политики, утратила въ предшествовавшее царствованіе привычку говорить по французски, и потому опасалась, что недовольно выразила на балѣ всю признательность, которою она проникнута; что она никогда не переставала думать, что обязана единственно одному королю и безъ него было бы мало надежды, чтобы Швеція стала дѣйствовать внѣ государства; равнымъ образомъ она вполнѣ поняла все значеніе привѣтствія, сдѣланнаго мною во время моей аудіенціи у ней. Она можетъ судить по моему положенію здѣсь, чтобы почувствовать, что король единственно для нея оставилъ меня въ Россіи на болѣе долгое время. Принцесса также никогда не забудетъ того вниманія, которое выказалъ ей король при учрежденіи моего церемоніала, въ то самое время, когда прочіе дворы, какъ бы по соглашенію съ русскимъ, унижали ее, и если событія будутъ соотвѣтствовать желаніямъ короля и ея собственнымъ, то я увижу также на дѣлѣ, что она ни-

когда не будетъ неблагодарна къ благодѣяніямъ и услугамъ, дѣлаемымъ и оказываемымъ ей.

Я отвѣчалъ на все это, что несмотря на всѣ усилія, уже сдѣланныя его величествомъ для преуспѣнія видовъ принцессы, онъ однако не упуститъ употребить средствъ, врученныхъ ему Провидѣніемъ; что для короля я не требовалъ другой признательности отъ принцессы кромѣ того, чтобы, по достиженіи престола, она пребыла такимъ же постояннымъ и личнымъ другомъ короля, какимъ онъ былъ для нея; что я умоляю также вѣрить, что честь служить ей и удовольствіе видѣться съ нею—суть единственная награда, которой я добиваюсь (j'ambitionne), и всякое другое выраженіе признательности, на которую бы она мнѣ намекнула, помѣшаетъ мнѣ посвятить себя на службу ей. Впрочемъ, она была бы несправедлива къ Швеціи, если бы малѣйшимъ образомъ сомнѣвалась въ ея доброй волѣ; безсиліе же ея въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по недостатку вѣрной помощи, не можетъ и не должно никакимъ образомъ уронить эту державу въ ея глазахъ.

Повѣренный, разсказывая потомъ о бумагѣ, на которую надобно было отвѣчать (см. предъидущую депешу гдѣ упоминается о распространеніи письма внутри Россіи), сообщилъ мнѣ, что гвардейскіе офицеры изъ приверженцевъ принцессы Елизаветы умоляли ее о томъ, ручаясь за выгодное впечатлѣніе, которое произведетъ это, и что многіе изъ могущественнѣйшихъ приверженцевъ думали одинаково въ этомъ отношеніи о принципѣ крайняго суевѣрія духовенства и народа; но принцесса однако не хотѣла на то рѣшиться, не посовѣтывавшись со мною, почему и просила меня сказать, что ей слѣдуетъ отвѣчать, когда, какъ должно предполагать, произойдетъ взрывъ и дворъ обратится къ ней съ вопросомъ, не принимала ли она участія въ этомъ случаѣ? Я отозвался, что могу судить о пользѣ такого предпрія-

тія, только на основаніи опытности другихъ лицъ и послѣдствій, которыя они разсчитываютъ имѣть отъ него; что я думаю во всякомъ случаѣ, если принцесса уступитъ желаніямъ приверженныхъ къ ней лицъ для убѣжденія ихъ въ своей къ нимъ довѣренности, то должно рѣшительно воздержаться отъ упоминанія о принцессѣ, потому что иначе значило бы выдать ее безъ всякой къ чему-нибудь пользы. Что же касается до вопросовъ, которые могутъ быть сдѣланы ей по этому поводу, то она только отвѣтитъ, что извѣстно невмѣшательство ея ни во что, и въ этомъ случаѣ всего естественнѣе выдумать врага, который, чтобы лучше повредить ей, изобрѣлъ будто бы такое средство къ оклеветанію ея.

Повѣренный перешелъ потомъ къ живѣйшему безпокойству принцессы за меня, такъ какъ она боялась, чтобы меня не отравили на обѣдѣ у генералиссимуса. Нисколько не нарушая того, къ чему меня обязывали столь великодушныя чувства, я однако смотрѣлъ на эти опасенія такъ, какъ они того заслуживали. Но повѣренный возразилъ мнѣ, что принцесса не безъ основанія боится за меня; что я имѣю дѣло съ людьми, для которыхъ всѣ средства безразличны; что надобно, чтобы мнѣ было извѣстно, что принцесса, поручившая ему передать мнѣ это, узнала чрезъ горничную правительницы, въ которой она увѣрена, что мнѣ желаютъ здѣсь большой бѣды и смотрятъ на меня, какъ на одно изъ главнѣйшихъ орудій, рѣшившихъ войну со Швеціею; что вслѣдствіе того, восемнадцать дней тому назадъ вечеромъ, зашла рѣчь у правительницы, имѣю-ли я право сохранять еще преимущества, связанныя съ моимъ званіемъ. Въ справедливости такого извѣстія я могу убѣдиться изъ коніи, которую Елизавета получила (я велѣлъ ее перевести съ нѣмецкаго на французскій) съ письма, написаннаго Линаромъ къ правительницѣ на другой день и добытаго Елизаветой чрезъ ту же женщину. Вотъ содержаніе его:

„повторяю вамъ то, что передалъ вчера словесно. Народное право есть, какъ всякое другое право, и никакой государь не обязанъ терпѣть возмущеній, которыя бы поддерживались иностраннымъ министромъ, и чрезъ то самое послѣдній утрачиваетъ свой характеръ и почести, которыя ему воздаются.“

При первомъ взглядѣ, такое опредѣленіе мнѣ показалось такъ смѣшнымъ и выказывающимъ въ такой степени невѣжество, что я могъ оправдать его только подозрѣніемъ, что успѣли нѣсколько проникнуть въ тайну. По этому поводу, для уясненія себѣ дѣла, я предложилъ повѣренному вопросы. Онъ мнѣ многократно повторилъ, что ничего не открыто, а упоминаніе о возмущеніи, которое повидимому слѣдовало бы понимать, какъ намекъ на внутреннія и домашніе происки, рѣшительно относятся къ войнѣ съ Швеціею, потому что сказанная горничная, слушая толки, очень хорошо поняла, что слова „возбуждать внѣшняго врага“ значили нарушать спокойствіе внутри и лишать себя возможности защиты народнаго права. Равнымъ образомъ я долженъ ужасно быть осторожнымъ и заботиться о самосохраненіи. Это объясненіе не допускало съ моей стороны никакого противорѣчія. Я отвѣчалъ, что съ силою въ рукахъ можно предпринять все, однако предваряю тѣхъ, которые имѣютъ передать мнѣ дурное привѣтствіе, что они должны быть снабжены формальнымъ повелѣніемъ, иначе я дамъ имъ настоящую идею о народномъ правѣ, выкинувъ ихъ въ окно. Даже если допустить предположеніе, что будутъ имѣть смѣлость покуситься на мою личность, то принцесса можетъ все-таки оставаться спокойною, такъ какъ и тогда у меня не найдутъ ни одной бумаги, въ которой упоминалось бы о ней и проектѣ. Дѣйствительно я ихъ всѣ сжегъ, чтобы не подать никакого повода къ нападенію на меня (pour ne donner aucune prise contre moi). Я также поступилъ какъ съ этимъ

письмомъ, такъ и съ писанными ко мнѣ Пуссеномъ и Мондамеромъ (Poussin et Mondamert); шифры къ нимъ не попадутся, какое бы ни захотѣли употребить насиліе эти люди.

Хотя это обстоятельство совершенно оправдываетъ сообщенное мною вамъ опасеніе о томъ, чтобы ко мнѣ не питали личной вражды, которая можетъ быть будетъ вредить успѣху дѣлъ, на меня возложенныхъ, однако я не полагаю, чтобы она зашла такъ далеко и касалась предмета, столь неосновательнаго...

Ничто не можетъ быть точнѣе увѣреній, сдѣланныхъ мнѣ потомъ повѣреннымъ, что всѣ гвардейскіе солдаты изъ отправленнаго въ путь отряда привержены принцессѣ. Я знаю, что она приказала дать каждому изъ нихъ по 5 рублей и, на замѣчаніе ей о томъ, она выразила правительницѣ крайнее удивленіе, что считаютъ нововведеніемъ то, что она дѣлала открыто во всѣ времена солдатамъ, у которыхъ крестила дѣтей. Повѣренный прибавилъ, что хотя принцесса, для покрытія этихъ издержекъ, удержала жалованье на весь свой дворъ, однако у ней недостатокъ въ деньгахъ, а между тѣмъ въ настоящія минуты раздача ею наградъ произвела бы наилучшее дѣйствіе, почему она вѣчно считала бы себя обязанною королю, если бы его величество соизволилъ передать мнѣ 15 т. червонцевъ, которыми бы можно было свободно располагать.

Я представилъ въ самомъ лучшемъ свѣтѣ, какъ думаетъ и будетъ дѣйствовать по этому предмету король, лишь бы только не было къ тому непреоборимыхъ препятствій. Такъ-какъ въ такой странѣ, гдѣ все возбуждаетъ подозрѣніе, было бы въ высшей степени неумѣстно, чтобы это шло чрезъ руки банкировъ, то вамъ необходимо нужно, въ случаѣ соизволенія его величества на просьбу принцессы Елизаветы, переслать эту сумму золотомъ черезъ одного или двухъ курьеровъ, смотря

потому какъ дозволитъ тяжесть, при чемъ снабдить ихъ паспортами или другими какими достовѣрными и несомнѣнными документами, которые бы могли воспрепятствовать досмотру предъявителей ихъ. Впрочемъ, чтобы удовлетворить самымъ настоятельнымъ потребностямъ я, въ надеждѣ, что его величество не будетъ порицать меня, взялъ на себя выдать впередъ принцессѣ 2 т. червонцевъ, которые и передамъ повѣренному въ томъ же лѣсу, гдѣ я встрѣтилъ его въ среду. Чтобы не имѣть дѣла ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ, я воспользовался деньгами лица, находящагося при мнѣ и выигравшаго въ карты около 40 т. франковъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи. Данная имъ мнѣ въ ссуду сумма простирается по здѣшнему курсу на червонцы до 22.423 ливровъ 18 копѣекъ (sols) французскихъ. Это лицо будетъ весьма вамъ обязано, когда прикажете передать занятыя мною у него деньги Маньу (de Magne) въ кафе Фуа улица Ришилье. Какъ только послѣдуетъ отъ васъ повелѣніе объ уплатѣ, то необходимо приказать въ то же время Маньу не писать объ этомъ ничего своему племяннику, потому что здѣсь всѣ письма распечатываются, а если онъ войдетъ въ подробности, то это можетъ вывести наружу дѣло, или по крайней мѣрѣ подать поводъ этимъ людямъ къ подозрѣніямъ.

Повѣренный, перечисляя лицъ, которыя есть или были дурно расположены къ принцессѣ, описывалъ мнѣ при томъ Остермана красками, которыхъ онъ во всякомъ случаѣ заслуживалъ. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что принцесса тѣмъ болѣе была противъ него, что онъ, будучи еще въ ничтожествѣ по смерти Петра I, обязанъ своимъ возвышеніемъ Екатеринѣ, ея матери, и самое меньшее, чѣмъ думаетъ она наказать его за неблагодарность, будетъ состоять, какъ только достигнетъ она власти, въ лишеніи всѣхъ званій. Совсѣмъ противное съ герцогомъ курляндскимъ, и повѣренный подтвердилъ

мнѣ сказанное человѣкомъ Нолькена о расположеніи принцессы касательно этого предмета. Не опровергая такого расположенія, я счелъ необходимымъ удалить все то, что могло бы слишкомъ приблизить герцога курляндскаго. Я одобрялъ чувства принцессы; высказывалъ, какъ достойно прекрасной души показывать себя признательною и старался подъ видомъ привязанности къ принцессѣ дать почувствовать, что если достойно ея возвратить свободу несчастному, къ которому она признательна, дать ему средства жить честно и спокойно въ какомъ нибудь городѣ монархіи, даже взять дѣтей его въ службу, то при всемъ этомъ однако она повредила бы себѣ и только напрасно могла бы возбудить недовольство, когда бы захотѣла снова послѣ случившейся съ Бирономъ катастрофы приблизить его къ своему двору. Такое внушеніе, не будучи вовсе опровергнуто, напротивъ побудило повѣреннаго высказать, что и принцесса думаетъ ограничиться только этимъ.

Что же касается до обстоятельствъ, о которыхъ я собралъ свѣдѣнія, то для объясненія вамъ внутреннихъ волненій, послѣдовавшихъ отъ войны со Швеціею, я укажу только на толки многихъ изъ здѣшнихъ знатныхъ. По ихъ мнѣнію, прискорбно для націи видѣть себя управляемыми отъ чужеземцевъ и особенно отъ человѣка, торговавшаго интересами Россіи, что подтверждаютъ деньги, которыя онъ, какъ извѣстно, получалъ отъ Англіи и вѣнскаго двора въ царствованіе покойнаго императора. Несомнѣнно, что если оставить его дѣйствовать такимъ образомъ, то онъ ниспровергнетъ и потеряетъ все. Лучше было бы ему слѣдовать старинной системѣ Петра I, т. е. заключить тѣсный союзъ съ Франціею и Пруссіею. При помощи такого союза, Россія и ея завоеванія навсегда были бы въ безопасности отъ Шведовъ и Турокъ, и имѣлось бы возможность заставить другія державы уважать себя. Гр. Остерманъ,

руководствовавшись началами діаметрально противоположными, навлекъ нынѣ на Россію войну, тѣмъ болѣе непріятную, что страна находится въ изнуреніи отъ предшествовавшихъ войнъ; можно опасаться вмѣшательства турокъ и того, что персіяне въ состояніи увлечься ихъ примѣрамъ, а башкиры и калмыки воспользуются такимъ положеніемъ, чтобы свергнуть съ себя зависимость царя. Если очевидно, прибавляютъ они, что ударъ направленъ изъ Франціи и что посланникъ ея не могъ его отвратить, не смотря на всѣ свои усилія и старанія, то должно сознаться, что Остерманъ его заслужилъ, когда только вспомнить противодѣйствіе королю Станиславу царствовать въ Польшѣ, обращеніе съ маркизомъ Монти и задержаніе французскихъ батальоновъ. Что изъ того произойдетъ? То, что можетъ быть страна безъ всякаго чуда наканунѣ того, чтобы увидѣть Петровича (т. е. внука Петра, герцога голштинскаго), вмѣсто Антоновича. Первый покрайней мѣрѣ черезъ три года будетъ въ состояніи царствовать самъ, особенно если онъ одаренъ тѣми прекрасными качествами, которыя ему приписываютъ. Далѣе, изъ сравненія настоящаго съ прошедшимъ при покойной царицѣ, оказывается, что при ней кадили только двумъ идоламъ, а теперь обязаны кадить дюжинѣ. Не знаютъ на что и рѣшиться. Правительница съ своими фаворитами и фаворитками уничтожаетъ то, что дѣлаетъ генералиссимусъ съ гр. Остерманомъ, а эти отплачиваютъ тѣмъ же. Между тѣмъ какъ правительница день ото дня дѣлается неприступнѣе, принцесса Елизавета принимаетъ такъ обворожительно, что войдя къ ней, не хочется удалиться. Будущее, продолжаютъ они, не представляетъ ничего утѣшительнаго: правительница, по прежнему, питаетъ къ своему мужу отвращеніе; случается за частую, что Юлія Менгденъ ему отказываетъ входить въ комнату этой

принцессы; иногда даже его заставляютъ покидать постель *). Это ничего еще недоказываетъ, что тщетно герцогиня мекленбургская (мать правительницы) принуждена была прибѣгать къ строгости противъ своей дочери, когда та была ребенкомъ, чтобы побѣдить въ ней дикость и заставить являться въ обществѣ, — но легко примѣтить, что это расположеніе къ уединенію есть только предлогъ для доставленія себѣ свободы видѣться съ гр. Линаромъ безъ принужденія. Также не должно обманываться на счетъ брака съ Юліею, это совершенно такой же случай, какъ женидьба Бирона съ дѣвицею Трейденъ, которая предпочтена была старшей сестрѣ своей единственно потому, что послѣдняя, впослѣдствіи вышедшая за Бисмарка, не хотѣла согласиться на бракъ такого рода. Единственная разница въ томъ, что принцы Петръ и Карлъ курляндскіе, хотя были дѣйствительно сыновьями (?) Анны, не служили однако препятствіемъ къ распоряженіямъ, относившимся до Россіи; между-тѣмъ какъ нынѣ мы (продолжаютъ русскіе) будемъ имѣть огорченіе видѣть быть можетъ на престолѣ дѣтей частнаго лица.

Представляю на ваше благоусмотрѣніе, что было бы кстати предписать г. Пуссену (Poussin) согласоваться съ тѣмъ, что я передалъ ему касательно предметовъ, о которыхъ слѣдуетъ сообщить голштинскому двору. Я можетъ быть буду часто вынужденъ къ подобнаго рода ходатайствамъ. Принцесса Елизавета будетъ тронута способами, которые король мнѣ позволитъ употребить въ этомъ случаѣ. Г. Пуссенъ болѣе, чѣмъ кто-либо, въ состояніи исполнить и проч.

---

*) См. примѣчанія 28 и 29.

Письмо къ г. Кастеллану*), приложенное къ депешѣ де-ла-Шетарди, отъ 3 сентября.

....Въ какихъ отношеніяхъ Порта была съ своими сосѣдями? Посланникъ выразилъ, что онъ ничего о томъ не знаетъ. „Что касается до нашихъ, отвѣчалъ съ безпечнымъ видомъ Неплюевъ, то они осмѣлились объявить намъ войну: мы живемъ во времена, когда малый становится на носки (se mette sur le pied), чтобы подняться до большихъ“....

Путь для татаръ болѣе легокъ. Есть еще болѣе вѣрное средство, съ помощію котораго Порта будетъ имѣть возможность, не показывая вида, унизить Московію на долгое время. Это то, что интересъ религіи можетъ соединить турокъ и персіянъ и, руководясь этимъ началомъ, они обратятъ свои виды на то, чтобы возвратить послѣднимъ магометанское царство, отторгнутое отъ Персіи. Здѣсь я разумѣю Астрахань. Она тѣмъ болѣе можетъ обратить на себя вниманіе шаха Надира, что онъ, осуществивъ тотъ же самый планъ, который былъ задуманъ Петромъ I, при завоеваніи имъ Гиляна, Мазандерана и Астрабата, сдѣлается полнымъ властелиномъ Каспійскаго моря. Турки, поддерживая такой замыселъ, тѣмъ менѣе будутъ узнаны, что здѣсь вслѣдствіе живѣйшаго безпокойства о томъ, не имѣетъ ли шахъ Надиръ подобнаго намѣренія, направляясь къ Дагестану, отправили уже инженеровъ въ Терки и св. Андрей для исправленія этихъ крѣпостей, а генералы Татищевъ и Бриньи (Brigny), французъ, — въ Астрахань для укрѣпленія ея на скорую руку и для собранія тамъ войскъ, сколько будетъ возможно.

---

*) Comte de Castellane былъ французскимъ посломъ въ Константинополѣ послѣ маркиза Вильнева съ 1740-года.

Письмо г. Пуссену, приложенное къ депеши отъ 3 сентября.

Можетъ быть было бы важно поскорѣе велѣть передать г. Брюммеру, гофмаршалу и наставнику герцога голштинскаго, чтобы онъ остерегался всѣхъ, кто можетъ быть близокъ къ принцу и употреблялъ всѣ возможныя старанія о его сохраненіи и отвращеніи отъ него всякой непріятности. Г. Брюммеръ пойметъ всю важность этого предупрежденія, когда узнаетъ, что оно дается отъ особы, отъ которой онъ, уѣзжая отсюда, получилъ китайскій чай и нимвегенскій трактатъ. Какъ я думалъ, что по всѣмъ уваженіямъ не возможно ни чрезъ кого лучше передать о томъ, какъ черезъ васъ, то увѣренъ, что вы охотно возьмете на себя, или прикажете кому исполнить это порученіе съ необходимыми предосторожностями.

25 августа.
5 сентября.

Лѣта не ослабили жестокости. Человѣколюбіе отвращается и возмущается отъ рѣчи, которую произнесъ онъ (?) третьяго дня. „Россія, сказалъ онъ, должна пенять только на одну себя, если нынѣ она въ войнѣ со Швеціею.“ Такъ какъ этого не поняли, то спросили, что онъ разумѣетъ подъ этимъ? „Это, возразилъ онъ, значитъ то, что еслибы Петръ I послѣдовалъ данному ему отъ меня совѣту во время послѣдней войны противъ Швеціи, убивать безразлично женъ и дѣтей и опустошить всю страну, тогда нынѣ наши враги только должны еще были бы родиться и не могли бы причинить никакого зла *)...“

*) Въ рукописи только отрывокъ депеши, а потому неизвѣ-

Изъ желанія сдѣлать болѣе зла шведамъ, не щадятъ ничего, чтобы уговорить Финча отложить его отъѣздъ.....

Полагаютъ, что Бестужевъ (изъ Швеціи) долженъ отправиться въ Англію и не столько для того, чтобы отозвать оттуда кн. Щербатова по причинѣ разврата (à cause de prostitution), въ который этотъ впалъ отъ ежедневнаго пьянства, сколько вслѣдствіе желанія держать въ отдаленіи г. Бестужева, талантамъ котораго завидуетъ Остерманъ.

30 августа. / сентября. **Де-ла-Шетарди къ г. Мондамеру.**

Партія (Елизаветы) раздражена противъ Нолькена и ужасно жалуется на то, что ее обманули, такъ какъ ничего не послѣдовало изъ обѣщаній его, что герцогъ голштинскій будетъ при арміи и что публикуютъ манифестъ, который навѣрное имѣлъ бы огромный успѣхъ. Принцесса Елизавета въ то же время сообщила мнѣ, что русскій дворъ, возгордившись успѣхами, одержанными, по его предположенію, при Вильманштрандѣ, имѣетъ намѣреніе осаждать Фридрихсгамнъ и надѣется прогнать шведовъ изъ Финляндіи прежде зимы. Въ то же время она просила меня настоятельно сообщить ей, каковы были силы отряда, командуемаго генераломъ Врангелемъ, и какъ должна она дѣйствовать, чтобы разувѣрить свою партію? Я только могъ изъ самого себя почерпать свѣдѣнія, которыхъ она отъ меня требовала,

---

стно, кому принадлежитъ эта рѣчь. Левекъ въ Histoire de Russie, edit. 1812, V, p. 252, почти такія же слова приписываетъ какому-то донскому казачьему атаману, который уже говорилъ будто бы ихъ Елизаветѣ, по восшествіи ея на престолъ, въ 1742 году, когда былъ собранъ военный совѣтъ о томъ, слѣдуетъ ли продолжать войну съ Швеціею?

почему и писалъ принцессѣ, возвращавшей сначала подобныя записки, что партія не оправдала бы тѣхъ ожиданій, которыя я на нее возлагалъ, когда стала бы приходить въ отчаяніе или предполагать, что въ началѣ уже можно сдѣлать все, что съ Нолькеномъ было условлено; въ такомъ случаѣ и съ той, и съ другой стороны значило бы поставить себя въ беззащитное положеніе (se mettre à découvert), а только взаимно подавая другъ другу руку и при успѣхѣ, можно будетъ выполнять частныя намѣренія. Впрочемъ партія тѣмъ болѣе должна успокоиться, что событіе, случившееся въ воскресенье (взятіе Вильманштранда), только приведетъ въ раздраженіе умы. При этомъ надобно знать, что Ласси приказано было въ особенности ничѣмъ не пренебрегать, чтобы одержать хотя бы малѣйшій верхъ, и несомнѣнно, что шведовъ былъ незначительный отрядъ для прикрытія магазиновъ въ Вильманштрандѣ; слѣдовательно борьба была слишкомъ не ровная, чтобы невозможно было съ этой стороны утѣшиться въ понесенной потерѣ, которую ложно описывали простирающеюся до 9 или 10 т. шведовъ. Истину узнаютъ поздно, потому что невозможность проѣхать Финляндію будетъ преобладать *)....

---

*) Взятіе Вильманштранда фельдмаршаломъ Ласси послѣдовало вскорѣ послѣ начатія войны со Швеціею, именно 23 августа 1741 г. По русской реляціи выходило, что при этомъ шведовъ было убито около 4 т.; въ плѣнъ попалъ генералъ Врангель, нѣсколько полковниковъ и оберъ-офицеровъ. Извѣстна ода Ломоносова на этотъ случай съ намеками на ребенка императора Іоанна III:

Россійскихъ войскъ хвала ростетъ,
Сердца продерзки страхъ трясетъ.
Младый орелъ ужъ льва терзаетъ!

и т. д.

Извѣстно, что левъ — шведскій гербъ.

1 сентября.

Виды правительницы не противорѣчатъ нынѣ браку Линара. Эта принцесса слѣдуетъ только примѣру скрывать и вести интригу, который показала ей покойная царица. Она приметъ ту же методу, и это по крайней мѣрѣ такъ явно, что маркизъ Ботта тѣмъ болѣе сожалѣетъ, что былъ убѣжденъ въ будущности, которая готовилась для принца брауншвейгскаго. Онъ думалъ, какъ и весь свѣтъ, что фаворитка была слишкомъ глупа для того, чтобы желать быть тѣмъ, чѣмъ считаютъ ее теперь. Превозмогли всю совѣстливость (on a surmonté tous les scrupules), и теперь согласны уже со мною, что подарки были слишкомъ велики, чтобы не видно было намѣренія побѣдить этимъ самымъ всякое отвращеніе съ ея (Юліаны Менгденъ) стороны.

Вы съ трудомъ повѣрите, до чего дошло дѣло въ короткое время: Линаръ, который уѣзжаетъ завтра или послѣ завтра въ Дрезденъ, увозитъ съ собою на 150 т. франковъ бриліантовъ; драгоцѣнности фаворитки стоютъ по крайней мѣрѣ столько же. Два подарка, которыми они размѣнялись между собою при помолвкѣ, стоятъ 50 т. экю, и ничто, ни въ мебели, ни въ серебрѣ не можетъ превосходить великолѣпія, которое пріятно правительницѣ выказывать въ домѣ, ею подаренномъ и почти за ново перестроенномъ для дѣвицы Менгденъ. Вы будете менѣе удивлены этимъ, когда узнаете, что на все это употребляется имущество, оставшееся послѣ герцога курляндскаго. Изъ всѣхъ богатствъ, которые старательно вручали ему и которыя онъ копилъ, видно только то, что правительница пожаловала дѣвицѣ Менгденъ, и предполагаютъ, что остальное заключается въ посылкахъ, которыя, какъ извѣстно, тайно переданы этою принцессою герцогу мекленбургскому, отцу ея. Эта

подробность напоминаетъ мнѣ, что г. Ботта прибавилъ мнѣ довольно кстати, что то, что ожидалъ онъ для убѣжденія себя, все ли кончено, заключалось въ обстоятельствѣ, возобновятся ли у принцессы супружескія отношенія съ принцемъ, ея супругомъ, послѣ отъѣзда гр. Линара? Ему слишкомъ хорошо было извѣстно о всемъ происходившемъ до сихъ поръ, чтобы нынѣ не знать, что этого не послѣдовало, и такимъ образомъ ему не должно оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что должно, по его мнѣнію, утвердить его вѣру или невѣріе. Обстоятельство само по себѣ неинтересное, побудитъ еще болѣе согласиться на этотъ счетъ съ мнѣніемъ другихъ. Лѣтъ съ пять здѣсь живетъ баронъ Шенбергъ, котораго прислалъ король Августъ покойной царицѣ для завѣдыванія горнымъ дѣломъ; онъ и жена его издавна друзья гр. Линара. Я увѣренъ, что это она вела интригу и устраиваетъ бракъ и — такъ сильно бываетъ признательность въ нѣкоторыхъ случаяхъ — вмѣсто того, чтобы потребовать отъ него, какъ говорили, подробнаго отчета въ деньгахъ, бывшихъ въ его распоряженіи и изъ которыхъ много по предположеніямъ недостаетъ, — правительница ему даровала три недѣли тому назадъ совершенное прощеніе и въ субботу пожаловала орденомъ Александра Невскаго *).

16 сентября. Разсказъ г. д'Альона.

Разныя безчестныя средства.... считалъ русскихъ, а также гр. Остермана людьми безъ совѣсти, законовъ и

*) Бергъ директору барону фонъ Шенбергу пожалованъ этотъ орденъ въ день именинъ правительницы — 29 сентября 1741 г. Манштейнъ отзывается о немъ, какъ и вообще о всѣхъ нѣмцахъ, съ похвалами и разсказываетъ, что при Елизаветѣ его засадили въ тюрьму и только черезъ годъ выпустили въ Саксонію, лишивъ всего, что онъ имѣлъ (Mémoires sur la Russie, II, p.p. 335—336).

чести, людьми преисполненными плутней и самой низкой подлости... отъявленный врагъ Россіи.... Я уѣду изъ Петербурга. Былъ бы довольнѣйшимъ въ свѣтѣ человѣкомъ, когда бы узналъ, что туда войдутъ шведы.

(Кажется это передача словъ турецкаго посланника.)

$\frac{15}{27}$ сентября. Отчетъ де-ла-Шетарди о разговорѣ съ Елизаветою.

Въ первыя минуты она могла только предаться изліяніямъ признательности: „Я не могу достаточно выразить, говорила она, какъ благодарна за ссуду 2-хъ т. червонцевъ, которые королю угодно было передать мнѣ черезъ васъ, и за тѣ, которые, я надѣюсь, соблаговолитъ еще выдать его величество. Увѣдомленный объ употребленіи, которое я сдѣлала изъ слабыхъ средствъ, бывшихъ у меня въ распоряженіи, онъ узнаетъ, какъ важно для меня это пособіе; но я чувствую и должна чувствовать еще живѣе великодушіе, съ которымъ король изволитъ принимать участіе въ моей судьбѣ: я, если послѣдствія оправдаются, буду одному ему обязана счастіемъ, которымъ воспользуюсь. Увѣрьте его величество, что я постараюсь всю мою жизнь доказывать ему мою совершенную признательность; умоляйте его отъ моего имени соизволить на окончаніе предпринятаго имъ труда и на неоставленіе меня.“

Во всѣхъ отношеніяхъ было умѣстно польстить ей и утвердить ея надежды: „Искреннее уваженіе, отвѣчалъ я, питаемое королемъ къ памяти Петра Великаго, можетъ служить вамъ ручательствомъ, государыня, за чувства къ вамъ его величества. Онъ хочетъ и желаетъ видѣть васъ на тронѣ предковъ вашихъ; до сихъ поръ онъ ничѣмъ не пренебрегъ; положитесь, что ничего не

будетъ пощажено въ будущемъ для достиженія вами короны. Признательность, которую потребуетъ тогда для себя король, будетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы вы постоянно были ему другомъ, какимъ онъ будетъ для васъ." „Я никогда не подамъ ему повода къ жалобамъ, живо возразила она, потому что его величество можетъ быть увѣренъ, что только его совѣтами я буду руководиться, и мое вниманіе во всѣхъ случаяхъ будетъ исключительно направлено къ тому, чтобы выказывать уваженіе полное и слѣпое (d'y marquer une déférence aveugle et entière)." Я тотчасъ же вошелъ въ подробности о необходимости, чтобы она и сама помогала съ своей стороны; причемъ показалъ ей въ сильныхъ выраженіяхъ, что для того, чтобы ударъ, который хочетъ Швеція нанести по соглашенію съ королемъ, былъ вѣренъ, требуется, чтобы ея партія употребила усилія, которыхъ слѣдуетъ ожидать по усердію, ею выказанному къ принцессѣ. „Оно будетъ безсильно, отвѣчала принцесса, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаютъ того, что вамъ сообщилъ отъ моего имени повѣренный. Русскій народъ способенъ къ привязанности и самоотверженію, но его трудно заставить рѣшиться. Повѣрьте мнѣ, что я довольно знаю его свойства, чтобы удостовѣрить васъ, что для побужденія его къ рѣшимости, ничего не можетъ быть лучше манифеста, который шведы распространили бы въ этой странѣ и между войсками во всеобщее извѣстіе, что они идутъ на помощь потомству Петра I. Его величество еще болѣе убѣдится въ успѣхѣ и впечатлѣніи, которыя произведетъ это обстоятельство, когда захочетъ побудить Швецію, чтобы въ ея арміи находился герцогъ голштинскій. У меня есть доказательства тому, что выдетъ изъ этого: офицеры и солдаты, которымъ я давала подарки, по мѣрѣ того, какъ они отправлялись въ Финляндію, выказывались болѣе одушевленными, чѣмъ когда либо;

чтобы оставить ихъ въ увѣренности, что герцогъ голштинскій находится при шведской арміи, я просила ихъ не убивать покрайней мѣрѣ моего племянника. Послѣдній собственно и возбуждаетъ живѣйшія безпокойства въ правительницѣ, какъ бы она ни скрывала того по наружности. Сами судите объ этомъ по тому, что случилось наканунѣ отъѣзда Линара: онъ присутствовалъ на совѣщаніи, бывшемъ у гр. Остермана. Генералиссимусъ, возвратившись оттуда, чтобы отдать отчетъ правительницѣ о происходившемъ, сначала испускалъ глубокіе вздохи, а потомъ громко воскликнулъ, что напрасно не слѣдовали совѣтамъ Линара. Эти совѣты состояли въ томъ, чтобы признавъ меня (т. е. Елизавету), какъ имѣющую тайныя сношенія со Швеціей, подвергнуть предварительно допросу по этому предмету, и если при такомъ обращеніи я сознаюсь въ малѣйшей вещи, то обвинить меня въ преступленіи оскорбленія величества. Даже предположеніемъ, что я стала бы отрицаться, могли воспользоваться, чтобы заставить меня подписать отреченіе отъ престола. Но если подобныя средства, присовокупила Елизавета, мало въ состояніи устрашить меня и заставить уронить свою славу, то при этомъ случаѣ правительница выказала болѣе ума и была болѣе разсудительна, нежели они: „къ чему это послужитъ, отвѣчала она, въ свою очередь вздыхая? Развѣ нѣтъ тамъ дьяволенка (подразумѣвая герцога голштинскаго), который будетъ всегда мѣшать нашему спокойствію *)?“

Принцесса Елизавета, вполнѣ надѣясь на успѣхъ своихъ видовъ и сохраненіе своего племянника, выра-

*) Также отзывалась о герцогѣ голштинскомъ и императрица Анна. По словамъ Штелина, она опасалась и отчасти трусила какъ Елизаветы, такъ и названнаго герцога, котораго охотно сжила бы (aus dem Weg geschöpft hätte), когда бы то было возможно. Анна Іоанновна въ разговорахъ обыкновенно выражалась о принцѣ: «чертушка еще въ Голштиніи живетъ!» Эти слова въ нѣмецкой рукописи Штелина написаны по русски.

зила нѣкоторое безпокойство, чтобы Швеція не допустила подкупить себя (que la Suède ne se laissât gagner), и въ томъ разувѣрилась только убѣжденіемъ, что имѣетъ все свое прибѣжище въ его величествѣ. Она еще болѣе безпокоилась о послѣдствіяхъ, которыя будетъ имѣть требованіе, сдѣланное Англіи; о положеніи, которое приметъ Данія; объ образѣ дѣйствій здѣсь турецкаго посланника, котораго невыгодныя мнѣнія возбуждаютъ опасенія; также, чтобы вторичное путешествіе, сдѣланное г. Робинзономъ (Robinson) въ Breславль, не поколебало прусскаго короля; что министры короля (французскаго) на Сѣверѣ, равно какъ и въ Берлинѣ и въ Гамбургѣ, не были заранѣе уполномочены исполнять то, что я могу имъ сообщать, какъ въ случаяхъ, не требующихъ отлагательства, такъ и для того, чтобы имѣть постоянныя сношенія; наконецъ, что неотклонили затрудненій, которыя неизбѣжно встрѣтятся въ сношеніяхъ моихъ со Швеціей, когда придется дѣлать объѣзды вслѣдствіе прекращенія для меня возможности прямаго сообщенія чрезъ Финляндію.

Я былъ въ состояніи разсѣять всѣ сомнѣнія и разувѣрилъ, что Швеція, далекая отъ того, чтобы допустить себя подкупить, неспособна къ тому и слишкомъ уважаетъ себя, чтобы послѣ того, что сдѣлано ею, уклониться отъ своей цѣли. „Вашему высочеству, прибавилъ я, впрочемъ будетъ въ томъ ручательствомъ то обстоятельство, что Швеція ничего не предприметъ безъ согласія его величества (французскаго).“ Я ей разсказалъ (умолчавъ при томъ, что разсказъ былъ основанъ на частномъ и, слѣдовательно, недостовѣрномъ свидѣтельствѣ), что его величество говорилъ недавно за обѣдомъ, что если англійскій король отправитъ эскадру въ Балтійское море, то и онъ непремѣнно пошлетъ туда свою. Въ доказательство тому, что Данія далека отъ мысли объявить себя въ пользу Россіи, я ей по-

казывалъ письмо ко мнѣ г. Фенелона и сообщилъ, что на подтвердительное требованіе короля датскаго шведскому, послѣдній поручилъ генеральнымъ штатамъ обратить вниманіе на пренія, происшедшія между копенгагенскимъ дворомъ и ихъ высокомочіями по случаю гренландской рыбной ловли. Я извѣстилъ ее о принятыхъ мною мѣрахъ, чтобы сношенія между мною и турецкимъ посломъ нисколько не потерпѣли отъ необходимости, въ которой я находился, не получивъ отъ него визита. Не входя ни въ какія подробности, я описалъ самыми живыми красками способы, которые употребляли, чтобы поссорить меня съ этимъ министромъ, и ручался, что его чувства были столько же благопріятны шведамъ, сколько въ противорѣчіи съ настоящимъ русскимъ правительствомъ и гр. Остерманомъ. Я успокоилъ принцессу Елизавету касательно второй поѣздки Робинзона, и это тѣмъ болѣе могъ сдѣлать, что зналъ отъ барона Мардефельда, что англійскій министръ, не имѣя никакого письма отъ своего короля, единственно изъ собственнаго усердія къ австрійскому дому, сдѣлалъ на этотъ разъ предложенія, еще болѣе неприличныя и такія, что прусскій король, считая себя оскорбленнымъ, не хотѣлъ его даже видѣть *). Я сказалъ принцессѣ, что его эминенція и вы, милостивый государь, предупредили ея желанія и что вслѣдствіе повелѣній, отправленныхъ заранѣе къ министрамъ короля на Сѣверѣ, я сообщилъ г. Пуссену о предосторожностяхъ, которыя она предлагала мнѣ для безопасности герцога голштинскаго. Наконецъ я передалъ ей, что для отклоненія

*) Самъ Фридрихъ II осмѣялъ въ своихъ запискахъ старанія Робинзона въ пользу венгерской королевы: «англійскій министръ чувствовалъ родъ энтузіазма къ Маріи Терезіи: онъ велъ переговоры съ напыщенностью, какъ будто ораторствовалъ въ нижней палатѣ....» Король ему отвѣчалъ рѣшительнымъ и надменнымъ отказомъ (Histoire de mon temps — Oeuvres de Frédéric II, édit. de 1792, II, p. 109).

всѣхъ неудобствъ и для возможно-дѣятельной переписки моей со Швеціей, я уже уговорился съ г. Гилленборгомъ, чтобы одинъ пакетботъ ходилъ постоянно отъ береговъ Финляндіи къ Кенигсбергу и изъ Кенигсберга въ Финляндію, для увѣдомленія меня о всемъ, что случится; пакеты, для большей вѣрности, будутъ тогда адресоваться на имя Фурвиля (Fourville), а для прямой отправки изъ Стокгольма воспользуются путемъ изъ Стральзунда и при помощи эстафеты; что впрочемъ, если уваженія, тѣсно связанныя съ интересами великихъ державъ, особенно значительное удаленіе, въ которомъ находится Франція, не дозволятъ пустить въ дѣло манифестъ, отъ котораго ожидается столько послѣдствій, то она можетъ быть увѣрена, что постараются воспользоваться этимъ средствомъ, какъ только найдутъ это удобнымъ, а до тѣхъ поръ съ ея стороны никакія заботы не будутъ излишни для возбужденія ея партіи и расположенія ея къ исполненію своего долга, когда наступитъ минута, чтобы выказаться....

Принцесса Елизавета видѣла во всемъ этомъ новыя одолженія къ ней короля и проникнулась такою признательностью, что говорила мнѣ, что если бы не было опасности, то она не отлагала бы ни одной минуты, чтобы писать къ его величеству для выраженія своей благодарности. Она поручала также благодарить васъ, милостивѣйшій государь, а равно и г. кардинала за обязательное вниманіе, показанное тѣмъ и другимъ ко всему, что ее касается, и выразить его эминенціи, что она льститъ себя надеждою, что предназначено славѣ его министерства возвести на престолъ принцессу несчастную, угнетенную и подругу Франціи (une princesse malheureuse, opprimée et amie de la France).

Чтобы болѣе сдѣлать ей ненавистнымъ гр. Остермана, я долженъ былъ не оставлять ее въ невѣдѣніи, что выставляя турецкому послу правительницу, какъ буду-

щую государыню въ случаѣ смерти царя, принудили его согласиться на аудіенцію, которую онъ имѣлъ. Принцесса сказала мнѣ, что не въ этомъ одномъ заключаются доказательства, которыя она имѣетъ въ неблагодарности гр. Остермана. Она мнѣ подтвердила, что всѣ виды его клонятся къ тому, чтобы возвести на престолъ принца брауншвейгскаго, и если, противъ всякаго ожиданія, Остерманъ въ томъ успѣетъ, то увидятъ, что сколько льститъ онъ теперь влеченію принцессы къ уединенію, чтобы сдѣлать ее ненавистною въ глазахъ народа, столько онъ будетъ первымъ сдѣлать ее несчастною чрезъ насильственныя средства, которыя посовѣтуетъ употребить принцу брауншвейгскому. По случаю разговоровъ о видахъ Остермана, она меня спросила, не будетъ ли полезно, для противодѣйствія имъ, распустить слухъ, что турки произведутъ диверсію въ пользу шведовъ и что даже шахъ Надиръ по видимому задумываетъ какое-то предпріятіе противъ Россіи? Я отвѣчалъ ей, что это кажется тѣмъ болѣе удобнымъ, что такіе слухи ободрятъ ея партію и поставятъ противъ правительства народъ, и безъ того устрашенный войною, которую надобно поддерживать противъ Швеціи; что я даже могу предполагать, что событія подтвердятъ эти слухи, какъ только, для рѣшенія того, какъ поступятъ турки, сошлюсь на то, что писалъ я въ Константинополь, и на мнѣнія, которыя здѣшній турецкій посланникъ сообщилъ мнѣ и которыя давно принялъ находящійся нынѣ во Франціи; что если нельзя выразиться также опредѣлительно на счетъ шаха Надира, то нѣтъ ничего невозможнаго, что онъ имѣетъ какое нибудь намѣреніе противъ Россіи. Есть по крайней мѣрѣ признаки тому, если судить по мѣрамъ, которыя какъ извѣстно, поспѣшно приняты для обезпеченія Астрахани, св. Андрея и Терковъ.

Наша принцесса Елизавета (notre princesse Eli-

sabette) хотѣла бы также, чтобы подучить шведскихъ плѣнныхъ офицеровъ, которыхъ должны перевозить, и которые, по свойственному русскому народу любопытству, подвергнутся многимъ распросамъ, чтобы они отвѣчали, когда ихъ спросятъ, зачѣмъ они начали войну, что герцогъ голштинскій есть близкій родственникъ ихъ королевы и что она думаетъ поддерживать его права. Я согласился въ пользѣ, которую можно было бы изъ того извлечь. Однако, она понимала, что, кромѣ невозможности посѣтить этихъ офицеровъ, необходимо при томъ какое нибудь основаніе, которое могло бы ихъ побудить къ подобнымъ отвѣтамъ, и что эта мѣра будетъ опасна, потому что не зная этихъ офицеровъ, нельзя судить о степени довѣренности, которую можно къ нимъ имѣть, почему пришлось бы раскрыть тайну безъ всякой пользы.

Такъ какъ всѣ обстоятельства касательно переворота были исчерпаны и перебраны, то я выразилъ принцессѣ Елизаветѣ, что польза ея службы требуетъ, чтобы она мнѣ разъяснила обстоятельства, которыя были мнѣ сообщены изъ добраго мѣста. Она увѣрила меня, что вполнѣ удовлетворитъ всему, что я пожелаю знать. Я спросилъ ее, говорила ли ей пять или шесть мѣсяцевъ тому назадъ г-жа Каравакъ о бракѣ? Принцесса отвѣчала, что дѣйствительно эта женщина иногда бываетъ у нея, но что она никогда не имѣла случая дѣлать ей подобныя предложенія. „Какъ, спросилъ я, ваше высочество были недовольны представившимся ей бракомъ?“ „Трудно было бы, сказала она, чтобы я выражала свое удовольствіе или неудовольствіе объ этомъ предметѣ, когда я о немъ ничего не знаю.“ „Однакожъ предполагаютъ, что будто вы спросили: лицо, которому поручено такое предложеніе, имѣетъ ли какое нибудь полномочіе? и только получивъ на то отрицательный отвѣтъ, отказались его видѣть.“ „Но какой же это

бракъ? я не помню никакихъ обстоятельствъ, о которыхъ вы упоминаете.“ „Съ французскимъ принцемъ, какъ меня увѣряли.“ „Я могу васъ увѣрить, что все это есть ни что иное, какъ пустой слухъ, и тутъ нѣтъ ни одного слова истиннаго. Вы должны быть тѣмъ болѣе увѣрены въ томъ, зная, что я давно рѣшилась никогда не выходить замужъ, и тѣмъ менѣе буду слушать предложенія Каравакъ, что было бы очень неблагоразумно съ моей стороны обижать правительницу и ея мужа, потому что въ настоящую минуту я открыто отринула довольно глупое предложеніе, сдѣланное мнѣ принцемъ Людовикомъ вольфенбюттельскимъ.“ Это было сказано такъ опредѣлительно, что не представлялось болѣе возможности настаивать. Я прекратилъ дальнѣйшій разговоръ, предостерегаясь называть кого бы то ни было, чтобы не компрометировать лица, о которомъ шла рѣчь. Отсюда видно, что онъ бы выигралъ, отложивъ всякую посылку до полученія повѣрки, которую желалъ имѣть. Чтобы не произошло отъ того ничего дурнаго, я до новыхъ повелѣній, запрещу ожидаемому мною лицу всякія попытки, которыя можетъ быть должны были бы имѣть мѣсто въ министерствѣ, и даже постараюсь устроить ему случай слышать то, что мнѣ было сказано, — на сколько по содержанію его инструкціи я сочту это объясненіе приличнымъ, чтобы не продолжать безполезно порученія въ странѣ, гдѣ малѣйшая новость обращаетъ вниманіе и возбуждаетъ всегда опасныя подозрѣнія.

19 сентября.
1 октября.

Поляки начинаютъ волноваться.... Если полякъ не опасенъ противъ регулярныхъ войскъ, то онъ имѣетъ преимущество казака производить разъѣзды, проникать

въ страну и разорять ее, т. е. чѣмъ онъ болѣе всего въ состояніи нанести вредъ этой странѣ, такъ какъ слабая часть Россіи именно лежитъ близь Польши тамъ, гдѣ расположенъ Смоленскъ, который отнятъ отъ этого королевства, почему поляки могутъ въ короткое время очутиться внутри страны и распространить ужасъ даже до Москвы.

22 сентября.
4 октября.

....Я видѣлъ ее третьяго дня у нея: долго изъявляя удовольствіе, что со вступленіемъ на престолъ будетъ имѣть возможность каждый день представлять новыя доказательства своей признательности королю, она спросила меня, гдѣ нынѣ Нолькенъ? Я отвѣчалъ, что положительно не знаю, но предполагаю, что долженъ быть въ Стокгольмѣ. „Ему бы не слѣдовало, сказала она, наобѣщать столько моимъ приверженцамъ или лучше сдержать то, что имъ обѣщалъ. Ежедневно они приходятъ ко мнѣ съ жалобами на него и упрекаютъ, что вовсе не видно манифеста, который долженъ былъ явиться въ минуту, когда шведы возмутся за оружіе, о томъ, что герцогъ голштинскій находится въ главѣ войска. Слѣдовательно важно нивдамъ дѣйствовать такъ, чтобы дѣла шли, какъ это условлено было съ Нолькеномъ, и я думала, если бы обстоятельства не дозволили моему племяннику въ извѣстный срокъ отправиться въ армію или въ Швецію, что было бы необходимо, чтобы его величество соизволилъ предложить шведскому министерству о помѣщеніи отъ времени до времени въ газетахъ, что герцогъ голштинскій не замедлитъ пріѣхать въ Стокгольмъ и что онъ въ Швеціи. Двѣ сильныя причины покажутъ вамъ всю важность такой демонстраціи: первая, что

моя партія, какъ вы сами мнѣ предлагали, не можетъ выказаться прежде, чѣмъ шведы будутъ въ состояніи подать ей руку помощи; вторая, что дѣйствія не будутъ соотвѣтствовать обѣщаніямъ Нолькена. Нѣкоторые думаютъ, что Швеція прикрываетъ моими свои собственные интересы, что произведетъ тѣмъ болѣе дурное впечатлѣніе, что несомнѣнно, если дѣла пойдутъ худо для русскихъ, правительница и ея мужъ сдѣлаютъ пожертвованія, лишь только бы самимъ удержаться, и мои приверженцы могутъ опасаться, чтобы Швеція не увлеклась выгодами (которыя впрочемъ приготовятъ ей только новую войну, какъ только настоящее правительство сочтетъ себя утвердившимся), и изъ того не послѣдовало бы для всѣхъ моихъ приверженцевъ пожертвованіе своимъ имуществомъ и жизнію.“ „Согласенъ, государыня, отвѣчалъ я, что немного стоитъ иностранцамъ дѣлать пожертвованія во вредъ Россіи, и въ ихъ образѣ мыслей легко найти увѣренность, что несмотря на свои обязательства, они будутъ искать вознаградить себя какъ только найдутъ къ тому удобный случай; но Швеція, которая можетъ и при васъ воспользоваться тѣми же выгодами, будетъ считать ихъ болѣе существенными, такъ какъ онѣ будутъ ей обезпечены вашею признательностью и оказанными ею услугами вамъ. И одно особенное обстоятельство не дозволяетъ, впрочемъ, Швеціи когда либо прикрывать вашимъ собственный интересъ—это то, что послѣдній непримиримъ съ системою, введенною горстью иностранцевъ, которые завладѣли здѣсь властью, унижая народъ, и что этотъ интересъ тогда только можетъ имѣть мѣсто, когда, возложивъ на васъ корону, Россія возвратится къ своимъ настоящимъ началамъ. Во всякомъ случаѣ достаточно того, что вслѣдствіе противорѣчія, замѣчаемаго въ поступкахъ Нолькена, ваше высочество можете опасаться какого нибудь неудобства, чтобы король обратилъ на то свое вниманіе.

Вы можете быть увѣрены, что послѣ донесенія моего его величеству, поспѣшно придумаютъ средства, которыя вы найдете свойственными для успокоенія умовъ. Все это нисколько не мѣшаетъ вамъ постоянно возбуждать и удерживать ихъ въ то же время, пока не придетъ минута, когда я буду имѣть честь сказать вамъ, что пора выказаться наступила. Принцесса Елизавета была довольна такимъ объясненіемъ и обѣщала имъ воспользоваться. Я не хотѣлъ вамъ писать объ этомъ разговорѣ — я сожгу письмо.

Царь былъ довольно нездоровъ. Теперь ему лучше, и это хорошо. Можетъ быть важно не по одной причинѣ, чтобы онъ не скончался при нынѣшнихъ обстоятельствахъ до тѣхъ поръ, пока дѣла не примутъ извѣстнаго направленія въ пользу принцессы Елизаветы.

Камергеръ Брылкинъ назначенъ оберъ-прокуроромъ сената. Не смотря на его безобразіе, подозрѣвали съ нѣкоторою вѣроятностью, что онъ нравился правительницѣ и способствовалъ влеченію ея къ гр. Линару. Подозрѣніе повлекло за собою наказаніе, и его сослали въ предшествовавшее царствованіе въ ссылку въ Казань. Благосклонность къ нему правительницы отъ того выказалась еще болѣе. Съ него и его вызова изъ Казани начала она выказывать власть, которою пользуется [36]). Но если относительно тѣхъ, которые были сдѣланы сенаторами, ясно видно, что хотѣли пріобрѣсти себѣ болѣе и болѣе креатуръ и произвести впечатлѣніе въ народѣ именами, которыя поставлены тамъ, то къ несчастію для настоящаго правительства все это нисколько не удалось. Я знаю, что большая часть этихъ новыхъ сенаторовъ тѣмъ менѣе довольны такимъ назначеніемъ, что у нихъ на то вовсе не спрашивали согласія и подъ приманкою почетнаго титла на нихъ навалили тяжелую ежедневную работу, не положивъ за то никакого жалованья....

Примѣчаніе.

[36]) Иванъ Онофріевичъ Брылкинъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ сената 17 сентября 1741 г. Манштейнъ подъ 1735 г. разсказываетъ: „въ іюлѣ мѣсяцѣ случилось при дворѣ небольшое приключеніе, которое заслуживаетъ быть упомянутымъ здѣсь. Обвинили госпожу Адеркасъ, главную гувернантку принцессы Анны, что она, вмѣсто наблюденія за своею воспитанницею и доставленія ей хорошаго воспитанія, хотѣла помогать интригѣ между молодою принцессою и однимъ иностраннымъ министромъ (т. е. Линаромъ). Это открылось: Адеркасъ отставили и отослали въ Германію. Министръ, надѣявшійся на эту великую побѣду, получилъ назначеніе, заставившее его возвратиться къ своему двору, который попросили не присылать его опять въ Петербургъ. Одинъ камеръ-юнкеръ императрицы, по фамиліи Брылкинъ, былъ подозрѣваемъ въ нѣкоторомъ участіи въ этой интригѣ: его удалили отъ двора и послали въ Казань капитаномъ въ гарнизонъ, гдѣ онъ и оставался до арестованія герцога курляндскаго*).

Изъ дѣла, производившагося надъ приверженцами правительницы Анны при Елизаветѣ оказывается, что этотъ Брылкинъ былъ изъ числа лицъ, хлопотавшихъ о доставленіи титула императрицы принцессѣ Аннѣ. По восшествіи на престолъ Елизаветы, князь Шаховскій, любимецъ арестованнаго гр. Мих. Гавр. Головкина, былъ потребованъ въ сенатъ, куда и явился „бѣдъ ожидая,“ по его словамъ. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, пытавшій противниковъ Бирона, судившій его потомъ, когда онъ былъ арестованъ и, наконецъ, при Елизаветѣ пріобрѣвшій большое значеніе, этотъ-

*) Mémoires sur la Russie, I, p.p. 146—147.

Трубецкой гордо замѣтилъ Шаховскому, что вѣроятно его требовалъ оберъ-прокуроръ. „Сей былъ, пишетъ кн. Шаховской, господинъ Брылкинъ, который мнѣ до того являлся хорошимъ пріятелемъ, и также, какъ и я, любимецъ былъ гр. Головкина, коего стараніемъ и въ оберъ-прокуроры въ сенатъ опредѣленъ, а при дворѣ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго камергера; въ паденіе же онаго своего благотворителя — Богъ про то знаетъ какимъ способомъ — не только остаться въ томъ своемъ въ сенатѣ чинѣ, но еще и любимцемъ у генералъ-прокурора быть усчастливился... Черезъ нѣсколько минутъ, изъ сенаторской палаты вышедъ, съ пріятнымъ видомъ шелъ ко мнѣ г. оберъ-прокуроръ Брылкинъ. Я также съ моими учтивыми и ласковыми глазъ моихъ издали видами уповалъ въ мысляхъ, что сей-то добрый пріятель всѣ сомнѣнія о моемъ сюда призывѣ рѣшитъ. А онъ, тѣмъ временемъ близко пришедъ, сказалъ мнѣ, что теперь-де дѣла до васъ нѣтъ, а извольте завтра въ такое жъ время сюда пріѣхать. Я, на тѣ его слова ни мало не остановясь, взялъ его за руку и, по прежнему близкому обхожденію, отведши нѣсколько отъ прочихъ, въ той палатѣ тогда бывшихъ, къ сторонѣ, дружески оговаривался съ нимъ, что я о его ко мнѣ благосклонности безъ сомнѣнія нахожусь, и какъ же онъ довольно знаетъ, что я тайности хранить умѣю, просилъ его, чтобы открылъ мнѣ то, для чего меня сюда призываютъ, понеже мнѣ о томъ безъизвѣстность, по теперешнему моему состоянію, очень обезпокоиваетъ. Но вотъ! можно-ли было мнѣ ожидать отъ сего набожнаго и благотворить тщащагося человѣка, чтобъ онъ оставилъ меня до завтра быть въ смятенной о себѣ неизвѣстности? Но знать, что тогдашнія обстоятельства его предубѣдили, по коимъ онъ на мои вопросы, улыбнувшись, сказалъ: „не опасайтесь пожалуйте и пріѣзжайте завтра сюда —

все узнаете.“ И при томъ, ласково поклонясь, пошелъ отъ меня въ сенаторскую палату*)“...

Обстоятельство, почему Брылкинъ не попалъ въ опалу при Елизаветѣ подобно всѣмъ приверженцамъ принцессы Анны, разъясняется вышепомянутомъ дѣломъ: чрезъ три дня послѣ вступленія на престолъ Елизаветы, 28 ноября 1741 г., онъ самъ, никѣмъ не требованный и не спрошенный, явился въ слѣдственную коммиссію и донесъ подробно о переговорахъ между гр. Головкинымъ, Тимерязевымъ, и имъ о предоставленіи короны принцессѣ Аннѣ.

Отрывокъ изъ предписанія къ маркизу де-ла-Шетарди.

Король впрочемъ не неодобряетъ выдачу впередъ 200 червонцевъ; относительно же остальныхъ я предвижу много затрудненій въ передачѣ ихъ вамъ, не возбуждая подозрѣній. Поручить курьеру такую значительную сумму денегъ значитъ довѣрить ему тайну.

26 сентября.
октября.

...Первая мысль пришла графу Круасси (C-te de Croissy)**). Говорятъ о коммиссіонерѣ, который имѣлъ отъ своего господина (de son principal) письмо къ принцессѣ. Онъ былъ уполномоченъ обѣщать диверсію со стороны турокъ и подать надежду, что тотъ, который его послалъ, можетъ встать въ главѣ шведской арміи. Если такія средства покажутся свойственными,

*) Записки кн. Я. П. Шаховского, Москва 1810 г., I. 83—95.
**) Здѣсь рѣчь идетъ о сватовствѣ принца Конти за Елизавету.

чтобы подвигнуть (Елизавету) къ рѣшимости, то онъ (коммиссіонеръ) въ состояніи сдѣлать то, въ чемъ не могъ успѣть Дефонъ. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ коммиссіонера готовымъ согласоваться во всѣхъ отношеніяхъ съ указаннымъ мною планомъ. Пославшій его до того смѣшалъ предметы, что письмо, внушенное дружбою и написанное нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ принялъ за имѣющее цѣлью устройство дѣла (comme ayant pour but un établissement)...

Было бы счастливо, чтобы размолвка, происшедшая, какъ меня увѣряли третьяго дня, между правительницею и генералиссимусомъ, могла быстро усилиться. Это произошло послучаю назначенія шести новыхъ сенаторовъ. Полагаютъ, что принцъ брауншвейгскій и гр. Остерманъ не принимали въ томъ никакого участія, и вслѣдствіи того четыре сенатора, бывшіе здѣсь на лицо, также какъ и Брылкинъ, при представленіи принцу для выраженія своей признательности, были очень дурно приняты имъ. Думаютъ, что это назначеніе есть дѣло рукъ гр. Головкина, въ видахъ пріобрѣтенія себѣ большаго числа приверженцевъ въ сенатѣ и съ главною цѣлью ниспровергнуть гр. Остермана *). Я полагаю, что въ этомъ случаѣ гр. Головкину болѣе приписываютъ, нежели сколько онъ этого заслуживаетъ. Впрочемъ эта вещь не невозможная, если правда, что имъ управляетъ князь Трубецкой, генералъ-прокуроръ, человѣкъ умный и пронырливый; что они сблизились одинъ съ другимъ по стараніямъ Брылкина; что они нисколь-

*) Въ числѣ этихъ новыхъ сенаторовъ находился и кн. Яковъ Петровичъ Шаховской, оставившій послѣ себя записки и потому болѣе другихъ памятный у потомковъ. «Усчастливился я, говоритъ онъ, у такого человѣка (т. е. у гр. Головкина), котораго духъ мой полюбилъ, скоро въ числѣ его друзей находиться, и онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, нимало не давъ мнѣ прежде знать, произвелъ меня въ сенаторы (Записки Я. Шаховскаго, Москва, 1810 г., I, стр. 65)... »

ко не сомнѣваются въ содѣйствіи со стороны гр. Линара составленному ими предложенію; что они думаютъ возможнымъ найти пособниковъ себѣ въ двухъ князьяхъ Голицыныхъ, по этой причинѣ возвращенныхъ изъ ссылки и считаемыхъ за хорошихъ людей, и что, наконецъ, графиня Остерманъ сказала, когда до нея дошли слухи объ этихъ происках, что она желала бы очень, чтобы ея мужъ могъ быть уволенъ, какъ фельдмаршалъ Минихъ. Мнѣ сказывали еще, что Ланчинскій *) вызванъ изъ Вѣны, но не знаютъ еще настоящей причины такой перемѣны.

$\frac{3}{14}$ октября 1741 г.

Этотъ дворъ приготовитъ себѣ еще большія затрудненія внутри государства, если только размолвка, о которой я вамъ недавно сообщалъ, между правительницею и принцемъ брауншвейгскимъ будетъ усиливаться, какъ это продолжается до сихъ поръ. Послѣдовавшее вслѣдствіе того объясненіе было чрезвычайно живо. Генералиссимусъ ничего не выигралъ, ссылаясь съ жаромъ два раза на званіе мужа, которымъ безъ сомнѣнія онъ думалъ пользоваться съ нею, хотя опытъ ему уже показалъ, что его власть довольно часто не уважается. Все это не удержало правительницу, и она, какъ говорили мнѣ, должна вручить ему инструкцію, которою онъ тѣмъ болѣе обиженъ, что она ограничиваетъ его власть. Ему нанесено еще другое оскорбленіе. Онъ послалъ изъ своей канцеляріи приказаніе сенату. Гр. Головкинъ, который при своей посредственности, болѣе чѣмъ кто либо въ состояніи слѣдовать направленію вѣтра мило-

*) Русскій министръ при вѣнскомъ дворѣ со временъ Петра Великаго.

сти, который въ эту минуту дуетъ за него, замѣтилъ это съ надменностью и не скрывалъ предъ принцемъ брауншвейгскимъ, что здѣсь только одинъ государь: отъ его воли можетъ зависѣть все, а не отъ той, которую насильственно будутъ выказывать то тѣ, то другіе.

Русскій дворъ не много успѣлъ до сихъ поръ въ возбужденіи препятствій къ сношеніямъ, которыя желалъ установить со мною турецкій министръ.... Замѣтно сильное желаніе выказать персіянамъ нѣкоторое превосходство надъ турками.

Я давно зналъ, что княгиня Долгорукая, которая сама по себѣ и своему мужу въ сношеніи со свѣтомъ, была заклятою француженкою, française à bruler, какъ говорится. Я въ томъ убѣдился съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что мнѣ не безъизвѣстно было, что она своимъ характеромъ и лѣтами возбуждала уваженіе къ себѣ знакомыхъ болѣе, чѣмъ своимъ происхожденіемъ. Бѣдность, въ которую ее повергли несчастія Долгорукихъ, и дурное поведеніе мужа, родили во мнѣ мысль привлечь ее (de la captiver), хотя я никогда не бывалъ у нея. Я поручилъ д'Альону постепенно изслѣдовать мѣстность (de sonder successivement le terrain) и узналъ изъ отвѣтовъ, что не будетъ никакого неудобства приступить къ дѣлу окончательно (à fondre la cloche). Я велѣлъ ему обработать это. Княгиня Долгорукая, не отказывалась отъ чувствъ, которыя питаетъ она къ Франціи, выказалась устрашенною предложеніемъ и слишкомъ непріятными послѣдствіями, которыя могли здѣсь произойти для нея. Д'Альонъ разувѣрилъ ее и далъ понять, что отъ того не выкажется она болѣе близкою со мною; что она обязана заботиться о своихъ дѣтяхъ, а при воспитаніи ихъ, какъ извѣстно, она не можетъ обойтись безъ помощи, которую всегда вынуждена просить у своихъ родственниковъ; что, слѣдовательно, для нея всегда будетъ бо-

лѣе лестно быть обязанной въ этомъ случаѣ великому государю, къ которому она чувствовала рѣшительную склонность и приверженность. Княгиня согласилась на все и выразила мнѣ въ среду, какъ она была и будетъ тронута милостями, которыя его величеству будетъ угодно оказать ей. Я полагаю, что ежегодный пенсіонъ отъ 4 до 5 тысячъ франковъ можетъ быть достаточнымъ, если только король одобритъ то, что внушено мнѣ моимъ усердіемъ. Слѣдствіемъ этого будетъ еще то, что посредствомъ ея быть можетъ возможно будетъ со временемъ, при помощи нѣкоторой награды, привлечь (s'assurer) того родственника Бестужева, о которомъ я вамъ говорилъ (?), г... — человѣка пронырливаго. Вѣроятно возможно будетъ также подкупить (de gagner) кн. Голицына, астраханскаго губернатора, который нынѣ сдѣланъ сенаторомъ. Говорятъ объ немъ много хорошаго. Она (кн. Долгорукая) надъ нимъ имѣетъ большую власть: онъ изъ ея фамиліи и приходится ей роднымъ дядею *).

Въ заключеніе я присовокуплю, что слѣдуя этому же началу, всѣ иностранные министры справедливо тщились пріобрѣтать здѣсь наслѣдственныхъ приверженцевъ (des créatures héréditaires) для своихъ государей, и подкупали и подкупаютъ ежедневно (et ont gagné et gagnent journellement à en avoir tous), чтобы имѣть таковыми всѣхъ. Службѣ короля можетъ быть нанесенъ ущербъ, если будетъ пренебрежено и на будущее время пріобрѣтеніемъ здѣсь тайныхъ друзей для Фран-

*) Эта послѣдняя подробность открываетъ, что княгиня Долгорукая, о которой здѣсь идетъ рѣчь, есть никто иная, какъ Ирина Петровна, жена кн. Сергѣя Петровича Долгорукаго и точно урожденная кн. Голицына. Она извѣстна тѣмъ, что будучи въ 1726 г. съ мужемъ за границею, приняла католичество и привезла съ собою въ Россію аббата Жюбе, хлопотавшаго о соединеніи церквей восточной и западной. При императрицѣ Аннѣ этого пропагандиста выслали за границу, а кн. Долгорукая принуждена была отрѣчься отъ католичества.

*

ціи. Какимъ бы переворотамъ этотъ дворъ ни подвергнулся, подобныя средства ведутъ лучше къ раскрытію истины и для составленія вѣрныхъ соображеній...

„Я желалъ бы (plût à Dieu), чтобы или шведы объявили войну Россіи тогда, когда еще у насъ было въ рукахъ оружіе, или послѣ, какъ мы подписали предварительныя статьи (preliminaires) съ генераломъ Нейпергомъ (Neuperg). Тогда бы Вильневъ (Willeneuve) не мучилъ насъ, чтобы заставить заключить миръ съ Россіею *), потому что если бы у насъ его не вынудили въ ту минуту, то, я отвѣчаю вамъ, долго о немъ не было бы рѣчи, и нынѣ турки и шведы сражались бы одни лучше другихъ, чтобы смирить кичливость этихъ людей. Нѣтъ худа, которому бы нельзя было помочь," продолжалъ турецкій посланникъ.

13 октября.

Кризисъ жестокъ для гр. Остермана, и онъ долженъ быть занятъ хлопотами, нетребующими отлагательства. Поняли, что завладѣвъ принцемъ брауншвейгскимъ, и управляя имъ по своей волѣ, онъ хотѣлъ присвоить себѣ власть, чтобы самовольно править всѣмъ подъ его именемъ. Потомъ дали это почувствовать правительницѣ, чтобы возбудить въ ней негодованіе противъ гр. Остермана и принца брауншвейгскаго. И такъ все здѣсь въ разладѣ въ настоящую минуту. Министръ и генералиссимусъ теперь въ войнѣ съ одной стороны, съ другой торжествуетъ гр. Головкинъ [37]), а Минихи и...

*) О маркизѣ Вильневѣ, французскомъ министрѣ, хлопотавшемъ въ 1739 г. о заключеніи мира между Россіею и Турціею, уже говорено выше на стр. 114. Графъ же Нейпергъ былъ австрійскій генералъ, который подписалъ мирный трактатъ въ Бѣлградѣ отъ имени императора Карла VI.

при помощи фаворитки, подбиваютъ и воодушевляютъ правительницу, не будучи однако въ союзѣ съ гр. Головкинымъ. Ненависть, покуда еще скрываемая, зашла такъ далеко, что и съ той, и съ другой стороны она отразилась на друзьяхъ тѣхъ, которые ее возбуждаютъ.

Ботта, пользовавшійся до сихъ поръ болѣе прочихъ довѣренностью принца брауншвейгскаго, несетъ нынѣ наказаніе за связи свои съ Головкинымъ. Можетъ быть также, что при хлопотахъ за интересы королевы венгерской, живость австрійскаго министра, съ которой онъ иногда не въ состояніи совладѣть, заставила его погорячиться съ этимъ принцемъ. Какъ бы то ни было, полагаю, и не одинъ я такого мнѣнія, что эти два скопища интригантовъ слишкомъ много сдѣлали, чтобы можно было разсѣять и успокоить все безъ какого нибудь взрыва, и морально невозможно, чтобы торжество одной изъ двухъ партій не повлекло за собою жертвъ съ другой.

Примѣчаніе.

[37]) Въ послѣдніе дни правленія принцессы Анны значеніе гр. Головкина усилилось потому болѣе, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ замыслѣ признать правительницу, на случай смерти младенца императора, русскою императрицею. Замыселъ этотъ шелъ мимо Остермана. Одинъ статскій совѣтникъ Темирязевъ указалъ новгородскому архіерею, что правительницѣ Аннѣ нанесена обида тѣмъ, что въ манифестѣ ее сверстали съ Бирономъ, и что въ томъ виновенъ Остерманъ. Архіерей говорилъ о томъ принцессѣ Аннѣ, которая отвѣчала, что дѣйствительно „тѣмъ обижена, да не толѣко тѣмъ, что съ регентомъ ее сверстали, и дочерей ея обошли. А про Остермана ничего не изволила говорить — къ нему ничего не льнетъ!“

Темирязевъ и самъ былъ потомъ у фрейлины Юліи Менгденъ. Та, сказавъ ему: „у насъ все это есть, мы знаемъ," послала его къ гр. Головкину. По возвращеніи отъ послѣдняго во дворецъ, Темирязевъ, въ спальнѣ фаворитки, увидѣлъ правительницу. „Мнѣ, говорила она, не такъ досадно, что меня сверстали съ регентомъ — досаднѣе то, что дочерей моихъ въ наслѣдствѣ обошли. Поди ты, напиши такимъ манеромъ, какъ пишутся манифесты, два: одинъ въ такой силѣ, что буде волею божіею государя не станетъ, а братьевъ послѣ него наслѣдниковъ не будетъ, то быть принцессамъ по старшинству; въ другомъ напиши, что ежели такимъ же образомъ государя не станетъ, чтобъ наслѣдницею быть мнѣ." Темирязевъ отправился къ секретарю иностранной коллегіи Познякову, тотъ сочинилъ ему два требуемые манифеста, которые и были немедленно отвезены Темирязевымъ къ фрейлинѣ.

Правительница потребовала къ себѣ Остермана, спрашивала его, почему въ учрежденіи о наслѣдствѣ пропущенно о принцесахъ и прибавила: „надобно подумать, какъ бы это поправить; приходилъ ко мнѣ статскій совѣтникъ Темирязевъ и объявлялъ, что объ этомъ и въ народѣ толкуютъ." На другой день Остерманъ писалъ къ правительницѣ: „понеже то извѣстное дѣло важно, то не прикажете ли о томъ съ другими посовѣтовать, а именно съ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ и архіереемъ новгородскимъ?" Правительница отвѣчала, собственноручно, что кромѣ этихъ лицъ надобно призвать къ совѣщанію и гр. Михаила Гавриловича Головкина, потому что это дѣло отъ него происходитъ. Переговоры еще не успѣли кончиться какъ вступила на престолъ Елизавета*).

---

*) «Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ» г. Соловьева, № 4 газеты «Русская рѣчь» за 1861 годъ.

Въ примѣчаніи 36 было уже говорено, что обо всѣхъ этихъ переговорахъ донесъ при Елизаветѣ оберъ-прокуроръ Брылкинъ, принимавшій въ нихъ дѣятельное участіе. Онъ между прочимъ разсказалъ, что Темирязевъ „говорилъ ему, жалуясь на архіерея новгородскаго, что я-де ему сказалъ, чтобъ представить меня, а онъ-де самъ объявилъ принцессѣ. Однакожъ я добился чрезъ Іуліану и принцессѣ подалъ свое мнѣніе, и читалъ ему, Брылкину, черный сочиненія его проектъ листахъ на двухъ: онъ, Брылкинъ, отвѣтствовалъ, что написано много лишняго, а много надобнаго не написано. Онъ, Темирязевъ, отвѣтствовалъ, что ему представлять нечего: онъ никакой милости не видитъ — всѣ награждены, да пожалованы, а онъ ничѣмъ. Кругомъ же принцессы Анны все нѣмцы — какъ хотятъ!“...

Разсказъ д'Альона.

„До меня дошло, сказалъ турецкій посланникъ, что персидскому послу поручено просить принцессу Елизавету въ замужество за своего государя и астраханское царство въ приданное *).“ „Уже нѣсколько мѣсяцевъ, возразилъ д'Альонъ, какъ распространился этотъ слухъ, и если не я первый сообщаю вамъ о томъ, то потому только, что это не казалось мнѣ заслуживающимъ вниманія. Я согласенъ со многими просвѣщенными людьми (avec nombre de gens éclairés), что подобные толки надо предоставлять толпѣ. Правда, что съ нѣкотораго времени русскіе кажется возъимѣли нѣкоторыя

*) Это самое извѣстіе Манштейнъ (Mémoires sur la Russie, II, p. 128) передаетъ, какъ положительный фактъ. Анонимный сочинитель замѣчаній на эти записки (Отеч. Зап. 1829., XXXVIII, № 109, стр. 11) отвергаетъ его, какъ выдумку.

опасенія на счетъ движеній и намѣреній шаха Надира, но что касается до брака съ дочерью Петра I, то вѣроятно это выдумано, чтобы сдѣлать смѣшною принцессу, которая, будучи далека отъ того, чтобы это заслуживать, заботится только привлечь сердца всѣхъ.“

„Въ такомъ случаѣ, сказалъ турецкій посланникъ съ видомъ, выражавшимъ столько же безпокойство, сколько и любопытство, какая же можетъ быть цѣль пріѣзда персидскаго посланника? потому что, наконецъ, не посылали же его сюда даромъ, а миръ между Персіею и Россіею есть дѣло рѣшеное и покончeнное давно....“

Пораженный еще, несмотря на эти опроверженія, тѣмъ, что ему было сообщено касательно порученія персидскаго посланника, турецкій возвратился въ разговорѣ къ этому предмету и сказалъ, что д'Альонъ, поколебавъ его, не убѣдилъ. Хотя прежде царевны греческаго вѣроисповѣданія выходили за мужъ за магометанскихъ владѣтелей, посланникъ однако очень хорошо понималъ, что религіозныя убѣжденія, разница обычаевъ и другія обстоятельства дѣлали невозможнымъ бракъ между Елизаветою и шахомъ Надиромъ. Впрочемъ не было невозможно, чтобы послѣдній, вынужденный какъ и всѣ похитители власти, ни на одну минуту не покидать оружія, не имѣлъ намѣренія,—въ случаѣ начала безконечныхъ и очень законныхъ притязаній на русскую монархію, правъ на которую нельзя отвергать у принцессы Елизаветы, и въ случаѣ отказа на такія притязанія,—видѣть въ своихъ рукахъ поводъ ко враждѣ, которая ему откроетъ блестящую карьеру и на долгое время. Однимъ словомъ во всѣхъ слухахъ, какъ бы ни лишены были они правдоподобія, почти всегда есть нѣсколько правды. Такое разсужденіе удивило меня, и судя по тому, какъ представлялись мнѣ вещи, я не могъ этимъ разсужденіямъ придавать призракъ возможности,

почему старался болѣе побѣдить наклонность въ турецкомъ посланникѣ вѣрить подобному слуху.

Я отвѣчалъ просто, что невозможно было бы лучше объяснить его для приданія ему вѣроподобія, и въ сущности я не былъ бы противъ мнѣнія, что такимъ образомъ думаетъ шахъ Надиръ. Тѣмъ не менѣе, продолжалъ я, Порта должна быть убѣждена, что русскіе, лишаясь чрезъ близкое паденіе австрійскаго дома союзника, которымъ она думала пользоваться при всякомъ случаѣ, чтобы ставить турокъ между двухъ огней, будутъ употреблять всѣ возможныя средства къ побужденію персидскаго шаха играть ту же роль въ случаѣ сомнительности успѣха своихъ попытокъ. Для васъ ничто не будетъ лишнимъ для того, чтобы беречь и привязать къ себѣ шведовъ; отъ союза съ ними вы можете при удобномъ случаѣ ожидать большихъ выгодъ. „Ваши замѣчанія мнѣ кажутся совершенно справедливыми“ отвѣчалъ турецкій посланникъ.

Въ словахъ, приписываемыхъ турецкимъ посланникомъ гр. Остерману, есть выраженія, касающіяся васъ, и они слишкомъ неприличны, чтобы можно было предполагать, что онъ совершенно понялъ смыслъ рѣчи русскаго министра, или же надобно признаться, что турокъ рѣшительно промахнулся, когда оставилъ безъ возраженія обстоятельство, которое такъ оскорбляетъ уваженіе, должное коронованнымъ главамъ въ лицѣ ихъ министровъ.

15 октября.

Довѣренность, которою я обязанъ вамъ по всѣмъ причинамъ, можетъ только руководиться внушеніями моего усердія, почему безъ опасенія представляю вамъ различныя соображенія, которыя сдѣланы мною при

послѣдовательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, побочныхъ или относительныхъ для Россіи (accessoirs ou relatifs à la Russie). Почту себя слишкомъ счастливымъ, если примѣненіе ихъ послужитъ на пользу службы его величества, и если выгода видѣть предметы вблизи дастъ мнѣ возможность сообщить вамъ нѣсколько мыслей, которыя, какъ ни слабы онѣ, въ состояніи были бы утвердить въ этой части Европы преобладаніе короля такимъ образомъ, чтобы отъ него зависѣло пересоздать систему на Сѣверѣ (de refondre le systême du Nord), столь нуждающуюся въ измѣненіи, и удержать (de contenir), на основаніи этого же самаго начала, всю нижнюю Германію въ случаѣ, когда это потребуется.

Остерманъ (чтобы дойти до одного изъ первоначальныхъ источниковъ) хотѣлъ послѣ смерти Петра I прославить себя новою политикою, которая въ то же время дѣлала его необходимымъ. По этому-то онъ началъ стараться, чтобы скрѣпить съ вѣнскимъ дворомъ союзъ, который въ то же время льстилъ его привязанностямъ. Представлявшіяся отъ него выгоды, по наружности, казались существенными: Россія имѣла одного и того же врага, имъ настояла сильная потребность уберечься отъ него, такъ какъ онъ тѣмъ самымъ переставалъ для нихъ быть страшнымъ, и его погибель становилась очевидною, какъ только онъ ставилъ двухъ союзниковъ въ необходимость объявить себя противъ него. Довольно долгое время имѣли удовольствіе питаться такими призрачными представленіями. Развязка послѣдней войны противъ турокъ разрушила ихъ. Не ожидали однако такой эпохи, чтобы почувствовать здѣсь, что союзъ съ императоромъ можетъ быть только тягостью для Россіи, и что она будетъ десять разъ вынуждена исполнить свои обязательства, тогда какъ ей едва два раза придется требовать помощи, которую ей обязывались доставить.

Неизбѣжное распаденіе владѣній австрійскаго дома, выказывая его слабость, которой вовсе не скрываютъ, усиливаетъ нынѣ убѣжденіе касательно безполезности союза съ нимъ. Нельзя выводить изъ того, чтобы Россія склонялась къ видамъ, которые бы сближали ее съ нами: графу Остерману слишкомъ бы пришлось дѣлать усилія надъ своими чувствами и онъ бы это сдѣлалъ развѣ съ намѣреніемъ повредить намъ въ глазахъ Порты и ослабить союзъ Франціи съ Швеціею. И такъ болѣе вѣроятно, что постараются при помощи Персіи успокоиться отъ опасеній, которыя возбуждаютъ турки. Желаніе пользоваться нѣкоторымъ уваженіемъ въ Европѣ не дозволитъ также покинуть попытки вмѣшиваться въ дѣла имперіи; но чѣмъ болѣе представляютъ себѣ, что австрійскій домъ достигъ предѣла своего величія, тѣмъ скорѣе обратятся къ Пруссіи, и несостоятельность такихъ видовъ не въ состояніи будетъ пересилить пристрастія къ берлинскому двору, внушаемаго гр. Остерману его происхожденіемъ. Прусскій король, которому по его характеру можетъ польстить такая наружность, тѣмъ болѣе увлечется, что его министръ здѣсь будетъ тому содѣйствовать благопріятными для русскаго двора предъубѣжденіями, которыя онъ здѣсь усвоилъ себѣ. Уже изъ возбужденныхъ мною разговоровъ, я могъ замѣтить, что онъ того мнѣнія, что его государь не долженъ никогда допускать, чтобы Швеція возвратила себѣ Ливонію, такъ какъ для него Россія есть естественный союзникъ: надъ нею онъ не можетъ имѣть вліянія, но за то и она не въ состояніи, во вредъ ему, увлечься видами усиленія на счетъ Пруссіи—иначе русскіе станутъ между двумя огнями. Такимъ образомъ единственное средство для удаленія недовѣрія и для поддержки союза съ Франціею, отъ которой справедливо встрѣтится противодѣйствіе тому, что лишитъ Швецію ея владѣній въ Германіи, будетъ состоять въ уступкѣ Швеціею остальной

Померанiи королю прусскому и вознагражденiи ея за то герцогствами Бременомъ и Ферденомъ, болѣе значительными и отнятыми у ней самымъ несправедливымъ образомъ. Прусскiй король наконецъ можетъ, удовольствовавшись только наружностью (en ne s'arrêtant qu'à l'écorce), найти по вкусу (gouter) такiе принципы, увѣриться, что въ союзѣ съ Россiею у него будетъ всегда обезпеченъ тылъ, и находить нѣкоторое величiе въ утвержденiи принца брауншвейгскаго, своего шурина (beau frère) въ положенiи, въ которое его поставили насилiе и произволъ.

Если Англiя получитъ въ настоящее время со стороны гр. Остермана самыя большiя выгоды, которыя желала бы достать для себя,—и пусть этотъ министръ, замедляя до тѣхъ поръ ратификацiею, поставитъ эти выгоды въ зависимость отъ образа дѣйствiй, который выкажетъ Великобританiя въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ.—то она тѣмъ не менѣе обезпечена въ сохраненiи превосходства надъ прочими нацiями. Отвращенiе русскихъ ко всему, что касается мореходства, болѣе и болѣе облегчитъ ей способъ открывать новыя отрасли торговли, какъ это она сдѣлала, взявшись строить суда и составлять необходимый экипажъ (former des équipages) для плаванiя по Каспiйскому морю и вывоза изъ Персiи шелка съ меньшими издержками, въ кратчайшiй срокъ и безъ прежнихъ опасностей. Англiя, окончательно подчиняя себѣ большее число знатныхъ при посредствѣ частныхъ ссудъ, что у ней въ обычаѣ дѣлать для того, чтобы ставить русскихъ въ зависимость отъ себя, обезпечена связями, которыя очень трудно разорвать: при помощи ихъ, всѣ будутъ содѣйствовать къ утвержденiю въ нынѣшнемъ правительствѣ расположенiя къ англичанамъ, и отсюда одна рѣшительная и направленная противъ нихъ власть только въ состоянiи лишить ихъ пріобрѣтеннаго ими вліянiя.

И такъ при настоящемъ положеніи, въ которомъ находится Россія — и подобныя обстоятельства можетъ быть будетъ трудно встрѣтить, если упустить ихъ теперь, — должно и можно приступить къ способамъ ослабить Россію или посредствомъ разрушенія ея силъ, или же утвержденіемъ ея въ послѣдовательной системѣ, которой дѣятельность совершенно бы зависѣла отъ вліянія короля. Вниманіе къ потерямъ, которыя понесетъ Швеція въ противномъ случаѣ; неудовольствіе, которое можетъ питать она если будетъ это приписывать своей слѣпой уступчивости къ намъ, и увѣренность, что она при всякомъ случаѣ будетъ имѣть Россію расположенною наносить ей самые чувствительные удары — все это можетъ еще и тѣмъ паче заслуживать вниманія его величества.

Эти средства (ослабленія Россіи) что касается до перваго пункта, вѣрны, и надобно только подумать о томъ, какъ бы продолжить на четыре или на пять лѣтъ начатую шведами войну. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно напомнить насильственные способы, употребляемые Россіею съ первыхъ же минутъ. Захватили все сѣно, за исключеніемъ только необходимаго для продовольствія каждому по числу лошадей, которыхъ дозволено имѣть, и между тѣмъ какъ пудъ, соотвѣтствующій 33 ливрамъ французскимъ, обыкновенно продается по 18 коп., правительство установило таксу въ 3 копѣйки, не назначивъ даже срока для платежа. Также точно поступило оно и съ хлѣбомъ, привезеннымъ въ Петербургъ. Двѣ трети изъ него удержано на царя; частныя лица могутъ продавать его только по цѣнѣ, какую будетъ угодно назначить потомъ, и платить также, когда захотятъ. Жители Петербурга уже не избавлены болѣе отъ строгихъ досмотровъ, которые производятся въ домахъ съ цѣлью вѣрнѣе разузнать объ имѣющихся запасахъ съѣстной провизіи и завладѣть ими впослѣд-

ствіи. Принуждаютъ значительныхъ русскихъ купцовъ давать въ ссуду деньги, а время, когда будутъ они возвращены, также совершенно зависитъ отъ произвола. Сенатъ даже, уступая желаніямъ правительства, принялъ мѣру, которая безпримѣрна: каждый безъ исключенія землевладѣлецъ, смотря по количеству владѣемой имъ земли, будетъ обязанъ доставить правительству изъ губерніи извѣстное количество кулей хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, на которые нынѣ устанавляютъ тарифъ.

Недостатокъ въ деньгахъ также видѣнъ по состоянію кассъ государственной конторы, первѣйшей и значительнѣйшей изъ здѣшнихъ. Въ ней третьяго дня было только около 250 т. франковъ, и полагаютъ, что въ настоящее время трудно собрать въ Петербургѣ изъ принадлежащихъ царю цѣнностей одинъ мильонъ франковъ. Зло увеличивается и поражаетъ тѣмъ болѣе, что его не скрываютъ. До сихъ поръ были въ невозможности составить въ Финляндіи армію изъ 30 т. человѣкъ. Не смотря на сдѣланную Швеціею отсрочку, чрезвычайно повредившую ей и напротивъ выгодную для русскихъ, извѣстно, что русская армія нуждается въ самомъ необходимомъ, и она въ этомъ отношеніи въ такой крайности, что для скорѣйшаго отклоненія этого недостатка рѣшились, оставивъ на зиму только 12 тыс. человѣкъ въ Выборгѣ и на границѣ, возвратить восемь полковъ для отправленія ихъ въ мѣста, лежащія около Новгорода и Пскова, и отозвать назадъ отрядъ гвардейцевъ, который будетъ поставленъ вблизи Петербурга, но не въ самомъ городѣ, чтобы на случай нужды быть скорѣе готовымъ къ выступленію.

Въ то же время открывается, до чего доходитъ рѣдкость въ людяхъ отъ насильственныхъ способовъ, къ которымъ прибѣгаютъ, чтобы помочь тому. Теперь требуется опредѣлить число слугъ, которыхъ каждый, смо-

тря по своему состоянію, можетъ держать. Русскіе ямщики (le corps de voituriers), которые, не неся ни какихъ повинностей, пользовались до сихъ поръ извѣстными льготами даже въ самыя сильныя войны, отнынѣ обязаны будутъ ставить рекрутъ au prorata, также какъ и прочіе подданные. Между тѣмъ какъ до сихъ поръ довольствовались выдачею рекруту простой и обыкновенной одежды, нынѣ 60 тыс. человѣкъ, которыхъ обязано выставить государство этою зимою, должны быть снабжены на шесть мѣсяцевъ продовольствіемъ, которое заранѣе слѣдуетъ вручить во всякой губерніи назначеннымъ къ тому лицамъ. Можно присовокупить къ тому, что едва ли Карелія будетъ въ состояніи участвовать въ исполненіи такого налога, такъ какъ фуражъ и запасы, о которыхъ ложно распустили слухъ, что будто отняты у шведовъ, взяты изъ амбаровъ, которые покинуты всѣми финскими крестьянами, изъ окрестностей Выборга переселившими на шведскую землю. Какъ ни велики впрочемъ эти неудобства и какъ ни ослабятъ они Россіи, все-таки эти неудобства не спасутъ отъ чрезвычайныхъ издержекъ, которыя повлечетъ за собою война, и не разрушатъ можетъ быть начала, противъ котораго всего болѣе нужно взять предосторожности. Нѣмецкое правительство и министръ, которые по милости власти, ими похищенной, угнетали народъ, будутъ существовать по прежнему, и потому если состояніе безсилія (énervement), въ которомъ они себя увидятъ, заставитъ ихъ наружно принять или слѣдовать иному направленію, то это будетъ для того, чтобы поправиться, привести въ порядокъ внутреннія дѣла страны, возвратиться вѣрнѣе къ прежнимъ началамъ и разорвать миръ, если бы онъ былъ заключенъ со Швеціею. Случай къ послѣднему обстоятельству тѣмъ менѣе, впрочемъ, въ состояніи не удаться Россіи, что настоящее правительство, чтобы утвер-

диться, не можетъ и не должно пренебрегать пріобрѣтеніемъ для себя отреченія со стороны герцога голштинскаго, когда будетъ стараться благопріятствовать его справедливымъ видамъ на шведскую корону. Къ этой самой интересной, по моему мнѣнію, точкѣ зрѣнія для службы его величества клонятся (dérivent) особенно всѣ соображенія, которыя считалъ обязанностью предоставить вашему усмотрѣнію.

Давно занимаясь этимъ предметомъ, я всегда убѣждался въ мысли, что молодой герцогъ цвейбрюкенскій*) будетъ принцемъ, котораго для интересовъ короля слѣдуетъ предпочтительнѣе предъ другими возвести на шведскій тронъ: онъ будетъ способнѣе, по положенію своихъ наслѣдственныхъ владѣній и связей, соединенныхъ съ его происхожденіемъ, укрѣпить болѣе и болѣе союзъ, такъ долго существующій у Франціи со Швеціею, и подорвать всякое сближеніе послѣдней съ Англіею. Для успѣха, впрочемъ, такого предположенія можетъ быть потребуется отклоненіе всего, что въ состояніи противодѣйствовать избранію шведовъ и поколебать ихъ изъ опасенія защищать это избраніе силою оружія. Герцогъ голштинскій, дѣйствуя за одно съ русскимъ дворомъ, болѣе чѣмъ кто либо, можетъ причинить такое колебаніе. Онъ поступитъ иначе, если бы овладѣть имъ, и когда бы онъ увидѣлъ, что по всей вѣроятности русская корона будетъ ему наградою за торжественное отреченіе, уничтожающее права, которыя онъ могъ бы предъявить на Швецію. Во всякомъ случаѣ я остаюсь

---

*) Герцогство Цвейбрюкенъ, по фр. Deux ponts въ 1654 г., когда владѣтель его Карлъ Густавъ, по отреченіи королевы Христины, вступилъ на шведскій престолъ, было присоединено къ Швеціи. По кончинѣ Карла XII, въ 1718 г. оно перешло къ ближайшимъ его родственникамъ въ линію пфальцъ-цвейбрюкенскую. Представитель его Христіанъ IV въ 1741 г., когда о немъ пишетъ въ своей депешѣ де-ла-Шетарди, былъ 19-ти лѣтъ и жилъ сначала во Франціи, гдѣ отецъ его служилъ генералъ-лейтенантомъ.

при убѣжденіи, что такое устройство должно быть подчинено условію, что этотъ принцъ будетъ наслѣдовать престолъ только послѣ Елизаветы; иначе нельзя искоренить нѣмецкой націи и уничтожить слѣды ея въ Россіи. Послѣдняя чрезъ то самое возвратится, какъ я уже это объяснялъ, къ истиннымъ началамъ (т. е. къ старинѣ), и у герцога голштинскаго будетъ достаточно времени всосать ихъ до такой степени, что они обратятся у него въ природную привычку, особенно если будетъ употреблена предосторожность удалить всѣхъ нѣмцевъ, къ которымъ могъ онъ питать довѣренность. Эти первыя выгоды навѣрное повлекутъ за собою другія. Швеція также возвратитъ себѣ прежнія потери; можетъ быть даже не будетъ вовсе несбыточнымъ при томъ положеніи, въ которомъ находятся дѣла имперіи, выхлопотать шведамъ уступку Голштиніи. Заложенныя такимъ образомъ основанія установили бы между ними и Россіею систему, которая заставитъ ихъ идти одною дорогою, не ослабляя союза Франціи съ Швеціею; русскій дворъ возвратился бы къ политикѣ Петра I и искалъ бы своей безопасности отъ турокъ въ союзѣ съ королемъ (французскимъ). Даніи, которая считаетъ и всегда будетъ считать выгоднымъ для себя союзъ съ Россіею, чтобы ставить Швецію между двухъ огней каждый разъ, когда она будетъ атакована или ожидать того, Даніи останется только слѣдовать внушеніямъ, какія пожелаютъ ей сдѣлать. Прусскій король до тѣхъ поръ, пока будетъ вѣренъ обязательствамъ, которыя онъ только что заключилъ съ его величествомъ, будетъ тогда имѣть еще болѣе свободы дѣйствовать внутри Германіи, а если бы онъ уклонился отъ этихъ самыхъ обязательствъ, то опасенія привлечь тѣмъ въ свои владѣнія Россію и Швецію достаточны будутъ для удержанія и принужденія его дѣйствовать за одно съ ними и съ нами. У англичанъ будетъ отнята торговля, которую

они ведутъ съ Россіею, и они испытаютъ огорченіе увидѣть ее перешедшею въ наши руки. Англія окончательно потеряетъ всякое значеніе на Сѣверѣ вслѣдствіе необходимости и злонамѣренности, которой постоянно должно ожидать отъ нея; она сдѣлается безсильною, такъ какъ опасность, которая будетъ всегда грозить курфюршеству гановерскому, сдѣлается настоящимъ пробнымъ камнемъ для удержанія короля Великобританіи въ границахъ умѣренности, а безъ этого имъ подчиниться ему не дозволятъ его предразсудки и привязанности.

Хотя намѣренія, выказываемыя постоянно и до сихъ поръ принцессою Елизаветою, также какъ и природное расположеніе, которое къ счастью есть у ней, суть обстоятельства благопріятныя и совершенно въ состояніи придать разсматриваемымъ мною различнымъ уваженіямъ рѣшительную прочность, однако я не долженъ пропустить, не представивъ вашему, милостивѣйшій государь, обсужденію, средства, которыя признаю за болѣе вѣрныя для укрѣпленія въ этой принцессѣ нынѣшнихъ ея чувствъ, а также для ускоренія успѣха намѣреніямъ шведовъ. Это будетъ: 1) чтобы Швеція, елико возможно менѣе, медлила высказать письменно и распространить въ народѣ и русской арміи о помощи, которую желаетъ она оказать потомству Петра I; при чемъ представить герцога голштинскаго въ выгодномъ свѣтѣ, какъ о томъ часто выражала желаніе принцесса Елизавета, потому что тогда всѣ сомнѣнія, порождаемыя неизвѣстностью, исчезнутъ, чтобы дать мѣсто самой твердой увѣренности, что серьезно заняты интересами ея и племянника. 2) Чтобы турки, или сами, или чрезъ татаръ, не замедлили сдѣлать быструю диверсію, такъ какъ кромѣ существенной пользы, которую извлечетъ изъ того для себя Швеція, увидятъ какъ мало въ состояніи шахъ Надиръ удержать Порту, и пораженіе, которое испы-

таетъ настоящее правительство въ томъ, что заявляло въ этомъ случаѣ съ такою афектаціею, покажетъ и за границей, и русскому народу, какъ мало можно полагаться на мѣры, предпринимаемыя этимъ правительствомъ, или же имъ считаемыя за вѣрныя. 3) Пусть король Августъ принятъ, какъ раскаявшійся, и пусть даже смотрятъ благосклонно на то, на что нынѣ устремлено его честолюбіе, несмотря на все, что считалъ обязанностью постоянно вамъ сообщать о его уклончивости; но при этомъ постановить непремѣннымъ условіемъ, что онъ возстановитъ поляковъ противъ Россіи, потому что это чувствительное мѣсто, на которое можно напасть у русскихъ. Чѣмъ болѣе выказывалъ петербургскій дворъ трофеевъ рабской приверженности короля Августа, тѣмъ оскорбительнѣе и даже опаснѣе по своимъ послѣдствіямъ для видовъ русскаго правительства лишиться въ глазахъ народа союзника, котораго зависимость этотъ дворъ считалъ бы и тогда уже ослабѣвшею, когда бы только сдѣлалъ ему честь видѣть въ немъ друга Россіи.

Наконецъ, если вы найдете въ этихъ различныхъ соображеніяхъ какое нибудь соотношеніе съ планомъ, который признаете сообразнымъ съ интересами короля и его видами, то будетъ чрезвычайно важно, чтобы вы, милостивѣйшій государь, соизволили дать направленіе моимъ дѣйствіямъ. Неопредѣленныя увѣренія, которыя мнѣ дозволено его величествомъ выражать, недостаточны, чтобы возбудить внутри дѣятельность, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала мѣрамъ, принятымъ извнѣ. Вы даже замѣтили, что я почерпалъ постепенно изъ самого себя то, что мнѣ казалось способнымъ для произведенія впечатлѣнія на принцессу Елизавету и предупрежденія подозрѣнія и неудобства, которыя могло бы причинить ожиданіе отвѣта или новыхъ приказаній, особенно въ такомъ отдаленіи, въ какомъ нахожусь

я. Впрочемъ это государство, по невозможности руководиться въ немъ началами, принятыми и употребляемыми въ другихъ странахъ, требуетъ большаго, чтобы возможно было воспользоваться тотчасъ же случаемъ. Слѣдовательно, только зная пространно намѣренія короля, я въ состояніи въ одно и то же время дѣйствовать послѣдовательно, направлять себя, сообразно обстоятельствамъ, и препятствовать сомнѣніямъ или недовѣрчивости повредить расположенію, можетъ быть единственному, въ которомъ поставлена принцесса Елизавета, чтобы столько же любить Францію и французскій народъ, сколько ненавидѣть нѣмцевъ и англичанъ. Я прибавлю, что нѣкоторая довѣренность, которою удостоиваетъ меня принцесса и возможность видать ее теперь одинъ разъ въ недѣлю, или получать записки отъ нея, ставятъ меня постоянно въ тупикъ, и это тѣмъ труднѣе для меня побѣдить, что мои отвѣты должны опаздывать по мѣрѣ того, какъ дѣла подвигаются впередъ. Вы лучше будете объ этомъ судить по тому, что произошло между этою принцессою и мною въ 8 или 10 дней, и также признаете необходимость для меня говорить опредѣлительно съ нею касательно герцога голштинскаго. Нѣжность ея къ нему такъ сильна, что она безпрестанно возвращается къ этому предмету, и было бы можетъ быть трудно рѣшить, не желаетъ ли она столько же для него, сколько для себя, достиженія короны, которой лишило ее насиліе. Эта принцесса желала еще недавно, чтобъ я ей всегда сообщалъ извѣстія, доходящія до меня извнѣ. Я выполняю это при помощи записокъ, которыя повѣренный и я продолжаемъ писать; при чемъ съ моей стороны все вниманіе обращено на то, чтобы всѣ сообщаемыя мною извѣстія приписывать мѣрамъ, принимаемымъ королемъ въ видахъ принцессы Елизаветы, и въ то же время исключать факты, которые были бы не совмѣстны съ

этимъ предметомъ. Не смотря на эти старанія, прибытіе г. д'Авена *), также какъ и толки на его счетъ, возбудили опасенія и подали поводъ къ запискѣ, которую я велѣлъ на скоро переписать слово въ слово, чтобы ничего не измѣнять въ ней: „Я не могу пропустить, чтобы не сообщить вамъ, пишетъ повѣренный, о безпокойствѣ и подозрѣніи, въ которыхъ находится герой **). Прибытіе этого господина француза тѣмъ болѣе заставляетъ вѣрить распространившимся слухамъ, что вы не предувѣдомили о причинѣ прибытія. Увѣряютъ, что на него возложены тайныя предложенія о мирѣ съ Швеціею, совершенно противныя интересамъ героя и его любезнаго племянника. Признайтесь, что не дѣло героя заботитъ болѣе Швецію, не оно интересуетъ ее прежде всего; а съ другой стороны, правительница охотно уступитъ много, лишь бы только оставаться спокойною на тронѣ. Для героя будетъ очень чувствительно приготовить умы, и тѣмъ дать случай шведамъ нанести лучше ударъ, а потомъ, послѣ столько пролитой крови, не видѣть ничего, кромѣ жертвъ. Голосъ, данный Англіею за курфюрста баварскаго, и распоряженія, принимаемыя

*) D'Avesnes пріѣзжалъ въ Петербургъ, какъ видно далѣе, по порученію принца Конти для переговоровъ о бракѣ его съ Елизаветою; между тѣмъ Фридрихъ II въ своей »Histoire de mon temps« ошибочно пишетъ, что д'Авена посылалъ кардиналъ Флери къ дела-Шетарди съ приказаніемъ употреблять всѣ усилія для низверженія правительницы и возведенія на престолъ Елизаветы.

**) Въ перепискѣ де-ла-Шетарди съ Лестокомъ, и послѣ восшествія на престолъ Елизаветы, она обозначалась такимъ именемъ. Въ 1748 г. объ этомъ есть упоминаніе въ экстрактѣ о винахъ Лестока, что онъ получилъ отъ французскаго министра «шкатулъ съ табакерками и всякими другими мелочами, изъ слоновой кости сдѣланными, и при присылкѣ оныхъ табакерокъ тотъ Шетардія своимъ письмомъ именно его, Лестока, просилъ, что ежели и выше куда оныя табакерки угодны будутъ, тобъ онъ ихъ вручилъ; и въ томъ письмѣ точно написано было герой, почему явственно оказуется, что оный Шетарди его, Лестока, просилъ, дабы оныя табакерки поднесены были ея императорскому величеству, что и ему, Лестоку, видѣть и выразумѣть было возможно, что оное чести ея императорское величество предосудительно»...

въ пользу этого государя, могутъ быть большой важности для тѣхъ, которые желаютъ погибели австрійскаго дома, но герой не получаетъ отъ того никакой выгоды. Впрочемъ вѣрно, что Англія не отдѣлится отъ брауншвейгскаго дома, и очень вѣроятно, что его величество британское будетъ стараться о предоставленіи наслѣдства шведскимъ престоломъ въ гессенскій домъ — и такимъ образомъ, съ которой бы стороны то ни было, герой и его любезный племянникъ лишаются всего."

„Вы вѣроятно были вчера, отвѣчалъ я, въ волненіи, когда всякій случай и поводъ возбуждаютъ въ васъ опасенія. Герой знаетъ меня очень дурно, когда считаетъ способнымъ вводить его въ заблужденіе. Господинъ, о которомъ думаютъ, что онъ прибылъ для заключенія мира также мало думалъ о немъ, какъ мало думали это возлагать на него. У него нѣтъ никакихъ предложеній къ правительству, и онъ ничего не привезъ мнѣ такого, чтобы могло меня въ чемъ бы то ни было даже сблизить съ дворомъ и министерствомъ. Скорый отъѣздъ его столько же разрушитъ ложные слухи, распущенные на его счетъ, сколько его стараніе видѣться здѣсь только со мною должно было бы предупредить ихъ. Не вѣрьте также, что Швеція хочетъ отдѣлить свои интересы отъ интересовъ героя; поступить такъ — значило бы строить на воздухѣ. Какой бы ни старались достигнуть выгоды, преимущественно имѣется въ виду устроить съ героемъ систему постоянную и прочную, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. То, въ чемъ вы видите единственно погибель австрійскаго дома и, слѣдовательно, никакой пользы для героя, именно ведетъ вѣрнѣе къ доставленію ему пользы. Развѣ вы уже забыли обстоятельства, высказанныя мною герою для раскрытія намѣреній, которымъ слѣдуетъ вѣнскій дворъ послѣ брака сына Петра Великаго съ принцессою беверискою, чтобы овладѣть Россіею и довести

ее до того положенія, въ которомъ находятся дѣла нынѣ; и если вы это припомните себѣ; то можете ли не признать, что тотъ же самый вѣнскій дворъ, слабый и затрудненный, не будетъ въ состояніи ни самъ собою, ни при помощи друзей поддерживать здѣсь (въ Россіи) дѣло своихъ рукъ? То же самое съ согласіемъ, къ которому вынужденъ англійскій король въ пользу курфюрста баварскаго; онъ поступилъ такъ не для чего инаго, какъ для отклоненія отъ своихъ владѣній въ Гановерѣ опасности, которая имъ грозила. Та же самая причина помѣшаетъ ему войти въ столкновеніе съ нами по всякому другому предмету. Это такъ вѣрно, что Финчь, признавая невозможность для лондонскаго двора послать эскадру въ Балтійское море, предложилъ въ замѣнъ 100 т. фунт. стерл. Съ этой же точки зрѣнія вы можете судить, что выиграютъ, даже если его величество британское никогда не покинетъ брауншвейгскаго дома. Что же касается до мысли укрѣпить за гессенскимъ домомъ шведское наслѣдство, то англійскій король такъ мало склоненъ содѣйствовать тому, что я могу вамъ ручаться, что его величество шведскій будетъ послѣдній изъ своего дома, который владѣетъ шведскою короною. Наконецъ, такъ какъ я никогда не буду скрывать истины отъ героя, то вы легко заключите изъ этого, что напрасно придумали себѣ безпокойства, вовсе неосновательныя. Пусть только герой соблаговолитъ совершенно довѣриться его величеству (королю французскому) и его министру, и все пойдетъ хорошо. Я могу даже вамъ доказать, что отдаленіе вовсе не препятствуетъ способамъ, которыя приняты во всемъ, что ни касается героя. Я получилъ отъ государя отвѣтъ, въ которомъ выражено живѣйшее удовольствіе о томъ, что расположеніе героя таково, какъ только можно желать этого для его выгодъ. Важно болѣе, чѣмъ когда либо, чтобы онъ могъ

положиться на вѣрность его партіи. Минута дѣйствовать открыто, послѣ побѣжденія мною многихъ затрудненій, наконецъ наступила, и я слишкомъ желаю добра герою, чтобы не надѣяться, что онъ воспользуется ею, какъ только будетъ возможность войти въ соглашеніе съ шведской арміею.“

Если такой отвѣтъ возстановилъ спокойствіе, то онъ все таки не спасъ меня отъ просьбы, возобновляемой каждый разъ и состоящей въ томъ, чтобы я сдѣлалъ такъ, чтобы можно было имѣть здѣсь множество русскихъ экземпляровъ манифеста, въ которомъ шведы высказываютъ свои намѣренія въ пользу потомства Петра I. Отъ такой предварительной мѣры ожидаютъ вѣрнаго успѣха, и точно распространеніе манифеста внутри государства приготовило бы умы, соединило бы ихъ, извѣстило бы тѣхъ, которые не могли и не могутъ о томъ знать, и произвело бы огромное дѣйствіе. Я выказывалъ полную готовность и въ то же время не скрывалъ затрудненій провести эти экземпляры. Дѣйствительно, милостивѣйшій государь, если существенная польза отъ такого предпріятія убѣдитъ васъ къ тому, чтобы осуществить это средство, то надобно употребить всѣ возможныя предосторожности.

Такое положеніе, тѣмъ болѣе для меня затруднительное, что оно возобновляется ежедневно, не можетъ однако ни въ чемъ сравниться съ тѣмъ, въ которомъ я находился шесть дней тому назадъ. Камергеръ принцессы, къ которому она питаетъ довѣренность, явился ко мнѣ въ полночь сказать отъ имени ея, что она сейчасъ узнала, что царь умеръ и что такъ какъ она желаетъ рѣшительно руководиться моими совѣтами, то проситъ меня извѣстить ее, что она должна дѣлать? Такая честь для меня со стороны принцессы не равнялась вовсе съ затрудненіемъ, которое чувствовалъ я, будучи въ затрудненіи давать совѣты въ такую рѣшительную

минуту. Необходимость въ быстрой рѣшимости побудила меня побѣдить это препятствіе. Я ей написалъ, что новость эта, неожиданная и важная, можетъ имѣть хорошія послѣдствія и во-все не такова, чтобы ее считать зломъ, но при этомъ не надобно терять ни одной минуты для соглашенія съ приверженцами; что это будетъ случаемъ представить и дать почувствовать имъ, что нѣтъ такого усилія, котораго они не должны сдѣлать, чтобы сбросить съ себя иго иноземцевъ, которое тѣмъ болѣе гнететъ ихъ, что иначе не будетъ болѣе границъ его самовластію. Если усердіе приверженцевъ, прибавлялъ я, будетъ таково, каковымъ оно должно быть, и чтобы извлечь изъ того пользу, необходимую для ихъ же собственныхъ интересовъ, то наконецъ слѣдуетъ воодушевить и поощрить ихъ примѣромъ. Нужно явиться и поддерживать своимъ присутствіемъ значеніе этой благородной рѣшимости, которая въ одно и то же время и внушитъ уваженіе, и воодушевитъ. Этотъ совѣтъ, продолжалъ я, не исключаетъ вовсе мѣръ предусмотрительности и предохраненія и что прежде всего должно быть увѣреннымъ въ твердости тѣхъ, которымъ дорого счастіе отечества и ихъ собственное.

Частныя лица, приверженныя къ этой принцессѣ и которыхъ она собрала ночью, были того же мнѣнія, какъ она разсказывала мнѣ послѣ, и потому-то было рѣшено, что если царь умеръ, то она тотчасъ же сядетъ на коня и явится въ главѣ войскъ, что она и сдѣлала бы, когда бы подтвердилось сообщенное ей извѣстіе.

Не этимъ однимъ окончательно доказывается, что она понимаетъ и какъ видно сознаетъ свои силы лучше, чѣмъ какъ это было до сихъ поръ. Одинъ частный случай, бывшій предметомъ всѣхъ разговоровъ и который по этому долженъ вамъ сообщить, послужитъ къ убѣж-

денію въ томъ. Принцесса Елизавета, справедливо обиженная тѣмъ, что персидскій посланникъ не былъ у ней для врученія своихъ подарковъ, которые онъ прислалъ ей, также какъ и принцу брауншвейгскому, не хотѣла ни видѣть, ни принять того, на кого было это возложено. Гр. Минихъ и генералъ Апраксинъ ѣздили къ ней по этому случаю отъ имени двора и старались убѣдить ее измѣнить такое рѣшеніе. Она не скрыла отъ нихъ удивленія, какъ можно настаивать объ этомъ: „я вамъ это прощаю, прибавила она, такъ какъ вы только исполняете то, что вамъ приказано; но скажите Остерману, который одинъ устроилъ дѣло столь неприличнымъ образомъ, если онъ забылъ, что мой отецъ и мать вывели его изъ учителя, какимъ онъ былъ, то я съумѣю заставить его вспомнить, что я дочь Петра I и что онъ обязанъ уважать меня*)!“

15 октября. Письмо де-ла-Шетарди, посланное съ д'Авеномъ.

Г. д'Авенъ благоразумно и осторожно находилъ случаи видаться съ госпожею Каравакъ и ея мужемъ. Съ первыхъ словъ они видимо смутились и затруднялись тѣмъ, что произошло при этомъ свиданіи. Письмо Дефона, переданное имъ чрезъ д'Авена, вынудило только ихъ рѣшительно отречься отъ того, что было тамъ написано. Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ разговорахъ они выказали столько же слабости, сколько и страха наказанія, что доказывала блѣдность ихъ лицъ. Старанія, предпринятыя д'Авеномъ для разувѣренія ихъ,

*) Объ этомъ происшествіи долгомъ сочли донести своимъ дворамъ и Финчь, и Пецольдъ (La cour de la Russie il y a cent ans, Berlin 1858, 88; Hermann's Geschichte des rus. Staates, IV, 671).

внушенная имъ довѣрчивость, что онъ одинъ зналъ о дѣлѣ, и отвѣтъ на ихъ вопросы, что я ни коимъ образомъ не былъ о томъ извѣстенъ, возвратили имъ нѣкоторое спокойствіе, которое дало возможность объяснить совершенно этотъ предметъ. Д'Авенъ ловко воспользовался тѣмъ, чтобы побудить ихъ къ разговору съ принцессою: они это взяли на себя. Ожиданіе, въ которомъ они оставляли его долгое время, не смотря на всѣ понужденія ихъ, только доказало больше страхъ, которымъ они были поражены, и ихъ глупость, о которой я зналъ вѣрно, что она ихъ дѣлала неспособными вести подобнаго рода дѣло. Однако, они наконецъ переговорили: по ихъ словамъ принцесса, которая ничего не теряла отъ того, что они давали ей замѣтить, какъ досадно, что такая красавица не выходитъ замужъ, отвѣчала имъ сначала шутя, что ея время уже прошло, и дѣвицѣ, достигшей 32 лѣтъ, не пристало думать еще о замужествѣ. Когда же они хотѣли опровергнуть такую мысль и напоминали, что ей представилась бы не одна партія, которая могла бы ее удовольствовать и прійтись по вкусу, то принцесса имъ сказала довольно сухо: „нѣтъ, это безполезно, не будемъ болѣе говорить объ этотъ," и на томъ прервавъ разговоръ, принимала дамъ, которыя къ ней пріѣхали. Д'Авенъ не считалъ однако себя побѣжденнымъ и представилъ Каравакамъ, какъ легко для нихъ послѣ такого приступа начать снова, отчего успѣхъ можетъ быть былъ бы болѣе удаченъ. Употребленныя имъ для укрѣпленія ихъ въ этомъ намѣреніи убѣжденія хотя и были въ состояніи подвигнуть ихъ къ рѣшимости, если бы только могли они подавать и оправдать надежды, которыя на нихъ возлагались въ этомъ случаѣ, однако все это было безъуспѣшно. Каравакъ и его жена постоянно отказывались, и то опасеніе послѣдствій, слишкомъ непріятныхъ, которыя могли быть для нихъ въ

случаѣ раскрытія дѣла, то рѣшительный отзывъ принцессы — казались всегда обязательными для нихъ тѣмъ паче не дѣлать отнынѣ никакихъ новыхъ попытокъ, что уже доказана безполезность ихъ. Такой образъ дѣйствій слишкомъ разоблачилъ и то, что приписали Караваками, и то, что они говорили, и уже д'Авенъ не могъ далѣе заблуждаться на счетъ помощи, которой отъ нихъ надѣялись. Такъ какъ онъ хотѣлъ помочь этому другими путями, то являлся много разъ къ тому хирургу, который при принцессѣ, и, не заставая его, желалъ имѣть возможность попробовать всякія другія средства, чтобы достигнуть до нея. Усердіе, выказанное имъ въ этомъ случаѣ къ тому, который его прислалъ, можетъ только заслуживать похвалъ. Какъ бы то ни было, я ссылался на знаніе, которое онъ могъ пріобрѣсти объ обычаяхъ этой страны и о способѣ, какъ ведутся здѣсь дѣла, чтобы судить, примѣнимо ли было преслѣдовать ту цѣль, которую онъ имѣлъ. Помянутый хирургъ быть можетъ былъ бы въ состояніи оказать ему пользу, но, безъ всякой со мной стачки, какъ это предполагали, изъ одного усердія онъ не ослѣплялся, лишь только узналъ о томъ. Онъ справедливо думалъ, что это значило рисковать напрасно, повредить важной тайнѣ и косвенно даже пользамъ службѣ короля, и что въ другихъ странахъ, наконецъ, это было бы легко, между тѣмъ какъ здѣсь послужитъ только западнею, тѣмъ болѣе опасною, что шпіонство въ Россіи въ обычаѣ, а шпіоновъ огромное количество.

Все объяснилось прежде его прибытія моимъ разговоромъ съ принцессою, и если подтверждается нынѣ тѣмъ, что передано самими лицами, введенными въ заблужденіе, то это только болѣе и болѣе служитъ доказательствомъ, что дѣла, начатыя и продолжаемыя слишкомъ съ большимъ увлеченіемъ, рѣдко удаются. Я считаю обязанностью простереть предусмотрительность

до предупрежденія васъ, что противорѣчіе между донесеніемъ Дефона и отзывомъ, который Каравакъ и его жена дали д'Авену, можетъ возбудить неудовольствіе Дефона. Будетъ тѣмъ болѣе опасно, если онъ, слишкомъ поддавшись этому чувству, вздумаетъ такъ или иначе упрекать г-жу Каравакъ: здѣсь всѣ письма распечатываются, а пересылка при случаѣ сопряжена съ опасностями въ этой странѣ, и изъ этого произойдетъ только то, что можно сдѣлать несчастною женщину, подвергнуть опасности принцессу и вмѣшать королевское министерство въ интригу, въ которую оно никогда не должно казаться вмѣшивавшимся.

17 октября.

Г. Пецольдъ сообщилъ мнѣ, что его государь далъ ему знать, что въ силу трактата, заключеннаго между нимъ, королемъ прусскимъ и курфюрстомъ баварскимъ, при содѣйствіи и посредничествѣ его величества (французскаго), первый получитъ верхнюю Силезію, округъ Мангарцбергъ (le quartier de Manhartzberg) нижней Австріи *) и Моравію, которой возвратятъ прежде имѣвшійся у нея титулъ королевства; второй—всю нижнюю Силезію до Нейсса и Бринница, включая и городъ Нейссъ, къ территоріи котораго присоединятъ нѣкоторое количество земли, и третій — Богемію, Австрію верхнюю, Тироль и разныя владѣнія, которыя покойный король имѣлъ въ Швабіи. Письмо, полученное мною утромъ отъ маршала Бель-Иля (de

*) Австрійское эрцъ-герцогство раздѣлялось прежде на нижнюю и верхнюю Австрію; первая состояла изъ четырехъ округовъ (Viertel), и изъ нихъ два носили названіе верхняго и нижняго Мангарцберга.

Belle-Isle), хотя не заключало въ себѣ этихъ подробностей, однако дало мнѣ возможность выразить Пецольду, что я уже извѣщенъ объ обязательствахъ, въ которыхъ принимаетъ участіе его государь, и о томъ что его войска будутъ въ непродолжительномъ времени дѣйствовать по соглашенію съ баварскими и прусскими. „Если вы имѣете что нибудь покончить съ кавалеромъ Ботта, прибавилъ я, то совѣтую вамъ спѣшить; по этой же причинѣ не думаю, чтобы васъ приняли хорошо (que vous soyez bien venu), когда сообщите подобныя извѣстія русскому двору.“ Пецольдъ мнѣ отвѣчалъ, что вслѣдствіи полученнаго имъ приказанія исполнить это, онъ уже извѣстилъ принца брауншвейгскаго и графа Остермана. Мнѣ было нѣсколько любопытно, какъ принята новость послѣднимъ? Пецольдъ удовлетворилъ меня, сообщивъ, что этотъ министръ выразилъ, что ему очень непріятно видѣть распаденіе и уничтоженіе такимъ образомъ австрійскаго дома, но безъ сомнѣнія такова воля Провидѣнія и надобно ей подчиниться; что вслѣдствіи такой необходимости дрезденскій дворъ не долженъ сомнѣваться въ томъ, что русскій съ удовольствіемъ смотритъ на получаемыя королемъ Августомъ выгоды, Россія же надѣется, что это послужитъ вовсе не къ ослабленію. но къ утвержденію существующей доброй дружбы между нею и этимъ государемъ; что хотя по принятымъ мѣрамъ кажется, что въ имперіи быстро будетъ водворено спокойствіе, однако содѣйствіе русскаго двора (les bons offices) можетъ тому поспѣшествовать, и онъ убѣжденъ, что Россія въ такомъ случаѣ окажетъ его; что слѣдуетъ, наконецъ, ожидать, что подобному хорошему примѣру быстраго умиротворенія послѣдуютъ и на Сѣверѣ. Я замѣтилъ изъ отвѣтовъ, на которые вызвалъ Пецольда, что онъ, по неимѣнію инструкціи, ничего не возражалъ на два послѣдніе пункта, кото-

рыхъ коснулся гр. Остерманъ, по чему, чтобы не остаться въ долгу предъ секретаремъ саксонскаго посольства, я не скрылъ отъ него, что если Россія мнѣ кажется очень далекою отъ вмѣшательства въ дѣла имперіи, то я сильно опасаюсь, чтобы война со Швеціею могла кончиться такъ скоро, какъ желалъ бы того.

Пецольдъ впрочемъ не былъ откровененъ вполнѣ, потому что я вчера чрезъ барона Мардефельда, которому Пецольдъ передалъ то же самое объявленіе, узналъ, что гр. Остерманъ, прежде чѣмъ приступилъ къ выше. приведеннымъ объясненіямъ, разразился сильными и колкими упреками, напоминая, что таковъ-то способъ, которымъ Саксонія выражаетъ свою привязанность, которую, чтобы выказать къ австрійскому дому, она искала только случая! Пецольдъ признался также Мардефельду, что принцъ брауншвейгскій былъ до такой степени пораженъ извѣстіемъ о раздѣлѣ, что Пецольдъ, замѣтивъ, какъ трудно ему удержать слезы, удалился, и принцъ былъ не въ силахъ произнести самаго пустаго отвѣта. Но особенная причина, которую мнѣ открылъ случай и въ которой я не могу сомнѣваться, усиливаетъ можетъ быть еще чувствительность генералиссимуса и досаду Остермана — это то, что послѣдній убѣжденъ, что возобновленіе на вѣчныя времена титула короля Моравіи въ пользу саксонскаго дома дѣлается только въ тѣхъ видахъ, чтобы король Августъ не утратилъ блеска своего званія, уступивъ польскій тронъ королю Станиславу. Остерманъ предается тѣмъ еще болѣе огорченію, что видитъ въ связи съ этимъ обстоятельствомъ славу его величества (французскаго) и его министерства. Такое будущее заставляетъ его предвидѣть всѣ опасности, отъ которыхъ Россія полагала обезопасить себя, противодѣйствуя избранію тестя короля: эти опасности ему кажутся еще большими при войнѣ со Швеціею и при конфедераціи, болѣе и болѣе волную-

щейся въ Польшѣ. Онъ не менѣе чувствителенъ къ униженію, которое послѣдуетъ для русскаго двора отъ невозможности помѣшать тому, какъ прежде; чрезъ это выкажется вся слабость его, уже довольно доказанная трудностями, встрѣченными при домогательствѣ о врученіи Курляндіи принцу Людовику вольфенбюттельскому, чтобы предвидѣть, что эти трудности еще болѣе усилятся и сдѣлаются непобѣдимыми [38]).

Это мнѣ напоминаетъ, что баронъ Мардефельдъ, разговаривая нѣсколько времени тому назадъ о слишкомъ большой поспѣшности, съ которою объявили, какъ о дѣлѣ рѣшеномъ, избраніе принца Людовика, замѣтилъ самъ, что можетъ быть ни въ одномъ дѣлѣ не успѣютъ такъ мало, какъ въ этомъ. „Я думаю даже, прибавилъ онъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, и имѣя въ виду расположенія поляковъ, вѣрнымъ средствомъ къ тому, чтобы такое предложеніе не удалось, будетъ предоставленіе Россіи одной старанія объ успѣхѣ его; почему я и доносилъ моему государю, что онъ только по моему мнѣнію въ состояніи помочь этому неудобству и что тѣмъ болѣе долженъ заступиться за принца Людовика, что независимо отъ связей крови, интересъ его величества прусскаго требуетъ непремѣнно, чтобы Курляндія оставалась въ томъ же положеніи, въ какомъ находится теперь, и ни подъ какимъ видомъ не присоединялась къ Польшѣ и не раздѣлялась на воеводства.

Примѣчаніе.

[38]) По смерти римскаго императора Карла VI Франція, въ видахъ покончить съ могуществомъ австрійскаго дома, стала домогаться объ избраніи въ императоры курфюрста баварскаго; при этомъ предполагалось, что Пруссія получитъ нижнюю Силезію. Главнымъ зачи-

щикомъ такой политической комбинаціи былъ у кардинала Флери графъ Бель-Иль. Его-то Людовикъ XV отправилъ на франкфуртскій сеймъ, гдѣ должно было происходить избраніе новаго императора. Передъ тѣмъ графа произвели въ маршалы, такъ какъ нѣмцы особенно уважаютъ большіе военные чины. Бель-Иль явился на сеймъ съ чрезвычайною пышностью, подавалъ руку только курфюрстамъ, только имъ уступалъ первенство; свои бумаги писалъ на французскомъ языкѣ, хотя въ нѣмецкой канцеляріи было въ обычаѣ вести переписку на латинскомъ языкѣ, какъ оффиціальномъ для правительства, носившаго титулъ Римской имперіи. Въ апрѣлѣ 1741 г. маршалъ Бель-Иль являлся къ прусскому королю, и тотъ не преминулъ осмѣять его въ своей „Histoire de mon temps“: „маршалъ де-Бель-Иль часто увлекался слишкомъ своимъ воображеніемъ: послушая его, можно было подумать, что всѣ области королевы венгерской шли съ молотка. Однажды онъ былъ у короля (Фридрихъ II говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ) и казался болѣе занятымъ и задумчивымъ, чѣмъ обыкновенно. Король спросилъ его, не получилъ ли онъ непріятныхъ новостей? „Нѣтъ, отвѣчалъ Бель-Иль, но меня затрудняетъ, государь, что будемъ мы дѣлать съ этою Моравіею?“ Король предложилъ отдать ее Саксоніи, чтобы этою приманкою привлечь въ великій союзъ короля польскаго. Маршалъ нашелъ мысль превосходною и привелъ ее въ исполненіе“...

Въ іюлѣ 1742 г., уже сами французы не вѣрили химерическимъ планамъ Бель-Иля, хотя 24 января этого года курфюрстъ баварскій и былъ избранъ въ императоры подъ именемъ Карла VII. Это званіе, вмѣсто того, чтобы расширить, какъ предполагалось, его владѣнія, было причиною потери части ихъ. Французы же сочинили на новаго римскаго императора латинскую эпиграмму:

Aut nihil, aut Caesar Bavarus dux esse volebas:
Et nihil et Caesar factus utrumque simul.

Фридрихъ II не противорѣчилъ французскимъ планамъ о раздробленіи наслѣдства Карла VI, но потомъ самъ въ 1742 г. заключилъ миръ съ Маріею Терезіею, помимо версальскаго двора. Этотъ миръ совершенно разрушилъ всѣ планы Бель-Иля.

17 Октября.

...Это внезапное возвращеніе (какъ видно далѣе дѣло идетъ о Бестужевѣ, бывшемъ до тѣхъ поръ въ немилости) должно насъ приготовить — или я очень ошибаюсь — къ какому нибудь событію, и я даже пущусь въ догадки, возбужденныя во мнѣ этимъ случаемъ. Бестужевъ, до вступленія въ министерство, былъ отъявленнымъ врагомъ Остермана, и можетъ быть это самое подвигло болѣе всего герцога курляндскаго въ его пользу. Полная довѣренность, которую этотъ питалъ къ Бестужеву въ продолженіи его краткаго министерства, окончательно освятила ненависть, чувствуемую имъ къ Остерману. Бестужевъ, въ этотъ промежутокъ времени, былъ связанъ изъ выгодъ и дружбы съ генералъ-прокуроромъ кн. Трубецкимъ, о которомъ я недавно сообщалъ вамъ, что онъ нынѣ совѣтникомъ гр. Головкина. Независимо отъ этого, послѣдній всегда состоялъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Бестужевымъ и даже былъ обязанъ ему. Можетъ статься еще, что Головкинъ самъ довольно понималъ себя, также какъ и сочлена своего кн. Черкасскаго, чтобы почувствовать, что ни тотъ, ни другой не въ состояніи взять на себя управленіе департаментомъ иностранныхъ дѣлъ, и что Бестужевъ, служившій по этой части всю свою жизнь, ка-

жется ему человѣкомъ совершенно способнымъ помочь нынѣшнему безвременью (à suppleer à ce contre temps). Вы, наконецъ, знаете партію, составленную Головкинымъ противъ гр. Остермана: очень вѣроятно, что для нанесенія ему послѣднихъ ударовъ и чтобы имѣть на первыхъ порахъ возможность замѣнить его, велѣли возвратить Бестужева. По крайней мѣрѣ я не могу сомнѣваться въ томъ, чтобы это не было дѣло Головкина. Чрезвычайная поспѣшность, съ которою Бестужевъ отправился сегодня послѣ полудня къ кавалеру Вотта, послужитъ мнѣ при случаѣ достаточнымъ доказательствомъ тому. Замѣшательство послѣдняго при объясненіи д'Альону, котораго посылалъ къ нему по этому поводу, что Бестужевъ началъ съ него только потому, что онъ, Вотта, министромъ при дворѣ, близкомъ по своему родству съ вѣнскимъ, и что онъ не замедлитъ отправиться съ визитами и къ другимъ иностраннымъ министрамъ, — это замѣшательство кажется не должно ничего измѣнить въ убѣжденіи, въ которомъ остаюсь я.

20 октября. Извѣстія д'Альона, присоединенныя къ письму де-ла-Шетарди.

Порта должна ожидать (doit compter), говорилъ д'Альонъ, что русскіе захотятъ дойти до того, чтобы заключить съ шахомъ Надиромъ союзъ, который бы имъ во всемъ пространствѣ замѣнилъ бывшій съ австрійскимъ домомъ, и потому она должна всѣми мѣрами оберегать шведовъ, которые одни въ состояніи, въ случаѣ надобности, произвести въ пользу турокъ необходимую диверсію....

Посланникъ вышелъ какъ будто изъ восторженнаго состоянія: „Какая была бы радость, сказалъ онъ, уви-

дѣть Портѣ этого принца (?) на тронѣ! Съ тѣхъ поръ, по соглашенію со Швеціею, легко заставить русскихъ войти въ прежнія границы, или покрайней мѣрѣ держать ихъ въ уздѣ“... Императоръ французовъ покровительствуетъ и помогаетъ своимъ союзникамъ и не расчитываетъ ни на что. Такое безкорыстіе не могло не поразить турецкаго министра и произвело ожидаемое дѣйствіе.

24 октября.

Распущеніе арміи влечетъ за собою возвращеніе бывшихъ тамъ офицеровъ, равно какъ и гвардейскихъ отрядовъ, а потому могутъ быть лучше сосредоточены предварительныя мѣры, которыя должны быть приняты принцессою Елизаветою. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы въ здѣшней странѣ дѣла могли быть доведены до благополучнаго окончанія при помощи вліянія значительныхъ лицъ, принимающихъ въ нихъ участіе. Я уже вамъ замѣчалъ, что зависть между частными лицами и духъ народа (le genie de la nation) дѣлаютъ непримѣнимыми средства, которыя въ употребленіи въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь солдатчина (la soldatesque) и отвага нѣсколькихъ нисшихъ гвардейскихъ офицеровъ производятъ и въ состояніи произвести величайшіе перевороты.

Вы бы справедливо могли опасаться, что пораженіе, понесенное шведами въ Финляндіи, могло привести въ унынie партію принцессы; однако этого не случилось и способъ, какъ всѣ узнали о происшедшемъ, къ счастію сдѣлалъ напрасными заблужденіе, которое дворъ старался поддержать касательно дѣла при Вильманстрандѣ.

Еще недостаточно, что партія (Елизаветы) можетъ произвести возстаніе вѣрно и успѣшно: шведы слишкомъ

удалены, слѣдовательно не могутъ подать руки такимъ образомъ, чтобы она могла быть защищена отъ разсѣянія и уничтоженія. Приверженцы охотно идутъ на опасность, но отъ этого нельзя ожидать пользы, если не будетъ у нихъ въ то же время поддержки. Поэтому, чѣмъ болѣе размышляю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что не должно пренебрегать ничѣмъ, что требуетъ благоразуміе, и для быстраго и вѣрнаго успѣха предпріятія, шведамъ необходимо предварительно одержать верхъ надъ русскими. Однако я до сихъ поръ очень остерегался дать это замѣтить принцессѣ; напротивъ, при посѣщеніи моемъ въ среду, я воспользовался, отдавая ей отчетъ о письмѣ (въ немъ г. Мондамеръ извѣщалъ меня, что генералъ Левенгауптъ, думаетъ въ непродолжительномъ времени предпринять какое нибудь важное дѣйствіе, и сигналомъ для возстанія партіи будетъ или прибытіе въ Петербургъ кавалера Креспи, или полученіе депеши, которая ему поручена, или извѣстіе, что онъ являлся на границѣ, но ему было отказано въ проѣздѣ чрезъ нее),—я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы усиленно настаивать на необходимость побудить партію къ рѣшимости благоразумно примѣнить къ дѣлу энергію, которой должно ожидать отъ ея усердія. Принцесса Елизавета понимала всю цѣну предпріятія, которое хотѣла исполнить Швеція. Она просила у меня нѣсколько дней, чтобы уговориться съ своими приверженцами; я на это тѣмъ охотнѣе согласился, что по вышеизложенному мнѣнію главное дѣло, какъ полагаю, будетъ состоять въ знаніи, чего можно въ такомъ случаѣ ожидать отъ партіи, чтобы съ большею увѣренностью воспользоваться ея услугами въ минуту, которую сочту удобною для выполненія. Другая причина, позволившая мнѣ не требовать тотчасъ же рѣшенія, была та, что Мондамеръ присовокупилъ, что если всѣ три случая къ подачѣ сигнала не удадутся, то гр. Гильенборгъ но-

шлетъ нарочнаго къ генералу Левенгаупту, у котораго вся армія въ сборѣ, спросить о времени, когда онъ сочтетъ полезнымъ нанести ударъ, и, по полученіи отвѣта, отправитъ на всякой случай курьера чрезъ Гамбургъ, для извѣщенія меня. Мондамеръ намѣренъ воспользоваться этою посылкою, чтобы переслать ко мнѣ экземпляры шведской декларації. Будетъ весьма важно, когда они дойдутъ до меня безопасно и въ значительномъ количествѣ, чтобы тотчасъ же можно было сдѣлать изъ нихъ употребленіе. Между тѣмъ онъ принялъ хорошую предосторожность, вложивъ въ свое письмо содержаніе этой декларації во французскомъ переводѣ. Принцесса Елизавета, которой я читалъ ее, не нашла ничего прибавить къ тому, и ей казалось, что документъ составленъ именно въ такомъ духѣ, что произведетъ на народъ сильное впечатлѣніе. Мы согласились, что я послѣ завтра передамъ повѣренному копію, которую она сама переведетъ на русскій и, не смотря на неизбѣжную почти опасность для тѣхъ, кто будетъ списывать копіи, такъ какъ здѣсь только одна академическая типографія, принцесса однако постарается уговорить нѣсколько лицъ взять на себя эту заботу.

Справедливо, что Нолькенъ имѣлъ 100 т. экю, назначенные въ распоряженіе принцессы Елизаветы, но онъ не сдѣлалъ изъ нихъ никакого употребленія; да если бы онъ и употребилъ ихъ, то я тѣмъ не менѣе считалъ бы обязанностью войти въ положеніе этой принцессы, какъ только для службы короля имѣетъ такое важное значеніе оказаніе ей помощи. Это единственное уваженіе, которое будетъ меня всегда руководить въ подобныхъ случаяхъ.....

Польза, могущая произойти въ будущемъ отъ старанія возобновлять при каждомъ случаѣ въ памяти принцессы Елизаветы объ одолженіяхъ къ ней его величества, заставили меня воспользоваться удобнымъ къ

тому случаемъ. Я увѣрилъ ее, что король былъ очень тронутъ довѣренностью, которую она выказала, обратившись къ нему; что онъ тотчасъ же далъ повелѣніе о присылкѣ того, въ чемъ имѣетъ она нужду; что его эминенція и вы, милостивѣйшій государь, равно готовы предупреждать все, что можетъ споспѣшествовать ея видамъ, и только озабочены теперь способами, при помощи которыхъ можно было бы скрытно передать эту сумму мнѣ; что его величество также очень одобрилъ, что я, для отклоненія толковъ и подозрѣній, собралъ всѣ, бывшія въ моемъ распоряженіи деньги для снабженія ея на первый случай. Принцесса Елисавета мнѣ отвѣчала, что она не знаетъ даже, какъ выразить свою признательность къ королю и что онъ одинъ станетъ руководить ее, какъ ему будетъ угодно, по достиженіи ею престола и потомъ въ продолженіи всей жизни. Она снова съ величайшимъ удовольствіемъ убѣдилась въ расположеніи къ себѣ его эминенціи, просила не уставать и впредь давать доказательства тому. и поручила благодарить, какъ его, такъ и васъ, милостивѣйшій государь, за труды, которые вы взяли на себя и за которые ей досадно, что она причиною ихъ.

Что касается предположенія видѣть герцога голштинскаго при шведской арміи, то не знаю, былъ ли гр. Гилленборгъ чистосердеченъ, когда велѣлъ мнѣ сказать чрезъ Мондамера, что присутствіе тамъ герцога было бы очень желательно, но что этого не возможно сдѣлать въ нынѣшнемъ году, не подавъ повода къ живѣйшему безпокойству Даніи, относительно которой необходимо прежде принять мѣры, для избѣжанія всякихъ опасеній по поводу Шлезвига. Если такому доводу, самому по себѣ основательному, внала принцесса Елизавета, когда я ей говорилъ о томъ въ среду, то все таки это не уничтожило тѣхъ вѣроподобныхъ причинъ (raisons plausibles), по которымъ она желала видѣть своего

племянника при шведской арміи. Можетъ быть при обращеніи къ первоначальному источнику, дѣло вамъ не покажется въ такомъ видѣ, чтобы принцесса тѣмъ поставляла себя въ положеніе дѣйствовать противъ своихъ интересовъ. Я уже вамъ сообщалъ о впечатлѣніи, которое произвела на военныхъ ея просьба къ нимъ не убивать по крайней мѣрѣ ея племянника.

Вамъ извѣстно, что завѣщаніе Петра I, повторенное Екатериною, призывало къ престолу Петра II, послѣ него—герцогиню голштинскую и ея дѣтей, а за неимѣніемъ ихъ—принцессу Елизавету. Она, слѣдовательно, не въ состояніи возбудить притязанія на это право, отдѣливъ свои интересы отъ интересовъ племянника. Вы видѣли также, что по кончинѣ покойной царицы, многіе, которымъ надоѣло быть управляемыми чрезъ женщинъ, останавливались съ удовольствіемъ на мысли имѣть въ лицѣ Іоанна III мужчину государемъ. Они теперь знаютъ, что его дѣтство и долгое несовершеннолѣтіе (minorité) повергаютъ ихъ въ то самое положеніе, отъ котораго они хотѣли избавиться, и это болѣе заставляетъ ихъ желать видѣть на тронѣ герцога голштинскаго. Слѣдовательно, чтобы усыпить такихъ людей до минуты развязки и вести ихъ такъ, чтобы они не выказывали противодѣйствія видамъ большинства, склоняющагося за Елизавету, ея приверженцамъ необходимо поддерживать въ желающихъ видѣть на тронѣ герцога голштинскаго надежду на это, и тѣмъ самымъ привлечь ихъ на свою сторону, не давъ имъ того замѣтить и приготовивъ заранѣе, какъ утѣшеніе въ несбывшейся надеждѣ ихъ, признаніе герцога голштинскаго наслѣдникомъ престола.

Если мои свиданія въ лѣсу, сдѣлавшіяся невозможными нынѣ по случаю осенняго времени, не могли быть опасны, благодаря принятымъ мною предосторожностямъ, то легкость видѣться съ принцессою каждую недѣлю

естественно избавитъ меня отъ необходимости пользоваться случаями, когда я буду находиться во время праздниковъ при дворѣ. Множество шпіоновъ, которыми, какъ надобно предполагать, я должно быть окруженъ, не пугаютъ меня нисколько. Они мнѣ не помѣшали вовсе найти вѣрное средство, по милости котораго повѣренный приходитъ ко мнѣ ночью, когда у него есть что нибудь нетерпящее отлагательства, и я наконецъ вызываю этихъ людей добыть противъ меня самомалѣйшее доказательство, которое бы послужило подтвержденіемъ подозрѣній, могущихъ возникнуть лишь изъ одной ненависти къ Франціи.

Вамъ уже извѣстно также, что г. д'Альонъ можетъ скорѣе, чѣмъ другой, успѣть привлечь ко мнѣ нѣсколько лицъ, отъ которыхъ, если намъ привязать ихъ къ себѣ (en nous les affectionnant), не будетъ недостатка во множествѣ свѣдѣній (beaucoup de lumière).

27 октября.

Финчь (англійскій министръ) поспѣшилъ помочь шведскимъ плѣннымъ офицерамъ, велѣвъ имъ раздать 500 червонцевъ. Г. Левенгауптъ не замедлилъ узнать, что этотъ министръ докладывалъ о томъ правительницѣ, которая очень одобрила это, какъ обстоятельство, доставившее ему возможность прекрасно употребить подарокъ, полученный имъ на прощаніи съ шведскимъ дворомъ, послѣ одинадцатилѣтняго тамъ пребыванія. Безсонныя Левенгауптъ нашелъ иронію столько же не приличною, сколько великодушіе Финча неумѣстнымъ. Генералъ Врангель получилъ приказаніе возвратить 500 червонцевъ. Финчь отказывался отъ полученія ихъ обратно, но Врангель настоялъ о возвращеніи денегъ такъ или иначе. Остерманъ извиняетъ безчеловѣчные поступ-

ки въ Вильманстрандѣ тѣмъ, что шведы убили барабанщика, посланнаго для побужденія крѣпости къ сдачѣ. Шведы этотъ фактъ отрицаютъ.

13 ноября. Отвѣтъ министра изъ Версаля.

Очень было бы желательно, чтобы значеніе кн. Долгорукой соотвѣтствовало тѣмъ добрымъ послѣдствіямъ, которыхъ вы ожидаете отъ того для Франціи. Я же, признаюсь вамъ, съ трудомъ вѣрю тому, также какъ и надеждѣ, чтобы расходъ, предположенный вами на эту даму, могъ доставить большую пользу. Но такъ какъ вы уже дошли до предложенія отъ имени короля пенсіона княгинѣ Долгорукой, то его величеству благоугодно утвердить ваше обѣщаніе пенсіи въ 4 т. франковъ. Относительно другаго лица, о которомъ вы говорите, будетъ необходимо, прежде разрѣшенія предложенія вашего, разсмотрѣть, какого рода будетъ польза, которую оно принесетъ службѣ короля? 22 т. ливровъ уплачены.

3 ноября. Отъ маркиза де-ла-Шетарди.

Маркизъ Ботта кажется боленъ отъ горести, причиненной ему настоящимъ положеніемъ дѣлъ венгерской королевы. Его хотятъ оставить на всегда въ Россіи; Головкинъ, дружный съ нимъ, взялъ на себя, чтобы его уговорить къ тому. Правительница намѣрена произвести его въ фельдмаршалы и дать значительный пенсіонъ, если онъ приметъ такое предложеніе. Ботта говоритъ о своемъ скоромъ отъѣздѣ.

10 ноября.

(Нападенія русскихъ въ шведской Финляндіи и ихъ военные подвиги тамъ). Безъ сомнѣнія лучшій путь для узнанія правды былъ бы тотъ, чтобы принцесса Елизавета получала извѣстія о происходящемъ въ арміи чрезъ тѣхъ изъ своей партіи, которые тамъ теперь находятся; однако какъ ни основательно удивленіе ваше, въ которомъ вы будете, узнавъ о невозможности пользоваться такимъ способомъ, тѣмъ не менѣе вѣрно, что въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, Россія, повторяю, не похожа ни въ чемъ, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Только одинъ главнокомандующій арміею можетъ сообщать о ней разнымъ лицамъ, несмотря ни на какое званіе. Всякой другой посланный будетъ арестованъ лишь только онъ свернетъ съ большой дороги, а слѣдуя ей, подвергнется строжайшимъ досмотрамъ на каждой станціи, которыя размѣщены по дорогѣ на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой. Если отвѣты не покажутся удовлетворительными, или когда нѣтъ паспорта отъ главнокомандующаго войсками, или когда возбуждено будетъ малѣйшее подозрѣніе, то несмотря ни на какое званіе, лицо хватаютъ и отвозятъ въ крѣпость безъ дальнихъ справокъ. Здѣсь его подвергаютъ самымъ строгимъ допросамъ: если ничего не узнаютъ на словахъ, то сѣкутъ кнутомъ и потомъ постепенно переходятъ къ другимъ пыткамъ, буде первая не подѣйствовала. Этого уже достаточно, чтобы судить, что такой способъ (къ передачѣ извѣстій) тѣмъ болѣе не возможенъ, что чрезъ него навѣрное выдается тайна, которая повѣрена въ подобномъ случаѣ.

Принцесса Елизавета, которой я не преминулъ говорить о томъ въ прошедшую субботу, представила мнѣ

тѣ же неудобства и ссылалась на мой собственный опытъ, чтобы рѣшить, возможно ли тутъ ожидать для нея какой нибудь выгоды? Хотя изъ предосторожности я, въ ожиданіи отправленія служителя къ гр. Сентъ-Северину, не писалъ съ 2 сентября къ Мондамеру иначе, какъ при случаѣ съ однимъ отправленнымъ мною шведскимъ офицеромъ и чрезъ Лагерфлихта, и долженъ былъ бы надѣяться, что не замѣтятъ слишкомъ большой живости въ перепискѣ со Швеціею, тѣмъ не менѣе однако русское министерство не безъ подозрѣній въ отношеніи меня.

Правительница, принцесса Елизавета, принцъ брауншвейгскій и принцъ Людовикъ, его братъ были на свадьбѣ кн. Рѣпнина съ гр. Головкиною.

23 ноября. Депеша изъ Версаля.

Одобрены поступки съ д'Авеномъ и желаютъ полнѣйшаго молчанія со стороны Дефона, предполагая, что онъ къ тому способенъ. Того требуетъ безопасность (la sureté) лицъ, принимавшихъ въ томъ участіе, и еще болѣе званіе главной особы, которая послала д'Авена изъ Парижа. Полагаютъ, что принцесса Елизавета не увѣдомлена объ имени этой главной особы (т. е. принца Конти).

$\frac{14}{25}$ ноября. Отъ маркиза де-ла-Шетарди.

(Вѣроятно разсказъ д'Альона).

„Во времена, когда Порта (по милости шведовъ) могла предписывать законы царю, она признала за нимъ титулъ императора, титулъ, на который онъ имѣлъ притязаніе главнѣйше потому, что одинъ изъ его предшественниковъ былъ женатъ во времена оны на принцессѣ

константинопольской, будто бы наслѣдницѣ греческой имперіи!“ „Что вы говорите, возразилъ мнѣ вдругъ посланникъ, я увѣренъ, что наши министры, подобно мнѣ, не знали этого обстоятельства, и я желалъ бы очень, чтобы имъ было это извѣстно во время?“ „Увы, продолжалъ я, дѣло это такъ мало подлежитъ тайнѣ, что я могу указать печатныя о томъ извѣстія!“ Это заставило задуматься на минуту его превосходительство, послѣ чего онъ возвратился къ разговору: „дурно то, что между нами мало людей, которые бы имѣли нѣкоторое знаніе о внѣшнихъ дѣлахъ, и въ настоящую пору я очень хорошо припоминаю, что когда Петръ проникъ въ Молдавію, то велѣлъ распространять манифесты, которые согласуются съ сдѣланною вами замѣткою. Вѣрьте, что я тѣмъ воспользуюсь: то, что написано мною въ послѣдній разъ по случаю возвращенія шоадара (посланца) отъ великаго визиря и что я желалъ, чтобы г. де-ла-Шетарди написалъ, согласуется съ моими чувствами“. „Правда-ли, сказалъ я ему, что ваше превосходительство однажды спросили гр. Остермана, почему не принцесса Елизавета на престолѣ?“ „Это совершенная ложь, отвѣчалъ онъ: подобный вопросъ былъ бы слишкомъ неумѣстенъ, хотя не потому, чтобы я не считалъ стыдомъ для русскаго народа дозволять управлять собою принцу, министрамъ и генераламъ изъ иноземцевъ, а еще тѣмъ болѣе не потому, чтобы я не зналъ, что русская корона принадлежитъ или герцогу голштинскому, или принцессѣ Елизаветѣ. Достаточно увидѣть послѣднюю, чтобы согласиться, что она скорѣе, чѣмъ правительница рождена носить корону, и на послѣднемъ балѣ было совершенно излишне указывать мнѣ на нее: ея величественный видъ довольно указывалъ мнѣ, что она была дочь Петра I, между тѣмъ какъ я никогда бы не узналъ правительницы, когда бы мнѣ ее не назвали“...

17 ноября.

... Этотъ пакетъ заключалъ 8 экземпляровъ печатныхъ русскихъ (манифестовъ) и рукописный переводъ на нѣмецкій. Первая моя забота была спрятать эти экземпляры въ мѣсто, которое я устроилъ заранѣе [39]). Они еще тамъ. Я писалъ нынѣшнею почтою Мондамеру и Фурвилю прекратить дальнѣйшую отправку.

Надобно дѣйствительно пожить въ этой странѣ, чтобы испытать, что ненависть двора къ Франціи производитъ на столько вліянія на частныя лица, что никто не смѣлъ бывать у меня, за исключеніемъ иностранныхъ министровъ, всѣ три мѣсяца, какъ я переѣхалъ въ городъ. Простерли еще далѣе мелочность: здѣсь есть нѣсколько французовъ, бывавшихъ у меня отъ времени до времени; гр. Остерманъ, какъ я узналъ это отъ нихъ самихъ, запретилъ имъ приближаться къ моему дому, и даже французскому хирургу, котораго я было принялъ для пользованія домашнихъ, дано было приказаніе отнынѣ удерживаться отъ того. Такимъ образомъ, если бы я сдѣлался боленъ, то у меня даже отнята свобода лечиться у того, въ кого имѣлъ бы болѣе довѣренности. Впрочемъ, будьте покойны, что, вслѣдствіе принятыхъ мною предосторожностей, отъ того не много выиграютъ, лишь бы только одобрили вы предложенное мною касательно княгини Долгорукой и пользованіе въ этомъ случаѣ д'Альономъ.

До сихъ поръ я не слыхалъ о кавалерѣ Креспи.

Не смотря на хорошее дѣйствіе, которое не могли не произвести старанія льстить принцессѣ Елизаветѣ новыми увѣреніями о намѣреніяхъ короля касательно выраженныхъ ею желаній, — она, при свиданіи со мною въ прошедшую среду, просила поспѣшить отвѣтомъ касательно просимой ею у его величества ссуды. „Вслѣд-

ствіе того, сказала она, что вамъ писали изъ Стокгольма и что не давно сообщили вы мнѣ, я уговорилась съ моими друзьями о средствахъ и времени, удобномъ для возстанія моей партіи вмѣстѣ съ Швеціею, чтобы ей можно было подать помощь, если въ томъ дѣйствительно настоитъ надобность, для избѣжанія мнѣ опасности. Вы понимаете, что въ эту минуту, всего необходимѣе сорить деньгами, а вы знаете, что не имѣвъ до сихъ поръ никакихъ средствъ, кромѣ собственныхъ доходовъ, я совершенно издержалась. И такъ, не получили-ли вы еще суммы, которую, какъ вы мнѣ сообщили, его величество былъ такъ добръ ссудить мнѣ?“ Я отвѣчалъ, что она находилась бы въ ея рукахъ, если бы не затрудненія отъ отдаленности и недостатка надежныхъ людей, и если бы не были обязаны въ такой странѣ подозрѣній, какъ Россія, принимать величайшія предосторожности, особенно, чтобы не компрометировать ее. Она согласилась съ такими уваженіями и одобрила ихъ, прося въ то же время не оставлять ее въ неизвѣстности, когда вы меня увѣдомите о чемъ нибудь новомъ касательно ея, въ какомъ бы то ни было отношеніи, и оставаясь по прежнему при намѣреніи слѣпо слѣдовать волѣ и совѣтамъ его величества.

Примѣчаніе.

[39]) Вотъ этотъ манифестъ, который въ нѣмецкомъ переводѣ помѣщенъ въ Geneal. Historische Nachrichten, ч. XXXIX, стр. 223 — 224: „Его королевскаго величества шведскаго, моего всемилостивѣйшаго короля и государя, генералъ-аншефъ его арміи, я, Карлъ Емилій Левенгауптъ, графъ, объявляю всѣмъ и каждому сословію достохвальной русской націи, что королевская шведская армія вступила въ русскіе предѣлы

не для чего иного, какъ для полученія, при помощи Всевышняго, удовлетворенія шведской короны за многочисленныя неправды, ей причиненныя иностранными министрами, которые господствовали надъ Россіею въ прежніе годы, а также потребную для шведовъ безопасность на будущее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы освободить русскій народъ отъ несноснаго ига и жестокостей, съ которыми означенные министры, для собственныхъ своихъ видовъ, притѣсняли съ давняго времени русскихъ подданныхъ, чрезъ что многіе потеряли собственность, или лишились жизни отъ жестокихъ уголовныхъ наказаній, или, впадши въ немилость, бѣдственно ссылались въ заточеніе. Вслѣдствіе этого, намѣреніе короля шведскаго состоитъ въ томъ, чтобы избавить достохвальную русскую націю, для ея же собственной безопасности, отъ тяжелаго, чужеземнаго притѣсненія и безчеловѣчной тираніи и предоставить свободное избраніе законнаго и справедливаго правительства, подъ управленіемъ котораго русская нація могла бы безопасно пользоваться жизнію и имуществомъ, а со шведами сохранять доброе сосѣдство. Этого достигнуть будетъ невозможно до тѣхъ поръ, пока чужеземцы, по своему произволу и изъ собственныхъ видовъ, будутъ свободно и жестоко господствовать надъ вѣрными русскими подданными и ихъ сосѣдями союзниками. Ради этихъ справедливыхъ намѣреній его королевскаго величества, должны и могутъ всѣ русскіе соединиться со шведами и, какъ друзья, отдаваться сами съ имуществомъ подъ высокое покровительство его величества и ожидать отъ его высокой особы всякаго сильнаго заступленія. К. Е. Левенгауптъ.“

По восшествіи на престолъ Елизаветы, когда Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ и другіе были арестованы и въ декабрѣ 1741 г. съ нихъ снимались допросы, то дѣло дошло и до этого шведскаго манифеста. Левен-

вольдъ по этому предмету показывалъ: „предъ нѣсколькимъ временемъ, въ бытность его у графа Остермана, онъ, Остерманъ, ему прочиталъ шведскій тайный манифестъ, про который ему, Левенвольду, прежде генералиссимусъ сказывалъ. И разсуждалъ онъ, Остерманъ, при томъ, что-де въ томъ манифестѣ весьма противно о чужестранныхъ написано, и что-де сіе не до однихъ чужестранныхъ касается, но и до принцессы Анны и фамиліи ихъ, а потому-де нечего иного нынѣ дѣлать, какъ только лучшую военную предосторожность взять и что надобно-де опредѣлить, что ежели такіе манифесты гдѣ явятся, тобъ чтобъ ихъ въ народѣ не разглашать, но собирать бы въ кабинетѣ и чтобъ онъ о томъ принцессѣ Аннѣ донесъ. Онъ, Левольдъ, на то ему сказалъ, что то подлинно такъ. Послѣ того спрашивала его принцесса Анна: „слышалъ ли онъ, Левольдъ, про оный манифестъ?“ На что онъ сказалъ, что слышалъ, и что оный о чужестранныхъ и о министерствѣ и о незаконномъ наслѣдствѣ очень остро написанъ, и что оный касается до самихъ ихъ; сказывая при томъ, что о собраніи манифестовъ, какъ гр. Остерманъ, опредѣленіе учинить. На что она отвѣтствовала: „то-де правда очень остро писанъ“, а больше того о семъ дѣлѣ она, принцесса, съ нимъ, Левольдомъ, не разсуждала. А Остерманъ ему, Левольду, о томъ же манифестѣ сказалъ, что намѣренъ онъ писать къ шведскому генералу Левенгаупту именемъ командующаго надъ россійскимъ войскомъ генерала и въ томъ письмѣ ему объявить, что вышеписанный манифестъ въ Финляндіи отъ нѣкоторой шведской партіи въ деревнѣ оставленъ подписанный его, Левенгопта, именемъ, и для того признавается онъ, Левенгоптъ, что такой манифестъ подъ его именемъ подложно выданъ, понеже-де такіе манифесты между христіанскими и политическими народами не въ употребленіи. Да при томъ сказалъ онъ, Остерманъ, что

когда-де оное письмо имъ, Остерманомъ, написано будетъ, тогда-де пришлетъ со онаго копію къ нему, Левольду, во дворецъ, дабы оный подалъ принцессѣ Аннѣ; которая-де копія тайнымъ совѣтникомъ Бреверномъ ему потомъ и отдана, и оную принявъ отъ него, отдалъ принцессѣ. И принцесса сказала, что то хорошо, и оную копію она, принцесса, оставила у себя. А подлинное письмо шведскому генералу послано или нѣтъ, того онъ не знаетъ, и Остерману о томъ письмѣ отъ принцессы уже никакихъ приказовъ не было"...

21 ноября.

Не столько опасаются шведовъ, сколько непріятеля, который здѣсь за плечами. Привели въ Петербургъ двадцать ротъ ландъ-милиціи, хотя она должна служить на линіи въ Украйнѣ, которая вручена ея охраненію.

24 ноября.

...Какъ скоро убѣждены въ Швеціи, что принцесса Елизавета не можетъ безъ опасности для себя подписать требованія (la réquisition), и какъ по полученнымъ мною свѣдѣніямъ намѣреніе дѣйствовать согласно ея видамъ тѣмъ не менѣе существуетъ, то очень важно принять послѣднія мѣры и согласиться окончательно. Уже изъ того только, что партія принцессы Елизаветы не существуетъ ли, какъ призракъ, лишь въ воображеніи (а въ этомъ я буду въ состояніи убѣдиться, побуждая ее принятымъ мною способомъ), вы поймете, что ей будетъ трудно сдѣлать взрывъ навѣрное, не имѣя поддержки. Она потребуетъ слишкомъ и выкажетъ

вполнѣ свою несостоятельность, когда для того, чтобы рѣшиться дѣйствовать, пожелаетъ присутствія шведовъ въ Петербургѣ. Но надобно, чтобы всѣ дѣла шли ровно, а между тѣмъ мнѣ, по всей вѣроятности, могутъ возразить, что шведы до сихъ поръ ничего не сдѣлали, и въ такомъ случаѣ я не буду въ состояніи достаточно положиться на этихъ людей (русскихъ приверженцевъ Елизаветы), не лишивъ ихъ въ то же время убѣжденія въ возможности произвести возстаніе, успѣхъ котораго не можетъ быть никогда морально обезпеченъ, особенно если шведы никоимъ образомъ не въ состояніи подать имъ руки помощи. Здѣсь труднѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, подбить на невѣрное предпріятіе; власть здѣсь слишкомъ безгранична, и естественно, что человѣкъ, самый не устрашимый, если не труситъ за себя, то поколеблется и будетъ остороженъ, когда вспомнитъ, что отъ сомнительной приверженности зависитъ пожертвованіе своею жизнью, имуществомъ и всѣмъ семействомъ до четвертаго колѣна, если бы таковое было. Предполагая впрочемъ, что мнѣ будутъ сдѣланы такія возраженія, я могу впасть въ другую несообразность, еще болѣе непріятную. Я всегда хлопоталъ подъ вліяніемъ моего усердія и, слѣдовательно, согласно вашимъ предписаніямъ, о томъ, чтобы заставить почувствовать принцессу Елизавету, что она будетъ обязана короною только одному королю и пущеннымъ имъ въ ходъ средствамъ, а ея партія будетъ одолжена его величеству счастіемъ, которое вкуситъ подъ державою этой принцессы. На этихъ также средствахъ главнѣйше основываетъ Елизавета свои надежды, и это есть причина, укрѣпляющая, какъ справедливое возмездіе, признательность, которую она желаетъ своимъ образомъ дѣйствій выражать королю въ продолженіе всей жизни. Чтобы укрѣпить такое расположеніе и извлечь изъ него пользу, необходимо стало-быть, чтобы Елиза-

*

вета всегда надѣялась получить вѣрную помощь и была далека отъ подозрѣнія, что шведы отъ нея собственно ожидаютъ для себя большаго облегченія въ своемъ предпріятіи (она питала къ нимъ такое подозрѣніе, думая видѣть Швецію склонившеюся на сторону нынѣшняго правительства и сдѣлаться чрезъ то самой жертвою). Отсюда метода, которой я слѣдовалъ, кажется мнѣ тѣмъ болѣе лучшею, какъ только вы одобряете ее, что если партія принцессы будетъ считать возможнымъ произвести переворотъ собственными своими средствами, то будетъ труднѣе вести дѣла къ концу, который такъ существенно интересуетъ Швецію. Г. Мондамеръ, повторяя мнѣ, что за непринятіемъ предварительныхъ мѣръ, не будетъ возможно, чтобы герцогъ голштинскій явился въ нынѣшнимъ году и въ Швеціи, и при арміи ея, прибавилъ, что считаетъ удобнымъ внушать глухо русскимъ солдатамъ, что этотъ принцъ въ Финляндіи, такъ какъ ихъ легковѣріе можетъ произвести благопріятныя послѣдствія. Принцесса, которой я сообщалъ о томъ, выказала себя также уступчивою (resigné), какъ и въ первый разъ, когда я говорилъ ей о томъ. Она не опровергала нисколько приводимыхъ Швеціею уваженій и поручила мнѣ передать Гилленборгу, что полагается на него касательно приведенія въ исполненіе видовъ ея на своего племянника въ пользу общаго дѣла, какъ только это будетъ удобоисполнимо; что она уже сама предупредила желаніе о внушеніи русскимъ солдатамъ, и будетъ продолжать это дѣлать, но было бы важнѣе, когда бы чрезъ шведскую армію тайно распространилась та же самая молва.

Васъ бы обманули, милостивѣйшій государь, когда бы стали увѣрять, что войска, употребленныя нынѣ въ дѣло, не имѣютъ ни въ чемъ недостатка и что они не выказываютъ страха предъ непріятелемъ. Смѣю увѣрить и беру въ свидѣтели тому всю русскую армію,

если бы она была въ одномъ мѣстѣ и могла высказаться, не стѣсняясь (sans contrainte), что войска лишены самого необходимаго; есть только незначительные запасы муки и крупъ въ магазинахъ Выборга и солдаты, для поддержанія своего существованія, вынуждены просить милостыню.

Правда, что всему этому здѣсь не придаютъ значенія, такъ какъ ни во что ставятъ потерю людей — ими снабжаетъ страна и никому не приходитъ въ голову, что она менѣе населена, чѣмъ другія. Опасеніе, которое скрываютъ, тѣмъ не менѣе существуетъ, и даже генералы, для которыхъ болѣе, чѣмъ для кого либо, полезно скрывать это, ожидаютъ быть разбитыми въ будущую кампанію, если шведы въ состояніи двинуться съ значительными силами. По этой же самой причинѣ вывожу заключеніе изъ бывшихъ съ генераломъ Кейтомъ, который снова уѣхалъ, совѣщаній, что постараются нынѣшнею зимою сдѣлать какое нибудь незначительное само по себѣ покушеніе, съ тѣмъ, что если его совершатъ удачно, то много сдѣлаютъ шума, чтобы возбудить мужество и внушить довѣріе. Твердость гр. Остермана не простирается далѣе. Онъ видитъ слишкомъ близкою опасность, чтобы скрыть ее отъ себя, и его ловкость ограничивается попеченіемъ отнять знаніе о ней у другихъ. Впрочемъ неудачность мѣръ, принимаемыхъ имъ для достиженія этого, не ослабляетъ уваженія, которое внушаютъ мнѣ его мудрость и благоразуміе. Моя обязанность повелѣваетъ мнѣ только быть осторожнымъ, потому что политика этого министра главнѣйше вращается на двухъ началахъ: одно внушать почтеніе при помощи многочисленныхъ эмиссаровъ, разсѣянныхъ внутри и внѣ и которыхъ рѣчи и поступки должны быть обыкновенно подозрительны; другое состоитъ въ томъ, что кто выиграетъ хотя незначительное время, тотъ уже выигры-

ваетъ болѣе половины того дѣла, которое слѣдуетъ покончить.

Кажется, король Августъ, слишкомъ привыкнувъ терпѣть иго русскихъ, не достигъ еще до того, чтобы избавиться отъ него, или гр. Остерманъ, справедливо огорченный унизительною ролью, которую играетъ нынѣ Россія, и видя ее совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ европейскихъ дѣлъ, разсчитываетъ на приверженность дрезденскаго двора, чтобы побудить его осуществить съ успѣхомъ нѣкоторыя внушенія. Вы лучше поймете это изъ одного случая, который я вамъ сейчасъ сообщу. Секретарь дрезденскаго посольства пріѣзжалъ ко мнѣ для сообщенія печатныхъ экземпляровъ патента и причинъ, объявленныхъ его государемъ во всеобщую извѣстность *). При этомъ случаѣ онъ мнѣ передалъ, что маршалъ Бель-Иль (de Belle-Isle), уѣзжая изъ Франкфурта, сказалъ, что отправляется прямо въ Дрезденъ, и что гр. Подевилсъ будетъ къ его прибытію тамъ, чтобы условиться предварительно и съ большею точностью о военныхъ дѣйствіяхъ. Я узналъ еще отъ секретаря, что испанскій король, бывъ приглашенъ къ трактату, согласился на то, и что на баварскаго курфюрста возложено сдѣлать такое же приглашеніе королю англійскому. Онъ прибавилъ къ тому, что король польскій, курфюрстъ саксонскій намѣренъ предложить, чтобы Россія была также приглашена для всеобщаго умиротворенія. Но, по какому же поводу, спросилъ я его тотчасъ, удивленный подобною новостью, Россія могла бы быть

*) Въ этомъ патентѣ король польскій, курфюрстъ саксонскій, 28 октября 1741 г., объявляетъ, что онъ — для поддержанія правъ наслѣдства своей супруги по договору 1703 г. (жена Августа III была старшая дочь римскаго императора Іосифа I, предшественника Карла VI), и для удовлетворенія за отказъ основательнымъ его требованіямъ, — вводитъ войска въ австрійскія владѣнія. Обѣщаетъ обходиться при томъ съ жителями кротко и проч.

приглашена къ тому? Король католическій имѣетъ притязаніе на наслѣдіе Австріи; король англійскій есть курфюрстъ св. имперіи, а у русскаго двора нѣтъ никакой причины мѣшаться въ дѣла Германіи, хотя онъ очень расположенъ увѣрить себя въ этомъ и безъ доставленія новаго къ тому предлога. По моему мнѣнію, лучше оставить Россію въ ея захолустьѣ (dans son cul de sac) раздѣлываться, какъ угодно съ своими сосѣдями.“ „Польскій король, у котораго всегда чистосердечныя и прямыя намѣренія, возразилъ саксонскій секретарь, хотѣлъ только выказать себя вѣрнымъ союзникомъ Россіи и доказать ей это, такъ какъ рѣшеніе будетъ зависѣть отъ другихъ. Мой государь ограничивается въ этомъ случаѣ однимъ заявленіемъ своего желанія.“ Чтобы менѣе стѣснять его, я выразилъ увѣренность, что охотно согласились бы на такое предложеніе, какъ только это можетъ быть пріятно польскому королю, если бы слишкомъ могущественныя преграды не препятствовали тому. „И вы бы, продолжалъ я, сообщили обо всемъ этомъ гр. Остерману, такъ какъ сдѣлавъ это, поступите, какъ ловкій министръ, потому что какова бы ни была развязка, русскій дворъ вамъ будетъ чрезвычайно признателенъ за такое вниманіе.“ На это онъ увѣрялъ меня, что еще ничего не говорилъ и не будетъ говорить русскому министру, такъ какъ пока не рѣшено ничего положительнаго, и ему сдѣлано только предварительное сообщеніе. Однако онъ меня обманывалъ: я не замедлилъ узнать, что наканунѣ все было уже сообщено гр. Остерману.

25 ноября. Де-ла-Шетарди къ Мондамеру.

...Я потомъ вручилъ принцессѣ Елизаветѣ сообщенные вами русскіе экземпляры манифеста. Удовольствіе

ея еще болѣе увеличилось впечатлѣніемъ, произведеннымъ повидимому этимъ обстоятельствомъ на тѣхъ, которымъ она сообщала о томъ. Лицо, къ которому принцесса питаетъ совершенную довѣренность, было вчера, согласно моему желанію, у меня. Я хотѣлъ говорить съ нимъ, чтобы опредѣлительно узнать о положеніи партіи принцессы Елизаветы. Предположенія, о которыхъ мы толковали, хотя и требовали по свойству своему предосторожностей, на счетъ которыхъ мы уговорились нѣсколько времени тому назадъ, на случай если бы они дѣйствительно могли осуществиться, не казались однако мнѣ достаточно основательными. Я выразилъ мои сомнѣнія на счетъ существеннаго. Чтобы разсѣять ихъ, онъ повторялъ то же, что принцесса Елизавета говорила много разъ; причемъ описалъ живыми красками нетерпѣніе гвардейцевъ приступить къ дѣлу, и способы ихъ всячески безпокоить принцессу Елизавету въ видахъ выпросить отъ нея разрѣшеніе. Послѣднее заставило меня предвидѣть, что она можетъ быть будетъ въ необходимости уступить потоку. Въ такой крайности я могъ только имѣть въ виду славу принцессы Елизаветы и то, что требовала слава короля и Швеціи, его союзницы. Я тотчасъ же велѣлъ передать принцессѣ, что это обстоятельство (т. е. что она наконецъ должна уступить потоку), столь интересное для нея въ началѣ царствованія и столь согласующееся съ довѣренностью, которую она сохраняла къ своимъ истиннымъ друзьямъ, заставляетъ меня признать необходимымъ для нея, чтобы она условилась съ ними и согласилась о днѣ, когда послѣдующее со всѣхъ сторонъ осуществленіе вполнѣ подтвердитъ то, что было распространяемо гласно или узнано тайно черезъ меня.

Довѣренный человѣкъ, какъ только остановились мы съ нимъ на этомъ убѣжденіи, отправился отдать отчетъ принцессѣ и не замедлилъ возвратиться для сообщенія,

что принцесса Елизавета вполнѣ одобряетъ мою мысль; что она благодаритъ меня за то, что я вспомнилъ о предметѣ, который внушили бы ей собственныя чувства, когда не была бы она такъ занята, и что предоставляетъ мнѣ распорядиться минутою, которую я сочту за удобную для приведенія въ исполненіе; до тѣхъ же поръ она ничего не пощадитъ, чтобы удерживать свою партію, укрощать въ ней сильное рвеніе и только въ случаѣ крайней опасности привести въ отчаяніе тѣхъ, которые выказываютъ столько усердія, она рѣшится на осуществленіе до назначеннаго мною срока. Вслѣдствіе того мы согласились, что я завтра отправлю курьера, и такъ какъ значительный объѣздъ, который придется ему сдѣлать, потребуетъ много времени для того, чтобы повелѣнія его величества шведскаго достигли до гр. Левенгаупта, то отложили ударъ (le coup) до ночи съ понедѣльника на вторникъ 11 — 12 января...

Однако приказъ, отданный вчера вечеромъ всѣмъ гвардейскимъ полкамъ къ немедленному выступленію, а также слухъ, что гр. Левенгауптъ уже въ походѣ, привлекли такое огромное количество гренадеръ къ принцессѣ; они преслѣдовали ее такими сильными настояніями и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ грозили совершеннымъ упадкомъ духа въ случаѣ, если бы она теперь отказалась, что принцесса справедливо опасалась потерять въ одно мгновеніе плоды рѣшимости, которая не возбуждала никакого сомнѣнія. Въ $2^1/_2$ часа главное было совершено, а въ 10 часовъ утра все утверждено присягою, которую приняли со всеобщею радостью войска, генералитетъ и гражданскіе чиновники — принцесса Елизавета признана императрицею всея Россіи. Изъ копіи съ письма, которое она просила меня немедленно написать и послать съ нарочнымъ къ гр. Левенгаупту, усмотрите прочія подробности. Безъ сомнѣнія вы узнаете изъ доклада гр. Левенгаупта королю, или гр.

Гилленборгу, что царица, не ожидая отправки моего курьера, послала въ 4 часа утра другаго къ генералу Кейту съ повелѣніемъ не дѣлать нападенія на шведовъ, сообщить ихъ начальнику о происшедшемъ и объявить ему въ то же время, что царица надѣется, что онъ съ своей стороны будетъ спокойно ожидать послѣдующихъ повелѣній отъ своего двора.

Копія съ письма маркиза де-ла-Шетарди къ гр. Левенгаупту. Петербургъ, 25 ноября, 10 часовъ утра.

Сообразуясь съ желаніями, нѣсколько разъ выраженными принцессою Елизаветою, которую уже могу считать русскою государынею, я спѣшу отправить къ вамъ этого курьера. Усердіе гвардейцевъ служить ей явилось совершенно кстати, чтобы дать принцессѣ возможность предъявить свои права, которыя имѣла на корону, и она тѣмъ болѣе положилась на вѣрность ихъ, что посредствомъ сообщенныхъ ей манифестовъ, которые ваше сіятельство приказали распространить, дала имъ знать о расположеніи Швеціи. Событія подтвердили ея ожиданія. Нынѣшнею ночью она, въ главѣ гренадеровъ, отправилась прямо ко дворцу, гдѣ задержала царя, а равно правительницу и генералиссимуса; между тѣмъ отряды гвардейцевъ также поступили съ чужеземцами, которые были въ службѣ при этомъ дворѣ и столько лѣтъ подавали Швеціи такъ много справедливыхъ поводовъ къ жалобамъ. Но при совершеніи съ неустрашимостью предпринятаго Елизаветою, до ея свѣдѣнія довели, что ваше сіятельство выступили въ походъ для нападенія на русскихъ. Принцесса Елизавета желала, чтобы я, не теряя ни минуты, извѣстилъ васъ, милостивѣйшій государь, о перемѣнѣ, которая, по ея мнѣнію, должна

произойти въ мѣрахъ, вами предположенныхъ для осуществленія. Она желаетъ этого по чувствамъ, въ которыхъ, чтобы увѣрить Швецію, не ожидала нынѣшней минуты, и изъ сожалѣнія, если бы при началѣ ея царствованія была пролита кровь русскихъ и шведовъ. Ваше сіятельство, поручивъ отправленному мною нарочному депеши въ Стокгольмъ, если признаете то удобнымъ, крайне обяжете меня, когда отдадите приказаніе, чтобы онъ могъ туда отправиться безо всякаго замедленія.

P. S. Дѣло окончено совершенно вполнѣ. Всѣ государственные чины признали принцессу Елизавету государынею всея Россіи съ радостью, которую трудно описать — ее можно только сравнить съ восторгомъ гвардейскихъ полковъ, при объявленіи чрезъ наслѣднаго принца гессенъ-гомбургскаго, что принцесса принимаетъ русскую корону.

Реляція о переворотѣ, происшедшемъ въ Россіи 6 декабря 1741 года.

(Рукопись эта была прислана въ полицію для напечатанія въ Парижѣ).

Хотя и невозможно еще передать вѣрно всѣ обстоятельства, сопровождавшія важное событіе, которое произошло въ Петербургѣ 6 декабря (по н. с.), однако вотъ подробности, на счетъ которыхъ въ общихъ чертахъ всѣ извѣстія довольно согласны:

Съ одной стороны нѣжный возрастъ послѣдняго государя, зависть между министрами и особенно между Остерманомъ и Головкинымъ, недостатокъ согласія между герцогинею-правительницею, и герцогомъ, ея супругомъ, возбуждали всеобщее недовольство; съ дру-

гой стороны, принцесса Елизавета привлекала сердца всѣхъ русскихъ, сколько происхожденіемъ, столько и другими высокими достоинствами своими.

Эта принцесса, казалось, не имѣла большой партіи при дворѣ: ни одно значительное лицо не смѣло посѣщать ее, и изъ всѣхъ своихъ приближенныхъ она довѣрила тайну только своему камеръ-юнкеру Воронцову, хирургу Лестоку и одному нѣмцу по имени Шварцу, который въ прежнее время служилъ музыкантомъ, пользовался небольшимъ пенсіономъ отъ императорской академіи наукъ и при томъ имѣлъ свободный доступъ ко двору принцессы, которая отъ времени до времени выдавала ему значительныя пособія. Эти три лица и особенно двое послѣднихъ, при помощи значительныхъ денегъ, давно пріобрѣли множество повѣренныхъ лицъ, какъ при дворѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и особенно большое число гвардейскихъ гренадеровъ, на вѣрность которыхъ можно было положиться. Исполненіе предпріятія назначалось на слѣдующей недѣлѣ; но не смотря на всѣ предосторожности, дворъ и министры, начали что-то подозрѣвать, и правительница, 5 декабря (по н. с.), въ частномъ разговорѣ съ принцессою въ собраніи во дворцѣ, сказала что ее предупреждаютъ въ письмѣ изъ Бреславля быть осторожною съ принцессою Елизаветою и особенно совѣтуютъ немедленно арестовать хирурга Лестока; что она по истинѣ не вѣритъ этому письму, но надѣется, что если бы означенный Лестокъ признанъ былъ виновнымъ, то конечно принцесса не найдетъ дурнымъ, когда его задержутъ. Принцесса Елизавета отвѣчала на это довольно спокойно увѣреніями въ вѣрности и возвратилась къ игрѣ. Однако сильное волненіе, замѣченное на лицахъ этихъ двухъ особъ, подали случай къ подозрѣнію, что разговоръ долженъ былъ касаться важныхъ предметовъ.

Въ тотъ же вечеръ. 5 декабря, четыре тысячи гвардейцевъ получили вдругъ приказаніе выступить къ Выборгу въ 24 часа, и въ городѣ говорили, что этотъ походъ былъ рѣшенъ послѣ прибытія курьера, привезшаго извѣстіе, что генералъ Левенгауптъ идетъ со всѣмъ своимъ войскомъ къ Выборгу. Но какъ партія Елизаветы считала этотъ слухъ распространеннымъ съ намѣреніемъ, чтобы имѣть случай удалить гвардейцевъ, которыхъ приверженность къ принцессѣ была извѣстна, то сторонники ея сколько своими настояніями, столько же и вслѣдствіе извѣстія, что дворъ намѣренъ арестовать самую принцессу, убѣдили ее рѣшиться исполнить свое намѣреніе въ ту же ночь съ 5 на 6 число.

Тогда она сначала помолилась Богу въ присутствіи трехъ вышеназванныхъ лицъ и надѣла кирасу на свое обыкновенное платье. Между тѣмъ ея повѣренные убѣдили десятка два изъ подкупленныхъ гренадеровъ ходить вокругъ казармъ преображенскаго полка подъ предлогомъ своихъ собственныхъ дѣлъ. Немного спустя, принцесса, въ сопровожденіи трехъ своихъ приверженцевъ и 7 гренадеръ, въ часъ по полуночи сѣла въ сани и прямо отправилась въ названныя казармы. Тотчасъ же по прибытіи туда, она явилась къ солдатамъ съ тростью въ рукѣ (un esponton à la main), сказала имъ въ нѣсколькихъ словахъ, что они видятъ въ ней законную императрицу, и что тѣ, которые ее любятъ, должны тотчасъ же слѣдовать за ней. При этой рѣчи вдругъ явилось 200 гренадеръ*). Они всѣ поклялись защи-

*) Фельдмаршалъ Миних въ Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement russe, Copeng. 1774, p. 157: «Елизавета сама отправилась въ казармы преображенскаго полка въ ночь съ 24 на 25 ноября и, собравъ около себя толпу, сказала: «ребята вы знаете, чья я дочь, подите со мною (въ подлинникѣ это по русски)?» Дѣло было подготовлено заранѣе, и солдаты и офицеры, предувѣдомленные впередъ, отвѣчали: «матушка, мы готовы, мы ихъ всѣхъ убьемъ!» Принцесса возразила очень великодушно: «если вы будете такъ поступать, то я не пойду съ вами»...

щать ее до послѣдней капли крови. Приняли предосторожность запастись десятками двумя осѣдланныхъ лошадей для объявленія о такомъ счастливомъ окончаніи въ казармахъ другихъ гвардейцевъ и по отдѣльнымъ отрядамъ, что и произвело, что менѣе чѣмъ въ часъ, всѣ полки собрались предъ дворцомъ принцессы.

Между тѣмъ она отправилась во дворецъ (au chateau) и объявила караулу о своемъ намѣреніи. Солдаты приняли предложеніе съ радостью, но четыре офицера отвѣчали въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, почему и были заперты въ комнатѣ, а принцесса, проходя въ покои герцогини-правительницы, не встрѣтила никакого затрудненія отъ прочихъ караульныхъ, кромѣ одного унтеръ-офицера, который было-сопротивлялся, но его тотчасъ же арестовали. Найдя еще герцогиню въ постели и дѣвицу Менгденъ, лежавшую около нея, она объявила первой объ ея арестѣ *). Герцогиня тотчасъ же повиновалась ея приказаніямъ, умоляя только не дѣлать насилія ни ей съ семействомъ, ни дѣвицѣ Менгденъ, которую бы она очень желала сохранить при себѣ. Новая императрица обѣщала ей это и, для большей безопасности, приказала присягнуть и цѣловать крестъ гренадерамъ, которые за ней слѣдовали, что они будутъ повиноваться ея приказаніямъ и не станутъ проливать крови. Послѣ этого, она посадила герцогиню въ свои сани и отвезла ее во дворецъ, который занимала до того времени. За этими санями слѣдовали двое другихъ съ семействомъ герцогини, именно: младенецъ императоръ и новорожденная принцесса. Разсказываютъ, что императрица, по возвращеніи во дворецъ, взяла къ себѣ на

*) Фельдмаршалъ Минихъ говоритъ, что Елизавета вошла въ покой правительницы Анны и, найдя ее въ постелѣ, сказала: «сестрица, пора вставать!» По разсказу, слышанному Шаппомъ отъ Лестока, правительница, проснувшись, спросила Елизавету: «какъ это вы, сударыня?» (Voyage en Siberie, par Chappe, I. p. 185).

руки малютку принца и сказала, осыпая его поцѣлуями: „бѣдное дитя, ты вовсе невинно, твои родители виноваты!“

Въ то же время арестовали герцога генералиссимуса войскъ, который былъ отвезенъ въ тотъ же дворецъ съ дѣвицею Менгденъ. и разставили тамъ повсюду часовыхъ. Непосредственно затѣмъ императрица велѣла позвать принца гессенъ-гомбургскаго и приказала сохранять повсюду порядокъ съ гвардейцами, что было тѣмъ легче этому принцу, что его любитъ каждый солдатъ, какъ отца роднаго.

Еще приказано было арестовать и перевезти въ прежній дворецъ императрицы гр. Остермана и фельдмаршала Миниха, съ которыми солдаты обошлись жестоко: съ первымъ за то, что онъ оборонялся противъ нихъ, а со вторымъ—изъ давнишней ненависти, которую питала къ нему армія. Президентъ баронъ Менгденъ съ женою были ужасно оскорбляемы по случаю сопротивленія ихъ гренадерамъ. Ихъ отвезли въ тотъ же дворецъ.

Кромѣ этихъ, были арестованы въ своихъ домахъ слѣдующія лица: принцъ Людовикъ брауншвейгскій, вице-канцлеръ гр. Головкинъ съ женою, графиня Остерманъ съ своими дѣтьми и тремя братьями Стрешневыми. изъ которыхъ первый тайный совѣтникъ и сенаторъ, генералъ-маіоръ гвардіи (?), камергеръ Лопухинъ съ своимъ семействомъ, графиня Ягужинская, сестра вице-канцлера Головкина, генералъ-маіоръ Альбрехтъ и можетъ быть еще нѣсколько, которыхъ имена неизвѣстны.

Все это происходило безъ шума и въ такомъ порядкѣ, что въ 8 часовъ утра немногіе изъ обитателей города знали о чрезвычайной перемѣнѣ, происшедшей въ минувшую ночь.

Императрица сама дала знать о случившемся знатнѣйшимъ семействамъ въ городѣ, и въ короткое вре-

мя дворецъ наполнился толпою знатныхъ лицъ обоего пола. которые представлялись новой государынѣ.

Сначала она созвала совѣтъ, въ который допустила великаго канцлера князя Черкасскаго, тайнаго совѣтника кабинета Бреверна, фельдмаршала Трубецкаго и его зятя принца гессенъ-гомбургскаго, адмирала Головина, генералъ-прокурора сената кн. Трубецкаго, тайнаго совѣтника Бестужева, недавно возвращеннаго изъ своихъ помѣстій, и оберъ-шталмейстера кн. Куракина. Тамъ составлена новая форма присяги, ее подписала императрица и отправила съ курьерами во всѣ области государства.

Въ 4 часа по полудни, императрица заняла дворецъ при пушечной пальбѣ и восклицаніяхъ безчисленнаго народа. Служили тамъ благодарственный молебенъ и велѣли привести къ присягѣ гвардейцевъ, которые и приходили ко дворцу по ротно. На другой день императрица объявила себя полковникомъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ и капитаномъ роты ста гренадеръ, сопровождавшихъ ее въ началѣ предпріятія — они первые имѣли честь, прежде всѣхъ прочихъ офицеровъ, присягнуть ей. Прочимъ войскамъ, собраннымъ въ городѣ, императрица велѣла выдать по рублю на человѣка и въ изобиліи водки и вина. Герцогиня правительница и ея семейство хотя и подъ строгимъ надзоромъ, однако съ нею обходятся съ уваженіемъ, должнымъ ея званію, и говорятъ, что она будетъ отправлена въ Германію. Тайный совѣтникъ гр. Минихъ, братъ фельдмаршала, получилъ дозволеніе явиться ко двору и вовсе не раздѣлилъ немилости своего брата. Также братъ дѣвицы Менгденъ, поручикъ гвардіи, былъ освобожденъ съ приказаніемъ исполнять по прежнему свою должность, а его старшая сестра назначена статсъ-дамою императрицы, также какъ и Лонухина, дочь (?) арестованнаго камеръюнкера. Принцъ гессенъ-гомбургскій и его жена, ко-

торую новая императрица тотчасъ же наградила орденомъ св. Екатерины, бывшіе въ немилости у предъидущаго правительства, и въ особенности уцѣлѣвшіе изъ семействъ Голицыныхъ и Долгорукихъ снова вызваны, и вчера старый фельдмаршалъ Долгорукій, который съ давнихъ поръ содержался въ крѣпости Иванъ-города (въ Нарвѣ), явился въ первый разъ во дворцѣ.

Радость, выказавшаяся при этомъ случаѣ въ публикѣ, чрезвычайна, и можно удивляться, что все произошло безъ всякаго безпорядка. На другой день этого великаго событія, императрица приказала читать шведскій манифестъ, публикованный по случаю настоящей войны, и объявила, что такъ какъ намѣреніе шведовъ было освободить русскихъ отъ гнета чужеземцевъ и возстановить законное правительство, а нынѣ намѣреніе это осуществилось, то она съ своей стороны готова заключить миръ съ Швеціею. Она тотчасъ же послала повелѣніе генералу Кейту стоять смирно съ арміею и не нападать на шведовъ. Въ то же время она просила маркиза де-ла-Шетарди послать, какъ можно скорѣе, курьера въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ о случившейся перемѣнѣ и увѣрить, что она твердо рѣшилась свято соблюдать ништадтскій договоръ и, на основаніи его, заключить миръ съ Швеціею. Ея величество то же самое объявила шведскому подполковнику Дидерону, который здѣсь военноплѣннымъ и проводилъ время съ генераломъ Врангелемъ (также шведскимъ плѣннымъ). Возвративъ первому шпагу, она предлагала ему обратить вниманіе на все, что происходило здѣсь, для сообщенія шведскому генералу Левенгаупту и побужденія его прекратить непріязненныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока время дозволитъ подробно писать къ ихъ величествамъ шведскимъ. Этотъ офицеръ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ въ шведскій лагерь, и здѣсь никто не сомнѣвается болѣе о мирѣ.

Носится слухъ, что императрица приказала пригласить въ Петербургъ молодаго герцога голштинскаго съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ званіе генералиссимуса; но эта новость основана лишь на невѣрныхъ догадкахъ.

Императрица приказала объявить о происшедшей перемѣнѣ всѣмъ иностраннымъ министрамъ, а также секретарю польскаго посольства, которому велѣла сказать, что она надѣется, что король приметъ въ томъ участіе, а она будетъ съ удовольствіемъ продолжать дружбу, такъ счастливо существовавшую между двумя дворами, и надѣяться встрѣтить то же и со стороны его величества польскаго. Петербургъ 9 декабря 1741 г.

Извлеченіе изъ письма де-ла-Шетарди, 17 декабря 1741 г.

Вслѣдствіе слуховъ о походѣ шведовъ, 5 декабря въ первомъ часу по полудни, отдали приказъ по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть готовыми къ выступленію въ Финляндію. Семь гренадеръ перваго изъ этихъ полковъ, называемаго преображенскимъ, пришли въ тотъ же день, между 11 и 12 часами ночи, къ принцессѣ Елизаветѣ и представили ей, что они наканунѣ удаленія и не въ состояніи болѣе служить ей, такъ что она совершенно остается въ рукахъ своихъ непріятелей, слѣдовательно не нужно терять ни минуты, почему они и пришли, чтобы вести ее, если она сама не сдастся на ихъ предложенія (qu'il n'y avait donc pas un moment à perdre et qu'ils allaient l'amener, si elle ne se rendait pas elle-même à leurs représentations). Принцесса спросила, можетъ ли она положиться на нихъ? Ихъ готовность высказалась вполнѣ въ данныхъ ими увѣреніяхъ, и принцесса не коле-

балась болѣе. Она сѣла въ сани своего камергера, который сопровождалъ ее съ двумя офицерами изъ ея дворца. Только съ этими тремя лицами, она поѣхала въ казармы преображенскаго полка прямо въ помѣщеніе гренадеровъ, изъ которыхъ многіе ожидали ее. Собравши ихъ значительное число въ одну большую комнату, она сказала: „вы знаете, кто я, хотите ли за мною слѣдовать?“ Всѣ отвѣчали, что она можетъ имъ приказывать, а они готовы исполнить свою обязанность, какъ храбрые солдаты. „Я не хочу, чтобы вы такимъ образомъ служили: вы мои дѣти, все состоитъ въ томъ, чтобы знать, готовы ли вы умереть со мною, если надобно?“ Они всѣ поспѣшно дали клятву. Тогда первая забота ея была приказать разломать сложенные въ той же комнатѣ барабаны, чтобы нельзя было ничѣмъ произвести тревоги. Узнавъ, что это было исполнено, она взяла крестъ, встала на колѣни, и ея примѣру послѣдовали всѣ. „Я, сказала принцесса, клянусь этимъ крестомъ умереть за васъ, клянетесь ли вы сдѣлать то же самое за меня?“ Клятва была единодушная. „Такъ пойдемте же, и будемъ только думать сдѣлать, во что бы то ни стало, счастливымъ наше отечество!...“ Гренадеры, не довольствуясь, что послѣдовали за ней, дали еще другъ другу обѣщаніе сохранять глубокое молчаніе и приколоть штыками перваго, отступившаго хотя бы на одинъ шагъ. По мѣрѣ того какъ проходили мимо казарменныхъ помѣщеній, они стучали въ двери и вызывали тѣхъ, которые тамъ жили. Этимъ способомъ собрана была очень быстро цѣлая рота гренадеръ въ 300 человѣкъ. У каждаго было съ собою по шести зарядовъ и по три гранаты. Въ то же время отправили отрядъ къ фельдмаршалу Миниху, какъ жившему дальше прочихъ, извѣстить унтеръ-офицера его караула, которымъ онъ начальствовалъ — тотъ былъ предупрежденъ заранѣе — захватить генерала и привести его съ

подчиненными унтеръ-офицеру гренадерами во дворецъ Елизаветы. Проходя большою улицею Невскимъ проспектомъ, арестовали гр. Головкина и барона Менгдена. Принцесса Елизавета, опять въ саняхъ, окруженныхъ гренадерами, достигла конца проспекта, который прилегаетъ къ адмиралтейству. Отсюда послали 20 гренадеръ объявить домовый арестъ оберъ-гофмаршалу (Левенвольду) и морскому генералъ-коммиссару Лопухину, которыхъ дома были смежны, и караулить ихъ, не спуская съ глазъ. Между тѣмъ 30 другихъ гренадеръ отдѣлены были для арестованія графа Остермана, котораго и перевезли къ принцессѣ Елизаветѣ съ тремя генералами Стрешневыми, его шуринами. Чтобы дѣлать менѣе шума, гренадеры сочли необходимымъ для принцессы Елизаветы встать съ саней въ томъ же мѣстѣ (на концѣ Невскаго проспекта). Едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ нѣкоторые ей сказали: „матушка, такъ нескоро, надо торопиться!“ Но примѣтивъ, что принцесса хотя имѣла твердую поступь, однако не могла за ними поспѣть, они подняли ее и несли такимъ образомъ до двора зимняго дворца. Прежде всего и здѣсь приняли ту же предосторожность относительно барабановъ. Принцесса пошла прямо въ караульню: „Проснитесь, дѣти, сказала она, и слушайте меня: хотите ли слѣдовать за дочерью Петра I? Вы знаете, что корона принадлежитъ мнѣ; меня оскорбляютъ, и это отражается на всемъ бѣдномъ народѣ нашемъ: онъ стонетъ подъ игомъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей!“ Офицеры, которыхъ она спросила потомъ, что они о томъ думаютъ, колебались высказаться ясно. „Арестуйте этихъ людей, я вамъ приказываю, повинуйтесь мнѣ!“ За приказомъ послѣдовало тотчасъ исполненіе, оно бы даже произошло его, когда бы Елизавета не удержала ружья у солдата, хотѣвшаго приколоть штыкомъ одного изъ тѣхъ офицеровъ. Гвар-

дейскіе солдаты выказали неизмѣнную волю (la volonté à toute épreuve), почему принцесса раздѣлила свой отрядъ и. осталась окруженною 10 гренадерами. Она приказала сначала обезпечить всѣ лѣстницы и выходы, остававшіеся не занятыми. Часть гренадеръ, которымъ она предварительно внушала не употреблять, подъ страхомъ примѣрнаго наказанія, никакого насилія и дурнаго обхожденія съ принцами и принцессами, направились тогда къ покоямъ царя, принцессы его сестры, правительницы и принца брауншвейгскаго. Караульные при нихъ тѣмъ менѣе выказали сопротивленія, что они, будучи выбраны во внутренній караулъ изъ гренадеръ же, нисколько не противились, какъ только увидали своихъ товарищей. Нѣсколько гренадеръ, имѣвшихъ повелѣніе арестовать молодаго графа Миниха и привести его, подобно прочимъ, къ принцессѣ Елизаветѣ, исполнивъ это, окончили такимъ образомъ то, что оставалось сдѣлать, и трое саней, которые она приказала взять, были употреблены для отправленія царя, принцессы его сестры, принца брауншвейгскаго, правительницы и ея фаворитки дѣвицы Менгденъ. Принцесса Елизавета, въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, занятомъ половиною ея провожатыхъ, изъ которыхъ остальные замыкали шествіе, слѣдовала въ саняхъ и прибыла въ свой дворецъ.

Всѣ арестованныя лицы были тамъ собраны менѣе, чѣмъ въ полчаса, благодаря принятымъ предосторожностямъ и мѣрамъ. Жены, сестры и родственники этихъ лицъ, арестованныя по своимъ домамъ, были подъ зоркимъ карауломъ, и принцесса Елизавета была тѣмъ болѣе довольна, что ни съ кѣмъ не обошлись дурно, за исключеніемъ гр. Остермана, который за то, что хотѣлъ внушить страхъ и говорилъ слишкомъ съ малымъ почтеніемъ объ этой принцессѣ, испыталъ первыя движенія усердія, на которое могутъ быть способны солдаты.

Чтобы воспользоваться такимъ счастливымъ началомъ, 20 осѣдланныхъ лошадей поспѣшно и вдругъ перенесли гренадеръ въ разныя части города, чтобы тамъ предупредить, возмутить и разшевелить всѣхъ тѣхъ изъ народа и гвардейскихъ полковъ, которые встрѣчались по дорогѣ. Солдаты, бывшіе на караулѣ во дворцѣ, были оттуда посланы взять всѣ знамена и отнести ихъ къ принцессѣ Елисаветѣ. Три довѣренныя лица, сопровождавшія ее, отправились съ своей стороны на многихъ саняхъ съ гренадерами къ знатнѣйшимъ лицамъ изъ духовенства и гражданскихъ чиновъ для побужденія ихъ немедленно ѣхать съ ними къ принцессѣ Елизаветѣ, что всѣ и исполнили безъ малѣйшаго прекословія.

Такъ какъ фельдмаршалъ Ласси былъ одинъ изъ первыхъ предувѣдомленъ и такъ какъ онъ выказалъ чистосердечную преданность, не дававшую повода сомнѣваться въ готовности, съ которою всегда служилъ онъ крови Петра I, то съ прибытіемъ во дворецъ для него открылась дѣятельность: онъ исполнялъ обязанности главнокомандующаго, и вслѣдствіе его приказаній скоро собрались семь полковъ, стоявшихъ здѣсь въ гарнизонѣ. Командующіе гвардейскими полками (случилось такъ, что за отсутствіемъ принца брауншвейгскаго, они находились подъ начальствомъ наслѣднаго принца гессенъ-гомбургскаго, какъ единственнаго подполковника) употребили ту же мѣру. Между тѣмъ какъ эти войска сбирались и окружали дворецъ принцессы Елизаветы, князь Черкасскій, великій канцлеръ и министръ кабинета, Бревернъ, секретарь кабинета, и Бестужевъ, недавно вызванный изъ ссылки, работали надъ редакціею указа и формы присяги и распоряжались объ отправкѣ повелѣній, которыя надобно было разослать по губерніямъ, по соглашенію съ кн. Трубецкимъ, генералъ-прокуроромъ и нѣкоторыми членами сената. Такъ про-

должалось до 8 часовъ утра, и въ этотъ промежутокъ времени мужчины, являвшіеся съ поздравленіями къ принцессѣ Елизаветѣ, были принимаемы съ благосклонностью, окончательно привлекшею къ ней всѣ сердца, и съ спокойствіемъ, являвшимъ совершеннѣйшій героизмъ. Будучи признана тогда государынею всея Россіи, Елизавета возложила на себя орденъ св. Андрея, объявила себя полковникомъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, конной гвардіи, кирасирскаго полка и приняла поздравленіе отъ первыхъ государственныхъ чиновъ. Войска и народъ, къ которымъ она показалась съ балкона, выразили такую радость, что лица, жившія въ Петербургѣ лѣтъ съ тридцать, признаются, что подобной не видали ни при какомъ другомъ случаѣ. Гвардейцы, по рядамъ которыхъ она хотѣла пройтись, не смотря на жестокую стужу, выразили за то свою признательность тысячью радостныхъ восклицаній. Этотъ восторгъ, который былъ всеобщимъ, увеличивался еще отъ надежды на скорое заключеніе мира, надежды, возбужденной чтеніемъ гвардейцамъ манифеста, который недавно былъ распространенъ шведами. Тотчасъ, по возвращеніи въ свои покои, царица начала принимать дамъ. Было около двухъ часовъ, какъ онѣ удалились. Фрейлины царскаго величества, по ея приказанію, служили до той поры принцессѣ брауншвейгской и проводили съ нею время. Такъ какъ онѣ были обязаны слѣдовать за царицей, то принцесса брауншвейгская велѣла напомнить ей, что она обѣщала оставить при ней для утѣшенія дѣвицу Менгденъ, почему и просила не разлучать ее болѣе съ нею. Царица велѣла сказать, что принцесса совершенно вольна въ этомъ и даже можетъ назначить число лицъ, которыхъ пожелаетъ оставить при себѣ для услугъ; при чемъ просила быть увѣренною, что ей не будетъ отказано ни въ чемъ, чтобы могло служить для ея успокоенія. Послѣ того царица

тотчасъ же отправилась въ зимній дворецъ. Войска окаймляли улицы, воздухъ повсюду наполнялся криками вивать; гренадеры, товарищи ея подвига, окружали ея сани съ гордою увѣренностью и съ неописаннымъ восторгомъ. Всѣ окна были наполнены множествомъ народа.

Какъ только царица прибыла во дворецъ, тѣ же гренадеры на перерывъ одинъ предъ другимъ заняли всѣ его входы. Тѣ, которые стояли на караулѣ, никакъ не допускали потомъ смѣнять себя. Послѣ короткаго отдохновенія, царица отправилась въ церковь для присутствованія на молебнѣ. При отъѣздѣ туда, къ ней пристали всѣ преображенскіе гренадеры: „Ты матушка, говорили они, видѣла, съ какимъ усердіемъ мы помогали твоему справедливому дѣлу: за это мы просимъ только одной награды — объяви себя капитаномъ нашей роты, и пускай мы первые присягнемъ тебѣ на вѣчную вѣрность.“ На эту просьбу было тотчасъ же соизволено и вызвало у гренадеръ полное одобреніе (un applaudissement général!).

Царица желала, чтобы капитанъ Дидеронъ, взятый въ плѣнъ при Вильманстрандѣ адъютантъ генерала Врангеля, могъ видѣть все происходившее и разсказать о томъ, какъ очевидный свидѣтель. По этому поводу она позвала его въ 4 часа утра и удержала до 5 вечера, а потомъ объявила ему, что онъ свободенъ и можетъ уѣхать. Чтобы доказать, что онъ болѣе не плѣнный, она сама возвратила ему шпагу и приказала выдать ему 500 червонцевъ на путевыя издержки. Фельдмаршалъ Минихъ, гр. Остерманъ и баронъ Менгденъ, какъ болѣе преступные и виновные, въ 6 часовъ перевезены были въ крѣпость. Предъ тѣмъ лишили ихъ всѣхъ орденовъ, которыми были они награждены.

Отрывокъ изъ донесенія де-ла-Шетарди королю.

Государь! Два обстоятельства, незначительныя сами по себѣ, ускорили минуту переворота, который, возвративъ Россію самой себѣ, и заставивъ ее войти въ свое обыкновенное состояніе, можетъ имѣть послѣдствія огромной важности для службы вашего величества. Дѣйствительно, нѣсколько по менѣе бы живости со стороны правительницы въ разговорѣ ея въ понедѣльникъ съ принцессою Елизаветою, и послѣдняя могла бы еще на нѣкоторое время отдалить послѣдствія своего недовольства. Также не стали бы преображенскіе гренадеры побуждать ее воспользоваться, безъ всякаго отлагательства, благопріятнымъ настроеніемъ ихъ, когда бы не отдали послѣ 12 часовъ пополудни приказа всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть готовыми къ выступленію въ Финляндію.

(Далѣе подробности, какъ въ предъидущей депешѣ.)

Она сѣла въ сани... Камергеръ, котораго она обыкновенно посылала ко мнѣ въ необыкновенныхъ случаяхъ, также повѣренный и посредникъ (entremetteur) [40])... Тѣмъ болѣе предаются надеждѣ на миръ, что здѣсь и знатные, и простые смотрятъ на восшествіе на престолъ Елизаветы, какъ на конецъ тираническаго царствованія нѣмцевъ, какъ на обстоятельство, болѣе всего способное побудить ваше величество къ доставленію мира Россіи [41]).

Примѣчанія.

[40]) Послѣдній конечно есть отставной музыкантъ Шварцъ. Его называетъ де-ла-Шетарди посредникомъ

(entremetteur), а потому можно полагать, что онъ-то служилъ въ сношеніяхъ Елизаветы съ шведскимъ посланникомъ Нолькеномъ, а по отъѣздѣ его съ де-ла Шетарди (см. выше стр. 271). Г. Куникъ въ предисловіи къ „Писцовымъ книгамъ ижорской земли“ Т. I, отд. 2 стр. VII, сообщаетъ, что К. И. Шварцъ былъ прежде учителемъ музыки цесаревны и потомъ, по возвращеніи изъ Китая, служилъ въ географическомъ департаментѣ академіи наукъ. Его трудовъ до сихъ поръ осталась тамъ копія съ одной шведской карты, сдѣланная имъ въ 1737 г. Въ Russische Günstlinge (стр. 205—206) разсказано, что онъ послѣ переворота былъ награжденъ чиномъ полковника впрочемъ для одного почета, такъ какъ въ военной службѣ никогда не служилъ и вовсе ее не зналъ. Шварцъ со злобою разсказывалъ тогда, что ему дали этотъ титулъ, потому что онъ ничего не стоитъ, а между тѣмъ у него дома даже нѣтъ куска хлѣба*). Потомъ Шварцъ удалился въ свое имѣніе, гдѣ нашелъ себѣ смерть, которая не дѣлаетъ ему чести: одна крестьянка, надъ которой онъ хотѣлъ сдѣлать насиліе, проколола его вилами. Такъ разсказываетъ авторъ Russische Günstlinge о концѣ этого человѣка. Въ подтвержденіе тому, что онъ умеръ насильственною смертью въ своемъ имѣніи, сохранилось до сихъ поръ нѣмецкое письмо къ Елизаветѣ вдовы Шварцъ. Вотъ оно въ переводѣ:

„Пресвѣтлѣйшая, всемилостивѣйшая императрица! Неизсякаемая милость вашего императорскаго величества доставили мнѣ и мужу моему лучшее и спокойнѣйшее положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ меня съ глубочайшею покорностью довести до вашего свѣдѣнія съ чрезмѣрною печалью и огорченіемъ о жесточайшемъ умерщвленіи моего мужа, котораго лишили жизни безъ

*) Hermann's Geschichte des russ. Staates, V, S. 16.

сомнѣнія его подданные, нанеся семь ранъ. Такое несчастіе поражаетъ меня и заставляетъ остальные дни жизни утопать въ слезахъ. Въ моемъ полномъ горечи состояніи призываю Бога и вашего императорскаго величества благосклонность и милость. Мнѣ остается только молиться за благоденствіе императорскаго дома и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ угаснуть вашего императорскаго величества всеподданѣйшею рабою А (?) М. вдова фонъ Шварцъ. Vaimastfer, 30 августа 1756 года.

[41]) Разумѣется де-ла-Шетарди описывалъ въ своихъ депешахъ только одну сторону медали. О другой же оставилъ намъ извѣстіе нѣмецъ Пецольдъ, секретарь саксонскаго посольства; такъ напр. 9 декабря онъ доносилъ: „Всѣ мы чужеземцы, живемъ здѣсь постоянно между страхомъ и надеждою, такъ какъ отъ солдатъ, дѣлающихся все болѣе и болѣе наглыми, слышны только угрозы, и надобно приписать Провидѣнію, что до сихъ поръ не обнаружились ихъ злыя намѣренія.“ 12 декабря: „многіе офицеры и знатные показываютъ тайно полное недовольство. Все дѣло было начато чернью, и не достаточно цѣлой тетради для описанія наглости ея, и потому мы, бѣдные иноземцы, трепещимъ и дрожимъ здѣсь, особенно когда извѣстно, что за враги намъ были Долгорукіе и прочіе возвращенные.“ 23 декабря: „гвардейцы, и въ особенности гренадеры, которые еще не отрезвились почти отъ сильнаго пьянства, предаются множеству крайностей. Подъ предлогомъ поздравленій съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, ходятъ они по домамъ и никто не смѣетъ отказать имъ въ деньгахъ, или въ томъ, чего они пожелаютъ. Одинъ солдатъ, смѣненный съ караула и хотѣвшій на возвратномъ пути купить въ рынкѣ деревянную посуду, застрѣлилъ на мѣстѣ русскаго продавца, который медлилъ уступить ему ее за предложенную цѣну. Не говорю уже о другихъ насиліяхъ, въ особенности противъ нѣмцевъ.“

*

О подобномъ недовольствѣ происшедшимъ въ ноябрѣ 1741 г. переворотомъ, особенно со стороны приверженцевъ правительницы Анны, есть указанія и въ русскихъ источникахъ, какъ напр. въ дѣлѣ о семействѣ Лопухиныхъ 1743 года. Что же касается до народа, то ему еще во времена императрицы Анны извѣстно было, что Елизавета не любила иноземцевъ. Толки объ этомъ доходили до свѣдѣнія тайной канцеляріи еще въ 1739 году, а именно солдаты и крестьяне разсуждали между собою: „государыня-де цесаревна Елизаветъ Петровна имѣетъ ссору съ ея императорскимъ величествомъ за иноземцевъ, что ея императорское величество жалуетъ иноземцевъ золотыми, а ея высочество мѣдными монетами; и нынѣ-де получа ея высочество жалованье, тое мѣдную монету приказала высыпать въ Неву, и изволила-де ея высочество говорить, что есть-де у нея еще отцовское и жить ей есть чѣмъ. И ея-де императорское величество изволила ея высочество призвать къ себѣ и изволила ея императорское величество сдавать ей, цесаревнѣ, россійское государство, только-де ея высочество говорила, ежели-де ея императорское величество на три года учинитъ черни льготы, да иноземцевъ всѣхъ изъ государства вышлетъ, потомъ-де ея высочество государство принять изволитъ“...

26 ноября. декабря. **Подробности о событіяхъ, предшествовавшихъ перевороту.**

Когда я имѣлъ честь быть у принцессы Елизаветы въ прошедшее воскресенье, то исполнилъ ея сильное желаніе, вручивъ полученные мною печатные экземпляры русскаго перевода шведскаго манифеста. Радость при чтеніи его равнялась ея нетерпѣнію. Я убѣждалъ беречь

ихъ до развязки, а между тѣмъ списать множество копій для распространенія ихъ между своими приверженцами, однако такъ, чтобы они не могли попасться. Такой совѣтъ былъ одобренъ, его приняли, и на подготовленные такимъ образомъ умы произведено только лучше впечатлѣніе, когда вчера утромъ читали собравшимся предъ дворцомъ Елизаветы гвардейцамъ печатные манифесты, на которыхъ подпись и печать гр. Левенгаупта еще болѣе внушали довѣренность.

Преслѣдованія, ежедневно испытываемыя принцессою Елизаветою отъ гвардейцевъ, побудили возвратиться къ предмету, о которомъ такъ часто разсуждали, хотя я это проходилъ молчаніемъ. Слишкомъ важное обстоятельство—сохраненіе этой принцессы и желаніе узнать начальниковъ, которыхъ не предвидѣлось—принудило меня снова предложить мнѣніе, чтобы она не щадила ничего для удержанія порывовъ своихъ приверженцевъ и чтобы послѣдніе подчинились ожиданію на время, необходимое для принятія всѣхъ мѣръ, которыя укажетъ благоразуміе. Но видя, что принцесса не имѣла вовсе покоя, и что изъ волненія, которымъ была объята, происходило безпрерывное колебаніе въ ней, я остановился на двухъ главныхъ обстоятельствахъ и воспользовался всею довѣренностью, которую она изволила мнѣ выказывать, чтобы убѣдить ее: первое — увеличеніе ея славы отъ предварительнаго соглашенія, которое нужно ей имѣть съ Франціею, а чрезъ это и съ Швеціею, такъ какъ содѣйствіе столь почтенныхъ державъ могло дать только болѣе вѣса принимаемой ею рѣшимости. Все это для того, чтобы его величество и Швеція, въ случаѣ счастливаго успѣха, имѣли свою долю заслуги въ томъ.

Вы увидите, милостивѣйшій государь, изъ копіи, приложенной при этомъ письмѣ къ Мондамеру, что принцесса Елизавета, съ самаго начала одобрившая такое мнѣніе, потомъ совершенно содѣйствовала ему. Вто-

рое обстоятельство заключало въ себѣ два: одно—живо возбуждать мужество принцессы Елизаветы, а оно, какъ я зналъ чрезъ повѣреннаго, было не одинаково твердо во всѣ времена; другое — преподать средства къ ея безопасности такимъ образомъ, чтобы принцесса Елизавета была обезпечена и въ то же время питала бы недовѣріе ко всѣмъ отъявленнымъ врагамъ Франціи. Чтобы исполнить касающееся перваго предмета, признаюсь, я сочинилъ аргументъ, который и пустилъ въ ходъ (j'avoue que je forgeai l'argument que j'employai). Я сначала далъ знать принцессѣ, что моя привязанность къ ней не дозволяетъ мнѣ скрывать, что нерѣшительность въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія. Доводы, которыми она опровергала мое мнѣніе, допускали мнѣ только внушенія, требуемыя пользою ея службы. „Вы вынуждаете меня, сказалъ я, не скрывать ничего объ опасности, которой подвергаетесь. Знайте, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ хорошаго источника, дѣло идетъ о заключеніи васъ въ монастырь. Вы бы уже тамъ были, когда бы нѣкоторыя обстоятельства тому не помѣшали — только очень ясно, что эта отсрочка не будетъ продолжительна. Слѣдовательно, даже въ случаѣ неуспѣха предпріятія, вы рискуете только испытать можетъ быть нѣсколькими мѣсяцами ранѣе участь, которая вамъ предназначена и которой, благодаря принятымъ мѣрамъ, вы не въ состояніи болѣе избѣжать. Разница только въ томъ, что оставаясь въ бездѣйствіи, заставляете падать духомъ вашихъ друзей; тогда какъ выказывая мужество, вы сохраните себѣ приверженцевъ, а ваше несчастіе только воодушевитъ ихъ болѣе къ отмщенію, чтобы избавить васъ отъ погибели тѣмъ или другимъ образомъ. Принцесса Елизавета, пораженная такою будущностью, старалась увѣриться въ сообщенномъ мною сейчасъ обстоятельствѣ; мои отвѣты убѣдили ее

въ томъ, что я говорилъ. Она выражала мнѣ безграничную признательность за то, что я, до сихъ поръ удерживая ее, въ настоящую минуту дѣлаю противное, чтобы лучше услужить ей, и обѣщала, что кровь Петра I не обманетъ, такъ какъ ее хотятъ вывести изъ терпѣнія.

Тогда-то, чтобы приступить ко второму предмету, я остановился преимущественно на всемъ, что касалось безопасности принцессы и слѣдовательно на стойкости и вѣрности, которыя могутъ выказать солдаты, лишенные своихъ офицеровъ, особенно, когда послѣдніе придутъ и когда ихъ присутствіе можетъ легко испугать и разсѣять солдатъ. Изъ всего сказаннаго мнѣ по этому предмету, я увидѣлъ съ удовольствіемъ, что эти солдаты, воодушевленные духомъ свободы и ненавистью къ чужеземцамъ, и при томъ будучи по большей части дворяне, были способны поддержать принятую ими рѣшимость и въ особенности обходиться безъ своихъ офицеровъ и убивать всѣхъ тѣхъ, которые не захотятъ за ними слѣдовать (en se passant de leurs officiers, de tuer tous ceux qui ne voudront pas les suivre). Я особенно настаивалъ, чтобы болѣе и болѣе старались убѣдиться въ прочности такого намѣренія. „Если вы, прибавилъ я принцессѣ, имѣете причины быть вполнѣ убѣжденною въ томъ, то должны, не колеблясь болѣе, положиться на нихъ и предать себя совершенно въ ихъ руки. Такая довѣренность усилитъ ихъ усердіе. Уговорились, что принцесса сверху надѣнетъ кирасу, для предупрежденія всякаго покушенія на ея особу: однако она ею не воспользовалась. Было также рѣшено, что, когда наступитъ минута дѣйствія, она отправится въ казармы, чтобы собрать болѣе народа, а отсюда прямо на гауптвахту царскаго дворца. Для большей увѣренности гвардіи, она лично воодушевитъ ее слѣдовать за нею, и по этой же причинѣ успѣхъ будетъ только быстрѣе,

такъ - какъ при ней можетъ быть менѣе противодѣйствія, а оно, вызвавъ пролитіе крови, уменьшило бы и удовольствіе, и славу, необходимыя для принцессы, чтобы увѣнчать это дѣло. Я далъ замѣтить, что не однѣми этими предосторожностями должно ограничиться и будетъ чрезвычайной напр. важности, чтобы какъ только захватятъ царя, принца брауншвейгскаго и правительницу, то овладѣть знаменами гвардейскихъ полковъ, всегда находящимися во дворцѣ государя, и отнести ихъ къ принцессѣ — чрезмѣрное уваженіе солдатъ къ своимъ знаменамъ можетъ, какъ возмутить ихъ тамъ, гдѣ этого не успѣютъ сдѣлать, такъ и присоединить ихъ къ принцессѣ. Еще болѣе будетъ важно для спокойствія, когда тѣ, которые изъ слишкомъ рабской приверженности къ чужеземному правительству, были врагами принцессы и могли бы, по своему положенію, повредить ей, были арестованы тогда же, когда захватятъ правительницу, и для этой цѣли должны быть отправлены отряды ранѣе или позже. Естественно, что слѣдуя этому мнѣнію, я назвалъ гр. Остермана, фельдмаршала Миниха, гр. Головкина, кабинетъ министра, барона Менгдена и оберъ гофмаршала, также какъ и лицъ, менѣе значительныхъ, но признанныхъ за креатуръ ихъ. Касательно Ласси меня оспаривали по уваженію, котораго онъ заслуживаетъ, чтобы имѣли къ нему, и по любви къ нему войскъ, слишкомъ опасной. Было рѣшено слѣдовать серединѣ: какъ только ударъ будетъ нанесенъ, принцесса пошлетъ къ нему кого нибудь съ приглашеніемъ явиться и повиноваться ей. Если онъ это исполнитъ охотно, то остановиться на этомъ; въ случаѣ же малѣйшаго колебанія, лицо, которое будетъ послано къ нему, должно его арестовать при помощи гренадеръ. Послѣдніе сопровождаютъ тайно посланнаго наслучай надобности въ нихъ. Также должно быть поступлено со всѣми знатными, которыхъ будетъ

полезно призвать къ принцессѣ для упроченія переворота. Таковы были различныя предположенія, на которыхъ остановились, чтобы не возвращаться къ нимъ болѣе.

Прилагаемая при семъ депеша къ королю, которую имѣю честь послать къ вамъ съ курьеромъ, отправляющимся въ Берлинъ, гдѣ онъ будетъ ожидать повелѣній, которыя соизволитъ мнѣ дать его величество, васъ извѣститъ, что каждая частность исполнена совершенно такимъ образомъ, какъ было условлено, и случившееся вполнѣ подтвердило, что раболѣпіе (asservissement) знатныхъ и дворянства предъ чужеземнымъ игомъ и не довѣріе, господствующее между ними изъ зависти, даютъ здѣсь солдатамъ (à la soldatesque) превосходство для вѣрнаго совершенія переворота, о чемъ я часто имѣлъ смѣлость представлять.

Ваши письма отъ 6 ноября побудили меня тотчасъ же рѣшиться, какъ я вамъ уже сообщалъ третьяго дня, идти далѣе въ объясненіяхъ съ повѣреннымъ касательно партіи принцессы. Одно обстоятельство увеличивало нетерпѣніе мое говорить съ нимъ. Въ понедѣльникъ, по обыкновенію, былъ пріемный день во дворцѣ. Я увидѣлъ, что правительница, много ходивъ взадъ и впередъ (après beaucoup d'allées et venues), отправилась въ отдаленный покой, велѣла позвать туда принцессу Елизавету, и послѣдняя, возвращаясь оттуда, казалась взволнованною отъ разговора. По пріѣздѣ ранѣе домой, мое первое стараніе было просить повѣреннаго пріѣхать ко мнѣ ночью, но онъ могъ только пріѣхать на другой день и то довольно поздно. Онъ мнѣ сообщилъ, что весь разговоръ двухъ принцессъ касался меня. Правительница, описавъ меня самыми черными красками, приписывала мнѣ множество вещей, на которыя я слишкомъ способенъ, чтобы ея предубѣжденіе выказалось противъ меня сильнѣе. Она объявила также что рѣ-

шилась просить короля о моемъ отсюда отзывѣ, и опасалась только, чтобы кардиналъ, движимый врожденною справедливостью, не просилъ предварительно доказать то, въ чемъ меня обвиняютъ, что тѣмъ болѣе затруднительно, что не было возможности достать какое-нибудь доказательство противъ меня. Правитетельница, высказывая такимъ образомъ всѣ причины, которыя она, по ея мнѣнію, имѣла къ обвиненію меня, внушала принцессѣ Елизаветѣ, что она не должна болѣе принимать такого человѣка, какъ я. Принцесса, возражая, что она можетъ сказать одинъ или два раза, что ее нѣтъ дома, дала почувствовать, что ей этого нельзя повторить однако въ третій разъ, и какъ бы могло она поступить подобнымъ образомъ, не нарушая приличій, вчера напр., когда случай меня привелъ къ ней именно въ ту минуту, какъ она, выйдя изъ саней, входила къ себѣ? Такъ какъ правительница, несмотря на эти доводы, повторяла свои настоянія, то принцесса отвѣчала ей насмѣшливо: „зачѣмъ вы не дѣйствуете гораздо проще? Вы правительница и повелительница: прикажите гр. Остерману сказать Шетарди не ѣздить ко мнѣ болѣе въ домъ.“ Правительница возражала, что она очень остерегается этого, такъ какъ не надобно раздражать людей, подобныхъ мнѣ, ни подавать имъ явно повода къ жалобамъ. Принцесса отвѣчала, что если Остерманъ, будучи первымъ министромъ и имѣя повелѣнія, не смѣетъ дѣлать подобной вещи, то она тѣмъ менѣе осмѣлится рѣшиться на это. Правительница, оскорбленная такимъ противорѣчіемъ, приняла надменный тонъ, который въ свою очередь заставилъ принцессу возвысить голосъ съ умѣренностью, на сколько это было тогда прилично, и вотъ почему онѣ разстались съ горячностью, которую я примѣтилъ.

Удовольствовавшись подробностями. которыя, не будучи интересными, возбудили однако мои опасенія, я

немедленно перешелъ къ тому, чтобы могло дать справедливую оцѣнку партіи принцессы Елизаветы. Сомнѣнія, выказываемыя мною по мѣрѣ того, какъ повѣренный старался убѣдить меня, нечувствительно являлись передо мною, но не сомнѣнно было, что народъ и солдаты (soldatesque) служили основаніемъ партіи; и могло случиться только послѣ того, какъ они начнутъ дѣло— чтобы не сказать, когда начнутъ его — что лица изъ высшихъ чиновъ и офицеры, приверженные къ принцессѣ, въ состояніи выказать свои чувства. Я не скрывалъ предъ повѣреннымъ неудобства отъ того, что не было изъ этихъ лицъ нѣсколькихъ, которые бы могли руководить большинствомъ. „Но какъ изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее и какъ положеніе принцессы, также какъ и Россіи, слишкомъ натянуто, чтобы могло такъ остаться, то будемъ, сказалъ я, держаться того, что мы порѣшили, и, чтобы по крайней мѣрѣ помочь этимъ храбрымъ гренадерамъ и трудиться на славу принцессы, назначимъ минуту для взрыва, чтобы Швеція, по предложенію въ Стокгольмѣ отъ имени короля (французскаго), начала съ своей стороны дѣйствовать“.

Вы найдете, милостивѣйшій государь, въ моемъ письмѣ къ г. Мондамеру то, что повѣренный, возвратясь послѣ короткаго отсутствія, сообщилъ мнѣ. За мѣрами, нами предпринятыми вслѣдствіе того, послѣдовало съ его стороны представленіе, касательно безденежья, въ которомъ находилась принцесса и которое доходило до того, что у ней не оставалось и 300 руб. По этому она просила меня попытаться въ пользу ея (de faire un effort en sa faveur), въ ожиданіи полученія мною ссуды, которую долженъ былъ прислать король. Я условился съ нимъ, чтобы на свой счетъ и чрезъ друзей офицера, который уже ссудилъ меня 2 т. червонцевъ, собрать сумму въ 2 т. р., которую и передать ему послѣ завтра въ мѣшкѣ въ обычномъ мѣстѣ, гдѣ мы переда-

вали свои записки; но эта предосторожность сдѣлалась уже лишнею, и я даже былъ избавленъ отъ труда занимать деньги.

Тѣмъ менѣе я былъ въ необходимости дѣлать это, что принцесса, проѣзжая мимо дома въ 12 съ половиною часовъ по полуночи въ казармы, была такъ внимательна, что дала мнѣ знать, что она летитъ къ славѣ (qu'elle courrait à la gloire) и не сомнѣвается, чтобы я не пожелалъ ей успѣха, такъ какъ она наконецъ вынуждена уступить преслѣдованіямъ (отъ гренадеръ). Въ три часа утра она прислала ко мнѣ побочнаго брата принцессы гессенъ гомбургской. Ему, въ то время какъ надѣвала на себя св. Андрея, она пожаловала орденъ св. Екатерины, который имѣла передъ тѣмъ и котораго была гроссъ-мейстеромъ, — она послала его, говорю я, чтобы извѣстить меня о полнѣйшемъ успѣхѣ.

Въ 6 часовъ онъ возвратился ко мнѣ съ порученіемъ отъ этой принцессы написать въ Швецію и къ гр. Левенгаупту о происшедшемъ и пригласить его прекратить военныя дѣйствія. Я изъявилъ готовность согласоваться съ ея повелѣніями, представивъ однако на ея усмотрѣніе: не произведутъ-ли большее впечатлѣніе столь благопріятныя обстоятельства развязки, если отложить описаніе ихъ до послѣзавтра, когда я буду въ состояніи это сдѣлать подробнѣе?

Тотъ же Вецкій не замедлилъ возвратиться ко мнѣ, чтобы сообщить желаніе принцессы, не медлить ни одной минуты для отправленія курьера. Я воспользовался при этомъ слугою Сентъ-Северина, который у меня мѣсяца съ четыре. Гвардейскій унтеръ-офицеръ, снабженный приказомъ къ генералу Кейту, поѣхалъ съ нимъ для сопровожденія до границы. Было бы мнѣ очень желательно, милостивѣйшій государь, чтобы вы нашли изъ письма мое къ гр. Левенгаупту, котораго копію при семъ прилагаю, что я вовсе не преступилъ границъ,

которыя обязанъ соблюдать. Не было еще 10 часовъ, когда принцесса Елизавета оказала мнѣ честь, давъ знать чрезъ того же посланнаго, что она можетъ имѣть удовольствіе извѣстить меня, что она признана государынею всея Россіи и въ этомъ званіи посылаетъ свой привѣтъ (me faisait ses compliments), и спрашиваетъ моего мнѣнія, какъ слѣдуетъ поступить съ сыномъ принца брауншвейгскаго? Я велѣлъ ей сказать, что ея природная доброта и любовь къ отечеству должны заставлять ее одинаково (du même oeil) представлять себѣ настоящее и будущее, что никакія средства не будутъ лишними, чтобы стереть самые слѣды царствованія Ивана III, такъ какъ это единственный способъ, который обезопаситъ въ то или другое время Россію отъ могущихъ произойти несчастій, а примѣръ Лже-Дмитрія долженъ еще болѣе возбудить опасенія въ этой странѣ.

Въ 2 часа по полудни, царица пожелала узнать мое мнѣніе касательно предосторожностей, которыя должно было принять на счетъ распространенія въ иностранныхъ земляхъ новости о ея восшествіи на престолъ. Я просилъ Бецкаго передать ей, что я полагаю полезнымъ для дѣла ея, чтобы находящіеся здѣсь иностранные министры не могли отправить курьеровъ до тѣхъ поръ, пока ея собственные не привезутъ за границу перваго извѣстія о происшедшемъ, такъ какъ они будутъ въ состояніи лучше судить о впечатлѣніи, которое произведетъ новость при различныхъ дворахъ, между тѣмъ какъ трудно въ это проникнуть, если бы тамъ были приготовлены къ подобному извѣстію. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выразить царицѣ мое сильнѣйшее желаніе (mon empressement) поздравить ее, что это желаніе уступаетъ однако мѣсто тому, что требуетъ мое почтеніе къ ея особѣ, и только тогда, когда она будетъ столь благосклонна, что назначитъ мнѣ время, я отправлюсь не какъ министръ, потому что мои

обязанности снова прекратились, но какъ придворный, чтобы выразить ей и мою радость, и мою почтительную привязанность, въ которыхъ—я льщу себя надеждою — она не сомнѣвалась. Въ 6 часовъ вечера пріѣхалъ ко мнѣ Бецкій сказать, что царица меня ожидаетъ. Я тотчасъ же отправился во дворецъ. Ея царское величество было слишкомъ взволнована, чтобы не чувствовать нѣкотораго увлеченія (pour n'être pas dans une sorte de tourbillon). По этому все, что она ни изволила говорить мнѣ, было слѣдствіемъ того, что говорилось прежде. Такимъ образомъ она съ живостью спросила меня: „что скажутъ теперь наши добрые друзья, англичане? Имъ представляется прекрасный случай (ils ont beau jeu) для поддержанія гарантіи, данной ими сыну принца брауншвейгскаго, что и было поводомъ къ тому, что наконецъ рѣшились подписать договоръ съ Финчемъ. Другаго человѣка, продолжала она, мнѣ бы хотѣлось видѣть — это Ботта. Сказать правду, я думаю, онъ будетъ нѣсколько смущенъ, однако несправедливо, потому что онъ только можетъ найти меня очень расположенною дать ему 30 т. человѣкъ."

По своей благосклонности, царица потомъ изволила благодарить меня за совѣты, данные мною въ теченіи дня, также за письмо, которое я написалъ гр. Левенгаупту и съ котораго она желала, чтобы я прислалъ къ ней копію для храненія. Я воспользовался тѣмъ, что она удостоила вспомнить, чтобы выразить ей мою надежду, что она не распространитъ на меня мѣры, которой я считалъ полезнымъ подчинить здѣшнихъ иностранныхъ министровъ; что она должна по крайней мѣрѣ это сдѣлать, такъ какъ все, имѣющее право ее интересовать, не можетъ не быть чрезвычайно пріятнымъ королю, и доставитъ ему величайшее удовольствіе узнать новость, о которой я долженъ ему донести. Царица мнѣ отвѣчала: „я очень увѣрена, что его величество болѣе,

чѣмъ кто либо, приметъ участіе въ томъ, что случилось со мною счастливаго. Я намѣрена выразить ему, какъ тронута тѣмъ, что онъ дѣлалъ для меня.“ Царица отдала приказанія для заготовленія паспортовъ, нужныхъ для моего курьера; она только совѣтывала мнѣ отправить его секретно. Камергера кн. Трубецкаго царица посылала ко всѣмъ иностраннымъ министрамъ сообщить о своемъ вступленіи на престолъ. Я былъ на дворѣ, когда онъ подъѣзжалъ къ моимъ воротамъ, и въ ту минуту, какъ я выходилъ, онъ передалъ мнѣ то, что было на него возложено.

Изъ настоящей депеши ясно видна невѣрность свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Russische Günstlinge, стр. 184 и 189, что будто бы де-ла-Шетарди, по просьбѣ Лестока, передалъ Елизаветѣ сначала 9 т. червонцевъ, а потомъ постепенно еще до 40 тыс. червонцевъ же, и что Остерману было извѣстно о чрезвычайно огромныхъ суммахъ, которыя получалъ и передавалъ потомъ Елизаветѣ французскій посолъ. Во второе пребываніе де-ла-Шетарди въ Россіи въ 1744 году, французскій министръ Амело дѣлалъ ему однажды выговоръ за пустоту его прекрасныхъ обѣщаній. Въ оправданіе свое, маркизъ приводилъ, что Франція будетъ сама виновата, если онъ болѣе не успѣетъ ни въ чемъ въ Россіи: еще во время переворота въ пользу императрицы, онъ представлялъ, что безъ постоянныхъ денежныхъ издержекъ ничего не возможно дѣлать; несмотря на то, не рѣшились рискнуть 15 тыс. червонцевъ, которые тогда просила Елизавета, и такимъ образомъ онъ былъ поставленъ въ необходимость до послѣдней минуты пускать въ ходъ только сладкія рѣчи и обѣщанія (Hermann's Geschichte des rus. Staates, V, 82).

Въ тургеневскомъ сборникѣ депешъ де-ла-Шетарди,

при описаніи восшествія на престолъ Елизаветы приложено также извлеченіе изъ письма голландскаго резидента въ Петербургѣ Шварта (Swart) отъ 27 декабря 1741 г., отправленное въ Парижъ французскимъ министромъ въ Голландіи Фенелономъ. Письмо это довольно поверхностно и не сообщаетъ ничего новаго, за исключеніемъ развѣ того, что въ квартирѣ брата генералиссимуса, принца Людовика брауншвейгскаго приставили караулъ, и онъ обратился къ министрамъ англійскому, венгерскому и прусскому, чтобы они вступились за него. Вмѣсто этого письма, полагаю неизлишнимъ помѣстить отрывки изъ одной рукописи, купленной мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ. Въ началѣ ея помѣщено извѣстіе о восшествіи на престолъ Елизаветы. Оно видимо переведено (и притомъ весьма дурно) съ иностраннаго языка, на которомъ было первоначально написано, по порученію или внушеніямъ русскаго правительства. Такъ тамъ говорится, что 18 декабря, въ день рожденія Елизаветы Петровны, случилось быть при англійскомъ дворѣ русскому резиденту, котораго будто великій адмиралъ просилъ, въ собраніи другихъ знатныхъ лицъ, разсказать обстоятельно о восшествіи на престолъ Елизаветы. Русскій резидентъ и началъ разсказъ „по присланной реляціи отъ пріятеля своего изъ Санктъ-Петербурга“. Всю реляцію, наполненную напыщенными хвалами, приводить не стоитъ, а потому вотъ отрывки, которые дополняютъ извѣстія, заключающіяся въ французскихъ депешахъ:

„Самая натура общества народу распалила сердца въ вѣрное, вѣчное и правильное подданство ея величества (Елизаветы), и публично всѣ, не бояся никакого наказанія, ни самой смерти, говорили, что оная прямая россійская наслѣдница, дщерь Петра Великаго, а особливѣйше гвардіи полкъ преображенскій. И прочіе многіе разы, когда помянутый полкъ бывалъ въ строю, то единодуш-

но всѣ ожидали пришествія ея величества ко онымъ, тутъ и восшествія. А понеже ея величество соизволила знать о намѣреніи нарочно для нечаяннаго съ обѣихъ сторонъ бунту ихъ согласія, не изволила въ таковые дни ѣздить, но ожидала Богомъ означеннаго времени... Сія монархиня всемилостивѣйшая, когда въ которой день не пожалуетъ и не наградитъ, или о комъ высочайшей своей рекомендаціи не учинитъ, или какой добродѣтели подданнымъ своимъ и при томъ иностраннымъ, тотъ день ея величеству весьма не веселъ бываетъ. На которое материнское благоутробіе всемилостивѣйшее надежду имѣли и во всѣхъ нуждахъ прибѣгали, что и помянутой гвардіи солдаты по возможности своей всегда на поклонъ ходили по нашему россійскому обыкновенію, когда кто именинникъ, то долженъ государю своему или господину поклониться съ хлѣбомъ, за что получаетъ поздравленіе. Таковымъ образомъ и помянутые солдаты гвардіи приходили къ ея величеству на поклонъ и получали всемилостивѣйшее поздравленіе и жалованіе, но чаще ходили преображенскіе гренадеры, понеже оные имѣли болѣе пылающія сердца вѣрностью, за что были допущены таковымъ порядкомъ всегда ходить въ домъ ея величества безъ всякихъ запрещеній съ знатнѣйшими тутъ при дворѣ ея величества; но хотя и былъ приказъ ордеромъ на всю гвардію подъ великимъ штрафомъ, дабы никто изъ такихъ военныхъ людей отнюдь не ходилъ безъ резону, но оные, уничтожа сіе, ни малѣйшаго опасенія не имѣли...“

„И когда бывшая правительница Анна чрезъ постороннихъ доносителей, или шпіоновъ, увѣдомилась, что оные гренадеры часто ходятъ въ домъ ея величества, то въ немаломъ сумнѣніи находилась со всѣми партизантами своими, и тотчасъ собрали консиліумъ давняго намѣренія своего, дабы самой быть императрицею, и по многихъ министровъ конфермаціи, учредила коммиссію для

уготовленія сего, а полки подозрительные имъ услать въ походъ; но сіе ужаснѣе всего, что съ такимъ дерзновеніемъ, будто и самое ея императорскаго величества высочайшую особу учинить безпомощною и тайнымъ образомъ услать въ особенную провинцію. Но Богъ Всемогущій не допустилъ до ихъ таковаго злаго намѣренія и ихъ тайно скрытыя дѣла явственно донесены ея императорскому величеству, которыя изволила имѣть на памяти, но болѣе въ молчаніи. Послѣ того, по обыкновенію своему, изволила пріѣхать на куртагъ до бывшей правительницы Анны, между которымъ временемъ изволила забавляться и въ карты. Но ненависть злобы искала того съ прилежаніемъ, какъ бы зажечь сердце непріятности, а понеже нарочно того резонъ былъ ихъ сторонѣ, отчего бъ можно загорѣться такъ неугасимому огню и бѣдности (sic) съ обѣихъ сторонъ. Которыми словами бывшая правительница, можно было видѣть пылающимъ пламенемъ сердца своего, при знатныхъ тутъ генералитетахъ, молвила къ ея величеству сіи слова: „что это, матушка, слышала я будто ваше высочество имѣете корреспонденцію съ арміею непріятельскою и будто вашего высочества докторъ ѣздитъ ко французскому посланнику, и съ нимъ вымышленныя факціи въ той же силѣ дѣлаетъ?“ На что ея величество ей, правительницѣ, отвѣтствовала: „я съ непріятелемъ отечества моего никакихъ аліанцовъ и корреспонденціи не имѣю, а когда мой докторъ ѣздитъ до посланника французскаго, то я его спрошу; а какъ онъ мнѣ донесетъ, то я вамъ объявлю.“ И между таковыми перемѣнныхъ сердецъ разговорами изволила ея величество оттуда отъѣхать и прибыть въ домъ свой.“

„О которыхъ вышепомянутыхъ случаяхъ ея величество соизволила находиться въ немаломъ сумнѣніи и опасеніи. И уповая на Создателя своего, уничтожа сіе, однакожъ видя вещь необычайную дѣйствія таковаго,

изволила учинить малѣйшій консиліумъ съ кавалерами двора своего, которые, по вопросу, ея величеству не могли инаго представить къ сему резону, кромѣ какъ собрать гренадерскую роту помянутаго полку преображенскаго, а ея величеству своею высочайшею особою тутъ быть самой и арестовать бывшую правительницу и прочихъ партизановъ. На которое ихъ предложеніе ея величество изволила съ воздыханіемъ сердца молвить: „я сама знаю, что безъ такова порядку ничто благополучно намъ успѣетъ не токмо ротою, но и цѣлымъ полкомъ храбрѣйшихъ воиновъ; но еще надлежитъ и сіе тонкимъ умомъ разсудить, какъ ужасно и трепетно со обѣихъ сторонъ сіе, понеже и тамъ гауптвахта не мала, въ чемъ я опасна, чтобъ симъ случаемъ не были римскія гисторіи обновлены и прочихъ государствъ неблагополучія въ таковыхъ претензіяхъ.“ На что отвѣтствовалъ ея величеству его превосходительство господинъ Воронцовъ, съ присутствующими тутъ генералъ-лейтенанты (?), въ то время бывшій камеръ-юнкеромъ того жъ двора, сице: „милостивая государыня! подлинно сіе дѣло имѣетъ немалой отважности, которой не сыскать ни въ комъ, кромѣ крови Петра Великаго.“ Также и его превосходительство господинъ Разумовскій донесъ: „сія вещь не требуетъ закоснѣнія, но благополучнѣйшаго дѣйствія намѣреніемъ, а ежели продолжится до самаго злополучнаго времени, то чувствуетъ духъ мой великаго смятенія, не токмо въ Россіи, но и во многихъ государствахъ той претензіи, отчего сынове россійсти могутъ придти въ крайнее разореніе и въ потеряніе отечества своего.“ На что ея величество изволила молвить: „подлинно такъ, и я не столько себя сожалѣю, какъ бѣдныхъ совѣтниковъ моихъ и всѣхъ подданныхъ.“ На которыя слова ея величества всѣ тутъ присутствующіе лица ея прослезились, но паки его высокопревосходительство господинъ Шуваловъ отвѣтствовалъ на сіе:

„всемилостивѣйшая государыня! Богъ еще правильнаго показанника своего сохраняетъ отъ находящихъ во тиѣ напастей и всѣхъ подданныхъ его свобождаетъ отъ ига чуждыя работы.“ Потому жъ многіе разные представляли резоны и совѣты; но его превосходительство генералъ и тайный совѣтникъ господинъ Лестокъ, желая вскорости окончить сію, слезы исполненную консиліумъ, молвилъ слѣдующія рѣчи: „милостивая государыня, праведенъ Богъ въ дѣлѣхъ своихъ! И ваше высочество, оставя все опасеніе и сумнительства, прикажи послать за сими гренадеры, которые бываютъ здѣсь, и соизволите имъ объявить намѣреніе свое за клятвою ихъ и совѣтовать съ ними о томъ довольно, какимъ образомъ производить сіе дѣйствіе, не отлагая въ дальность, понеже самое время не повелѣваетъ.“ И всѣ обще похвалили его превосходительства совѣтъ, что ея величество изволила благодарить всѣмъ обще за вѣрные и правильные ихъ совѣты, и сію консиліумъ таковыми рѣчьми изволила окончать: „всѣхъ васъ полезные мнѣ совѣты, которыхъ не уничтожаю и принимаю радостно, когда Богъ соизволитъ на сіе, а я по всѣхъ тѣхъ съ радостью послѣдую.“

„И въ тотъ же вечеръ послано отъ ея величества за помянутыми гренадеры, которые немедленно пришли, и, по вышепомянутымъ совѣтамъ, ея величество соизволила здѣсь поступить, въ чемъ оные, обязавшись симъ, со всякою вѣрностью и тщаніемъ совершить немедленно обѣщались и просили указу, кой день или ночь со всякою готовностью ожидать имѣютъ или самой ея величества высочайшей особы пришествія. На что получа резолюцію, отошли для исполненія ея добраго порядку. И пришедшу тому времени быть имъ во всей исправности и готовности, съ которымъ радостно ожидали пришествія ея величества; но еще Богомъ означенное время не приспѣло и ея величество соизволила послать по-

мянутой ротѣ, чтобъ оные сію ночь, или сіе время оставя, дожидали повторительнаго ея величества ординарца.

„А понеже бывшей правительницы сама натура показывала и при томъ ея величества партизантовъ, что когда не послать помянутую гвардію въ походъ, сирѣчь имъ подозрительные полки, а особливѣйше преображенскій, то быть какому ни есть несогласію, или нечаянному бунту, что немедля своимъ указомъ повелѣла имъ выступить въ маршъ въ третій день, т. е. ноября 25 дня. Которые полки, получа указъ, весьма всѣ въ горести сердецъ обрѣтались, и втораго дни по семъ наступившему вечеру оные гренадеры собравшись девять человѣкъ по согласію и совѣту всей роты, которыхъ для краткости именъ не упоминаю, и оные пришедъ къ ея величеству и пали въ нозѣ, со слезами донеся сіе: „всемилостивѣйшая государыня! изволишь видѣть сама неблагополучіе надъ собою и всей Россіи: гдѣ попеченіе и сожалѣніе отечества и чадъ своихъ — насъ заутро высылаютъ въ походъ, и гдѣ сыщете потопающихъ въ волнахъ защищеніе? помилуй, неоставь насъ въ сиротствѣ, но защити материнскимъ своимъ соизволеніемъ онаго намѣренія![2] На что ея величество изволила прослезиться и повелѣ выдти въ другую камеру, а сама, наклоня главу свою къ земли предъ Спасителевымъ образомъ и довольно такъ моля въ тайности сердца своего, послѣ возста и соизволила взять крестъ, вызва ихъ предъ себя, для лучшаго увѣренія, дабы оные въ томъ повторительную присягу учинили. И, соверша, говорила имъ: „когда Богъ явитъ въ сей десницѣ милость свою намъ и всей Россіи, то не забуду вѣрности вашей, а нынѣ подите и соберите роту во всякой готовности и тихости, а я сама тотчасъ за вами слѣдую“. Что оные поклонясь, тотчасъ пришли въ роту и въ са-

мой скорости ее собрали со всякою готовностью и тихостью, ожидая радости.“

„А понеже уже былъ часъ второй пополуночи, что ея величество изволила убраться и вооружиться сопротивъ внутренняго непріятеля своего и надѣла на себя кавалерію въ знакъ храбрости дщери императорской, законной наслѣдницы, и взявъ съ собою его превосходительство господина Воронцова и его превосходительство господина Лестока и малое число прочихъ служителей, изволила шествовать въ слободы означеннаго полку въ помянутую гренадерскую роту, и, прибывъ тутъ на съѣзжую, изволила всѣмъ говорить: „други мои, какъ вы служили отцу моему, то при нынѣшнемъ случаѣ и мнѣ послужите вѣрностью вашею.“ На что единодушно закричали оные гренадеры; „ради всѣ положить души наши за ваше величество и отечество наше!“ Тогда изволила снять съ себя крестъ, хвалу Богу воздала, поцѣловала и всѣмъ порядкомъ, по окончаніи сего святаго дѣйствія, повелѣла въ самой тихости маршировать, а сама вскорости благополучно въ большой домъ соизволила прибыть, и, всѣхъ оставя на улицѣ, токмо малое число изъ тѣхъ для обереженія дражайшаго здравія своего изволила взять, и пришедъ прямо въ караульню, заставъ всю гауптвахту спящею, и сама изволила будить ихъ; но всѣ видя таковое необычное дѣло, въ недоумѣніи бывъ, не знали что дѣлать. Однакожъ ея величество своимъ великодушіемъ, не хотя ихъ привесть въ робость, но милостиво оныхъ одобрила, говоря имъ: „не опасайтеся други! Хощете ли мнѣ служить, какъ отцу моему и вашему служили? Самимъ вамъ извѣстно, коликихъ я претерпѣла нуждъ и нынѣ въ крайности претерпѣваю.“ На что оные также единодушно закричали: „матушка наша, всемилостивѣйшая государыня! радостно давно сего ожидали и что намъ повелишь, все то учинить готовы!“ Тогда

ея величество повелѣла на гауптвахтѣ барабаны ихъ обрѣзать и послала оныхъ гренадеръ для объявленія бывшей правительницѣ аресту и со всею фамиліею взять и отвесть въ домъ ея величества, а сама со стоявшими тутъ ожидала благополучной резолюціи и викторіи. Которые гренадеры со всякимъ тщаніемъ соверша повелѣніе ея величества; хотя и съ великою трудностью и препятствіемъ тамъ незнающихъ того жъ гауптвахта унтеръ-офицеровъ, однако благополучно сіе соверша, объявили ея высочеству арестъ именемъ ея величества, и со всякою честью взявъ, съ фамиліею ея отвезли въ домъ ея величества и донесли ея величеству благополучнѣйшую викторію, за что ея величество воздала благодареніе Богу и тотчасъ послала по партизантовъ (прежняго правленія), которые были въ памятномъ реестрѣ и взявъ всѣхъ оныхъ, привести во дворецъ свой, въ которой и сама въ скорости изволила прибыть....“

Во время путешествія аббата Шаппа, онъ встрѣтился тамъ съ сосланнымъ туда Лестокомъ, который сообщилъ ему свой разсказъ о восшествіи на престолъ Елизаветы. Разсказъ этотъ сдѣланъ много лѣтъ спустя послѣ событія, при томъ же разскащикъ, разумѣется, не упустилъ случая выдвинуть на первый планъ свое участіе въ событіи, въ которомъ точно игралъ одну изъ первыхъ ролей, а потому неудивительно, что слова Лестока расходятся съ извѣстіями де-ла-Шетарди, старавшагося въ свою очередь выказать себя, и оффиціальной реляціи, гдѣ разумѣется первое лицо Елизавета.

„Она, пишетъ Шаппъ со словъ Лестока, послѣ своего разговора съ правительницею, возвратилась домой и разсказала Лестоку объ открытіи заговора и объ отреченіи своемъ отъ имперіи. Хирургъ, выслушавъ ее, отправился для подготовленія всего къ возведенію Елизаветы чрезъ нѣсколько часовъ на престолъ. Повидавшись съ главными заговорщиками, онъ, около 8 часовъ

вечера, идетъ играть на бильярдѣ, и тамъ встрѣчается съ одною подозрительною личностью, которой надобно было помѣшать сдѣлать обходъ по городу. Страсть этого шпіона къ игрѣ доставляетъ Лестоку легкое къ тому средство. Онъ приглашаетъ его сыграть нѣсколько партій и удерживаетъ такимъ образомъ до прибытія своихъ эмиссаровъ. Тогда Лестокъ поспѣшно оканчиваетъ партію, удаляется также поспѣшно и обходитъ кругомъ дворца, чтобы убѣдиться, все ли тамъ въ обычномъ положеніи? Послѣ того отправляется на площадь и тамъ до 11 часовъ ждетъ другаго эмиссара, посланнаго имъ къ генералу Миниху и первому министру Остерману. Убѣдившись, что все тихо, онъ идетъ къ принцессѣ Елизаветѣ, распорядившись предъ тѣмъ, чтобы къ подъѣзду подъѣхали двое саней. Съ довольнымъ видомъ онъ сообщаетъ принцессѣ, что все приготовлено для возведенія ея на престолъ. Она отказывается отъ всѣхъ предложеній и не хочетъ ни о чемъ слышать. Тогда Лестокъ вынимаетъ изъ кармана двѣ картинки, нарисованныя на скорую руку на игральныхъ картахъ. Одна картинка представляетъ Елизавету въ монастырѣ, гдѣ ей обрѣзываютъ волосы, а Лестока на эшафотѣ; на другой — она изображена вступающею на престолъ при восклицаніяхъ народа. Лестокъ подалъ ей эти картинки, предлагая выбрать то, или другое положеніе — она избираетъ тронъ....“ Потомъ разсказъ идетъ согласно съ французскою реляціею, только прибавлена подробность, что при входѣ въ преображенскую съѣзжую, одинъ барабанщикъ хотѣлъ бить тревогу, но Лестокъ разрѣзалъ ножемъ кожу у барабана.

Выше видѣли, что де-ла-Шетарди въ депешѣ отъ 24 ноября хвалилъ свою методу оттягивать возстаніе, такъ какъ „если партія принцессы сочтетъ себя въ возможности произвести переворотъ своими собственными средствами, то труднѣе будетъ вести дѣло къ концу,

который такъ существенно интересуетъ Швецію.“ Изъ слѣдующей депеши въ самый день событія ясно, что французскій посолъ за нѣсколько часовъ, даже минутъ, не вѣдалъ о томъ, что имѣло случиться. Стало быть Лестокъ, тогда же уговаривавшійся съ французомъ о возстаніи съ 11 на 12 января, и между тѣмъ знавшій, что оно вспыхнетъ въ ту же ночь, хитрилъ, и въ такомъ случаѣ могутъ быть справедливы слова неизвѣстнаго автора Замѣчаній на Записки Манштейна: „маркизъ де-ла-Шетарди пришелъ въ чрезвычайное изумленіе, когда среди ночи разбудилъ его присланный отъ Елизаветы.. и увѣдомилъ о восшествіи ея на престолъ. Принявъ на себя личину, посланникъ изъявилъ притворную радость... Внезапно совершенный Елизаветою ударъ разрушалъ всѣ зловредные его замыслы: доброхотствующій Россіи французъ желалъ, чтобы перемѣна сія произведена было по его предначертанію; чтобы шведы приблизились къ берегамъ Невы; силою оружія своего споспѣшествовали возведенію на престолъ Елизаветы“ и т. д. *)

(Теперь бы слѣдовало помѣстить находящуюся во французкомъ сборникѣ депешу неизвѣстнаго лица отъ 9 декабря 1741 г. но она по большей части заключаетъ повторенія предъидущихъ, а потому здѣсь помѣщаемъ только подробности, не бывшія въ прежнихъ).

Елизавета послала отрядъ гренадеръ, чтобы захватить императора, его сестру, правительницу и ея мужа. Послѣднихъ нашли спящими въ постелѣ вмѣстѣ и перевезли ихъ всѣхъ во дворецъ Елизаветы. При первомъ взглядѣ на гренадеръ правительница вскричала: „ахъ, мы пропали!“ Въ саняхъ она произнесла только слова: „увижу ли я принцессу?“ До сихъ поръ еще эта просьба ея не исполнена... Ея величество не составила

*) Отеч. Записки, Ч. XXXIX, 1829 г. № 109, стр. 202—203.

своего двора, только назначила фрейлиною дѣвицу Марію Анну (?) Менгденъ; она бы оказала ту же милость и младшей, если бы эта изъ нескромной дружбы къ сестрѣ, фавориткѣ принцессы Анны, не просила остаться съ нею *).

Генералъ Кейтъ написалъ поздравительное письмо къ императрицѣ, и вся его армія послушна. То, что распускали о выступленіи гр. Левенгаупта (къ Выборгу), оказывается ложнымъ. Генералъ-фельдмаршалъ Долгорукій возвратился изъ Иванъ-города, гдѣ содержался въ тюрьмѣ. Турецкій посланникъ рѣшился остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока не получитъ новыхъ вѣрительныхъ грамотъ...

Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ сообщается болѣе внѣшняя сторона событія, но въ Запискахъ кн. Я. Шаховскаго осталось превосходное описаніе, которое рисуетъ намъ положеніе царедворцовъ въ замѣчательную ночь, когда Елизавета вступила на престолъ. Выше видѣли, что Шаховской былъ любимцемъ гр. Головкина: 24 ноября, у послѣдняго по случаю именинъ жены Екатерины Ивановны, по отцу княжны Ромадановской, былъ балъ, на которомъ собрались сливки тогдашняго петербургскаго общества. Князь Шаховской былъ въ числѣ приглашенныхъ, ухаживалъ за хозяиномъ, который былъ боленъ, и наконецъ оставилъ его въ такихъ размышленіяхъ:

„Такимъ образомъ я въ великомъ удовольствіи и пріятномъ размышленіи о своихъ поведеніяхъ, что я уже господинъ сенаторъ между стариками, въ первѣйшихъ чинахъ находящимися, обращаюсь и, будучи такого много могущаго министра любимецъ, день отъ дня

*) Это была Якобина Менгденъ, сопровождавшая брауншвейгское семейство въ ссылку. Въ современныхъ русскихъ донесеніяхъ попадается иногда ея имя въ сокращеніи—Бина.

лучшія пріемности себѣ ожидать и притомъ ласкать себя могу на долго счастливымъ и отъ всякихъ злоключеній быть безопаснымъ, пріѣхалъ въ домъ свой, и забывъ въ мысль себѣ приводить, чтобъ на будущихъ гаданіяхъ не утверждаться, а помнить, что отъ счастья къ несчастью всегда только одинъ шагъ находится, легъ спать. Но только лишь уснулъ, какъ необыкновенный стукъ въ ставень моей спальни и громкой голосъ сенатскаго экзекутора Дурново меня разбудилъ. Онъ громко кричалъ, чтобъ я, какъ наискорѣе, ѣхалъ въ цесаревнинской дворецъ, ибо-де она изволила принять престолъ россійскаго правленія, и я-де съ тѣмъ объявленіемъ теперь бѣгу къ прочимъ сенаторамъ. Я, вскоча съ постели, подбѣжалъ къ окну, чтобъ его нѣсколько о томъ для свѣдѣнія моего спросить, но онъ уже удалился."

„Вы, благосклонный читатель, можете вообразить, въ какомъ смятеніи духъ мой тогда находился! Ни мало о такихъ предпріятіяхъ не только свѣдѣнія, но ниже видовъ къ примѣчаніямъ не имѣя, я сперва подумалъ, не сошелъ ли экзекуторъ съ ума, что такъ меня встревожилъ и въ мигъ удалился; но вскорѣ потомъ увидѣлъ многихъ по улицѣ мимо оконъ моихъ бѣгущихъ людей необыкновенными толпами въ ту сторону, гдѣ дворецъ былъ, куда и я немедленно поѣхалъ, чтобъ скорѣе узнать точность такого чрезвычайнаго происхожденія. Не было мнѣ надобности размышлять, въ которой дворецъ ѣхать. Ибо хотя ночь была тогда темная и морозъ великой, но улицы были наполнены людьми, идущими къ цесаревнинскому дворцу; гвардіи полки съ ружьемъ шеренгами стояли уже вокругъ онаго въ ближнихъ улицахъ и, для облегченія отъ стужи, во многихъ мѣстахъ раскладывали огни; а другіе, поднося другъ друга, пили вино; чтобъ отъ стужи согрѣваться. При чемъ шумъ разговоровъ и громкое восклицаніе многихъ голосовъ: здравствуй, наша матушка императрица

Елизавета Петровна! воздухъ наполняли. И тако я, до онаго дворца въ моей каретѣ сквозь тѣсноту проѣхать не могши, вышедъ изъ оной, пошелъ пѣшкомъ, сквозь множество людей съ учтивымъ молчаніемъ продираясь, и не столько ласковыхъ, сколько грубыхъ словъ слыша, взошелъ на первую съ крыльца лѣстницу и слѣдовалъ за спѣшащими же въ палаты людьми, но еще прежде входу близь уже дверей, увидѣлъ во оной тѣснотѣ моего сотоварища сенатора кн. Алексѣя Дмитріевича Голицына. Мы, содвинувся по ближе, спросили тихо другъ у друга, какъ это сдѣлалось, но и онъ, также какъ и я, ничего не зналъ. Мы протѣснились сквозь первую и вторую палату и, вошедъ въ третью, увидя многихъ господъ знатныхъ чиновъ, остановились и лишь только успѣли предстоящимъ поклониться, какъ встрѣтилъ насъ ласковымъ привѣтствіемъ тогда бывшій при дворѣ ея величества между прочими камергеромъ, Петръ Ивановичъ Шуваловъ, который послѣ былъ уже знатный господинъ и великія дѣла въ государствѣ производилъ. Онъ въ знакъ великой всеобщей радости, веселообразно поцѣловалъ насъ и разсказалъ намъ кратко о семъ, съ помощію Всемогущаго начатомъ и благополучно окончанномъ дѣлѣ, и что главнѣйшіе до нынѣ бывшіе министры, а именно: генералъ-фельдмаршалъ гр. Минихъ, тайные дѣйствительные совѣтники и кабинетъ министры графы Остерманъ и Головкинъ, уже всѣ изъ домовъ своихъ взяты и подъ арестомъ сидятъ здѣсь же въ домѣ. Лишь только онъ, окончавъ свою рѣчь, отошелъ, то увидѣли мы въ смѣломъ и весьма веселомъ видѣ бѣгущаго изъ другой палаты, бывшаго прежде г. генералъ полицеймейстера, а послѣ уже въ отставкѣ отъ службы находящагося генералъ шефа Василья Ѳедоровича Салтыкова, о которомъ намъ уже Шуваловъ сказалъ, что и онъ съ своею супругою Марьею Алексан-

дровною въ ономъ дѣлѣ много послужили. Онъ уже тогда ко мнѣ не былъ такъ, какъ прежде благосклоненъ, а къ стоящему вмѣстѣ со мною зятю его, князю Алексѣю Дмитріевичу, съ которымъ дружба моя была ему извѣстна, весьма ненавистнымъ. И такъ ухватилъ меня за руку и, смѣючись, громко говорилъ: „вотъ сенаторы стоятъ*)!“ Я ему на то постояннымъ видомъ отвѣчалъ: „сенаторы сударь!“ Онъ, еще громче захохотавъ, закричалъ: „что теперь скажите, сенаторы?“ Вотъ уже сдѣлалась вокругъ насъ толпа людей, и по большей части знатные господа смотрѣть приступили его на насъ атаку. Я, ни мало не оторопѣвъ, зная жъ его нравъ и подобно польскимъ наѣздамъ употребленія, важнымъ видомъ, смѣло глядя въ его глаза, спросилъ: „что это значитъ, что онъ теперь въ такое время, гдѣ всѣ берутъ участіе радоваться, такъ насъ атакуетъ? Не находитъ ли онъ на насъ какой мѣтки? Или по высочайшему повелѣнію такъ съ нами поступаетъ, такъ бы соизволилъ намъ надлежащимъ образомъ объявить? А мы во всемъ по незазренной нашей совѣсти небоязненно отвѣтствовать готовы.“ Сіи слова мои всѣ храбрости его превратили въ ласковую склонность. Онъ, по своему обыкновенію, скоро подступая ко мнѣ ближе, съ ласковымъ видомъ, смѣясь, говорилъ: „я, другъ мой, теперь отъ великой радости внѣ себя, и сей мой поступокъ по дружеской любви, а не по какой иной причинѣ, и я вамъ сердечно желаю всякаго благополучія и поздравляю со всеобщею радостью.“ И притомъ, поцѣловавъ меня въ обѣ щеки, спѣшно отошелъ въ другую палату. Видящіе такіе его поступки обратили на него глаза, а принцъ

*) Выше видѣли, что назначеніе послѣднихъ новыхъ сенаторовъ (17 сентября 1741 г.) приписывали внушеніямъ гр. Головкина, для пріобрѣтенія большей прочности правительству принцессы Анны. Голицынъ и Шаховской были въ числѣ этихъ сенаторовъ.

гессенъ-гомбургскій, тогда бывшій генералъ шефъ и гвардіи подполковникъ, не малую жъ въ томъ дѣлѣ отъ ея величества повѣренность имѣющій, смѣючись, пѣнялъ ему, что такъ непристойно къ намъ подступилъ и за то справедливо самъ устыженъ. Потомъ ея императорское величество вскорѣ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ изволила въ ту палату, гдѣ и мы между прочими, уже много собравшимися господами находились, войти и, весьма съ милостивыми знаками принимая отъ насъ подданническія поздравленія, дозволила намъ поцѣловать свою руку *)“ ...

Копія съ письма гр. Левенгаупта, отъ $\frac{27 \text{ ноября}}{8 \text{ декабря}}$ 1741 г., къ маркизу де-ла-Шетарди.

Милостивѣйшій государь! я чувствительно обязанъ за благосклонное сообщеніе вашимъ превосходительствомъ извѣстія о неожиданно случившихся событіяхъ, и весьма радъ, что наши манифесты могли облегчить принцессѣ Елизаветѣ вступленіе на русскій престолъ, такъ какъ я лично всегда принималъ участіе въ ея выгодахъ. По этому я не буду причиною какого нибудь пролитія крови между Швеціею и Россіею, лишь бы мнѣ только дали во-время средства, которыя на будущее время гарантировали бы безопасность шведскому королю и королевству **).

---

*) Записки кн. Я. Шаховскаго, М. 1810 г. I, стр. 70—76.

**) Такъ какъ въ слѣдующихъ письмахъ будетъ часто идти рѣчь о гарантіи для Швеціи со стороны Россіи, то здѣсь должно замѣтить, что торжествовавшая тогда въ Стокгольмѣ партія, надѣясь на поддержку Франціи и предполагая воспользоваться смутами при возведеніи на престолъ Елизаветы, несомнѣнно была увѣрена въ возвращеніи всего, что было потеряно Швеціею во времена Петра Великаго. Особенной тайной депутаціи поручено было впередъ составить условія при заключеніи мира съ Россіею. Она

Петербургъ, $\frac{30 \text{ ноября}}{11 \text{ декабря}}$. Копія съ письма де-ла-Шетарди къ Левенгаупту.

Милостивый государь! ея величество всея Россіи, которой я докладывалъ о чувствахъ, которыя выразили вы, узнавъ о вступленіи ея на престолъ, поручила мнѣ увѣрить васъ въ своей за то признательности. Она съ удовольствіемъ увидѣла расположеніе вашего превосходительства ко всему, что можетъ предупредить пролитіе крови. Что же касается до средствъ обезпеченія, которыя вы, милостивый государь, признаете необходимыми для полнаго осуществленія этого предмета, то вы увѣрены найти ихъ въ природной правотѣ и чувствахъ искренности ея величества. Я понимаю однако, что ваше превосходительство можетъ быть стѣсняетесь приказаніями, которыхъ вамъ не дозволено истолковывать и которыя не могли предвидѣть, чтобы случай, происшедшій нынѣ, былъ такъ близокъ къ осуществленію. Какъ ваше превосходительство въ свою очередь поймете, что обстоятельства и отдаленность не дозволяютъ, чтобы дѣла могли идти такъ быстро, какъ было бы желательно, то соблаговолите дать время отправленнымъ въ Швецію и Францію курьерамъ привезти отвѣты. Въ настоящую пору время года такъ сурово, что оправдаетъ весьма естественно всякое, воспослѣдующее не-

---

передала ихъ въ четырехъ запечатанныхъ конвертахъ, которые слѣдовало распечатывать одинъ за другимъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ случаѣ удачи, предполагалось настаивать на возвращеніе Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи со всею землею отъ Ладоги и Онѣги до Гвитагафена; если же шведская армія потерпѣла бы нѣкоторый уронъ, то надобно было довольствоваться Лифляндіею, Эстляндіею, Ингерманландіею, Кексгольмскимъ уѣздомъ и Карелією по границамъ 1700 г.; въ послѣднемъ, худшемъ случаѣ слѣдовало ограничиться Карелією, Выборгскимъ и Кексгольмскимъ уѣздами, Петербургомъ, Кронштадтомъ, Шлюсельбургомъ и запрещеніемъ русскимъ имѣть корабли въ Балтійскомъ морѣ (Hermann's Geschichte des russischen Staates, V, S. 42).

гласнымъ образомъ прекращеніе военныхъ дѣйствій (toute suspension tacite qui aura lieu). Однако я не рѣшился бы дать такой совѣтъ, если бы онъ могъ пасть на отвѣтственность вашего превосходительства. Я беру на себя все, что можетъ отъ того послѣдовать, и смѣю надѣяться, что довѣренность, которую я прошу васъ имѣть къ моему убѣжденію, не навлечетъ на меня никакого выговора со стороны короля (французскаго) и шведскаго королевства, ни справедливаго наказанія, къ которому присудилъ бы меня его величество, если бы зашелъ я слишкомъ далеко.

Петербургъ. 11 декабря. Маркизъ де-ла-Шетарди.

... Мнѣ казалось важнымъ внушить ему (турецкому посланнику) въ эту минуту слѣдующее: Россія не должна ему казаться прежнею, и несносный образъ дѣйствій, который испытывали съ ея стороны, былъ дѣломъ рукъ чужеземцевъ, управлявшихъ ею; но все перемѣнилось съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы. Нашъ дворъ, вступивъ въ обычное положеніе, будетъ стараться столько же мирно жить съ Портою, сколько и положить конецъ раздорамъ, происходящимъ въ Швеціи. Слѣдовательно, будетъ кстати сообразоваться съ нынѣшними обстоятельствами. Наконецъ, просилъ, чтобы онъ мнѣ возвратилъ послѣднее письмо, написанное мною, по его желанію, къ Кастеллану и которое я замѣню другимъ, такъ какъ его курьеръ еще не уѣхалъ.

Справедливо обиженная поступками, выказанными въ отношеніи ея Мардефельдомъ и Финчомъ, царица, приславъ въ пятницу утромъ своего повѣреннаго, требовала моего совѣта, подъ какимъ бы приличнымъ предлогомъ могла она отдѣлаться отъ этихъ мини-

стровъ?.. „Какого бы министра (отвѣчалъ Шетарди) ни прислалъ къ ней прусскій король, онъ будетъ всегда болѣе барона Мардефельда способенъ упрочить дружбу между двумя дворами; слишкомъ же тѣсныя связи послѣдняго съ гр. Остерманомъ и оберъ гофмаршаломъ не дозволяютъ имѣть къ нему полной довѣренности. Царица, прибавилъ я, могла бы также упомянуть о фельдмаршалѣ Минихѣ, однако этого должно остерегаться, такъ какъ прусскій король слишкомъ предубѣжденъ въ его пользу.“

Два частныя обстоятельства еще послужили въ эту минуту поводомъ къ присылкѣ повѣреннаго: прошедшею ночью былъ пожаръ на Васильевскомъ островѣ, и столь сильный, что понадобилось, согласно постановленіямъ, сбирать войска, почему мнѣ казалось, что это можетъ быть произошло не случайно и подастъ поводъ къ какому нибудь волненію. Со времени послѣдняго переворота, я всякую ночь держу на караулѣ служителя, чтобы быть извѣщеннымъ при малѣйшемъ шумѣ; онъ также въ состояніи предупредить о всякой непріятности. Когда меня разбудили, я тотчасъ же послалъ сказать, что подъ предлогомъ безопасности арестованныхъ, необходимо тотчасъ же удвоить при нихъ караулъ, что и было приведено въ исполненіе.

Я выказался также мало довольнымъ редакціею перваго манифеста, съ котораго рукописную копію при семъ прилагаю. — И такъ повѣренному было поручено выразить мнѣ благодарность за добрую предосторожность, на которую я указалъ по случаю пожара, и вручить мнѣ отъ имени царицы множество печатныхъ экземпляровъ втораго манифеста. Государыня надѣялась, что я этимъ буду болѣе доволенъ и желала, чтобы ни одинъ экземпляръ не былъ распространенъ прежде, чѣмъ я просмотрю манифестъ. Вы найдете, милостивѣй-

шій государь, одинъ при настоящемъ письмѣ*). Внимательность со стороны царицы, отдавшей повелѣніе, чтобы отнынѣ подобные документы были переводимы на французскій, также какъ и на нѣмецкій языки, доставляетъ мнѣ возможность сообщать вамъ переводы болѣе вѣрные.....

Елизавета говорила: „отъѣздъ принца и принцессы брауншвейгскихъ съ дѣтьми рѣшенъ, и, чтобы заплатить добромъ за зло, имъ выдадутъ деньги на путевыя издержки и будутъ съ ними обходиться съ почетомъ, должнымъ ихъ званію.“ Царица также предположила назначить имъ болѣе или менѣе значительное ежегодное вознагражденіе, смотря по тому, какъ будетъ довольна она ихъ поведеніемъ въ отношеніи къ себѣ. Она оставляетъ принцессѣ брауншвейгской орденъ св. Екатерины, который та имѣла до ордена св. Андрея, а послѣднимъ она весьма некстати придумала украситься въ качествѣ правительницы; оставляетъ она также андреевскій орденъ герцогу брауншвейгскому, принцу Ивану, его сыну, и принцу Людовику, его брату.

Повѣренный, которому всегда поручаются передача и донесеніе о томъ, что я сочту нужнымъ для сообщенія царицы, возвратился прошедшее воскресенье ко мнѣ съ объявленіемъ отъ ея имени, что съ середы занятія помѣшали ей видѣться со мною, а потому она желала бы, чтобы я сегодня вечеромъ пріѣхалъ во дворецъ. Повѣренный въ то же время передалъ мнѣ, что государ-

---

*) Въ первомъ манифестѣ Елизаветы отъ 25 ноября говорилось, что императрица Анна назначила по себѣ наслѣдникомъ внука своего, которому было нѣсколько мѣсяцевъ, отчего происходили смуты и непорядки, почему подданные, «а особливо лейбъ гвардіи нашей полки» просили Елизавету вступить на престолъ. Во второмъ манифестѣ 28 ноября уже пространно говорится о духовной Екатерины I и о правѣ по ней на престолъ Елизаветы; вся же вина, что она не вступала до того времени на престолъ, была свалена на Остермана.

рыня въ волненіи отъ справедливаго безпокойства на счетъ герцога голштинскаго, ея племянника, а потому рѣшено, для безопасности особы и путешествія герцога, задержать въ Ригѣ принца и принцессу брауншвейгскихъ съ дѣтьми ихъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не достигнетъ русскихъ предѣловъ.

Мои первыя мысли, какъ я это постоянно испытывалъ, всегда наводятъ меня на то, что можетъ при всякомъ удобномъ случаѣ быть отнесено къ славѣ и службѣ короля, чтобы потомъ уже вѣрнѣе направить себя къ предмету, на который сначала обращено было мое вниманіе. Я вовсе не уменьшалъ безпокойства царицы; напротивъ распространялся о досадномъ неудобствѣ, что герцогъ голштинскій не можетъ проникнуть въ Ливонію, не минуя Мекленбурга или герцогства брауншвейгскаго, а оттуда Пруссіи; но что это обстоятельство, по моему мнѣнію, не должно однако заставлять арестовывать принца и принцессу брауншвейгскихъ въ Ригѣ, потому что чѣмъ болѣе царица пріобрѣтетъ славы и обезсмертитъ себя нынѣшнимъ обхожденіемъ съ ними, тѣмъ скорѣе она, поступивъ такъ (т. е. арестовавъ), изгладитъ заслугу своего великодушія. Можетъ быть будетъ проще, чтобы царица велѣла герцогу голштинскому поспѣшнѣе ѣхать во Францію. Тогда она тѣмъ болѣе будетъ успокоена, что знаетъ сама, въ какія руки довѣряетъ она племянника, и въ такомъ случаѣ король, если бы подобное предложеніе осуществилось, велитъ проводить этого принца будущимъ лѣтомъ въ Россію на эскадрѣ, къ которой можетъ присоединиться и русская при проходѣ въ Зундъ. И такъ герцогъ пріѣхалъ бы, и для царицы, и для него самого, болѣе достойнымъ образомъ, между тѣмъ какъ теперь ему придется отправиться сухимъ путемъ, сохраняя инкогнито. Это предложеніе хотя и понравилось повѣренному, однако казалось мнѣ не такъ будетъ принято царицею, такъ какъ я слышалъ отъ не-

го о нетерпѣніи ея видѣть поскорѣе здѣсь племянника. По этому я съ этой же минуты приготовился къ другому способу, сколько для того, чтобы не утрачивать своего вліянія чрезъ предложенія, которыя будутъ отвергнуты, столько же и для искорененія здѣсь до основанія нѣмецкой націи. Когда вечеромъ я повторилъ ей высказанное мною утромъ повѣренному, который одинъ присутствуетъ при подобныхъ разговорахъ, то она, выразившись такъ, что видна была полная довѣренность къ его величеству, прибавила, смѣясь: „И такъ надобно отложить до іюня или іюля свиданіе съ племянникомъ—это очень долго!“ Я предвидѣлъ, возразилъ я, что ваша привязанность къ нему можетъ быть не примириться съ такимъ замедленіемъ, и придумалъ другое средство, которое, не ослабляя того, что ваше величество имѣли благосклонность оказать принцу и принцессѣ брауншвейгскимъ, доставитъ возможность привести его безопасно въ Ригу въ то самое время, когда тѣ отсюда прибудутъ туда. Отправьте скорѣе въ Киль четырехъ русскихъ офицеровъ, на которыхъ вы можете положиться; поручите имъ письмо къ принцу, вашему племяннику; прикажите ихъ сопровождать восьми преображенскимъ гренадерамъ, вооруженнымъ и переодѣтымъ въ лакеевъ, и чтобы главныя лица изъ герцогскаго двора, которыя могли бы за нимъ слѣдовать, и въ особенности г. Брюммеръ, остались въ Килѣ. Брюммеръ только одинъ долженъ знать тайну, потому что онъ, какъ гувернеръ и оберъ-камергеръ герцога, имѣетъ возможность показать притворный видъ, что принцъ опасно боленъ и никто не можетъ къ нему входить въ комнату; герцогъ проѣдетъ безопасно, а между тѣмъ всѣ будутъ въ увѣренности, что онъ лежитъ въ своей постелѣ. Ваше величество прикажетъ въ то же время, чтобы вмѣсто ста человѣкъ, назначенныхъ провожать принца и принцессу брауншвейгскихъ—я не понимаю, какъ такъ

мало назначили — имъ дали по крайней мѣрѣ четыреста, въ тѣхъ видахъ, что показывая чрезъ то большую заботливость объ ихъ безопасности, можно выиграть отъ подобнаго увеличенія провожатыхъ время, и они будутъ вынуждены каждый день проѣзжать весьма незначительныя пространства. Я, соглашаясь, что довѣренность, которую Брюммеръ заслужилъ своею приверженностью къ герцогу голштинскому, заставляетъ желать, чтобы онъ пріѣхалъ съ нимъ, утверждалъ, не слишкомъ настаивая, что не будетъ тайны, если онъ не останется въ Килѣ, чтобы скрыть отъѣздъ. Дѣйствительно, добившись этого, я могъ лучше воспользоваться временемъ для отдаленія его и всѣхъ нѣмцевъ отъ двора этого принца. Царица, не рѣшившись окончательно, была болѣе моего мнѣнія. Повелѣніе объ увеличеніи отряда провожатыхъ трехстами человѣками было дано тотчасъ же, и генералъ Салтыковъ, которому поручено вести его, былъ немедленно призванъ и при мнѣ получилъ словесныя приказанія царицы, чтобы отдалить на мѣсяцъ или недѣль на пять прибытіе принца и принцессы брауншвейгскихъ въ Ригу, и чтобы притворныя затрудненія собрать въ Курляндіи достаточное число лошадей замедляли ихъ путешествіе до тѣхъ поръ, пока герцогъ голштинскій не проѣдетъ [42]).

Я узналъ чрезъ повѣреннаго, что царица, не будучи въ состояніи преодолѣть своего отвращенія ко всѣмъ здѣшнимъ иностраннымъ министрамъ, не хотѣла назначать еще часа для принятія отъ нихъ поздравленій и намѣрена нарочно дать пройти празднику, который будетъ послѣ завтра по случаю дня св. Андрея, прежде допущенія ихъ къ себѣ на аудіенцію. Я навелъ разговоръ на этотъ предметъ и, убѣдившись, что такова была ея мысль, взялъ смѣлость представить ей, что, дѣйствуя по примѣру ихъ, я бы могъ съ удовольствіемъ замѣтить, что она готовитъ имъ тѣ же оскорбленія, ко-

торыя передъ тѣмъ они старались нанести мнѣ; но я тѣмъ болѣе далекъ слѣдовать подобнымъ правиламъ, что для нея необходимо не подавать повода къ жалобамъ по этому предмету. Она смутитъ и поразитъ ихъ болѣе, когда послѣ завтра сдѣлаетъ ихъ свидѣтелями радости своего двора, и даже пригласитъ ихъ играть съ собою, хотя они и старались всячески исключать меня изъ партіи съ правительницею. Царица одобрила этотъ совѣтъ и послѣдовала ему.

Вчера въ 2 часа утра, принцъ и принцесса брауншвейгскіе отправились съ своими дѣтьми, чтобы возвратиться въ Германію. Принцъ Людовикъ вольфенбюттельскій, за неимѣніемъ лошадей, послѣдуетъ за ними только нѣсколько времени спустя. Въ ту минуту, какъ они уѣзжали, прибылъ ко мнѣ кавалеръ Креспи. Изъ его донесенія, которое прилагаю при семъ вмѣстѣ съ копіею письма ко мнѣ гр. Левенгаупта и моего отвѣта на него, вы увидите, что я ненапрасно смотрѣлъ на событіе, доставившее престолъ принцессѣ Елизаветѣ, какъ на эпоху, чрезвычайно счастливую для Швеціи; поэтому-то, чтобы удержать столь неумѣстный и нетерпѣливый жаръ шведскаго генерала, не колебался я принять все на себя. Его самоувѣренность тѣмъ болѣе еще удивила меня, когда я узналъ отъ кавалера Креспи, что шведская армія никогда не состояла изъ 23 т. человѣкъ и не можетъ выставить къ будущей кампаніи болѣе 14 т. человѣкъ. „Если мое письмо не произведетъ дѣйствія, сказалъ я ему, которое — согласитесь сами — должно было бы имѣть на всякаго человѣка, менѣе стойкаго въ своихъ намѣреніяхъ, чѣмъ гр. Левенгауптъ, то увѣрьте его въ истинѣ того, что Россія далеко теперь не та, какою была недѣлю тому назадъ. Ея силы удвоились отъ переворота; вмѣсто истощенныхъ финансовъ, царица нашла въ огромныхъ богатствахъ фаворитки Менгденъ

и еще найдетъ въ конфискаціи имуществъ арестованныхъ лицъ чѣмъ продолжать стойко войну, не обременяя народа ни одной податью. Сколько народу была противна эта война, когда онъ на нее смотрѣлъ, какъ на дѣло рукъ иноземцевъ, столько же нынѣ онъ употребитъ послѣднія усилія при одномъ только подозрѣніи, что Швеція противъ государыни, которую обожаетъ и въ которой видитъ освободительницу. Швеція, оказавшая въ глазахъ каждаго русскаго заслугу распространеніемъ своего манифеста, даромъ изгладитъ ее, чтобы навлечь ненависть, которая увѣковѣчится изъ поколѣнія въ поколѣніе. Графъ Левенгауптъ жестоко ошибется, когда будетъ далеко простирать свою увѣренность при такомъ слабомъ войскѣ, какое находится въ его распоряженіи. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ достоинствѣ и храбрости шведскихъ войскъ, однако я съ сожалѣніемъ ручаюсь ему за такую вражду со стороны русскихъ, что онъ не приведетъ съ собою назадъ въ Швецію ни одного человѣка. Наконецъ, если онъ захочетъ уважить соображенія, которыя французамъ всегда внушаетъ ихъ любовь къ шведамъ, то смѣю надѣяться, что оставаясь здѣсь, я буду въ состояніи служить съ пользою Швеціи; отказавшись же отъ того, онъ отниметъ у меня даже средства выполнять повелѣнія, которыя будутъ мнѣ даны его величествомъ.

Я ошибся въ томъ, что сообщилъ вамъ, милостивѣйшій государь, въ концѣ моего послѣдняго письма,—одна и та же фамилія была причиною тому: кн. Трубецкой, котораго посылала ко мнѣ царица, дѣйствительно камергеръ, но тотъ, который былъ у прочихъ министровъ, только камеръ-юнкеръ. Она, не смотря на возраженія, которыя могли ей сдѣлать, настояла на желаніи выказать тѣмъ отличіе министру короля.

Вчера утромъ сдѣлано было приглашеніе на такомъ же основаніи (sur le même pied), и хотя царица велѣла

мнѣ выразить, что она посылаетъ ко мнѣ единственно потому, что такъ поступила съ другими; но предполагаетъ въ то же время, что я не буду утруждать себя исполненіемъ приглашенія. Я однако счелъ обязанностью не отдѣляться отъ иностранныхъ министровъ, чтобы не подавать повода ни къ какимъ нападкамъ. Царица не замедлила возвратиться изъ придворной церкви, гдѣ пожаловала кавалерами ордена св. Андрея Бестужева и генераловъ Чернышева и Левашева, также какъ и Румянцева, русскаго посланника въ Константинополѣ. Слѣдуя обычаю, царица обѣдала съ новопожалованными и прежними кавалерами. Вечеромъ былъ балъ. Я имѣлъ честь открыть его съ царицею и потомъ принимать участіе въ игрѣ съ маркизомъ Ботта, Финчемъ и Мардефельдомъ. Она покинула игру и велѣла позвать меня въ сосѣднюю комнату, гдѣ я ей передалъ содержаніе письма гр. Левенгаупта и отвѣта, который предполагалъ ему написать. Съ послѣдняго она сохранила у себя копію, выразивъ свое благоволеніе за то, что министръ его величества (французскаго) не пропускаетъ никакого случая быть полезнымъ ей. Кавалеръ Креспи, въ шведскомъ мундирѣ, принималъ между тѣмъ участіе въ балѣ и былъ принятъ всѣми прекрасно. Потомъ я представлялъ его царицѣ, которая допустила его къ рукѣ, сказавъ: „прошу васъ, поспѣшайте (faites diligence, je vous prie) и увѣрьте г. Левенгаупта, что я добрый другъ шведовъ.“ Кавалеръ Креспи уѣхалъ въ Финляндію въ тотъ же вечеръ.

Царица, чтобы начать добрыми дѣлами первыя минуты своего царствованія, возвратила изъ ссылки всѣхъ князей Долгорукихъ и Голицыныхъ и множество другихъ, которыхъ повергнули въ несчастіе. Она велѣла также раздавать, въ продолженіи 6 дней, собравшимся, по приказанію, передъ дворцомъ бѣднымъ, въ числѣ 6 или 7 т. человѣкъ — по 50 коп. каждому.

Не могу пропустить одного обстоятельства, которое я однако желалъ бы предотвратить, когда бы могъ его предвидѣть. Многочисленная депутація третьяго гвардейскаго полка приходила благодарить меня за добрые совѣты, которые давалъ я ихъ государынѣ, и поздравляла меня съ тѣмъ, что для нихъ все счастье въ славѣ короля (et me félicitèrent de ce que la gloire du Roi faisait tout leur bonheur). Чтобы вести дѣло по военному, какъ это было прилично, гренадеры и я много обнимались другъ съ другомъ. Уступая ихъ настоянiямъ, я выпилъ съ ними за здоровье его величества (короля французскаго) и царицы, а потомъ велѣлъ имъ дать денегъ *).

Относительно княгини Долгорукой, будьте увѣрены, милостивѣйшій государь, что горячая признательность, которою проникнута она съ тѣхъ поръ, какъ я передалъ ей о рѣшенiи короля, оправдаетъ ту пользу, которую, какъ я убѣждаюсь болѣе и болѣе, мнѣ принесетъ она здѣсь. Другое лицо также будетъ тѣмъ полезнѣе подкупить (à gagner), что онъ повѣренный другъ и родственникъ Бестужева, котораго вы скоро увидите одного въ главѣ иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ, подарокъ, какой сочтете вы приличнымъ сдѣлать повѣренному за то, что онъ хорошо служилъ принцессѣ и помогалъ благимъ намѣренiямъ короля, обезпечилъ бы выгоду знать обо всемъ, что произойдетъ даже до малѣйшихъ подробностей, тѣмъ болѣе, что его не замедлятъ назначить одного тайнымъ секретаремъ царицы.

Въ заключенiе надѣюсь, что вы замѣтите, что отнынѣ въ донесенiяхъ моихъ о разговорахъ съ царицею я сообщаю только факты и помѣщаю въ отдѣльномъ

---

*) Англiйскiй резидентъ Финчъ писалъ 15 декабря: «французскiй посланникъ продолжаетъ быть первымъ министромъ. За нимъ очень ухаживаютъ. Янычары съ нимъ чрезвычайно обнимаются во дворцѣ (La Russie il y a cent ans, p. 90)»...

письмѣ о предметахъ, относящихся къ пользѣ службы короля, такъ какъ въ случаѣ если бы царица возъимѣла любопытство пробѣжать которыя нибудь изъ моихъ донесеній, то важно чтобы всѣ предметы представлялись ей клонящимися только къ ея пользамъ и, слѣдовательно, совершенно согласными съ интересами его величества (французскаго). Я даже думалъ написать шифрами многія статьи этого письма, хотя бы онѣ и не заслуживали того, и эта предосторожность будетъ необходима также на будущее время касательно всего того, что вы признаете кстати предписать мнѣ, въ тѣхъ видахъ, что если нечего опасаться нынѣ за мои письма со стороны русскихъ, то все-таки депеши должны проходить чрезъ государства, гдѣ полезно не доставлять никакого доказательства довѣренности, которою мнѣ дѣлаетъ честь царица.

Примѣчаніе.

[42]) Отправленіе брауншвейгской фамиліи было возложено на того самаго Василья Ѳедоровича Салтыкова, съ коимъ, какъ видѣли выше на стр. 438—440, Шаховской имѣлъ крупный разговоръ во дворцѣ въ ночь, когда вступила на престолъ Елизавета. Первая инструкція ему была дана 28 ноября, а на другой день, т. е. 29, дѣйствительно онъ получилъ „секретнѣйшій указъ“, гдѣ предписывалось: „хотя данною вамъ секретною инструкціею и велѣно въ слѣдованіи вашемъ никуда въ городы не заѣзжать, однако жъ ради нѣкоторыхъ обстоятельствъ, то чрезъ сіе отмѣняется, а имѣете вы путь вашъ продолжать наивозможно тише и держать растахи на одномъ мѣстѣ дня по два“... Какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, и за Салтыковымъ, во время исполненія порученія, слѣдили, такъ напр. 11 октя-

бря 1742 г. къ нему писала Елизавета: „господинъ генералъ! Увѣдомились мы, что принцесса Анна васъ бранитъ, тако жъ что принцъ Іоаннъ, играючи съ собачкою, бьетъ ее по лбу, а какъ его спросятъ: кому-де батюшка голову отсѣчешь? то онъ отвѣтствуетъ, что Василью Ѳедоровичу! И будь-то правда, то намъ удивительно, что вы о томъ намъ не доносите. По полученіи сего, пришлите къ намъ отвѣтъ, подлинно ли такъ, или нѣтъ? Понеже коли то подлинно, то я другія мѣры возьму, какъ съ ними поступать, а вамъ надлежитъ того смотрѣть, чтобъ они васъ въ почтеніи имѣли и боялись васъ, а не такъ бы смѣли поступать“...

5 декабря 1741 года.

При частныхъ свиданіяхъ, когда царица дозволила мнѣ бывать у нея (de lui faire ma cour), въ среду и сегодня, я могъ убѣдиться, что Бракель не казался ей отнынѣ пригоднымъ для дѣлъ, потому что до сихъ поръ его употребляли только, какъ креатуру Остермана. Эта причина, основательная сама по себѣ, не могла не дозволить мнѣ сдѣлать замѣчанія, которое моя приверженность къ ней уже заставляла дѣлать, именно что ни въ какомъ случаѣ неприлично, чтобы Бракель, Кейзерлингъ, Зольмсъ и Корфъ исполняли должности ея министровъ при иностранныхъ дворахъ *). Это значило

*) О Кейзерлингѣ, Корфѣ и Бракелѣ, упоминалось выше на стран. 8, 89—90. Послѣдній изъ нихъ умеръ вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Елизаветы русскимъ министромъ при берлинскомъ дворѣ. Двое первыхъ оставались русскими послами и при Елизаветѣ. Зольмсъ былъ зять фельдмаршала Миниха, и во время суда надъ нимъ ему ставили въ вину возвышеніе Зольмса. Минихъ отвѣчалъ: «Зятю своему, гр. Зольмсу безъ знатной услуги вдругъ чинами наградить и при польскомъ дворѣ министромъ опредѣлить— вспоможеніе въ томъ чинилъ по свойству и уповая, что онъ однакожъ и достоинъ»...

выказывать недостатокъ, приносящій очень мало чести русскимъ людямъ, когда старались до сихъ поръ предпочитать иноземцевъ природнымъ русскимъ; а между тѣмъ государю никто никогда не можетъ служить вѣрнѣе своихъ природныхъ подданныхъ (sujets naturels). Царица одобрила и этотъ взглядъ, и мои мысли, и мое усердіе, и намѣрена отозвать въ скоромъ времени четырехъ изъ названныхъ мною лицъ. Желаніе ускорить благопріятное для Бестужева распоряженіе побудило меня напомнить государынѣ, что иностранные министры говорили мнѣ, какъ это и было въ самомъ дѣлѣ, что они очень затрудняются имѣть сношенія съ кн. Черкасскимъ, который не знаетъ никакого иностраннаго языка, и сильно желаютъ, чтобы царское величество соизволила избрать министра, къ которому могли бы они обращаться. „Еще не время, отвѣчала она, впрочемъ, что вамъ за нужда? Вы будете вести переговоры прямо со мною, а другіе иностранные министры пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ!“

Она была такъ благосклонна, что сообщила мнѣ при этомъ случаѣ, что маркизъ Ботта, не теряя ни одной минуты, требовалъ, при содѣйствіи кн. Черкасскаго, объ оказаніи помощи (Австріи) въ 30 т. человѣкъ. „Я велѣла ему сказать, прибавила она, что сама вынуждена вести войну, а первое правило думать прежде о себѣ, а не о другихъ. Я желала бы знать, на что полезенъ союзъ съ австрійскимъ домомъ и какое изъ него сдѣлать употребленіе?“... „Очень небольшое въ настоящее время, отвѣчалъ я; что же касается до прошедшаго, то вы были бы обязаны ему признательностью, когда бы онъ своими происками имѣлъ въ виду увеличеніе вашей славы, которую вы себѣ стяжали вступленіемъ на престолъ. Какъ мои рѣчи никогда не будутъ измѣнчивы въ томъ, что касается вашей пользы, то вы можете припомнить, что я имѣлъ честь говорить вамъ годъ тому

назадъ. Если бы не было васъ и если бы не выказали вы мужества, то вѣнскій дворъ, всегда надѣявшійся руководить Россіею по своему усмотрѣнію, успѣлъ бы возложить корону на главу сына принца брауншвейгскаго и такимъ образомъ исполнилъ бы дѣло, надъ которымъ началъ работать съ 1714 (1711 г.?) при помощи брака царевича съ принцессою Беверн.“ „Я помню эти слова очень хорошо, отвѣчала она, смѣясь, но согласитесь что этотъ планъ хотя и начатъ издавна, однако въ одну минуту ниспровергнутъ даже до основанія.“

Я не колеблюсь думать, что царица выразилась такимъ образомъ съ тѣмъ большею искренностью, что она будетъ искать посредничества его величества для умиренія Сѣвера. Покрайней мѣрѣ не будетъ она отвращена отъ того: нынѣ Францію здѣсь благословляютъ (la France est aujourd'hui en bénédictions)!

Нація единодушно признаетъ, что миръ со Швеціею и Портою, единственными сосѣдями и естественными своими врагами, которыхъ имѣетъ Россія, будетъ тогда только прочно утвержденъ, когда употребитъ его величество (французскій) уважаемую силу своего благосклоннаго представительства (le poids respectable de ses bons offices). Нація также единодушно возвращается къ тому, чтобы упрочить крѣпчайшимъ образомъ связи съ его величествомъ, и я знаю, что для утвержденія ихъ на всегда, заняты уже мыслію о бракѣ между одною изъ французскихъ принцессъ съ герцогомъ голштинскимъ, какъ только онъ будетъ признанъ наслѣдникомъ престола. Каковы бы ни были послѣдствія такихъ обстоятельствъ, во всякомъ случаѣ, я не полагаю, чтобы было слишкомъ рано сообщить вамъ объ этомъ. Заранѣе предупрежденные чрезъ то о расположеніи здѣсь умовъ, его эминенція и вы, милостивѣйшій государь, будете лучше въ состояніи оцѣнить, что можетъ болѣе споспѣ-

ществовать славѣ и выгодамъ его величества, и оправдываетъ ли такое расположеніе предвидѣнную мною, 26 октября, возможность подчинить вполнѣ Сѣверъ вліянію короля и доставить здѣсь случай къ выгодной торговлѣ французамъ на развалинахъ англійской и голландской?

5 декабря. Извлеченіе изъ письма маркиза де-ла-Шетарди къ графу де-Кастеллану.

Новыя повелѣнія короля, которыя дворъ прикажетъ сообщить вамъ, могутъ одни опредѣлить теперь употребленіе и примѣненіе того, что я имѣлъ честь постепенно сообщать вашему превосходительству. Турецкій посланникъ также сознаетъ, что онъ можетъ, подобно мнѣ, встать въ противорѣчіе къ тому, чему до сихъ поръ онъ справедливо содѣйствовалъ. Дѣйствительно, Россія не должна казаться прежнею. Невыносимые поступки, которые испытывали отъ нея, были дѣломъ иноземцевъ, правившихъ ею, но все измѣняется съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы. Чрезъ это русскій дворъ, вступивъ въ свое естественное состояніе (dans son état naturel), будетъ стараться столько же жить согласно съ Портою, сколько и положить скорѣе конецъ раздорамъ, происшедшимъ со Швеціею. Турецкій посланникъ уже испыталъ на себѣ то уваженіе, котораго онъ могъ ожидать отъ искреннихъ намѣреній царицы, и я не сомнѣваюсь, чтобы по тѣмъ же причинамъ онъ еще до своего отъѣзда, необходимо замедливавшагося отъ того, что нынѣ случилось, не получилъ справедливыхъ знаковъ уваженія, которыхъ можетъ заставить желать его слава Порты. Это изложеніе, каково бы оно ни было, достаточно, чтобы судить вашему превосходительству о средствахъ, которыя слѣдуетъ употребить, и образѣ дѣйствія, который должно принять, какъ то укажетъ вамъ ваше бла-

горазумiе. За тѣмъ, чтобы удовлетворить вашему любопытству, мнѣ остается только ограничиться подробностями объ обстоятельствахъ, которыя произвели здѣсь это великое событiе.

7 декабря 1741 г. Копiя съ письма маркиза де-ла-Шетарди къ графу Левенгаупту.

Письмо, которымъ изволили почтить меня ваше сіятельство 4 числа настоящаго мѣсяца, было мнѣ вручено сегодня утромъ. Я не медлилъ ни минуты, чтобы отправиться во дворецъ и сообщить ея величеству всероссійской о содержаніи его. Она не желаетъ отдѣлять отъ блага отечества блага, которому въ особенности желаете вы успѣха съ восшествіемъ ея на престолъ. Она убѣждена, что расположеніе ея къ Швеціи примиритъ и соединитъ и то, и другое. Ея величество всероссійская увидѣла съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что ваше сіятельство, достаточно уполномоченные отъ своего двора на всѣ могущія случиться событія, тѣмъ не менѣе однако соглашаетесь съ намѣреніями, которыя она выразила съ первой минуты своего восшествія на престолъ. По этому ея величество всероссійская, вполнѣ увѣренная въ обѣщаніе, которое выразили мнѣ ваше сіятельство, не предпринимать ничего, тотчасъ же приказала отправить самыя точныя повелѣнія, чтобы подданные его величества шведскаго были оставлены въ покоѣ и никакимъ бы образомъ не были тревожимы въ мѣстахъ своихъ жилищъ. Участіе, приписываемое мнѣ вашимъ сіятельствомъ въ случившемся, есть ни что иное, какъ слѣдствіе предубѣжденія, слишкомъ для меня лестнаго. Мнѣ будетъ чрезвычайно пріятно оправдать его въ довѣрчивой перепискѣ, въ которую повидимому желаете войти со мною. Полагаю, что лучшимъ средствомъ сдѣлать ее

полезною, будетъ то, чтобы ваше сіятельство соизволили послѣдовательно сообщать мнѣ письменно или чрезъ кавалера Креспи, какіе могутъ быть ваши виды? До сихъ поръ мои инструкціи могли только касаться возгорѣвшейся войны, и если повелѣнія, ожидаемыя мною отъ короля, будутъ простираться на все, что относится къ примиренію, то ничто можетъ быть не будетъ такъ содѣйствовать и облегчать примѣненіе средствъ, которыя будутъ приняты за болѣе умѣстныя, какъ свѣдѣнія, которыя вашему сіятельству благоугодно будетъ мнѣ доставить. Впрочемъ повергаю на ваше усмотрѣніе мысль, возбужденную единственно моимъ усердіемъ.

С. Петербургъ, 8 декабря 1741 г., 11 часовъ утра; получена 10 января 1742 г.

Вы не сомнѣваетесь въ чрезмѣрной радости, доставленной мнѣ одобреніемъ, которое вамъ угодно было выразить моимъ дѣйствіямъ въ бытность здѣсь г. д'Авена. Сильно желаю заслужить такое одобреніе во всѣхъ дѣлахъ, чтобы не слишкомъ гордиться этимъ случаемъ. Вы справедливо заключаете изъ представленнаго мною отчета, что принцессѣ Елизаветѣ вовсе не названо главное лицо; покрайней мѣрѣ я старательно оставлялъ ее въ невѣдѣніи, и ничто не даетъ мнѣ повода къ сомнѣнію, чтобы она знала объ этомъ изъ другаго источника.

.....

Благоволеніе, которое вслѣдствіе моихъ замѣчаній угодно было царицѣ выказать къ турецкому посланнику, не уменьшаетъ вовсе внутренняго затрудненія, чувствуемаго мною отъ наглаго упрямства (de l'obstination téméraire) гр. Левенгаупта продолжать, по прежнему, походъ къ Выборгу. Я дѣйствительно видѣлъ, что доб-

рое расположеніе этой государыни уступило необходимости обезопасить себя, и злонамѣренные воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы подстрекнуть государыню. Они однако успѣли только въ томъ, что добились отъ нея повелѣнія, чтобы всѣ войска были готовы къ выступленію, и я, показывая видъ, что соглашаюсь на это, какъ на средство, котораго неизбѣжно требуетъ благоразуміе, тѣмъ только лучше поддерживаю довѣренность, которую постоянно царица выказываетъ въ надеждѣ на мои обѣщанія, что отвѣтъ шведскаго генерала будетъ соотвѣтствовать ея желаніямъ. Письмо Левенгаупта, съ котораго копія при семъ препровождаю, вмѣстѣ съ отвѣтомъ моимъ, отправленнымъ съ тѣмъ же русскимъ офицеромъ, котораго прислалъ ко мнѣ генералъ Кейтъ—письмо это вполнѣ оправдало то, что я предполагалъ. Вчера я имѣлъ удовольствіе видѣть, что царица сама отдала самое строгое повелѣніе не дѣлать разъѣздовъ для развѣдокъ о непріятелѣ и постоянно съ живѣйшею признательностью относила дружбѣ короля успѣхъ дѣлъ, которыя принимала она къ сердцу. Такъ какъ изъ этой мѣры предварительной, необходимой со стороны царицы и гр. Левенгаупта, слѣдуетъ указанное мною негласное прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій, то я считалъ нужнымъ поспѣшить увѣдомленіемъ васъ, милостивѣйшій государь, почему и отправляю эстафету къ маркизу де-Валори (Valory)*). Онъ замѣнитъ ее курьеромъ на тотъ конецъ, чтобы повелѣнія короля, которыя вы передадите г. де-Ланмари (de Lanmary) и сообщите мнѣ, могли предупредить новыя непріязненныя дѣйствія и придать дѣятельность переговорамъ, если только его величество при-

*) Онъ былъ французскимъ министромъ въ Берлинѣ послѣ дела-Шетарди. Въ Парижѣ въ 1820 г. изданы его Mémoires des négotiations du marquis de Valory; къ сожалѣнію я не могъ достать этой книги въ Петербургѣ, но въ ней должны быть какія нибудь подробности описываемыхъ здѣсь событій. Ср. также выше стр. V.

знаетъ удобнымъ возвратиться къ этому пути. Одно частное обстоятельство, побуждаетъ меня считать такую предосторожность съ моей стороны еще болѣе важною — это то, что я не могу болѣе заблуждаться на счетъ положенія шведской арміи и, не будучи въ состояніи—полагаю, что основательно — выказывать такую же увѣренность, какъ г. Левенгауптъ, я обязанъ думать, что великая держава, желающая вести войну, должна за то взяться иначе, нежели какъ это сдѣлала Швеція, или вовсе не мѣшаться въ нее. Чѣмъ болѣе король справедливо видитъ въ ней естественную свою союзницу на Сѣверѣ, тѣмъ болѣе въ его выгодахъ не подвергать ее опасности и не тратить безъ пользы значительныхъ субсидій, когда сберегая эти издержки, онъ въ состояніи, при помощи своего вліянія, обезпечить ее и сдѣлать болѣе страшною для диверсіи; когда вмѣсто того, чтобы дѣйствовать одной съ слабостью, которая выказывается въ настоящемъ случаѣ можетъ быть вслѣдствіе конституціи, не оправданной даже двадцатью годами мира, Швеція, соединенная съ Россіею, будетъ дѣйствовать за одно.

Я еще болѣе утвердился въ этихъ мысляхъ, когда сегодня послѣ полудня царица сама вручила мнѣ копію съ письма, написаннаго ею къ королю. Я прилагаю ее шифрованною. для предохраненія отъ любопытства, котораго можно опасаться при пересылкѣ чрезъ прусскія владѣнія. Просьба, высказанная этою государынею его величеству о посредничествѣ, будетъ навсегда славною эпохою въ царствованіи короля и для его министерства. Чѣмъ болѣе старался я льстить суетности царицы, чтобы подвигнуть ее къ этому поступку, тѣмъ менѣе смѣлъ высказывать объ этомъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, и не буду смѣть говорить о другихъ обстоятельствахъ, внушенныхъ мнѣ усердіемъ къ службѣ короля, до тѣхъ поръ, пока я не придамъ имъ всей прочности. Впрочемъ я

узналъ чрезъ повѣреннаго, что русскіе министры, завистливые къ мѣрамъ, которыя предпринимаетъ государыня со мною безъ ихъ вѣдома, выставляли меня человѣкомъ, разумѣется болѣе тонкимъ, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ, и съ которымъ слѣдуетъ быть осторожнымъ. Они даже дали знать, что имѣя въ виду только выгоды короля, я не буду слишкомъ разборчивъ въ предложеніяхъ царицѣ мѣръ, противныхъ ея пользамъ; что я выказалъ напр. много излишней поспѣшности при представленіи ей возможности прекратить непріязненныя дѣйствія съ Швеціею; что, наконецъ, нѣкоторые изъ министровъ были того мнѣнія, чтобы пригласить другіе дворы къ посредничеству его величества. Царица, подтвердивъ всѣ эти обстоятельства, соизволила сказать мнѣ: „я даже не удостоила отвѣтомъ подобныя внушенія. Я слишкомъ убѣждена въ вашей ко мнѣ привязанности и желаю только слѣдовать чувству полнѣйшей довѣренности, которую имѣю къ дружбѣ короля“. „Чтобы ни дѣлали, чтобы ни говорили, возразилъ я тотчасъ же, но если ваше величество подвергнете меня испытанію, то увидите, способенъ ли я измѣнить особенно тому, что можетъ упрочить мою почтительную привязанность къ вашей особѣ? Справедливо думаютъ обо мнѣ, когда полагаютъ, что для меня долгъ мой прежде всего — это право, которымъ я желаю болѣе и болѣе заслужить благосклонность вашего величества. Но у меня то преимущество, что вслѣдствіе расположенія, о которомъ вы мнѣ заявили, и для существенной пользы Россіи, я никогда не могу трудиться на пользу короля, не служа въ то же время вашему величеству.“

Ея министры, сверхъ того, были бы менѣе противъ выказываемой мнѣ царицею довѣренности, если бы они не досадовали, видя, что она дѣйствуетъ сама, и если бы они не желали и не надѣялись поставить съ самаго начала дѣла въ такое положеніе, чтобы она ничего не пред-

*

принимала безъ ихъ участія. Царица не пропустила даромъ того, что я желалъ, чтобы она почувствовала. „Я очень хорошо замѣтила, отвѣчала она мнѣ, что они льстили себя этою надеждою, но далекая отъ желанія, чтобы они меня руководили, я думаю ими управлять, потому что они имѣютъ въ томъ нужду. Здѣсь не такъ какъ во Франціи, гдѣ государь всегда можетъ найти подданныхъ, на которыхъ онъ можетъ положиться. Они впрочемъ должны тѣмъ болѣе утѣшиться постановленнымъ мною съ вами, что я бы сдѣлала болѣе, если бы мнѣ надобно было передѣлывать вновь; для большаго же сохраненія въ тайнѣ сношеній съ королемъ, я, по вашему совѣту, отправляемое къ нему письмо написала все своею рукою, и оно не контрасигнировано.“

Донесеніе кавалера Кресси, посланное маркизомъ де-ла-Шетарди 12 декабря 1741 года.

Графъ Левенгауптъ уѣхалъ изъ Фридрихсгамна 2 декабря новаго стиля. Его армія, состоящая изъ 5800 человѣкъ пѣхотинцевъ и 500 драгунъ, пошла полками по дорогѣ изъ Фридрихсгамна къ Выборгу. Драгуны были въ аванъ-гардѣ, за ними слѣдовали войска остальной арміи, которой глава (la tête) достигла, послѣ пятидневнаго похода, въ Секайерви (Sekayervis) отъ Выборга въ 4 лье, а авангардъ въ Вилаиски (Vilayski) на одно лье впереди Войско, въ продолженіи трехъ дней, приходило отрядами (par pelotons) и не все было еще въ сборѣ, когда пришла вѣсть о переворотѣ, случившемся въ Петербургѣ вслѣдствіе восшествія на престолъ принцессы Елизаветы. Армія уже начала тогда терпѣть отъ холода, поноса (de la dissenterie) и даже отъ недостатка въ припасахъ, которыхъ не могли привезти въ количествѣ, достаточномъ для существованія

такого значительнаго корпуса войскъ, сколько по отдаленности Фридрихсгамна, (отъ котораго до главной квартиры 7 финляндскихъ лье, составляющихъ покрайней мѣрѣ 20 французскихъ), столько же и по недостатку въ лошадяхъ, ихъ малосилію, такъ-какъ они ослабли по неимѣнію корма. Въ этотъ походъ генералъ не выказывалъ ничего, кромѣ намѣренія прибѣгнуть къ фуражировкѣ отъ Вилайски до Фридрихсгамна, и всѣ старые офицеры бились изъ всѣхъ силъ, чтобы найти другое средство, и болѣе полезное, и болѣе честное; но разумѣется имъ не представлялось возможности думать, чтобы генералъ былъ въ состояніи съ горстью людей, изъ которыхъ многіе были больны поносомъ (dissenterie) и нѣкоторые съ помороженными ногами, предпринять что нибудь въ такое позднее время года, безъ очевидной опасности погибнуть отъ усталости. Я могу даже сказать болѣе, что часть арміи имѣла только муку (de la farine) и что солдаты принуждены были сами себѣ печь хлѣбъ. Войска находились въ такомъ положеніи, когда нарочный отъ маркизъ де-ла-Шетарди прибылъ съ письмомъ къ нашему генералу, а этотъ немедленно отправилъ его, вмѣстѣ съ офицеромъ, для сообщенія этой новости королю. Это событіе доставило Левенгаупту, какъ и всей арміи, величайшее удовольствіе; но ему хотѣлось, чтобы маркизъ де-ла-Шетарди представилъ отъ ея величества всероссійской болѣе существенное обезпеченіе, чѣмъ ея благія желанія, въ которыхъ онъ впрочемъ не сомнѣвается, но которыя для него недостаточны. Онъ поручилъ мнѣ съѣздить узнать, не произведетъ ли этотъ переворотъ измѣненія въ настоящемъ положеніи дѣлъ, и далъ мнѣ понять, что будетъ продолжать походъ, если не будетъ дано обезпеченій для королевства и если предварительно не уступятъ ему Выборга и Кексгольма. Отъѣзжая, я просилъ его, прежде чѣмъ приступитъ онъ къ рѣшитель-

ному шагу (avant de passer outre), обождать моего возвращенія, что онъ мнѣ и обѣщалъ; но я, зная его положеніе, не могу постигнуть, чего можетъ онъ надѣяться, подвигаясь впередъ, и скорѣе бы думалъ, что помянутое событіе должно было бы очень облегчить его, доставивъ ему предлогъ къ оставленію нѣкоторымъ образомъ съ честью предпріятія, на которое всѣ офицеры его арміи смотрятъ не иначе, какъ на гибель для себя.

12 декабря 1741 г. Отъ маркиза де-ла-Шетарди.

Живѣйшая нѣжность, выказываемая царицею къ памяти Петра I, побуждаетъ ее заботливо и съ удовольствіемъ собирать всѣ портреты этого государя, которые по предразсудкамъ или прежней ненависти были какъ бы погребены въ прахѣ или забвеніи. Въ среду, когда съ удовольствіемъ занималась этимъ въ частной бесѣдѣ (dans les moments particuliers), въ которую изволила допустить меня, она вдругъ вспомнила, что царь, ея родитель, привезъ изъ Франціи портретъ короля, имѣвшаго тогда 7 или 8 лѣтъ. Она немедленно приказала его отъискать и принести. Разсмотрѣвъ его со вниманіемъ, она сказала: „я бы очень желала, чтобы вы приказали принести находящійся у васъ портретъ его величества, чтобы имѣть болѣе вѣрное понятіе о его лицѣ.“ Я повиновался, но съ сожалѣніемъ: портретъ во весь ростъ, который у меня былъ для посольства, не вознаграждаетъ своимъ великолѣпіемъ недостатковъ живописи относительно сходства, а потому я считалъ бы себя въ правѣ обратиться при моемъ отъѣздѣ къ его эминенціи доставить мнѣ портретъ отъ милости короля (de la bonté du roi), если бы предвидѣлъ тогда такой случай.... Въ продолженіи довольно длиннаго разговора, касавшагося разныхъ предметовъ, царица

замѣтила, что она обратилась спиною къ королевскому портрету, и упрекнула себя въ такой разсѣянности. „Это не помѣшаетъ, сказалъ я, чтобы король представлялся вашему величеству всегда съ самой отличной стороны, какъ только будетъ рѣчь доказать ему на дѣлѣ вашу дружбу.“ „Я тѣмъ болѣе убѣждена въ томъ, возразила она, что признаюсь вамъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я начала себя помнить, король былъ только одинъ изъ государей, къ которому я чувствовала склонность.“ „Ваше величество, надѣюсь, соизволите, сказалъ я, чтобы я передалъ о томъ королю: если онъ, признавая васъ государынею всея Россіи, увидитъ съ удовольствіемъ склонность вашего величества къ тому, чтобы царствовало согласіе между двумя державами, то будетъ въ восторгѣ, что такая прекрасная принцесса, какъ ваше величество, всегда думала о немъ подобнымъ образомъ.“ „Я не противъ того, что вы намѣрены сдѣлать и буду весьма довольна, когда король будетъ считать это порукою искренняго моего желанія быть съ нимъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ.“

Кавалеръ Креспи опять пріѣхалъ сюда сегодня въ 6 часовъ утра. Мое удивленіе могло только усугубиться, когда узналъ, что гр. Левенгауптъ поручилъ ему передать мнѣ на словахъ, что показавъ себя достаточно уполномоченнымъ отъ своего двора касательно военныхъ дѣйствій, онъ не хотѣлъ дать почувствовать мнѣ, что имѣетъ такія же полномочія и по всѣмъ политическимъ дѣламъ, однако при всемъ томъ не видитъ возможности заключить миръ, безъ предварительной уступки Россіею всего, что ни имѣетъ она на Балтійскомъ морѣ; что это вовсе не изъ желанія увеличивать предѣлы, — Швеція имѣетъ довольно земель, — но единственно для ея безопасности, которой иначе никогда не будетъ. Съ такимъ же удивленіемъ я узналъ, что на восшествіе царицы на престолъ смотрятъ, какъ на событіе, счастливое для успѣш-

наго продолженія войны; что мужество шведовъ, довольно упавшее до сихъ поръ, возвратилось и укрѣпилось болѣе при извѣстіи о кончинѣ шведской королевы. У меня нѣтъ таланта соображать и оцѣнять такой образъ мыслей, и я ограничился сегодня вечеромъ тѣмъ, что ставивъ въ заслугу шведамъ ихъ отступленіе къ Фридрихсгамну (развѣ они сами разрушатъ ее, если будутъ считать себя въ возможности лучше поступать въ послѣдствіи), снѣшилъ сообщить царицѣ, что гр. Левенгауптъ, болѣе и болѣе сообразуясь съ ея намѣреніями, возвратился въ Фридрихсгамнъ и тѣмъ самымъ подтвердилъ предложенное мною негласное прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій. Государыня выказала отъ того много радости и при этомъ случаѣ повторила то, что мнѣ уже говорила касательно короля. Для сущности дѣлъ, впрочемъ нѣтъ еще изъ этихъ обстоятельствъ пользы, которая была бы желательна, и я полагалъ, что подробное и искреннее донесеніе, сдѣланное вамъ, милостивый государь, при пособіи моей шифровой азбуки, кавалеромъ Креспи, можетъ одно показать предметы въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и дастъ вамъ возможность произнести о нихъ приговоръ. Я прилагаю его здѣсь. Я просилъ кавалера Креспи присоединить къ тому всѣ замѣчанія, которыя ему случай доставилъ сдѣлать вслѣдствіе выгоднаго положенія быть очевиднымъ свидѣтелемъ. Убѣжденный, что вы должны какъ можно скорѣе быть извѣщены о томъ, я не считалъ возможнымъ терять ни одной минуты для отправленія къ вамъ этой депеши съ эстафетою, которую замѣнитъ курьеръ г. Валори въ Берлинѣ. Это дѣлаю для того, чтобы послѣднія подробности дошли до свѣдѣнія вашего почти одновременно съ тѣми, о которыхъ я отдалъ вамъ отчетъ въ продолженіи двухъ недѣль. Переданныя вами приказанія могли бы, если это только возможно, касаться

всѣхъ обстоятельствъ въ совокупности и опредѣлита точнѣе будущій образъ дѣйствій.

Копія съ письма маркиза де-ла-Шетарди къ гр. Левенгаупту, отъ 19 декабря 1741 года.

Милостивѣйшій государь! Чувство соотечественника (sentiment compatriote), отъ котораго невозможно и не желаешь отдѣлаться, побудило меня удержать до сихъ поръ кавалера Креспи, сколько изъ удовольствія по долѣе пробыть съ нимъ, столько же и потому, чтобы доставить ему возможность участвовать въ празднествѣ, бывшемъ вчера при дворѣ по случаю дня рожденія ея величества всероссійской. Сегодня утромъ получено донесеніе, съ котораго я прилагаю при семъ копію. Срокъ, назначенный мною для отъѣзда кавалера Креспи, еще болѣе оправдывается этимъ обстоятельствомъ. Дѣйствительно я тѣмъ менѣе долженъ откладывать извѣщеніе о немъ вашего сіятельства, что вы легко поймете естественное впечатлѣніе (sensibilité naturelle), которое оно могло произвести. Обстоятельство это зашло такъ далеко, что нѣкоторые, на основаніи правила, что возмездіе должно быть одинаково, высказывали о необходимости отразить силу силою же. Ея величество всероссійская вовсе не хотѣла внимать такому совѣту и тѣмъ болѣе предпочла въ этомъ случаѣ представить доказательство искренности своихъ намѣреній, что увѣрена къ удовольствію своему, что происшедшее случилось безъ вѣдома и вопреки повелѣній вашего сіятельства.

Я чувствую то же удовольствіе, будучи въ томъ одинаковаго убѣжденія, и тѣмъ охотнѣе склоняюсь къ тому, что ваше сіятельство поймете также хорошо, какъ и я, что въ противномъ случаѣ было бы компрометировано достоинство короля, послѣ попытокъ съ моей сто-

роны, которыя, ко взаимному удовольствію обоихъ сосѣдственныхъ дворовъ, подтвердили вмѣшательство его величества.

Петербургъ, 19 декабря 1741 г. Маркизъ де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на письмо отъ 30 ноября.

Полнѣйшее повиновеніе, которое я долженъ и всегда буду оказывать повелѣніямъ его эминенціи, требовало бы немедленнаго выполненія предписанія его касательно г. д'Альона. Тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь нынѣ признаться вамъ, что поступивъ такимъ образомъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ былъ бы убѣжденъ, что такое уваженіе жалобъ князя Кантемира поставитъ человѣка съ характеромъ д'Альона въ возможность извлечь себѣ изъ того довольно выгодъ для вознагражденія себя въ другихъ отношеніяхъ и сдѣлать мнѣ жизнь болѣе и болѣе тяжелою. Какъ дѣла, къ счастью, приняли другой оборотъ для службы короля, то считаю обязанностью ожидать новыхъ повелѣній относительно г. д'Альона, и я тѣмъ болѣе на это рѣшился, и даже ничего не сказалъ ему, что вы писали ко мнѣ по поводу его, что польза, которую въ состояніи онъ мнѣ принесть въ привлеченіи нѣкоторой особы (quant à s'assurer d'une certaine personne), можетъ нынѣ осуществиться.

Хотя лица, назначенныя въ сенатъ и для управленія иностранными дѣлами, приносили по этому случаю благодарность царицѣ въ воскресенье утромъ, и хотя царица пресѣдательствовала на другой день въ сенатѣ, что она намѣрена дѣлать три раза въ недѣлю, однако указъ о томъ публикованъ только въ среду. Изъ втораго указа вы узнаете о различныхъ милостяхъ къ подданнымъ.

По напечатаніи перваго указа, она назначила сенаторомъ и президентомъ военной коллегіи фельдмаршала

кн. Долгорукаго, котораго, какъ только вступила на престолъ, освободила изъ нарвской тюрьмы, въ которой онъ содержался въ продолженіи 10 лѣтъ. Не тѣмъ однако измѣнилась участь старика: для него дѣйствительно наступалъ послѣдній часъ, такъ какъ ненависть къ его фамиліи далеко не была усыплена отъ столь долгаго содержанія въ заключеніи, и побудила, по настояніямъ гр. Остермана, принять рѣшеніе отрубить ему голову на другой день послѣ праздника св. Андрея(?).

Князь Долгорукій, также какъ и первые пять сенаторовъ и Нарышкинъ, обязаны назначеніемъ въ сенатъ скорѣе своимъ лѣтамъ и происхожденію, чѣмъ способностямъ. Всѣ прочіе люди заслуженные и съ головою и тѣмъ болѣе способны къ дѣламъ, что они съ опытностью во всемъ, что касается внутренняго управленія, соединяютъ знаніе и внѣшнихъ дѣлъ, въ которыхъ были употребляемы*).

Царица, считая, что дѣла пойдутъ дѣятельнѣе отъ свѣдѣній, которыя могутъ доставить арестованныя по ея приказанію лица, назначила вчера комиссію для допроса ихъ. На кн. Куракина, генераловъ Ушакова, Левашева и Нарышкина возложена эта обязанность. Адмиралъ гр. Головинъ получилъ отдѣльно завѣдываніе конфискаціями, которыя послѣдуютъ за осужденіемъ. Чтобы быть болѣе обезпеченною въ производствѣ слѣдствія и въ справедливости судей, царица изъявила желаніе, чтобы они собирались въ одномъ изъ покоевъ дворца. Тамъ устроили перегородку (une jalousie), откуда, небудучи видимою, она можетъ все видѣть, все слышать и даже передавать тайно секретарю, котораго столъ внизу, приказанія, если этого будутъ требовать тотчасъ же обстоятельства допросовъ.

---

*) Списокъ сенаторовъ можно найти въ Спб. вѣдомостяхъ 1741 года, стр. 806.

Такимъ-то образомъ въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ, подвергался допросамъ гр. Остерманъ (съ 10 часовъ утра до 2 часовъ вечера). Для лучшаго раскрытія его лживости, на первый разъ удовольствовались предложеніемъ ему простыхъ вопросовъ. На всѣ онъ, какъ этого и ожидали, отвѣчалъ рѣшительнымъ отрицаніемъ, что и приводилъ въ доказательство своей невинности и несправедливости взведенныхъ на него обвиненій. Онъ перемѣнилъ рѣчь, когда на другой день ему представили 86 главныхъ начальниковъ и документы, писанные его рукою. Въ послѣднемъ засѣданіи онъ высказалъ болѣе, чѣмъ у него спрашивали, и, можетъ быть въ надеждѣ возбудить милосердіе и великодушіе царицы, призналъ себя заслуживающимъ смертной казни по многимъ отношеніямъ *). Думаютъ по этому, что онъ человѣкъ пропадшій, и что отнынѣ слѣдствіе надъ нимъ не будетъ подлежать долгому пересмотру.

Пріѣхавъ въ пятницу утромъ во дворецъ для поздравленія со днемъ рожденія государыни, я былъ ужасно огорченъ, узнавъ, что ее разбудили извѣстіемъ (о нападеніи шведовъ, см. выше письмо отъ 19 декабря къ гр. Левенгаупту), и это подало поводъ къ посылаемому также здѣсь письму. Царица говорила мнѣ о томъ, не скрывая своего огорченія. Я увѣрялъ ее, что эта непріятность случилась только отъ невозможности для графа Левен-

*) Де-ла-Шетарди подъ вліяніемъ личной ненависти къ Остерману, недоброжелателю Франціи, могъ писать такимъ образомъ, но читая нынѣ дѣло о немъ, нельзя никакъ съ тѣмъ согласиться. Остерманъ дѣйствовалъ, какъ умный и приверженный министръ самодержавной государыни, каковою была Анна Іоанновна. При слѣдствіи надъ нимъ, онъ понималъ очень хорошо, что длинныя оправданія будутъ тщетны и мало помогутъ при личномъ нерасположеніи къ нему Елизаветы, почему онъ отвѣчалъ по большей части на скорую руку и почти при всякомъ пунктѣ повторялъ: „ежели же я въ семъ дѣлѣ что погрѣшилъ, въ томъ прошу прощенія и помилованія“

гаупта доставлять приказы въ отряды, которые трудно отыскать, какъ только они отдѣлились и проникли впередъ. Царица была такъ добра, что вняла скорѣе такому объясненію, чѣмъ тому, которое высказали лица, поддавшіяся первому движенію своей вражды, и возложила на меня заботу о предупрежденіи на будущее время подобныхъ происшествій, говоря, что такъ какъ спокойствіе можетъ быть лучше возстановлено только чрезъ благое вмѣшательство короля, то отъ него одного и зависитъ помѣшать тому, что можетъ нарушать это.

Оберъ гофмейстерина (Grande gouvernante) *) утверждена также, какъ и прочія придворныя дамы, бывшія при покойной царицѣ, за исключеніемъ графинь Остерманъ, Головкиной, Ягужинской, сестры гр. Головкина, и Лопухиной, жены арестованнаго морскаго генералъ-комиссара. Салтыкова, которой мужъ сопровождаетъ принца и принцессу брауншвейгскихъ, назначена штатсъ дамою (dame du palais)...

Повѣренный, къ которому царица всегда питала полнѣйшую и безграничную довѣренность, испыталъ также удовольствіе видѣть подтвердившеюся признательность къ нему его государыни. Ко мнѣ онъ сначала подошелъ въ первыхъ восторгахъ своей радости. Чтобы ему польстить, я сказалъ, что въ Версалѣ съ удовольствіемъ узнаютъ о сдѣланномъ для него царицею. Представляю вамъ, милостивѣйшій государь, обсудить, произведетъ ли хорошее впечатлѣніе разрѣшеніе подтвердить ему это въ отвѣтѣ на настоящее письмо.

Царица въ то самое время, какъ объявила назначеніе о дамахъ, которыя будутъ находиться при ней, вручила князю Трубецкому, генералъ прокурору, бумагу,

---

*) Жена умершаго генералъ-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына, княгиня Татьяна Борисовна.

подписанную своею рукою, и приказала ему громко прочесть ее въ покоѣ, находящемся предъ спальнею. Содержаніе этой бумаги заключалось въ томъ, что царица, во уваженіе заслугъ, оказанныхъ ей Лестокомъ въ продолженіи 28 лѣтъ въ званіи хирурга, назначаетъ его своимъ первымъ медикомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, который ему даетъ чинъ, непосредственно слѣдующій за фельдмаршаломъ. Онъ будетъ имѣть власть надъ медицинскою канцеляріею, школами и аптеками имперіи и получать жалованья 35 т. французскихъ ливровъ; независимо отъ того, ему предоставлено право пользоваться изъ (придворныхъ) конюшенъ въ случаѣ надобности лошадьми и экипажами. Когда Лестокъ приблизился, чтобы поцѣловать полу платья царицы, она возложила на него свой портретъ, украшенный брильянтами и цѣнимый въ 50 т. экю.

С. Петербургъ, $\frac{26 \text{ декабря.}}{\text{января.}}$

Что касается завѣщанія царицы Екатерины I, то оно казалось гр. Остерману такъ точно подтверждающимъ права принцессы Елизаветы и юнаго герцога голштинскаго, что онъ для этого, по собственному признанію, завладѣлъ имъ и сжегъ его. Отсюда могло бы произойти важное неудобство для царствующей государыни, если бы не была найдена засвидѣтельствованная копія съ этого завѣщанія, подписанная покойнымъ канцлеромъ гр. Головкинымъ, который сохранилъ ее для очищенія совѣсти (pour l'acquit de sa consience), а гр. Остерманъ признался, что эта копія ускользнула отъ его поисковъ [43]).

Издержки, которыя требовались въ прежнемъ положеніи царицы, были такъ ничтожны, что я убѣжденъ,

что вы теперь не только считаете ихъ по напрасну затраченными, но будете жалѣть, что я не исполнилъ обѣщаннаго принцессѣ и при такой близкой развязкѣ упустилъ случай болѣе и болѣе подтвердить желанія короля въ отношеніи ея.

Русскій дворъ не измѣняетъ желанія быть въ тѣсномъ союзѣ съ его величествомъ, а потому я остаюсь при мысли, что будетъ зависѣть отъ короля обезпечить себя въ отношеніи Россіи, если употребить свойственныя къ тому мѣры. Г. Бестужевъ, который показываетъ желаніе обходиться со мною съ уваженіемъ (me ménager) и съ особенною довѣрчивостью, далъ мнѣ это почувствовать на сихъ дняхъ при двухъ случаяхъ. Во первыхъ велѣлъ передать мнѣ чрезъ д'Альона (чтобы не выказывать явно своихъ чувствъ посѣщеніемъ меня), что хотя со стороны Ботта и Финча испытываютъ разныя преслѣдованія, однако они не получили никакого отвѣта; что время, чрезъ то выигранное, дастъ возможность германскимъ дѣламъ принять прочный видъ; что при посредствѣ добрыхъ услугъ Франціи и нѣкоторыхъ мѣръ къ примиренію въ родѣ обмѣна или чего либо подобнаго, можетъ быть окончена война со Швеціею и возстановлено доброе сосѣдство съ нею. Тогда болѣе свободный, чтобы двинуть дѣло впередъ (pour nager en pleine eau) и работать надъ вѣчнымъ соединеніемъ Франціи и Россіи, онъ составитъ подробную записку, которую сообщитъ мнѣ, прежде чѣмъ пуститъ ее въ ходъ. Здѣсь онъ выкажетъ всѣ огромныя выгоды, которыя обѣ державы могутъ извлечь для себя изъ подобнаго союза и что, независимо отъ торговли, Россія будетъ въ состояніи мѣшать дѣйствіямъ Даніи, Польши и Пруссіи и посылать еще нѣсколько тысячъ человѣкъ всюду, куда король признаетъ то за нужное.

Другой случай, въ которомъ г. Бестужевъ представился въ выгодномъ свѣтѣ, заключался въ томъ, что

сообщивъ мнѣ нынѣшнимъ вечеромъ при дворѣ о назначеніи имъ вчера кн. Куракина и гр. Головина для пересмотра послѣдняго трактата съ Англіею, которымъ они всѣ трое занимались, онъ мнѣ говорилъ объ этомъ трактатѣ, какъ о самомъ противномъ для выгодъ Россіи, и что непонятно, какъ гр. Остерманъ осмѣлился подписать его, особенно послѣ письменнаго протеста кн. Черкасскаго. При этомъ Бестужевъ присовокупилъ, что за это одно гр. Остерманъ заслуживаетъ, чтобы съ нимъ было поступлено, какъ съ измѣнникомъ отечеству. Наконецъ не скрывалъ онъ отъ меня удивленія своего и двухъ министровъ конференціи, что не найдено никакихъ негласныхъ статей трактата (articles séparés) [44]). Это обстоятельство поразило меня, и я считалъ своею обязанностью обратить на него вниманіе. „Если вы такъ отзываетесь о статьяхъ, пущенныхъ во всеобщую извѣстность (articles ostensibles), то что же должны думать о тѣхъ, которыя не подлежали огласкѣ? Стало быть важно для службы царицы узнать о нихъ. Это легко — птица у васъ въ клѣткѣ; погрозите ему, чтобы онъ признался (vous tenez l'oiseau en cage, serrez lui les pouces). Пусть гр. Остерманъ, который еще подлежитъ нѣкоторымъ допросамъ, разъяснитъ точно все, что происходило между нимъ и Финчемъ. Вы тѣмъ болѣе должны не довѣрять переговорамъ ихъ, что вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что въ этомъ случаѣ гр. Остерманъ изъ выгодъ былъ преданъ Англіи (était vendu à l'Angleterre à beaux déniers comptant) [45])." —Бестужевъ очень благодарилъ меня за совѣтъ и намѣревался послѣдовать ему. Но какъ гр. Головинъ столь же горячій приверженецъ англичанъ, сколько кн. Куракинъ постоянный защитникъ Франціи, когда впрочемъ этому не противурѣчатъ выгоды Россіи, то важно, для пріобрѣтенія большинства, подкупить Бестужева (de gagner Bestoucheff),

въ чемъ тѣмъ болѣе легко успѣть, что я далеко не рѣшусь выдавать вамъ его за человѣка совѣстливаго (je me garderai bien de vous le donner pour scrupuleux). Когда задобрить повѣреннаго подаркомъ, который сдѣлать ему подъ предлогомъ признательности короля къ выказанному имъ усердію въ служеніи царицѣ и къ содѣйствію видамъ короля, то вѣроятно не будетъ существовать никакого препятствія. Такія предосторожности тѣмъ болѣе могутъ быть полезны, что если по отчетамъ (par les états), которые я выпросилъ у вице-президента коммерцъ-коллегіи, очень мнѣ преданнаго, можно ясно видѣть, что взаимная между двумя народами торговля будетъ намъ очень прибыльна, то чрезвычайно важно упрочить ее поскорѣе, учредить здѣсь предварительно нѣсколько хорошихъ конторъ и предупредить время возобновленія англичанами и голландцами ихъ трактатовъ съ помощію средствъ, которыя они, по своимъ всегда обширнѣйшимъ видамъ въ торговыхъ дѣлахъ, постараются пустить въ ходъ для внушенія намъ отвращенія торговать здѣсь (pour nous dégoûter de trafiquer ici), даже и въ такомъ случаѣ, когда бы они были вынуждены, для достиженія этого, вести въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ торговыя дѣла въ чистый убытокъ, не извлекая ни малѣйшей прибыли.

Коммиссія, увеличенная кн. Михаиломъ Голицынымъ, допрашивала въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ всѣхъ прочихъ лицъ, которыя были арестованы. Несмотря на представленія щадить свое здоровье, царица хотѣла по прежнему присутствовать при этихъ различныхъ допросахъ. Коммиссія не собиралась, по случаю праздника Рождества, вчера и сегодня, но примется послѣ завтра за изслѣдованіе преступниковъ и за дачу очныхъ ставокъ.

Примѣчанія.

[43]) Гр. Остермана и прочихъ судили въ сенатѣ по выпискѣ или экстракту, которая была туда препровождена изъ тайной канцеляріи. Подлинное дѣло не было прислано, но въ выпискѣ подробно исчислялись всѣ вины Остермана и, должно сознаться, самымъ пристрастнымъ образомъ. Въ выпискѣ этой однако нѣтъ ни слова о томъ, что сообщаетъ де-ла-Шетарди въ депешѣ, а есть такое извѣстіе: „онъ, Остерманъ, о той духовной показалъ, что оная имѣлась въ верховномъ ли тайномъ совѣтѣ, или у князя Меншикова, того-де онъ незнаетъ, только у него въ рукахъ не была. А потомъ, когда учиненнымъ на вышеписанное его, Остерманово, показательство вопроснымъ пунктомъ ему объявлено, что имѣется подлинная руки покойнаго канцлера гр. Головкина записка, что оная духовная взнесена къ ея императорскому величеству государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ и спрашиванъ, для чего о томъ въ первомъ своемъ допросѣ не показалъ и гдѣ оная духовная имѣется? На что онъ, Остерманъ, показалъ, что утверждаетъ въ томъ на прежнихъ своихъ допросахъ, и кѣмъ оная духовная къ ея императорскому величеству государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ взнесена, того-де онъ не слыхалъ, токмо по тогдашнимъ обстоятельствамъ всегда разсуждалъ, что оная духовная государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ конечно вручена, а болѣе того объ оной духовной и гдѣ дѣвалась, никакихъ обстоятельствъ представить не можетъ.“

[44]) Изъ этого разговора Бестужева всего лучше видно, какъ онъ лукавилъ и проводилъ де-ла-Шетарди: сепаратныя статьи заключали въ себѣ возобновленіе прежнихъ постановленій о торговлѣ и мореходствѣ ме-

жду Англіею и Россіею и условіе о приступленіи къ союзу королю польскому. Не прошло и года послѣ разговора Бестужева, какъ онъ заключилъ почти слово въ слово одинаковый съ остермановскимъ трактатъ съ Англіею, въ которой цѣликомъ вошли и тѣ сепаратныя статьи, которыя будто бы не могли нигдѣ найти *).

45) И это свидѣтельство де-ла-Шетарди, какъ пристрастное, требуетъ повѣрки. Манштейнъ говоритъ объ Остерманѣ **): „неподкупный, онъ никогда не принималъ ни малѣйшаго подарка отъ иностранныхъ дворовъ, не получивъ на то приказанія отъ правительства, которому служилъ.“ Въ этомъ отношеніи любопытно показаніе Остермана, данное имъ въ декабрѣ 1741 года, когда онъ былъ подъ судомъ. Здѣсь совершенно опровергнуто извѣстіе де-ла-Шетарди о подкупѣ Остермана англичанами ***).

7 января 1742 г. Письмо Марвилля (de Marville).

Де-Лонуа проситъ употребить его въ Московіи. Его жена была 14 лѣтъ статсъ-дамою (dame d'honneur) при двухъ принцессахъ Аннѣ и Елизаветѣ ****); изъ нихъ первая увезла ее съ собою въ Голштинію, а вторая нынѣ царицею.

---

*) Ср. Полн. собр. закон. т. XI, №№ 8358 и 8686.

**) Mémoires sur la Russie, II, p. 196.

***) Смотри въ концѣ приложеніе VI.

****) Эта де-Лонуа была у принцессъ учительницею французскаго языка, а не статсъ-дамою, какъ говорилъ ея мужъ; при Елизаветѣ она было-появилась при русскомъ дворѣ, но по своей назойливости не имѣла тамъ успѣха, о чемъ есть извѣстія въ Запискахъ Екатерины II.

Парижъ 8 января 1742 г. Министръ маркизу де-ла-Шетарди (извлеченіе).

Король узналъ объ этой новости (т. е. о восшествіи на престолъ Елизаветы) съ безконечнымъ удовольствіемъ, и вы должны немедленно выразить это царицѣ отъ имени его величества. Князь Кантемиръ, по ея приказанію, просилъ, чтобы вамъ было возвращено ваше прежнее званіе посланника. Его величество не встрѣчаетъ къ тому никакого препятствія.

Петербургъ, 2 января.

Я полагаю, что для быстрѣйшаго успѣха посредничества короля необходимо, чтобы г. маркизу де-Ланмари (de Lanmary) угодно было не такъ слѣпо согласоваться со всѣми мыслями шведовъ *). Вы сами будете судить о томъ по копіямъ трехъ его писемъ, при семъ прилагаемыхъ, вмѣстѣ съ двумя послѣдними письмами, писанными къ нему и гр. Левенгаупту, и указахъ, явившимся сегодня утромъ. Чѣмъ болѣе г. Ланмари, при исполненіи своей обязанности въ первое время прибытія къ посольству, будетъ выказывать рѣшительное вниманіе къ видамъ шведскаго министерства для упроченія вліянія, примѣненіе котораго впослѣдствіи было бы полезно службѣ короля, чѣмъ болѣе онъ будетъ продолжать дѣйствовать такимъ образомъ, тѣмъ болѣе онъ повергнетъ меня въ затрудненія, которыя не легко будетъ отстранить, потому что Швеція сочтетъ себя въ правѣ требовать многаго, когда увидитъ, что послан-

*) Маркизъ де-Ланмари пріѣхалъ въ Стокгольмъ французскимъ министромъ послѣ Сентъ-Северина въ декабрѣ 1741 года.

никъ его величества содѣйствуетъ всѣмъ ея видамъ. Я же буду въ состояніи упрочить признательность царицы только въ той мѣрѣ, въ какой буду придерживаться истины и ограничусь ссылками на услуги, оказанныя Швеціею этой принцессѣ, и на участіе, которое будто бы принимали шведы въ переворотѣ, доставившемъ ей престолъ.

Кавалеръ Креспи замѣтилъ, что всѣ мнѣнія соединяются въ пользу герцога голштинскаго; что опасаются какъ бы царица, для доставленія ему шведскаго престола, не вздумала стѣснять свободы избранія, и что вообще на столько противъ видовъ, которые приписываютъ гр. Левенгаупту объ установленіи республики въ Швеціи и превозглашеніи себя диктаторомъ, что боятся, чтобы онъ не постарался проложить себѣ путь какимъ нибудь неожиданнымъ ударомъ, если усилятъ его армію и сосредоточутъ ее весною [46]). Такъ какъ я глубоко убѣжденъ, что для службы короля важно, чтобы существовалъ въ Швеціи теперешній образъ правленія и даже, чтобы была тамъ возстановлена монархическая власть, то и отвѣчалъ кавалеру Креспи, что недовѣрчивые къ видамъ гр. Левенгаупта могутъ легко разувѣриться, когда начнутъ упрачивать формально и при посредничествѣ его величества, негласное прекращеніе военныхъ дѣйствій (suspension tacite), которое я предложилъ. Я призналъ также нужнымъ не разсѣевать опасеній на счетъ видовъ царицы относительно герцога голштинскаго, потому что можетъ быть это обстоятельство въ состояніи будетъ удержать Швецію и помѣшаетъ тому, чтобы чрезмѣрная увѣренность шведовъ не заставила ихъ слишкомъ громко предъявлять притязаній на Выборгъ и Кексгольмъ, на возвращеніе которыхъ сильно настаиваетъ маркизъ де-Ланмари. Объ этомъ было такъ мало рѣчи и, слѣдовательно, еще менѣе слышали отказа, что я по истинѣ считаю, что ме-

ня ставятъ въ опасность компрометировать мое вліяніе и службу короля чрезъ подобное предварительное требованіе, именно, что средства обезпеченія для Швеціи, какъ поручено кавалеру Креспи передать мнѣ словесно, простираются, что и вы также видѣли, на всѣ области по Балтійскому морю безъ всякаго исключенія.

Обманчивыя надежды, которыя здѣсь подавали на счетъ примиренія прусскаго короля съ королевою венгерскою, были дѣломъ управлявшихъ здѣсь нѣмцевъ. Начала измѣнены. Все, что было совершено въ продолженіи годичнаго регентства принцессы брауншвейгской, предано по указу уничтоженію. Многіе изъ принимавшихъ тогда участіе въ милостяхъ получили утвержденіе въ нихъ. Отъ маіора Корфа, посланнаго за герцогомъ голштинскимъ, не получено извѣстій послѣ проѣзда его чрезъ Данцигъ *).

Коммиссія, продолжая свои засѣданія, встрѣтила два особенныя обстоятельства: одно, что гр. Остерманъ сильно обвинялъ оберъ-гофмаршала (le grand maréchal), а этотъ постоянно отрицался, почему члены коммиссіи, хотя и склонные скорѣе къ мягкости, чтобы лучше согласоваться съ желаніями царицы, увидѣли себя однако вынужденными перевести его изъ подъ домашняго ареста въ крѣпость. Другое обстоятельство, что нѣкто по имени Гроссъ (который былъ подъ карауломъ дома у себя, а прежде находился учителемъ дѣтей гр. Остермана и его повѣреннымъ и получилъ по его покровительству дипломъ на званіе секретаря брауи-

*) Баронъ Николай Фридрихъ Корфъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ императрицы Елизаветы — графинѣ Катеринѣ Карловнѣ Скавронской. Петръ III очень уважалъ его со времени поѣздки съ нимъ изъ Киля въ Россію и по восшествіи своемъ на престолъ сдѣлалъ генералъ полицеймейстеромъ. Любопытныя подробности о немъ, когда онъ губернаторствовалъ въ Кенигсбергѣ, въ Запискахъ Болотова; ср. также Бюшинга Beyträge zu der Lebens-Geschichte denkwürdiger Personen, VI, S. 371.

швейгскаго посольства, котораго никогда не былъ представителемъ), сознавалъ себя на столько виноватымъ, что страшась заслуженнаго наказанія, застрѣлился изъ пистолета, выходя изъ за стола [47]).

Саксонскій секретарь пріѣзжалъ ко мнѣ для врученія письма гр. Саксонскаго*), полученнаго имъ вмѣстѣ съ эстафетою съ коронными брильянтами, которые дѣйствительно гр. Линару было поручено, говорятъ, обдѣлать въ Дрезденѣ. Гр. Саксонскій убѣждаетъ меня хлопотать о томъ, чтобы его сдѣлать владѣтельнымъ государемъ (конечно герцогомъ курляндскимъ), и онъ надѣется достигнуть, что я получу на то разрѣшеніе. Я выразилъ полную готовность дѣйствительно служить его дѣлу, но наслѣдный принцъ гессенъ-гомбургскій возобновитъ притязанія, которыя предъявлялъ на Курляндію его домъ во времена избранія тамъ въ герцоги Бирона; притомъ же этотъ принцъ очень хорошъ у царицы, и это будетъ личное нападеніе на него, когда начать препятствовать видамъ его, — а потому я внушилъ г. Пецольду, что, по всѣмъ уваженіямъ, его двору приличнѣе узнать расположеніе русскаго правительства. Я присовокупилъ къ тому, что это будетъ тѣмъ болѣе въ порядкѣ, что какъ подтвержденіе польскаго короля здѣсь необходимо, то и ходатайство съ его стороны будетъ имѣть несравненно болѣе вѣса, и покажется естественнымъ, когда онъ приметъ участіе въ гр. Саксонскомъ, своемъ братѣ; между тѣмъ какъ, если его величество (французскій) будетъ расположенъ содѣйствовать ему, то это можно сдѣлать только косвеннымъ образомъ и въ видѣ простаго предложенія. Пе-

*) Графъ Морицъ саксонскій, побочный сынъ польскаго короля Августа II и графини Кёнигсмаркъ былъ избранъ въ курляндскіе герцоги въ 1726 году, но это избраніе не состоялось, послѣ чего онъ при каждомъ удобномъ случаѣ возобновлялъ свои притязанія на курляндское герцогство.

цольдъ увѣрялъ меня, что онъ напишетъ къ своему двору, согласно съ этимъ отзывомъ, и я въ то же время отвѣчу гр. Саксонскому, извѣстивъ его только о затрудненіяхъ, къ которымъ онъ долженъ готовиться. Я сомнѣваюсь, чтобы ихъ было легко побѣдить, развѣ только, дѣйствуя противъ принца гессенъ-гомбургскаго, который совсѣмъ французъ (qui est tout français), можно успѣть пріобрѣсти себѣ въ лицѣ его тайнаго врага.

Примѣчанія.

46) Карлъ Эмилій Левенгауптъ, по отзыву современниковъ, былъ человѣкъ очень добрый, умный, испытанной храбрости, но въ тоже время въ высшей степени честолюбивый. Ему точно не ненравилось, когда говоря о будущемъ избраніи короля въ Швеціи изъ природныхъ шведовъ, его называли уже Карломъ XIII. „Лишь бы только мнѣ говорилъ онъ, отправиться въ Финляндію и быть въ главѣ арміи, тогда я съ радостью пожертвую своею головою!“ Это желаніе Левенгаупта сбылось: онъ командовалъ войсками въ Финляндіи и, послѣ разбитія ихъ тамъ русскими, приговоренъ къ смерти, несмотря на противодѣйствіе дворянскаго сословія. Передъ казнію онъ успѣлъ было скрыться, но потомъ его поймали и казнили 15 августа 1743 г.

47) Христіанъ Фридрихъ Гроссъ воспитывался въ Тюбингенѣ, перевелъ книгу епископа Гюэ и 29 января 1726 г. опредѣленъ въ Петербургскую академію наукъ „философіи профессоромъ чрезвычайнымъ *);“ но здѣсь онъ оставался не долго, потому что брауншвейгъ-вольфенбюттель - бланкенбургскій посланникъ при дворѣ

*) Ученыя записки академіи наукъ по I и III отдѣленіямъ, Т. II, выпускъ 1-й, стр. 160.

Петра II, баронъ фонъ Крамъ предложилъ ему выгодныя условія, если онъ согласится на вступленіе въ брауншвейгскую службу, въ качествѣ секретаря посольства. Такъ какъ это неудобно было сдѣлать безъ предупрежденія и разрѣшенія русскаго министра, то чрезъ это узналъ Гросса Остерманъ. Этотъ не только изъявилъ согласіе, но и поручилъ ему наблюденіе за воспитаніемъ и образованіемъ своихъ сыновей и, чтобы онъ могъ послѣднее лучше выполнять, взялъ его къ себѣ въ домъ. Потомъ Гроссъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ брауншвейскаго двора и въ родѣ министра, однако по прежнему оставался въ домѣ Остермана, исполняя обязанности наблюдателя за воспитаніемъ молодаго графа, впослѣдствіи генералъ-лейтенанта и московскаго губернатора и вице-канцлера, которые подъ руководствомъ Гросса сдѣлали большіе успѣхи въ языкахъ и наукахъ. Нѣкоторые хотѣли заставить думать, что великій министръ употреблялъ Гросса и въ государственныхъ дѣлахъ, но это напрасно: гр. Остерманъ все дѣлалъ самъ, и ему были надобны только переписчики. Однако, когда великій покровитель Гросса палъ, то коммиссія, судившая министра, не преминула выразить на него подозрѣніе. Его потребовали туда, допрашивали, грозили—онъ вернулся домой и застрѣлился. Еще въ 1726 г. Гроссъ преподавалъ философію Антіоху Кантемиру, и когда послѣдній сдѣланъ былъ посланникомъ при французскомъ дворѣ, то, въ признательность къ своему учителю, принялъ его брата къ себѣ въ службу, руководилъ его въ изученіи русскаго языка и чрезъ то положилъ основаніе будущему его счастью.

Такія извѣстія оставилъ Герардъ Миллеръ въ своей рукописи Исторія академіи наукъ *); прибавимъ здѣсь,

*) «Розысканіе о судьбѣ книги Lettres Moscovites» князя М. А. Оболенскаго въ «Архивѣ ист. и практ. свѣдѣній» г. Калачова за 1860 — 61 г., кн. III, стр. 56.

что по дѣлу, производившемуся объ Остерманѣ въ 1741 году, вся прикосновенность Гросса ограничивалась тѣмъ, что онъ, по приказанію Остермана, переписывалъ извлеченіе изъ письма, гдѣ говорилось о тайныхъ сношеніяхъ Елизаветы съ Швеціею. См. выше стр. 257.

Версаль 15 января 1742 г. Маркизу де-ла-Шетарди.

Я ожидалъ, милостивый государь, чтобы можно было отправить вашего курьера съ отвѣтомъ на все, что есть замѣчательнѣйшаго въ вашихъ депешахъ со времени событія, возведшаго на престолъ принцессу Елисавету, т. е. на статьи, которыя касаются Швеціи.

Я былъ очень изумленъ, что на другой день послѣ этого переворота, вы рѣшились писать къ гр. Левенгаупту о пріостановленіи наступленія. Еще болѣе изумился я, что вы хотѣли взять на свою отвѣтственность все, что могло изъ того произойти. Я не могу примирить такого образа дѣйствій съ вашей стороны съ знаніемъ, которое вы имѣете касательно видовъ короля, и съ постоянно сообщаемыми вами извѣстіями о худомъ состояніи московской арміи, которая нуждалась даже въ необходимомъ и которую вы считали незибѣжно разбитою, если только шведы явятся съ своими силами. Вы приводили въ свидѣтелей тому всѣхъ генераловъ, когда бы они смѣли говорить; всѣ ваши письма были только наполнены тѣмъ, что выказывало слабость русскаго правительства, которое до сихъ поръ единственно наружнымъ блескомъ, скрывавшимъ внутреннія язвы, внушало почтеніе въ иностранцахъ.

Какимъ образомъ могло случиться, что въ 24 часа измѣнилось все, и русскіе сдѣлались столь страшными, что шведы могутъ найти себѣ спасеніе единственно въ добротѣ царицы, во власти которой ихъ уничтожить?

Король думаетъ, милостивый государь, совсѣмъ иначе и болѣе правдоподобно, что поспѣшность, съ которою воспользовалась царица вашимъ значеніемъ, чтобы остановить гр. Левенгаупта, скорѣе основывалась на опасеніи, внушенномъ слухами о походѣ этого генерала, чѣмъ на желаніи угодить королю и быть осторожною съ народомъ, дружественнымъ съ Франціею. Я могу объяснить поводъ, могшій побудить васъ къ такому опасному поступку, на который вы поддались, только тѣмъ, что разсказъ, сообщенный вамъ кавалеромъ Креспи о дурномъ положеніи шведской арміи, ввелъ васъ въ заблужденіе. Но этотъ разсказъ изумительно какъ преувеличенъ и даже ложенъ въ существеннѣйшихъ частяхъ. Кавалеръ Креспи, благонамѣренный самъ по себѣ, обманулся первый рѣчами недовольныхъ и враговъ гр. Левенгаупта. Шведская армія вовсе не въ дурномъ положеніи; есть тамъ больные. но не въ значительномъ числѣ. Въ припасахъ нѣтъ недостатка, есть склады вблизи, кромѣ главнаго въ Фридрихсгамнѣ; впрочемъ шведы привыкли довольствоваться малымъ. Я не знаю, отвуда кавалеръ Креспи могъ взять, что шведская армія къ будущей веснѣ не будетъ превышать 14 т. человѣкъ. Ему конечно неизвѣстно, что два мѣсяца тому назадъ войска были удвоены, и что Швеція нынѣ имѣетъ болѣе 80 т. человѣкъ регулярныхъ войскъ. Но предположимъ, что все, сказанное вамъ кавалеромъ Креспи, было справедливо, то и въ такомъ случаѣ вы никогда не должны были брать на себя останавливать гр. Левенгаупта, какъ только царица отказывалась дать ему просимыя имъ обезпеченія. Лучше было бы, когда бы шведская армія, преслѣдуя съ увлеченіемъ свое намѣреніе, была разбита на голову. Промахъ генерала не падалъ бы на министерство, которое не имѣло времени взять назадъ данныхъ имъ приказаній. Миръ былъ бы не менѣе заключенъ тогда, и также выгодно, какъ вы

заставляете надѣяться нынѣ, потому что не даете даже догадываться о желаніи царицы что нибудь уступить, а Швеція не могла бы ни въ чемъ упрекать насъ. Когда же, напротивъ, удалось бы предпріятіе гр. Левенгаупта, и онъ одержалъ бы какой нибудь верхъ, то царица почла бы счастливою, если бы королю было угодно доставить ей миръ. Въ волѣ его величества было бы назначить условія, и Россія осталась бы ему признательна за то, что умѣлъ утишить шведовъ.

Не скрываю отъ васъ, что вся шведская нація раздражена до крайности и не сомнѣвается, что король хотѣлъ пожертвовать ею — вы можете судить объ этомъ, по тому, что сообщаетъ вамъ г. Ланмари, который ничего не преувеличиваетъ.

Поздравленіе, принесенное вамъ гренадерами и котораго къ несчастію вы не могли отклонить, не предвидя его, раскрываетъ участіе ваше въ переворотѣ и только болѣе усилитъ подозрѣніе Швеціи въ вашемъ пристрастіи. Я посылаю сегодня курьера въ Стокгольмъ, чтобы стараться успокоить тамъ умы и дать знать, какъ это и есть въ дѣйствительности, что перемѣна владѣтеля въ Россіи нисколько не измѣняетъ чувствъ короля къ Швеціи, ни видовъ Франціи. И точно, если король всегда желалъ переворота только какъ средства облегчить шведамъ исполненіе ихъ намѣреній, и если этотъ переворотъ произвелъ противное дѣйствіе, то должно жалѣть о всѣхъ трудахъ, которые предпринимались для ускоренія его. Я присовокупляю г. Ланмари, что далекая отъ того, чтобы прекратить военныя дѣйствія, Швеція должна продолжать ихъ съ сильнымъ напряженіемъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ въ обезпеченіе тѣхъ мѣстъ, которыя требовалъ гр. Левенгауптъ, а послѣ того можно будетъ хлопотать о мирѣ.

Это не потому, чтобы король хотѣлъ зла царицѣ,— ея великія достоинства могутъ только возбуждать ува-

женіе и желаніе поддерживать съ нею доброе согласіе; но честь короля обязываетъ поддерживать шведовъ въ предпринятой имъ войнѣ и доставить имъ по крайней мѣрѣ часть обезпеченій и преимуществъ, на которыя они надѣялись. Если бы даже обѣщанія, сдѣланныя его величествомъ, не были такъ положительны, какъ они въ самомъ дѣлѣ есть, то уже обязательство, которое вы приняли съ отвѣтственностью за событіе, тѣмъ болѣе побуждаетъ его величество не допускать, чтобы шведы терпѣли впредь отъ послѣдствій вашего слова, иначе они будутъ справедливо думать, что ихъ старались обмануть. Скажу вамъ болѣе, что если война продолжится, то шведы не останутся безъ союзниковъ, и тогда царица можетъ быть поздно узнаетъ, что она уже слишкомъ презирала своихъ непріятелей. Вы поймете изъ всего, мною сказаннаго здѣсь, что вы слишкомъ поспѣшили, желая измѣнить образъ дѣйствій г. Кастеллана, и какъ только я узналъ о сообщенномъ вами ему, то немедленно написалъ, чтобы онъ могъ удержаться отъ такихъ заблужденій; но я сильно боюсь, чтобы онъ, получивъ ваше письмо прежде моего, не лишился возможности трудиться такъ полезно, какъ въ состояніи былъ онъ это сдѣлать, слѣдуя прежней системѣ.

Что касается до герцога голштинскаго, то весьма счастливо, что царица не приняла вашего предложенія объ отсылкѣ его во Францію для отправленія оттуда королемъ на своихъ корабляхъ въ Петербургъ: его величество нисколько не расположенъ брать этого на себя. Но при этомъ случаѣ не могу пропустить безъ замѣчанія касательно выражаемаго царицею нетерпѣнія имѣть близъ себя столь нѣжно любимаго ею племянника. Онъ призванъ на престолъ, по завѣщанію Петра I, предпочтительнѣе предъ нею*), и нельзя ли опасаться,

*) Здѣсь французскій министръ ошибается: по смыслу духовнаго завѣщанія Екатерины I (а не Петра I, который не остав-

чтобы этотъ принцъ не подалъ со временемъ повода къ новому перевороту? — Впрочемъ, царицѣ болѣе, чѣмъ намъ, слѣдуетъ предвидѣть неудобства, которыя могутъ родиться, когда покажутъ русскимъ ихъ законнаго государя. Я могу присовокупить одно слово касательно совершенной довѣренности, которою дѣлаетъ вамъ честь царица: ничто не можетъ быть болѣе лестно для васъ и болѣе желательно для службы короля; но вы должны беречься возбудить тѣмъ зависть между министрами, почему и обязаны, даже если бы это было только для сохраненія приличій, работать по крайней мѣрѣ иногда съ ними и показывать видъ, что вы пользуетесь ихъ посредничествомъ для доведенія до свѣдѣнія царицы того, что желаете.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что содержаніе этого письма предназначается единственно для васъ и собственно для вашего руководства. Важно, чтобы мы могли быть полными распорядителями мира (que nous nous rendions maîtres de la paix), который должно заключить между Россіею и Швеціею, и его величество, не колеблясь, приметъ посредничество, котораго царица будетъ просить тотчасъ, какъ кн. Кантемиръ представитъ врученныя ему письма. Слѣдовательно чрезвычайно нужно, чтобы царица не питала къ намъ никакой недовѣрчивости и была бы все болѣе и болѣе увѣрена въ благонамѣренности короля. Однако, такъ какъ не нужно, чтобы она слишкомъ обольщала себя надеждою на выгодность мирныхъ условій; вы же, послѣ всего вами дѣланнаго и говореннаго, не можете перемѣнить рѣчи безъ полученія на то разрѣшенія, то

лялъ никакого завѣщанія), принцъ голштинскій могъ бы наслѣдовать тогда только русскій престолъ прежде Елизаветы, когда бы былъ православнаго вѣроисповѣданія, но въ описываемое время онъ воспитывался еще въ лютеранскомъ законѣ, почему вторая дочь Петра и имѣла передъ нимъ преимущество.

я присоединяю здѣсь второе несекретное, письмо (lettre ostensible) — его вы и можете пустить въ дѣло.

Г. кардиналъ одобряетъ вашу мысль о пенсіонѣ, который вы полагаете приличнымъ назначить госпожѣ...., если только виды, которые имѣются на Бестужева, осуществятся, также и о подаркѣ повѣренному, потому что мѣсто, которое онъ долженъ занять, даетъ ему возможность быть полезнымъ вамъ. Остается только знать, до какой суммы должны простираться пенсіонъ и подарокъ? Прошу васъ увѣдомить меня о томъ скорѣе.

15 января 1742 г. Версаль. Депеша не секретная (ostensible).

Препровождаю къ вамъ тотчасъ послѣ аудіенціи кн. Кантемира новыя вѣрительныя письма, необходимыя для васъ, чтобы принять при царицѣ, согласно ея желанію, прежнее званіе чрезвычайнаго посла. Его величество слишкомъ искренно желаетъ поддержать союзъ съ этою принцессою, чтобы не исполнять при всякомъ случаѣ то, что можетъ быть ей пріятно. Она выказала чрезвычайное мужество, когда дѣло касалось возвращенія принадлежащаго ей престола; восшествіе ея ознаменовано величайшею мудростью въ отданныхъ ею въ тотъ же самый день повелѣніяхъ о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій противъ шведовъ, и тѣмъ, что она осыпала благодѣяніями военноплѣннаго, которому немедленно возвращена свобода. Швеція конечно будетъ тронута поступкомъ, столь великодушнымъ; постоянно трудясь надъ освобожденіемъ принцессы отъ гнета, въ которомъ она стенала, эта держава разумѣется будетъ довольна тѣмъ, что могла содѣйствовать ея возвышенію.

Вамъ не неизвѣстно однако, что цѣль Швеціи въ

войнѣ, которую она предприняла противъ Россіи, не ограничивалась однимъ отмщеніемъ несправедливостей и жестокихъ обидъ, испытанныхъ отъ прежняго правительства; если бы у ней были только эти виды, то нынѣ она могла бы себя считать достаточно отмщенною наказаніемъ всѣхъ виновниковъ ея золъ; но кромѣ требованій чести, Швецію воодушевляло желаніе возвратить утраченныя ею области, и вы узнаете, что обязательства, въ которыя вступилъ король со Швеціею, касаются того и другаго предмета. Нынѣ царствующая въ Россіи государыня не должна за то сѣтовать на его величество, потому что король, помогая Швеціи, трудился за нея, и не было возможности не принимать на себя условныхъ обязательствъ. Эти обязательства существуютъ и жаръ шведовъ вовсе не охладился. Они съ величайшимъ удовольствіемъ видятъ возвышеніе принцессы Елизаветы, но въ то же время льстятъ себя надеждою, что получатъ отъ нея изъ признательности то, что они расчитывали добыть силою и при помощи успѣховъ оружія.

Я вижу, что васъ удивляетъ такой образъ мыслей, и вы быть можетъ полагали оказать шведамъ услугу, пригласивъ, согласно съ мирнымъ настроеніемъ царицы, гр. Левенгаупта воспользоваться умѣренностью ея; но вы были введены въ заблужденіе ложнымъ донесеніемъ. Швеція сильнѣе, чѣмъ вы думаете, и если бы королю не были извѣстны ея средства, то онъ не рѣшился бы доставлять ей пособіе, которое было бы слишкомъ недостаточно для націи, безсильной что нибудь сдѣлать самой. Вы даже должны были судить по предложеніямъ, сдѣланнымъ вамъ въ послѣднее время гр. Левенгауптомъ, который извѣстенъ своимъ благоразуміемъ, что увѣренность его основана не на химерахъ, и вы увидите доказательство тому будущею весною, если злому року будетъ угодно продолжить войну. Всего же болѣе

прискорбно мнѣ, что вы сами содѣйствовали тому, чтобы поставить Швецію въ положеніе требовать исполненія обѣщаній отъ его величества, принявъ на свою отвѣтственность послѣдствія отъ армистіи. Основываясь на положительномъ словѣ посланника короля, гр. Левенгауптъ остановилъ наступленіе. Швеція нынѣ понуждаетъ насъ исполнить данное вами слово и дѣлаетъ насъ отвѣтственными за событіе. Если мы ее покинемъ, то король не исполняетъ точнѣйшихъ своихъ обязательствъ, и Швеція найдетъ довольно союзниковъ, которые займутъ наше мѣсто. Судите, милостивый государь, по тому, что изложилъ я вамъ, въ какомъ крайнемъ затрудненіи поставленъ нынѣ его величество. Съ одной стороны онъ питаетъ искреннюю привязанность къ царицѣ и желаетъ отъ всего сердца славы и процвѣтанія ея царствованію, а съ другой стороны онъ связанъ съ Швеціею, самою старинною союзницею Франціи. Она вручила въ его руки всѣ свои интересы съ безграничною довѣренностью, и навѣрное никогда не согласится на миръ чисто даровой. Король очень надѣется сократить притязанія этой націи, но необходимо также, чтобы царица поняла, что это будетъ ей стоить чего нибудь. Вамъ, милостивый государь, предлежитъ стараться внушить ей намѣренія, которыя могли бы доставить королю возможность доказать его привязанность къ ней.

Вы меня увѣдомляете, что г. Бестужевъ въ непродолжительномъ времени станетъ въ главѣ управленія иностранными дѣлами. Желаю, чтобы царица извлекла изъ того пользу, но не могу воздержаться, чтобы не предупредить васъ, что онъ слыветъ за совершеннаго приверженца англичанъ и нѣмцевъ, и меня увѣряли изъ вѣрнаго источника, что онъ открыто говорилъ въ Гамбургѣ, что переворотъ въ Россіи никакъ не сильнѣе

огня отъ соломы, и что дѣла тамъ скоро примутъ другой оборотъ.

Я забылъ было вамъ сообщить, что такъ какъ я, на основаніи жалобъ гр. Остермана, писалъ къ вамъ объ отсылкѣ г. д'Альона, и какъ есть поводъ думать, что теперь уже не существуетъ причинъ къ тому, то г. кардиналъ предоставляетъ г. д'Альону полную свободу дѣйствовать по его усмотрѣнію, въ предположеніи, что онъ вовсе не подозрителенъ царицѣ.

Конія съ письма маркиза де-ла-Шетарди къ маркизу де-Ланмари $\frac{8}{19}$ января 1742 г.

Я сначала замѣчу, между нами, какъ неумѣстно, что гр. Левенгауптъ называетъ просьбою попытки, сдѣланныя мною по желанію царицы для выраженія сожалѣнія ея о томъ, что въ первыя минуты ея царствованія будетъ пролита кровь русскихъ и шведовъ. Чтобы эта государыня говорила такъ, какъ это истолковываютъ, слѣдовало бы покрайней мѣрѣ, чтобы она находилась въ крайности (qu'elle fut aux abois) и была во власти побѣдителя, и отъ васъ не укроется въ такомъ случаѣ раздраженіе, которое могло бы послѣдовать отъ подобнаго способа выраженій, когда бы о томъ дошло до свѣдѣнія русскихъ. Также, какъ могъ гр. Левенгауптъ опредѣлительно выразиться о требованіи Выборга и Кекгольма, когда переданное имъ мнѣ чрезъ кавалера Креспи на словахъ, что и вы также видѣли, касалось всѣхъ безъ различія областей, принадлежащихъ Россіи по Балтійскому морю? Иду далѣе: въ предположеніи, что поняли дѣло, я не сдѣлаю для этого ни одного шага по тому уваженію, что вмѣсто служенія Швеціи съ пользою, какъ того желаю, я, по свойству подобнаго

требованія, успѣю только раздражить умы, вывести наружу настоящіе виды шведовъ, нанести вредъ моему вліянію и уменьшить вслѣдствіе того значеніе представительства его величества. И такъ надобно слѣдовать старинному и основательному правилу, что всегда рискуешь заблудиться, когда станешь уклоняться отъ истины. Чтобы устроить дѣла прочнымъ и твердымъ образомъ, Швеція впадаетъ можетъ быть въ противоположную ошибку, если, слишкомъ много думая о себѣ и не шутя, приписываетъ начатой ею войнѣ возведеніе принцессы Елизаветы на престолъ; если она увѣрена, что эта государыня должна болѣе ожидать помощи отъ шведовъ, чѣмъ оказывать такую помощь имъ; что ей необходима ихъ содѣйствіе для того, чтобы утвердиться, и что она должна опасаться нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, чтобы онѣ, выставивъ предлогомъ признаніе ими царемъ малолѣтняго принца Ивана, не считали себя въ правѣ отказать въ такомъ признаніи принцессѣ Елизаветѣ.

Если считаютъ полезнымъ, чтобы Елизавета — и объ этомъ я постоянно заботился — была увѣрена въ томъ, что шведы взялись за оружіе лишь для поддержанія ея выгодъ, то необходимо, для оправданія, что имъ она обязана короною, чтобы шведская армія не могла себѣ сказать, что она выходила изъ своего бездѣйствія только разъ и то для совершенно безполезнаго пожертвованія значительнымъ числомъ честныхъ людей въ дѣлѣ при Вильманстрандѣ. Можно ли нападеніе на царицу, какъ на непріятельницу, когда она на престолѣ, считать средствомъ для большаго убѣжденія ея въ желаніи своемъ стоять за нее? Что же касается до помощи, которая можетъ быть оказана съ той и другой стороны, то предоставляю судить каждому безпристрастному человѣку, кто изъ двухъ державъ въ состояніи помогать другой, не говоря уже о пользѣ, могущей быть шве-

данъ отъ Россіи при обстоятельствѣ, котораго слѣдуетъ скоро ожидать, когда шведскій престолъ останется праднымъ, обстоятельствѣ, которому противуположные интересы могутъ придать значительную важность, чтобы не старались стѣснять избранія. Идетъ ли рѣчь о нуждѣ царицы въ своихъ сосѣдяхъ, чтобы утвердиться? — Мало знаютъ Россію, если станутъ заблуждаться на счетъ значенія иностраннаго вмѣшательства, когда общая выгода единодушно примиряетъ все. Относительно же признанія принца Ивана нѣкоторыми державами, то конечно никто болѣе короля прусскаго не имѣлъ права, даже вслѣдствіе родственныхъ отношеній, поддерживать его, однако онъ одинъ до сихъ поръ и первый, воспользовавшись сосѣдствомъ, поспѣшилъ поздравить Елизавету съ восшествіемъ на престолъ и признать ее самымъ обязательнымъ образомъ въ новой вѣрительной грамотѣ, которую вручилъ въ прошедшій вторникъ въ частной аудіенціи баронъ Мардефельдъ, министръ этого государя.

Эти замѣчанія, внушенныя истиною, заставятъ васъ, милостивый государь, оцѣнить, что могутъ ожидать для себя шведы, преслѣдуя съ жаромъ свои намѣренія и допуская только временное прекращеніе военныхъ дѣйствій, о которомъ мнѣ подали мысль и слава короля, и моя естественная приверженность къ Швеціи.

Наконецъ я представляю на ваше усмотрѣніе, примѣнимы ли въ настоящую минуту послѣднія повелѣнія двора, изъ которыхъ видно недовольство на бездѣйствіе шведовъ, и что признаете вы удобнѣйшимъ для прочнаго утвержденія и настоящей дѣятельности переговоровъ: укрощеніе ли увлеченій самонадѣянности и видовъ шведовъ, или согласіе съ ихъ мыслями, которыя проистекаютъ отъ такого увлеченія?

3 января. Шетарди къ министру въ отвѣтъ на письмо отъ 24 декабря.

...Необходимость покончить со всѣмъ, касающимся до слѣдственной комиссіи, требуетъ, чтобы вниманіе было обращено исключительно на этотъ предметъ. Приступили къ составленію приговора. У Остермана подагра, бросившись въ ноги, перешла въ нижнія полости желудка и заставляетъ опасаться за его жизнь. Какъ только узнала объ этомъ царица, то приказала своему медику, происхожденіемъ португальцу и очень искусному, ѣздить четыре раза въ сутки въ крѣпость для оказанія гр. Остерману всевозможной помощи, которую въ состояніи представить наука и искусство. Человѣколюбіе и доброта царицы одинаково выказывается при всякомъ случаѣ; она возвратила фельдмаршалу кн. Долгорукому, брату и дѣтямъ его всѣ конфискованныя у нихъ имѣнія. Она подписала также сегодня вечеромъ указъ, который будетъ немедленно публикованъ. Въ силу его подтверждены всѣ должностныя назначенія во времена регентства принцессы брауншвейгской, за исключеніемъ розданныхъ земель и пожалованныхъ пенсіоновъ, которые будутъ зависѣть отъ ея личнаго усмотрѣнія. Впрочемъ это не простирается на лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ или казнокрадствѣ.

21 января. Версаль. Министръ маркизу де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на письмо отъ 6 декабря.

Я съ удовольствіемъ вижу, что вы съумѣли укрѣпить въ царицѣ рѣшимость довѣрить природнымъ русскимъ, предпочтительнѣе предъ иноземцами, главнѣйшія мѣста въ управленіи. Русскіе должны съ удоволь-

ствіемъ видѣть подобное направленіе въ ихъ государынѣ и быть благодарными вамъ за содѣйствіе тому.

Кажется, что царица окончательно убѣдилась въ дурныхъ послѣдствіяхъ, которымъ бы подверглась, ограничившись въ политическихъ дѣлахъ системою союза, заключеннаго ея предшественниками съ вѣнскимъ дворомъ со времени родства съ брауншвейгскимъ домомъ. Просьба этой принцессы къ королю о посредничествѣ для умиренія Сѣвера есть вѣрное доказательство рѣшимости ея дѣйствовать по началамъ, болѣе сообразнымъ съ интересами Россіи, и съ вашей стороны ничто не можетъ быть лишнимъ для показанія ей всѣхъ преимуществъ, которыя пріобрѣтетъ она, если останется при твердой рѣшимости, въ какой повидимому находится нынѣ, дѣйствовать, въ полнѣйшемъ согласіи съ его величествомъ.

(Кн. Кантемиръ вручилъ письмо о нотификаціи. Шетарди получилъ званіе посла. Слѣдуетъ чтобы царица писала „Monsieur mon frère," а не просто „mon frère; они пишутъ царицѣ" madame ma soeur.")

Я увѣренъ, что вы сами чувствуете причины, почему не слѣдуетъ слишкомъ легко поддаваться на мысль о бракѣ герцога голштинскаго, по признаніи его наслѣдникомъ русскаго престола, съ одною изъ французскихъ принцессъ (avec une de mesdames de France), на что, какъ кажется, льстятъ себя надеждою. Правда, что это могло бы быть средствомъ къ установленію и упроченію болѣе тѣснаго союза между королемъ и царицею, и вы поступили благоразумно, не замедливъ сообщить его величеству о видахъ, возбужденныхъ надеждами на этотъ бракъ. Но независимо отъ причинъ, по которымъ можно думать, что царица выдетъ за мужъ по усильнымъ настояніямъ своихъ подданныхъ вопреки отвращенія, до сихъ поръ выказываемаго ею, и будетъ имѣть дѣтей, которые будутъ законными наслѣдниками,

независимо отъ этихъ причинъ представляется прежде всего немаловажное затрудненіе, а именно: различіе вѣры. Притомъ же опытъ частыхъ переворотовъ, случающихся въ Россіи, не дозволяетъ смотрѣть на признаніе герцога голштинскаго наслѣдникомъ престола, какъ на вѣрное средство къ обезпеченію ему и его потомству престола. И такъ вы должны быть чрезвычайно осторожны въ разговорахъ по случаю внушеній, которыя могутъ вамъ быть дѣлаемы въ подобныхъ видахъ.

Я не долженъ оставлять васъ въ безвѣстности, что изъ всѣхъ здѣшнихъ иностранныхъ министровъ нѣтъ ни одного такого англичанина и австрійца, какъ кн. Кантемиръ (de tous les ministres étrangers qui sont ici, il n'y en a point qui soit si anglais et autrichien que le prince de Kantemir). Я не замѣчаю, чтобы переворотъ въ Петербургѣ измѣнилъ его привязанности и не предполагаю, чтобы его донесенія въ какомъ бы то ни было отношеніи могли служить въ нашу пользу.

25 января. Письмо принца Конти *) къ кардиналу. Флери.

Огромная выгода, которую извлечетъ король изъ тѣснаго союза съ Россіею, особенно когда онъ будетъ упроченъ возведеніемъ на престолъ Московіи французскаго принца, такъ ясна, что мнѣ кажется будетъ безполезно распространяться о томъ. Распорядители Юга и въ скоромъ времени, Германіи, мы, благодаря мѣрамъ, исполненіе которыхъ приводится къ концу, будемъ таковыми и на Сѣверѣ. Миръ, самый прочный, будетъ

*) О замыслахъ Конти жениться на Елизаветѣ замѣчено было уже выше, на стр. 239 — 240, 330 — 331 и 364 — 367.

плодомъ такого вліянія, а послѣдствія такого мира выкажутся въ улучшеніи внутреннихъ нашихъ дѣлъ, умноженіи всѣхъ промысловъ отъ легкости и увеличенія сбыта. Переворотъ, который произошелъ (въ Россіи) и который относительно къ данной минутѣ удаченъ, можетъ быть вреденъ для Франціи, если будетъ предоставленъ случайностямъ и естественному ходу, и если ничего не будетъ предпринято для воспрепятствованія герцогу голштинскому достигнуть престола Московіи. Это легко доказать. Невозможно сомнѣваться, чтобы принцъ, имѣющій по своему рожденію право на шведскій престолъ, сдѣлавшись царемъ и всемогущимъ, не воспользовался всѣми случаями и не употребилъ всѣхъ усилій осуществить этого. Несмотря на безпечность, выказываемую въ этомъ отношеніи шведами, должно опасаться, чтобы онъ не успѣлъ.

Если обратить вниманіе на русское могущество, то первыя попытки герцога голштинскаго или удадутся, или останутся безплодными. Ваша эминенція понимаете весь вредъ, который мы потерпимъ въ случаѣ удачи. Если же напротивъ покушенія не будутъ имѣть послѣдствій до тѣхъ поръ, пока герцогъ или его потомство останутся на русскомъ престолѣ, то Швеція, всегда стѣсненная, вѣчно въ войнѣ или страхѣ, сдѣлается для Франціи безполезною и обременительною союзницею. Когда бы мы въ то время за хотѣли помогать ей субсидіями, соразмѣрными съ ея нуждами, то, принявъ въ уваженіе внутреннее наше состояніе и огромныя издержки войны, это для насъ будетъ не возможно. Это разсужденіе должно насъ безпокоить не менѣе, чѣмъ шведовъ; но у нихъ есть увѣренность въ свою пользу, невыгодная для русскихъ и которая ихъ ослѣпляетъ. Кромѣ превосходства, которое шведы воображаютъ имѣть надъ русскими, они увѣрены въ союзѣ и помощи Даніи и Англіи въ случаѣ, если бы герцогъ голштинскій захотѣлъ ихъ под-

чинить себѣ. Я раздѣляю ихъ мнѣніе, но въ такомъ случаѣ Франція, избавившись отъ опасенія видѣть Швецію погибшею, должна бояться средствъ, которыя употребитъ послѣдняя для своего сохраненія.

Необходимость, которая вынудитъ Швецію соединиться съ Англіею, будетъ неисправимымъ зломъ для Франціи. Англичане, подъ предлогомъ защищенія своихъ союзниковъ, покроютъ Балтійское море своими кораблями, наводнятъ Стокгольмъ своими гинеями, завладѣютъ торговлею и, тѣмъ болѣе соединенные съ Даніею, что Швеція будетъ слабѣе, они вдругъ отнимутъ у Франціи и выгоды, которыя она могла извлекать изъ торговли въ странѣ, и всякое политическое вліяніе на Сѣверѣ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что возведеніе герцога голштинскаго на тронъ Московіи можетъ только принести вредъ Франціи такъ-какъ ясно, что тогда онъ или завладѣетъ Швеціею, или будетъ держать ее въ такомъ положеніи, которое не будучи полезно для Франціи, послужитъ ей только въ тягость, или же заставитъ ее кинуться въ руки англичанъ, что также для насъ опасно, и чего, слѣдовательно, мы также должны стараться избѣгать.

Если ваша эминенція сочтете замѣчанія, которыя я считалъ своею обязанностью сообщить вамъ, столь же справедливыми, сколько я нахожу ихъ самъ, и пожелаете принять планъ для переговоровъ на Сѣверѣ, то мнѣ кажется, что надобно о томъ сообщить г. де-ла-Шетарди, на тотъ конецъ, чтобы онъ не дѣйствовалъ вопреки принципа, когда вы согласитесь на осуществленіе его.

Я понимаю очень хорошо, что ваша эминенція, даже одобривъ его, будете находить, что самое трудное заключается въ убѣжденіи императрицы, что ея польза, которая одна должна руководить ею, требуетъ, чтобы она раздѣляла наши мнѣнія. Соглашаясь съ этимъ, я

однако не думаю, чтобы это было такъ затруднительно, какъ кажется съ перваго взгляда. Я имѣлъ съ гг. Тессиномъ и Шеферомъ (m—rs de Tessin et Scheffer) разговоры, которые мнѣ послужили къ уясненію предмета; я также много размышлялъ, и о томъ сообщу вашей эминенціи, если вы пожелаете тогда, когда будетъ время, т. е. когда г. де-ла-Шетарди сообщитъ вамъ и о положеніи дѣлъ московскаго двора, и о своихъ собственныхъ отношеніяхъ къ царицѣ, потому что теперь будетъ слишкомъ долго входить по этому предмету въ подробности.

Впрочемъ довѣренность, внушенная мнѣ вашею эминенціею, заставляетъ меня надѣяться, что если откроется удобная минута оказать мнѣ услугу, то вы мнѣ ее окажете. Въ настоящемъ дѣлѣ, каково бы оно ни было, я не столько смотрю на мою собственную выгоду, сколько на государственную. Если онѣ будутъ согласоваться одна съ другою, я буду очень радъ; если же неудобосоединимы, то пусть моею будетъ пожертвовано, и я утѣшусь тѣмъ, что другая сохранится. Всякое желаніе къ моему возвышенію у меня будетъ подчинено, или принесено въ жертву благу моего отечества и славѣ короля. Полагаю, что такова моя обязанность, и я не уклонюсь отъ нея никогда, потому что не могу себѣ вообразить настоящаго величія, ни истинной славы, удаляясь отъ такого образа дѣйствія для достиженія своихъ цѣлей.

Покорнѣйше прошу вашу эминенцію простить меня за нѣсколько длинныя разсужденія. Я такъ убѣжденъ въ опасности отъ возвышенія герцога голштинскаго, что не могу воздержаться отъ сообщенія вамъ мысли, противорѣчащей даже моимъ интересамъ: я полагаю, что вмѣсто допущенія герцога наслѣдовать престоломъ, лучше будетъ, если царица выдетъ за мужъ за нѣмецкаго принца, лишь бы только не выбрала они изъ ба-

варскаго, ганноверскаго или прусскаго домовъ, по причинамъ, которыя ясны (qui sautent aux yeux) и которымъ мы обязаны столь страннымъ союзомъ покойнаго императора съ царицею.

Если ваша эминенція желаете, чтобы я сообщилъ обстоятельнѣе о предметахъ, которые считаю свойственными для возбужденія рѣшимости въ императрицѣ, то можете только объ этомъ приказать. Прошу васъ дать мнѣ знать, справедливо ли я думаю? Чтобы изъ того ни вышло — доброе дѣло образовывать умъ человѣка, у котораго, если не достаетъ свѣдѣній, то покрайней мѣрѣ есть благонамѣренность. Надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь въ чувствахъ, съ которыми и проч.

Людовикъ Франсуа Бурбонъ.

25 января. Отвѣтъ принцу Конти.

Милостивѣйшій государь! Я докладывалъ кардиналу записку, которую вашему высочеству угодно было мнѣ вручить. Его эминенція соглашается съ вашими принципами, и планъ вашъ есть во всѣхъ отношеніяхъ лучшій изъ тѣхъ, которымъ нужно слѣдовать даже въ видахъ пользъ противниковъ (т. е. Елизаветы и шведовъ); но исполненіе его въ настоящую минуту кажется невозможнымъ по причинѣ упрямства и предубѣжденія каждой изъ партій, которыхъ невозможно излечить отъ ихъ предразсудковъ. Это я очень ясно вижу изъ разныхъ писемъ, полученныхъ мною на этихъ дняхъ. Къ несчастію тайна вышла наружу и произвела всеобщее потрясеніе. Его можетъ быть будетъ трудно успокоить, почему и необходимо, какъ можно скорѣе, противопоставить полное отрицаніе и рѣшительное опроверженіе. Я сообщу вашему высочеству подробнѣе, когда буду имѣть честь видѣться съ вами.

25 января. Версаль. Маркизу де-ла-Шетарди.

Вы узнаете, что послѣ возвращенія кавалера Кресни въ шведскую армію, тамъ распространился слухъ о бракѣ принца Конти съ царицею, и что шведы взволнованы мыслію, что вслѣдствіе этого король покинетъ ихъ интересы и пожертвуетъ ими въ пользу этой государыни. Приписываютъ даже кавалеру Кресни сочиненіе этого слуха, и вы не можете себѣ представить, съ какою быстротою онъ распространился по Швеціи и Даніи, гдѣ это не замедлитъ произвести самыя дурныя слѣдствія. Я пишу къ г. маркизу де-Ланнари и г. ле-Меру (le Maire), что это чистое заблужденіе и что подобный слухъ не имѣетъ инаго основанія, кромѣ ложныхъ мечтаній нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Въ такомъ же точно смыслѣ должны объясняться и вы, но лучше всего избѣгать подробностей и дать этимъ толкамъ утихнуть самимъ собою.

Вы могли ожидать, что происшедшій въ Россіи переворотъ возбудитъ надежды гр. Саксонскаго на герцогство курляндское. Повидимому, онъ найдетъ въ королѣ польскомъ пособника въ предъявленіи своихъ притязаній на это герцогство, если царица захочетъ тому содѣйствовать; онъ также поручалъ, для успѣха своихъ видовъ, умолять короля употребить въ его пользу свое содѣйствіе у царицы. Его величество (французскій) приказалъ увѣрить его, что онъ, совершенно довольный его услугами и приверженностью, которую онъ не переставалъ выказывать къ его особѣ, будетъ очень радъ содѣйствовать его видамъ и пошлетъ къ вамъ приказаніе разсмотрѣть и сдѣлать все, что будетъ примѣнимо для осуществленія его желаній. И такъ вы обязаны, милостивый государь, обратить на это дѣло особенное вниманіе, и узнать со всевозможною осторожностью о на-

мѣреніяхъ царицы касательно Курляндіи, и представится ли возможность надѣяться, что она не захочетъ противиться видамъ гр. Саксонскаго на это герцогство. Въ такомъ случаѣ можете выразить отъ имени короля, что вы, зная особенное уваженіе къ нему его величества и его постоянныя заботы о его выгодахъ, не сомнѣваетесь, чтобы его величеству не было пріятно, когда царица не будетъ тому препятствовать; но какъ бы то ни было, найдете ли вы такое благопріятное расположеніе, на которое по видимому разсчитываютъ, или же попытки, вами предпринятыя въ его пользу, не будутъ обѣщать легкаго успѣха, въ обоихъ случаяхъ вы обязываетесь сообщить обстоятельно гр. Дезальеру*) обо всемъ, что можете разузнать, на тотъ конецъ, чтобы гр. Брюль**) былъ въ состояніи обсудить, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ королю польскому и гр. Саксонскому.

27 января. Принцъ Конти къ кардиналу Флери.

Мнѣ очень досадно, что моя тайна вышла наружу. Вашей эминенціи извѣстны всѣ, кто зналъ ее; вамъ извѣстно также, что это были лица, отъ довѣренности къ которымъ я не могъ уволить себя. Я не могу подозрѣвать въ такомъ разглашеніи моихъ посланныхъ въ Петербургъ — они бы слишкомъ рисковали за себя. Льщу себя надеждою, что вы не подозрѣваете меня въ нескромности въ дѣлѣ такой важности, а потому я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ мысли мои могли сдѣлаться извѣстными? развѣ чрезъ самую царицу или женщину, которой открыли тайну, или чрезъ шведовъ? Если тутъ какая нибудь политическая причина,

---

*) Des Alleurs—французскій министръ при дрезденскомъ дворѣ.
**) Саксонскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

которая могла заставить тѣхъ или другихъ раскрыть нашу тайну — это рѣшите ваша эминенція лучше, чѣмъ я. Какъ бы то ни было, если дѣла могутъ отъ того потерпѣть, я не настаиваю болѣе. Ваша эминенція знаете мой образъ мыслей. Я прошу только быть увѣреннымъ, что мнѣ нельзя себя упрекать ни въ малѣйшемъ неблагоразуміи касательно тайны, и, покуда это дѣло существовало, я руководился видами и славою короля по-крайней мѣрѣ столько же, сколько и моими собственными выгодами. Мнѣ кажется, что шведы не могутъ насъ обвинять въ намѣреніи предать ихъ, потому что хотя все дѣлалось въ тайнѣ, однако съ согласія ихъ министра и всегда въ видахъ доставить имъ выгоды. Спаси Богъ, чтобы я хотѣлъ предъ вашею эминенціею унизить г. де-ла-Шетарди, предлагая объ отзывѣ его. Видно, что я дурно выразился; я предлагалъ только послать второстепеннаго министра (un ministre subalterne) для веденія дѣла, которое думалъ тогда начать, не имѣя, признаюсь вамъ, большой довѣренности къ посланнику.

Теперь императоръ избранъ *) и наступило время, когда, по словамъ вашей эминенціи, король соизволитъ постановить о нашемъ содержаніи (régler nos traitements). Я по крайней мѣрѣ прошу принять горячее участіе въ дѣлѣ, которое столько же касается достоинства короля, сколько и насъ самихъ. Настоящее письмо не требуетъ отвѣта.

16 января. Петербургъ отъ маркиза де-ла-Шетарди.

Особенное обстоятельство можетъ присоединиться къ естественному нетерпѣнію, съ которымъ ожидаю коро-

*) Смотри выше примѣчаніе 38.

левскихъ приказаній: г. Бестужевъ, питающій большую довѣренность къ г. д'Альону, въ среду поручилъ ему сказать мнѣ, что онъ сильно желаетъ скораго возвращенія моего курьера; что проистекающая изъ того неизвѣстность, надобно ли будетъ готовиться къ войнѣ или къ миру со Швеціею, не есть еще одно неудобство, такъ какъ ему приходится испытывать и побѣждать сильныя преслѣдованія Финча и Ботты, и онъ въ тѣмъ большемъ затрудненіи, что обвиняя ихъ до сихъ поръ, желалъ бы, чтобы я могъ помочь ему въ этомъ отношеніи отвѣтами двора и тѣмъ поставить его въ возможность соединить интересы Франціи и Россіи, заключить тѣсный союзъ и устроить торговлю, такъ какъ это доставило бы ему средство совершенно уничтожить существовавшіе и нынѣ существующіе трактаты съ вѣнскимъ дворомъ, Англіею и Голландіею.

д'Альонъ, при помощи простаго и вѣрнаго разсчета растолковалъ ему, что мои двѣ послѣднія почты задержали отвѣтъ на первую. На другой день онъ это подтвердилъ ему отъ моего имени и присовокупилъ, что я слишкомъ тронутъ постоянно выказываемыми имъ чувствами ко мнѣ, чтобы дружба къ нему не заставляла меня въ свою очередь сказать ему, что отвѣтивъ опредѣлительно Финчу и Ботту, онъ скуетъ себѣ оковы, какъ бы ни отдаленъ былъ назначенный имъ срокъ, и что можетъ быть лучше всего для отклоненія ихъ домогательствъ отзываться занятіями, которыхъ требуютъ безпорядки, найденные царицею во внутреннихъ дѣлахъ, и невозможностью думать о внѣшнихъ до тѣхъ поръ, пока не водворится тишина и порядокъ внутри. Бестужевъ намѣренъ воспользоваться этою мыслью.

Гр. Ливенъ, генералъ-адъютантъ гр. Левенгаупта, прибылъ въ нынѣшнюю же среду. Довѣренность Левенгаупта къ Ливену полная. Изъ дѣланнаго мнѣ на словахъ самаго выгоднаго описанія о силахъ, приготовляемыхъ

Швеціею къ будущей кампаніи на морѣ и на сушѣ, выходитъ, что армія ея, по собственному признанію Ливена, не будетъ превышать 25 т. чел. Онъ тѣмъ доказывалъ необходимость поспѣшнѣе склонить Россію на требуемыя шведами обезпеченія. Однако онъ вовсе не скрывалъ отъ меня, что кончина шведской королевы влечетъ за собою заботы о назначеніи наслѣдника престола, а потому миръ безъ сомнѣнія былъ бы желательнѣе. Но, по мнѣнію его и Левенгаупта, надобно, чтобы это была работа столько же конченная, сколько и начатая, чтобы не жертвовать неизвѣстности минутою, которую приближеніе весны дѣлаетъ драгоцѣнною. По наружности я соглашался со всѣми мыслями гр. Ливена; представлялъ ему въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ расположеніе царицы; выводилъ изъ того заключеніе, что если начнутся переговоры, то они будутъ дѣятельны, на сколько можно этого желать, и далъ только замѣтить при томъ, что какъ ни склонны обѣ державы къ взаимному соглашенію, однако опытъ научилъ, что нѣкоторыя необходимыя формальности не дозволяютъ, чтобы дѣла устроились такъ скоро. Наконецъ, я ссылался на невозможность для меня дѣйствовать прежде полученія повелѣній отъ его величества и старался личными и общими замѣчаніями, сдѣланными мною по поводу видовъ г. Ливена, оправдать въ моемъ отвѣтѣ гр. Левенгаупту довѣренность, которую онъ желалъ, чтобы я выказалъ его генералъ-адъютанту. Я представлялъ его въ четвергъ царицѣ, и она приняла его благосклонно.

Приговоръ государственнымъ преступникамъ былъ третьяго дня подписанъ сорока лицами изъ разныхъ государственныхъ чиновъ (des différents ordres de la monarchie) и потомъ представленъ царицѣ. Я думаю онъ приведется въ исполненіе во вторникъ или среду, но по всей вѣроятности такимъ образомъ, что будетъ дано новое доказательство природнаго милосердія и ве-

ликодушія русской государыни. Какъ только указъ о преступленіяхъ, наказаніи, къ которому приговорили за нихъ судьи, и измѣненіи послѣдняго царицею, будетъ напечатанъ, то я постараюсь достать экземпляръ.

Четвертая обыкновенная почта привезла царицѣ письма маіора Корфа. Вечеромъ она оказала мнѣ честь, сообщивъ, что судя по полученнымъ ею извѣстіямъ, герцогъ голштинскій пріѣдетъ въ Мемель 23 или 25 числа нынѣшняго мѣсяца (по новому стилю). Это извѣстіе тѣмъ болѣе обрадовало ее, что она понимаетъ толки, которые могутъ возникнуть за границею о необходимости удерживать до сихъ поръ принца и принцессу брауншвейгскихъ въ Ригѣ, гдѣ они уже нѣсколько дней, и трудность увѣрить (хотя это на дѣлѣ совершенно справедливо), что ихъ помѣстили въ крѣпости, въ домѣ царицы для доставленія большаго удобства. Эта же причина побудила ее отпустить принца Людовика вольфенбюттельскаго, и онъ отправится въ путь въ концѣ будущей недѣли.

Повѣренный, чувства котораго нисколько не измѣняются до сихъ поръ, получилъ повелѣніе распечатать и разсмотрѣть всѣ письма на имя Остермана и нашелъ, что кн. Кантемиръ недавно сообщалъ ему одну подробность, о которой онъ долгомъ счелъ передать мнѣ, и потому вручилъ мнѣ три подлинныя бумаги, съ которыхъ копіи при семъ прилагаю, прося въ то же время, чтобы о немъ не дѣлать никакого упоминанія. Я тѣмъ болѣе спѣшу сообщить вамъ о томъ, что человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, кажется, судя по сдѣланному тамъ описанію его, не заслуживаетъ никакого снисхожденія и было бы хорошо узнать, какія это такія полезныя и огромной важности для Россіи вещи хотѣлъ онъ сообщить Остерману?

(Копій, упоминаемыхъ въ депешѣ, въ тургеневскомъ сборникѣ не помѣщено.)

30 января. Принцъ Конти кардиналу Флери.

(Отвѣтъ на письмо министра, см. выше. Подлинное написано чрезвычайно безграмотно и въ немъ часто недостаетъ смысла).

Чѣмъ болѣе г. Бестужевъ, становящійся въ главѣ ея совѣта, склоненъ къ англичанамъ, тѣмъ опаснѣе, чтобы нѣмецкій духъ не пересилилъ въ Россіи, и царица не ратифьировала послѣдняго трактата, заключеннаго съ Англіею; тѣмъ необходимѣе стараться о внушеніи ей образа мыслей, согласующагося съ нашими пользами, и предупрежденіи тѣхъ, которые захотѣли бы внушать противное. Отсюда слѣдуетъ, что настоящая минута благопріятна и даже драгоцѣнна, чтобы приступить къ дѣлу, отъ котораго можно ожидать столько же огромной выгоды, сколько попытка въ этомъ случаѣ представляетъ мало неудобствъ.

Поведеніе г. де-ла-Шетарди мнѣ кажется очень неблагоразумнымъ. Я уже не былъ слишкомъ доволенъ имъ за то, что онъ, будучи въ связи съ Лестокомъ, этимъ хирургомъ принцессы, и зная такъ обстоятельно о тайнѣ, не могъ извлечь изъ того лучшаго употребленія, сдѣлалъ ее вмѣстѣ съ нимъ неосуществимою, и дѣйствовалъ такъ, что не могли лучше скрыть ее. Это, въ соединеніи съ теперешнимъ его образомъ дѣйствій, не внушаетъ мнѣ, я признаюсь, много довѣренности къ нему, и если ваша эминенція найдетъ сообщаемое мною нынѣ болѣе убѣдительнымъ, или же признаете болѣе возможнымъ осуществить мое предложеніе, то я думаю, что второстепенный посланный и уполномоченный будетъ болѣе въ состояніи исполнить это, чѣмъ человѣкъ, который теперь въ слишкомъ выгодномъ положеніи.

Я былъ въ большомъ страхѣ при отправленіи моего послѣдняго письма, думая, что ваша эминенція покажетъ

его королю. Найдя тамъ многое, заслуживающее критики по мыслямъ и слогу, онъ, покрайней мѣрѣ льщу себя надеждою, не станетъ охуждать причинъ, которыя побудили меня писать.

Я полагаю, что вы не прочли ни одного слова изъ письма, посланнаго мною въ среду, почему долгомъ считаю повторить, что такъ какъ я не думалъ ничего говорить обо всемъ этомъ моей матери, то мнѣ кажется удобнымъ, если ваша эминенція будете продолжать обращать въ смѣшное (si Votre E. continue à persifler) и скрывать отъ нея, что я въ перепискѣ съ вами, такъ какъ я опасаюсь, чтобы она не стала подозрѣвать. Л. Ф. Вурбонъ.

23 января. / февраля. **Маркизъ де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на письма отъ 13 и 15 января.**

Я буду сообразоваться съ содержаніемъ перваго письма, какъ только представится къ тому случай; впрочемъ съ трудомъ повѣрю, чтобы изъ того была большая польза. Изъ остальнаго вижу, что при лучшихъ намѣреніяхъ можно заблуждаться, и я съ тѣмъ большимъ сожалѣніемъ испытываю это на себѣ, что столько же опечаленъ тѣмъ, что думалъ несогласно съ королемъ, сколько былъ далекъ отъ намѣренія навлечь ему малѣйшее затрудненіе моими дѣйствіями. Несомнѣнно, что принявъ посредничество о негласной армистіи между Россіею и Швеціею, я твердо былъ убѣжденъ оказать тѣмъ услугу шведамъ. Эта истина, въ которой я такъ увѣренъ, что умру проникнутый и увѣренный въ ней. Какъ могъ я не думать такимъ образомъ, когда видѣлъ гр. Левенгаупта при всемъ, разумѣется, извѣстномъ благоразуміи его, намѣревающимся проникнуть въ непріятельскую страну, не имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе 5—6 ты-

*

сячъ человѣкъ, между которыми было много больныхъ поносомъ и съ отмороженными ногами, и не сопровождаемыхъ никакими запасами? Если такое положеніе, а равно необходимость рѣшиться на мѣру безъ возможности съ кѣмъ посовѣтываться и удаленіе, не дозволявшее ожидать наставленій, заставили меня сдѣлать промахъ, отъ котораго я не могъ уберечься, то Швеція, принося меня въ жертву и желая извлечь выгоду изъ того, что я сдѣлалъ для нея, дастъ мнѣ урокъ, который научитъ меня не мѣшаться во всю мою жизнь въ дѣла другихъ, когда не уполномоченъ на то приказаніями короля. Я довольно страдалъ въ продолженіи двухъ лѣтъ моего пребыванія здѣсь и работалъ, полагаю достаточно, чтобы не заставлять меня испытать такое чувствительное оскорбленіе.

Что касается до перваго письма моего къ гр. Левенгаупту, то вы видѣли, что оно ни къ чему не обязывало. Я въ немъ сообщалъ только о чувствахъ царицы — отъ Левенгаупта зависѣло уважить или не уважить ихъ. Онъ бы не вынудилъ меня писать къ нему въ другой разъ, когда бы у него были достаточныя силы для нападенія; тогда событіе оправдало бы, по всѣмъ вѣроятностямъ, то, что я постоянно предсказывалъ, и по этому уваженію я бы первый говорилъ ему, что минута нанести ударъ наступила. Тогда я не былъ бы даже устрашенъ, замѣчая впечатлѣніе, слѣдующее обыкновенно за первою неожиданностью отъ совершеннаго измѣненія, которое, можно доказать это, произошло здѣсь въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ. Офицеры и солдаты, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, отказывались отъ этой войны, а нынѣ всѣ пойдутъ на нее охотно изъ привязанности къ царицѣ. Передпослѣдніе рекруты были неспособны къ службѣ, а нынѣшняго года красивы, годны, и доставляются въ такомъ количествѣ, что полки ежедневно пополняются; сдѣлано подкрѣпленіе

самыми лучшими людьми изъ ландъ-милиціи и, вмѣсто насильственныхъ и тягостныхъ для народа мѣръ, которыя употреблялись здѣсь по недостатку денегъ, царица, не обременяя своихъ подданныхъ никакими податями, имѣетъ вѣрный источникъ для поддержанія войны въ безчисленныхъ богатствахъ, найденныхъ у фаворитки Менгденъ и доставшихся отъ конфискаціи имѣній государственныхъ преступниковъ.

И такъ одни обстоятельства, какъ вы предполагаете, о которыхъ мнѣ сообщилъ кавалеръ Креспи, ввели меня въ заблужденіе. Сознаюсь даже, что они сдѣлали на меня тѣмъ большее впечатлѣніе, что было бы трудно не довѣрять донесеніямъ лица, которое, какъ мнѣ извѣстно, находилось въ шведской арміи только для того, чтобы сообщать вамъ обо всемъ, что тамъ происходитъ. Если онъ самъ обманывался, то нечего обвинять мое усердіе. Я, подобно вамъ, милостивѣйшій государь, не знаю, на основаніи какихъ данныхъ онъ утверждалъ, что шведская армія къ будущей веснѣ не будетъ превышать 14 т. человѣкъ. По словамъ гр. Левенгаупта, который конечно ничѣмъ не пренебрегъ, чтобы представить мнѣ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ положеніе шведской арміи, она будетъ состоять изъ 24 — 25 т. человѣкъ, включая всѣхъ. Такая разница, хотя и значительная, можетъ быть не покажется вамъ таковою, если принять во вниманіе положеніе Швеціи, когда она нынѣ имѣетъ болѣе 80 т. регулярнаго войска.

Гр. Левенгауптъ, повторяю это, не высказался насчетъ обезпеченія, котораго желалъ бы его дворъ. Тому порукою его письма и, слѣдовательно, эта причина не могла ослабить пользы, которой ожидалъ я для Швеціи принявъ на себя ходатайство.

Заявленіе приходившихъ ко мнѣ съ поздравленіемъ гренадеръ ничего не можетъ прибавить къ подозрѣніямъ Швеціи, ни оправдать упрека, который захочетъ

она мнѣ сдѣлать за участіе въ переворотѣ, потому что я работалъ надъ возбужденіемъ волненія по соглашенію съ ея министромъ, и она сама предписывала Нолькену, для успѣха переворота, руководствоваться моими совѣтами.

Я бы слишкомъ забылся, если бы, изображая г. Кастеллану предметы, которые могли измѣнить образъ его дѣйствій, освобождалъ его отъ зависимости предписаніямъ, которыя вы будете ему посылать. Слѣдовательно по всѣмъ правамъ мнѣ важно оправдаться въ этомъ отношеніи, и для того я прилагаю здѣсь копію съ письма моего къ этому министру.

Царица далека отъ мысли, чтобы видѣть неудобства, которыя могли бы быть возбуждены присутствіемъ герцога голштинскаго, напротивъ считаетъ его неизбѣжно необходимымъ для обезпеченія внутренняго спокойствія и упроченія наслѣдства за потомствомъ Петра I. Смотря съ этой же точки зрѣнія, она, вмѣстѣ съ своими министрами, полагаетъ, что надобно какъ можно скорѣе женить его, чтобы, если возможно, увѣковѣчить свое дѣло при помощи многочисленнаго потомства. Этотъ принцъ, по полученнымъ извѣстіямъ, прибудетъ сюда въ среду или четвергъ не позже. День его рожденія 21 февраля новаго стиля. Царица намѣревается при этомъ случаѣ превозгласить его наслѣдникомъ престола и за три дня передъ тѣмъ окрестить въ греческую вѣру (de le faire baptiser dans la religion grecque), на тотъ конецъ, чтобы лютеранство, которое онъ испо-вѣдывалъ до сихъ поръ, не послужило препятствіемъ къ предположеннымъ ею намѣреніямъ.

Увѣренный въ одобреніи его эминенціею моей мысли привлечь здѣсь на свою сторону нѣсколькихъ лицъ, я думалъ, что такъ какъ опытъ доказалъ, что людей привязываетъ болѣе надеждою на вознагражденіе, чѣмъ благодарностью, то будетъ лучше и менѣе стоить коро-

ло, когда все обратить въ пенсіоны. Также я полагалъ на пользу службы короля не упускать ни одного средства для упроченія дѣлъ; вслѣдствіе того вчера утромъ я объявилъ повѣренному подъ предлогомъ, о которомъ имѣлъ смѣлость вамъ представить, что король, желая выразить ему свое удовольствіе за содѣйствіе его видамъ и службу царицѣ, пожаловалъ ему пенсіонъ въ 15 т. ливровъ ежегодно. „Будетъ отъ васъ зависѣть, присовокупилъ я, продолжительность его: для этого вамъ предстоитъ только заботиться о соглашеніи интересовъ короля и вашей государыни.“ Онъ показалъ себя тронутымъ такою милостью, которой по его мнѣнію не заслужилъ, но постарается сдѣлаться достойнымъ.

Подобный пенсіонъ, въ то же утро прямо былъ объявленъ чрезъ д'Альона Бестужеву, такъ какъ сдѣлать это лично было лучше, чѣмъ чрезъ родственника, котораго я было думалъ сначала тутъ употребить. Чтобы оправдать подарокъ и заставить принять его, д'Альонъ сообщилъ этому министру, что его величество былъ такъ доволенъ постоянно выказываемыми имъ намѣреніями въ пользу его службы. что желаетъ выразить ему за то свое удовольствіе. Д'Альонъ въ то же время далъ ему понять, что королю будетъ пріятно, если онъ доставитъ ему случай всегда выражать подобнымъ образомъ знаки своего удовольствія. Бестужевъ скромно отзывался, что имъ ничего не сдѣлано, чтобы имѣть право на благосклонность его величества. Онъ увѣрялъ д'Альона, что нѣтъ никакой необходимости, чтобы онъ испыталъ эту благосклонность столь лестнымъ и великодушнымъ для него способомъ; что онъ служитъ, изъ предпочтенія и по склонности, интересамъ короля предъ всѣми прочими, какъ только могутъ они согласоваться съ выгодами его государыни. По правдѣ сказать, онъ не выразилъ согласія на предложеніе, дѣло однако же можетъ счи-

таться порѣшеннымъ — остальное только для вида (le surplus est façon).

Какъ изъ этихъ двухъ обстоятельствъ слѣдуетъ извлечь всю возможную пользу, то я поручилъ г. д'Альону попробовать привести къ той же цѣли (à conduire au même point) кн. Куракина. Предлогъ, на которомъ я остановился, не испугаетъ его совѣстливости. Подобный пенсіонъ ему назначится, какъ слѣдствіе желанія короля вознаградить его за обстоятельства, помѣшавшія ему и его отцу получить отъ его величества подарокъ при отъѣздѣ, что, какъ я много разъ замѣтилъ, у него лежало на сердцѣ *). Такимъ образомъ расходы, которые предстоитъ сдѣлать здѣсь для пріобрѣтенія себѣ довѣренныхъ креатуръ, включая сюда даже и княгиню Долгорукую, не будутъ превышать въ годъ 49 т. ливровъ, и такъ какъ въ теченіи трехъ лѣтъ надобно, чтобы различныя дѣловыя обстоятельства (objets d'affaires) упрочились, то это въ итогѣ составитъ только 50 т. экю; если притомъ еще эти лица будутъ дѣйствовать согласно желаніямъ его величества, такъ какъ при этой методѣ всегда въ волѣ прекратить платежи (couper les vivres) и получавшіе ихъ не могутъ жаловаться, если будетъ поступлено иначе. Изъ такого распоряженія послѣдуетъ то преимущество, что 2 т. червонцевъ, которые царица получила отъ меня именемъ короля, будутъ мнѣ возвращены чрезъ повѣреннаго на этихъ дняхъ, и я буду имѣть деньги, необходимыя на уплату почти за шесть мѣсяцевъ. Я однако не принялъ бы на себя такого распоряженія и не рѣшился бы на него, не смотря на приведенные мною сейчасъ доводы, если бы только отдаленіе, столь мѣшающее дѣйствовать быстро (frapper promptement), не заставляло два мѣсяца ожидать вашихъ приказаній.

*) Кн. Борисъ Ивановичъ Куракинъ и сынъ его Александръ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, были оба русскими министрами при версальскомъ дворѣ во времена Петра Великаго и Екатерины I.

Предупредивъ вчера утромъ, что мнѣ нужно говорить съ царицею, я просилъ повѣреннаго быть при дворѣ утромъ послѣ 12 часовъ. Онъ былъ точенъ. Я началъ съ того, что обвинилъ себя въ затрудненіи, въ которомъ находится король и описывалъ мое положеніе, стараясь этимъ собственно способомъ преклонить лучше царицу. Она была тѣмъ тронута, и я воспользовался минутою, чтобы начать чтеніе подлежавшаго огласкѣ письма (de la lettre ostensible), которымъ вы меня удостоили. Повѣренный объяснялъ по мѣрѣ того, какъ государыня нѣкоторыя мѣста не совершенно понимала. Какъ только я кончилъ, она мнѣ отвѣчала, что ея увѣренность въ дружбѣ короля была бы безгранична и что она слѣпо приняла бы всѣ средства, указанныя ей королемъ, чтобы выразить признательность, которую доказать шведамъ она искренно желаетъ, лишь бы только это не касалось уступокъ, которыя одинаково противны и славѣ, и чести ея; что она призываетъ короля въ судьи того, что скажетъ народъ, увидя, что иностранная принцесса, мало заботившаяся о пользахъ Россіи и сдѣлавшаяся случайно правительницею, предпочла однако войну стыду уступить что нибудь, а дочь Петра I, для прекращенія той же самой войны, соглашается на условія, противорѣчащія столько же благу Россіи, сколько славѣ ея отца и всему, что было куплено цѣною крови ея подданныхъ для окончанія его трудовъ. Я напомнилъ царицѣ то, что говорилъ повѣренному четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ у Нолькена по поводу мѣръ, на которыя самъ Петръ I соглашался съ Карломъ XII, и приводилъ это, какъ примѣръ, опровергающій вопросъ о чести, который она возбуждала. Равномѣрно я напоминалъ, что на повѣреннаго—и онъ подтвердилъ это—возлагалось донести ей, что король, для возбужденія шведовъ, былъ вынужденъ представить имъ существенные предметы для выгодъ, единственные способные, при шведской консти-

туціи, къ побужденію ихъ взяться за оружіе за Елизавету, и чтобы довести ихъ до того, что имъ сдѣлано, онъ не могъ уклониться отъ вступленія съ ними въ обязательства. „И такъ пусть ваше величество, продолжалъ я, удостоитъ обсудить положеніе, въ которомъ находится король. Такое положеніе существуетъ только потому, что онъ желалъ видѣть васъ на тронѣ и вы, конечно, склонитесь помочь королю въ томъ, что можетъ ему доставить средства содѣйствовать миру и тѣмъ ясно доказать его величеству дружбу, которую онъ всегда питалъ къ вамъ". Царица мнѣ возразила: если Петръ I находился въ положеніи отказаться отъ того, что было имъ пріобрѣтено, то этого еще недостаточно, чтобы, особенно послѣ трехъ царствованій, удержавшихъ завоеванія этого великаго государя, она могла сдѣлать то же, что онъ; она сочла бы нарушеніемъ уваженія къ его памяти, когда бы цѣною всего, что можетъ отъ того произойти, она уклонилась отъ этого взгляда; она надѣется, что король не будетъ охуждать такихъ чувствъ и первый показалъ бы примѣръ если бы, подобно ей, имѣлъ случай выказать уваженіе къ волѣ отца; она льститъ себя надеждою, что небо доставитъ ей болѣе и болѣе случаевъ доказать его величеству, какъ тронута она его дружбою, и какъ сильно въ ней желаніе сохранить ее на всю свою жизнь; наконецъ, она желаетъ надѣяться, что если королъ вынужденъ къ выполненію своихъ обязательствъ съ Швеціею, то онъ не принялъ бы и не приметъ такихъ, которыя, по свойству своему, могутъ причинить ей зло, котораго она никогда не желала бы испытать со стороны короля.

Тогда, сообразуясь съ предписанною вами осторожностью, которую всегда намѣревался употреблять, я выразилъ царицѣ, что хотя вслѣдствіе довѣренности, которою она меня удостоиваетъ, я и обязанъ былъ отдать сначала ей отчетъ въ полученныхъ мною повелѣ-

ніяхъ, однако это не можетъ помѣшать исполненію въ отношеніи ея министровъ всѣхъ моихъ обязанностей, которыя долженъ имъ выказать и тѣмъ исполнить все, что касается достоинства ея службы; что, слѣдовательно, завтра утромъ я поѣду сообщить г. Бестужеву то же письмо, чрезъ что будетъ соблюденъ порядокъ, лишь бы только она была столь благосклонна и, не показывая вида, что ей все извѣстно, выслушала донесеніе Бестужева. Она одобрила это.

Сообщеніе, сдѣланное мною сегодня утромъ г. Бестужеву, постигла та же участь: его не поколебало ни то, что повторилъ я сказанное четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, ни союзники, которыхъ вѣроятно найдетъ Швеція. Онъ твердо стоялъ за начало, что невозможно начинать никакихъ переговоровъ иначе, какъ принявъ въ основаніе ништадтскій миръ, и если онъ всегда одобрялъ и будетъ одобрять тѣ средства, которыя захочетъ царица употребить для выраженія своей признательности къ шведамъ, то все таки онъ заслуживалъ бы потерять голову на плахѣ, когда бы сталъ совѣтовать уступить хотя бы одинъ вершокъ земли. „Если обратиться къ тому, какъ бы поступилъ всякой другой на нашемъ мѣстѣ для славы своего государя и народа, прибавилъ онъ, то надобно вести войну. Въ добрый часъ! мы будемъ ее вести. Однако я полагаю, что не прибѣгая къ такой крайности, мы можемъ доставить обезпеченія Швеціи и даже быть ей полезными въ видахъ, которые она будетъ имѣть. Развѣ только съ нами она теряла области, и не выгоднѣе ли будетъ для нея возвратить ихъ себѣ?“ „Не намекаете ли вы на Бременъ и Ферденъ *), отвѣчалъ я, смѣясь, и не намѣрены ли воз-

*) Бременъ и Ферденъ принадлежали Швеціи съ 1648 г., т. е. съ вестфальскаго мира. Въ 1719 г., когда это королевство было въ изнеможеніи отъ несчастливыхъ войнъ. Бременъ и Форденъ присоединены къ курфюршеству гановерскому.

вратить ихъ шведамъ?“ „Можно всегда сговориться, отвѣчалъ онъ въ томъ же тонѣ: мы искренно желаемъ блага и дружбы Швеціи, вы можете быть въ томъ увѣрены. Все заключается въ томъ, чтобы король французскій овладѣлъ Сѣверомъ (le tout est que le roi s'empare du Nord). Пожелаетъ ли онъ водворить тамъ спокойствіе, войти съ нами въ тѣсный союзъ, завести прямую торговлю и упрочить это огромное предпріятіе кровными связями и бракомъ, и тогда онъ, располагая Россіею и Швеціею, будетъ увѣренъ дать всѣмъ европейскимъ дѣламъ какое ему угодно направленіе. Пособите, прошу васъ, искреннимъ намѣреніямъ, и не будемъ упускать минутъ, чтобы прекратить напряженное положеніе.“ „Я раздѣляю ваши мысли, возразилъ я, но не слѣдуетъ ли также, чтобы вы поразмыслили съ большимъ вниманіемъ о положеніи, въ которомъ находится король, потому что желалъ услужить Россіи въ лицѣ царицы?“ „Въ этомъ отношеніи сердце мое вамъ открыто, сказалъ онъ, съ этой минуты я не буду въ состояніи говорить тѣмъ же языкомъ (je ne pourrais tenir le même langage). И такъ напишите скорѣе королю то, что внушаетъ мнѣ усердіе къ службѣ его; съ своей стороны я не премину дать отчетъ о сообщенномъ вами моей государынѣ.“

Послѣ полудня, онъ дѣйствительно пріѣзжалъ ко мнѣ, чтобы показать мнѣ то, что онъ на память и для большей точности набросалъ на бумагу. Я нашелъ, что онъ довольно хорошо вникнулъ въ сущность мною прочитаннаго ему, чтобы ничего не перемѣнять.

Повелѣнія короля для меня тѣмъ болѣе важны въ такомъ положеніи, что кажется баронъ Мардефельдъ получилъ третьяго дня извѣстіе отъ прусскаго короля, что Англія не пропуститъ случая (ne s'endormira pas), чтобы овладѣть царицею. Король даетъ ему знать, что „чрезъ Берлинъ проѣхали два курье-

ра къ г. Финчу. Эти посылки въ соединеніи съ извѣстіями, имѣемыми мною (т. е. прусскимъ королемъ) изъ другихъ мѣстъ, заставляютъ предполагать съ вѣроятностью, что лондонскій дворъ не пощадитъ ничего, чтобы расположить въ свою пользу (de gagner) русскій. Это тѣмъ болѣе естественно, что Данія готова подписать трактатъ о союзѣ и субсидіяхъ съ Франціею. Король англійскій остается въ эту минуту изолированнымъ на Сѣверѣ также, какъ и на Югѣ, и чтобы предупредить потерю всѣхъ своихъ союзниковъ, онъ захочетъ по крайней мѣрѣ сберечь себѣ Россію и овладѣть ею при помощи всѣхъ измѣненій, которыя царица пожелаетъ сдѣлать въ трактатѣ, заключенномъ въ послѣднее регентство и которыя могутъ быть непріятны настоящему правительству. Если французскій посланникъ не знаетъ объ этихъ обстоятельствахъ, то поспѣшно извѣстите его, чтобы онъ съ своей стороны позаботился о томъ, чтобы происки Финча не удались. Я такого хорошаго мнѣнія о прозорливости русскаго министерства, что не могу себѣ вообразить, чтобы оно забыло свои интересы и то, что самыми естественными его союзниками суть Франція и я.“

Царица, чтобы не быть здѣсь во время исполненія приговора надъ государственными преступниками [48]), уѣхала, въ сопровожденіи небольшой свиты изъ дамъ и придворныхъ, въ Царскую мызу (à Sarsmuz?), гдѣ она прежде проводила часть лѣта. Она оттуда возвратится въ среду вечеромъ.

По приговору, гр. Остерманъ будетъ колесованъ живымъ, у фельдмаршала — сначала изломаны члены и потомъ отрублена голова; гр. Головкинъ, Левенвольдъ и Темирязевъ — обезглавлены. Всѣ они въ понедѣльникъ, въ 10 часовъ утра, приведены были на мѣсто, гдѣ исполняютъ приговоры. Одинъ гр. Остерманъ, какъ самый виновный, былъ взведенъ на эшафотъ и принуж-

день положить голову на плаху. Прочіе, остававшіеся внизу и которымъ, каждому отдѣльно, прочитали приговоръ, испытали, какъ и Остерманъ, милосердіе царицы. Она всѣмъ имъ даровала жизнь и удовольствовалась только конфискаціею ихъ имуществъ и ссылкою въ разныя мѣста на всю жизнь. Всѣхъ увезли на другой день: гр. Остермана въ — Березовъ, фельдмаршала Миниха — въ Пелымь въ домъ, на который онъ дѣлалъ самъ планъ и который былъ построенъ для бывшаго герцога курляндскаго, гр. Головкина — въ Германъ, гр. Левенвольда — въ Соликамскъ, барона Менгдена — въ Кольскій острогъ, а секретаря (sic) Темирязева — въ Сибирь [49]).

Въ то же время вышелъ указъ, въ которомъ царица повелѣваетъ выдать почетный паспортъ (un passeport honorable) бывшему герцогу курляндскому, семейству его, также братьямъ и зятьямъ съ тѣмъ, что они могутъ выѣхать изъ имперіи и поселиться, гдѣ имъ угодно. Тѣмъ же указомъ ея величество подтверждаетъ Бирону владѣніе графствомъ Вартенбергомъ, которое онъ пріобрѣлъ. Принцъ Людовикъ вольфенбюттельскій уѣхалъ вчера послѣ полудня, чтобы возвратиться въ Германію, въ сопровожденіи до границы барона Лиліенфельда, камеръ-юнкера. Ему дали въ провожатые 18 солдатъ и платятъ на счетъ царицы издержки путешествія до вступленія имъ въ предѣлы своихъ владѣній.

Примѣчанія.

[48]) Слѣдствіе надъ Остерманомъ, Минихомъ и другими лицами продолжалось съ небольшимъ мѣсяцъ. 13 января уже состоялся указъ сенату „судить ихъ по государственнымъ правамъ и указамъ.“ 14 числа онъ

былъ полученъ въ сенатѣ, который въ тотъ же день и постановилъ рѣшеніе. При томъ не было въ разсмотрѣніи подлиннаго дѣлопроизводства, но судили по заранѣе составленнымъ экстрактамъ. Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, призванныхъ судить тогда вмѣстѣ съ сенатомъ, не было ни одного нѣмца. Приговоръ начинался такъ: „по выслушаніи выше помянутыхъ экстрактовъ, разсуждали довольное время. Съ нижнихъ голосовъ, съ президента Кисловскаго положили: Андрею Остерману учинить смерть. Кн. Василій Володиміровичъ (Долгорукій, только-что возвращенный изъ ссылки) разсудилъ, что надлежитъ Андрею Остерману учинить смертную казнь колесованіемъ. Его сіятельство кн. Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и прочіе всѣ съ тѣмъ согласились...“ Все рѣшеніе писано въ этомъ родѣ, только еще короче.

[49]) На другой день послѣ исполненія этого приговора, т. е. 30 января, Пецольдъ такъ описывалъ это событіе: „Уже рано утромъ 29 января (н. с.) заключенные были привезены изъ крѣпости въ одно изъ боковыхъ зданій сената. Около 10 часовъ ихъ начали выводить одного за другимъ. Впереди и позади каждаго шли гренадеры съ примкнутыми штыками. Прежде всѣхъ везли на крестьянскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, Остермана, потому что онъ, по слабости, много лѣтъ не владѣлъ ногами. Голова его поверхъ парика была прикрыта подбитою снизу дорожною шапкою, тѣло завернуто въ старую, до ногъ доходившею красную шубу на лисьемъ мѣху—это была его обычная одежда, въ какой его видали всегда въ рабочей комнатѣ. За нимъ пѣшкомъ слѣдовалъ фельдмаршалъ Минихъ, вице-канцлеръ гр. Головкинъ, баронъ Менгденъ, оберъ гофмаршалъ гр. Левенвольдъ и недалеко за ними недавно пожалованный въ (дѣйствительные) статскіе совѣтники, русскій Темирязевъ“...

„Когда государственныхъ преступниковъ собрали въ кружокъ, то Остермана повели четыре солдата на эшафотъ, и посадили на плохой деревянной стулъ. Остерманъ обнажилъ голову и секретарь сената прочелъ приговоръ (обвиненные узнаютъ содержаніе его только на лобномъ мѣстѣ). Тамъ значилось, что Остерманъ лишается головы и будетъ колесованъ. Съ хладнокровнымъ выраженіемъ въ лицѣ слушалъ онъ это; только при чтеніи по временамъ онъ взглядывалъ на небо и тихимъ движеніемъ головы давалъ знать о своемъ изумленіи. Потомъ солдаты повалили его на землю внизъ лицомъ, а палачь обнажилъ шею и положилъ на плаху. Между тѣмъ какъ одинъ держалъ голову за волоса, другой вынималъ изъ мѣшка топоръ. Остерманъ протянулъ обѣ руки передъ собою, но по оклику одного солдата долженъ былъ ихъ поджать подъ себя крестообразно. Когда уже былъ онъ готовъ къ смертному удару, то сенатскій секретарь вынулъ другую бумагу и прочелъ въ короткихъ словахъ: „Богъ и императрица дарятъ тебѣ жизнь!“ Солдаты и палачи снова его подняли, снесли съ эшафота и положили на сани.“

„Близь стоявшіе не замѣтили въ продолженіи этого страшнаго зрѣлища никакой перемѣны въ посѣдѣвшемъ государственномъ мужѣ, только въ то мгновеніе, когда его клали на плаху, у него тряслись нѣсколько руки. Его до тѣхъ поръ держали въ кругу, когда прочимъ, которыхъ не взводили на подмостки, прочитали приговоры.“

„Гр. Головкинъ и баронъ Менгденъ, боязливо закрывавшіе верхнею одеждою лицо до глазъ, выказали много малодушія. Графъ Левенвольдъ, не смотря на внутреннюю скорбь и видимые слѣды едва сносимой болѣзни, поддерживалъ свое обычное хладнокровіе и любезность. Фельдмаршалъ Минихъ, напротивъ, выказывалъ достойное удивленія безстрашіе, твердость и гор-

дую осанку. Его перваго вывели изъ круга и въ императорскомъ придворномъ возкѣ, въ сопровожденіи четырехъ гренадеръ, отвезли въ крѣпость. За нимъ слѣдовалъ въ своихъ извощичьихъ саняхъ Остерманъ, а потомъ въ такихъ же — не менѣе убитый гр. Головкинъ. Гр. Левенвольдъ, баронъ Менгденъ и Темирязевъ были сначала препровождены въ сенатъ."

Солдаты, сопровождавшіе Остермана, Миниха, Головкина и Левенвольда, не были въ состояніи скрывать чувства горести. Чтобы выказать имъ свое почтеніе, они по народному обычаю называли, обращаясь къ нимъ, „батюшкою" и старались выразить имъ свое состраданіе утѣшительными словами."

Пецольдъ заключаетъ свое донесеніе тѣмъ, что онъ смотрѣлъ на экзекуцію изъ окна коллегіи иностранныхъ дѣлъ и утверждаетъ, что въ жизни ему не случалось ничего видѣть печальнѣе этого зрѣлища. За исключеніемъ неистовавшей черни, мало было русскихъ знатныхъ, которые не были тронуты и дозволяли себя показать другія чувства, кромѣ состраданія, и надобно правду сказать, что Остерманъ и Минихъ (по своему личному мнѣнію, Пецольдъ къ нимъ не сомнѣвался причислять и Левенвольда) были знаменитѣйшими изъ людей, когда либо служившихъ въ Россіи *).

Финчь описываетъ казнь почти въ тѣхъ же словахъ, только нѣсколько короче. У него прибавлены такія подробности: когда Остерману прочитали о помилованіи, то онъ наклонилъ голову и тотчасъ же сказалъ (это были единственныя слова, произнесенныя имъ): „прошу васъ возвратить мнѣ мой парикъ и шапку." Онъ надѣлъ ихъ на голову, застегнулъ воротъ рубашки и халата, при чемъ на лицѣ его не отражалось ни малѣйшаго волненія. Всѣ обвиненные отростили себѣ бороды, одинъ

*) Hermann's Geschichte des russ. Staates V, S.S. 3 — 5.

только Минихъ былъ выбритъ, хорошо одѣтъ, съ осанкою твердою, безстрашною, беззаботною, какъ будто бы командовалъ онъ арміею или находился на парадѣ. Съ начала самаго слѣдствія до послѣдней минуты не замѣчали въ немъ ни малѣйшаго страха или безпокойства. Во время перехода изъ крѣпости на эшафотъ, онъ шутилъ съ караульными и говорилъ имъ, что онъ, когда имѣлъ честь водить ихъ въ боевой огонь, считался храбрецомъ, и они увидятъ его такимъ до конца*).

Записки Шаховскаго дополняютъ эти свѣдѣнія. Конечно не случайно возложено было на него, испытавшаго милости при падшемъ правительствѣ, отправленіе въ ссылку главныхъ представителей его.

„На другой день поутру, послѣ учиненныхъ вышеозначеннымъ персонамъ экзекуцій, его сіятельство господинъ генералъ-прокуроръ князь Трубецкой призвалъ меня въ сенатъ и далъ мнѣ письменный ордеръ съ объявленіемъ высочайшаго ея императорскаго величества изустнаго повелѣнія, дабы я отправилъ вышеименованныхъ арестантовъ въ назначенныя мѣста въ ссылку съ потребными распоряженіями, о коихъ была мнѣ дана записка, также и съ рѣшительнаго объ нихъ и всемъ томъ опредѣленія копія; при чемъ подтверждалъ мнѣ, чтобы изъ тѣхъ ни одного уже на разсвѣтѣ слѣдующаго дня въ городѣ не осталось, и при томъ высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе мнѣ было оныхъ несчастныхъ женамъ объявить, что ежели онѣ хотятъ, то могутъ съ ними ѣхать на житье въ назначенныя имъ мѣста; которыхъ было три графини Остерманова, Головкина и Минихова и президента барона Менгдена супруга, кои по тому моему объявленію охотно съ мужьями и поѣхали.“

„А какъ того жъ утра ея величество изволила отъ-

*) La Cour de la Russie il y a cent ans, Berlin 1858, p.p. 93, 94.

ѣзжать въ Сарское село и знатные господа за нею жъ слѣдовали, то, дабы никакой остановки мнѣ въ тѣхъ отправленіяхъ не было, гвардіи въ полки для конвойныхъ командъ, въ конюшенную канцелярію для взятія дорожныхъ саней, въ домы тѣхъ несчастныхъ для забранія опредѣленнаго имъ багажу, даны были отъ коммиссіи приказы, чтобъ все то по моимъ сообщеніямъ было исполняемо безъ замедленія; а для письменныхъ производствъ и прочихъ при томъ управленій даны мнѣ въ команду: отъ сената оберъ-секретарь съ нѣсколькими писцами, изъ сенатской роты офицеръ съ нѣсколькими же унтеръ-офицерами и курьерами для посылокъ."

„Такимъ образомъ получа оную коммиссію, приказалъ я онымъ даннымъ мнѣ въ команду чрезъ часъ явиться въ петро-павловской крѣпости и занять мнѣ для потребныхъ производствъ на гауптвахтѣ изъ караульныхъ одну камеру, а самъ, только заѣхавъ въ свой домъ отобѣдать и ни мало не мѣшкавъ, туда жъ поѣхалъ. Я, и теперь вспоминая, благодарю Всемогущаго, что онъ ту коммиссію безъ всякихъ остановокъ благополучно произвесть и исполнить мнѣ вспомоществовалъ, ибо всѣ къ отправкѣ оныхъ несчастныхъ потребныя надобности отвсюду собраны и приготовлены были не позже, какъ въ началѣ почи. И такъ, неупоминая здѣсь о многихъ разныхъ при томъ происходившихъ подробностяхъ, опишу вамъ, благосклонный читатель, о поведеніяхъ и видахъ каждой персоны тѣхъ несчастныхъ при отправленіи ихъ въ путь отъ меня."

„Первый былъ офицеръ, гвардіи для препровожденія графа Остермана командированный, который въ сумерки пришедъ ко мнѣ на гауптвахту, рапортовалъ, что по силѣ даннаго ему отъ меня наставленія ко отправкѣ врученнаго ему арестанта, все въ готовности и что всѣ сани уже запряжены и къ той казармѣ, гдѣ оный арестантъ содержится, подвезены."

„Я, по выслушаніи сего, вручилъ ему по надлежащему приготовленную за моею рукою для содержанія и провозу въ путь онаго арестанта до мѣста инструкцію и, учиня ему при томъ нѣкоторыя пристойныя, какъ должно было, словесныя къ потребнымъ предохранностямъ наставленія, пошелъ съ нѣкоторыми провожающими меня изъ моей свиты офицерами увидѣть онаго арестанта, чтобъ ему послѣднее въ силу высочайшаго мнѣ повелѣнія персонально объявить и при моихъ глазахъ его отправить.“

„По вступленіи моемъ въ казарму, увидѣлъ я онаго бывшаго кабинетъ-министра гр. Остермана, лежащаго и громко стенящаго, жалуясь на подагру; который при первомъ взорѣ встрѣтилъ меня своимъ краснорѣчіемъ, изъявляя сожалѣніе о преступленіи своемъ и прогнѣвленіи нашей всемилостивѣйшей монархини, кое здѣсь я подробно описывать за излишнее почелъ. Наконецъ просилъ онъ, чтобъ я представилъ ея величеству о милостивомъ и великодушномъ покровительствѣ дѣтей его. А какъ я имѣлъ повелѣніе, чтобы всѣ, говоренныя при отправахъ оныхъ арестантовъ рѣчи записывать и представить ея величеству, то приказалъ стоящему близь меня, для такихъ записокъ опредѣленному, все то записать, а ему бывшему гр. Остерману объявилъ, что оное отъ меня, куда надлежитъ, представлено будетъ. Потомъ объявилъ ему высочайшій ея величества указъ, каковый каждому изъ нихъ при отправленіи объявлять было повелѣно, приказалъ офицеру, опредѣленному къ его отвозу, чтобъ его команды солдаты сего несчастнаго, поднявъ съ постелью, отнесли и бережно положили въ сани, такъ какъ и все съ нимъ подлежащее отправилъ и велѣлъ оному офицеру въ пристойномъ порядкѣ со всѣмъ въ свой путь ѣхать. О женѣ жъ его, при семъ случаѣ находившейся, кромѣ слезъ и горестнаго стенанія, описывать не имѣю.“

„Въ то самое время, когда еще оные поѣхавшіе изъ виду моего не удалились, подошедъ ко мнѣ гвардіи къ офицеръ, для отвозу бывшаго оберъ-гофмаршала Левенвольда опредѣленный, рапортовалъ, что онъ тако жъ къ отъѣзду совсѣмъ приготовился. Я въ тотъ же моментъ приказалъ изъ носимыхъ за мною и для него по надлежащему приготовленную инструкцію ему вручить и также для пристойныхъ словесныхъ наставленій пошелъ съ нимъ и съ нѣсколькими моей свиты офицерами къ той казармѣ, гдѣ оный арестантъ сидѣлъ.“

„Лишь только вступилъ въ оную казарму, которая была велика и темна, то увидѣлъ человѣка, обнимающаго мои колѣни весьма въ робкомъ видѣ, который при томъ въ смятенномъ духѣ такъ тихо говорилъ, что я и рѣчь его разслушать не могъ, паче жъ что видъ на головѣ его склоченныхъ волосъ и непорядочно оброслая сѣдая борода, блѣдное лицо, обвалившіяся щеки, худая и замаранная одежда ни мало не вообразили мнѣ того, для кого я туда шелъ, но думалъ, что то былъ какой нибудь по инымъ дѣламъ изъ мастеровыхъ людей арестантъ же. И такъ оборотясь, говорилъ офицеру, чтобъ его отъ меня отвели, а показали бъ въ которомъ углѣ въ той казармѣ бывшій графъ Левенвольдъ находится; но какъ на сіе сказали мнѣ, что сей-то самый графъ Левенвольдъ, то въ тотъ моментъ живо предстали въ мысль мою долголѣтнія его всегдашнія и мною часто виданныя поведенія въ отмѣнныхъ у двора монаршихъ милостяхъ и довѣренностяхъ, украшеннаго кавалерійскими орденами въ щегольскихъ платьяхъ и приборахъ — въ отмѣнномъ почтеніи предъ прочими. И тако нынѣ, видя его въ такомъ бѣдномъ состояніи передъ меня представшаго, пораженъ я былъ неописанною жалостію, помысля, что иногда такъ и со мною приключиться можетъ! Почему принужденъ нѣсколько минутъ остановиться, чтобъ тако мятущійся мой духъ привесть

въ порядокъ для тогдашнихъ должныхъ мнѣ поведеній. Я удержалъ его отъ поклоненій мнѣ и въ ласковомъ видѣ сказаль, чтобъ онъ выслушалъ высочайшій ея императорскаго величества указъ, который ему, также какъ и прочимъ таковымъ, должно было объявить."

„Потомъ приказалъ ему, чтобъ онъ во исполненіе того въ назначенный путь слѣдовалъ. И тако опредѣленный для отвозу его съ командою офицеръ, посадя его въ сани и учредя все по надлежащему, при моихъ глазахъ въ путь свой отправился."

„А въ то время стоялъ уже предо мною офицеръ, опредѣленный везти бывшаго фельдмаршала Миниха, со увѣдомленіемъ, что онъ также въ отъѣзду въ готовности, коего я, также какъ и прежнихъ офицеровъ, снабдя инструкціею и пристойнымъ наставленіемъ, пошелъ съ нимъ для таковаго жъ отправленія. И какъ до той казармы, гдѣ оный несчастный арестантъ сидѣлъ, разстояніе было не весьма близкое, а глаза мои, смотря на такія со злосчастными происхожденія, тогда жъ вообразили мнѣ, къ кому я иду. то я въ удивительныхъ и сожалительныхъ сихъ восторгахъ находясь, мысленно самъ себѣ говорилъ: увы! вотъ удостовѣрительное для меня зрѣлище, чтобъ никогда на разумъ и на фортуну по своимъ гаданіямъ и предпріятіямъ твердой надежды не полагать! Героя многократно съ полномочною отъ монарховъ довѣренностью многочисленныхъ войскъ арміею командующаго, многократно жъ надъ непріятелемъ за одержанныя торжественныя побѣды лаврами увѣнчаннаго, печатными въ отечествѣ нашемъ похвальными одами россійскимъ Сципіономъ, паче римскаго, похваляемаго, и коего я имѣлъ честь въ турецкой войнѣ въ послѣднія три кампаніи съ нѣсколькими конной гвардіи эскадронами во всѣхъ случахъ препровождать и охранять, знаки его милостивой склонности и хорошей чрезъ него рекомендаціи къ лучшему себѣ счастію сыскивать

пріобыкшій, и наослѣдокъ того который чрезъ нѣсколько предъ симъ мѣсяцевъ въ нашей резиденціи одинъ, пришедъ ко дворцу, съ одною караульною гвардіи ротою тогда бывшаго регента герцога Бирона взялъ подъ арестъ, а на его мѣсто принцессу Анну россійскаго престола правительницею быть утвердилъ и при ней первымъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ министромъ былъ — теперь увижу, яко злодѣя, всѣхъ честей лишеннымъ, вчерась на публичномъ мѣстѣ у эшафота отъ опредѣленной ему смертной казни прощеннаго, и въ сіи часы спѣшу отправить его въ ссылку на вѣчное житье въ дальнѣйшій Сибири край и весьма въ худое мѣсто!“

„Въ такихъ-то смятенныхъ моихъ размышленіяхъ пришелъ я къ той казармѣ, гдѣ оный бывшій герой, а нынѣ наизлосчастнѣйшій находился, чая увидѣть его горестью и смятеніемъ пораженнаго. Какъ только въ оную казарму двери передо мною отворены были, то онъ, стоя у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, въ тотъ мигъ поворотясь въ смѣломъ видѣ съ такими быстро растворенными глазами, съ какими я его имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ порохомъ окуриваемаго видать, шелъ ко мнѣ на встрѣчу и, приближась, смѣло смотря на меня, ожидалъ, что я начну.“

„Сіи много примѣченные сего мужа геройскіе и противъ своего злосчастія оказуемые знаки возбуждали во мнѣ желаніе и въ томъ случаѣ оказать ему излишнее предъ другими такими жъ почтеніе; но какъ то было бы тогда неприлично и для меня бѣдственно, то я сколько возмогъ, неперемѣняя своего вида, также какъ и прежнимъ двумъ уже отправленнымъ, все подлежащее ему въ пристойномъ видѣ объявилъ и довольно примѣтилъ, что онъ болѣе досаду, нежели печаль и страхъ на лицѣ своемъ являлъ. По окончаніи моихъ словъ, въ набож-

номъ видѣ поднявъ руки и возведъ взоръ свой къ небу, громко сказалъ онъ: „Боже, благослови ея величество и государствованіе ея!“ Потомъ нѣсколько потупя глаза и помолчавъ, говорилъ: „когда уже теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего инаго не осталось, такъ я только принимаю смѣлость просить, дабы для сохраненія отъ вѣчной погибели души моей отправленъ былъ со мною пасторъ.“ И притомъ поклонясь съ учтивымъ видомъ, смѣло глядя на меня, ожидалъ дальнѣйшаго повелѣнія. На то сказалъ я ему, что о семъ, гдѣ надлежитъ, отъ меня представлено будетъ.“

„А какъ уже все было къ отъѣзду его въ готовности и супруга его, какъ бы въ желаемый какой путь въ дорожномъ платьѣ и капорѣ, держа въ рукѣ чайникъ съ приборомъ, въ постоянномъ видѣ скрывая смятеніе своего духа, была уже готова, то немедленно такимъ же образомъ, какъ и прежніе въ путь свой они отъ меня были отправлены.“

„Тогда уже въ ночи время было позднее, какъ помнится два или три часа по полуночи, и я отъ непрерывнаго изъ одного мѣста въ другое хожденія и отъ борющихся мыслей моихъ смятеній, какъ выше изъяснилъ, нѣсколько уже ослабѣвалъ, но долженъ будучи въ тотъ же мигъ по объявленію мнѣ отъ офицера, командированнаго для отвозу графа Головкина, что онъ также совсѣмъ приготовленъ, къ нему идти, отдалъ оному офицеру подлежащую инструкцію и учиня пристойное наставленіе, нагрузя при томъ еще новыми мысли мои сожалительными восторгами о семъ моемъ особливо бывшемъ благотворителѣ, коему я искреннее почтеніе и преданность имѣлъ, вспоминая его благополучія послѣдній день, въ который я въ домѣ у него на имянинномъ банкетѣ былъ (см. выше на стр. 436) и размышляя о теперешнемъ его состояніи, въ которомъ я его увижу, еще къ должайшимъ заключеніямъ отправлять спѣша,

въ смятеніи духа моего вошелъ въ ту казарму также съ провожающею меня свитою, гдѣ при первомъ на онаго злосчастнѣйшаго моемъ взорѣ наивящше печальнымъ духъ мой сожалѣніемъ былъ пораженъ."

„Я увидѣлъ сего, прежде бывшаго на высочайшей степени добродѣтельнаго и истиннаго патріота совсѣмъ инакова: на головѣ и на бородѣ оброслые долгіе волосы, исхудалое лице, поблѣднѣлый природный на щекахъ его румянецъ, слабый и унылый видъ сдѣлали его уже на себя непохожимъ, а притомъ еще горько стеналъ онъ отъ мучащей его въ тѣ жъ часы подагры и хирагры и отъ того сидѣлъ недвижимо, владѣя только одною лѣвою рукою. Я подошелъ къ нему ближе и крѣпясь, чтобъ не токмо въ духѣ вскорененная, но и на лицѣ моемъ написанная объ немъ жалость не упустила слезъ изъ глазъ моихъ,—что по тогдашнимъ обстоятельствамъ весьма было бы къ моему повреждению,—объявилъ ему высочайшій ея императорскаго величества указъ съ такимъ же изъясненіемъ, какъ и прежнимъ."

„Онъ весьма въ печальномъ и прискорбномъ видѣ, жалостно взглянувъ на меня, сказалъ: „тѣмъ онъ болѣе нынѣ несчастливѣйшимъ себя находитъ, что воспитанъ въ изобиліи и что благополучія его, умножаясь съ лѣтами, взвели на высокія степени, не вкушая донынѣ прямой тягости бѣдъ, коихъ теперь сносить силъ не имѣетъ."

„Сіи слова любезнаго моего благодѣтеля покрыли лице мое наибольшими видами печали, и я бы не могъ воздержаться отъ пролитія слезъ, но въ тотъ же самый мигъ, какъ бы нарочно къ воздержанію моему, гвардіи офицеръ отъ одного изъ первѣйшихъ той производимой надъ несчастливыми коммиссіи члена явился предъ глазами моими, объявляя, что оный министръ, ложась спать, приказывалъ ему ѣхать ко мнѣ въ благовѣстъ

завтреной и навѣдаться о порученной мнѣ комиссіи, и поутру рано, какъ онъ проснется, о томъ его увѣдомить, скоро ль она кончится? Сіе-то поверхные виды печальныхъ моихъ пораженій въ сердце спрятать понудило, и я ему съ твердымъ духомъ отвѣтствовалъ, чтобъ онъ донесъ его сіятельству, что кромѣ сего осталось три арестанта, и тѣхъ уповаю еще прежде разсвѣту дня совсѣмъ отправить. Послѣ сего сказалъ оному злосчастному арестанту, также и его супругѣ, которая, въ сношеніи своихъ заключеній, великодушнѣе своего супруга являлась, чтобы они въ путь приготовились и приказалъ конвойному офицеру, чтобъ онъ велѣлъ солдатамъ онаго несчастнаго съ постелью бережно въ сани отнести и за нимъ его супругѣ идти. И такъ безъ малѣйшаго медленія онаго моего величайшаго благодѣтеля со всѣмъ принадлежащимъ и при глазахъ моихъ отправилъ. Оставшіе къ такому жъ отправленію въ разныхъ казармахъ содержанные арестанты: баронъ Менгденъ, Темирязевъ и секретарь Андрей Яковлевъ также совсѣмъ уже тогда были приготовлены; которыхъ я съ такими жъ произведеніями, какъ и первыхъ, одного за другимъ безъ замедленія, еще при маломъ разсвѣтѣ дня отправилъ, а примѣчательнаго объ нихъ здѣсь ничего описать не имѣю.“

„Такимъ образомъ отъ полудня и чрезъ всю ночь порученную мнѣ комиссію, производя, исполнилъ, и поѣхалъ въ домъ мой отдохнуть до обыкновеннаго часа, какъ должно было мнѣ съ рапортомъ во дворецъ ѣхать, приказавъ при томъ бывшему при мнѣ оберъ-секретарю, чтобъ онъ о томъ исполненіи рапортъ и о говоренныхъ при отъѣздѣ тѣхъ несчастливыхъ рѣчахъ записку, къ тому часу приготовя, ко мнѣ для подписанія въ домъ принесъ, что потомъ безъ опозданія и исполнено. И того жъ утра чрезъ его сіятельство господина генералъ-

прокурора все то ея императорскому величеству представилъ *).“

4 февраля. Версаль. Министръ маркизу де-ла-Шетарди.

Какъ только я узналъ о намѣреніи царицы поручить департаментъ иностранныхъ дѣлъ г. Бестужеву, то не могъ не вспомнить безъ огорченія всѣ доказательства, свидѣтельствующія о малой привязанности этого министра къ Франціи. Я тѣмъ болѣе не могу считать себя заблуждающимся въ этомъ случаѣ, что знаю о торжествѣ теперь лондонскаго двора при видѣ Бестужева въ главѣ правленія въ Россіи. Опасаюсь очень, чтобы этотъ министръ не внушилъ скоро своей государынѣ желанія возобновить всѣ старыя связи, особенно съ Англіею. Буду ожидать съ величайшимъ нетерпѣніемъ вашего отвѣта на письмо отъ 14 января. Я не понимаю, отчего царица не сдѣлала вамъ никакихъ предложеній объ условіяхъ мира съ Швеціею; вы не старались заставить ее объясниться, чтобы дать королю по крайней мѣрѣ приблизительную идею о планѣ примиренія которое можно устроить. Вы совершенно поняли мою мысль относительно г. д'Альона.

30 января. / февраля. Петербургъ. Маркизъ де-ла-Шетарди.

Отчетъ, отданный царицѣ о томъ, что вы, милостивѣйшій государь, удостоили мнѣ сообщить, и мое объясненіе по тому же предмету съ Бестужевымъ, подали поводъ, нѣсколько дней спустя, къ засѣданію канцлера, ви-

*) Записки кн. Я. Шаховскаго, М. 1810 г., I, 100 — 116.

цеканцлера и двухъ министровъ конференціи. Генералъ-прокуроръ и фельдмаршалъ Ласси были туда приглашены экстренно. Царица сама присутствовала. Приведенные ею мнѣ доводы о невозможности согласиться ни на какую уступку,—какъ ни расположена впрочемъ она слѣпо принять способы, которые король укажетъ для доказательства съ ея стороны признательности къ Швеціи,—доводы эти были подкрѣплены единодушнымъ мнѣніемъ министровъ этой государыни. Согласно тому, принято было рѣшеніе продолжать войну со всею возможною настойчивостью, такъ какъ ее нельзя предупредить при содѣйствіи и посредничествѣ его величества. Чтобы быть готовыми на всякій случай и чтобы ничего не дать замѣтить о предпринимаемыхъ мѣрахъ, генералъ-прокуроръ тайно отдалъ необходимыя приказанія о заготовленіи на два года большаго количества припасовъ, въ которыхъ могутъ имѣть нужду войска. Десять батальоновъ гвардейской пѣхоты и 1000 конногвардейцевъ должны были выступить въ Москву на коронацію. Изъ послѣднихъ 700 и половина первыхъ оставлены въ Петербургѣ. Повелѣно также всѣмъ гренадерскимъ ротамъ полковъ, расположенныхъ внутри страны, двинуться сюда. Наконецъ, судя по тому, что мнѣ передано, есть признаки, что царица вмѣсто того, чтобы идти по обѣщанію въ Кіевъ на богомолье, остается только нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ и возвратится въ Петербургъ, чтобы разсѣять слухъ объ отъѣздѣ отсюда только потому, что не считаетъ себя въ безопасности во время войны.

Генералъ Кейтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему явиться къ царицѣ послѣ восшествія ея на престолъ. Этимъ предлогомъ воспользовались, чтобы вызвать его сюда и уговориться съ нимъ предварительно о приведеніи въ исполненіе плана военныхъ дѣйствій. Кейтъ прибылъ въ среду и послѣ завтра возвращается въ Вы-

боргъ. Извѣстія, полученныя имъ, по его увѣренію изъ Англіи, и доказывающія о близкомъ переворотѣ въ пользу короля Якова (Стюарта),—а къ нему семейство Кейта было постоянно привязано,—усиливаютъ его нетерпѣніе, чтобы отвѣтъ вашъ на сообщенное мною вамъ 2-го истекшаго декабря (?) могъ дойти сюда скорѣе.

Вслѣдствіе дошедшихъ до меня слуховъ, что нѣкоторые изъ царскихъ министровъ думаютъ, что не будетъ основательно и честно отказать Англіи въ утвержденіи договора, недавно заключеннаго съ Финчемъ, такъ какъ въ немъ будутъ сдѣланы столь огромныя измѣненія, что не останется почти ничего отъ его первоначальнаго содержанія, — я считалъ обязанностью извлечь выгоды изъ повелѣній, которыя присланы съ послѣднею почтою барону Мардефельду, для воспрепятствованія всякаго союза между Англіею и Россіею. Средство къ убѣжденію Мардефельда въ необходимости быстраго примѣненія къ дѣлу полученныхъ имъ повелѣній было просто. Я только сообщилъ ему о расположеніи, въ которомъ нѣкоторые находились здѣсь въ отношеніи Англіи и послѣдняго трактата, заключеннаго съ нею. Онъ согласился на мое предложеніе отправиться къ четыремъ министрамъ, назначеннымъ для иностранныхъ дѣлъ, сообщить и прочесть имъ, подъ видомъ дружбы и довѣренности, то, что къ нему написано. Онъ такъ и сдѣлалъ, и это произвело, судя по тому, что онъ мнѣ сказывалъ сегодня утромъ, впечатлѣніе. Съ моей стороны я дѣйствовалъ, внушая Бестужеву, Куракину и Лестоку, что считаю ихъ слишкомъ просвѣщенными для того, чтобы торопиться; что всего лучше въ дѣлахъ спрашивать совѣта у времени; что ничему впрочемъ не угрожаетъ опасность, если отложить на 5 или 6 мѣсяцевъ рѣшеніе, и я тѣмъ болѣе былъ бы доволенъ, чтобы выгоды царицы дозволили слѣдовать имъ этой системѣ, что всякое соединеніе съ Англіею можетъ только

затруднить тѣсную связь между Франціею и Россіею, которой я желаю также, какъ и они. Тѣмъ болѣе было важно, чтобы Мардефельдъ и я нанесли этотъ ударъ, что Финчь, послѣ пріѣзда втораго курьера и полученія чрезъ него своего отзыва, объявилъ снова о своемъ скоромъ отъѣздѣ въ видахъ ускоренія тѣмъ, если возможно, рѣшенія. Я знаю, что онъ имѣетъ приказаніе сорить деньгами, сколько ему угодно, лишь бы окончить съ успѣхомъ дѣло, и что онъ тайно пользуется услугами одного стараго анлійскаго купца, который вхожъ въ многіе дома, для пріобрѣтенія приверженцевъ Англіи. Во всемъ этомъ г. Финчь дѣйствуетъ за одно съ маркизомъ Ботта въ видахъ разрушенія до основанія партіи, которую можетъ имѣть здѣсь Франція. Австрійскій же посланникъ, какъ по отношенію къ Шлезвигу, такъ и при помощи нѣкоторыхъ нѣмцевъ, находящихся въ свитѣ герцога голштинскаго, основываетъ большія надежды на прибытіе этого принца.

10 февраля. Версаль. Министръ маркизу де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на депешу 6 января.

Г. Ланиари сообщаетъ мнѣ, что вы ему писали весьма пространно (о шведскихъ дѣлахъ) и не подаете никакой надежды, чтобы петербургскій дворъ желалъ уступить что нибудь. Такое рѣшеніе значитъ продолженіе войны, и вы поймете хорошо, какъ я уже сообщалъ вамъ, что она поставитъ короля въ величайшее затрудненіе и почти въ рѣшительную невозможность оказать какую нибудь услугу царицѣ, ни даже приступить къ чему либо, что могло бы устроить столь желаемый между Франціею и Россіею союзъ. Я однако не усматриваю, чтобы чести и славѣ этой государыни былъ нанесенъ ущербъ какимъ нибудь сдѣланнымъ ею Швеціи

пожертвованіемъ, и хотя вы теперь говорите, что шведы ничего не сдѣлали для нея, однако ихъ добрая воля несомнѣнна, и царица не можетъ забыть, если не хочетъ не быть неблагодарною, что желаніе возвести ее на престолъ ея предковъ входило во многомъ въ причины предпринятой войны. Она даже готова была дать письменное въ томъ удостовѣреніе и тогда такъ охотно желала успѣха шведамъ, что совѣтовала имъ призвать къ своей арміи герцога голштинскаго для того, чтобы его присутствіе заставило выронить оружіе изъ рукъ русскихъ. Всѣ эти переговоры шли чрезъ ваши руки, всѣ эти событія вамъ извѣстны лучше, чѣмъ кому либо, и не возможно отвергать, что хотя шведы и не нанесли послѣдняго удара, однако высказанное ими намѣреніе сильно содѣйствовало къ единодушію партіи Елизаветы, такъ какъ у приверженцевъ ея возродилась увѣренность, что они будутъ поддержаны. Этой принцессѣ не безъизвѣстно также, въ чемъ заключаются обязательства Франціи, и то, что его величество всегда долженъ былъ разсчитывать, что переворотъ въ Россіи, возвращая престолъ тому, кому довлѣетъ онъ, въ то же время доставитъ какія нибудь выгоды Швеціи, съ тою разницею, что король съумѣетъ отличить принцессу, достойную уваженія по множеству великихъ и любезныхъ качествъ и съ которою онъ желаетъ войти въ самыя дружественныя отношенія, отъ похитительницы, подававшей Франціи только поводъ къ жалобамъ и недовольству.

Я могу вамъ сказать, что Швеція раздѣляетъ тѣ же чувства: у ней нѣтъ ни пристрастія, ни ненависти къ принцессѣ Елизаветѣ, и она удовольствуется гораздо меньшимъ, чѣмъ при царѣ и правительницѣ. И такъ старайтесь, милостивый государь, воспользоваться такимъ расположеніемъ и довѣренностью къ вамъ царицы, и внушить тѣ же чувства принцессѣ, великодуш-

ной, признательной и такъ часто высказывавшей вамъ свою склонность и привязанность къ Франціи. Въ видахъ короля не ограничиваться пріисканіемъ временнаго лекарства (un palliatif) противъ ссоръ Россіи со Швеціею; вопросъ пойдетъ о искорененіи этихъ ссоръ навсегда, объ уничтоженіи съ той и съ другой стороны сѣмянъ зависти и раздора, о соединеніи дружбою и интересами обѣихъ этихъ державъ — и король будетъ стараться обо всемъ этомъ всѣми своими силами; но здѣсь все зависитъ отъ минуты, и если ее пропуститъ, то кто можетъ предвидѣть, какой будетъ отъ того исходъ, когда Швеція пріобрѣтетъ другихъ союзниковъ, болѣе завистливыхъ къ силѣ Россіи и болѣе заинтересованныхъ въ ея ослабленіи, или поселеніи въ ней сѣмянъ волненій и раздора? Впрочемъ, я извѣщенъ, что Голландія и въ особенности Англія употребляютъ всѣ усилія для возобновленія обычныхъ продѣлокъ съ петербургскимъ дворомъ, и не смотря на все, что было вамъ сказано для охужденія послѣдняго трактата, заключеннаго съ лондонскимъ дворомъ, вы должны старательно слѣдить за поступками англійскаго министра, и я желалъ бы, чтобы вы мнѣ объяснили, что это за статьи, за допущеніе которыхъ въ этомъ трактатѣ такъ обвиняютъ гр. Остермана?

Я тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что Франціи возможно установить торговлю съ Россіею, очень выгодную для той и другой, и независимо отъ записки, обѣщанной вамъ г. Бестужевымъ, я скоро буду въ состояніи послать вамъ другую, весьма пространную касательно этого предмета; но повторяю вамъ, прежде всего необходимо покончить дѣла Швеціи, а до тѣхъ поръ всѣ дальнѣйшіе виды (vues ultérieures) пріостановлены.

Я полагаю, что уже сообщалъ вамъ, что король одобряетъ подарокъ, который вы предполагаете сдѣлать хирургу: онъ всю интригу велъ за одно съ вами и, какъ

кажется, сохранилъ полную довѣренность къ себѣ своей государыни.

Равномѣрно одобритъ его величество, что вы старались заискать въ г. Бестужевѣ (à gagner M. de Bestougeff), но какъ вѣроятно предметъ значителенъ (mais comme l'objet est vraisemblablement est considérable), то его величество желалъ бы, прежде окончательнаго рѣшенія, знать до чего дойдетъ дѣло (savoir de quoi il serait question)? Не думаете ли вы, что пенсіонъ привяжетъ его къ намъ вѣрнѣе, чѣмъ деньги, единовременно уплаченныя?

11 февраля, Версаль. Министръ маркизу де-ла-Шетарди, въ отвѣтъ на депешу отъ 13 января.

Я усматриваю, что вы не только не предвидите возможности убѣдить царицу къ уступкѣ Выборга и Кексгольма, но и не говорите, какое другое пожертвованіе согласилась бы она сдѣлать. Это оставляетъ насъ въ томъ же невѣдѣніи, въ какомъ мы были, и не даетъ никакихъ разъясненій для начатія малѣйшихъ переговоровъ съ Швеціею. Такъ какъ царица желаетъ мира и предстательства короля, то надобно, чтобы она доставила ему возможность употребить это предстательство, объяснивъ условія, которыя намѣрена предложить, и избравъ какую нибудь опредѣлительную точку, на которой можно было бы утвердиться и которая послужила бы основаніемъ для переговоровъ. Если г. Ланмари вамъ кажется слишкомъ пристрастнымъ къ Швеціи, то вы кажетесь также нѣсколько предубѣжденнымъ въ пользу Россіи. Вы бы могли однако размыслить, что если шведы не довольно сильны сами по себѣ, то пособія, которыя король рѣшился и даже обязанъ имъ оказывать, будутъ болѣе, чѣмъ достаточны, чтобы сдѣлать

ихъ страшными своимъ сосѣдямъ, и что польза царицы требуетъ не вынуждать его величество къ исполненію своихъ обязательствъ во всемъ ихъ пространствѣ...

Изъ различныхъ писемъ изъ Швеціи и Даніи я увѣдомился, что тотчасъ же послѣ возвращенія кавалера Креспи къ арміи въ Финляндію распространился слухъ о супружествѣ принца Конти съ Елизаветою. Прошу васъ сообщить мнѣ, чрезъ кого эти интриги, которыя были потушены въ самомъ началѣ и оставлены безъ всякихъ послѣдствій, могли дойти до свѣдѣнія публики?

6 февраля. Петербургъ. Маркизъ де-ла-Шетарди.

Бестужевъ третьяго дня сообщилъ мнѣ отъ имени царицы о принятомъ ею намѣреніи предложить и рекомендовать курляндскимъ чинамъ въ кандидаты наслѣднаго принца гессенъ-гомбургскаго. Бестужевъ присовокупилъ при томъ, что чѣмъ болѣе царица желала при этомъ случаѣ явить знаки своей благосклонности этому принцу, тѣмъ болѣе она надѣется, что этотъ выборъ не будетъ непріятенъ королю, и что его величество, изъ дружбы къ ней, будетъ въ пользу принца гессенскаго и далекъ отъ противодѣйствія ему. Самъ принцъ говорилъ мнѣ потомъ о своемъ положеніи въ отношеніи Курляндіи и сдѣлалъ мнѣ честь поручить свои интересы въ донесеніи, которое я представлю королю о томъ, что Бестужевъ имѣлъ повелѣніе сообщить мнѣ. „Смѣю льстить себя надеждою, прибавилъ онъ, что его величество соизволитъ оказать свою благосклонность принцу, котораго родъ былъ всегда привязанъ къ Франціи. Вы знаете, продолжалъ онъ, что я всегда былъ вѣренъ въ этомъ отношеніи гессенской крови, и беру васъ самихъ въ свидѣтели каждый разъ, когда дойдетъ дѣло до представленія доказательствъ въ моихъ чувствахъ.“

Я увѣрялъ его, что былъ въ томъ слишкомъ убѣжденъ и проч.

Какъ г. Финчь имѣлъ наканунѣ свою прощальную аудіенцію, то я воспользовался случаемъ, чтобы возвратиться къ разговору, къ которому подало поводъ объявленіе г. Бестужева. Я выразилъ при этомъ случаѣ увѣренность, что г. Финча отправятъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ онъ и пріѣзжалъ, и признался Бестужеву, что желалъ бы этого тѣмъ болѣе, что обдумавъ съ величайшимъ вниманіемъ неудобства,—о возможности которыхъ, если бы произошло противное тому, не скрывалъ отъ него,—я убѣдился, что всякая связь между Россіею и Англіею, какова бы она ни была, необходимо разрушитъ всѣ признаки союза между Франціею и Россіею. Эти слова произвели впечатлѣніе. Бестужевъ сказалъ мнѣ, что я могу быть увѣренъ, что трактатъ о которомъ ведетъ переговоры г. Финчь, не будетъ существовать ни подъ какимъ видомъ, и не вступятъ въ какое бы то ни было обязательство съ Англіею; что такимъ же образомъ поступятъ и съ королевою венгерскою: царица и все министерство ея желаетъ только вѣчнаго союза съ Франціею; что также льстятъ себя надеждою, что за эти искреннія желанія король не допуститъ оставаться долго въ неизвѣстности, которая поведетъ Россію къ напрасной только потерѣ своихъ старыхъ союзниковъ. Я ему отвѣчалъ, что уже потому, что это было бы несправедливо, весьма необходимо, чтобы дѣла шли своимъ чередомъ, что расположеніе, выказываемое имъ ко мнѣ, будетъ достаточно для убѣжденія министровъ царицы, пусть оно только остается такимъ, какъ онъ сейчасъ мнѣ изложилъ это, и навѣрное такое расположеніе приведетъ къ предположенному нами окончанію.

Онъ сообщилъ мнѣ вслѣдствіе этого объясненія, что преслѣдованія г. Ботта дѣлаются со дня на день силь-

нѣе и что недавно онъ въ конференціи съ адмираломъ гр. Головинымъ ограничивался требованіемъ помощи въ 10 т. человѣкъ. „Онъ, возразилъ я поспѣшно, исполнялъ свою должность, стараясь поймать васъ съ помощью такой западни. Повѣрьте, что онъ будетъ доволенъ, когда вы ему дадите только 100 человѣкъ — не о количествѣ онъ хлопочетъ: все заключается въ томъ, чтобы притянуть къ дѣлу (d'embarquer) великую державу, и поставить ее въ такое положеніе, чтобы она не могла потомъ отступиться.“

18 февраля. Версаль. Министръ маркизу де-ла-Шетарди.

При разсмотрѣніи содержанія различныхъ писемъ, писанныхъ къ вамъ г. Левенгауптомъ и присланныхъ вами въ копіяхъ, невозможно не замѣтить, что этотъ генералъ говоритъ съ вами довѣрчиво, какъ съ посланникомъ короля, и полагаетъ, что употребленіе, которое вы изъ того сдѣлаете, не можетъ подать никакого повода къ ущербу интересовъ Швеціи. Однако вы приняли за правило и продолжаете слѣдовать ему, не только сообщать эти письма царицѣ, но даже давать ей копіи съ нихъ, что можетъ принести вредъ, если этимъ принцесса старалась пріобрѣсти доказательства на случай продолженія войны со Швеціею. И невозможно удержаться отъ подозрѣнія, чтобы у ней не было иной причины желанію имѣть у себя эти бумаги. По этому вы поймете конечно, что можетъ быть необходимо употреблять осторожность при сообщеніи ей того, что вамъ напишетъ гр. Левенгауптъ. Хотя вы показываете себя снова подтверждающимъ въ послѣднемъ вашемъ письмѣ сообщенное вами прежде о благорасположеніи царицы къ согласію на средства для достиженія скораго примиренія со Швеціею, тѣмъ не менѣе однако до сихъ поръ не видно, въ чемъ мо-

жетъ состоять желаніе царицы къ осуществленію этого добраго расположенія? Напротивъ она всегда уклоняется довѣрить вамъ, чтобы то ни было, касающееся этого предмета, и скорѣе старается пріучить васъ къ мысли, что не должно ожидать отъ нея какого нибудь пожертвованія или уступки Швеціи для блага мира. Такая сдержанность царицы не дозволяетъ мнѣ уклониться отъ напоминанія вамъ еще разъ того, о чемъ я давалъ вамъ знать касательно обязательства, въ которое вы вошли съ генераломъ Левенгауптомъ, принявъ на себя всю отвѣтственность за послѣдствія отъ негласной армистіи, къ которой вы его побудили и уговорили. Публика, узнавъ о такомъ поступкѣ съ вашей стороны въ самый разгаръ переворота, не воображаетъ, чтобы вы это сдѣлали, не имѣя покрайней мѣрѣ для оправданія себя письма царицы, которое въ крайнемъ случаѣ могло бы служить при предварительныхъ переговорахъ о мирѣ. Отсюда происходитъ для короля затрудненіе, изъ котораго, признаюсь вамъ, не вижу способа выдти, тѣмъ болѣе, что должно ожидать въ этомъ отношеніи еще большихъ затрудненій по мѣрѣ того, какъ царица упорнѣе будетъ держаться мнѣнія, что ей не слѣдуетъ дѣлать никакихъ уступокъ изъ того, чѣмъ она владѣетъ въ Финляндіи.

Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ вы поймете, какъ важно его величеству немедленно узнать, чего держаться относительно намѣреній этой принцессы? Вы, слѣдовательно, должны употребить всѣ средства къ побужденію ея объясниться съ вами откровенно. Она должна быть совершенно увѣрена въ хорошемъ употребленіи, которое его величество съумѣетъ сдѣлать изъ того, что могла бы она вамъ довѣрить, и вы можете увѣрить ее въ томъ самымъ положительнымъ образомъ.

Мысль, которую, по вашимъ словамъ, кавалеръ Креспи приписываетъ генералу Левенгаупту, объ учрежденіи

въ Швеціи новой формы республики и превозглашеніи себя тамъ диктаторомъ, есть чистая выдумка, которая могла быть сочинена только врагами Левенгаупта, такъ какъ положительно извѣстно, что въ его умѣ никогда не существовало подобныхъ намѣреній. Это обстоятельство доказываетъ вамъ, что кавалеръ Креспи въ разныхъ отношеніяхъ слишкомъ легкомысленно вѣрить ложнымъ слухамъ, распространеніе которыхъ выгодно для нѣкоторыхъ людей. Желательно было бы, чтобы этотъ офицеръ былъ способенъ къ большей осмотрительности.

Будетъ очень досадно за виды гр. Саксонскаго на Курляндію, если царица дѣйствительно думаетъ передать это герцогство принцу гессенъ-гомбургскому. Ваши замѣчанія о неудобствахъ, которыя могутъ произойти отъ прямаго ходатайства вашего за гр. Саксонскаго, совершенно справедливы.

13 февраля. Петербургъ. Маркизъ де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на депешу отъ 21 января.

Врученіе вѣрительныхъ грамотъ должно произойти въ Москвѣ въ публичной аудіенціи. Что же касается до частнаго письма, то царица спросила съ живостью: „оно у васъ въ рукахъ?“ — „Точно такъ, государыня, вотъ оно.“ — „Мои министры не знали, что я писала королю; вы можете также негласно (incognito) отдать мнѣ его отвѣтъ и не отдалять удовольствія, которое буду имѣть при чтеніи его съ отдохнувшею головою (à tête reposée).“ — Я ей сообщилъ, что секретарь забылъ написать на оберткѣ „au roi monsieur mon frère“ но просто „au roi mon frère.“ „Вы первая изъ русскихъ государей писали такимъ образомъ къ королю; чѣмъ болѣе это подтверждаетъ связь и самую тѣсную короткость между коронованными главами, тѣмъ болѣе

король расположенъ пользоваться ими при сношеніяхъ съ вашимъ величествомъ. Хорошо, чтобы вы знали при этомъ случаѣ, что прежде Петра I грамоты царей писались на длинныхъ листахъ съ золотыми буквами, какъ это дѣлается у восточныхъ владѣтелей. Петръ I, для сближенія со всѣмъ, что ни въ употребленіи въ Европѣ, измѣнилъ отчасти этотъ обычай, но смерть не допустила его докончить вполнѣ всѣ замыслы. Отсутствіе благопріятныхъ обстоятельствъ помѣшало въ два послѣднія за тѣмъ царствованія слѣдовать видамъ этого великаго государя. Я признаюсь вашему величеству, что въ послѣднее царствованіе мы никогда не желали вступать въ какой нибудь союзъ съ Россіею, — дѣла стало быть на томъ и остановились. Теперь, когда все перемѣнилось, слѣдуетъ установить форму постоянную и неизмѣнную, подобно тому какъ это въ обычаѣ при всѣхъ другихъ дворахъ, и я желалъ предупредить о томъ ваше величество не для того, чтобы надоѣдать вамъ какими нибудь подробностями по этому предмету, но чтобы вы знали и приготовились, когда ваши министры будутъ докладывать вамъ о томъ, что мы будемъ говорить съ ними касательно этого дѣла". Царица казалось одобряла предметъ самъ по себѣ и предложенный мною способъ.

Эта принцесса, не много времени спустя, прошла въ покои, гдѣ она принимаетъ, и была такъ весела, что нѣкоторые изъ придворныхъ замѣтили ей это и поздравляли ее съ тѣмъ. „Это очень естественно, отвѣчала она, при полученіи письма отъ лица, которое намъ ужасно дорого." Вчера еще на мой вопросъ, прочла ли она отвѣтъ короля и довольна ли имъ, царица, упрекнувъ меня за предположеніе, чтобы она до сихъ поръ лишила себя такого трогательнаго для нея удовольствія, сказала мнѣ, что тѣмъ болѣе сожалѣетъ о своей неспособности выразиться по французски какъ бы того хотѣла, что

желала бы выказать, какъ сильно тронута она тѣмъ, что писалъ къ ней король. Я нисколько не казался смущеннымъ отъ упрека, который навлекъ на себя, напротивъ выказался радующимся, что мнѣ удалось доставить ей удовольствіе, такъ какъ это даетъ мнѣ возможность донести королю объ увѣреніяхъ, которыя угодно было ей дать мнѣ самой, изъ собственныхъ устъ.

Что касается видовъ, которые казались и кажутся болѣе и болѣе устанавливающимися здѣсь на счетъ брака между одной изъ французскихъ принцессъ (entre une de mesdames de France) и герцогомъ голштинскимъ, то имъ не могутъ помѣшать (ne pourront être altérées) ни настоянія, которыя можетъ испытать царица отъ своихъ подданныхъ, ни уступка ихъ просьбамъ. Бракъ столько же противорѣчитъ образу мыслей этой государыни и надеждѣ, судя по ея полнотѣ, имѣть дѣтей, сколько и желанію народа, который болѣе, чѣмъ осязательно, со времени прибытія герцога голштинскаго, основываетъ всѣ свои надежды на немъ. Относительно же препятствія по вопросу о вѣрѣ, невѣроятно, чтобы встрѣтились большія затрудненія со стороны народа, который исповѣдываетъ греческую религію, чѣмъ испытанныя прежде отъ англичанъ. Въ настоящее же время положительно извѣстно, что многіе изъ значительнѣйшихъ родовъ въ этой странѣ въ тайнѣ держутся католичества, особенно со временъ Петра I, когда въ пребываніе его во Франціи, публично одобрили въ Сорбоннѣ его исповѣданіе вѣры *). Можетъ

*) Такъ старалось увѣрить въ этомъ и даже само вѣрило французское духовенство, особенно когда имъ удалось переманить въ католичество княгиню Ирину Долгорукую; но въ дѣйствительности это было не такъ. Равнымъ образомъ и въ бытность Петра Великаго въ Сорбоннѣ рѣчь заходила о различіи католичества отъ православія, и изъ Сорбонны по этому поводу писали къ русскимъ духовнымъ длинное посланіе, но все это не имѣло потомъ никакихъ послѣдствій.

быть даже подобное событіе (т. е. женитьба голштинскаго принца на фр. принцессѣ) доставитъ со временемъ простое и легкое средство къ соединенію двухъ Церквей, соединеніе, которое я знаю, обратило на себя вниманіе римскаго двора съ тѣмъ большею основательностью, что уступая его желаніямъ, покойный Бонакъ (de Bonnac) въ посольство свое въ Константинополѣ имѣлъ разныя совѣщанія по этому предмету съ знаменитымъ патріархомъ іерусалимскимъ.

Прошедшее не всегда бываетъ примѣромъ для будущаго. Что касается до частыхъ переворотовъ, случающихся въ Россіи, то они въ нѣкоторомъ родѣ были неизбѣжны, такъ какъ начала, которыми руководились въ дѣлахъ, были насильственны и вынуждены; между тѣмъ какъ настоящее положеніе сдѣлалось естественнымъ, какъ только корона перешла въ руки потомства Петра I, а память его еще доселѣ—предметомъ обожанія для всей Россіи. Эти замѣчанія, если и покажутся вамъ заслуживающими уваженія, то все таки они не ослабятъ моей осторожности, которую я стану всякій разъ употреблять, когда мнѣ будутъ дѣлать внушенія по этому предмету.

Обстоятельства, представляемыя мною на ваше усмотрѣніе, наводятъ меня на мысль, что принцъ Иванъ брауншвейгскій есть и будетъ единственною причиною (mobile), способною возбудить нѣкоторый родъ волненія; но если возрастъ принца отдаляетъ по необходимости срокъ, въ который такое волненіе въ состояніи вспыхнуть, то можетъ быть, судя потому, что говорила мнѣ царица на этихъ дняхъ въ присутствіи повѣреннаго, этотъ принцъ никогда не будетъ въ состояніи осуществить какой нибудь замыселъ (de faire mouvoir aucun ressort), если только остановиться на мысли, которою по видимому министры очень поколебали царицу, именно: не выпускать его вовсе изъ Россіи. То,

что эта принцесса предполагала исполнить (т. е. объявленіе наслѣдника престола) по случаю рожденія герцога голштинскаго, не состоялось. Представленія г. Брюммера, гувернера и оберъ-гофмаршала этого принца, были причиною къ такой перемѣнѣ. Какъ человѣкъ ловкой и усердный къ своему государю, онъ думалъ, что будущность, приготовляемая царицею для герцога голштинскаго, не должна побудить его къ отступленію отъ лютеранства, потому что подобный поступокъ разрушалъ бы его притязанія на короны шведскую и датскую. Его величество датскій не оставляетъ по себѣ наслѣдниковъ, а между тѣмъ герцогъ голштинскій лишенъ будетъ всякой возможности воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Брюммеръ желалъ, чтобы герцогъ оставался совершенно въ прежнемъ положеніи, но нѣжность царицы превозмогла это. Она дала своему племяннику, только и мечтающему о военной службѣ (qui ne respire que le militaire), кирасирскій полкъ фельдмаршала Ласси, а этотъ считалъ лестнымъ для себя сдѣлать уступку при такомъ случаѣ. Въ среду она объявила также герцога подполковникомъ преображенскаго полка.

Царица, для большаго торжества по случаю дня рожденія своего племянника, обѣдала на тронѣ вмѣстѣ съ нимъ.

Если предполагать, что эти милости отдалятъ признаніе принца наслѣдникомъ престола, то отношенія къ нему посланника (французскаго) могутъ породить затрудненія*). Это одна причина, когда сообразить при томъ нѣжность царицы къ своему племяннику, общее пристрастіе народа къ этому принцу, чувствительность,

*) Здѣсь де-ла-Шетарди говоритъ о затрудненіяхъ въ церемоніалѣ. Онъ, какъ посолъ, могъ требовать права первенства передъ герцогомъ голштинскимъ, пока этотъ еще не былъ признанъ наслѣдникомъ русскаго престола.

которую онъ, какъ мнѣ извѣстно, выказывалъ, не смотря на свою молодость, въ тѣхъ случаяхъ, когда считалъ, что не довольно воздавали слѣдующаго ему по его званію, — эта причина, повторяю, достаточна, чтобы желать только исполненія царицею всего, что предполагала она сдѣлать въ его пользу. Чтобы отразить всѣ неудобства, я постараюсь предварительно сговориться съ г. Брюммеромъ, который на столько ко мнѣ внимателенъ и на столько опытенъ, чтобы надѣяться, что съ нимъ будетъ легче войти въ соглашеніе, чѣмъ со всякимъ другимъ.

Если обязанности представительнаго званія (le caractère représentatif), заставляютъ меня обращать вниманіе на это обстоятельство, то съ другой стороны, будетъ ли полезно для службы короля придерживаться слишкомъ твердости? Это касается не однихъ послѣдствій, которыя могутъ произойти, когда чрезъ то ослабится настоящее расположеніе царицы и народа къ Франціи, но я замѣтилъ г. Брюммера склонящимся къ миру между Россіею и Швеціею на томъ основаніи, что важно для обѣихъ державъ быть предоставленнымъ самимъ себѣ, чтобы лучше заниматься умиротвореніемъ внутри. Такое мнѣніе можетъ легче заставить его согласиться на способы, съ помощію которыхъ ему было бы возможно содѣйствовать полнѣйшему примиренію. Оно не кажется столь близкимъ, если судить о будущемъ по тремъ письмамъ г. Ланмари и отвѣту, который сообщили мнѣ министры и съ котораго прилагаю при семъ копію.

...Если бы личное пристрастіе кн. Кантемира продолжало на столько пересиливать настоящее расположеніе его двора, чтобы опасаться за послѣдствія отъ его донесеній, то ваши приказанія дадутъ мнѣ средство хлопотать можетъ быть съ успѣхомъ о его отзывѣ; но будетъ въ то же время важно приготовить для него какое

нибудь новое назначеніе. Возвращеніе его сюда и слѣпая привязанность къ нему великаго канцлера, князя Черкасскаго могутъ повредить нашимъ интересамъ.

Царица отправится скоро въ Царскую мызу. На другой день она пустится въ дорогу на саняхъ, въ которыхъ можно лежать, какъ въ постелѣ.

Извлеченіе изъ письма маркиза де-ла-Шетарди къ Ланмари отъ 13 февраля 1742 года.

Касательно г. Бестужева, бывшаго прежде при шведскомъ дворѣ, я обращу особенное вниманіе, чтобы разъяснить его дѣйствія и, приписавъ неумѣренные его поступки въ Стокгольмѣ получаемымъ имъ приказаніямъ, я тѣмъ легче буду въ состояніи овладѣть имъ (à captiver son personnel). Къ послѣднему я склоняюсь по дружбѣ, которую Сентъ-Северинъ питалъ къ нему, по всему хорошему, что говорили о немъ въ Берлинѣ и по чувствамъ, которыя соединяютъ насъ, вице-канцлера, его брата, и меня. Такъ какъ слава короля и пользы его службы должны быть единственными нашими руководителями, то предубѣжденіе, каковъ бы ни былъ поводъ къ нему, не должно производить на насъ ни малѣйшаго вліянія.

Я прохожу молчаніемъ всѣ подробности, которыя клонились бы къ оправданію разныхъ противорѣчій, только не откажусь сдѣлать одно замѣчаніе (не о настоящемъ состояніи шведской арміи): вы говорите о принципѣ признанія царя (Іоанна III), чтобы предвидѣть въ этомъ непріятныя затрудненія для царицы. Я не разсматриваю вовсе, разрушено или нѣтъ это признаніе другимъ, сдѣланнымъ Пруссіею, Англіею и Голландіею въ отношеніи царицы. а равно и королемъ (французскимъ), который повелѣлъ мнѣ принять снова

званіе его чрезвычайнаго посла, прекращенное по случаю насильственнаго регентства; но какъ только вы признаете, что 5 статей, предложенныхъ самою царицею, когда она была еще великою княжною, превосходятъ во многомъ то, что можно было отъ нея требовать, то не будетъ ли можетъ быть лучше, воспользовавшись такимъ преимуществомъ, предпочтительнѣе побуждать ее сдержать свое слово и вовсе не имѣть притязаній на уступки, на которыя — моя приверженность къ Швеціи не дозволяетъ мнѣ этого скрывать отъ нея — морально не возможно склонить царицы и ея народъ, несмотря на все, снова мною замѣченное желаніе государыни, примириться съ Швеціею и придумать средства къ ея обезпеченію. Вы лучше будете судить о томъ по бумагѣ, приложенной при семъ и переданной мнѣ третьяго дня отъ министровъ.

Если при всемъ желаніи исполнить въ точности повелѣнія короля, послѣдовавшія за тѣмъ объясненія со стороны русскаго двора не соотвѣтствуютъ, къ величайшему сожалѣнію моему тому, чего хотѣла бы Швеція, то я съ тѣмъ большимъ еще удовольствіемъ буду ожидать прибытія г. Нолькена. Одной дружбы и тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между нами, уже достаточно, чтобы ждать его возвращенія съ истиннымъ наслажденіемъ. Согласіе, требуемое непремѣнно для успѣха дѣлъ, дастъ намъ только возможность воспользоваться временемъ, которое намъ далъ гр. Гилленборгъ. Разумѣется, не отъ моихъ попеченій будетъ зависѣть, если это не примѣнится къ настоящимъ обстоятельствамъ. Я бы смѣлъ льстить себя надеждою, что оправдаю надежды, которыя угодно Швеціи возлагать на меня, когда бы моя совершенная преданность къ ней оказала на дѣлѣ желаемыя мною послѣдствія.

Я долженъ васъ предупредить, что сюда доходятъ изъ Стокгольма частныя письма, изъ которыхъ видно,

что гр. Гилленборгъ старается при всякомъ случаѣ называть царицу принцессою Елизаветою, и я могъ примѣтить, что это обстоятельство произвело здѣсь впечатлѣніе и раздражило умы.

Отъѣздъ въ Москву не измѣняетъ ни въ чемъ распоряженій касательно войны. Собираютъ военный совѣтъ; составляютъ соображенія касательно военныхъ дѣйствій; царица возвратится въ Петербургъ; арміею будетъ командовать Ласси.

Копія съ письма маркиза де-ла-Шетарди къ г. Ланмари $\frac{13}{24}$ февраля 1742 года.

(Менгденъ долженъ былъ привезти письма къ Шетарди.)

Я не могу удержаться отъ удивленія, что подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ не замедлили его отъѣздомъ, какъ только стали его подозрѣвать въ тайныхъ связяхъ съ тѣми, которые вели преступную переписку съ московскимъ министерствомъ. Что касается до доказательствъ тому, которыя могли бы находиться въ бумагахъ гр. Остермана, то невѣроятно, чтобы Менгденъ успѣлъ ихъ похитить, если бы даже и было у него такое намѣреніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ и неудобоисполнимо, чтобы я былъ въ состояніи завладѣть ими. Хотя г. Бестужевъ, который нынѣ въ главѣ иностранныхъ дѣлъ, не имѣетъ существенной выгоды скрывать то, что братъ его дѣлалъ въ Стокгольмѣ, однако русскій дворъ не можетъ согласиться на то, что влечетъ за собою пожертвованіе своими клевретами въ Швеціи и что поставитъ тѣмъ самымъ русское правительство въ невозможность пріобрѣсти тамъ себѣ приверженцевъ ни въ какое время.

1 марта 1742 года. Версаль. Министръ въ отвѣтъ на письмо отъ 27 января (извлеченіе).

Онъ начинаетъ вѣрить, что Бестужевъ не имѣетъ болѣе пристрастія къ Англіи. Вѣроятно, что Шевремонъ (S. de Chevremont), который по ремеслу проходимецъ (qui fait le personnage d'aventurier) имѣлъ предложить г. Остерману только химеры... „Это вы можете сказать повѣренному.“

20 февраля. 3 марта. С. Петербургъ. Маркизъ де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на письма отъ 25 и 29 января.

Я посылалъ г. д'Альона къ г. Бестужеву, чтобы покончить съ дѣломъ о пенсіонѣ. Этотъ министръ, занятый своими выгодами столько же, сколько я королевскими, склонилъ рѣчь на подарокъ, который будучи болѣе цѣннымъ, вѣроятно прельщаетъ его сильнѣе. Онъ сдѣлалъ это ловко и вѣжливо (honorablement), извиняя отказъ свой отъ пенсіона тѣмъ, что ничѣмъ еще не заслужилъ его, и что онъ будетъ всегда свободнѣе и предпочтительнѣе предъ всѣми прочими стоять за интересы короля; при чемъ присовокупилъ, что достигнувъ въ этомъ успѣха, онъ почтетъ тогда за величайшую для себя честь милости, которыя будетъ угодно оказать ему его величествомъ, и охотно приметъ награду, какой король признаетъ его достойнымъ.

Онъ много распространялся при этомъ случаѣ и передавалъ по секрету г. д'Альону о своемъ сожалѣніи, что всякая надежда на скорый миръ съ Швеціею исчезла по причинѣ притязаній, предъявленныхъ шведами. „Хотя мы имѣемъ право, сказалъ онъ, чувствовать себя обиженными и находить неумѣстнымъ, что они съ самаго

начала хотятъ намъ предписывать законы, однако мы очень далеки принѣшивать къ нашей враждѣ Францію; напротивъ мы не будемъ на нее сѣтовать, когда она исполнитъ свои обязательства въ отношеніи Швеціи. Мы признаемъ, что Франція не можетъ, поступая честно, уклониться отъ нихъ; но не будетъ такъ съ тѣми обязательствами, въ которыя король вступитъ теперь, потому что сколько ему невозможно было вѣрно предвидѣть будущее относительно прежнихъ обязательствъ, столько на нынѣшнія мы будемъ жаловаться, если его величество, несмотря на нашу приверженность къ Франціи, будетъ искать намъ новыхъ враговъ. Мы надѣемся, что король не измѣнитъ дружбѣ, которую онъ до сихъ поръ постоянно выказывалъ къ царицѣ."

Относительно Швеціи этотъ министръ пошелъ далѣе. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ по повелѣнію царицы и спросилъ сначала отъ имени ея, скоро ли прибудетъ г. Нолькенъ? Я сослался на число письма маркиза Ланмари, упоминавшаго о паспортѣ, что невозможно было, чтобы Нолькенъ былъ еще здѣсь, ни даже, чтобы его увидѣли прежде отъѣзда царицы въ Москву, такъ какъ онъ будетъ вынужденъ слѣлать объѣздъ по Сѣверу. „Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, я не долженъ скрывать отъ васъ, что къ намъ со всѣхъ сторонъ приходятъ извѣстія, что Швеція только старается выиграть время, чтобы собраться съ силами, и насъ считаютъ попавшими въ просакъ, такъ какъ мы упускаемъ свои выгоды, оставаясь въ бездѣйствіи въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ." Я возразилъ ему, что несправедливо даютъ такое истолкованіе намѣреніямъ Швеціи и что, по моему мнѣнію, надлежитъ тѣмъ менѣе жалѣть о потерянномъ времени, что царица сама желала перемирія. и я не вижу, что можно бы сдѣлать въ такое суровое время года? „Правда, отвѣчалъ онъ, что оно не дозволило бы можетъ быть дѣйствовать регулярнымъ войскамъ, хотя прежде и не пре-

пятствовало биться со шведами же, но мы всегда были въ состояніи пользоваться иррегулярными войсками, безпокоить съ помощію ихъ слишкомъ разрозненныя стоянки непріятеля, жечь и опустошать страну. Ея величество, прибавилъ онъ, впрочемъ приказала мнѣ извѣстить васъ, что всѣ безъ исключенія генералы согласны въ томъ, что не слѣдуетъ терять ни одной минуты для начатія непріязненныхъ дѣйствій; что откладывая ихъ, будешь имѣть на плечахъ подкрѣпленія, которыхъ шведы ожидаютъ, между тѣмъ какъ предупредивъ ихъ, можно достигнуть сердца Финляндіи прежде, чѣмъ она получитъ подкрѣпленіе. Для обѣихъ державъ равно важно кончить войну, и, слѣдовательно, лучшій способъ прекратить ее быстро будетъ заключаться въ продолженіи ея съ крайнимъ напряженіемъ. Рѣшившись на это съ величайшимъ сожалѣніемъ, ея величество не упуститъ ничего, что требуетъ ея слава. Гр. Левенгаупту будетъ предупрежденъ о томъ своевременно, чтобы быть въ готовности, и переговоры, вмѣсто замедленія ихъ такою досадною, но необходимою крайностью, пойдутъ своимъ путемъ, какъ будто происходили среди глубокаго мира.“

Я не могъ не замѣтить, что слишкомъ торопятся предвидѣть скорое прибытіе назначенныхъ для шведской арміи подкрѣпленій, потому что могу увѣрить, что она не получила ни малѣйшей помощи, и это вещь невозможная, такъ какъ по случаю льдовъ нельзя доставить подкрѣпленій ни людьми, ни запасами въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, считая отъ нынѣшняго дня. Поэтому я полагалъ бы лучше не торопиться ничѣмъ, и беру на себя смѣлость увѣрить царицу, что ея интересы нисколько отъ того не пострадаютъ, потому что никакая другая мѣра не будетъ такъ сообразоваться съ ея желаніемъ водворить спокойствіе и не предупредитъ огорченія, которое бы она испытала отъ пролитія крови. „Вы еще не въ состояніи, продолжалъ я, произнести сужденія;

узнайте прежде что имѣетъ вамъ передать г. Нолькенъ и согласитесь, что до тѣхъ поръ трудно вамъ сблизиться, особенно послѣ такого надменнаго отвѣта, какъ тотъ, который вы сообщили мнѣ." „Я согласенъ, что онъ таковъ, сказалъ Бестужевъ, но зачѣмъ же было Швеціи грозить намъ? Между двумя державами это величайшее оскорбленіе, какое только можно сдѣлать, и если шведы думаютъ насъ раздавить весною, то намъ приличествуетъ говорить съ ними языкомъ, который могъ бы ихъ въ томъ разувѣрить." Я настаивалъ на преимущество, которое можно было извлечь, подавъ надежду Швеціи на вознагражденіе убытковъ, на которое со стороны русскихъ согласны и охотно готовы, чтобы помочь невозможности уклониться отъ ништадтскаго мира. Вицеканцлеръ утверждалъ, что достоинство царицы не дозволяетъ тѣмъ болѣе упомянуть о томъ въ подобную минуту, что шведы, начавъ войну, должны и требовать, а Россіи отвѣчать на то просто и послѣдовательно. Я вызвался сообщить Швеціи, какъ будто отъ себя, мысли по этому предмету, основываясь на знаніи въ общихъ чертахъ искренняго расположенія царицы. Бестужевъ и такой способъ находилъ еще неприличнымъ для достоинства царицы. Я предлагалъ ему другой: уполномочить кавалера Креспи сказать о томъ словесно гр. Левенгаупту на тотъ конецъ, чтобы не оставалось никакого слѣда отъ дѣла, если оно останется безъ послѣдствій, какъ я на это надѣюсь, когда на него не согласятся. Г. Бестужевъ ограничился увѣреніями, что онъ доложитъ о томъ царицѣ и не замедлитъ сообщить мнѣ о ея намѣреніяхъ. Онъ исполнилъ это сегодня, увѣдомивъ, что государыня вняла моимъ представленіямъ касательно отсрочки на нѣкоторое время непріязненныхъ дѣйствій. Что же касается попытокъ, которыя предполагалъ употребить для скорѣйшаго примиренія, то она отвѣчала, что не можетъ уполномочить меня на то, и что наконецъ

я долженъ быть увѣренъ, что не будетъ принято никакого рѣшенія, котораго бы она мнѣ точно не сообщила прежде приступленія къ его осуществленію и, вслѣдствіе этой предварительной мѣры, дадутъ знать Левенгаупту о томъ, что будетъ рѣшено.

Такіе поступки, хорошіе сами по себѣ, не уменьшаютъ огорченія, чувствуемаго мною при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ. Я вижу теперь ясно, что безполезно льстить себя надеждою на какую нибудь уступку со стороны Россіи. Увѣренность, бывшая здѣсь, что миръ будетъ скоро заключенъ, уступила мѣсто воинственнымъ идеямъ, повлекшимъ за собою различныя мѣры, о которыхъ я уже сообщалъ вамъ, милостивѣйшій государь, что они были приняты вслѣдствіе объявленныхъ мною притязаній шведовъ. Вмѣсто того, чтобы извлечь пользу изъ заслуги, которую въ глазахъ царицы и всего народа оказали они распространеніемъ манифеста за нѣсколько дней до переворота и которую можетъ быть еще болѣе увеличили бы, принявъ исходною точкою для переговоровъ это обстоятельство и обѣщанія, сдѣланныя Елизаветою въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не включая сюда статей объ уступкахъ,—теперь шведы почти заставили забыть обстоятельства, за которыя ихъ благословляли, и изъ того слѣдуетъ, что отнынѣ война будетъ рѣшать условія мира, безъ всякаго при томъ вліянія расположенія взаимной дружбы, которая прежде выказывалась.

Шведы, сохраняя на морѣ превосходство, въ которомъ кажется ясно убѣждаетъ недостатокъ матросовъ (у русскихъ), успѣютъ нанести вредъ только частнымъ лицамъ; русское же правительство, если всѣ порты Балтійскаго моря будутъ въ блокадѣ, можетъ потерять отъ того только таможенный доходъ, который простирается отъ 4 до 5 мильоновъ ливровъ. При такомъ незначительномъ преимуществѣ, шведамъ предстоитъ на сушѣ биться съ значительными силами въ Финляндіи и рисковать

увидѣть, особенно нынѣ, свою армію лишенною необходимыхъ подкрѣпленій и уничтоженною подъ тяжестью численности, въ случаѣ начатія непріязненныхъ дѣйствій. Эта причина побудила меня отдалить войну, чтобы дать шведамъ время отдохнуть и придти въ себя.

Затрудненія, которыя кажется должны бы уменьшаться, при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла напротивъ все болѣе и болѣе увеличиваются. Въ пакетахъ, врученныхъ мнѣ сегодня послѣ полудня молодымъ гр. Гилленборгомъ, я нашелъ записку, переданную г. Ланмари 4 февраля ст. стиля и которой вы, милостивѣйшій государь, будете имѣть дубликатъ. Тамъ сказано, что Швеція желаетъ, чтобы я скорѣе приступилъ къ исполненію обязанности посланника-посредника; въ этой должности я обязываюсь склонять русскій дворъ къ безотлагательному назначенію своихъ полномоченныхъ министровъ; впрочемъ это съ основательностью поставлено въ зависимость отъ того, что должно подтвердить признаніе царицы; но для достиженія этого откладываютъ признаніе императорскаго титула до имѣющихъ начаться переговоровъ. Не говоря о томъ, что было высказано по этому предмету, г. Нолькенъ могъ покрайней мѣрѣ вспомнить, что гр. Остерманъ многократно поддерживалъ, что конвенція, учиненная въ Стокгольмѣ въ 1724 г. адмираломъ Головинымъ для царицы Екатерины, касается всѣхъ наслѣдниковъ, какъ только требованіе о томъ будетъ сдѣлано русскимъ министромъ, находящимся при шведскомъ дворѣ. Г. Нолькенъ долженъ изъ того заключить, что предложеніе такого рода тѣмъ болѣе неблагопріятно, что царица можетъ жаловаться еще сильнѣе на нововведеніе въ отношеніи ея, послѣ того какъ она выказала себя готовою возобновить сношенія. Равнымъ образомъ предварительное условіе объ уступкѣ Выборга и Кексгольма, помѣщенное въ той же запискѣ, совершенно противорѣчитъ сущности предложеній, которыя царица рѣ-

милась сдѣлать шведамъ, и намѣреніямъ этого двора, а потому молодой гр. Гилленборгъ, знавшій всѣ подробности содержанія записки, согласился со мною, что, дабы неудаляться отъ изложеннаго въ ней направленія и не дѣлать безполезныхъ попытокъ, которыя послужили бы только къ большему раздраженію — не надобно дѣлать изъ записки никакого употребленія. Согласно этому, мы уговорились, что я доложу нынѣшнимъ вечеромъ о немъ, какъ о привезшимъ только письмо отъ гр. Гилленборга, съ увѣдомленіемъ меня, что шведскій король принялъ посредничество его величества (французскаго). Чтобы воспользоваться всѣми внѣшностями приличій, которыя въ состояніи укротить этихъ людей, я постараюсь доставить Гилленборгу случай принести поздравленіе, которое шведскій король ему повелѣлъ выразить царицѣ отъ своего имени. Такой вынужденный образъ дѣйствій не облегчаетъ мнѣ затрудненія при отвѣтѣ, который я желалъ сдѣлать г. Гилленборгу.....

28 февраля. 6 марта. **Петербургъ. Маркизъ де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на депешу отъ 4 февраля.**

Королева венгерская, упрямясь, приготовляетъ себѣ тяжелыя условія. Главное сдѣлано: имперія имѣетъ главу...

Таковы начала, которыя принимаетъ г. Бестужевъ, и таковы доводы его для отклоненія, можетъ быть слишкомъ сухо, повторяющихся ходатайствъ маркиза Ботта. Г. Бестужевъ выказывается также противникомъ Англіи. Слѣдовательно лондонскій дворъ заблуждается, когда торжествуетъ отъ того, что онъ въ главѣ иностранныхъ дѣлъ. Пусть Бестужевъ останется при теперешнихъ своихъ чувствахъ, и не будетъ слѣда отъ выраженій, которыя онъ, вынуждаемый ложною политикою,

высказывалъ при разныхъ случаяхъ для увѣренія въ своей малой привязанности къ Франціи.

Сословіе англійскихъ купцовъ, живущихъ здѣсь націею (en nation), накинулось на новаго президента коммерцъ-коллегіи, и хотя минута для нихъ неблагопріятна, однако хлопоты столь настойчивы, они сопровождаютъ ихъ внушеніями, столь свойственными къ произведенію впечатлѣнія въ странѣ, гдѣ подкупъ весьма сильно распространенъ, что можетъ быть важно предупредить ихъ и помѣшать имъ успѣть въ возобновленіи торговаго трактата, которому срокъ скоро истекаетъ, и которымъ теперь довольствуются, не напоминая никакимъ образомъ о трактатѣ, о которомъ велъ переговоры Финчь. Царица откладывала сообщеніе мнѣ какихъ бы то ни было предложеній объ условіяхъ мира со Швеціею только вслѣдствіе увѣренности, въ которой была, что отвѣтъ короля укажетъ ей средства, и въ убѣжденіи, что шведы начали войну и, слѣдовательно, должны первые высказаться. Съ моей стороны, я тѣмъ менѣе могъ представить королю мысль о планѣ примиренія, что замѣчалъ въ царицѣ каждый разъ, какъ старался побудить ее къ общимъ разсужденіямъ, что она постоянно возвращалась къ выраженіямъ признательности, которую она высказывала, будучи принцессою; а какъ притязанія шведовъ были въ слишкомъ большомъ противорѣчіи съ этимъ, то мнѣ мало представлялось возможности, какъ примирить такое сильное противорѣчіе, такъ и заставить принять предложенія.

Царица приказала третьяго дня вручить чрезъ повѣреннаго занятую сумму тою же монетою, которою ее ссудилъ его величество. Не угодно ли будетъ рѣшить, какое я долженъ сдѣлать изъ нея употребленіе?

На докладъ мой царицѣ о письмѣ, полученномъ мною гр. Гилленборгомъ, она выразила, что слышитъ съ великимъ удовольствіемъ о принятіи шведскимъ королемъ

посредничества его величества, и при этомъ случаѣ повторила то, что показывало совершенную довѣренность къ содѣйствію короля, какъ медіатора. Она оказала потомъ мнѣ милость, выразивъ свое удовольствіе, что на меня возложено поученіе объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ знаетъ, что ея интересы въ нашихъ рукахъ. Вчера утромъ я имѣлъ честь представлять ей гр. Гилленборга, съ которымъ она разговаривала минуту спустя послѣ того, какъ баронъ Минихъ отвѣчалъ на поздравленіе, сдѣланное первымъ отъ имени шведскаго короля.

Записка, врученная г. де-ла-Шетарди русскими министрами и приложенная къ письму де-Ламари 10 марта 1742 г.

Хотя Швеція начала настоящую войну изъ желанія возвратить провинціи, на которыя предъявляетъ притязанія, однако Россія, не подавъ никакого повода къ нарушенію вѣчнаго мирнаго трактата и союза, возобновленнаго въ 1735 г., никогда не согласится ни на раздробленіе своихъ областей ни на то, что можетъ нанести ущербъ сказанному трактату, заключенному въ Ништадтѣ,— какого бы впрочемъ ни были свойства обязательства, въ которыя вступила Швеція касательно обѣщанныхъ ей вспомоществованій. Императрица весьма убѣждена, что они не могутъ быть противны интересамъ Россіи, потому что она никогда не подавала къ тому ни малѣйшаго повода. Что касается до того, что Швеція льститъ себя надеждою успѣть при помощи оружія, то объ этомъ объяснено въ первой статьѣ.

Что же относится до того, что увѣренность гр. Левенгаупта основана не на химерахъ и что представятъ доказательства тому будущею весною, въ случаѣ если война будетъ продолжаться отъ невозможности преду-

предпять ея, то это зависитъ отъ Швеціи видѣть доказательства тому не только будущею весною, но также и въ предшествовавшее военное время, или при продолженіи этой войны, которую она начала, или же при окончаніи ея, когда будутъ заключать миръ.

Если шведы считаютъ себя въ правѣ просить исполненія обѣщаній, сдѣланныхъ имъ со стороны Франціи, то это дѣло не касается Россіи, и шведамъ предоставляется порѣшить его. Что же относится до обязательствъ Франціи со Швеціею, какъ старинною ея союзницею, которой Франція измѣнила бы, покинувъ ее, то императрица, увѣренная въ дружбѣ, существующей между ея императорскимъ величествомъ и королемъ христіаннѣйшимъ (le roi très chrétien), надѣется, что эти обстоятельства, каковы бы они ни были, не могутъ нисколько повредить Россіи. Если Швеція не хочетъ заключать мира, не получивъ при томъ никакой выгоды, то она можетъ льстить себя въ этомъ отношеніи надеждою сколько ей будетъ угодно; но Россія никогда не согласится ни на малѣйшее нарушеніе ништадтскаго трактата. Король христіаннѣйшій надѣется, что въ состояніи уменьшить притязанія Швеціи; но послѣдняя не имѣетъ ни малѣйшаго повода къ возбужденію притязаній, противорѣчащихъ съ ништадтскимъ трактатомъ, а его императрица будетъ поддерживать во всемъ его пространствѣ. Ея императорское величество, принимая съ совершеннѣйшимъ уваженіемъ многократно повторенныя увѣренія въ дружбѣ его христіаннѣйшаго величества, заявляетъ съ своей стороны, что она будетъ всегда и съ величайшею готовностію, не только сохранять это доброе согласіе между обѣими державами, но даже усилить и укрѣпить его болѣе и болѣе на самыхъ прочныхъ основаніяхъ, и доказать при случаѣ осязательно, какъ близки ея сердцу интересы Франціи.

12 марта. Версаль. Министръ маркизу де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на депешу отъ 3 февраля.

Изъ депешъ г. Ланмари, отъ 16 февраля, видно, что шведскій король формально принялъ посредничество его величества, чтобы безотлагательно приступить къ переговорамъ о мирѣ, и что племянникъ гр. Гилленборга выѣхалъ въ то же время изъ Стокгольма съ запискою для доставленія вамъ возможности открыть и начать эти переговоры. Буду ожидать съ величайшимъ нетерпѣніемъ свѣдѣній, какъ вы этимъ воспользуетесь и можете ли найти средину во избѣжаніе или для побѣжденія затрудненій, которыя встрѣтите, принявъ эти предварительныя предложенія за основу переговоровъ при посредничествѣ короля.

Я не считалъ обязаннымъ скрывать отъ кн. Кантемира о происшедшемъ въ конференціи, въ которой вы высказали царицѣ отъ имени короля о средствахъ, считаемыхъ его величествомъ необходимыми для скорѣйшаго достиженія этого мира. Но я рѣшительно не открывалъ этому посланнику подробностей о переговорахъ шведовъ съ принцессою Елизаветою до переворота, такъ какъ я не зналъ, желала ли-бы царица, чтобы это было ему извѣстно? Я старался дать ему почувствовать, что если царица не уступитъ нѣсколько болѣе, чѣмъ она сдѣлала до сихъ поръ, то всѣ благія намѣренія короля будутъ безполезны, имѣя въ виду обязательства, принятыя его величествомъ, что не безъизвѣстно государынѣ. Кн. Кантемиръ, вѣроятно, уже былъ извѣщенъ г. Бестужевымъ о происшедшемъ съ вами касательно этого предмета, почему, не колеблясь, отвѣчалъ, что онъ видитъ мало надежды, чтобы его государыня имѣла намѣреніе уступить какимъ нибудь образомъ Выборгъ, который, по своему положенію и свойству самой мѣстности,

есть, по мнѣнію его, ключь Московіи; и что тогда уже лучше будетъ отдать и Петербургъ. Но послѣ этихъ первыхъ отвѣтовъ и настояній, которыя вы будете продолжать въ видахъ удовлетворенія и обезпеченія шведовъ, надобно будетъ узнать, какія существенныя предложенія вамъ сдѣлаютъ, и будутъ ли они таковы, чтобы его величество могъ склонить шведовъ удовольствоваться ими?

Г. кардиналъ совершенно одобрилъ сдѣланныя вами распоряженія для обезпеченія пенсіона въ 15 тыс. ливровъ каждому изъ лицъ, поименованныхъ въ вашемъ письмѣ, и его эминенція видитъ съ удовольствіемъ доброе употребленіе (le bon usage), которое вы дѣлаете изъ талантовъ г. д'Альона въ дѣлахъ, требующихъ величайшей тайны. Его эминенція утверждаетъ также предположеніе ваше объ израсходованіи 2000 червонцевъ, которые должны поступить къ вамъ, на первоначальные платежи по этимъ пенсіонамъ.

Я всегда забывалъ васъ спросить: этотъ Бестужевъ, которому новидимому царица выказываетъ полную довѣренность, былъ ли русскимъ министромъ въ Швеціи? Сдѣлаете мнѣ удовольствіе, сообщивъ извѣстія о должностяхъ, которыя онъ проходилъ, и описавъ его характеръ и способности.... Вы должны чрезвычайно зорко слѣдить за первыми шагами новаго русскаго министра, потому что въ Лондонѣ только и говорятъ о составленіи отнынѣ новыхъ предположеній по всѣмъ дѣламъ. Думаютъ, что Штаты (Голландія) будутъ помогать настояніямъ новаго англійскаго министра при русскомъ дворѣ.

Отвѣтъ маркизу де-ла-Шетарди на депешу отъ 10 февраля.

.... Я не отвѣчалъ вамъ на то, что касалось генерала Кейта, потому что мнѣ казалось, что онъ былъ

весьма далекъ отъ согласія на предложенія, сдѣланныя ему мадритскимъ дворомъ; но такъ какъ онъ нынѣ желаетъ знать, кому обязанъ онъ этими предложеніями, то г. кардиналъ не отказывается, что онъ хлопоталъ объ этомъ, и, зная заслуги и достоинства генерала, совѣтовалъ его величеству католическому принять его къ себѣ на службу.

$\frac{8}{19}$ марта, Москва. Маркизъ да-ла-Шетарди въ отвѣтъ на депеши отъ 10 и 11 февраля.

Я не въ состояніи сообщить вамъ, какимъ путемъ дошелъ до публики слухъ о бракѣ принца Конти съ принцессою Елизаветою. Знаю только, что возвращеніе кавалера Креспи къ арміи въ Финляндію тѣмъ менѣе могло служить причиною къ распространенію такой молвы, что онъ не могъ здѣсь узнать о томъ отъ кого бы то ни было, и былъ чрезвычайно изумленъ, слыша, что говорили гласно въ Фридрихсгамнѣ объ обстоятельствѣ, на которое рѣшительно не слыхалъ и намековъ во время разныхъ пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ...

Независимо отъ подтвердившагося потомъ декларацією русскаго двора убѣжденія, въ которомъ я всегда былъ и о которомъ положительно сообщалъ г. Ланмари, что царица не согласится ни на какую уступку — отсутствіе г. Бестужева не дозволило и не дозволяетъ еще мнѣ выполнить переданныя вами повелѣнія. Я съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія г. Бестужева, наконецъ пріѣхавшаго, что онъ заслуживалъ съ моей стороны упрековъ за то, что послѣ сообщенія вамъ, милостивѣйшій государь, 3 числа текущаго мѣсяца, сказаннаго имъ мнѣ, я узналъ, что непріязненныя дѣйствія начались безъ всякаго предувѣдомленія, вопреки данному мнѣ обѣщанію. Легко понять, что такое отсутствіе до-

бросовѣстности имѣетъ источникомъ своимъ желаніе дѣйствовать, принявъ такую рѣшимость, съ большею увѣренностью. Это не оправдываетъ г. Бестужева и не уничтожаетъ довѣренности, которую должны были ему внушить его обѣщанія. Письма, посланныя мною изъ Петербурга къ Гилленборгу, Левенгаупту и Ланмари и съ которыхъ прилагаю при семъ копію, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ тому.

Что касается до сущности пожертвованій, отъ которыхъ полагаете вы не будетъ вовсе ущерба чести и славѣ царицы, то вы уже подробно знаете объ образѣ ея мыслей въ этомъ случаѣ изъ отвѣта, сдѣланнаго ею на словахъ послѣ прочтенія мною письма отъ 15 января, которымъ вы меня удостоили, изъ письменнаго сообщенія, переданнаго послѣ того, наконецъ, также изъ рѣшимости начать дѣйствовать, которая всего болѣе вызвана означеннымъ письмомъ. Однако это не заглушаетъ вовсе признательности, которую царица будетъ расположена выказать къ Швеціи, когда принявъ за основаніе переговоровъ ништадтскій трактатъ, захотятъ употребить средства, клонящіяся къ пользѣ Швеціи; но чувство чести, о которомъ русскіе министры повторяютъ безпрестанно, мѣшаетъ имъ высказаться опредѣлительно, на томъ основаніи, что всякое предложеніе съ ихъ стороны будетъ имѣть видъ домогательства о мирѣ, почему они и могутъ высказаться только по мѣрѣ того, какъ Швеція объявитъ имъ, на какого рода выгоды было бы возможно имъ согласиться?

Такимъ образомъ г. Бестужевъ лишь по дружбѣ, доказывать которую онъ не пропускаетъ случая, сказалъ г. д'Альону наканунѣ моего отъѣзда, что если бы Швеція затруднилась принять отъ Россіи вознагражденіе деньгами, то можно, для примиренія съ такою деликатностью (pour parer à cette délicatesse), вручить Франціи слѣдующую по уговору сумму и предоставить

уже этой державѣ попеченіе передать ее изведамъ, какъ будто отъ себя. Онъ не скрывалъ еще, что дѣйствительно былъ намѣренъ говорить о Бременѣ и Ферденѣ, какъ о возмездіи, на которое охотно бы согласились со Швеціею *). Онъ присовокупилъ, что такъ какъ г. дела-Шетарди и вы хорошо угадали, что объ этомъ была собственно рѣчь, то вы также съумѣете понять, въ чемъ могли бы состоять другія выгоды, которыя дать возможность пріобрѣсти Швеціи отъ Даніи было бы желательно. „Я не могу объясниться точнѣе — вамъ это понять."

Изъ такой сдержанности, также и чувства чести, которое онъ съ нею связываетъ, видно, что довѣренность, питаемая ко мнѣ царицею, не подвинетъ дѣла на столько, на сколько я бы желалъ того. Этотъ фактъ, съ которымъ все до сихъ поръ согласуется для его оправданія, заставляетъ думать, что единственный путь, остающійся въ подобныхъ случаяхъ, для полученія ясныхъ и положительныхъ отвѣтовъ, это — совѣщанія съ министрами, кромѣ частныхъ свиданій, при которыхъ буду по возможности склонять царицу къ тому, что ей сообщу. Этому плану дѣйствій тѣмъ болѣе важно кажется мнѣ слѣдовать, что онъ, — представляя мнѣ возможность выставить, что посылка вашего курьера, милостивѣйшій государь, была внушена желаніемъ короля узнать о намѣреніяхъ царицы для лучшаго доказательства любви своей къ ней, содѣйствовать умиротворенію и упрочить его на незыблемыхъ основаніяхъ, — быть можетъ удобнѣе доставитъ мнѣ возможность побудить русскихъ министровъ къ большей откровенности.

Я предполагаю еще, что поступая такимъ образомъ, буду въ то же время въ состояніи пустить въ ходъ различныя средства, которыя внушитъ мнѣ мое усердіе для

*) См. выше стр. 517.

спасенія шведской арміи отъ погибели. Слабость шведовъ дѣлаетъ ее неизбѣжною, если непріязненныя дѣйствія со стороны русскихъ будутъ продолжаться и если я долженъ судить о положеніи Швеціи по слишкомъ печальному донесенію полковника Лагеркранца [50]). Онъ пріѣхалъ сюда сегодня утромъ, въ сопровожденіи кавалера Креспи, съ порученіемъ отъ гр. Левенгаупта, поспѣшно отправившаго его ко мнѣ для продолженія перемирія. Это обстоятельство (разъяснить его вамъ въ подробности не дозволяетъ мнѣ краткость времени, но я сообщу вамъ о немъ при отправленіи на этихъ дняхъ вашего курьера), послужитъ вамъ порукою что г. де-Ланмари былъ болѣе счастливъ, чѣмъ я, казавшись быть можетъ менѣе меня способнымъ къ предубѣжденію въ самомъ началѣ поприща, которое прохожу уже одинадцать лѣтъ. Съ нѣкоторою увѣренностью смѣю предполагать, что я не находился бы въ такой опасности съ гг. де-Кастеха и Сентъ-Севериномъ. Тогда бы мы, г. де-Ланмари и я, остались въ выигрышѣ, ограничиваясь каждый нашею сферою, независимо одинъ отъ другаго, и признавая лишь зависимость, требуемую вашими приказаніями. Способъ, которымъ я буду исполнять ихъ при всякомъ случаѣ такъ, какъ они есть, убѣдятъ васъ, надѣюсь, если у васъ остается еще сомнѣніе въ этомъ отношеніи, что я умѣю, какъ и всякой другой, избѣгать всякаго предубѣжденія и не придавать никакого значенія личному чувству.

Дошедшія до васъ извѣстія, что Голландія и въ особенности Англія серьезно заняты возвращеніемъ прежнихъ порядковъ при этомъ дворѣ, согласуются съ тѣмъ, что я имѣлъ честь сообщить вамъ 6 числа текущаго мѣсяца, вслѣдствіе желанія вашего, чтобы я обращалъ вниманіе на продѣлки не англійскаго министра, — котораго теперь вовсе нѣтъ здѣсь, — но самихъ приверженцевъ Англіи.

Равномѣрно я предупредилъ бы ваши желанія на счетъ статей, которыхъ включеніе въ трактатъ, заключенный съ Финчемъ, ставятъ въ упрекъ г. Остерману, если бы не постарались укрыть ихъ отъ гласности. Употребленныя для того старанія не уничтожатъ родъ убѣжденія, въ которомъ могу быть, что будетъ зависѣть отъ его величества (французскаго) водворить здѣсь торговлю и образовать съ этимъ дворомъ связь, которая подкопаетъ всѣ союзы, существовавшіе до сихъ поръ между Россіею, Англіею и австрійскимъ домомъ, какъ только увидятъ, что Франція серьезно думаетъ о скорѣйшемъ упроченіи этого предмета. По этой же причинѣ, будетъ опасно, чтобы слишкомъ откладывая соглашеніе, не возбудить подозрѣній: они, въ совокупности съ опасеніями остаться безъ союзниковъ, могутъ заставить этотъ дворъ возвратиться къ системѣ, которой слѣдовалъ онъ издавна.

(Царица совершила свой въѣздъ въ Москву. Тріумфальныя арки, улицы, окаймленныя войсками и зеленью. Она вышла у собора; обѣдня, потомъ—во дворецъ. Иллюминація. Уединеніе и причащеніе).

Примѣчаніе.

[50]) Полковникъ Лагеркранцъ — этотъ „демагогъ изъ благородныхъ,“ какъ называетъ его Германъ, игралъ въ тогдашнихъ событіяхъ въ Швеціи если не славную для него, то покрайней мѣрѣ замѣтную роль. Не имѣя никакихъ полномочій, онъ явился въ Петербургъ и предложилъ, безъ вѣдома императрицы, шведскую корону племяннику ея, герцогу голштинскому. Когда же получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ, въ которомъ не было рѣшительнаго отказа, Лагеркранцъ былъ въ такой увѣренности, что успѣлъ въ своемъ предпріятіи, что по

возвращеніи изъ Москвы сталъ открыто противодѣйствовать Левенгаупту. Этотъ отослалъ его арестованнымъ въ Стокгольмъ, гдѣ онъ успѣлъ совершенно обвинить своихъ враговъ, такъ-что Левенгауптъ и Будденброкъ поплатились своими головами (Hermann's Geschichte des russ. Staates, V, 53 — 55).

Письмо Лагеркранца къ де-ла-Шетарди, писанное въ Москвѣ 24 марта 1742 года.

Вслѣдствіе объявленія маркиза де-ла-Шетарди, что ему, для пріобрѣтенія возможности съ успѣхомъ служить Швеціи, крайне необходимо, чтобы я изложилъ на бумагѣ объ истинномъ состояніи нынѣ находящейся въ Финляндіи шведской арміи, какъ въ настоящее время, такъ и тогда, когда гр. Левенгауптъ шелъ къ Выборгу, — я, и въ видахъ быть полезнымъ моей отчизнѣ, и для предупрежденія ущерба отъ ложныхъ мѣропріятій, не счелъ возможнымъ для себя уклоняться отъ сообщенія слѣдующаго:

Надобно знать, что корпусъ войскъ, съ которымъ гр. Левенгауптъ выступилъ въ походъ къ Выборгу, нисколько не былъ въ состояніи успѣть тамъ ни тѣмъ, ни другимъ способомъ. По всей справедливости численность его была слишкомъ ничтожна, такъ какъ не превышала 5800 пѣхотинцевъ, изъ которыхъ часть страдала поносомъ (dissenterie); кавалеріи же онъ имѣлъ только 450 драгуновъ. Конницы, артилеріи, запасовъ и множества другихъ предметовъ, необходимыхъ для вторженія въ непріятельскую землю, у насъ рѣшительно не было; болѣзни и слишкомъ позднее время года, при суровомъ климатѣ, были препятствіями, почти непреоборимыми, для предпринятія чего либо важнаго. Надобно быть хвастуномъ (gascon), безумцемъ или со-

вершеннымъ новичкомъ въ военномъ ремеслѣ, чтобы въ состояніи предполагать, что съ такою незначительною горстью людей есть возможность проникнуть въ страну, прикрытую довольно хорошо укрѣпленнымъ городомъ съ гарнизономъ изъ 9 т. человѣкъ, достаточно снабженныхъ всѣми предметами. Если бы даже время года позволило приступить къ рѣшительной осадѣ, то для успѣха въ ней, необходимо было овладѣть полемъ и имѣть галерный флотъ на морѣ для стѣсненія непріятеля со всѣхъ сторонъ. Но должно признаться, что великое событіе, случившееся въ Петербургѣ и тотчасъ послѣдовавшее за тѣмъ прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій много помогли намъ. Польза, извлеченная изъ того, была тѣмъ болѣе значительна, что это было единственное средство, которое могло насъ спасти и приготовить почетное отступленіе.

Настоящее положеніе этой самой арміи еще болѣе печально, такъ какъ съ большею частію нашего флота, нашихъ галеръ, перевозныхъ судовъ (prames), нашей драгоцѣнной артиллеріи, единственное укрѣпленное мѣсто Фридрихсгамъ готово погибнуть; но что еще чувствительнѣе и причинитъ потерю невознаградимую — это полнѣйшее разореніе и опустошеніе великаго герцогства Финляндскаго, преданнаго жестокости и безчеловѣчію, обычными у варварскаго непріятеля, котораго поджоги и теперь опустошили уже большую часть страны. Чрезвычайныя болѣзни, вмѣстѣ съ неслыханною смертностью, разстроили нашу прекрасную пѣхоту; она нынѣ умалилась до 9 т. человѣкъ, считая въ томъ числѣ гарнизоны и 3700 финовъ, на которыхъ мало надежды, потому что большая часть изъ нихъ рекруты, взятые нынѣшнею зимою и у которыхъ недостатокъ въ офицерахъ. Отсутствіе хлѣба, въ случаѣ нападенія на насъ непріятеля всѣми силами, окончательно истребитъ этихъ храбрыхъ, такъ какъ всѣ наши магазины или

разсѣяны то тамъ, то сямъ по незащищеннымъ мѣстечкамъ, или остаются еще въ нагрузкѣ на нашихъ перевозныхъ корабляхъ, замерзшихъ вдоль морскаго берега. Печенаго хлѣба у насъ вовсе нѣтъ — есть только въ зернѣ. Въ печахъ и мельницахъ совершеннѣйшій недостатокъ; если непріятель овладѣетъ Фридрихсгамномъ, то наши больные будутъ предоставлены на волю непріятелей, чтобы быть сожженными живьемъ, или же умерщвленными, какъ это у нихъ въ обычаѣ. Кавалерія съ 4500 лошадьми, которую до сихъ поръ не могли употребить въ дѣло, не можетъ ни собраться, ни остаться въ одномъ мѣстѣ въ продолженіи восьми дней за недостаткомъ фуража. Прибавлю, что она не послужитъ ни къ чему въ странѣ, гдѣ трудно сыскать равнину, чтобы заставить дѣйствовать вмѣстѣ три эскадрона. Непріятель, въ десять разъ насъ сильнѣйшій, для веденія кампаніи не имѣетъ недостатка ни въ чемъ необходимомъ. Время года совершенно за него. Зима, которая въ такой усѣянной препятствіями странѣ, какъ эта, дѣлаетъ всѣ проходы свободными, доставляетъ ему наилучшій на свѣтѣ способъ воспользоваться своимъ огромнымъ превосходствомъ; онъ потому въ состояніи пройти всюду; окружать со всѣхъ сторонъ; нападать на насъ спереди и стылу, сожигая и разоряя страну чрезъ казаковъ и гусаръ; онъ можетъ насъ уморить съ голоду безъ всякаго сопротивленія, не приступая къ военнымъ дѣйствіямъ. Этимъ самымъ онъ насъ принудитъ принять условія, какія будетъ ему угодно дать, безъ возможности чѣмъ либо противодѣйствовать имъ.

25 марта. Версаль. Министръ маркизу де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на письмо отъ 17 февраля.

Удаленіе, показанное вамъ г. Бестужевымъ, отъ всякой связи съ Великобританіею и королевою венгерскою

касательно настоящихъ дѣлъ Германіи, заставляетъ короля болѣе и болѣе желать о возможности установить съ царицею самыя короткія сношенія, чтобы дѣйствовать совершенно согласно съ ней для взаимныхъ выгодъ Франціи и Россіи. Поэтому его величество ждетъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, чтобы царица и ея министры поставили его въ состояніе трудиться успѣшно о водвореніи мира на Сѣверѣ, согласно разнымъ письмамъ, которыя вамъ сообщены мною и проч.

Вы также должны быть очень внимательны къ тому, чтобы своими поступками въ отношеніи Мардефельда показывать, что довѣренность, установившаяся между его величествомъ (французскимъ) и королемъ прусскимъ, такова, что нашъ дворъ не желаетъ ничего болѣе, кромѣ усиленія ея для взаимныхъ выгодъ Франціи, Пруссіи и союзниковъ ихъ.

Значеніе, которымъ пользуется г. Бестужевъ, заставляетъ меня желать, чтобы онъ согласился на пенсіонъ, предлагаемый ему вами. Хотя онъ всегда считался англичаниномъ по убѣжденіямъ, однако я не слыхалъ, чтобы у него былъ дурной характеръ; впрочемъ это человѣкъ умный и талантливый, котораго было бы очень выгодно привлечь на свою сторону. Я очень далекъ отъ того, что бы такъ думать о его братѣ, вице-канцлерѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ большой негодяй (un très mauvais sujet); онъ находился въ Даніи во время пребыванія тамъ г. Шавиньи (de Chawigny) на столько долго, чтобы мы узнали всѣ дурныя его качества.

Такъ какъ пребываніе въ шведской арміи кавалера Креспи далеко не столь полезно, какъ мы этого надѣялись, и можетъ навлечь разныя вредныя послѣдствія, то вы знаете, что г. Ланмари писалъ объ отзывѣ его оттуда; но можетъ случиться, что кавалеръ Креспи проѣхалъ въ Петербургъ и, получивъ письмо, которое содержитъ это приказаніе, останется при васъ, будучи въ

неизвѣстности, можетъ ли онъ возвратиться въ Стокгольмъ, или же отправиться во Францію. Въ такомъ случаѣ ему лучше всего вернуться сюда.

Въ депешѣ отъ $^{14}/_{25}$ марта, маркизъ де-ла-Шетарди, отвѣчаетъ на предписаніе къ нему министра, отъ 18 февраля, что онъ сообщалъ Елизаветѣ копіи съ писемъ гр. Левенгаупта съ исключеніемъ всѣхъ подробностей объ интересахъ Швеціи; что, придавая тѣмъ видъ совершенной гласности своимъ поступкамъ, онъ не наносилъ никакого вреда дѣлу, между тѣмъ царица не могла ничего сдѣлать изъ того, что онъ ей сообщалъ. Потомъ, приложивъ къ своей депешѣ выписанное выше объявленіе Лагеркранца о состояніи шведской арміи, какъ новое доказательство, что онъ, де-ла-Шетарди, дѣйствовалъ основательно и въ видахъ выгоды для шведовъ доставилъ негласное прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ. Онъ просилъ также хранить въ совершенной тайнѣ сообщенное Лагеркранцомъ, которому онъ далъ въ томъ слово.

Лагеркранцъ не имѣлъ никакихъ полномочій отъ гр. Левенгаупта касательно продолженія перемирія кромѣ письма къ фельдмаршалу Ласси, и де-ла-Шетарди началъ хлопотать о скорѣйшемъ назначеніи совѣщанія для переговоровъ съ русскими министрами. Передъ тѣмъ въ понедѣльникъ онъ хотѣлъ видѣться съ царицею, для чего и отправился во дворецъ, но онъ тамъ не видалъ Елизаветы, подъ предлогомъ, что она отправилась въ тотъ день въ баню. Тогда французскій посланникъ высказалъ канцлеру кн. Черкасскому и вице-канцлеру Бестужеву всю неумѣстность начатія непріязненныхъ дѣйствій, несмотря на данныя ему увѣренія, безъ всякаго о томъ предувѣдомленія, и описывалъ яркими красками

положеніе несчастныхъ жителей, разоренныхъ, умирающихъ съ голоду и скрывающихся въ лѣса отъ варварскихъ поступковъ съ ними казаковъ. Русскіе министры всю вину въ томъ свалили на самихъ шведовъ, не хотѣвшихъ въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ высказать своихъ искреннихъ намѣреній. Тогда де-ла-Шетарди просилъ о продолженіи перемирія покрайней мѣрѣ только на двѣ недѣли. Министры обѣщались доложить царицѣ. Де-ла-Шетарди просилъ ее лично о томъ же два раза. Послѣдній разъ онъ говорилъ ей въ среду утромъ въ домѣ, куда онъ ѣздилъ, по ея приглашенію, смотрѣть вмѣстѣ съ нею на торжественный въѣздъ въ Москву персидскаго посольства. Въ три часа того же дня секретарь по иностраннымъ дѣламъ Веселовскій пріѣзжалъ къ де-ла-Шетарди съ объявленіемъ, что государыня остается при прежнемъ намѣреніи продолжать военныя дѣйствія.

Такая рѣшимость, говоритъ де-ла-Шетарди, слишкомъ противорѣчила успѣхамъ умиротворенія, а потому необходимо было стараться измѣнить ее. Я въ тотъ же вечеръ отправился во дворецъ и просилъ у царицы дозволенія имѣть честь говорить съ нею. Почти около часа продолжалась эта аудіенція; при ней присутствовалъ Лестокъ для объясненія царицѣ того, что она недостаточно понимала, и я не упустилъ съ своей стороны ни одного довода, свойственнаго къ убѣжденію царицы. Я также имѣлъ смѣлость возбудить ея участіе лично ко мнѣ и обратиться къ ея добротѣ, такъ какъ я дѣйствовалъ только по точному съ ея стороны увѣренію о желаніи примириться со Швеціею и помѣшать продолженію войны. Я ей припоминалъ все, что было сказано по этому предмету въ теченіи одинадцати мѣсяцевъ, въ которые я тайно велъ переговоры съ нею *).

*) Изъ этихъ словъ де-ла-Шетарди видно, что онъ вступилъ въ политическія сношенія съ Елизаветою въ мартѣ 1741 года.

„Твердо вѣрьте, сказала она мнѣ, что мнѣ и вамъ не въ чемъ себя упрекать—мы дѣйствовали искренно. Вы также знаете, что чѣмъ болѣе я вступала въ тайныя соглашенія со шведами, тѣмъ болѣе должна была ожидать, что по достиженіи мною короны, они тотчасъ же сдѣлаются моими друзьями, окончатъ войну и будутъ только заботиться со мною о средствахъ, которыя согласовались бы и съ моею славою, и съ ихъ выгодами, и могли бы упрочить дружбу между нами. Я была такъ увѣрена въ этомъ, что вся гвардія получила повелѣніе выступить въ Москву, а прочія войска — остаться тамъ, гдѣ они стояли. Въ такомъ положеніи я ждала два мѣсяца, но вмѣсто того, чтобы видѣть со стороны Швеціи какія нибудь доказательства искренности, вы получили предписаніе сообщить мнѣ отъ имени ея требованія, несовмѣстныя съ моею честью, и дать мнѣ почувствовать, что готовится для меня будущею весною, если я не подчинюсь имъ. Справьтесь съ вашею памятью и вы увидите, что съ этой минуты я стала дѣйствовать иначе. Я начала съ того, что приказала половинѣ гвардіи остаться въ Петербургѣ и двинуться прочимъ войскамъ. Эти предосторожности, которыхъ неизбѣжно требовали слава и безопасность моя, не заставили меня однако ускорить чѣмъ либо; но видя, что Нолькенъ не пріѣзжалъ что всѣ мои министры при иностранныхъ дворахъ единогласно доносили, что меня проводятъ, и что тѣмъ самымъ шведы льстятъ себя надеждою вертѣть мною, какъ имъ будетъ угодно, я не могла болѣе не понимать подобнаго образа дѣйствій, не выставивъ себя на вѣчный позоръ и упреки отъ всѣхъ своихъ подданныхъ.“ — „Подобныя донесенія, возражалъ я, могли, признаюсь, возбудить сильныя подозрѣнія, но министры вашего величества никогда не доставятъ мнѣ доказательствъ, которыя бы могли оправдать эти подозрѣнія. Слѣдовательно, давъ время возвратиться курьеру, от-

правленному гр. Левенгауптомъ въ Стокгольмъ, ваше величество могли бы узнать, способны ли шведы на недобросовѣстность, въ которой несправедливо ихъ обвиняютъ? Если они доставятъ убѣдительныя доказательства въ своемъ желаніи мира, то ваше величество достигнете предположенной вами цѣли, и не сдѣлаете, противъ своей воли, огромное количество несчастныхъ, которые терпятъ безъ вины отъ недовѣрчивости, овладѣвшей умами. Напротивъ, если шведы окажутся не столько искренними, то ваше величество ожиданіемъ пятнадцати дней — что не можетъ нанести никакого ущерба вашимъ интересамъ — все преклоните на свою сторону и сдѣлаете для своей славы на столько, на сколько вы обязаны это дѣлать еще болѣе при такихъ начинаніяхъ. Отклонивъ до тѣхъ поръ совѣты насилія, которыя имѣютъ вамъ давать, вы обезпечите для себя удовольствіе имѣть за себя право и разсудокъ. Пусть все предаютъ тогда огню и мечу, вы будете вполнѣ имѣть право поступать такимъ образомъ. Я прибавлю, что вы тѣмъ менѣе потеряете, согласившись на отсрочку, о которой беру смѣлость ходатайствовать, что найдете шведовъ въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ они находятся нынѣ, такъ какъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ по случаю льдовъ невозможно, чтобы они могли получить хотя бы одно зерно хлѣба, хотя бы одного человѣка рекрута“..... „Я обращу особенное вниманіе на ваши представленія, отвѣчала царица, и желаю отъ всего сердца о возможности согласиться на нихъ. Завтра увижусь съ министрами для совѣщанія съ ними и поручу имъ передать, что будетъ рѣшено въ совѣтѣ.“

Де-ла-Шетарди въ пятницу утромъ былъ извѣщенъ, что царица, согласно съ своимъ совѣтомъ, не считаетъ себя обязанною отклоняться отъ перваго своего намѣренія, но тѣмъ не менѣе съ удовольствіемъ будетъ способствовать тому, что можетъ ускорить примиреніе.

Этому отвѣту предшествовала присылка офицера и лошадей, которыхъ онъ просилъ вакалуинѣ для Лагеркранца. Въ такомъ положеніи де-ла-Шетарди придумалъ войти въ переговоры и пустить въ ходъ написанную Лагеркранцомъ декларацію о желаніи Швеціею заключить миръ съ Россіею, гдѣ этотъ полковникъ бралъ на себя доставить въ шесть сутокъ подобную же декларацію, подписанную гр. Левенгауптомъ. Ни такое объявленіе, ни доводы де-ла-Шетарди не произвели никакого впечатлѣнія на канцлера князя Черкасскаго и вицеканцлера Бестужева. Тогда французскій посолъ замѣтилъ министрамъ, что видно намѣренія царицы очень измѣнились, потому что въ настоящемъ ея образѣ дѣйствій нѣтъ и слѣда тому, что она въ разныя времена показывала къ Швеціи.

Эти господа замѣтили, что они не имѣютъ о томъ никакихъ свѣдѣній и хотѣли потому испросить разрѣшеніе. „Это не разрушаетъ, продолжалъ я (де-ла-Шетарди) фактовъ, которыхъ царица не отвергнетъ; ей извѣстно также, въ какія тѣсныя сношенія она вступила бы со Швеціею, когда бы замедлилось ея восшествіе на престолъ. Ваши превосходительства не были тогда въ состояніи этого знать, но вы можете положиться на то, что говорю я въ настоящую минуту.“ Министры царицы требовали, что для водворенія совершеннаго равенства съ той и другой стороны слѣдовало, чтобы шведы окончили войну въ минуту достиженія принцессою Елизаветою престола, какъ они намекали о томъ ей; что дѣйствуя иначе, они высказали только, что она у нихъ была предлогомъ для возбужденія волненій и вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли.“ „Будетъ несправедливо обвинять ихъ такимъ образомъ, возразилъ я. Не отвергаю, чтобы они не имѣли въ виду своихъ интересовъ: каждая держава должна руководиться этимъ началомъ, но шведы своихъ интересовъ не отдѣляли отъ на-

рицыныхъ.“ „Пускай пріѣдетъ Нолькенъ, возразили они, и увѣритъ насъ въ томъ.“ „Вы можетъ быть лишаете его средствъ къ тому, желая безъ всякаго основанія продолженія войны.“ „Это нисколько не мѣшаетъ, возражали министры, позаботиться о средствахъ къ его безопасности.“ „Боязнь какой нибудь опасности, отвѣчалъ я, не остановитъ его. Я думаю, что никому не страшно, но не невозможно будетъ, что шведы найдутъ несовмѣстнымъ съ собственнымъ своимъ достоинствомъ посылку г. Нолькена, какъ скоро война еще продолжается.“ „Это не причина, отвѣчали они, для измѣненія его назначенія. Шведы знаютъ, что въ послѣднюю войну наши генералы находились вблизи Стокгольма, а между тѣмъ это не мѣшало уполномоченнымъ съ обѣихъ сторонъ работать о мирѣ.“ „Я не останавливаюсь на этихъ различныхъ обстоятельствахъ и предвижу только съ огорченіемъ, что вы нынѣ предпочитаете рѣшительныя средства, отъ которыхъ, какъ казалось еще недавно, желали уклониться. Это замедленіе, позвольте вамъ сказать мнѣ, не дастъ вамъ возможности легко увѣрить всю Европу въ искренности вашихъ заявленій о расположеніи къ миру, и можетъ быть вамъ будетъ также трудно оправдать довѣренность, которую выказывали вы къ королю, когда послѣ желаній, чтобы Швеція вполнѣ полагалась на сообщенныя мною увѣренія въ вашихъ намѣреніяхъ, теперь вы отказываете моимъ увѣреніямъ, что шведы искренно расположены къ миру.“ „Знайте, возразили съ живостью министры, что мы въ свою очередь сомнѣваемся въ искренности чувствъ, которыми прикрывается Швеція. Она бы имѣла, для увѣренія насъ, достаточно случаевъ съ тѣми курьерами, которыхъ къ вамъ посылали изъ Финляндіи; однако намъ еще неизвѣстно, что они привезли, а между тѣмъ, Швеція, желая насъ убѣдить, что

серьезно занята миромъ, въ то же время дѣлаетъ намъ угрозы, о которыхъ вамъ тѣмъ болѣе извѣстно, (прибавили они, намекая на сдѣланное г. Бестужевымъ извлеченіе изъ письма отъ 15 января, которымъ вы меня, милостивѣйшій государь, почтили), что дѣло объ этомъ шло чрезъ ваши руки." „Я не вижу здѣсь намѣренія угрожать вамъ: просто желали извѣстить васъ безъ обиняковъ, что если къ несчастію война продолжится, то шведы употребятъ всѣ силы, которыя въ ихъ власти." „Этого уже достаточно, сказали они, чтобы мы ихъ въ томъ предупредили, и это тѣмъ болѣе для насъ важно, что мы очень хорошо извѣщены на счетъ состоянія шведской арміи." „Было бы отлично, возразилъ я, когда бы вы о томъ не знали; это была бы такая безпечность, въ которой вы никогда бы не оправдались и въ которой я остерегусь васъ обвинять. Въ такихъ случаяхъ, несмотря на всѣ старанія сохранять тайну, въ обычаѣ узнавать истину при посредствѣ шпіоновъ." „По этому-то, прибавили министры, что они хорошо извѣстили насъ, намъ чрезвычайно важно воспользоваться представляющимся нынѣ случаемъ. Онъ таковъ, что — вы можете быть увѣрены — въ два мѣсяца миръ будетъ заключенъ и шведы будутъ столько же нашими, сколько мы будемъ стараться выказаться ихъ друзьями." „Оставайтесь, сказалъ я этимъ господамъ, при вашемъ намѣреніи, потому что никакія уваженія не производятъ на васъ дѣйствія. Я обязанъ былъ, какъ общій другъ, высказать вамъ всѣ мои чувства. Не продолжаю болѣе, хотя вижу съ сожалѣніемъ, что вы вѣчно будете упрекать себя за кровь, которая будетъ пролита."

Такъ кончилась эта послѣдняя конференція. Какъ только полковникъ Лагеркранцъ узналъ всѣ подробности, то уже единственною заботою его было приготовиться къ отъѣзду....

1 апрѣля. Версаль. Маркизу де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на депешу отъ 24 февраля.

Чтеніе препровожденныхъ вами бумагъ, въ особенности той, которая содержитъ въ себѣ отрицательный отвѣтъ со стороны Россіи на условія мира между этою державою и Швеціею, а также написаннаго вами вслѣдствіе того къ г. Ланмари дозволяютъ менѣе, чѣмъ когда либо, предвидѣть надежду, что царица склонится на споспѣшествованіе заключенію мира съ Швеціею. Признаюсь вамъ, я не могу думать объ этомъ, не подозрѣвая, чтобы всѣ настоящія проявленія (démonstrations) добраго расположенія, какъ со стороны царицы лично, такъ и ея министровъ, не были простыми приличіями, между тѣмъ какъ на дѣлѣ можетъ быть въ Россіи не удалены отъ возвращенія къ началамъ послѣдняго царствованія подъ предлогомъ, что мы хотѣли требовать отъ царицы условій, несовмѣстныхъ съ честію и безопасностью ея. Я по крайней мѣрѣ продолжаю видѣть только дурное въ особенномъ стараніи, принимаемомъ царицею убѣдить васъ въ основательности доводовъ, не дозволяющихъ ей согласиться на какія бы то ни было уступки.

Такое упрямство даетъ вамъ возможность видѣть, какъ мало вы должны были льстить себя надеждою на легкость примиренія интересовъ той и другой стороны. Все происходящее должно не менѣе убѣждать васъ въ чрезвычайной трудности уклониться отъ системы, принятой съ согласія самой царицы для удовлетворенія и обезпеченія Швеціи, потому что даже тогда, когда эта принцесса, до восшествія своего на престолъ, отказывалась дать какое нибудь письменное на этотъ счетъ обязательство, даже и тогда предполагалось, что шведы, для содѣйствія перевороту, вступятъ въ русскіе предѣлы и сдѣлаютъ тамъ завоеванія.....

*

Судя по тому, что вы сообщаете мнѣ о г. Брюммерѣ, я полагаю, что онъ пріобрѣтетъ вліяніе на умъ царицы и что въ такомъ случаѣ онъ, при переговорахъ о мирѣ, не будетъ лицомъ ничтожнымъ. Ловкость, съ которою онъ съумѣлъ заставить торжествовать свои доводы для отклоненія намѣренія царицы начать съ принятія греческой вѣры герцогомъ, ея племянникомъ, можетъ дать только выгодное понятіе о его дарованіяхъ. Предоставляется вамъ сообразить, какое можно сдѣлать изъ нихъ употребленіе, и я прошу васъ высказать по этому предмету ваше мнѣніе.

Въ депешѣ отъ $\frac{26 \text{ марта}}{6 \text{ апрѣля}}$ маркизъ де-ла-Шетарди подробно говоритъ о своихъ совѣщаніяхъ съ канцлеромъ кн. Черкасскимъ, отъ котораго домагался, чтобы было послано фельдмаршалу Ласси полномочіе начать переговоры съ гр. Левенгауптомъ, если тотъ представитъ достаточныя доказательства неосновательности подозрѣній въ искренности намѣреній шведовъ, и остановитъ въ послѣднемъ случаѣ пролитіе крови. Повидимому кн. Черкасскій на это согласился, но потомъ де-ла-Шетарди въ продолженіи пяти дней не получалъ, не смотря ни на какія настоянія, копіи съ повелѣнія фельдмаршалу Ласси. Наконецъ онъ ее получилъ — все повелѣніе заключалось въ немногихъ строчкахъ: „если гр. Левенгауптъ отнесется къ вамъ съ предложеніями, согласующимися съ моимъ достоинствомъ и безопасностью, то я желаю, чтобы вы ихъ выслушали. Если также помянутый гр. Левенгауптъ предложитъ вамъ условія, сообразныя съ ништадтскимъ трактатомъ, то отвѣтствуйте ему самымъ лучшимъ образомъ, какъ будетъ вамъ это возможно.“ Де-ла-Шетарди увѣрялъ, что онъ не можетъ этимъ удовольствоваться, такъ какъ кн. Черкасскій при личномъ свиданіи обѣщалъ послать къ

Ласси повелѣніе въ иномъ духѣ. Описывая неудачи своего посредничества, французскій посолъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе:

Послѣ многихъ трудовъ, нѣкоторые изъ друзей моихъ не скрывали отъ меня, что сильно работали и повидимому успѣли въ томъ, чтобы возбудить въ царицѣ подозрѣніе къ моимъ намѣреніямъ и представить мои домогательства, съ которыми я обращался или имѣлъ еще обратиться, какъ скрывающія подъ ложною оболочкою желаніе принести въ жертву ея славу для выгодъ Швеціи. По этому я не долженъ удивляться, если мнѣ дѣлаютъ проволочки, особенно въ отношеніи шведскихъ дѣлъ. Вѣроятно будутъ поступать такимъ образомъ и во всѣхъ, касающихся до нихъ случаяхъ до тѣхъ поръ, пока не начнутся переговоры, и тѣмъ дадутъ мнѣ непрямо почувствовать, что знаютъ, чего держаться относительно моихъ намѣреній. Друзья присовокупили къ этому, что по тому же поводу царица однажды рѣшилась не показываться для избѣжанія задрудненій при разговорѣ, котораго, какъ она подозрѣвала, я искалъ съ ней; что я впрочемъ могу быть увѣренъ, что недовѣрчивость ко мнѣ не распространяется на то, что не относится къ Швеціи, и что во всемъ, лично до меня касающемся, я буду принимаемъ и выслушиваемъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ и прежде уважали мои совѣты.

Такое извѣстіе не дозволило мнѣ болѣе оставаться въ сомнѣніи на счетъ многихъ случаевъ, и если разсматривать ихъ съ той точки зрѣнія, съ которой я долженъ дѣлать это нынѣ, то подтверждается сказанное друзьями. Я сначала припомнилъ, что царица подъ предлогомъ идти въ баню, дѣйствительно не показывалась одинъ день, когда я являлся во дворецъ послѣ свиданія съ великимъ канцлеромъ, и тамъ такъ мало ожидали того, чтобы государыня была въ банѣ, что многія изъ

дамъ уже собрались во дворецъ. Я также не могъ заблуждаться на счетъ того обстоятельства, что не достаетъ многаго, чтобы царица показывала ко мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Москвѣ, прежнее вниманіе. Наконецъ, я въ особенности замѣтилъ, что она избѣгаетъ всѣхъ случаевъ, въ которыхъ, какъ бывало это прежде, я могъ говорить съ нею о притязаніяхъ шведовъ, и теперь мнѣ можно приближаться и говорить съ нею нѣкоторымъ образомъ только въ тѣ минуты, когда всякій имѣетъ свободу подходить къ ней.....

26 марта. / 6 апрѣля. **Москва. Маркизъ де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на депешу отъ 1 и 4 марта.**

Турецкій посланникъ возбуждаетъ такія затрудненія, что отъ жалобъ рѣшились перейти къ возмездію (de se faire rendre justice) и не выпускать его переѣхать границу до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ онъ русскихъ подданныхъ, которыхъ захватилъ дорогою, и не вознаградитъ тѣхъ, надъ которыми онъ, или его свита совершали насилія. Есть мѣста, какъ видно изъ слѣдовавшихъ однаго за другимъ донесеній, гдѣ своею властью и безъ всякой нужды ему слѣдовало доставлять до 800 лошадей....

29 марта. / 9 апрѣля. **Маркизъ де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на депешу отъ 12 марта.**

Министръ Бестужевъ есть братъ того, который былъ въ Швеціи. Первый находился въ Даніи, нижнесаксонскомъ округѣ (dans le cercle de Basse Saxe) и при нѣкоторыхъ другихъ дворахъ. Онъ былъ еще молодъ, когда началъ это поприще. Для него онъ покинулъ

дворъ, при которомъ былъ камеръ-юнкеромъ, и въ продолженіи 39(?) лѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ путешествій, былъ всегда въ удаленіи отъ родины, почему и возвратился собственно для постояннаго жительства туда только тогда, когда въ концѣ царствованія царицы Анны былъ вызванъ изъ Копенгагена и назначенъ кабинетъ министромъ. Гр. Остерманъ, желавшій его удаленія, ставилъ ему въ преступленіе довѣренность, выказанную къ нему въ продолженіи регентства бывшимъ герцогомъ курляндскимъ, хотя онъ и не владѣлъ ею болѣе, чѣмъ многіе другіе, почему Бестужевъ и былъ замѣшанъ въ опалу вмѣстѣ съ Биромомъ. Его невинность, а еще болѣе вражда, которую не замедлили выказать другъ къ другу Остерманъ и Головкинъ, были причиною возвращенія его изъ ссылки въ ту минуту, когда онъ всего менѣе ожидалъ того. Принцесса брауншвейгская, тогдашняя правительница, не поправила милостью нанесеннаго ему вреда. Бестужевъ оставался покинутый всѣми, и лишенный всѣхъ должностей, равно какъ и орденовъ Александра невскаго и Бѣлаго орла польскаго, которые онъ имѣлъ. Обстоятельство, что онъ можетъ быть здѣсь одинъ, который опытенъ въ дѣлахъ, было причиною его счастія. Въ минуту восшествія на престолъ Елизаветы, требовался какой нибудь человѣкъ, умѣющій владѣть перомъ; тогда эта принцесса, скорѣе по необходимости, чѣмъ изъ расположенія, бросила взглядъ на него. Умѣніе хорошо излагать мысли на бумагѣ и объясняться по французски и нѣмецки упрочили то, что можетъ быть было дѣломъ случая. Онъ трудолюбивъ, хотя и любитъ общество и столъ; работа ему однако достается не легко, къ чему содѣйствуетъ ипохондрія, которой онъ подверженъ. По мнѣнію большинства, Бестужевъ не будетъ честнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, но по всей вѣроятности онъ долго не уклонится отъ боязливой осторожности, съ которою ве-

детъ себя и которой причина заключается въ неимѣніи здѣсь никакихъ родственныхъ связей. При томъ онъ такъ пораженъ бывшимъ съ нимъ несчастіемъ, что оно всегда представляется въ памяти и умѣ его, чтобы чувствовать все бѣдствіе, въ которое невольно было-повергнулъ свою жену и дѣтей.

Не могу не вспомнить съ величайшимъ сожалѣніемъ, что весьма дурно, что поспѣшили заявить о пріѣздѣ г. Нолькена, а онъ между тѣмъ замедлилъ прибытіемъ. Дѣйствительно этимъ самымъ Швеція сдѣлала безъ надобности шагъ, отъ котораго могла бы себя уволить, и вмѣсто того, чтобы извлечь изъ него какую нибудь пользу, она дала противъ себя оружіе, не сдержавъ того, на что сама вызвалась.

Что касается до отвѣта вамъ, милостивѣйшій государь, кн. Кантемира о Выборгѣ, то онъ сказалъ вамъ совершенную правду, и всякій военный человѣкъ отвѣтитъ то же, если только лично знаетъ мѣстность.

Выгоду, которую могъ бы имѣть г. Кейтъ, воспользовавшись тѣмъ, что его эминенція сдѣлалъ для него по своей благосклонности, не осуществима въ настоящее время; тѣмъ не менѣе я буду искать случая вѣрно и поспѣшно увѣдомить этого генерала о томъ, что мнѣ сообщаете по его дѣлу.

Что касается покушеній, которыя бы новый англійскій министръ захотѣлъ дѣлать при русскомъ дворѣ, то письмо г. Бюсси *) мнѣ послужило съ пользою для предупрежденія ихъ. Здѣсь сообщалось, что въ Лондонѣ, вмѣсто принятія г. Нарышкина, желали бы сильно сохранить кн. Щербатова и что послѣднему предлагали убѣжище безъ согласія царицы, на случай если бы онъ опасался, что за его возвращеніемъ въ Россію послѣ-

*) Тогдашній французскій министръ въ Лондонѣ.

дуетъ какая нибудь немилость *). Бюсси присовокупляетъ, что въ Лондонѣ вполнѣ убѣждены завладѣть русскимъ дворомъ (de captiver cette cour) и даже не отчаиваются въ возвращеніи Остермана на прежнее мѣсто. Я далъ прочесть повѣренному письмо, заключавшее въ себѣ эти подробности, и третьяго дня при немъ напомнилъ о томъ царицѣ, чтобы опираясь на его свидѣтельство, представить государынѣ предметы такъ, какъ можно было возбудить въ ней нерасположеніе къ англичанамъ. Это удалось какъ нельзя лучше. „Я желала бы, сказала она съ жаромъ и съ сильною противъ нихъ запальчивостью, чтобы они сдѣлали мнѣ два предложенія, о которыхъ говорено; мой отвѣтъ отъучилъ бы ихъ, надѣюсь, отъ новыхъ предложеній. Я бы имъ ничего не сказала, какъ только: нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ, у котораго въ обычаѣ убивать своего короля, старается оказывать защиту тѣмъ, которые отличались своею невѣрностью къ ихъ законнымъ государямъ!“

Я тайно предувѣдомленъ, что остановились на намѣреніи не распечатывать письма императора (римскаго) о восшествіи его на престолъ, если въ препровождаемой при томъ копіи не будетъ надписи и подписи, и что въ неизвѣстности о томъ, какъ будетъ поступлено при этомъ случаѣ со стороны его императорскаго величества, признано необходимымъ взять прежде предварительныя справки, чтобы не нанести ущерба старин-

*) Кн. Иванъ Андреевичъ Щербатовъ въ молодости учился по приказанію Петра Великаго за границею, перевелъ тамъ съ французскаго сочиненіе Ло «Considérations sur le numéraire et le commerce,» составилъ также «Вѣдѣніе о торговлѣ россійской, 1724 г.» Онъ приходился свояком гр. Остерману, который, какъ видно изъ его показаній (прил. VI), подарилъ ему съ женою 5 т. р. Въ іюнѣ 1739 г. изъ президентовъ юстицъ-коллегіи Щербатовъ поѣхалъ посломъ въ Англію. По восшествіи на престолъ Елизаветы, его было смѣнилъ Нарышкинъ (см. выше стр. 54, 55), но въ 1743 г. Щербатовъ снова возвращенъ къ этому посту.

ному церемоніалу, который былъ принятъ въ отношеніи этого двора. Эта предосторожность, сама по себѣ естественная и простая, однако затруднила меня въ томъ, что отдаляетъ срокъ начатія переписки между императоромъ и царицею.

13 апрѣль. Версаль. Министръ маркизу де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на депешу отъ 3 и 6 марта.

Легко понять причины, побудившія г. Бестужева уклониться отъ положительнаго отвѣта на предложеніе, сдѣланное ему вами отъ имени короля, и дать въ то же время почувствовать, что онъ не опасался бы принять отъ его величества подарокъ. Какъ послѣдній естественно долженъ значительно превышать сумму, предложенную ему въ ежегодный пенсіонъ, то я надѣюсь, что вы увѣдомите меня, до чего можетъ простираться этотъ расходъ, если вы будете увѣрены, что подарокъ будетъ принятъ, и долженъ ли онъ состоять изъ денегъ, или какой нибудь драгоцѣнности; наконецъ, какимъ путемъ мы можемъ тайно передать его въ руки г. Бестужева? Вы конечно поймете, что это дѣлается въ предположеніи, что мы будемъ довольны его личнымъ расположеніемъ войти въ виды короля для поддержанія тѣсныхъ отношеній съ царицею, или покрайней мѣрѣ, что этотъ подарокъ будетъ способствовать къ внушенію ему благопріятныхъ чувствъ къ тому, что можетъ быть ему предложено, какъ болѣе соотвѣтствующее успѣху этого дѣла. Замѣчаніе его г. д'Альону о томъ, что царица хотя и въ негодованіи на поспѣшность шведовъ въ предъявленіи условій, которыхъ она не считаетъ возможнымъ принять, однако очень удалена отъ того, чтобы смѣшивать въ этомъ случаѣ Францію со Швеціею, — это замѣчаніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, и главное я

вижу различіе, сдѣланное Бестужевымъ между обязательствами, въ которыя его величество вступилъ съ Швеціею прежде и отъ которыхъ не можетъ уклониться съ честью, и тѣми, которыя могъ бы король принять въ послѣдствіи для возбужденія новыхъ враговъ Россіи. Такія слова со стороны г. Бестужева могутъ имѣть источникомъ опасенія, возбужденныя царицею со стороны турокъ, Польши или прусскаго короля. Впрочемъ, можно также думать, что г. Бестужевъ, говоря такимъ образомъ г. д'Альону, въ особенности мѣтилъ на извѣстный ему союзъ, который мы готовы заключить съ Даніею и который считаетъ вѣроятно предвѣстникомъ особеннаго союза Даніи со Швеціею. Трактатъ объ этомъ союзѣ дѣйствительно подписанъ 15 числа истекшаго мѣсяца, и хотя онъ чисто оборонительный (une alliance diffensive) и не содержитъ никакого условія (stipulation), на которое бы могла жаловаться царица, однако будетъ кажется кстати, при настоящихъ обстоятельствахъ, не выводить г. Бестужева изъ подозрѣній, быть можетъ возбужденныхъ въ немъ послѣдствіями, могущими произойти отъ такого союза. По этому вы должны удовольствоваться общими мѣстами, если будутъ вамъ говорить объ этомъ трактатѣ; отзываться неизвѣстностью о его содержаніи, что заставляетъ васъ предполагать, что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ дѣламъ Московіи; будто вы даже не знаете, что онъ заключенъ, хотя и доходило до васъ, что о немъ была рѣчь. Вы всегда можете увѣрять, что его величество очень удаленъ отъ намѣренія вступить съ какою нибудь державою въ какое нибудь соглашеніе, могущее поколебать тѣсную связь и взаимную довѣренность, которую его величество желаетъ поддержать съ царицею, и что его величество смотритъ на достиженіе, при его посредничествѣ, окончанія настоящей войны между Рос-

сіею и Швеціею, какъ на самое вѣрное средство къ упроченію мира и равновѣсія на Сѣверѣ.

Вы можете оставить у себя деньги, возвращенныя царицею и сдѣлать изъ нихъ употребленіе согласно вашему предположенію, т. е. уплатить пенсіоны, которые вамъ разрѣшено обѣщать со стороны короля и на полученіе которыхъ изъявлено согласіе. Будетъ достаточно, если при каждомъ платежѣ изъ помянутой суммы, вы будете увѣдомлять меня, дабы я зналъ, когда она совсѣмъ будетъ израсходована.

Копія съ письма маркиза де-ла-Шетарди къ г. Ламмари. Москва $\frac{3}{14}$ апрѣля 1742 года.

Я не отчаяваюсь также васъ склонить, наконецъ, на свою сторону касательно господъ Бестужевыхъ: положимъ, что изъ словъ Сенъ-Северина о старшемъ изъ нихъ и постунковъ его въ Стокгольмѣ оказывается, что между ними не было никакой дружественной связи, но не услужу ли я лучше Швеціи, если, разузнавая съ особеннымъ вниманіемъ объ ихъ дѣйствіяхъ, буду стараться сойтись съ ними лично, и тѣмъ приготовлю себѣ безчисленныя средства для уничтоженія недовольства, которое онъ могъ вывезти съ собою изъ Стокгольма, и обращенія его къ чувствамъ, болѣе тихимъ и мирнымъ? Мой трудъ, можетъ быть безплодный, не будетъ вредить, развѣ бы я былъ такой человѣкъ, который допустилъ бы себя развратить тому, котораго я старался обратить. Почти то же самое буду говорить вамъ и о вице-канцлерѣ, его братѣ, не смотря на то, что шведскіе министры думаютъ имѣть основаніе, считая его за величайшаго врага Швеціи въ Россіи. Спрашиваю васъ самихъ, ми-

лостивый государь, которому изъ двухъ путей лучше слѣдовать — объявивъ ли себя громко противъ господина Бестужева, на которомъ, вмѣстѣ съ великимъ канцлеромъ, лежитъ управленіе иностранными дѣлами, и въ такомъ случаѣ содѣйствовать къ укрѣпленію предполагаемаго въ немъ направленія, или же оставаться при чувствахъ, которыя насъ соединяютъ со времени восшествія царицы Елизаветы на престолъ, чтобы тѣмъ главнѣйше пользоваться для склоненія его къ пользамъ Швеціи во всемъ, что можетъ зависѣть отъ него? Я не вижу какимъ образомъ — особенно послѣ данныхъ мною доказательствъ приверженности къ Швеціи — чувства такого свойства, имѣющія въ виду подобный предметъ, могутъ порождать безпокойства или же казаться не совмѣстными съ званіемъ посланника-посредника, а потому я вовсе не имѣлъ въ виду признаваться вамъ въ этомъ случаѣ, но просто сообщалъ къ свѣдѣнію. Мой образъ мыслей въ отношеніи этихъ господъ не мѣшаетъ мнѣ однако изучать ихъ и внимательно слѣдить за ними. Новый оберъ гофмаршалъ, со времени прибытія своего, имѣлъ только два случая выказаться. Въ первый разъ, когда полковникъ Лагеркранцъ былъ присланъ сюда отъ гр. Левенгаупта; и во второй, когда тотчасъ послѣ отъѣзда его въ Фридрихсгамнъ, я исполнялъ порученіе (j'ai passé l'office), о которомъ вамъ уже сообщалъ. И такъ не скрою отъ васъ, что въ обоихъ случаяхъ, гдѣ были безполезны всѣ усилія моего усердія, если совѣты и внушенія Бестужева старшаго не были намъ благопріятны, какъ мнѣ послѣ о томъ сообщили, то въ замѣнъ этого я долженъ отдать справедливость вице-канцлеру, что онъ при разныхъ случаяхъ выказывалъ величайшую готовность къ тому, что могло согласоваться съ интересами его отечества и Швеціи. Я не пренебрегу ничѣмъ, чтобы поддержать въ немъ такое расположеніе и скло-

нять незамѣтнымъ образомъ къ тому же и оберъ гофмаршала.

Я очень близко принимаю къ сердцу эту короткость между нами — ее требуетъ польза службы короля, и потому нельзя дозволить себѣ малѣйшаго упущенія средствъ къ примиренію двухъ воюющихъ сторонъ. Предметъ такой важности не позволяетъ подобныхъ упущеній; но когда я вамъ представлялъ, что не лучше ли можетъ быть будетъ, вмѣсто притязаній на уступки, побудить царицу къ выполненію пяти статей, предложенныхъ ею, когда она была еще великою княжною, и которыя вы сами находили превосходящими во многомъ, что можно было бы отъ нея требовать, то не было рѣчи, ни объ оспариваніи, ни объ оставленіи безъ вниманія помянутыхъ средствъ, а тѣмъ менѣе о принужденіи васъ смотрѣть на объясненное побужденіе царицы, какъ на единственное средство. Я поставлялъ вамъ на видъ такое предложеніе только потому, что вы дали къ тому поводъ и что дѣйствительно я полагаю, если бы Швеція начала съ этого — что было бы всего проще и естественнѣе — то мы были бы теперь дальше, чѣмъ находимся теперь. Нельзя достаточно нахвалить Швецію за ея предпочтеніе своей безопасности тому, что ей только будетъ выгодно; но если она смотритъ на Выборгъ, какъ на ключъ къ Финляндіи, то русскіе, съ своей стороны, считаютъ этотъ городъ ключемъ къ Петербургу, и по одной и той же причинѣ шведы найдутъ для себя гибельнымъ окончить войну, не добившись никакого возвращенія изъ потеряннаго, а русскіе сочтутъ себя обезчещенными, когда на это согласятся. Напрасно я буду твердить имъ, что они шведамъ обязаны возведеніемъ на престолъ царицы и, слѣдовательно, освобожденіемъ ихъ отъ иноземческаго ига, мнѣ невозможно убѣдить ихъ на столько, чтобы заставить ихъ пожертвовать своею щекотливостью (delicatesse) и этою самою безопасностью, на которую Шве-

ція смотритъ такъ основательно и которой, по всѣмъ признакамъ, она никогда не достигнетъ инымъ способомъ, какъ только силою.

Всѣ объявленія русскихъ и на словахъ, и на бумагѣ, равно ихъ образъ дѣйствія съ начала марта, не допускаютъ въ томъ никакого сомнѣнія, и я съ горестью вижу, что если гр. Левенгауптъ столько счастливъ, что удержится до прибытія посылаемыхъ къ нему подкрѣпленій, то эти двѣ державы рѣшительно вступятъ въ страшную борьбу. Если же онъ будетъ имѣть несчастіе потерпѣть пораженіе, то Швеція едва ли будетъ въ состояніи отказаться отъ предложеннаго русскимъ дворомъ плана умиротворенія. Я бы охотно сталъ говорить съ тѣмъ мужествомъ и тою твердостью, которыя выказаны сенатомъ (шведскимъ) при чтеніи донесенія г. Левенгаупта къ его величеству шведскому, когда бы у меня было въ Финляндіи 40 т. человѣкъ и когда бы была надежда доставить ихъ туда прежде истощенія незначительнаго войска, теперь тамъ находящагося, и до уничтоженія кораблей, галеръ и другихъ судовъ, которые нынѣ въ Фридрихсгамнѣ. Въ Швеціи могутъ припомнить, что я всегда проповѣдывалъ о необходимости значительныхъ силъ, чтобы дѣйствовать навѣрное.

Что касается до путешествія г. Нолькена, то положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось съ той минуты, какъ было предположено его отправленіе, и мнѣ остается только жалѣть, что Швеція поторопилась извѣстить о поступкѣ, отъ котораго она бы могла себя уволить и который даетъ нѣкоторый перевѣсъ двору, уже и безъ того довольно надменному. При объявленіи же этого отправленія, замедленіе исполненія его заставляетъ не только терять всю пользу, которую бы можно было отъ того извлечь, но можетъ даже содѣйствовать къ усиленію подозрѣній русскаго министерства. Моя приверженность къ Швеціи и желаніе видѣть спокойствіе водвореннымъ

не дозволяютъ мнѣ притворства. Движимый этими чувствами, я желалъ бы, чтобы царица имѣла причины къ опасеніямъ отъ признанія принца, сына герцога брауншвейгскаго и принцессы мекленбургской *). Она бы отъ того выказалась можетъ быть сговорчивѣе на способъ къ окончанію настоящей войны; но сила ея права и любовь къ ней ея народовъ обезпечиваютъ ее до такой степени, что она въ состояніи смотрѣть на будущее съ такимъ же спокойствіемъ, какъ будто она достигла престола безъ всякаго переворота. Вы также понимаете хорошо, что эта струна, которую слѣдуетъ весьма осторожно затрогивать министру державы, признавшей ее царицею съ большею гласностью (avec le plus d'éclat) и находящейся въ союзѣ со Швеціею. Впрочемъ молодой принцъ брауншвейгскій теперь еще въ русскихъ предѣлахъ, и если и рѣшатся отпустить его въ Германію, то надобно, чтобы онъ перенесъ бремя дѣтскаго возраста (les charges de l'enfance) и достигъ лѣтъ, въ которые былъ бы въ состояніи самъ дѣйствовать и предпринять что либо. Признайтесь, что эти обстоятельства даютъ довольно времени для принятія мѣръ.

Мнѣ не трудно увѣрить себя, что напрасно писали здѣсь о гр. Гилленборгѣ, будто онъ старается при всякомъ случаѣ называть царицу принцессою Елизаветою. Я очень расположенъ воздать должное такому великому министру, чтобы вѣрить убѣжденіямъ вашимъ въ противномъ, и слишкомъ ревнивъ къ тому, что можетъ касаться его, чтобы искать съ величайшею готовностью случаевъ доказывать это на дѣлѣ. Также не будутъ виною мои попеченія, если я не открою сообщившаго такое извѣстіе. Впрочемъ я ничего не обѣщаю, потому что это такіе предметы, которые обыкновенно не легко ис-

*) Здѣсь де-ла-Шетарди намекаетъ на то, что принцъ Иванъ былъ признанъ русскимъ императоромъ отъ многихъ европейскихъ дворовъ.

полняются. Наконецъ я сознаюсь, что было бы странно, когда бы частный разсудительный человѣкъ обращалъ вниманіе на подобныя мелочи, но мы болѣе или менѣе обязаны снисхожденіемъ къ государямъ, которые, несмотря на возвышенность своего духа (malgré l'élévation de leur génie), довольно часто принуждены слышать ядовитыя внушенія отъ лицъ, ихъ окружающихъ и пресмыкающихся передъ ними.

Русскіе сильно подвигаютъ военныя приготовленія. Пусть Господь только или пошлетъ скорѣе обѣимъ сторонамъ духъ примиренія, или, давъ время шведскимъ подкрѣпленіямъ соединиться съ гр. Левенгауптомъ, отвратитъ бурю, готовую разразиться надъ нимъ.

Въ заключеніе я чувствую, милостивый государь, всю цѣну дружескаго упрека, который вы мнѣ дѣлаете. То, что вы называете въ моихъ депешахъ сухостью, есть ничто иное, какъ недостатокъ согласить діаметрально противоположныя начала. Шведы и русскіе одинаково остаются твердыми: одни—въ своихъ притязаніяхъ на уступки, другіе—въ отказѣ имъ. Самое сильное стараніе исполнить хорошо мою должность и самое горячее желаніе доставить Швеціи, согласно намѣреніямъ короля, выгоднѣйшій и безопаснѣйшій миръ, не въ состояніи превозмочь препятствій. Облегчите мнѣ способы исполненія, и въ Швеціи узнаютъ по усердію, съ которымъ буду стараться сдѣлать изъ того наилучшее употребленіе, что мнѣ весьма было прискорбно до сихъ поръ не представлять вамъ ничего, кромѣ затрудненій; но при всемъ томъ я слишкомъ вѣрный слуга короля и слишкомъ искренно преданъ шведскому народу, чтобы не объясниться такимъ образомъ, какъ я взялъ смѣлость сдѣлать это въ письмѣ къ г. Амело 9-го числа текущаго мѣсяца. Дѣла дошли до того, извѣщалъ я его, что необходимо, чтобы шведы или принудили силою Россію къ условіямъ, которыя они хотятъ ей навязать, или, если

они этого не въ состоянiи сдѣлать, пусть они выкажутся искренно возвращающимися къ ништадтскому миру на тотъ конецъ, чтобы разсѣять сомнѣнiя въ ихъ доброжелательствѣ и возстановить тѣ первоначальныя обстоятельства, когда подъ личиною взаимной и истинной дружбы, они могли бы получить отъ царицы всѣ выгоды, которыя она была расположена имъ доставить, нисколько не роняя себя въ глазахъ своего народа. Поэтой причинѣ, милостивый государь, всѣ мои старанiя здѣсь, повторяю, не смотря на все желанiе угодить его величеству, никогда не заставятъ русскихъ преклониться на то, что называется уступкою. Я не исполнилъ бы своего назначенiя и измѣнилъ бы Швецiи, когда бы сталъ скрывать отъ васъ истину, въ которой въ настоящее время совершенно убѣжденъ. Равнымъ образомъ я былъ бы въ отчаянiи, если бы мой способъ сноситься съ вами могъ возбудить въ шведахъ малѣйшее основательное опасенiе въ искренности и правотѣ расположенiя къ нимъ короля; но послѣ самой строгой повѣрки, льщу себя надеждою, что могу быть столько же спокойнымъ на этотъ счетъ, сколько по слуху, который пронесся въ финляндской арміи и дошелъ до васъ, вы будете имѣть случай оцѣнить прочiя вѣсти, которыя проникаютъ изъ этихъ мѣстъ. Было естественно, что я видѣлъ въ гр. Сентъ-Северинѣ стариннаго товарища, и эта прежняя связь дѣлала болѣе сильною ту, которая требовалась отъ насъ на службѣ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы я съ неудовольствiемъ видѣлъ васъ занимающимъ его мѣсто (il ne doit pourtant s'ensuivre de là que je ne vous voye pas de bon oeil occuper sa place).

Ваше письмо было раскрыто довольно грубо (оно дошло до Шетарди чрезъ Ласси). Что же касается до записки, которую мнѣ вручили русскiе министры въ отвѣтъ на письмо двора отъ 15 января, то мнѣ кажется — на сколько моя слабая опытность дозволяетъ судить объ

этомъ, — что за нее имъ не стыдно, и они довольно искусно и съ достоинствомъ отвергли притязанія шведовъ и остереглись затронуть Францію, которая взялась передать эти притязанія Россіи.

Въ отношеніи герцога голштинскаго не послѣдовало еще никакого распоряженія. У него корь.

P. S. $^{5}/_{16}$ апрѣля. Вчера получилъ я письмо отъ Нолькена отъ 7 апрѣля н. ст. изъ Фридрихсгамна. Онъ ожидалъ только, для продолженія своего пути, распоряженій сдѣлать это съ безопасностью. Я узнаю, что генералъ Кейтъ исполнилъ это, выславъ къ нему драгунскій отрядъ. Я докладывалъ царицѣ о прибытіи г. Нолькена и имѣлъ удовольствіе видѣть, что она сама убѣдилась, что замедленіе этого министра случилось вовсе не по его винѣ. Я воспользовался случаемъ представить государынѣ, что она могла сама видѣть, что являлись къ тому непреоборимыя препятствія и было неосновательно останавливаться преимущественно на подозрѣніяхъ, возбужденныхъ невольнымъ замедленіемъ.

15 апрѣля 1742 г. Фонтенебло. Маркизу де-ла-Шетарди.

Я узнаю чрезъ г. Ланмари объ обстоятельствахъ, которыя могутъ только возбудить справедливыя подозрѣнія въ искренности рѣчей, переданныхъ вамъ Бестужевымъ отъ имени царицы, именно, что эта государыня, весьма желая уважать ваши представленія, отложила дать послѣднія приказанія о начатіи непріязненныхъ дѣйствій противъ Швеціи. По содержанію вашихъ послѣднихъ писемъ, мы имѣли право думать, что таково было положеніе дѣлъ при отправленіи депеши, и что не будетъ вовсе рѣчи о новыхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ съ той и другой стороны до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно положить первыя основанія для перего-

воровъ о мирѣ между Россіею и Швеціею. Но какъ кажется не таковы были намѣренія царицы, потому что генералъ Кейтъ положительно сообщилъ гр. Левенгаупту, что царица, его государыня, признаетъ перемиріе, негласно принятое между двумя арміями, окончившимися, а потому онъ имѣетъ приказаніе начать военныя дѣйствія въ теченіи 24 часовъ. За этимъ письмомъ генерала Кейта къ гр. Левенгаупту дѣйствительно послѣдовали непріязненныя дѣйствія казаковъ. разные отряды которыхъ разсѣялись по шведскимъ предѣламъ для опустошенія ихъ. Вы легко поймете, милостивый государь, изумленіе, которое долженъ былъ возбудить подобный образъ дѣйствій въ Швеціи; на это смотрѣли не только какъ на нарушеніе международнаго права, но какъ на оскорбленіе, нанесенное посредничеству короля. Впрочемъ не эти уваженія, какъ бы ни были они сильны, подаютъ поводъ къ самымъ большимъ жалобамъ Швеціи, по случаю несообщенія вамъ русскимъ правительствомъ о приказаніяхъ, посланныхъ къ генералу Кейту, но то, чего я никакъ не могу понять, именно, что вы, бывши въ извѣстности о приготовлявшемся тамъ, ничего не написали о томъ ни г. Ланмари, ни генералу Левенгаупту, — и я вамъ признаюсь, что не знаю, въ какомъ свѣтѣ представить о томъ королю (quelle couleur donner), для извиненія передъ нимъ вашего образа дѣйствій въ этомъ случаѣ. Не могу также скрыть отъ васъ крайняго недовольства, которое возбуждено въ его эминенціи вашимъ упущеніемъ въ дѣлѣ такой огромной важности.

$\frac{5}{16}$ апрѣля. Москва. Отъ маркиза де-ла-Шетарди.

Потому ли, что изумительное количество снѣга, выпавшее подъ Петербургомъ, дѣлаетъ невозможными во-

енныя дѣйствія, или же какія либо другія причины заставляютъ медлить ими, только фельдмаршалъ Ласси, о которомъ я вамъ сообщалъ, что онъ долженъ выѣхать 30 марта новаго стиля для начальствованія арміею, еще былъ, какъ мнѣ передали, 1 числа по старому стилю въ Петербургѣ. Это обстоятельство, само по себѣ не заслуживающее вниманія, обратило съ удовольствіемъ мое, такъ какъ важнѣйшее будетъ предпринято только на глазахъ этого генерала, и что такая перемѣна можетъ уменьшить вредъ, котораго опасаюсь для шведской арміи, или дать время гр. Левенгаупту получить новыя приказанія въ положеніи, которое онъ не скрывалъ болѣе. Прибытіе г. Нолькена можетъ также содѣйствовать тому, что было можетъ быть дѣломъ случая. Мое письмо къ г. Ланмари извѣститъ васъ обо всемъ, что касается Нолькена.

Г. Бухвальдъ, министръ епископа администратора Голштиніи, прибылъ въ Москву.

Бывшій герцогъ курляндскій отправленъ на всю жизнь въ Ярославль, большой и значительный торговый городъ. Государственныя соображенія не дозволяютъ выпустить его изъ Россіи. Онъ будетъ получать пенсіонъ болѣе, чѣмъ достаточный.

Король прусскій присоединилъ къ своимъ владѣніямъ графство Вартенбергъ въ Силезіи.

Нѣтъ такихъ хитростей, которыхъ бы Англія не употребляла для того, чтобы увлечь Голландію къ сильной рѣшимости (à une résolution vigoureuse), и англійскій король высказывалъ увѣренность подписать договоръ съ Россіею, которая, по его словамъ, рѣшилась послать значительную помощь венгерской королевѣ. Гр. Подевельсъ*), поручивъ барону Мардефельду условиться объ этомъ со мною, присовокупилъ, что было бы

*) Тогдашній прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

важно, когда бы мы, въ случаѣ исполнимости дѣла, могли добыть объявленіе отъ русскаго двора, для разрушенія впечатлѣнія, которое Лондонъ старается произвести въ Гагѣ. Г. Мардефельдъ, не ожидая моего отвѣта, далъ мнѣ знать, что онъ находитъ подобное ходатайство съ нашей стороны неумѣстнымъ, и что не лучше ли будетъ довольствоваться убѣжденіемъ въ настоящихъ намѣреніяхъ Россіи касательно австрійскаго дома, не увеличивая безъ пользы затрудненія, въ которомъ находятся русскіе министры, чтобы отдѣлаться вѣжливо отъ королевы венгерской. Въ свою очередь я не скрывалъ отъ него, что таково же было бы мое мнѣніе, если бы онъ далъ мнѣ время предупредить его; что дѣйствительно всегда будетъ опасно торопить дворъ, когда увѣрены въ его расположеніи, и по этой самой причинѣ легко понять, что даромъ только подвергнешься отказу съ его стороны. Вслѣдствіе того мы уговорились ограничиться каждому съ своей стороны историческимъ сообщеніемъ на словахъ министрамъ этого двора о способѣ, употребляемомъ Англіею, чтобы считать себя въ силѣ располагать ими по своему произволу.

22 апрѣля. Фонтенебло. Маркизу де-ла-Шетарди.

Вы видѣли, милостивый государь, изъ моихъ предъидущихъ писемъ, что мнѣ были сообщены извѣстія изъ Стокгольма, что генералъ Ласси далъ знать генералу Левенгаупту о начатіи имъ непріязненныхъ дѣйствій противъ шведовъ, и что затѣмъ послѣдовала отправка казаковъ для разграбленія и поджега многихъ деревень. Я не скрывалъ отъ васъ, какъ удивленъ былъ король, узнавъ, что вы вовсе не предувѣдомили гр. Левенгаупта и г. Ланмари о подозрѣніяхъ, которыя должны были имѣть касательно подобной рѣшимости, такъ какъ вамъ

угрожали ею. Вы должны были еще болѣе сожалѣть, когда узнали, что употребили во зло вашу довѣрчивость, и что въ то самое время, когда царица такъ благосклонно повидимому принимала гр. Гилленборга, а намъ изъявляла свое удовольствіе отъ принятія шведскимъ королемъ посредничества короля, въ то самое время были отданы приказанія начать военныя дѣйствія. Оставалась надежда, что по представленіямъ, которыя генералъ Левенгауптъ долженъ былъ или сдѣлать генералу Ласси, или передать чрезъ васъ царицѣ, послѣдняя можетъ быть склонится уважить доводы къ продолженію перемирія. Оно было дѣломъ вашихъ рукъ и на вѣру его шведы положились, ожидая, что переговоры о мирѣ могли имѣть успѣхъ, съ тѣмъ большею надеждою, что отъ шведскаго короля г. Нолькенъ посланъ былъ ко двору царицы; но изъ вашего письма, отъ 24 числа минувшаго мѣсяца я вижу, что безполезно было для васъ прибытіе г. Лагеркранца, посланнаго генераломъ Левенгауптомъ для убѣжденія государыни отсрочить или покрайней мѣрѣ остановить на время посланныя ею приказанія о возобновленіи военныхъ дѣйствій, и она только согласилась на продолженіе во время войны переговоровъ о мирѣ. Признаюсь вамъ, я думалъ бы, что по всѣмъ возможнымъ причинамъ она должна была уважить сдѣланныя вами представленія, а не увлекаться выгодами отъ предупрежденія шведовъ и нападенія на нихъ въ расплохъ въ то время, когда они, положившись на вѣру перемирія, на которое согласились по вашему ходатайству, не могли ожидать столь быстраго и непредусмотрѣннаго нападенія. Я думаю даже, что вы могли помочь недостаточности полномочія, что приводилось русскими министрами, какъ поводъ не слушать предложеній Лагеркранца, взявъ на свою отвѣтственность событіе, потому что вы же не колебались такъ поступить, когда дѣло шло объ останов-

къ похода Левенгаупта, а нынѣ вы могли бы это сдѣлать съ большею основательностью въ качествѣ посредника, признаннаго обѣими сторонами. Вы могли сослаться на снисходительность, которую шведы выказали предъ тѣмъ къ вашему требованію, и, съ большимъ основаніемъ и въ силу сдѣланныхъ съ той и другой стороны домогательствъ о начатіи при вашемъ посредничествѣ переговоровъ о мирѣ, просить и требовать чтобы царица взаимно оказала вамъ, по случаю предложеній гр. Левенгаупта и г. Лагеркранца, ту же довѣренность, которую выказала къ вамъ такъ великодушно Швеція и которая имѣла послѣдствіемъ негласное утвержденіе перемирія. Было естественно, чтобы царица, прежде чѣмъ довести дѣла до крайности, согласилась по крайней мѣрѣ выслушать то, что имѣлъ предложить ей отъ имени шведскаго короля г. Нолькенъ, и я не могу понять, какъ можетъ она примирять подобную поспѣшность возобновить военныя дѣйствія съ уваженіемъ, въ которомъ она желала увѣрить короля при дѣлѣ, столь близко принимаемомъ его величествомъ къ сердцу.

На основаніи этихъ-то началъ вы должны объясняться о томъ, когда найдете возможность (si vous trouvez jour) возобновить, по случаю прибытія г. Нолькена, какіе нибудь переговоры о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій, если васъ еще будутъ просить о томъ шведы, для которыхъ оно можетъ быть чрезвычайно важно, и если они такъ мало въ состояніи поддерживать войну, какъ желаетъ заставить такъ думать г. Лагеркранцъ. Вы можете быть увѣрены, что все, сообщенное имъ частнымъ образомъ о шведской арміи и бѣдственномъ положеніи народа въ Финляндіи, останется въ совершенной тайнѣ, но я не могу не сомнѣваться, чтобы описаніе, которое онъ вамъ сдѣлалъ, не было весьма преувеличено; притомъ же въ немъ есть разныя черты, съ избыткомъ дающія понять, что не достаетъ многаго для того, что-

бы признать сочинителя за человѣка весьма благоразумнаго и на котораго страсти и предубѣжденіе не дѣлали бы сильнаго впечатлѣнія. Я полагаю даже сказать вамъ съ увѣренностью, что въ этомъ описаніи есть множество фактовъ, положительно ложныхъ. Сверхъ того, способъ его выраженій о своемъ генералѣ, котораго онъ выдаетъ за безумца и новичка въ военномъ дѣлѣ, уменьшаетъ вѣру въ его рѣчи. Какъ бы то ни было, вы знаете, что намѣреніе короля состоитъ въ томъ, чтобы вы старались и употребляли всѣ возможныя усилія отвратить несчастія, угрожающія шведамъ отъ внезапнаго разрыва перемирія, на которое они полагались, или возобновленіемъ этого перемирія, или же скорымъ заключеніемъ мира; однако въ то же время вы должны остерегаться показывать рвеніе, которое можетъ произвести противное дѣйствіе, подавъ поводъ къ мысли, что оно основано только на знаніи вашемъ слабости и безсилія Швеціи, отъ чего, полагаю, и г. Лагеркранцъ былъ слишкомъ далекъ, такъ какъ этого должно ожидать только отъ человѣка, слишкомъ предубѣжденнаго и мало заботящагося о чести своей отчизны.

Судя по одному мѣсту изъ вашего письма, министры царицы уступили наконецъ вашимъ представленіямъ и обѣщали сообщить о томъ, что намѣрена эта государыня сдѣлать въ пользу мира. Чѣмъ это будетъ скорѣе, тѣмъ лучше, и вы усмотрите изъ моего письма къ вамъ отъ 2 числа настоящаго мѣсяца, что отнынѣ это единственное средство, которое приличествуетъ употребить не только для скорѣйшаго начатія переговоровъ, но также и для окончанія затрудненій, могущихъ помѣшать успѣху. Если обѣ стороны одинаково сообщатъ королю тайнымъ образомъ свои предложенія и требованія, то онъ будетъ въ состояніи, какъ будто самъ отъ себя, сдѣлать первый приступъ и работать надъ скорымъ примиреніемъ для утвержденія, буде возможно, добраго со-

гласія между обѣими державами. Ихъ его величество желаетъ видѣть соединенными дружбою, чтобы дѣйствовать потомъ въ совершенномъ съ ними согласіи для поддержанія мира и равновѣсія на Сѣверѣ.

Въ заключеніе не скрою отъ васъ, что какъ ни стараются царица и ея министры выказать, что письмо, писанное мною вамъ отъ имени короля 15 прошедшаго января, содержитъ въ себѣ угрозы, и что это подвигнуло ихъ къ рѣшимости прервать перемиріе и застать Швецію въ расплохъ, начавъ непріязненныя дѣйствія, — однако вы должны были остерегаться соглашаться и подтверждать подобное мнѣніе въ вашемъ письмѣ къ г. Левенгаупту, съ котораго препроводили ко мнѣ копію. Вы поняли всю нелѣпость сдѣланнаго вамъ замѣчанія принимать за угрозы простыя размышленія, заключавшіяся въ моемъ письмѣ объ облегченіяхъ, на которыя желательно было бы склонить Россію для достиженія вожделѣннаго для обѣихъ сторонъ мира, и въ такомъ же самомъ смыслѣ слѣдовало бы вамъ объяснять объ этомъ въ письмѣ, которое сдѣлается гласнымъ въ Швеціи, а можетъ быть и въ цѣлой Европѣ. Я не вижу даже средства противъ вреда, который можетъ послѣдовать изъ подобнаго обстоятельства, а оно не должно было бы ускользнуть отъ вашего вниманія въ столь важномъ дѣлѣ, въ которомъ достоинство короля должно съ вашей стороны всегда старательно охраняться. Его могли оскорбить, когда бы въ бумагѣ, написанной отъ русскаго двора, хотѣли короля обвинять за то, что онъ употреблялъ угрозы при переговорахъ по врученному ему посредничеству. И дѣйствительно у него никогда не было намѣренія уклоняться отъ правилъ безпристрастія для соединенія двухъ сторонъ на столько, на сколько согласовались съ этимъ его обязательства къ Швеціи. По всѣмъ этимъ причинамъ, вы поймете, какъ мало могло приличествовать то, что вы казались соглашающимся

на мысль, что можно упрекнуть его величество, какъ виновника возобновленія военныхъ дѣйствій со стороны Россіи и притомъ по милости тѣхъ самыхъ средствъ, которыя напротивъ того были употреблены съ его стороны для измѣненія перемирія въ добрый миръ.

P. S. Я только-что видѣлся съ гр. Тессиномъ, получившимъ вчера письма изъ Швеціи; изъ нихъ видно, что тамъ скорѣе раздражены, чѣмъ устрашены вѣролюбствомъ русскихъ. Предвижу съ великимъ сожалѣніемъ, что въ настоящую минуту всякое предложеніе о мирѣ будетъ выслушано не весьма благосклонно. Думаете ли вы, чтобы, при такихъ обстоятельствахъ и послѣ столь малаго уваженія, выказаннаго къ посредничеству короля, пенсіоны и подарки, розданные по вашему предстательству, были деньгами, затраченными съ пользою?

P. S. Я усматриваю, что, при первомъ извѣстіи о разрывѣ перемирія со стороны русскихъ въ Финляндіи, вы понимали, какъ былъ съ вами недобросовѣстенъ г. Бестужевъ, скрывая принятую царицею рѣшимость возобновить такимъ образомъ непріязненныя дѣйствія вопреки точнаго слова, которое она вамъ дала. Но я еще не менѣе изумленъ тѣмъ, что эта принцесса сама притворялась съ вами, тогда какъ должна была бы естественно вспомнить, что такой образъ дѣйствій совершенно въ противорѣчіи съ довѣренностью, которую, по ея увѣреніямъ королю, она желала искренно установить съ его величествомъ, и съ посредничествомъ, которое находится въ распоряженіи короля съ согласія обѣихъ сторонъ и по требованію этой самой государыни. Равномѣрно вы кажется теряете всякую надежду, чтобы она желала въ послѣдствіи повѣрить вамъ сама тайные виды ея о средствахъ достигнуть возстановленія мира между нею и Швеціею, и полагаете, что отнынѣ должно формально совѣщаться съ ея министрами, за ис-

ключеніемъ, если возможно, частныхъ внушеній о томъ, что вы ей сообщили бы. Вамъ, какъ находящемуся на мѣстѣ, слѣдуетъ употреблять способы, которые сочтете болѣе соотвѣтствующими успѣху того, что король вамъ сообщаетъ о своихъ намѣреніяхъ, будете ли вы дѣйствовать на царицу чрезъ прямыя или тайныя внушенія, станете ли совѣщаться съ ея министрами; но я сильно опасаюсь, чтобы возобновленіе непріязненныхъ дѣйствій со стороны Россіи не уничтожило всѣхъ мѣръ для переговоровъ о мирѣ со шведами. Русскіе, воспользовавшись довѣрчивостью шведовъ, напали на нихъ, когда они полагались на прочность перемирія, а потому можетъ быть Швеція постарается отмстить за то, не внимая совѣтамъ о мирѣ, которые не престанетъ давать имъ его величество.

Съ нетерпѣніемъ жду писемъ изъ Стокгольма, чтобы узнать остается ли какое нибудь средство къ перемирію и послали ли повелѣніе г. Нолькену возвратиться, что заставитъ потерять всякую надежду на скорое умиротвореніе. Но если этотъ министръ прибудетъ ко двору царицы съ приказаніемъ открыть при вашемъ посредничествѣ переговоры, то я увѣренъ, что вы съумѣете употребить всѣ возможныя средства, чтобы содѣйствовать окончанію дѣла и возобновить, если возможно, перемиріе, не ожидая этого окончанія, которое можетъ быть остановится за какими нибудь неожиданными затрудненіями; король же, узнавъ о томъ, употребитъ всѣ усилія для отстраненія ихъ.

Въ заключеніе, его величество усматриваетъ съ неудовольствіемъ, что вы не довѣряли вполнѣ сообщеніямъ, которыя г. Ланмари считалъ обязанностью вамъ дѣлать, и тому, чтобы онъ былъ въ состояніи воспользоваться тѣми извѣстіями, которыя вы могли сообщать ему, зная въ совершенствѣ положеніе дѣлъ въ Россіи и намѣренія царицы. До сихъ поръ онъ исключительно ограни-

чивался инструкціями, данными ему отъ его величества или при его отъѣздѣ, или послѣ восшествія на русской престолъ царицы, и понимаетъ всю цѣну извѣстій, которыя ваша опытность многихъ лѣтъ ставитъ васъ въ возможность довѣрить ему, такъ какъ вы оба должны стремиться къ одной цѣли въ переговорахъ, одинаково врученныхъ вашимъ заботамъ. До насъ доходитъ, что датскій король отказалъ царицѣ въ титулѣ императрицы. Это заслуживаетъ розысканій, и я прошу васъ постараться о разъясненіи и сообщеніи того, что вы могли бы объ этомъ узнать.

$\frac{12}{23}$ апрѣля. Москва. Маркизъ де-ла-Шетарди.

Нолькенъ выѣхалъ изъ Петербурга. Назначенъ день коронаціи. Я обязанъ вамъ сообщить, что полученное здѣсь извѣстіе о нѣкоторыхъ движеніяхъ шаха Надира повидимому возбудило на столько безпокойства, чтобы обратить на это все вниманіе. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что сколько прежде торопились освободиться отъ бремени издержекъ, которыя влечетъ за собою присутствіе персидскаго посольства, столько теперь, подъ разными предлогами, замедляютъ его отъѣздъ и отказываютъ на безпрестанно повторяющіяся домогательства его о прощальной аудіенціи.

Еще болѣе важно, чтобы вы знали, что вѣнскій дворъ снова оправдалъ недавно мнѣніе, котораго я постоянно былъ о немъ, что для него нѣтъ ничего священнаго, какъ только дѣло коснется до его интересовъ и что тогда для него безразличны всѣ средства. Маркизъ Ботта, подъ видомъ дружбы, которой требовалъ старинный союзъ, существовавшій между двумя дворами, передалъ царицѣ копію съ письма, выдаваемаго за написанное вами, милостивѣйшій государь, къ г. Кастел-

лану. Тамъ вы говорите посланнику короля о переворотѣ, возведшемъ на престолъ принцессу Елизавету; смотрите на это событіе съ той точки зрѣнія, что оно есть конецъ величія Россіи; подкрѣпляете это мнѣніе тѣмъ, что государыня не намѣрена поручать важнѣйшихъ должностей въ государствѣ иноземцамъ, и что Россія, предоставленная сама себѣ, не преминетъ скоро впасть въ прежнее свое ничтожество; наконецъ заключаете изъ этого, что Порта, для скорѣйшаго приведенія Россіи въ такое положеніе и чтобы избавиться отъ сосѣда, причинявшаго ей много безпокойствъ, должна торопиться дѣйствовать силою и воспользоваться обязательствами, которыя имѣетъ она съ Швеціею, для соединенія съ нею и нападенія на Россію. Повѣренный, который сообщилъ мнѣ объ этомъ событіи, прося не выдавать его, присовокупилъ, что царица была чрезвычайно огорчена такими видами Франціи въ отношеніи ея, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ она во всемъ, что касалось его величества, выказывала совсѣмъ иное. Чтобы разрушить однако впечатлѣніе, которое желали произвесть, и убѣжденный при томъ въ истинѣ того, что говорилъ, повѣренный не колебался разувѣрить царицу, что вѣнскому двору очень привычны подобныя средства, какъ это знаетъ и она по собственному опыту; что Австрія прибѣгаетъ къ такой крайности, какъ утопающій, который ищетъ уцѣпиться за все, что ему ни попадается; что онъ ручается, что это письмо подложно и существуетъ только въ головахъ австрійскихъ министровъ, и изъ того заключаетъ, что царица, стараясь не обращать вниманія на подобную химеру, должна еще болѣе довѣряться образу дѣйствій Франціи, видимому ею изъ прилагаемыхъ мною стараній. Онъ мнѣ не скрывалъ, что царица выразилась при этомъ случаѣ, что слушая менѣе разные доносы, которые ей дѣлаютъ, она все таки будетъ осторожна со мною, такъ какъ ей не прекращаютъ

представлять, что я человѣкъ опасный и что не надобно довѣрять моимъ внушеніямъ. Впрочемъ, напомнивъ этой принцессѣ все, сдѣланное мною для ея службы, привязанность, выказанную мною при всякомъ случаѣ, и то наконецъ, что я можетъ быть навлекъ на себя упреки за перемиріе, лишь бы только угодить ея желаніямъ, повѣренный съ удовольствіемъ замѣтилъ, что царица, какъ и онъ, отдавала справедливость намѣреніямъ Франціи; чувствовала, что я не заслужилъ бы ея уваженія, когда бы, менѣе дорожа своимъ долгомъ, былъ способенъ когда либо ослаблять силу присылаемыхъ ко мнѣ повелѣній; сознавала, что русскимъ министрамъ предлежитъ отстаивать ея интересы во всѣхъ такихъ случаяхъ, и, наконецъ, предвидѣла, чтобы не ошибаться въ признаваемой ею до сихъ поръ откровенности моего характера, что я вѣроятно придамъ еще болѣе усилій моимъ настояніямъ, какъ только Нолькенъ будетъ здѣсь. Можетъ быть будетъ достаточно оправдать моимъ образомъ дѣйствій слова повѣреннаго и тѣмъ самымъ доставить ему средства изгладить при удобномъ случаѣ лживыя внушенія, которыми стараются дѣйствовать на умъ царицы. Въ этомъ случаѣ, милостивѣйшій государь, вы одни можете рѣшить: будетъ ли настоять нужда, чтобы вы мнѣ передали, на случай надобности, доказательства тому, какъ обманывалъ вѣнскій дворъ царицу, передавая маркизу Ботта это письмо?

26 апрѣля. Фонтенебло. Маркизу де-ла-Шетарди.

На этихъ дняхъ я имѣлъ, милостивый государь, пространный разговоръ съ кн. Кантемиромъ, которому дѣлалъ сильные упреки за вѣроломство его двора, прервавшаго перемиріе безъ предувѣдомленія о томъ, послѣ даннаго слова не прибѣгать къ такой мѣрѣ безъ извѣще-

нія о ней васъ. Чтобы лучше убѣдить его, я прочелъ ему ваше письмо отъ 3 и 19 (?) марта, въ которыхъ есть ясныя доказательства такому вѣроломству. Этотъ посланникъ могъ только возразить, что оно дѣйствительно было тутъ болѣе или менѣе, потому что у васъ потомъ были многія совѣщанія и, особенно 20 марта, съ министрами царицы. Здѣсь точно вы сильно настаивали, чтобы дали отсрочку по крайней мѣрѣ на 15 дней; но притомъ вовсе не жаловались ни на какое несдержаніе слова, что конечно не преминули бы сдѣлать, когда бы имѣли къ тому основаніе. Дѣйствительно я не находилъ ничего въ вашихъ письмахъ отъ 19 и 25 марта о томъ, чтобы могло дать мнѣ понятіе о способѣ веденія вами переговоровъ съ Бестужевымъ — обстоятельство чрезвычайной важности для чести короля, почему я и прошу васъ дать мнѣ о томъ опредѣлительный отвѣтъ. Между бумагами, сообщенными мнѣ кн. Кантемиромъ, я нашелъ копіи съ вашихъ послѣднихъ писемъ къ Левенгаупту. Это значитъ простирать далеко довѣренность ко двору, который способенъ употребить ее во зло. Я уже къ вамъ писалъ, что ничто не обязываетъ васъ давать русскимъ министрамъ копіи съ вашихъ писемъ, не говоря уже, что это рѣшительно не въ обычаѣ, исключая случаевъ, настоятельно требующихъ того, и ничто такъ не способно болѣе, какъ это, подтвердить подозрѣнія, которыя уже слишкомъ распространены въ Швеціи о нашей стачкѣ съ петербургскимъ дворомъ.

P.S. Я вижу изъ письма г. Фенелона отъ 17 апрѣля, что онъ вамъ сообщалъ о предупредительности, которую выказалъ гр. Зенцгеймъ (Sentzheim), полномочный министръ императора, къ гр. Головкину, давъ ему знать о своемъ прибытіи въ Гагу и сдѣлавъ даже визитъ, который русскій посланникъ оставилъ безъ всякаго отвѣта. Возможная вещь, что онъ былъ удержанъ

отъ того неизвѣстностію, въ которой могъ быть, признала ли царица, его государыня, курфюрста баварскаго императоромъ; но во всякомъ случаѣ вѣжливость требовала, чтобы гр. Головкинъ передалъ чрезъ третье лицо извиненія по причинамъ, которыя помѣшали ему исполнить въ отношеніи императорскаго посла долгъ церемоніала, учрежденнаго между иностранными министрами.

$\frac{19}{30}$ апрѣля, получено 5 іюня. Маркизъ де-ла-Шетарди въ отвѣтъ на письмо отъ 25 марта.

Принцъ гессенскій впалъ въ уныніе отъ затрудненій. Расположеніе, высказанное мнѣ Бестужевымъ, какъ вы помните, чрезвычайно охладилось, не потому, чтобы я думалъ, что теперь для насъ представляется менѣе удобный случай овладѣть Россіею, но отъ того, что это расположеніе въ отношеніи насъ было и есть въ зависимости отъ предварительнаго утвержденія мира на Сѣверѣ и отъ надежды, что имъ будутъ обязаны королю. И такъ если вы допустите это же начало для установленія съ царицею союза, который возбудитъ уваженіе, по справедливости должное къ такимъ двумъ великимъ державамъ, какъ Франція и Россія, то увидѣли бы по усиленію недовѣрчивости, которой предались здѣсь, по непріязненнымъ дѣйствіямъ, которыя за тѣмъ послѣдовали, что средства для достиженія предположенной цѣли неприменимы до тѣхъ поръ, пока этотъ дворъ останется при высказанныхъ имъ мысляхъ. Смѣю даже васъ увѣрить, что представленія, которыя я возобновлялъ, судя по расположенію умовъ, послужатъ только къ тому, чтобы выказать пристрастіе, а это отдалитъ болѣе и болѣе отъ цѣли, которой желаютъ достигнуть. Слѣдовательно, какъ бы ни было лестно для меня оказать въ

этомъ случаѣ важную услугу его величеству, однако присутствіе лишь г. Нолькена, котораго ожидаю каждую минуту, будетъ въ состояніи сблизить идеи, которыя до сихъ поръ казались діаметрально противоположными, и подвинетъ дѣла къ скорѣйшему умиротворенію. Письмо, только-что полученное мною отъ г. Ланмари и препровождаемое при семъ въ копіи, кажется должно подтверждать это мнѣніе и показать, что наконецъ въ Швеціи будутъ имѣть точныя извѣстія о состояніи, въ которомъ находится шведская армія.

Надобно предполагать, что произошла ошибка въ шифрахъ, если вы думаете, что это тому Бестужеву, который нынѣ при русскомъ дворѣ оберъ-гофмаршаломъ, а прежде былъ русскимъ министромъ при шведскомъ дворѣ, я предложилъ пенсіонъ короля. Онъ тогда еще не вернулся, стало быть не о немъ шла рѣчь, но о вице-канцлерѣ, его младшемъ братѣ, бывшемъ дѣйствительно нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Даніи. Различіе, которое вы впрочемъ дѣлаете при томъ, доказываетъ, что г. Шавиньи (Chavigny) сообщилъ вамъ довольно удовлетворительныя замѣтки, какія возможно было сдѣлать. Истина, которая раскрывается мало по малу, заставляетъ дѣйствительно видѣть меня, что г. Бестужевъ, оберъ-гофмаршалъ, показывая видъ, что не желаетъ вмѣшиваться въ дѣла, гораздо болѣе къ нимъ способенъ, чѣмъ вице-канцлеръ, а послѣдній съ дурными качествами соединяетъ и неспособность, которую онъ сознаетъ достаточно для того, чтобы совѣтоваться съ своимъ братомъ во всѣхъ случаяхъ и допускать его руководить собою.

Послѣ безчисленныхъ отговорокъ, которыя кн. Черкасскому можетъ быть было бы трудно оправдать, я добился отъ него и вице-канцлера конференціи. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, я далъ знать царицѣ, что нахожусь въ постоянномъ ожиданіи, когда она назна-

читъ мнѣ аудіенцію. Парадная зала не была еще готова. Я приступилъ къ дѣлу съ промеморіи касательно церемоніала. Министры обѣщали ничего не выпускать въ докладѣ царицѣ. Однако, будучи въ неизвѣстности о формѣ, которую они тому дадутъ, я считалъ необходимымъ: предупредить повѣреннаго, сообщить ему всѣ подробности, вручить дупликатъ промеморіи и просить его о прочтеніи ея царицѣ, чтобы она была подготовлена. Онъ взялся исполнить это тотчасъ же, какъ говѣніе передъ пасхою (les devotions de pâques) дозволитъ ему найти удобное время, которымъ онъ можетъ воспользоваться.

Я видѣлся съ Брюммеромъ и сообщилъ ему, что представляю ему новыя доказательства моей приверженности къ герцогу голштинскому, стараясь условиться съ нимъ обо всемъ, что званіе посланника можетъ требовать. Брюммеръ отвѣчалъ на это, какъ человѣкъ просвѣщенный и образованный.

Царица не удовольствовалась самымъ строгимъ, какимъ только можно себѣ придумать, выполненіемъ поста и соблюденіемъ въ продолженіи страстной недѣли всѣхъ требуемыхъ тогда обрядовъ, и должно думать, что она считала необходимымъ показать своимъ народамъ примѣръ уваженія, должнаго церкви. Если суевѣріе, или частные виды нисколько не входятъ сюда, то конечно такой образъ дѣйствій заслуживаетъ похвалы. Духовенство, какъ говорятъ, было лишено въ предшествовавшее царствованіе многихъ преимуществъ и исключительныхъ выгодъ. Царица въ два дня, въ которые она на прошедшей недѣли засѣдала въ сенатѣ, издала указъ, въ силу котораго духовенству возвращены всѣ права, отнятыя у него царицею Анною.

Усматриваю изъ письма, въ которомъ сообщалъ мнѣ г. ле-Меръ о подписанномъ имъ трактатѣ (съ Даніею), что онъ полагаетъ, не бывши въ томъ увѣреннымъ, что

петербургскій дворъ не можетъ благосклонно смотрѣть (voir de bon oeil) на новыя обязательства датчанъ съ нами, принимая во вниманіе то огромное вліяніе, которое могутъ они имѣть на дѣла Сѣвера, особенно при нашемъ тѣсномъ союзѣ со Швеціею. Какъ было бы неумѣстно распространяться ему болѣе, то онъ, увѣдомляя меня въ общихъ чертахъ, исполнилъ только то, что требовала польза сношеній (le bien de la correspondance). Что же касается большихъ подробностей для руководства моими дѣйствіями, то онѣ могутъ быть только даны вами, милостивѣйшій государь, а потому я съ тѣмъ большею поспѣшностью сообщаю вамъ объ этомъ обстоятельствѣ, что вы можетъ быть сочтете полезнымъ предупредить подозрѣнія, которыхъ послѣдствія могутъ противорѣчить вашимъ взглядамъ, и я бы приготовился на этотъ конецъ къ тому, что могъ бы петербургскій дворъ высказать мнѣ въ то или другое время объ этомъ трактатѣ.

Креспи возвратился уже къ шведской арміи, когда письмо Ланмари дошло до него....

(Этою депешею оканчиваются въ Тургеневскомъ сборникѣ донесенія де-ла-Шетарди).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ настоящихъ приложеніяхъ, кромѣ отрывка изъ показанія Остермана, помѣщены нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ распоряженій, касавшихся младенца императора Іоанна III, и постановленій, изданныхъ въ свѣтъ подъ его именемъ. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы, правительство особенно старалось объ уничтоженіи всего, что могло прямо или косвенно напомнить о низведенномъ съ престола младенцѣ. Такъ черезъ девять дней по воцареніи, именно 3 декабря 1741 года, Елизавета приказала всѣ дѣла предшествовавшаго времени отъ смерти императрицы Анны до 25 ноября 1742 года считать производившимися въ „правленіе бывшаго герцога курляндскаго и принцессы Анны брауншвейгской.“ 31 декабря 1741 г., назначенъ годовой срокъ для промѣна монетъ съ изображеніемъ Іоанна III; по истеченіи же этого срока она уже не могла обращаться въ народѣ. 18 октября 1742 года, во всемъ государствѣ собирались присяжные листы Іоанну III и сжигались: въ Петербургѣ — на Васильевскомъ острову, а въ Москвѣ — на Ивановской площади. 27 октября того же года печатныя книги слѣдовало неукоснительно представлять, для уничтоженія въ нихъ листовъ съ извѣстнымъ титуломъ и замѣны новыми съ именемъ императрицы Елизаветы. Въ 1743 году собирали всѣ вообще документы съ именемъ Іоанна III. 30 іюля 1745

года той же участи подверглись медали на кончину императрицы Анны, на которыхъ было его изображеніе. Объ исполненіи всѣхъ такихъ распоряженій неоднократно и строго подтверждалось правительствомъ, и присутственныя мѣста, во избѣжаніе тайной канцеляріи — дѣла объ истребленіи бумагъ съ извѣстнымъ титуломъ относили къ разряду дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ — старательно хлопотали объ отысканіи и представленіи всѣхъ подобныхъ документовъ. Въ 1750 г., напримѣръ, малороссійская войсковая канцелярія такъ ревностно занялась этимъ предметомъ, что прислала для уничтоженія манифестъ, заключавшій въ себѣ распоряженіе о возвращеніи монетъ съ изображеніемъ Іоанна III и подписанный самою Елизаветою! Малороссъ Марковичъ въ своихъ домашнихъ запискахъ, веденныхъ имъ собственно для себя, поспѣшилъ также вырвать листы, гдѣ рѣчь шла объ Іоаннѣ III. Въ 1750 году, дошло до свѣдѣнія сената, что въ Петербургѣ продаютъ иноземцы нѣмецкія, печатныя книги, „въ которыхъ упоминаются въ бывшія два правленія извѣстныхъ персонъ имена,“ почему велѣно было представлять и эти изданія. Тогда не на шутку испуганные владѣльцы книгъ стали присылать въ сенатъ безъ разбора всѣ сочиненія, даже учебники, лексиконы и проч. 10 октября 1750 г. сенату пришлось растолковывать, какія именно книги онъ повелѣвалъ предъявлять для уничтоженія.

I.

Манифестъ, сочиненный графомъ Остерманомъ о назначеніи императрицею Анною принца Іоанна наслѣдникомъ русскаго престола.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АННА

ІМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

Какое Мы истинное матернее попеченіе имѣли отъ самаго вступленія Нашего на Наслѣдныи Самодержавныи Всероссійскіи Императорскіи Престолъ объ Имперіи Нашеи и обовсѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, и какое Наше неусыпное непрестанное радѣніе и усердное стараніе было. Въ началѣ объ утвержденіи и вящшемъ разпространеніи православнои нашеи вѣры Греческаго исповѣданія, объ установленіи истиннаго правосудія на охраненіе обидимыхъ о поправленіи и о порядочномъ основательномъ учрежденіи Государственныхъ силъ, на защищеніе отъ всякаго нападенія, объ учрежденіи училищъ, на воспитаніе молодыхъ людеи въ страхѣ Божіи, и для обученія оныхъ во всякихъ Государству полезныхъ наукахъ, объ умноженіи фабрикъ и маніфактуръ, и купечества къ Государственнои ползѣ, и объ учрежденіи многихъ иныхъ Государству и подданнымъ Нашимъ полезныхъ порядковъ, и Генерално обовсемъ томъ, что къ прямому благополучію вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, и къ приведенію любезнаго Нашего Отечества съ часу на часу въ вящшее цвѣтущее состояніе служить могло, о томъ Мы здѣсь не разпро-

страняемъ: Понеже всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ о томъ извѣстно, и столь многія отъ Насъ учиненныя новыя Уставы, Регламенты и учрежденія и публикованныя Маніфесты явно засвидѣтельствуютъ. Мы же должны Всемогущему Богу, отъ котораго всякое благо происходитъ, отъ искренняго Нашего сердца благодареніе воздать, что онъ по щедротамъ своимъ всѣ Наши дѣла благословилъ, въ бывшихъ трудныхъ воинахъ, которыя для обороны и защищенія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ вести принуждены были Нашимъ заступникомъ и защитою былъ, и всѣ Наши усердныя труды и стараніе такими щастливыми происхожденіями милостиво вѣнчалъ: что безопасность Имперіи Нашей съ великимъ оной умноженіемъ и приращеніемъ славы и почтенія у всего свѣта совершенно утвѣрждена, и всѣ Наши вѣрныя подданныя плодами оныхъ въ покое пользуются и пользоваться могутъ. При такихъ его божескихъ благословеніяхъ Мы Себя должны признаваемъ Матернее Наше попеченіе продолжать; и паче всего труды распространять: дабы Имперія Наша и всѣ вѣрныя подданныя въ такомъ благополучномъ состояніи на всѣ пребудущія времена, и въ рукѣ Божіей состоящіяся случаи, постоянно и неотмѣнно содержаны были. И въ такомъ Богу угодномъ намѣреніи разсудили Мы за потребно за благовременно о наслѣдствѣ сея Нашея Всероссійскои Имперіи по дарованнои Намъ отъ Бога самодержавнои власти по довольномъ и зрѣломъ разсужденіи собственнаго совершеннаго Нашего соизволенія, съ призываніемъ его Божескои милости и благословенія нижеслѣдующее законное опредѣленіе учинить, а имянно: Назначиваемъ и опредѣляемъ послѣ Насъ въ законныя наслѣдники Нашего Всероссійскаго Императорскаго Престола и Имперіи; Нашего Любезнѣйшаго Внука благовѣрнаго Принца Іоанна рожденнаго отъ роднои Нашеи Племянницы Ея Высочества Благовѣр-

ной Государыни Принцессы Анны въ супружествѣ съ Свѣтлѣйшимъ Принцомъ Антономъ Ульріхомъ Герцогомъ Брауншвейгъ Люнебургскимъ, которому Нашему любезному внуку Мы титулъ Великого князя всея Россіи всемилостивѣйше отъ сего времени пожаловали. А ежели Божескимъ соизволеніемъ оный Любезный Нашъ Внукъ Благовѣрный Великій князь Іоаннъ прежде возраста своего и не оставя по себѣ законно рожденныхъ наслѣдниковъ преставится, то въ такомъ случаѣ опредѣляемъ и назначиваемъ въ наслѣдники перваго по немъ Принца брата его отъ вышеозначенной Нашей Любезнѣйшей Племянницы Ея Высочества Благовѣрной Государыни Принцессы Анны, и отъ Свѣтлѣйшаго Принца Антона Ульріха Герцога Брауншвейгъ Люнебургскаго раждаемаго, а въ случаѣ и его преставленія другихъ законныхъ изъ того же супружества раждаемыхъ Принцовъ всегда перваго такимъ порядкомъ какъ выше сего установлено. И понеже о учиненномъ въ 1722 г. Февраля 5 дня и отъ всѣхъ чиновъ вѣрныхъ подданныхъ Всероссійскаго Государства торжественною присягою утвержденному о наслѣдствѣ уставу всегда въ Высокой воли и соизволеніи Правительствующихъ Государей Всероссійскаго Самодержавнаго Престола состоитъ: кого похотятъ по себѣ учинить наслѣдникомъ, въ чемъ и всѣ чины вѣрныя Наши подданныя въ 1731-мъ году Намъ торжественноже присягали. Того ради Мы о семъ Нашемъ всемилостивѣйшемъ соизволеніи и опредѣленіи всенародно объявляемъ со всемилостивѣйшимъ имяннымъ повеленіемъ, дабы всѣ Наши вѣрныя подданныя какъ духовного, такъ и мірского военнаго, и гражданскаго чина, и всякаго званія, въ должномъ повиновеніи и послушаніи сего Нашего устава и опредѣленія, какъ вѣрнымъ подданнымъ надлѣжитъ, торжественную присягу учинили по приложенной при семъ формѣ, прося при томъ Всемогущаго Бога о продолженіи Нашего вѣ-

ка и дражайшаго здравія, и о щедротномъ его благословеніи сего Нашего едино къ пользѣ Государства и вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ касающагося Материнаго вѣрнаго намѣренія. И для того Мы сіе Наше о наслѣдствѣ учиненное опредѣленіе собственноручно подписали, и указали оное и формуляръ присяги напечатавъ всенародно публиковать, и во все Наше Государство для исполненія по оному разослать.

Подлинной за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества Собственные руки, Октября 5 дня 1740 года.

Печатанъ при Сенатѣ Октября 6 дня 1740 года.

II.

Манифестъ и конія съ завѣщанія императрицы Анны, сочиненнаго Алексѣемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, о восшествіи на престолъ Іоанна III и регентствѣ Бирона.

МАНИФЕСТЪ ИЛИ ОБЪЯВЛЕНІЕ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ІОАННЪ

ТРЕТІЙ ІМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе.

Понеже по воли всемогущаго Бога Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Анна Іоанновна Імператрица и Самодержица Всероссійская, наша любезнѣйшая Государыня Бабка отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство сего мѣсяца 17 числа въ 9 часу по полудни отъиде а о наслѣдствіи Престола Всерос-

сінскаго, по выданному отъ Ея Імператорскаго Величества манифесту отъ 5 сего Октября, намъ яко наслѣдному Государю и по насъ раждаемымъ въ предь роднымъ нашимъ Братьямъ Прінцамъ всегда первому изъ нихъ Прінцу, всѣ чины Россіискаго Государства въ вѣрнои своеи службѣ присягами утвердили, а 6 числа сегожъ мѣсяца оная наша любезнѣишая Государыня Бабка Ея Імператорское Величество блаженныяи вѣчнодостоинныя памяти Анна Іоанновна Самодержица Всероссіиская о управленіи всякихъ государственныхъ дѣлъ до семнатцати лѣтъ возраста нашего по регламентамъ и уставамъ и прочимъ опредѣленіямъ и учрежденіямъ отъ Прадѣда нашего блаженныя и вѣчнодостоиныя памяти Государя Імператора Петра Великаго, и по немъ во время Ея Імператорскаго Величества блаженныяжъ и вѣчнодостоиныя памяти и благополучнаго государствованія учиненнымъ безъ всякихъ отмѣнъ особои уставъ опредѣленіе и всемилостивѣишіи указъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ учинить, и онои всемилостивѣише собственною своею рукою укрѣпить и подписать соизволила, съ котораго для всенароднаго извѣстія присемъ сообщается печатная копіа. И понеже по оному учиненному отъ вышеупомянутои любезнѣишеи Государыни Бабки нашеи и въ народъ публикованному манифесту 5 сего мѣсяца и подтвержденнымъ отъ всѣхъ чиновъ присягамъ Імператорскіи Всероссіискіи Престолъ воспріяли Мы Наслѣдныи Великіи Государь Іоаннъ Третіи Імператоръ и Самодержецъ Всероссіискіи того ради во всенародное извѣстіе симъ манифестомъ объявить повелѣли: дабы всѣ наши вѣрныя подданныя какъ духовнаго такъ воинскаго и гражданскаго всякаго чина и достоинства люди о томъ вѣдали, и намъ яко истинному и природному своему Государю Імператору вѣрно служили, и пока Мы достигнемъ въ семнатцать лѣтъ возраста нашего, о управленіи государственныхъ

какъ духовныхъ военныхъ такъ политическихъ и гражданскихъ дѣлъ вышеупомянутои учиненнои отъ любезнѣишеи нашеи Государыни Бабки блаженныя и вѣчнодостоинныя памяти Всепресвѣтлѣишеи Державнѣишеи Великои Государыни Анны Іоанновны Императрицы и Самодержицы Всероссіискои уставъ опредѣленіе и всемилостивѣишіи указъ безъ изъятія по всеподданическои своеи вѣрнорабскои должности, свято: и не нарушимо содержали и по оному поступали безъ всякихъ отмѣнъ и въ томъ вновь присягами утвердили.

Подлинной за подписаніемъ всего Министерства и Генералитета. Октября 17 дня 1740 года.

КОПІЯ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АННА

ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІИСКАЯ

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

Понеже мы по матернеи Нашеи къ Государству и къ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ любви имѣя попеченіе о предбудущемъ оныхъ твердомъ благополучіи и безопасности за благо и потребно разсудили о наслѣдіи Императорского Нашего престола благовременное опредѣленіе учинить, и по дарованнои Намъ отъ всевышнаго Бога самодержавнои Императорскои власти любезнѣишаго Внука Нашего Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Іоанна наслѣдникомъ Нашимъ чрезъ публикованнои о томъ отъ пятаго числа сего мѣсяца Всемилостивѣишіи Нашъ указъ объявить. А при томъ не менше же и о томъ стараться имѣемъ, чтобъ намѣреніе Наше о неотмѣнномъ послѣ Насъ содержаніи и сохраненіи

щастливо установленной въ Имперіи нашей формы правительства по желанію Нашему исполнено было. А по воли Божеской случиться можетъ, что помянутой Внукъ Нашъ въ сіе ему опредѣленное наслѣдство вступить имѣетъ въ невозрастныхъ лѣтахъ когда онъ самъ правительство вести въ состояніи не будетъ: того ради всемилостивѣйше опредѣляемъ, чтобъ въ такомъ случаѣ и во время его малолѣтства правительство и Государствованіе имянемъ его управляемо было чрезъ достаточнаго къ такому важному правленію Регента, которой бы какъ о воспитаніи малолѣтнаго Государя должное попеченіе имѣлъ, такъ и правительство такимъ образомъ велъ, дабы по регламентамъ и уставамъ, и прочимъ опредѣленіямъ и учрежденіямъ отъ Дяди Нашего блаженныя и вѣчнодостоиныя памяти Государя Императора Петра Великаго и по немъ во время Нашего благополучнаго Государствованія учиненнымъ, какъ въ духовныхъ, военныхъ, такъ и въ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ поступано было безъ всякихъ отмѣнъ. Къ чему Мы, по всемилостивѣйшему Нашему матернему милосердію къ Имперіи Нашей и ко всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, во время малолѣтства упомянутаго Внука Нашего Великаго Князя Іоанна, а имянно до возраста его семнатцати лѣтъ по данной намъ отъ всещедраго Бога самодержавной Императорской власти опредѣляемъ и утверждаемъ симъ Нашимъ Всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ Регентомъ Государя Эрнста Іоанна владѣющаго Свѣтлѣйшаго Герцога Курляндскаго, Лифляндскаго и Семигалскаго, которому во время бытія его Регентомъ даемъ полную мочь и власть управлять на вышеозначенномъ основаніи всѣ Государственныя дѣла, какъ внутреннія, такъ и иностранныя, и сверхъ того въ какія бы съ коею иностранною державою въ пользу Имперіи нашей договоры и обязательства вступилъ и заключилъ, и оныя имѣютъ быть въ

своеи силѣ какъ бы отъ самого Всероссiйскаго Самодержавнаго Императора было учинено, такъ что по насъ наслѣдникъ долженъ оное свято и ненарушимо содержать. Не менше же ему Регенту по такои ему порученои власти вольно будетъ о содержанiи сухопутнои и морскои силы, о Государственнои казнѣ, о надлежащихъ по достоинствамъ и по заслугамъ къ Россiйскои Iмперiи всякихъ награжденiяхъ, и о всѣхъ прочихъ Государственныхъ дѣлахъ и управленiяхъ такiя учрежденiи учинить, какъ онъ по его разсмотрѣнiю запотребно въ пользу Россiйскои Iмперiи изобрѣтетъ. А ежели Божескимъ соизволенiемъ онныи любезныи Нашъ Внукъ благовѣрныи Великiи Князь Iоаннъ прежде возраста своего, и не оставя по себѣ законнорожденныхъ наслѣдниковъ преставится, то въ такомъ случаѣ опредѣляемъ и назначиваемъ въ наслѣдники перваго по немъ Принца брата его отъ Нашеи любезнѣишеи племянницы Ея Высочества Благовѣрнои Государыни Принцессы Анны, и отъ Свѣтлѣишаго Принца Антона Улриха Герцога Брауншвеигъ Люнебургскаго, раждаемаго, а въ случаѣ и его преставленiя другихъ законныхъ изъ того же супружества раждаемыхъ Принцовъ всегда перваго, и при оныхъ быть Регентомъ до возраста ихъ семнатцатижъ лѣтъ упомянутому жъ Государю Эристу Iоанну владѣющему Свѣтлѣишему Герцогу Курляндскому, Лифляндскому и Семигальскому, и управлять всякаго имянованiя Государственныя дѣла какъ выше сего установлено, а въ такомъ случаѣ, ежели бъ паче чаянiя по воли Божескои случиться могло, что вышеупомянутыя наслѣдники какъ Великiи князь Iоаннъ, такъ и братья ево преставятся неоставя послѣ себя законнорожденныхъ наслѣдниковъ, или предвидится иногда о ненадежномъ наслѣдствѣ, тогда долженъ онъ Регентъ для предостереженiя постояннаго благополучiя Россiйскои Имперiи, заблаговременно съ Кабинетъ-Ми-

нистрами и Сенатомъ и Генералами Фельтъ Маршалами и прочимъ Генералитетомъ о установленіи наслѣдства кранѣйшее попеченіе имѣть, и по общему съ ними согласію въ Россійскую Имперію Сукцессора изобрать и утвердить, и по такому согласному опредѣленію имѣетъ, оныи Россійскои Имперіи Сукцессоръ въ такои силѣ быть, якобы по Нашеи Самодержавнои Императорскои власти отъ Насъ самихъ избранъ былъ. И яко Мы вышеписанное опредѣленіе по довольному и здравому разсужденію въ пользу Нашеи Имперіи и всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ учинили, того ради чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобъ всѣ Государственныя чины какъ духовныя такъ военныя и гражданскія и другія какого бы званія ни были, въ управленіи по должностямъ своимъ дѣлъ оному Регенту были во всемъ такъ какъ Намъ послушны, и въ пользу Имперіи всѣ ево повелѣніи и учрежденіи исполняли. А между тѣмъ несумнѣнно уповаемъ, что онои опредѣленнои отъ Насъ Регентъ по имѣющеи чрезъ многія годы къ Намъ вѣрнои Ревности оставшеи Нашеи Императорскои Фамиліи достоиное и должное почтеніе показывать и по ихъ достоинству о содержаніи оныхъ попеченіе имѣть будетъ. И яко съ однои стороны такое Регентское правленіе его любви Герцогу Курляндскому натуральнымъ образомъ неинако какъ тягостно и трудно быть можетъ, и онъ сію тягость принять изъ единой къ намъ и къ Государству и подданнымъ Нашимъ любви и ревности склонился. Тако и съ другои стороны, ежелибъ такія обстоятельства какъ въ разсужденіи, собственнаго его любви состоянія такъ и другихъ въ тягость ему приключающихся околичностеи, случились что онъ правленіе Регентское, необходимо снизложить пожелаетъ, то мы на оное снизложеніе ему всемилостивѣйше соизволяемъ, и въ такомъ случаѣ ему Регенту съ общаго совѣту и согласія Кабинета Сената Генераловъ Фельтъ Маршаловъ

и прочаго Генералитета учредить такое правленіе, которое бъ въ пользу Нашеи Имперіи и Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ до вышеписанныхъ наслѣдника нашего урѣченныхъ лѣтъ продолжится могло. И учиня такое учрежденіе можетъ онъ Регентъ по своему изволенію или здѣсь остаться или въ свое Герцогство возвратится въ чемъ ему упомянутымъ Нашимъ Кабинетъ Министрамъ Сенату Генераламъ Фелтъ Маршалами и Генералитету всякое вспоможеніе и удовольствіе учинить. И для вящшаго утвержденія Мы сіе нашею собственною рукою подписали и Нашею печатью утвердили. Дано въ Санктпетербургѣ. Октября шестаго дня тысяща седмь сотъ четыредесятаго года.

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества Рукою тако Анна.

Печатано при Сенатѣ. Октября 18 дня 1740 года

III.

О приданіи титула высочества Бирону и принцу Антону Ульриху.

УКАЗЪ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ІОАННА ТРЕТІЯГО

ІМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІИСКАГО

ИЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Объявляется во всенародное извѣстіе.

Понеже чрезъ публикованноі въ народъ, отъ 18 сего Октября Маніфестъ о кончинѣ Всепресвѣтлѣшеи державнѣшеи Великои Государыни Імператрицы Анны Іоанновны Самодержицы Всероссіискои и о всту-

ленін на Всероссійскій Императорскій престолъ Его Императорскаго Величества, и каковъ уставъ и опредѣленіе Ея Императорское Величество блаженныя и вѣчнодостоиныя памяти учинить и оставить. И по оному правленіе Всероссійскои Имперіи до возраста Его Императорскаго Величества Регенту Россійскои Имперіи Эрнсту Іоанну Свѣтлѣйшему, Герцогу Курляндскому, Ліфляндскому и Семигальскому ввѣрить и поручить Всемилостивѣйше соизволила, о томъ всѣмъ Его Императорскаго Величества подданнымъ уже извѣстно. А нынѣ по указу Его Императорскаго Величества будучи въ собраніи Кабінетъ, Сунодъ, Сенатъ обще съ генералами Фельтъ-Маршалами, и протчімъ Генералитетомъ, по довольномъ разсужденіи согласно опредѣлили и утвердили, Его Высококняжескую свѣтлость, отъ сего времени во всякихъ писмахъ титуловать по сему: Его Высочество, Регентъ россійскои Имперіи, Герцогъ Курляндскій, Ліфляндскій и Семигальскій: И о томъ всенародно публиковать, да бы всякъ о томъ былъ извѣстенъ.

Подлиннои за подписаніемъ всего міністерства, Сунода, Сената и Генералитета, Октября 18 дня 1740 г.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ, Октября 19 дня, 1740 года.

БОЖІЕЮ МІЛОСТІЮ МЫ ІОАННЪ

ТРЕТІЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе.

Указали Мы Вселюбезнѣйшаго нашего Государя Отца. Свѣтлѣйшаго Принца Антона Улриха, Герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, отъ сего времяни во всякихъ

писахъ титуловать по сему: Его Высочество Антонъ Ульрихъ, Герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій. И о семъ Нашемъ Всемилостивѣйшемъ соизволеніи, во всѣи Нашеи Россійскои Имперіи публиковать сими указами.

На подлинномъ подписано тако: Имянемъ его императорскаго величества Іоаннъ Регентъ и Герцогъ. Октября 23 дня 1740 г.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ, Октября 24 дня, 1740 года.

IV.

Просьба объ отставкѣ и указъ объ увольненіи Принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ и самодержецъ всероссійскій, государь всемилостивѣйшій!

По всемилостивѣйшему ея императорскаго величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти опредѣленію пожалованъ я отъ ея императорскаго величества въ чины — подполковника при лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку, генералъ-лейтенанта отъ армей и одного кирасирскаго полку полковника.

А понеже я нынѣ, по вступленіи вашего императорскаго величества на всероссійской престолъ желаніе имѣю помянутые мои военные чины низложить, дабы при вашемъ императорскомъ величествѣ всегда неотлучнымъ быть.

Того ради ваше императорское величество всенижайше прошу, на оное всемилостивѣйше соизволя, отъ всѣхъ тѣхъ до нынѣ имѣвшихъ чиновъ меня уволить и вашего императорскаго величества указы о томъ, куда надлежитъ, послать; также и всемилостивѣйшее опре-

дѣленіе учинить, чтобъ порожжія чрезъ то мѣста и команды паки достойными особами дополнены были.

вашего императорскаго величества
нижайшій рабъ

Антонъ Ульрихъ.

Октября « » дня 1740 году.

Указъ нашей военной коллегіи.

Понеже его высочество любезнѣйшій нашъ родитель принцъ Антонъ Ульрихъ, герцогъ брауншвейгъ-люнебургскій, какъ изъ приложенной при семъ копіи явствуетъ, желаніе свое объявилъ имѣвшіеся у него военные чины снизложить, а мы ему въ томъ отказать не могли, того ради и чрезъ сіе о такомъ его высочества снизложеніи чиновъ военной коллегіи объявляется для извѣстія, яко же и въ гвардію нашу такой же нашъ указъ посланъ. А бывшій у его высочества кирасирской полкъ, именуя и впредь его неотмѣнно брауншвейгскимъ полкомъ, опредѣлили мы отдать генералу фелдмаршалу гр. фонъ-Лессію, вмѣсто опредѣленнаго ему полеваго полку, къ которому потому же другаго командира намъ представить надлежитъ. И повелѣваемъ нашей военной коллегіи о вышеписанномъ учинить по сему нашему указу.

Именемъ его императорскаго величества

Іоганнъ регентъ и герцогъ.

Скрѣпили: Андрей Остерманъ, К. Алексѣй Черкасскій, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Ноября 1 дня 1740 г.

*

V.

Манифесты отъ имени императора Іоанна III о невинности лицъ, пытанныхъ и сужденныхъ въ правленіе Бирона.

Божіею милостію мы Іоаннъ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе:

Въ нынѣшнемъ 1740 году, не по долгомъ времени вступленія нашего на всероссійскій престолъ, по нѣкоторымъ слѣдствіямъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Яковлевъ, бывшій въ нашемъ кабинетѣ статскимъ совѣтникомъ во управленіи секретарской должности, полковникъ Любимъ Пустошкинъ, ассесоръ Михайло Семеновъ, бывшій при дворѣ вселюбезнѣйшей нашей государыни матери, ея императорскаго высочества великія княгини и правительницы всеа Россіи секретаремъ, подполковникъ Петръ Граматинъ, бывшій при вселюбезнѣйшемъ нашемъ родителѣ государѣ, его высочествѣ герцогѣ брауншвейгъ-люнебургскомъ адъютантомъ; да нашей же лейбъ-гвардіи офицеры, а именно: капитаны Петръ Ханыковъ, Михайло Аргамаковъ, князь Иванъ Путятинъ, подпоручикъ Иванъ Алфимовъ—къ розыску были приведены, въ которомъ будучи, неповинно страдали и кровь свою проливали. Но при томъ паче простираясь по своей подданической должности намъ, яко природному и истинному своему государю и всей нашей императорской фамиліи, вѣрно служили и ревностно поступали, не щадя живота своего, за которыя ихъ истязанныя притязанія и вѣрныя службы нашею императорскою милостію награждены и по прикрытіи знаменами паки въ нашу службу употреблены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковлевъ, по прежнему, въ нашъ

кабинетъ, полковникъ Пустошкинъ въ Санктпетербургскій гарнизонъ, ассесоръ Семеновъ въ иностранную коллегію, подполковникъ Граматинъ при вселюбезнѣйшемъ нашемъ государѣ родителѣ. А гвардіи офицеры при гвардіи по прежнему оставлены. И о непорицаніи ихъ тѣмъ, что они были въ катскихъ рукахъ нашими всемилостивѣйшими указами снабдены, съ такимъ высочайшимъ повелѣніемъ, ежели кто тѣмъ кого изъ нихъ порицать дерзнетъ, оный тяжчайшій нашъ императорскаго величества гнѣвъ на себя пріиметъ, и сверхъ того повиненъ заплатить тому обидимому безчестья противъ окладу жалованья, кто какое по рангу своему получать будетъ, вдвое. Слѣдственно жъ и съ прочими бывшими въ крѣпости подъ карауломъ за такую-жъ оказуемую ревность, какая наша императорская милость показана, о томъ въ народъ объявлено будетъ особымъ манифестомъ. И для того сей нашъ императорскаго величества всемилостивѣйшій указъ повелѣли мы, напечатавъ, во всемъ нашемъ государствѣ публиковать, дабы о томъ всѣ были извѣстны, и взирая на толь ревностные вышепомянутыхъ нашихъ вѣрноподданныхъ поступки и нашу къ нимъ показанную за то императорскую милость и награжденіе помянутую свою предъ Богомъ учиненную присягу намъ, яко природному и истинному своему государю, вѣрно служили.

Данъ въ Санктпетербургѣ, декабря 15 дня 1740 г.

На подлинномъ подписано рукою ея императорскаго высочества государыни правительницы, великой княгини всеа Россіи тако: именемъ его императорскаго величества Анна.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ декабря 16 дня 1740 г.

Въ „Петербургскихъ вѣдомостяхъ“ 1740 г. № 30, новый манифестъ отъ 4 апрѣля.

„Хотя изъ публикованнаго въ народъ отъ 10 декабря прошлаго 1740 года нашего указа всѣмъ уже извѣстно,

кто изъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, имѣя къ службѣ нашей ревность, будучи въ розыскахъ неповинно страдали и намъ, яко природному и истинному своему государю, и всей нашей императорской фамиліи вѣрно служили и какою за то нашею императорскою высочайшею милостію награждены,—а понеже тогда жъ и другіе наши вѣрные подданные жестокій арестъ неповинно терпѣли, о которыхъ въ томъ нашемъ указѣ было не объявлено, а именно: гвардіи нашей бывшіе капитаны Василій Чичеринъ, Никита Соковнинъ, капитанъ-поручикъ Андрей Колударовъ, адъютантъ Вельяминовъ Зерновъ, прапорщикъ Иванъ Ознобишинъ, сержантъ Нилъ Акинфьевъ, солдатъ Ѳедотъ Сѣченой, нашего генерала Ушакова генеральсъ-адъютантъ Иванъ Власьевъ, портовой таможни оберъ-директоръ Иванъ Романчуковъ, ротмистръ Александръ Мурзинъ, капитаны санктпетербургскаго гарнизона Иванъ Бровцынъ, отставной Василій Аристовъ, инженернаго корпуса фискалъ Прохоръ Муравьевъ, прапорщикъ Петръ Постельниковъ, партикулярной верфи комиссаръ Яковъ Милюковъ, да бывшій комиссаръ же Игнатій Зиновьевъ, монетнаго двора казначей Осій Пустошкинъ, дворяне: Богданъ Тырковъ, Ѳедоръ Ушаковъ, которые за ихъ оказанные намъ и всей нашей императорской фамиліи вѣрныя службы и ревностные поступки, яко же и прочіе, нашею императорскою милостію—нѣкоторые чинами и опредѣленіемъ въ службу нашу въ прежнія мѣста, а другіе деньгами награждены. И чтобъ о такой нашей императорской милости, которыя къ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ за добрые и ревностные поступки незабвенно происходить всѣмъ было извѣстно (sic), того ради указали мы о томъ всенародно симъ манифестомъ публиковать“.

VI.

Показаніе графа Остермана, 1 декабря 1741 года.

Гр. Остерманъ спрашиванъ, сколько у него и гдѣ денегъ и алмазныхъ вещей и серебра имѣется здѣсь въ государствѣ и въ чужестранныхъ государствахъ въ банкахъ? О чемъ онъ, гр. Остерманъ, объявилъ по присяжной должности самую истину, опасаясь въ томъ ея императорскаго величества тяжчайшаго гнѣва:

Во время государя императора Петра Великаго въ разныя времена за заключеніе съ разными чужестранными державами трактатовъ по обыкновенію даваны ему подарки, тако жъ и когда бывали съ государемъ императоромъ въ походахъ и въ свиданіи съ другими государи учинены были подарки жъ, а сколько тѣхъ денегъ было, того за давнымъ временемъ не упомнитъ. Въ 710 году, посланъ онъ былъ отъ государя императора къ польскому и прусскому королямъ, и король польской при отправленіи подарилъ его перстнемъ браліантовымъ, который и нынѣ у жены его; а король прусской подарилъ его въ бархатномъ мѣшкѣ 500 червонныхъ. Король дацкой, когда были съ войскомъ въ Голштиндіи, подарилъ 400 червонныхъ. При бракѣ государя царевича Алексѣя Петровича, подарилъ ему герцогъ вольфенбюттельскій, дѣдъ кронъ-принцессы, 500 ефимковъ, а сколько подлинно не упомнитъ. За шведскій миръ, въ Ніештадтѣ учиненный, подарено ему 300 червонныхъ и Брюсу то жъ число. Да государь императоръ пожаловалъ при милостивомъ своемъ письмѣ за тотъ же миръ 1000 червонныхъ; да вмѣсто портрету его величества 2000 рублевъ. Герцогъ Мекленбургскій послѣ брака царевны Екатерины Іоанновны подарилъ было перстень браліантовый, но понеже Петръ Толстой подареннымъ ему перстнемъ недоволенъ былъ, того ради оный пер-

стень чрезъ мекленбургскаго министра Габихштала ему жъ, Толстому, отданъ, а ему, Остерману, прислано отъ герцога мекленбургскаго 800 червонныхъ, вмѣсто перстня. При государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ съ королемъ прусскимъ трактатъ возобновленъ, подарено ему 3 или 4000 рублевъ, а подлинно не упомнитъ, какъ и другимъ министрамъ, тогда бывшимъ. Въ то жъ время сама императорское величество пожаловала ему денегъ, а сколько числомъ не упомнитъ. При государѣ Петрѣ II заслуженное мое вице-канцлерское жалованіе выдано ему за два года въ добавокъ къ прежнему 6000 рублевъ. Да во время его жъ царствованія жилъ при дворѣ его и жалованье его оставалось. Да сверхъ того присланы были отъ римскаго цесаря портреты, между которыми и ему портретъ, и, сверхъ того, перстень браліантовый большой, который онъ свѣдома тогдашняго верховнаго совѣта продалъ великой княжнѣ за 20000 рублевъ изъ почтовыхъ доходовъ. Тѣ деньги 20000 рублей ему за перстень даны, и оной перстень послѣ былъ у государыни императрицы Анны Іоанновны. При государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ возобновленъ паки трактатъ съ королемъ прусскимъ, подарено ему, какъ и другимъ, 3000 р. По взятіи Гданска пожаловано ему, такъ и князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому. 12000 ефимковъ битыхъ. Отъ китайскаго богдыхана присланы были подарки китайскими товары на сто тысячъ ланъ, которые ея величество изволила пожаловать кабинетнымъ министрамъ, изъ которыхъ, по прошенію ихъ кабинетъ министровъ, нѣкоторая часть взята ко дворцу ея императорскаго величества, а достальные раздѣлены по частямъ, о чемъ значитъ въ кабинетѣ. А на его часть что досталось, изъ того числа продано и взято около семнадцати тысячъ рублевъ, а подлинно на сколько именно, того не упомнитъ. Отъ ея жъ величества опредѣлено, при за-

ключеніи мира съ туркомъ, пенсіону сверхъ жалованья по 5 тысячъ рублевъ на годъ. При томъ же пожалованъ перстень. Да въ то же время прислано отъ цесарскаго двора чрезъ министра ихъ Ботта перстень браліантовый. Отъ ея жъ величества пожалованъ ему сервизъ серебряной. По наслѣдству ему досталось отъ фанъдеръ-Бурха, который былъ агентомъ въ Амстердамѣ, о чемъ можетъ показать молодой Крейцъ, а помнится до сорока тысячъ гульденовъ голландскихъ. Изъ того числа наслѣдственнаго и здѣсь надлежитъ многіе долги собрать. Которыя деревни пожалованы ему отъ ея жъ величества въ Лифляндіи и съ нихъ арендныя и доходныя деньги отдавалъ онъ въ общую его сумму купцамъ Шифнеру и Вульфу. Да съ московскихъ деревень денежные доходы отдавались имъ же купцамъ. Послѣ генеральши Вейсбаховой, отказала ему пожалованный мужу ея отъ короля польскаго портретъ съ алмазами. Да ему жъ чрезъ графа Линара присланъ портретъ короля польскаго съ браліантами. При правленіи нынѣшней принцессы мекленбургской, когда возобновленъ трактатъ съ королемъ прусскимъ, тогда какъ всѣмъ министрамъ, а именно гр. фонъ-Миниху, графу Головкину, князю Черкасскому присланы деньгами и портреты, въ томъ числѣ и ему, и хотя неоднократно къ нему повелѣно было принять, токмо отговаривался пристойными образы и не принялъ. Такожде, когда въ недавнихъ числахъ съ англійскимъ дворомъ трактатъ заключенъ, тако жъ присланы подарки деньгами къ кабинетнымъ министрамъ, между которыми и ему помнится по 5000 рублевъ, и хотя ему велѣно было принять, токмо онъ пристойными образы отговорился и не принялъ. И всѣ вышеписанные подарки безъ высочайшихъ повелѣній никогда не принималъ.

И вышеписанныя деньги переваживалъ въ другія государства чрезъ купцовъ Шифнера и Вульфа на век-

сели, смотря въ томъ прибыли по курсамъ. Изъ вышеписанныхъ же денегъ для дѣтей его, чтобъ имъ ѣздить по чюжимъ государствамъ для наукъ, въ Голландіи подъ дирекціею купцовъ Пельцовъ до десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, за которые получалъ по 3 процента.

А нынѣ, сколько я упомнить могу по чистой моей совѣсти и по присяжной должности объявлю, что сверхъ вышеписанныхъ десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ переведены въ Голландію чрезъ купцовъ Шифнера и Вульфа сто тысячъ слишкомъ гульденовъ голландскихъ, которые я намѣренъ былъ, когда будетъ вексель низокъ, сюда возвратить и когда вексель подымется, то въ ихъ паки перевести, чтобъ я могъ изъ той прибыли на мой расходъ довольствоваться, и оныя деньги изъ году въ годъ и прежде сего всегда переваживались. А болѣе вышеписанныхъ денегъ, какъ здѣсь, и въ чюжихъ государствахъ, и нигдѣ въ банкахъ и въ долгахъ не имѣетъ. А алмазныя и прочія вещи и серебро имѣется въ домѣ моемъ что есть, а въ другихъ домахъ ни у кого никакихъ вещей и серебра нѣтъ, и о томъ объявилъ истину. А ежели что вспомню, о томъ по чистой моей совѣсти, какъ предъ Богомъ и ея императорскимъ величествомъ, истину донесу. Да на нынѣшній 1741 годъ взялъ пансіонныя деньги пять тысячъ рублевъ и тѣ деньги отдалъ тѣмъ же купцамъ Шифнеру и Вульфу. А жалованья на нынѣшній годъ ни откуда изъ казны не получалъ, для того-что уповалъ онъ на отпускъ свой, котораго просилъ безотступно. Да ея жъ величество государыня императрица Анна Іоанновна пожаловала ему 5000 рублевъ, которые онъ подарилъ свояку своему князю Ивану Щербатову, со обязательствомъ такимъ, что ежели онъ, Щербатой, и жена его помрутъ бездѣтны, то тѣ деньги возвратить наслѣдникомъ его.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

	Напечатано:	*Читай:*
Стр. 60	для неня	для меня
« 148	какъ, кажется	какъ кажется
« 155	скоего полка	своего полка
« 304	министорству	министерству
« 337	200 червонцевъ	2000 червонцевъ
« 369	къ выше, приведеннымъ	къ выше приведеннымъ
« 386	а также потребную	а также — потребной
« —	безопасность	безопасности
« 433	встрѣтился тамъ	встрѣтился въ Сибири
« 462	впереди	впереди.
« 467	опредѣлита	опредѣлить
« 485	иначе	иначе,
« 489	второе несекретное,	второе, несекретное
« 517	вѣрояно	вѣроятно
« 520	Остерманавъ	Остермана въ
« 531	вскорененная	вкорененная
« 558	въ 1724 г.	въ 1727 г.
« 564	ключь	ключъ
« 574	приложивъ	приложилъ
« 576	пріѣзжалъ что	пріѣзжалъ, что

Цѣна 1 р. 75 к.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library

or to the

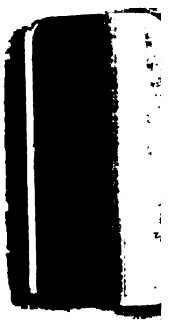
NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling (510) 642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
- Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

AUG 1 0 2004

SEP 1 3 2005

DD20 6M 9-03